Луи Буссенар

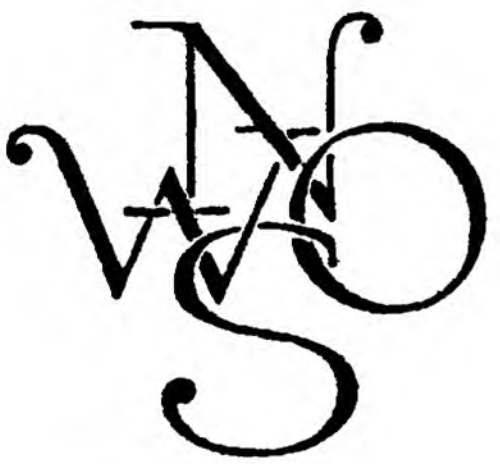
ОХОТНИКИ ЗА КАУЧУКОМ

Библиотека приключений продолжается...

Библиотека Прикл

ЧЕНИЙ
продолжается...

Scan Kreyder - 24.05.2015
STERLITAMAK



Библиотека ПРИКЛЮЧЕНИЙ продолжается...

Луи
БУССЕНАР

ОХОТНИКИ ЗА КАУЧУКОМ

МОСКВА
·ДИАМАНТ·
1993

ББК 84.4 Фр
Б 92

Печатается по изданию:

Л. Буссенар. Полное собрание романов,
Спб., П. П. Сойкин, 1911. (Прил. к журн.
«Природа и люди» за 1911 г.)

Перевод с французского

Иллюстрации О. ЯРУНИЧЕВА

Оформление серии
Е. СОКОЛОВА

Выпуск издания осуществлен
ПКФ «Печатное дело»

Б $\frac{4703010100-113}{6Ф8(03)-93}$

© Разработка серии,
состав, оформление
— ПКФ «Печатное дело», 1993
© Иллюстрации
— О. Яруничев, 1993

ISBN 5-7356-0006-0

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Людоеды

Глава I

— Что, клюет?

— Я чувствую, будто что-то дергает!

— Ну, и пора!

— Давай-ка посмотрим, что там такое на удочке!

— Осторожнее, Геркулес, осторожней, дружище!

— Я, видишь ли, становлюсь стар и ощущаю что-то странное... жуктое... когда вижу, что рыба клюнула... что она, наконец, взяла...

— Молчи, болтун! Ты думаешь, что говоришь шепотом, а сам ревешь, как рыжый ревун... Надзиратели могут услышать.

— Сегодня национальный праздник; они весь день пили и теперь, верно, храпят, как ленивая скотина!

— Да полно тебе! Будет! Подвяжи свой язык и будь наготове!

— Если бы загасить этот проклятый фонарь!..

— Ну, пожалуйста, без глупостей! Я в былое время поплатился двумя годами кандалов за такую штуку при попытке бежать при таких же обстоятельствах, как сегодня. Я, видишь ли, загасил фонарь... светильня стала чадить; товарищи пробудились из-за запаха и с перепуга,

боясь быть наказанными, наобум принялись кричать; прибежали надзиратели и изловили господина Луша! Фитиль меня подвел...

Шум лесы, выволакиваемой из воды и тянущейся по гладкой поверхности, прервал разговор, ведшийся приглушенным шепотом.

Человек, именуемый Геркулесом, продолжал тянуть лесу и методически наматывать ее по мере того, как она поддавалась его усилию. Трое остальных, присутствовавших при этой операции, смолкли и, несмотря на свое напускное хладнокровие, были полны тревоги, граничащей с ужасом.

Все они были в одинаковых блузах и брюках из грубого сурового холста, босые и в широкополых шляпах из грубой соломы; на шее у каждого висело по паре солдатских поршней (род кожаных лаптей, употребляемых в некоторых частях европейских войск), связанных веревочкой. Они стояли у крошечного квадратного окошка, прорезанного в темной стене, напоминающей стены карцера или тюремной камеры. Их бритые лица, осунувшиеся и странно бледные, с недобрым выражением, в котором, несмотря на тревогу и напряжение, все же виднелся неизгладимый след порока и преступления, эти лица при свете фонаря, подвешенного к потолку их мрачного помещения, казались еще более отвратительными и отталкивающими.

Но вот довольно сильное колебание почувствовалось во всем помещении, и среди ночи раздался целый ряд потрескиваний.

Четверо мужчин пригнулись, и один из них пробормотал:

— Наконец-то! Прилив!

Колебание, поскрипывание и потрескивание продолжались... Наконец, все тяжеловесное сооружение пришло во вращательное движение, медленно и как будто нехотя.

— Наш понтон уклоняется от волны, — продолжил тот же человек, — нельзя терять ни минуты!

Эта камера или карцер, где находились рыболовы, было не что иное, как батарея старого фрегата, превращенного в морскую плавучую тюрьму; окно, у которого они собрались, было люком, а низкий, давящий потолок — дэком, палубой старого военного судна.

Вдоль стены, противоположной той, у которой стояли рыболовы, висел бесконечный ряд коек-гамаков, укрепленных на двух длинных параллельных жердях. Начало и конец их тонули во мраке, и только те, что попадали в круг света фонаря, висевшего под потолком, были освещены слабым колеблющимся светом.

Освобожденные, наконец, на несколько часов от тяжелого, изнуряющего труда, составлявшего удел этих несчастных отверженных, они спали теперь, эти проклятые и забытые всеми люди, тяжелым, свинцовым сном, полным мучительных кошмаров, сном, наступающим после непосильного, каторжного труда.

Изнуренные и обессиленные поденной работой, ослабевшие вследствие томительного зноя беспощадного экваториального солнца, истощенные малокровием и болотными лихорадками, они отдыхали теперь, как загнанные звери, быть может, переживая во сне свою разбитую, изуродованную жизнь или дни их жалкого существования, чередующиеся без разнообразия, словно звенья бесконечной цепи, или же помышляя о бегстве, об избавлении от проклятой, постылой каторги.

Время от времени из груди кого-либо из спящих вырывался тяжелый стон или вздох, похожий на стон, — и он конвульсивно метался на своей койке, но его разбитые усталостью члены не находили себе желанного покоя, и самый сон для этих несчастных превращался в новую муку.

Проходила минута; и храпение целого хора голосов, прерванное на мгновение этим безотчетным стоном, снова раздавалось так же дружно, как раньше, до тех пор, пока другой стон не прерывал его снова на короткое мгновение.

Несмотря на то, что люки были открыты, пламя в фонаре как будто гасло вследствие удушливого воздуха, отравленного дыханием слишком большого количества людей, скученных в этом тесном помещении. Неописуемый запах логова хищных животных с примесью мускусного запаха дыхания кайманов и запаха козла наполнял батарею; это было и ужасно, и отвратительно в то же время.

Такова была обстановка внутреннего помещения старого понтона «Форель», стоявшего на якоре на рейде Кайены, в ночь на четырнадцатое июля.

Было одиннадцать часов ночи. Там, в стороне, город шумно ликовал, празднуя свой ежегодный праздник. Крики и песни доносились по воде даже и на рейде. Высоко взвивались кверху ракеты, прорезая огненными змеями мрак ночного неба. Раздавались ружейные выстрелы, и слышался монотонный глухой бой туземных барабанов, неизбежной принадлежности всякого местного увеселения.

Матросы со стационеров братались с морской пехотой и артиллерией, с экипажами купеческих судов, с рабочими и служащими различных учреждений. Все, от мала до велика, участвовали в этом празднике и хмелели в этой шумной, гуляющей толпе; только одно жилище отверженных по-прежнему оставалось мрачным и угрюмым и как бы всеми забытым.

Между тем Геркулес, продолжавший тянуть лесу все с большей осторожностью и осмотрительностью, вдруг почувствовал сопротивление.

— Все благополучно, попала на крючок! — радостно прошептал он товарищам.

В этот момент послышался глухой удар о наружную стенку понтона на уровне ватерлинии.

— Сдай! — приказал человек, называвшийся господином Лушем.

— Однако, — заметил Геркулес, — пора бы объясниться! Ты все дело задумал один, Луш, а мне тоже хочется знать, каким образом мы выберемся из этой проклятой старой скорлупы.

— Тс!

Глухой удар, как ни был он слаб, все же разбудил одного из спящих, проворного и легкого, как кошка, араба.

Он поднялся в своей койке, сразу увидел четырех товарищей у люка, моментально выскочил на палубу и очутился подле них.

— Ты задумал бежать?! — прошептал он Лушу.

— А тебе какое дело? — грубо отрезал тот.

— Я тоже хочу бежать с вами!

— С нами?! Нет места для тебя, сын мой! Я тебе не мешаю, отправляйся с другим транспортом, но у нас нет места!

— Я хочу с вами, не то я закричу и созову надзирателей.

— А, каналья! Ты хочешь выдать нас! Подожди же!..

И он решил броситься на араба, который уже раскрыл рот, чтобы крикнуть, но Геркулес опередил его, захватив единственной свободной рукой араба за горло с такой силой, что у того мгновенно глаза выкатились на лоб, а посиневший язык далеко высунулся вперед; глухо захрипев, араб как сноп повалился на пол.

— Теперь нельзя терять ни минуты! — прошептал Луш.

— На! — проговорил он, передавая Геркулесу проволочный канат, обмотанный у него вокруг пояса под блузой. — Укрепи это хорошенько на люке; по нему мы спустимся. Вот так... Брось канат наружу... Вылезай в люк и спускайся! Рыба, которую мы с тобой выудили, это пирога со всеми нагайями... Ну, вот так! Живо!.. Пусть остальные следуют за тобой... Я спущусь последним!

Не прошло и трех минут, как трое беглецов скрылись через люк, в который едва-едва проходили их головы и плечи.

Между тем араб, которого считали мертвым, стал приходить в себя.

— Ишь, скотина! — пробормотал сквозь зубы Луш. — А ведь я считал его выпотрошенным! Он сейчас закричит, всех поставит на ноги, и нас поймают. Хоть бы нож был под рукой, чтобы перепилить ему глотку!.. А... Я знаю, что делать!..

С этими словами он направился к своей койке и, порывшись в тряпках, составлявших его имущество, достал оттуда длинный медный гвоздь длиной в фут, вытащенный им когда-то из обшивки понтона, — гвоздь, который он с предусмотрительностью дикаря припрятал в своих вещах.

В два прыжка он очутился подле несчастного и, молча приставив гвоздь к его виску, изо всей силы вдавил его в голову.

Затем, чтобы убедиться, что на этот раз араб действительно мертв — а быть может, и из зверской жестокости, — он схватил обеими руками голову несчастного, точно мяч, и, оперев шляпку гвоздя в пол, надавил

на него голову мертвеца с такой силой, что конец гвоздя вышел насквозь. Несчастный не издал ни стона, ни звука.

Проворно подняв блузу жертвы, убийца увидел на нем кожаный пояс, отстегнул его и убедился, что в нем есть деньги.

— Одним ударом двух зайцев убил: и доносчика убрал, и деньги приобрел... А деньги на всем земном шаре находят себе применение! — пробормотал Луш и с невозмутимым хладнокровием вылез в люк, затем, ухватившись за канат, ловко и проворно спустился по нему.

Как убийство араба, так и бегство четверых каторжников совершилось с такой быстротой, что никто из спящих в батарее, а тем более из надзирателей, спавших в своих каморках под мостиком, ничего не слыхал.

Между тем беглецы, усевшись в небольшой пироге, схватили каждый по веслу и беззвучно поплыли по направлению к югу. Вскоре пирога подошла к берегу, образовавшемуся из мягких илистых наносов, поросших корнепусками. Не разжимая губ, каторжники проплыли вдоль берега около двух километров и, наконец, очутились близ устья уходившего на юго-восток широкого канала, обрамленного с обеих сторон рядом густых развесистых деревьев.

— Суши весла! — скомандовал Луш, стоявший на носу пироги. — Мы первые прибыли на условное место и теперь можем поговорить в ожидании тех, других... Дайте только причалить лодку!

— Да, да, поговорим, — сказал один из двоих беглецов, не произнесших до этого момента ни единого слова.

— Настало время поделиться с вами моим планом, чтобы те из нас, у которых размякнет душа, имели возможность вернуться в острог!

— Ни за что! — разом воскликнули все трое беглых.

— Ну, и прекрасно, тем более, что первый, вернувшийся туда, рискует быть не особенно радушно встречен там!

— Без глупостей!.. Или я слишком сильно сдавил тиски на шее араба? — осведомился Геркулес.

— Ну, араб! Тот уже никого не выдаст: он лежит на палубе с тринадцатидюймовым ершом, прогнанным сквозь голову.

— Черт с ним! Ты, видно, хочешь, чтобы нас повесили, в случае, если изловят!

— Полно, я приму вину на себя... за себя я всегда отвечаю сам! Да и не все ли равно, немного больше, немного меньше крови?! Ведь вам известно, что я приговорен к смерти, а затем еще за другое дельце к бессрочной каторге... кажется, лет на сто с лишним. Но все это не мешает мне чувствовать себя как нельзя лучше. Я всегда готов держать ответ за свои поступки и принять должное наказание, если нас поймают! Я подставлю голову господину палачу, а вы заработаете всего только два года кандалов. Но до этого еще дело не дошло, а потому поговорим серьезно о более существенном! Вчера, в полдень, вернувшись с работ, я встретил в порту Жан-Жана! Знаешь эту рослую скотину, неумытую рожу с Мартиники, нашего бывшего товарища, помилованного пять лет тому назад? Ты, Натариус, кажется, не знавал его, так как тогда еще не имел чести таскать за собой ядро, на утеху правительству...

— Продолжай! — прервал его человек, названный им иронически Нотариусом.

— Так вот, при виде его у меня явилась мысль заставить его помочь в давно задуманном мной плане побега. Из разговора с ним я узнал, что он служит матросом на «тануйе» (туземном голете), поддерживающем сообщение между Кайеной и рудниками Марони; что он должен остаться один на своем судне, тогда как его патрон и остальные служащие отправятся в город, на праздник, гулять. Это ему было не совсем по вкусу, как я видел, и он признался мне, что не задумался бы покинуть «тануйю», если бы у него в кармане был хоть один медный грош.

«Жан-Жан, — сказал я ему, — есть у меня одна завалявшаяся двадцатифранковая монета, и я готов отдать ее старому товарищу, но только при одном условии, а именно: ты сегодня вечером ровно в десять часов, ни раньше ни позже, явишься, рискуя получить пулю в лоб, чтобы привязать надежную лесу к обрывку веревки, который будет свешиваться из двенадцатого люка на штирборт »Форели". Леса эта должна быть достаточно длинна, чтобы ее хватило от «Форели» до твоего тануйя!

Привязав лесу, ты преспокойно вернешься к себе на судно, положишь в пирогу, на которой ты ездил, четыре нагайя, или весла, четыре фляги, четыре абордажных палаша и мешок маниоковой муки, а затем крепко привяжешь пирогу к лесе, конец которой остался у тебя. Понял?"

«Понял! — проговорил тот, лукаво подмигивая глазом. — Я согласен, но только с условием, что ты прихватишь с собой моего земляка Амелиуса!»

«Но ведь он в береговом остроге!» — сказал я.

«Мне дела нет! Устрой так, чтобы его предупредили».

«Ну ладно! Вот тебе червонец!» — сказал я.

— Вы все знаете, что Жан-Жан сдержал свое обещание, и Геркулес выудил на удочку пирогу, на которой мы находимся теперь.

— Да, но ты не сдержал своего обещания, так как его земляка Амелиуса или, как мы его называем, «Маленького Черныша» с нами нет.

— Потерпи немного, Нотариус, и ты увидишь, что черный каторжник всегда держит свое слово. Я всячески старался уведомить его сегодня в течение всего дня, и вот мне посчастливилось увидеть разгружающих лодку с привозным мясом Кривого, Мабуля, Шоколода и того долговязого араба, у которого изображена на виске синяя молния. Я поручил им передать Маленькому Чернышу о побеге, на что они согласились при условии, что и они присоединяться к нам.

«Как хотите! Это ваше дело», — отвечал я и назначил место встречи северный мыс «Обысканного залива», где с двенадцати ночи те, кто прибудет на место раньше, подождут остальных.

«Прекрасно! — заявил Кривой. — Все остальное я беру на себя. Вместо того чтобы возвращаться на ночь в каменный мешок, мы удерем на лодку и по каналу Лосса прямо в путь к »Обысканному заливу"!"

— Теперь вы видите, ягнятки, как обстоит дело! Пролог разыгран; теперь приступим к первому акту пьесы! — закончил свою речь Луш.

— Начали прекрасно, — проговорил Нотариус после минутного размышления, — но что же будет дальше? Там скоро узнают о нашем побеге и устроят на нами погоню; нас станут преследовать, как бешеных собак... нам придется бежать без оглядки через леса, кишащие

ядовитыми насекомыми, опасными гадами, хищными животными...

Громкий насмешливый взрыв хохота был ответом на этот перечень опасностей, ожидающих беглецов, и саркастический голос Луша возразил:

— И глуп же ты, Нотариус, для человека ученого!.. Правительство мало беспокоится о беглых каторжниках в этих краях: ему слишком хорошо известно, что нас всюду караулят бесчисленные препятствия, непреодолимые для дураков, конечно. Почти все, бежавшие с каторги, после целого ряда бед и невзгод, рады-радешеньки вернуться, издыхая от голода, изнуренные лихорадками, измученные и изнемогающие, и подставить свою лапу, чтобы ее заковали в тяжелую цепь с ядром в качестве брелока!

— Так, значит, я прав!

— А я тебе повторяю, что ты глуп! Ты забываешь, что эти несчастные не имеют чести состоять под командой господина Луша, красы и гордости всех гвианских каторжников, лукавца из лукавцев и хитреца из хитрецов, могу сказать не хвастаясь! Господин Луш все давным-давно обдумал; он ничего не сделал наобум, как бы это можно было подумать, судя по неожиданности и поспешности этого бегства. План у меня давно был выработан, но сегодня представился удобный случай — и я воспользовался им.

Шепот одобрения покрыл его последние слова.

— Вот видите ли, товарищи, — продолжал этот самохвал, — побеги редко удаются потому, что они или плохо задуманы, или слишком поспешно осуществлены, без необходимой предусмотрительности и осторожности. Ссыльные из Сен-Лорана, отрезанные от колонии Суринам Марони, попадаются в руки солдат-голландцев, которые тотчас же водворяют их на старое место: голландцы выдают беглых. Другие, пытающиеся добраться сухим путем до английской Гвианы, которая не выдает беглых каторжников, становятся жертвой тех ужасов, от которых у тебя волосы на голове встанут дыбом, мой бедный Нотариус. Но мы в Кайене, в тридцати лье по прямой линии от страны, которая — рай земной для всех, у кого есть какие-нибудь счеты с так называемым человеческим обществом. Страна, где нет ни губернаторов, ни консулов, ни каторги, где человек живет как вольная

птица, как дикий зверь, не признавая ни кар, ни закона, ни короля, ни совести; где он без труда может зарабатывать золото целыми пригоршнями и поступать, как ему вздумается, творя добро и зло, смотря по тому, как ему заблагорассудится!

— И страна эта называется? — осведомился Геркулес, слушавший разиня рот.

— Эта страна — спорная территория Гвианы, которая не принадлежит ни Франции, ни Бразилии... страна не меньше этой проклятой колонии, но несравненно плодороднее и, главное, здоровее ее!

— Но, вероятно, там уже есть поселенцы!

— Да еще какие богатые поселенцы!

— Превосходно! Так мы займем их места и будем иметь удовольствие водвориться в готовых гнездах!

— Ну, а что касается способов добраться туда?

— То это проще простого для таких людей, как мы, закаленных на тяжелой каторжной работе и не считающихся ни с какими предрассудками. Мы теперь всего в тридцати или тридцати пяти лье от этой территории, отделенной от нашей колонии Ойапокком. Ну пусть даже в сорока лье, если хотите; так и то всего каких-нибудь семь или восемь дней пути.

— Так, так... но как мы выберемся отсюда?

— Ну уж, конечно, не морем! Это было бы безумием: в этой пироге, почти без съестных припасов, без воды и вынужденные держаться как можно дальше от берегов, чтобы не завязнуть в иле. Я не трус, но у меня мороз побегает по коже всякий раз, как я только вспомню об ужасной смерти бедняги Жиро, прозванного «Губителем кошельков», ловкого и смышленого малого, которого живьем съели крабы, гнездящиеся под этими корнепусками! Вот что мы сделаем: как только сюда явятся остальные, мы в лодке проберемся ночью по «Обысканному заливу» до Мажури, там укроемся в течение дня; а скрыться там легко, как вам известно, в прибрежных зарослях; нас нельзя будет найти, как иголку в сене. Когда стемнеет, мы переправимся через Мажури и выйдем на дорогу в Аппруаг, ведущий до местечка Кав. Дорога эта скверная, избитая, каменистая; она идет по гребням гор, и на ней можно сломать шею. Но что поделаешь? Жители этой местности проходят весь наш путь в один день; ну а мы пройдем его в одну ночь. Дойдя до местечка Кав, мы

похитим лодку, спустимся каналом Кав до Аппруага, переправимся через реку и оставим за собой большую половину пути без особых затруднений.

Мы очутимся тогда в совершенно дикой стране — и нам придется идти прямо, направляясь по солнцу; здесь все предосторожности будут излишни; никто нас не увидит и не выдаст. Нам придется переправляться через реки и ручьи, проходить леса и равнины; но что все это для нас? Сущие пустяки! От Аппруага до Ойапокка нет и пятнадцати лье! Это всего каких-нибудь два дня пути. Очутившись по ту сторону Ойапокка, мы уже будем дома.

— Замолчишь ли ты, наконец! — раздался грубый голос среди мрака. — Только тебя одного здесь и слышно, господин Луш, ты один трещишь, как целая семья попугаев!

— Аа, это ты, Шоколад! Ну, слава Богу!

— Да, я с товарищами да еще и с дурными вестями!

— Готовься, товарищи! Тревога!

— За нами гонятся... На рейде два вооруженных судна. Большая китобойная шлюпка с арабами- гребцами нагоняет нас... Я не знаю, что с ними случилось, только эти проклятые арабы ревут, как бешеные «Аруа!.. Аруа!..»

— Тысячи громов! Хороши мы теперь!.. Очень тебе было нужно протыкать его!..

— А, пускай себе ревут! — все также невозмутимо отозвался Луш, — мы еще не в их лапах!

Глава II

Погоня. — Вероятные последствия убийства араба. — Под корнепусками. — Шесть часов в иле. —Поиски. —Страх. —Принудительное гостеприимство. — Решительные средства господина Луша. — Спасение сообщника. — На «Обысканном заливе». — Мажури. — От Ремира до Кав. — Пятьдесят километров в горах. — Жандармы «с большими саблями». — Голод. — Устрицы. — В виду Аппруага. — Плот. — На охоте. — Что означают слова: «скот на ногах»?

Действительно, как заявил беглый, прозванный Шоколадом, два поспешно вооруженных судна вышли в погоню за беглецами.

Арабы, найдя труп убитого товарища, принялись кричать и подняли переполох на понтоне, служившем плавучей тюрьмой.

Надзиратели не обеспокоились бы из-за простого побега при обычных условиях; но на этот раз, в виду важности преступления, тотчас же распорядились вооружить и снарядить два судна, чтобы без промедления предпринять самый деятельный розыск преступников. Гребцы, обыкновенно не старательные и не ретивые, когда дело идет о преследовании беглых товарищей, зачастую даже являющиеся их пассивными соучастниками, на этот раз, при виде трупа одного из своих, вдруг почувствовали, что кровь сильнее солидарности каторжан, и обратились в дышащих злобой и местью преследователей.

В одно мгновение шлюпки были спущены, и надсмотрщики, вооружившись с головы до ног, с глухими фонарями, снабженными сильными рефлекторами, заняли свои места.

Для всякого, кому знаком Кайенский рейд, было ясно, что беглецы, уносимые приливом, могли только направиться к берегу и следовать вдоль него на протяжении между каналом Лосса и «Обысканным заливом».

В этом направлении, обыкновенно, и производятся поиски беглецов. Проискав напрасно в продолжение чуть не часа во всех бухточках и заливчиках этой части берега и островков корнепусков, постепенно затопляемых приливом, представители власти и их подчиненные увидели, наконец, черный силуэт небольшой лодки, убегавшей изо всех сил.

Арабы тотчас же налегли на весла и со свирепыми криками «Аруа, аруа» погнались за ней; крики их далеко разносились по воде.

Еще более возбужденные, чем в начале погони, подзадориваемые мыслью задержать убийцу, они работали веслами с удвоенной силой и мало-помалу стали нагонять беглецов.

Всего каких-нибудь двести метров отделяли их от лодки, поравнявшейся теперь с устьем канала, заметного во время разлива только по деревьям, торчащим из воды, как вдруг лодка беглецов повернула и сразу скрылась в

непроницаемых зарослях корнепусков и всякой дикой растительности.

Беглые каторжники из берегового острога присоединились к поджидавшим их товарищам, бежавшим с «Форели», и сообщили им известия о погоне, грозившей погубить их смело задуманный план побега. Однако столп каторги, многоопытный преступник, известный под именем Луша, был человек чрезвычайно находчивый. У него сейчас же родился в голове новый план, правда, весьма опасный, но не заключавший в себе ничего страшного для людей такого закала, как все эти каторжники.

— Все в воду! — скомандовал он подавленным шепотом. — А ты, Шоколад, пусти плыть по течению лодку, пусть ее несет!..

— Но я не умею плавать, — застонал Нотариус.

— Ну, так оставайся в пироге, но, главное, не раскрывай клюва, не то я тебя переверну вместе с пирогой...

— Ну вот так! — продолжал Луш, когда беглецы, за исключением Нотариуса и его самого, очутились в воде. — Уцепитесь руками за борта пироги, держитесь крепко и плывите одними ногами, а я буду управлять вами и проведу в такое место, куда эти куроцапы не смогут за нами последовать.

Легкая пирога, послушно повинуясь рулевому веслу в искусных руках опытного каторжника, точно призрак, проскользнула в сеть переплетшихся и перепутавшихся корней и ветвей корнепусков и в несколько минут оказалась как бы поглощенной массой густой зелени.

Теперь, чтобы добраться до этих людей, нужна была счастливая случайность. Таким образом, собственная смелость, по крайней мере в настоящий момент, спасла их.

В это самое время с залива донеслись крики ярости и досады: арабы и надзиратели наткнулись на лодку, уносимую течением, — и каторжники явственно расслышали проклятия и угрозы одного из преследователей.

— Аа... Эти негодяи нырнули в воду, как кайманы, но завтра на рассвете мы оцепим весь берег, и ни один из них не уйдет. Если они не подохнут в этом иле, то пусть меня черт возьмет, если мы их не сцапаем в тот момент, когда они вздумают выбраться оттуда! Эй, вы, пово-

рачивай назад, на понтон! На сегодня покончим с этой погоней.

— Не шевелись никто! — прошипел чуть слышно, но внятно Луш. — Дудки, знаю я их: они будут сторожить нас здесь до отлива!

Прошел час, другой, но сила воли отверженных людей ни на одну секунду не изменила им — они остались неподвижны: одни, вскарабкавшись беззвучно в пирогу, другие, более сильные, уцепившись за корни и повиснув на них.

Прилив давно уже достиг своей полноты, и теперь вода начинала убывать. Там, где только что еще плескались короткие желтые волны, теперь выплывала отвратительная клоака, по которой проворно бегали бесчисленные маленькие крабы с голубоватыми спинками. Корнепуски точно вырастали из воды, вздымаясь на своих узорчатых пьедесталах из корней; все восемь беглецов очутились теперь на иле, подле своей севшей на мель пироги.

Близился рассвет. Цапли, фламинго и ибисы, почувствовав, быть может, близость человека, зашевелились.

— Ну, товарищи, за работу! — прошептал Луш, до этого времени не проронивший ни слова. — Возможно, что они обыщут всю отмель, хотя она и покрыта илом, но почва под ним твердая на глубине метра, и по ней можно свободно дойти до нас!

— Это верно, — подтвердил Шоколад, — по отмели пройти можно. Я это место знаю; я подбирал здесь водяных птиц, убитых охотниками, которые гостили на китобойной шлюпке в заливе!

— А этого необходимо избежать во что бы то ни стало, — продолжал Луш. — Надо скрыть под илом, в этом мягком студне, нашу пирогу, которую мы спустим на воду, как только стемнеет, а затем залезть самим по уши в эту вонючую тюрю, предварительно обмазав илом наши шляпы и лица, так чтобы можно было пройти мимо нас в двух шагах, не заметив. Смотри и ты, Маленький Черныш, измажь хорошенько свою черную рожу, а то она блестит, что полированный сапог! Кроме того, господинчики с нежной, чувствительной кожей, как у Нотариуса, этим самым предохранят себя от болезненных укусов насекомых и мошкары.

Тем временем разом рассвело, как это всегда бывает в экваториальных странах.

Благодаря ужасному преступлению, сопровождавшему побег, администрация острога приняла самые энергичные меры к розыску преступников. Весь многочисленный персонал острога, забрав имевшиеся на судах свободные шлюпки и заручившись содействием муниципальной полиции, принялся за дело.

Одни обыскивали во всех направлениях окрестности рейда, другие, пешие, обшаривали длинными баграми илистые отмели берегов, смело подвигаясь вперед по этой вязкой, размытой илистой почве, в которую они местами уходили по пояс. Поиски продолжались все утро, несмотря на то, что были сопряжены с серьезной опасностью и при том страшно утомительны.

Было истинным чудом, что беглецы до сего времени оставались не найденными, так как много раз эти охотники за людьми проходили так близко от них, что они слышали их шаги и голоса.

Запрятавшись по уши в зловонную тину, дрожа от страха за свою жизнь, мучимые голодом, иззябшие до костей от долгого пребывания в воде, продолжавшегося теперь без малого двенадцать часов, эти несчастные испытывали адские муки. Но вскоре их страхи должны были возрасти еще более: приближалось время прилива. Издали уже начинал доноситься шум прибоя, который должен был изгнать беглецов из их илистого убежища, как внезапный разлив и наводнение выгоняют из берлог и нор диких лесных зверей.

Правда, охотившиеся за ними люди тоже вынуждены были отступить, но они тем не менее оцепили весь берег как со стороны суши, отрезав всякий доступ с отмели, так и со стороны моря или, вернее, залива, так как люди, находившиеся в лодках, теперь, благодаря приливу, могли подойти гораздо ближе к самой зеленой чаще камышей, водорослей и корнепусков.

— Мне кажется, нас выкурят! — пробормотал угрюмо Шоколад, с трудом выбираясь из тины. — Придется пуститься вплавь, если не хочешь утонуть, стоя на месте; а как только мы поплывем, нас и сцапают, голубчиков!

— Не сразу! — отозвался Луш. — Пусть каждый из вас ухватится за корни как можно крепче, чтобы повиснуть

на них в первую минуту, когда подойдет первый вал, и при- том, не высовываясь слишком заметно из воды. Мы провели уже двенадцать часов в тине, теперь проведем еще столько же в воде... Ну, живо! Ведь другого выбора нет! Эх!.. Вот счастье-то привалило! Этого я никак не ожидал.

— Что такое?

— А вот там, видишь, на расстоянии не более ста метров впереди, в заливе между камышами, коричневая кровля... Это, наверное, рыболовная лодка Аннамита!

— Ну так что же?

— Молчи! Ставь пирогу так, чобы ее подняло волной, да не забудьте про абордажные палаши... Ну, а теперь за мной, ползком к заливу... к рыболовной лодке!..

И все семеро безобразно перемазанных илом и тиной каторжников, повинуясь команде своего предводителя, стали ползком продвигаться в указанном направлении. Но вот набежал первый вал прилива и в один момент накрыл их; они с отчаянием уцепились за корни, перевели дух и снова направились дальше.

— Эй, — заметил один из них, — нас всего семеро вместе с Лушем!

— Это Нотариуса не хватает! — отозвался последний. — Ну, тем хуже для него! Остальные вперед!

— Ах, вот он... Он ударился головой о корни; его оглушило, но я не хочу его оставлять здесь, беднягу! — сказал Шоколад, взваливая его себе на плечо.

Но вот набежал второй, затем третий вал; каторжники пустились уже вплавь и достигли края залива.

Луш не ошибся. Это действительно, была крытая шампанка с темно-коричневой крышей из листьев.

На носу стоял невозмутимо спокойный Аннамит, занятый починкой своих сетей.

Каторжник бесшумно нырнул у самой шампанки и затем, поднявшись на руках, поднес под самый нос азиата острие своего абордажного палаша.

— Ни звука, не то я тебя разом выпотрошу!

Человек, к которому были обращены эти слова, с недоумением обернулся и залепетал:

— За что ты хочешь убить меня, господин Луш?

— Заткни свою глотку! Нас здесь восемь человек беглых, спрячь нас в твоей скорлупе. Если надзиратели станут тебя спрашивать, не видал ли ты нас, ты скажешь, что

не видал. Если ты только одно слово лишнее проронишь или сделаешь какой-нибудь знак, то знай, что прежде, чем нас задержат, я заставлю тебя проглотить мой палаш по самую рукоятку... Понял?

Аннамит утвердительно кивнул головой. Вслед за Лушем и остальные беглецы один за другим взобрались на шампанку, все мокрые и облепленные тиной и илом. Шоколад тащил за собой бесчувственного Нотариуса, которого он не хотел бросать.

В один момент все они зарылись под сети, циновки и всякое тряпье, валявшееся под навесом плавучего жилища Аннамита среди груды рыболовных снастей и домашней утвари, — и рыбак стал продолжать чинку своих сетей, как ни в чем не бывало.

Весь этот маневр мог остаться незамеченным благодаря только положению шампанки, которая, так сказать, врезалась всем своим корпусом в небольшую бухточку залива.

Теперь беглецам нечего было более опасаться, кроме обыска на судне, но как они узнали впоследствии, судьбе было угодно, чтобы обыск на шампанке был произведен еще в самом начале, что именно с этого и началась охота за беглецами. Не найдя на крытой шампанке решительно ничего подозрительного, власти и их подчиненные не подумали даже, что беглые, умиравшие с голода, утоляли его теперь сырой рыбой из запасов Аннамита в то время, когда преследователи, измученные и усталые, возвращались на понтон с безуспешных поисков, считая разыскиваемых ими негодяев утонувшими.

Аннамит, также бывший ссыльный, переведенный теперь в разряд поселенцев с запретом покидать пределы колонии, не хотел да и не мог ни в чем отказать своим бывшим товарищам по каторге.

Луш приказал ему с наступлением ночи отвязать свою лодку и подняться по «Обысканному заливу» вплоть до устья Мажури, и он покорно повиновался, добыл весла для своих неожиданных пассажиров, и вскоре грузная и неповоротливая шампанка, под усилием нескольких пар дюжих рук, стала подвигаться, бесшумно скользя по тихим водам безлюдного канала.

За два с половиной часа они достигли устья Мажури, которое в сущности и представляет собой не что иное, как слияние Комтэ и Ораню.

Желая воспользоваться остающимися тремя с половиною часами прилива (так как в Гвиане навигация на большей части рек возможна только во время прилива), они поднялись не останавливаясь, вверх по реке, минуя батарею Трио, едва видную во мраке, и величественные холмы Ремир, где мирно жил в течение двадцати лет ссыльный Бимго-Вареннь. Беглецы так усиленно работали веслами, что им удалось достигнуть холмов Рура повыше залива Гавриила, против которого находится пристань Ступана.

Не имея возможности плыть дальше, так как уже наступил отлив, да и местность становилась слишком населенной, они пристали к правому берегу и высадились здесь, получив от Аннамита целый груз свежей рыбы, несколько пригоршней соли, несколько пригоршней муки и огниво.

Снабдив их всем этим, рыбак, без сомнения весьма довольный тем, что ему, наконец, удалось избавиться от своих опасных гостей, не медля ни минуты, пустился в обратный путь к «Обысканному заливу», пользуясь отливом.

Тем временем беглецы, не чувствуя себя в безопасности, несмотря на весьма значительное отдаление от острога, спешили укрыться в непроницаемой чаще кокосовых пальм, росших на берегу.

Приближался рассвет, и, как говорил Луш, надо было потихоньку убираться подальше от местечка Рура.

— Потому что, видите ли, голубки, здесь имеется не только судья, который тревожит меня не более прошлогодней сливы, но и жандармская бригада, внушающая мне полное уважение... Я, знаете, не особенно впечатлителен, но признаюсь, что вид белых шлемов и ботфортов жандармов «с большими саблями» совершенно парализует меня.

---

* *Жандармами «с большими саблями» туземцы именуют колониальных жандармов, отборных молодцов из числа корпуса жандармов Метрополии, являющихся грозой всех нарушителей порядка, в противоположность к «жандармам-козлятам», набираемым из негров и представляющим собой туземную полицию, не внушающую никому особого страха и уважения к себе и, как выражаются шутники, пригодную лишь для того, чтобы загонять заблудшую скотину, особенно козлят.*

— Ты прав, — проговорил Красный, — я того мнения, что страх перед жандармами есть начало всякой мудрости!

— Мудрости невольной, между нами говоря! Но будь спокоен, мы наверстаем впоследствии наше вынужденное уважение к хижинам местных негров, которые так приятно было бы пограбить!

В виду этих соображений беглецы с удвоенной осторожностью обошли деревню, все время скрываясь в чаще леса, и достигли, наконец, первой возвышенности, образующей горный хребет, отделяющий селение Рура от Кав.

Этот обходной маневр на время отклонил совершенно всякую видимую опасность. Они с трудом взобрались в гору по узкой каменистой тропе, круто ведущей вверх между двумя стенами громадных деревьев, образующих над их головами непроницаемый для света зеленый свод. Здесь нет надобности опасаться встреч, так как редко кто из людей отважится проникнуть в такие глухие места.

Пользуясь этим одиночеством и безлюдьем, беглецы, несмотря на страшное утомление, продолжали идти, не останавливаясь, в продолжение почти всего дня и оставили за собой к вечеру чуть ли не все пятьдесят километров, которые, по их расчету, составляли все расстояние между двумя селениями или местечками. Усталые, изможденные и голодные, не имея ничего, кроме жалких остатков уже испортившейся от жары рыбы и нескольких щепоток крупы, они растянулись, как загнанные дикие звери, на берегу реки Кав и заснули тяжелым, мертвым сном.

Но поутру голод взял верх над утомлением и разбудил их еще до рассвета. Они перешли вброд реку, довольно мелкую в этом месте, обошли селение и продолжали идти вдоль канала, тянущегося на протяжении двадцати километров вплоть до того места, где он упирается в Аппруаг. Здесь им предстояло по возможности благополучно переправиться через эту реку.

Но как ни велика была сила воли и выносливость этих людей, пятеро из них оказались совершенно не в состоянии двигаться дальше.

Кроме того, терзавший беглецов голод лишал их всякого подъема. Они были близки к тому, чтобы начать

сожалеть об остроге и страшных, изнурительных работах каторги. Луш, бывший намного старше своих товарищей, сохранял по-прежнему и бодрость духа, и светлый ум, и непреклонную волю, но и его бренное тело было совершенно разбито.

Только Геркулес и Шоколад еще не израсходовали своих сил. Правда, это были настоящие колоссы, сшитые из мускулов, точно слитые из стали, словом, самые выразительные представители человеческого механизма во всей его силе и красе. В то время, как Нотариус хныкал, подобно капризному ребенку, и говорил о том, что хочет отдаться в руки властей в Каве, а другие как будто безмолвно одобряли его, Луш снарядил двоих гигантов в поиски за гвианскими устрицами, которые часто встречаются тысячами на корнях корнепусков.

Действительно, немного спустя они возвратились с колоссальными запасами этих устриц в своих блузах, превращенных в торбы громадных размеров.

Несчастные набросились на эту снедь с невероятной жадностью: в данном случае количество возмещало качество — и в конце концов, как ни мало питательны эти моллюски, все же они утолили мучительный голод беглецов и возвратили им бодрость и надежду, если не силы.

Так как, минуя Кав, не было никакой возможности украсть какую-нибудь лодку или челн, а переправиться через Аппруаг было необходимо как можно скорее, то Геркулес и Шоколад, всегда неутомимые, отправились на поиски подходящих для сооружения плота материалов.

Совершенно случайно они наткнулись на место, где росли в громадном количестве полые деревья с гладкой белой корой, прозванные гвианцами «Пушечными деревьями», и тотчас же принялись усердно рубить их своими палашами.

Тут же неподалеку росли густые заросли бамбука, из молодых побегов которого можно сделать связки.

В довершение благ «аи» или тихоход, поглощенный своим любимым занятием грызть кору и объедать листья деревьев, упал на землю вместе с деревом, с которым он не захотел расстаться. Одним ударом палаша животное было убито и, к превеликой радости беглецов, тут же разделено между ними по-братски и съедено сырым в несколько минут.

После трехчасового неустанного труда плот, собранный кое-как, был готов. На него поместили слабосильного Нотариуса и Луша с немудрым веслом; остальные, держась за плот, переправились вплавь. Луш направлял плот так, чтобы возможно сократить переправу.

Местность здесь совершенно безлюдная и плот, слегка сносимый течением, все-таки благополучно пристал к противоположному берегу.

— Ну, а теперь, детки, — весело крикнул Луш, — нам нельзя попусту терять времени. Самое трудное уже сделано, и теперь успех задуманного плана обеспечен... Но прежде всего надо немедля разобрать этот плот, сослуживший нам добрую службу, но присутствие которого может выдать нас! Разобрав его, пустим стволы вниз по течению, вода все унесет!.. Ну, вот так, прекрасно! Теперь ты, Маленький Черныш, разденешься догола, как наш прародитель до грехопадения, но из уважения к твоей стыдливости я, в виде снисхождения, могу разрешить тебе выкроить из твоих холщовых шаровар подобие калимбэ (опоясание у негров Гвианы). В таком наряде, если кто и встретит тебя, то примет за одного из местных жителей, но никто в этом маленьком черномазом не узнает беглого каторжника! Без дела не подходи к жилью, а только в тех случаях, когда можешь рассчитывать стянуть что-нибудь, козленка, поросенка, курицу... или бычка, только смотри, не попадись! Ты, Мабуль, отправишься с Шоколадом и постараешься набрать каких-нибудь съедобных плодов или убить какую-нибудь дичь! Кривой и Красный дождутся отлива и затем пойдут собирать устриц, когда спадет вода. Геркулес останется со мной и с Нотариусом, который будет глядеть на нас и жиреть! Ну, а теперь рысью марш, херувимы мои, и смотрите — не возвращайтесь с пустыми руками, а то мы все скоро проголодаемся. Что же касается тебя, Геркулес, толстая рожа, то отойдем немного в сторону; я должен сказать тебе кое-что!

— Ну чего ты от меня хочешь? С чего ты вздумал оставить меня здесь, сложа руки, когда все остальные за работой?

— Оттого, что ты лучший из всех их: мало того, ты — мой единственный друг, ты один, на которого я могу положиться и которому я доверяю! Мабуль — скотина,

Маленький Черныш — простодушный негр. Кривой и Красный сделают всегда все, что мы захотим... но Шоколаду я не доверяю.

— Он — убийца, но он никогда не подличал!

— Я его недолюбливаю, тем более что он в качестве убийцы корчит аристократа по отношению к простым мошенникам. Так я хотел сказать тебе, чтобы ты мне вполне доверялся и во всем слушался меня, и ты увидишь, что мы с тобой славно заживем и будем есть всласть.

— Неужели?

— Вот увидишь. Я уж сумею найти в надлежащее время сорок кило мяса, без особых хлопот... так что будем сыты по горло.

— Как так?

— А ты потерпи! — сказал Луш, странно улыбаясь и искоса поглядывая на спящего Нотариуса. — Я веду за собой «скот на ногах», надо его только покормить до поры до времени, пока он не понадобится нам, а в случае нужды он будет у нас всегда под рукой!..

Глава III

Ссыльные в Гвиане. — Портрет и биография одного негодяя. — Попытка бегства. — Кандалы. — Преступник, присужденный к бессрочной каторге, затем к смерти и которому удается заставить приговорить себя еще к ста годам каторжных работ. — Геркулес. — Кривой и Красный. — Нотариус. — Араб и уроженец Мартиники. — Проступки, заслуживающие участия. — Гнев. — Ненависть. — Красота и бесплодность экваториальной природы. — Предрассудки. — Капуста и вместе с тем не капуста. — Мазилка. — Потеряны. — Вернулись. — Свежее мясо. — Грубая басня. — Каторжник-людоед.

Вследствие той роли, какую беглые каторжники с плавучего острога Кайены будут играть в этом рассказе, необходимо набросать хотя бы в общих чертах их портреты, как внешние, так и биографические.

Прежде всего нужно сказать, что вопреки упорно держащемуся еще и по сие время мнению, ссыльные евро-

пейского происхождения в Гвиане представляют собой весьма незначительное меньшинство. Их насчитывается не более двухсот человек во всех острогах этой колонии; они исполняют обязанности мастеровых, специально присылаемых сюда с тем, чтобы продолжать работать в области своей профессии. Все же остальные преступники метрополии ссылаются в остроги и тюрьмы Новой Каледонии.

Гвиана предназначена почти исключительно для ссылки арабов, уолоферов из Сенегала, чернокожих и иных представителей цветных рас с Мартиники, Гваделупы, азиатов-кули из французских владений в Индии и аннамитов из Кохинхины, не высланных на остров Нуло-Кондор. В общей сложности всего около трех тысяч шестисот человек.

Таким образом, становится понятно, почему из шести человек бежавших белых пять были ремесленники, а один — работавший по письменной части и сосланный на понтон за дурное поведение. «Господин» Луш, как товарищи не переставали его называть с самого дня его прибытия на каторгу, являлся одним изстарожилов правительственных тюрем и острогов, одним из могикан каторги. Ему сейчас было пятьдесят два года, но тяжелые каторжные работы способствовали тому, что он казался более дряхлым и ветхим, чем был на самом деле. Это был чрезвычайно живой, суетливый, маленький, худенький старичок, проворный и находчивый, с черными с густой проседью волосами, узким, заостренным лицом, с хитрым выражением ласковой лисички и парой чрезвычайно светлых, ясных, серо-зеленых глаз, зрачки которых испещрены желтыми пятнами цвета ржавчины. В общем, лицо его было скорее отталкивающее, а глаза носили странно-жестокое выражение.

Будучи первоначально слесарем по ремеслу, он променял свое занятие на роль «Петрушки» в труппе странствующих фигляров, где и познакомился с Мартэном, по прозвищу «Геркулес», бывшим плотником, превратившимся волею судеб в борца, благодаря своей необычайной силе и воловьей шее.

Но так как их новое ремесло, богатое разными невзгодами, не доставило им тех доходов и той прибыли, каких они ожидали, то они задумали заняться эксплуа-

тацией общественного имущества, после того как им не удалось в желанной мере эксплуатировать общественное любопытство. Они превратились в смелых грабителей и принялись действовать сразу на широкую ногу, грабя магазины и богатые квартиры, чему немало способствовали старые познания и лукавый ум Луша. Новая работа в первое время оказалась чрезвычайно удачной и прибыльной, и приятели изведали в эти дни много радостей жизни: и денег, и вина у них было вволю. Но так как ничто в мире не бывает вечно, то этот дружественный союз вскоре был расторгнут судом, приговорившим Луша и его alter ego Мартэна к двадцати годам каторжных работ за кражу со взломом и покушение на убийство.

Дело в том, что у колосса Мартэна была такая тяжелая рука, что он едва было не задушил одну из своих жертв, осмелившуюся защищать от него свое имущество.

Обоих сообщников сослали одновременно в Кайену, где они принуждены были вернуться каждый к своему первоначальному ремеслу, слесаря и плотника, на пользу правительству. Но Луш вместо того, чтобы терпеливо нести свое наказание, вздумал упорствовать, вздумал противиться властям, которые, однако, усмиряли и не таких, как он.

Прежде всего он пытался организовать бунт среди ссыльнокаторжных, и за эту попытку был приговорен военным судом еще к двадцати годам каторги. Но он продолжал упорствовать и пытался бежать. Попытка эта потерпела неудачу, и, в виде исключения, он бы приговорен на два года к ядру. Эти два года он прожил сравнительно спокойно, повсюду волоча за собой чугунную безделушку, которая при малейшем неловком движении била его по ногам. Но год спустя он имел неосторожность смертельно ранить одного из надзирателей, который поймал его с поличным в воровстве.

Воровство на каторге карается чрезвычайно строго. На этот раз Луш был приговорен к смерной казни и пережил весь ужас положения человека, который, пробуждаясь поутру, каждый раз спрашивает себя: не сегодня ли? Но смертную казнь ему заменили бессрочной каторгой, и после того он довольно долго вел себя смирно. Перспектива повенчаться с «вечной вдовой», как игриво называют каторжане смерть, как будто несколько

усмирила этого неугомонного человека. Однако вскоре он опять принялся за воровство, снова пытался бежать и вновь судился три раза военным судом, который каждый раз приговаривал его еще к двадцати годам каторги.

Так как никакого иного наказания со времени уничтожения телесного наказания для ссыльнокаторжных не существует, то хоть ради формы судьям приходится выносить какой-нибудь приговор.

Таким образом, Луш был приговорен к смерной казни с заменой ее бессрочной каторгой, и затем еще в общей сложности к ста десяти годам каторжных работ, как это ни смешно на первый взгляд. Нет надобности добавлять, в довершение этого биографического очерка, вполне достоверного и списанного с натуры, что этот негодяй обладал всеми свойствами и пороками самых закоренелых преступников. Впрочем, читатель уже имел случай видеть его за делом.

Мартэн, прозванный Геркулесом, был полной его противоположностью. Это было настоящее животное, с огромными членами, чудовищным торсом и крошечной головой с низким, точно придавленным лбом, с неподвижными, точно рыбьими глазами и непомерно развитыми челюстями. Геркулес бесхитростно сознавался, что рассуждения — не по его части и скромно довольствовался ролью послушного орудия в руках Луша, который служил мыслью этого громадного механизма. Каторжные работы не подорвали сил этого колосса, который, подобно гиппопотаму, не чувствовал на себе тяжести своих сорока лет.

Моро, прозванный Красным, благодаря цвету своих волос, молодой горожанин, бывший рабочий механической мастерской, был «явной гадиной», как говорил про него Луш, знаток по этой части. Этот сравнительно молодой еще парень, всего двадцати пяти лет от роду, был приговорен к бессрочной каторге за убийство в одном из парижских предместий.

Худой, тощий, бледный, с темными кругами под глазами, весь испещренный веснушками, маленький, хрупкий, но сильный и проворный, с неблагородным выражением лица, дышащего низкими пороками, с красными мигающими глазами и воспаленными, припухлыми веками, окруженными почти белыми ресницами,

он оставлял неизгладимое впечатление у каждого, с кем встречался. Это было типичное лицо негодяя и преступника.

Дитя той же улицы, вспоенный из того же ручья, Равено, прозванный Кривым, был тот же Моро, только не рыжый, а брюнет. Ему всего двадцать два года; четыре года тому назад он был осужден на каторгу за убийство виноторговца близ заставы Фонтенбло; а до того он был рабочим в каменоломне.

Человек, прозванный Нотариусом, принадлежал к хорошей приличной семье в Анжу. Это был рослый белокурый детина с бесцветной, расплывчатой физиономией, которого за дурное поведение прогнали с занимаемой им должности в конторе нотариуса, где он имел письменные работы. Мягкий, слабовольный и разнузданный по природе, без малейшей личной инициативы, он был способен на все, что угодно, особенно на все дурное, поддаваясь любому влиянию. Сослан он был на десять лет за подлог, и так как ему было всего двадцать четыре года, то могло показаться удивительным, почему он рискнул на побег, вместо того чтобы терпеливо и спокойно отбыть свой срок наказания, то есть оставшиеся ему семь лет.

Время идет незаметно даже и на каторге, а молодость всегда полна надежд.

Все это так, но статья французского закона гласит, что всякий приговоренный к каторжным работам на срок не менее восьми лет по истечении срока наказания обязан пробыть безвыездно в качестве поселенца еще столько же лет в пределах колонии; при этом, если виновный приговорен к восьми годам и выше каторжных работ, то обязан пожизненно оставаться поселенцем в этой колонии.

И вот у Нотариуса не хватило мужества на это пожизненное изгнание, которое должно было последовать за наказанием.

Амелиус, или Маленький Черныш, как его называл Луш, в память того, как называют в Париже продаваемые по утрам в сливочных чашки черного кофе, в сущности, был рослый и красивый метис с Мартиники, так называемый «кабр», помесь мулата и негритянки. Раньше он был рабочим на сахарной плантации, а затем был осуж-

ден за поджог, из мести, того рафинадного завода, на котором он работал, на двенадцать лет каторжных работ.

Способный на благородные порывы и побуждения, но поддающийся временами бешеной злобе, мстительный и решительный, он представлял собой сочетание контрастов и обладал пороками и достоинствами обеих рас в равной степени.

Абдул-бен-Мурад, прозванный Мабуль, был приговорен к двадцати годам каторги во время Алжирского восстания в 1871 году и, конечно, попал бы под амнистию наравне с другими своими соотечественниками, если бы за несколько месяцев до того не убил одного из своих товарищей. Это был человек лет тридцати пяти, высокий, сухой, мускулистый, молчаливый, мрачный и фанатически преданный своей мусульманской религии.

Он него тщательно скрыли убийство араба Лушем в первый момент бегства, так как, хотя сам он убил одного из своих братьев мусульман, но, наверное, не задумался бы в свою очередь убить каждого «руми», то есть «неверного», который осмелился поднять руку на одного из сынов Пророка.

В заключение скажем еще пару слов о Винкельмане, прозванном Шоколадом, плотнике и столяре по ремеслу, приговоренном в 1869 году к двадцати годам каторги за убийство своей жены ударом топора.

Конечно, этот Винкельман был преступник, но его никак не следует смешивать с остальными негодяями и злодеями, в обществе которых он отбывал свое наказание.

Если посмотреть на этого великана, ростом без малого двух метров, с кротким и печальным взглядом больших голубых глаз, с лицом спокойным, почти добродушным, то трудно поверить, что временами им овладевало дикое бешенство, совершенно лишавшее его рассудка и превращавшее в дикого зверя. Во время одного из таких приступов бешенства, с которым он не в силах был совладать, он и совершил упомянутое преступление.

Присяжные признали смягчающие вину обстоятельства, но суд, произнесший над ним приговор, оказался на этот раз непомерно строгим. Несчастный заслуживал

тем более снисхождения, что поведение его всегда было безупречно до этого рокового момента, честность его была всем известна, и трудолюбие — беспримерно.

Весьма возможно, что, вмешайся в разбор этого дела добросовестный врач-психиатр, он сумел бы доказать невменяемость обвиняемого, но видно судьбе было угодно, чтобы этого не случилось.

Сосланный в Кайену Винкельман сносил с покорностью свою участь и все время отличался образцовым поведением, безупречной дисциплиной и трезвостью.

Он положительно являлся светлым пятном среди всех этих негодяев, с которыми ему приходилось жить, и те вскоре возненавидели его тем сильнее, что его поведение являлось как бы постоянным немым упреком им, их образу жизни, их поведению и их речам. Но это нимало не смущало его.

Сложенный, как древние гладиаторы, смелый, как лев, ловкий, гибкий и проворный, как тигр, он сумел внушить этим отверженным то уважение, какое всегда внушает большая физическая сила.

Но это не обошлось без борьбы. В Кайене по сей час еще говорят о необычайном подвиге этого силача, которым он спас себе жизнь.

Спустя всего несколько месяцев по прибытии в колонию ссыльных, он вырвал из рук одного добровольного палача каторги несчастного, над которым тот немилосердно издевался, сделав его своим козлом отпущения.

Мучитель этого несчастного, настоящий колосс, видя, что у него отняли его жертву, накинулся на того, кто осмелился выступить на защиту обиженного, и полагал, что ему легко будет справиться с ним. Но Винкельман, схватив его поперек туловища, точно сноп, положил его на обе лопатки, перевернул и тотчас же в присутствии всех товарищей подверг тому унизительному наказанию, которое в просторечии называется поркой. Эта порка вызвала всеобщий одобрительный смех присутствующих, которые теперь разом оказались на его стороне.

В заключение Винкельман сказал своим обычным, спокойным голосом:

— Помни, что каждый раз, когда ты посмеешь его тронуть, тебе будет от меня такая же порка! Не забудь этого!

Тогда тот решил ему отомстить. В ту пору каторжане разгружали суда со строевым лесом, доставленным из девственных лесов; бревна этого леса весят не легче камня и почти не уступают ему в прочности.

Четверо ссыльных несли на своих плечах бревно, весившее около пятисот килограммов. На одном конце бревна находился ссыльный, так жестоко выпоротый Винкельманом, а последний поддерживал середину бревна, тогда как двое других находились один впереди него, другой позади.

Негодяй заранее подучил их, что в тот момент, когда он кашлянет, сделать вид, будто они споткнулись, и пригнуться таким образом, чтобы бревно всею своею тяжестью легло на одного Винкельмана.

Первая часть этого плана была выполнена тремя негодяями в точности по уговору, но, к неописанному удивлению всех троих предателей, человек, которого они ожидали увидеть раздавленным под тяжестью бревна, только поднатужился, изогнулся половчее и, как стальной подъемный кран, не останавливаясь, донес один страшную тяжесть все двадцать шагов до места складки. Когда другие товарищи подоспели к нему, чтобы помочь скатить с себя бревно, он презрительно обернулся к своему недругу и только сказал ему:

— Попробуй-ка ты сделать то же самое!

В этом заключалось все его мщение. С тех пор никто уже не смел затрагивать его или вообще беспокоить его чем бы то ни было. Ему предоставили жить, как угодно, и перестали даже находить странным, что он не принимал участия ни в попойках, ни картежничестве, ни в ругани и в более чем двусмысленных рассказах. Мало того, каторжники даже как будто стали питать к нему уважение, если только люди этого сорта вообще способны на подобное чувство; но оно было вызвано в них одним его поступком, который узнался впоследствии, как вообще узнается все на каторге.

Один из надзирателей, желая знать все, что делается среди ссыльнокаторжных, предложил Винкельману, за известные льготы и поощрения, служить ему шпионом. Это предложение возмутило его до глубины души. Сначала вся кровь бросилась ему в лицо, затем разом отхлы-

нула к сердцу, и, сжав до боли обеими руками свою грудь, он простонал глухим, сдавленным голосом:

— Чтобы я... стал шпионом... сыщиком... нет, нет, уходите скорей, не то я убью вас... Я за себя не ручаюсь!

Надзиратель оказался человек хороший, он понял возмущение Винкельмана и на другой день, призвав его к себе, извинился перед ним за вчерашнее предложение.

Вскоре после того Винкельман был назначен в колонию Сен-Лоран-дю-Марони, в качестве искателя ценных деревьев. Эта командировка — очень желанная для всех ссыльных, так как дает возможность пользоваться относительной свободой, в том смысле, что каторжанину приходится обследовать громадные участки лесов, отыскивая пригодные для эксплуатации деревья.

Винкельман давно уже лелеял втайне надежду вернуть себе свободу, и на этот раз случай казался ему благоприятным, так как голландская Гвиана была близко. Он переправился через Марони на плоту и достиг ближайшей колонии.

Но здесь его вскоре задержали голландские солдаты с поста Альбина и водворили обратно в его острог, в силу существующего между двумя правительствами соглашения о выдаче беглецов.

— Бедняга! — невольно воскликнул старший смотритель, увидев вновь перед собой Винкельмама. — Тебе положительно не везет! И подумать только, что мне придется заковать тебя в цепи на два года!

Но спустя шесть месяцев Винкельман был освобожден от этого наказания губернатором за то, что спас жизнь тонувшему пехотному солдату.

Однако не прошло года, как он вторично пытался бежать и снова был задержан и опять предстáл перед военным судом, который приговорил его опять к тому же наказанию.

Он снова был водворен в Кайену, и губернатор, к которому члены совета обратились с ходатайством о помиловании виновного, приказал привести его к себе.

— Дайте мне слово, что вы не будете пытаться бежать, и я тотчас же прикажу снять с вас цепи!

— Не могу я дать вам этого слова, господин губернатор, слово должно быть свято, а это обещание, быть может, и не под силу мне! — отвечал Винкельман.

Тем не менее главнокомандующий Гвианы помиловал его и освободил от наложенного на него наказания. Из чувства ли признательности за это великодушие властей по отношению к нему, или же за отсутствием благоприятных случаев, неизвестно, но только в продолжение целых восьми лет каторжник не возобновлял своих попыток бежать.

В начале этого рассказа мы видели, при каких условиях в нем вновь пробудилась жажда воли и свободы с еще большей силой, чем прежде.

Винкельман и араб, отправленные Лушем за плодами, долгое время бродили по лесу, не встречая ничего пригодного в пищу человеку.

Люди вообще охотно воображают, что громадные девственные леса экваториальных стран, где растительность так величественна и так роскошна, изобилуют плодами и ягодами в диком состоянии; что они кишат всякой дичью, что, словом, человек, очутившийся волею судеб в этих лесах, может в продолжение известного времени, если не утопать в излишестве, то, во всяком случае, не испытывать недостатка в пищевых продуктах. Но это — большая ошибка.

Одинокий человек находится среди девственного леса совершенно в таком же положении, как потерпевший крушение — на плоту среди океана. Плодовые деревья экваториальных стран, о которых так много говорят, в сущности нисколько и ни в чем не превосходят наши плоды, плоды и фрукты умеренной зоны, и никогда не произрастают так, сами собой, в чащах девственных лесов. За исключением лишь весьма редких случаев, эти великолепные деревья, величественные гиганты и могиканы лесов, дающих превосходнейший строевой и корабельный материал, самые ценные мебельные деревья, — не бесплодны, но плоды их совершенно не пригодны в пищу человеку.

Можно считать, пожалуй, съедобными некоторые виды ягод, в большинстве случаев недоступных, так как они растут на недосягаемой высоте и, добытые с громадным риском, едва ли пригодны для утоления самого жестокого голода, но отнюдь не для того, чтобы полакомиться ими.

Таковы плоды мамбина, дикого санотильника, желуди или орешки балата, плод жестолистника, канарника, катука и душистого кедренника и другие.

Еще плоды ягодного лавра, гуявника, манго или мягколодника, а главным образом, хлебного дерева и бананы могут считаться серьезно съедобными плодами, хотя они, собственно, не южно-американского происхождения; они давно были ввезены сюда и натурализовались, но требуют известного ухода и культуры, чтобы давать съедобные плоды.

Они должны быть насаждаемы рукой человеческой, и если встречаются иногда в диком состоянии, то только на заглохших вырубленных местах, где вскоре гибнут от громадного количества растений-паразитов.

Таким образом, даже кочевой индеец, несмотря на его неимоверную лень, все-таки обзаводится небольшим участком выкорчеванной земли, где свет, и снимает игнам, пататы и, главным образом, маниок, являющийся главной основой его питания и первым оплотом голода. А если он охотится, чтобы дополнить и разнообразить свою пищу, то не в девственных лесах, а где-нибудь по течению рек и вблизи озер, где в изобилии встречается и рыба, и дичь. Кроме того, там, где индеец с его изумительной выдержкой и знанием природы первобытного человека умеет разыскать и выследить зверя, цивилизованный человек никогда не нападет на его след и всегда вернется с пустыми руками.

Встретить черепаху будет уже великой находкой; что же касается птиц, хокко, туканов, агами, куропаток и других, то о них и думать нечего, если, кроме превосходного оружия, нет еще и основательного знания всех приемов этих чрезвычайно трудных охот; точно так же трудно ему найти и оленей, коз, кариаку, пекари, агути или простых тату или армадилов: эти звери также не находят себе пропитания в девственных лесах, а обыкновенно держатся вблизи больших прогалин, саванн или рек, где растительность видоизменяется от отсутствия гигантских деревьев.

Вот почему наши двое посланных, поискав и насобирав кое-каких жалких, едва съедобных ягод и вдоволь надсадив спину в поисках очень неприглядных на вид, но чрезвычайно вкусных гуан (ящериц), невольно

вскрикнули от радости при виде средней величины пальмы со стройным стволом.

— Аа, вот патаца! — воскликнул Шоколад, — теперь мы покушаем капустки... Теперь с голода не умрем! — и, не долго думая, он принялся рубить своим палашом ствол односеменодольного, плотные и крепкие волокна которого не поддавались даже острому клинку.

Между тем как бедняга с нечеловеческим усилием рубил ствол пальмы, скажем несколько слов относительно этой съедобной части ее, называемой почему-то нашими натуралистами «пальмовой капустой» и описанной ими так, что у людей слюнки текут, когда они читают о ней. Но в сущности, это вовсе не так, и слово «капуста», которым называют верхние побеги арековой пальмы, марины или натауа, как нельзя менее соответствует внешнему виду этого побега.

Представьте себе желтоватую, цвета слоновой кости массу, обладающую плотностью свежего миндаля, имеющую цилиндрическую форму, толщиною с предплечье человеческой руки, и достигающую длины одного метра и более; этот мясистый цилиндр заключен в оболочку из листьев, венчающих вершину пальмы.

Трудно себе представить что-нибудь менее похожее на капусту, чем это странное вещество, состоящее из коротких волокон, хрустящее, почти совершенно безвкусное, которым, конечно, можно наполнить желудок голодающего, но совсем не лакомиться.

Как бы то ни было, не имея ничего другого под рукою, наши искатели плодов сделали честь этому угощению, добыть которое было так неимоверно трудно. К довершению беды, когда они вздумали вернуться в лагерь, то оказалось, что сбились с пути, но так как провести ночь одним в лесу не представлялось для них чем-то особенно ужасным, то они легко примирились с этим обстоятельством, и, расположившись на ложе из обрубленных Шоколадом листьев пальмы, оба заснули крепким сном.

На другое утро, как только рассвело, старый искатель деревьев, которому только наступление ночи помешало разобраться в пути, очень скоро напал на свой след, и, немного сконфуженные, Шоколад и араб вернулись в лагерь, как охотники с неудачной охоты, опасаясь, чтобы их

неудача не отразилась на общем состоянии припасов маленького отряда.

Но, против своего ожидания, они застали лагерь в самом радостном настроении и, — неужели это только воображение? — им показалось, что они слышат вкусный запах жареного мяса, приятно щекочущий их обоняние!

— Ну же, вы, увальни! — весело приветствовал их Луш. — Присаживайтесь к компании... У нас есть свеженькое мясо, да еще вволю! Есть чем набить брюхо!

— Слава Богу, — проговорил Шоколад, подсаживаясь к товарищам, — нам двойная порция не повредит: мы проработали впустую... Со вчерашнего дня мы не нашли ровно ничего, кроме пальмовой капусты... Да, кстати, что это вы едите? Какое мясо?

— Печенка, приятель, печенка! — отозвался Геркулес, поджаривая над красными угольями кусок печенки, насаженной на длинную трость.

— Да еще какая печенка-то! — похвалил Красный. — Вот несчастье-то, что нет у нас здесь луку да кастрюльки, а то бы мы приготовили важное блюдо!

— Печенка? Чья печенка?

— Да козья, товарищ, а то чья же?

— Не может быть?!

— Да я же тебе говорю! Ешь, что тут долго рассуждать!.. А я тебе расскажу тем временем, пока ты будешь есть. Представь себе: вчера, в то время, как мы ловили на реке ракушек и крабов, прямо на нас выбегает дикая коза, очевидно, преследуемая кем-то, но кем, я не знаю, да и какое мне дело! Выбегает на нас и кидается в реку. Мы ныряем по самые уши, чтобы схватить ее за ноги, как вдруг бедное животное, истекающее кровью, жалобно вскрикивает два раза и начинает тонуть. Ты понимаешь, что мы не зевали: тотчас же схватили ее, вытащили на берег, прикололи и приволокли сюда, после чего каждый отвоевал себе добрый кусочек!

— Да, дело важное! — сказал Шоколад, переворачивая над огнем свой кусок печенки, чтобы он поджарился и с другого бока. — А где же Нотариус?

— Ах, да ты ведь и не знаешь... бедняга...

— Что?.. Разве с ним что случилось?

— Да, тяжело видеть, как гибнет один из своих, и не быть в состоянии помочь ему!

— Он, правда, был несколько размазня... но я все-таки привязался к нему...

— Нотариус был неплохой парень! — заметил Красный с набитым ртом, с наслаждением пожирая свою порцию.

— Да говори же ты, что с ним случилось! — воскликнул Шоколад, у которого в уме вдруг зародилось ужасное подозрение.

— Да вот плескался это он вчера в реке, и вдруг его ударил электрический угорь, да так, что он тут же, едва только успел вскрикнуть, и ушел в тину!

Но этот рассказ, эта грубая басня не могла провести Шоколада, который порывисто вскочил на ноги, весь побледнев от ужаса: он видел развешенные на дереве куски кровавого мяса, из которого были удалены кости и содрана кожа; он ни в одном из них не мог признать частей четвероногого животного, хотя все эти куски были бесформенны.

Вдруг все ему стало ясно, и правда встала у него перед глазами со всем ужасом.

— Так то, что вы хотели заставить меня есть... человеческое мясо! — воскликнул он прерывающимся голосом, бросив в огонь кусок, который уже готов был поднести ко рту. — Человеческое мясо!

Глава IV

Запутавшийся якорь. — Ныряние. — Спасение. — Экипаж вижилинги. — Хозяин. — Плохое оправдание. — Устье Арагуари. — В ожидании пророки. — Река Амазонка. — Необходимые предосторожности. — Что такое проророка. — Ее причина. — Ее длительность. — Ее проявления. — Ее действия. — Три громадных вала. — После спорного течения. — Маленькое судно. — Вперед! — Видоизменение почвы и растительности. — Флотилия. — Жилище. — Счастливая семья.

— Подымай якорь!.. Да подымай же, говорят тебе!

— Не идет, господин... никак не поддается... видно, запутался.

— Сдай канат!

— Я только что сдал целых три!

— Ну и что?

— Якорь идет вниз, затем снова идет кверху и останавливается, вероятно, он зацепился между ветвями затонувшего дерева.

— Черт побери! Но нам во что бы то ни стало надо сняться и уходить... Надо воспользоваться приливом и укрыть нашу вижилингу в «надежду»* Робинзона, иначе нас неминуемо изломает в щепки проророка!

— Да, но в таком случае, чтобы сойти с места, остается только перерубить канат.

— Но это наш последний якорь! Как же нам быть сегодня вечером, если мы вздумаем пристать где-нибудь, и у нас не будет якоря?.. Нет, пожертвовать якорем никак нельзя... Нырни!

— Господин, разве вы хотите моей смерти? Ведь здесь кишмя кишат гимноты!

— Трусишка!

— Будь это там, в нашем Марони, я бы ничего не сказал. Вот посмотрите, как наш рулевой Тануй** пожимает плечом и с видимым беспокойством и тревогой вдыхает в себя воздух с моря!

— Ну а ты, Пиражиба, нырнешь, наконец, хоть для того, чтобы доказать, что ты достоин своего имени? ("Пиражиба" означает «рыбий плавник» на языке туни).

Но молодой индеец остался неподвижен, как статуя из красного порфира, и не ответил ни слова.

Легкая краска залила лицо человека, командующего судном с Амазонки, но он сдержался.

— Я дам тебе горсть табаку... связку сушеной рыбы... и дамижан (большую бутыль) тафии!

Слово «тафия» производит на индейца действие магическое, словно какой-то талисман: он мгновенно выходит из своего столбняка.

— Эста бом (это хорошо)! — говорит он по-португальски своим красивым гортанным голосом и, не прибавив ни слова, перекидывает ногу через борт, хвата-

---

* *Надеждами называются маленькие бухточки, защищенные от проророки, где судно может укрыться от водоворотов.*

** *Тануй — цивилизованный индеец с низовьев Амазонки.*

ется за piacaba (очень крепкий и прочный канат, изготовляемый из волокон пальмы, часто встречающейся в окрестностях Амазонки) и, кинувшись головой вниз, мгновенно исчезает под водой.

Вскоре он снова появляется на поверхности и на наречии, на котором говорят все индейцы тропической полосы южной Америки, известном под названием lingua general, то есть «общий язык», говорит:

— Негр сказал правду; якорь зацепился между разветвлениями громадного железного дерева!

— И сам мой сородич Табира (Железная Рука) не мог бы высвободить его!

— Ну, я вижу, что на вас нечего рассчитывать. Все вы трусы и лентяи... постараюсь обойтись без вас, раз вы не понимаете, что ваша непреодолимая леность может привести всех нас к гибели. И чем дольше мы будем откладывать, тем труднее будет освободить якорь!

Действительно, прилив быстро надвигался. Со всех сторон, кружась и вертясь, нахлынули обломки деревьев и растительные отбросы, уносимые течением Амазонки на целых сорок километров в море и возвращающиеся обратным течением. Громадные, с корнем вырванные деревья, подмытые водой, влачащие за собой свой тяжелый убор цепких лиан, целые мели тростника, огромные корни, похожие на панцирь черепахи или крокодила, громадные неподвижные листья, блестящие, как лакированные подносы или металлические щиты, цветы, издающие странный запах, не то аромат, не то яд.

Рассвело разом, внезапно как-то, и солнце вдруг всплыло, пылающее, как раскаленный шар, как огонь в кузнице, над деревьями, косматые вершины которых образуют вдали сплошную стену зелени. Гуарибы, или ревуны, прервали свой отвратительный рев; белые цапли перламутровыми пятнами испещряли бледную зелень корнепусков; розовые ибисы и фламинго весело купались в солнечных лучах; деканы целыми стаями поднялись в воздух; одинокие желтобрюхие конкромы стали погружать свои длинные клювы между корней корнепусков, отыскивая себе утреннюю поживу.

Но молодой человек на судне, вероятно, хорошо знакомый с этой картиной, не удостаивал ее внимания: так его заботила участь маленького судна.

Этот молодой человек был чистокровный белый в расцвете сил, лет тридцати с небольшим, брюнет, с черными глазами, смуглым или, вернее, загорелым цветом лица, с красивыми правильными чертами, дышащими энергией и решимостью и выражением недюжинного ума.

Одетый в простую синюю матросскую куртку и широкие белые шаровары, обутый в кожаные сапоги, с широкополой соломенной шляпой на голове, он стоял некоторое время, облокотясь на борт своей вижилинги, когда его люди возились с якорным канатом.

Эта вижилинга — красивая лоцманская лодка вместимостью в двенадцать тонн, несущая две мачты, с оснасткой голета и парусами, окрашенными в рыжий цвет и в настоящий момент убранными. Построена она была из итаубы, или Acrodidium Itauba, знаменитого «каменного дерева», негниющего и обладающего прочностью гранита.

Такое судно, несмотря на свое незначительное водоизмещение, с хорошей оснасткой, хорошо проконопаченной палубой, с плотно закрытыми люками, может выйти даже в открытое море или же держаться у илистых берегов и, при случае, вынести даже бешеный шквал или проророку.

В данный момент его нос, с которого спускался якорный канат, был обращен к океану, тогда как корма стояла почти в устье широкой реки, впадающей в крайнюю северную часть устья Амазонки.

Приняв быстрое решение, молодой человек проворно скинул с себя куртку, засучил панталоны до колен, привязал вокруг пояса канат, равный приблизительно по длине якорному канату, и, вскочив на борт, бросился головой вниз в воду.

Все шесть человек экипажа вижилинги, четверо чернокожих и два индейца, взглянули на желтоватую воду, где там и сям виднелись водовороты, образовавшие глубокие воронки, и ожидали скорее с любопытством, чем с тревогой, появления своего господина на поверхности реки.

После довольно длинного промежутка тот вдруг появился над водой и затем с проворством, свидетельст-

вовавшим о необычайной силе, поднявшись на руках, взобрался на палубу с быстротой кошки.

— Ну, господин, если бы вы не могли, то и человек, который сильнее майпури (тапира), тоже не смог бы! — осклабясь, произнес один из негров, до сего времени не раскрывавший рта.

— Молчите, бездельники!.. Мне стыдно за ваше малодушие. Я никак не ожидал этого от вас, негров Бони, привезенных моими добрыми друзьями Ломи и Башелико!

— О, господин, не брани нас! Мы, Бони, смелые парни у себя на Марони, но становимся более вялыми, чем кули, когда переходим на Арагуари.

— Ну, ну... Я знаю, что вы найдете столько же отговорок, сколько угорь норок.

— Убирать нам канат?

— Нет, — коротко ответил молодой человек, укрепляя вокруг кабестана, то есть ворота, которыми подымают якоря, верхний конец этого каната, другой конец которого был обвязан у него вокруг пояса, а теперь остался в воде.

Между тем начался прилив. Нос вижилинги, повинуясь якорю, начал погружаться в воду. Но неукротимый молодой капитан не смутился.

— Эй, ребята, — крикнул он, — к вороту, и дружнее!

— Но, господин, мы идем ко дну! — плаксиво проговорил один из негров.

— Молчи, говорят тебе, и приналяг, не жалея силы!

И вот, под двойным усилием прилива и ворота, вижилинга все больше и больше стала зарываться носом в мутные воды реки; наклон ее становился угрожающим. При малейшем волнении ее бы залило, но водная поверхность была спокойна, как зеркало. Однако еще немного — и вода дошла бы до клюзов.

Несмотря на свое невозмутимое спокойствие и присутствие духа, молодой человек начал испытывать некоторое опасение. Быть может, он все-таки решился бы обрубить оба каната, прикрепленные к якорю. Вдруг по судну пробежало страшное сотрясение, от которого мачты затрещали и содрогнулись от основания до вершин.

— Наконец-то! — воскликнул про себя молодой командир судна. — Если якорный канат и тот, другой, ко-

торый я прикрепил к якорному кольцу, выдержат и не порвутся, как бечевки, то мы снялись, и якорь спасен!

И действительно, почти в тот же момент вижилинга выпрямилась, и люди у ворота, не чувствуя более сопротивления, бегом стали ворочать ворот. Вскоре, спасенный смелым маневром молодого капитана, якорь показался над поверхностью.

— Ну, Пиражиба, друг мой, теперь вернись к своему рулю, — обратился капитан к Тануйю, который до сего времени не шелохнулся, тогда как чернокожие, поняв, наконец, что их господин нырял, чтобы укрепить к якорю второй канат, теперь шумно восхищались его подвигом и его блестящим результатом.

— Правь вдоль Пунта-Гросса, обогни Фуро-Грандэ и затем держи на «надежду» Робинзона! Надо во что бы то ни стало достигнуть ее прежде отлива! Понимаешь?

Маленькое судно, находившееся в этот момент близ 52 18 западной долготы и 1 24 северной широты, устремилось вместе с приливом прямо в устье Арагуари, называемой также и Висент-Пинсон, именем знаменитого испанского мореплавателя, сотоварища Христофора Колумба.

Арагуари течет с юга-востока на северо-запад через территорию, давно уже оспариваемую и Францией, и Бразилией (со времени Утрехтского мира), благодаря мелочности португальских дипломатов и их государственных деятелей. Навигация по Арагуари сначала кажется затруднительной вследствие глубоких омутов, перевалов и частых изменений дна, периодически производимых проророкой, но, тем не менее, хорошо и прочно построенное судно, управляемое искусной и привычной рукой, может беспрепятственно совершать это плавание в пору больших, то есть сильных приливов.

В сущности вовсе не то, чтобы был недостаток в воде для глубокосидящего судна; нет, глубина везде достаточна, особенно если принять во внимание, что разница уровня между временами прилива и отлива может достигать между островом Марака и Гвианским берегом колоссальной цифры — шестнадцать-семнадцать метров в пору сильных приливов.

Эти приливы получили у туземцев название проророка; слово звукоподражательное тому грозному рокоту, с

каким океанские волны устремляются в устье и в реку, вздымаясь громадной отвесной стеной.

Это своеобразный феномен, аналогичный с подобными же явлениями на Сене и Жиронде, но в несравненно более грандиозных размерах, вследствие громадного количества воды, поступающей из Амазонки, происходит регулярно в течение трех суток, предшествующих полнолунию и новолунию. В эту пору море, прорвавшись через преграду, какою являются впадающие в него воды реки, вдруг, высоко вздымаясь, встает отвесной стеной и, оттесняя воды реки, гонит их против течения, напирает на них с такой силой, что в каких-нибудь пять минут заливает все устье вместо того, чтобы постепенно вливаться в него в течение шести часов.

Несколько точных цифр дадут читателю наглядное представление о силе этого феномена в тот момент, когда океан с непреодолимой силой устремляется на приступ гигантской реки.

Русло Амазонки, если не считать незначительных извилин в верхней ее части, имеет около пяти тысяч километров протяжения. Ширина этой реки не менее поразительна. У Табатинга, лежащего на расстоянии свыше трех тысяч километров от Атлантического океана, ширина ее достигает две с половиной тысячи метров. При впадении в нее Мадейры, в пяти киломатрах ниже Сантарема и в пятистах километрах от моря, она уже достигает шестнадцати километров. Наконец, устье верхнего рукава, между Макана, маленькой бразильской крепостью, и берегом острова Мараджо, лежащего между двумя рукавами русла Амазонки и имеющего пятьсот километров окружности, равняется уже восьмидесяти километрам, тогда как главное устье, между Пунта-Гросса и мысом Лагоари имеет свыше двухсот километров ширины.

Глубина, часто меняющаяся, тем не менее всегда весьма значительна в устье: она достигает ста восьмидесяти пяти метров, а в среднем колеблется между семьюдесятью пятью и ста метрами на всем протяжении реки, так что количество воды, приносимое ею в океан, исчисляется сотней тысяч кубических метров в секунду.

Прилив доходит до тысячи километров вверх по течению и вздымает воды всех притоков, находящихся в

этой области, так что Токантин в числе других вздымается на расстоянии ста шестидесяти километров от своего слияния с Амазонкой, то есть от своего впадения в эту реку.

Теперь возвратимся к вижилинге, о которой шла речь и которой предстояло, по словам ее капитана, в самом скором времени выдержать этот страшный напор воды. Оба паруса маленького судна были подняты, и теперь оно неслось под обоюдным напором ветра и прилива с тем красиво-горделивым видом, который присущ, преимущественно, голетам.

Рулевой Тануй, как человек знающий свое дело, уверенной рукой направлял судно между илистыми мелями, островками и клочьями ила, плавающими по реке; между тем его господин, растянувшись у мачты, под горизонтально натянутым парусиновым навесом, благодушно курил сигару, а взор его рассеяно блуждал по чудной растительности берегов, временами на извилинах подступавших совершенно близко к корме.

Время от времени, благодаря капризу растительности, сплошная линия корнепусков прерывалась, и на небольших возвышенностях вырастали перед глазами путешественника красавицы пальмы с великолепными громадными листьями, длиною в пять метров, под грациозной кроной, венчающей стройный ствол; четыре или пять различных видов лавров, достигающих очень значительной вышины, каштановые деревья и несколько каучуковых деревьев дополняли разнообразие картины.

Местами, когда судно подходило близко к берегам, его стройный корпус почти задевал рощицы муку-муку (caladium arborescens), эти арбиниковые, изящные растения гигантских размеров, с гибкими стеблями и громадными блестяще-зелеными листьями, похожими на листья камелий; подле них виднелись геликонии с их прелестными пурпурными цветами, маранты, канны и арумы с мясистыми стволами. Большие купы камбруз, или береговых бамбуков, образовали бледно-зеленый фон для этой красивой картины, а за ней снова тянулось до бесконечности непроходимое сплетение корнепусков.

Тем временем действие прилива становилось все менее и менее ощутимым и вскоре должно было совершенно прекратиться, затем вода начнет сбывать, отходить

обратно в море. Но молодой капитан не стал дожидаться этого момента, чтобы принять все необходимые меры предосторожности против надвигающейся проророки.

Впрочем, времени было еще достаточно, так как громадный подъем Амазонских вод должен был произойти не ранее, как через шесть часов.

Вдруг негр, сидевший на корточках на носу, радостно вскрикнул:

— Господин, «надежда»!..

Рулевой налег на руль — вижилинга послушно свернула к левому берегу и вошла в маленькую, но глубокую бухточку, защищенную выступом врезающегося в реку почти на пятьдесят метров мыса.

— Бросай якорь! — скомандовал капитан.

Якорь, укрепленный на двух канатах, моментально упал на дно и сразу зацепился за него. Затем убрали паруса, осмотрели мачты во всех скренах, и все, что на палубе могло быть смыто волной, поспешили убрать. Все клюзы и люки тщательно закрыли; даже сами люди, из опасения быть снесенными волной, готовили веревки и канаты, чтобы в момент близкой опасности привязать себя к чему-нибудь. Маленькую бортовую шлюпку подняли на палубу, опрокинули дном вверх и плотно пришвартовали к судну.

Корма судна оставалась обращенной в сторону моря, чтобы повернуть ее при убыли воды и таким образом устоять против гигантского вала в тот момент, когда он с быстротой урагана, словно смерч, налетит с моря. Якорные канаты были отпущены настолько, чтобы их могло хватить с избытком на всю высоту вала, принимая в расчет его максимальный подъем. Эта предосторожность совершенно необходима, так как иначе судно могло разом пойти ко дну в случае, если бы якорь зацепился и не мог высвободиться сразу, как это только что случилось в устье реки; на этот раз не хватило бы времени предпринять что-либо, ни сдать якорный канат, ни даже перерубить его: с такой неудержимой силой налетает проророка, и с такой головокружительной быстротой сокрушает она все на своем пути.

Наконец, все было готово, оставалось только ждать. Роковая минута близилась.

Вскоре со стороны океана, как будто из самых его недр, донесся глухой шум, точно отдаленный гром, смешанный со свистом урагана.

Но вот глухой шум этот усилился, стал звучным, грозным, оглушительным. Вдали показалась гряда пенистых гребней волн и стала разрастаться от северного мыса до берегов Мараджо; под этими пенистыми гребнями вдруг встал громадный вал, вышиною в семь метров, вырос как-то сразу, совершенно прямой и отвесный, как стена, и устремился на приступ реки, разбился о Пунта-Гросса, вырвался на равнину и разлетелся в воздухе тысячами водяных снопов из алмазных брызг и пены с оглушительным шумом страшного водопада.

Все это совершилось внезапно, мгновенно, как взрыв. Про-ро-ро-ка! Можно вполне оценить меткость названия, данного этому явлению индейцами; слово звукоподражательное, какие иногда, и не редко, встречаются в примитивных наречиях; первые три слога, изображают рокот, с каким громадный вал несется вперед, а последний — звук разбивающихся на берегу всесокрушающих вод. Этот бешеный вал несется и между островами; страшный, сдавленный в проливах, слишком тесных для него, он как будто еще более свирепеет перед преградами, разрывает берега, несется по отмелям, врывается на сушу и, потрясая своей белой пенистой гривой, развевающейся по ветру, точно снежная метель, с еще большим бешенством обрушивается на скалы, которые как будто обращает в брызги, на острова и островки, совершенно затопляя их, на кусты, которые он поглощает или вырывает с корнем и, крутя, уносит за собой, равно как и громадные стволы и пни, вырванные с корнями.

Ничто не в силах остановить этот вал или преградить ему путь. Вековые деревья он уносит за собой, крутя и швыряя их, как щепки; осколки скал и громадные глыбы земли, оторванные от берегов со всей своей растительностью, крутятся, мчатся и поглощаются валом на пути.

Но мало-помалу отдаленный шум ослабевает; береговые кусты и деревья появляются над водой; вода начинает убывать, как будто она уходит в землю; течение становится менее стремительным. На поверхности мутно-желтых вод остается только пелена белой пены, смешанной с листьями, цветами, разными обрывками и

обломками; река еще неспокойна, она как будто вздрагивает, как вода в котле, только что переставшая кипеть.

Море становится уже спокойным, когда вдруг вдали снова начинает слышаться глухой шум второго вала. Он несется так же, как и первый, но не столь уже грозный, не столь высокий, не столь бешеный; но зато несется быстрее первого, стремительнее его и уносит за собой еще больше ветвей, кустов, деревьев и корней, еще больше всяких обломков и пены. Третий вал еще слабее.

Наконец, все кончается. Море, которое с минуту тому назад было грозно, теперь расстилается, как зеркало.

Весь феномен продолжается обыкновенно около пяти минут.

Человек, который с какой-нибудь возвышенной, недоступной для воды точки присутствовал бы при этом чудесном зрелище, мог бы вообразить, что после этого все живое должно погибнуть и исчезнуть с лица земли; а между тем там, где силы природы побеждены, там бесконечно малое — атом, затерянный среди катаклизмов, остается невредим и продолжает жить.

То же самое можно сказать и о маленьком судне, которое осталось лицом к валу, вздымающемуся отвесной стеной на высоту семи метров и захватывающему протяжение в пятьдесят лье.

Вследствие направления своего течения, почти параллельного течению Амазонки, и положения своего устья, сливающегося с устьем последней, Арагуари, как мы уже говорили, так же подвержена проророке, и настолько, что на протяжении тридцати лье река прорывает и изменяет свое русло в такой степени, что даже само направление реки меняется.

Но, благодаря принятым предосторожностям, благодаря также занимаемому ею положению в маленькой бухточке, вижилинга не только могла безнаказанно вынести этот страшный прилив, а даже и воспользоваться им для продолжения своего пути.

Напор первого вала, сильно умеренный, если не совершенно задержанный выдающимся в реку мысом, защищающим бухту, все-таки разом поднял маленькое судно на семь метров высоты и, конечно, оно было бы разбито в щепки, если бы якорь, спущенный на двойном

канате из пиасаба, не удержал его на месте в тот момент, когда, подхваченное валом, оно вздрогнуло, затрещало, завертелось. Гетоба, каменное дерево с берегов Амазонки, еще раз подтвердило свою заслуженную репутацию. Люди, надежно привязанные к мачтам и бортам, без страха встретили холодный душ, устроенный валом, который затем понесся по течению, теряясь вдали. Второй вал унес за собой часть мыса, которая исчезла бесследно в одно мгновение. Третьего вала не только нечего было опасаться, но еще, напротив, маленькое судно рассчитывало воспользоваться им, чтобы ускорить свое плавание.

В тот момент, когда этот третий вал поднял вижилингу, рулевой, получивший заранее распоряжение, сильно повернул руль; тогда судно, не будучи более направлено носом против вала, разом развернулось, капитан, стоявший наготове, двумя сильными ударами сабли перерубил оба якорные каната, не заботясь более о ставшем ему бесполезном якоре.

— Нам нет времени поднять якорь; да и кроме того, мы всегда можем вернуться за ним впоследствии, во время отлива! — пробормотал про себя капитан.

А вижилинга, повернувшись полным оборотом, понеслась вверх по течению вместе с приливом третьего вала с поразительной быстротой.

В несколько минут подняли паруса — и быстрота хода маленького судна усилилась еще более, благодаря не перестававшему дуть сильному восточному ветру.

Скорость доходила до восемнадцати километров в час. Наконец, с наступлением ночи, успев оставить за собой более ста километров, судно остановилось, а на другой день с рассветом снова пустилось в путь.

За это время берега реки уже существенно изменились. Болотистые отмели, поросшие корнепусками, мало-помалу начали исчезать. «Лихорадочные» деревья, которым необходима солоноватая вода, стали попадаться все реже и реже. Сюда прилив с моря уже не доходил.

Арагуари постепенно суживалась, но зато становилась глубже, а главное, светлее и прозрачне. Далее она текла между небольшими возвышенностями холмистого характера, которые являются как бы

миниатюрными отрогами горной цепи, еще весьма отдаленной.

Воздух здесь более чистый и свежий, но вместе с тем и более резкий, не переполнен целыми тучами невидимых для глаза насекомых, опасных носителей лихорадок. Легкие дышат свободнее, кровь обращается правильнее, и, если в течение дня зной еще очень силен, то нельзя же себе представить, чтобы под первым градусом северной параллели, т.е. в ста одиннадцати километрах от экватора, было еще сверх всего и прохладно.

Только те, кто бывал в удушливой атмосфере, насыщенной водяными парами, царящей под непроницаемыми сводами девственных лесов или носящейся в виде тяжелого тумана над реками, окаймленными гигантскими деревьями, могут вполне оценить, какое опьяняющее действие испытывает человек, вдыхая в себя этот живительный воздух.

Между тем вижилинга, после нескольких часов плавания, очутилась перед природной маленькой гаванью, приспособленной, однако, руками человека; в ней стояло несколько различного типа судов самой разнообразной величины и размеров.

Тут были и «коберты» в пятнадцать-двадцать тонн, короткие, широкие, низкие и массивные, как китайские джонки, род плавучего дома, где целая семья проводит всю жизнь; затем три «эгаритеа», или речных судна, крытых соломенными кровлями; четыре или пять «уба», длиною в четыре, шесть и десять метров, стройные и тонкие, выдолбленные из одного ствола, и, наконец, превосходный паровой катер, окрашенный в светло-серый цвет, на корме которого золотыми буквами выделялось название «Робинзон»; машина его была защищена тентом из непромокаемой парусины.

Широкая аллея, обсаженная бананами, чередующимися с манговыми деревьями, вела к этой маленькой гавани, а другим концом упиралась в громадную рощу самых разнообразных деревьев, среди которых скорее угадывалась, чем виднелась обширная усадьба.

Молодой капитан вижилинги, отдав необходимые приказания экипажу и убедившись в надежности причалов, проворно соскочил на берег и крупными шагами зашагал по аллее. Но двое или трое негров с нагарами

(корзинами) на головах заметили его и пустились бежать, как зайцы в поле, очевидно, с радостным намерением возвестить в доме об его возвращении.

Действительно, издали уже донеслись радостные возгласы, и четверо детей, двое довольно больших мальчуганов и две прелестных маленьких девочки, с громким криком: «Папа! Это папа!» — кинулись навстречу капитану.

За ним поспешила такая же обрадованная и такая же, как они, возбужденная, красивая и высокая молодая женщина с золотистыми волосами и голубыми глазами, лицо которой дышало счастьем и здоровьем.

— Шарль!

— Мэри!

И молодой капитан лихорадочно, с большой нежностью стал обнимать и прижимать к себе молодую женщину и детей, всю эту милую группу из белокурых и темных головок; затем счастливая семья медленно направилась к дому, разговаривая, засыпая друг друга вопросами и возгласами.

Глава V

Изгнанник 1851 года. — «Робинзоны Гвианы». — Новые проекты колонизации. — Голет «Люси-Мэри». — В путь к Спорной территории. — Экваториальное течение Атлантического океана. — Свойства и образование почвы. — Скотовод и серингуеро. — Колонизаторы Арагуари. — Шесть лет спустя. — Жилище искателя каучука. — Неожиданность. — Полезное и приятное. — Полное счастье. — По случаю газет и журналов, прибывших из Европы. — Предчувствия. — Закон о наследовании. — Беспокойства и тревога. — Удар грома. — Пожар и убийство.

Один молодой инженер, парижанин, по имени Шарль Робэн, неожиданно увидел свою карьеру разбитой, благодаря государственному перевороту в декабре 1851 года. Усердный работник, умница, честнейший и благороднейший человек, Робэн, побуждаемый силою своих убеждений, создающих мучеников и

героев, был из числа тех, которые боролись до последнего конца против узурпатора.

Тяжело раненный на той самой баррикаде, где Робэн пал геройской смертью, он каким-то чудом оправился от своих ран, предстал перед смешанной комиссией и был сослан в Кайену после бутафорского суда.

Этот приговор был тем более бессовестен, что у инженера оставалась молодая жена и четверо сыновей, из которых старшему было всего десять лет.

В одном из предыдущих наших романов*, мы уже говорили, как после невероятных трудов и усилий в продолжение многих, долгих лет эта работящая семья сумела, наконец, окончательно устроиться в Гвианской колонии и приобрести благосостояние, близкое к богатству.

У нас нет здесь ни времени, ни места, чтобы пересказать хотя бы в общих чертах, каким образом изгнанник вернул себе свободу, описать драматический приезд в колонию его жены и детей, их встречу на одном из островков Марони, нужду, лишения и ужасы, пережитые ими в первое время.

Все это любознательный читатель найдет в «Робинзонах Гвианы», причем все описанные там приключения совсем не вымышленные, как бы можно было подумать, а совершенно точный и правдивый рассказ, материалы которого собраны автором на месте, где жили, страдали и трудились эти люди. Там читатель увидит, как эти робинзоны, поначалу изыскивавшие себе только средства пропитания в своей маленькой колонии, затем стали искателями золота, потом скотоводами, а впоследствии, при содействии нескольких чернокожих, в каких-нибудь шестнадцать лет приобрели великолепное поместье, блистательно доказав, насколько несправедливы наши европейские предрассудки, упорно не хотящие видеть в этой прекрасной колонии ничего, кроме ямы для преступников. Читатель увидит, каким образом сыновья ссыльного, став взрослыми мужчинами, под руководством своего ментора и пользуясь всем, что дала современная наука, в смысле знаний и применения новейших способов культуры и индустрии, увеличили свое состояние, как двое из них, старший Генрих и младший

---

* *"Робинзоны Гвианы".*

Шарль, женились на двух сиротках английского происхождения, потерпевших крушение в этих местах, а двое остальных братьев, Евгений и Эдмонд, отправились в Европу, чтобы усовершенствовать свое образование, первоначально данное им отцом.

Здесь уже начинается рассказ о приключениях «Охотники за каучуком», который, таким образом, может считаться продолжением истории «Робинзонов Гвианы».

Вскоре, однако, плантация «Бонн-Мер» ("Добрая Матушка"), основанная на Марони, немного повыше быстрин, известных под именем «Прыжка Петер-Сунгу», стала тесна для трудолюбивых колонизаторов, как ни был обширен их дом и поместье. Не то, чтобы введение нового элемента в семью в чем-либо изменило ее взаимоотношения или вызвало какие-нибудь столкновения или недоразумения, нет, напротив, обе молоденькие англичанки, Люси и Мэри Броун, простые, милые, любящие и нежные, очутившись в атмосфере тесной дружной семьи, всецело отдали себя своим приемным родителям, привязались к ним всем своим существом, со всею искренностью и пылкостью молодых сердец, уже успевших изведать горе. Смелые и сильные, эти девушки, с детства привыкшие встречать жизнь и опасность лицом к лицу, сумели, сохранив всю очаровательную грацию женщины, стать вместе с тем отважными и мужественными женами молодых колонизаторов.

Но вот стали появляться на свет дети. И если ресурсов плантации по-прежнему продолжало хватать на всех, если она могла доставлять весь комфорт и удобства колониальной широкой жизни, о которых мы, жители цивилизованных стран, втиснутые в тесные рамки европейской жизни, не имеем даже представления, тем не менее сыновья инженера, став в свою очередь отцами семейств, не находили более достаточно просторного поля для своей деятельности в пределах отцовского поместья, не находили также достаточного удовлетворения своему личному самолюбию и применению своей личной инициативы.

Их родоначальник, обладавший, несомненно, самыми рациональными взглядами и давно выработанными планами относительно улучшения и обновления колонии, сам был того мнения, что в интересах

национальной колонизации следовало попытаться привить культуру и где-нибудь еще в другом месте, чтобы убедиться, не удастся ли сделать и там то же самое, что было сделано им в верховьях Марони.

Почему бы, например, не основать в южной части нашей французской колонии, — говорил он, — столь плодородной и тем не менее столь заброшенной, такую же ферму, как наша, и поручить заведование ею совершенно самостоятельно одному из наших молодых хозяев?

В этом не было ничего особенно рискованного, принимая во внимание все имеющиеся теперь в наличности средства для новой колонизации: людей, скот, запасы, инвентарь и деньги.

Вопрос этот был подвергнут всестороннему обсуждению; план будущей фермы основательно обдуман и после долгого взвешивания всех могущих встретиться обстоятельств, Шарль, младший из сыновей, заявил, что он готов отправиться на исследование местности для нового поселка.

— Я намерен, если вы ничего против того не имеете, — говорил он, обращаясь к остальным членам семьи, собравшимся на совет, — исследовать прежде всего местность Ойапокка, хотя и не надеюсь найти вблизи от этой реки место, которое мы пожелали бы избрать. Но я хочу сделать скорее ради личного удовлетворения, ради проверки того, действительно ли повторные попытки колонизации нашего правительства, оказавшиеся столь неудовлетворительными, были произведены надлежащим образом, в чем я сильно сомневаюсь. Покончив со своими исследованиями, я рассчитываю спуститься на юг по одной из больших рек и проникнуть в самую глубь Спорной территории!

— Хвалю, сын мой, — воскликнул старый инженер, которого и годы не могли состарить, — твое решение является осуществлением одного из моих заветных желаний, и так как еще не поздно, и годы мои еще не слишком тяготят меня, то я присоединюсь к твоей экспедиции в качестве волонтера.

— Нет, отец, будь ты предводителем и руководителем ее, прошу тебя! Могу ли я желать себе лучшего, более

надежного и более опытного руководителя, наставника и учителя, чем ты?!

— Нет, нет! Я уже давным-давно предоставил моим сыновьям главную инициативу с тем, чтобы при случае они могли проявить себя и выказать надлежащее знание ума и энергию. Итак, решено: я — твой пассажир, а Ангоссо будет твоим боцманом. Не правда ли, старый друг? — ласково добавил он, обращаясь к старому негру атлетического сложения, сидевшему тут же в сторонке и занятому плетением гамака для кого-то из детей.

— Я рад ехать куда угодно с маленьким господином Шарлем! — весело отозвался старик.

— Я в этом нисколько не сомневаюсь! Мы, не долго думая, начнем готовиться в путь и готовить голет «Люси-Мэри» в дальнее плавание; отобрав лучших матросов из числа наших людей, мы снимемся с якоря и двинемся на Арагуари!

— Значит, вы отказались от мысли об Ойапокке?

— Да покуда; если только ты не настаиваешь на том, чтобы исследовать его немедленно, отец!

— Я, видишь ли, дитя мое, хотел бы исследовать эту страну, о которой некоторые путешественники рассказывают столько чудес, а наши современные исследователи, насколько мне известно, не сочли нужным посетить*!

— Я же предлагаю Арагуари, так как это будет французской границей наших будущих владений, как я имею основания предполагать. Невозможно, чтобы две разумные нации, сторонницы прогресса, как Франция и Бразилия, умышленно еще долго поддерживали этот географический нонсенс. Кроме того, я основательно изучил спорные пункты, условия и дипломатические ноты, которыми вот уже более полутораста лет обменивались правительства, — и все это дает мне основание надеяться, что Арагуари, или река Висент-Пинсон, останется французской...

Спустя неделю инженер, его младший сын Шарль и пять человек экипажа спустились вниз по течению Марони до селения Спархуин, где стоял на якоре голет, вместимостью приблизительно около двадцати тонн, ко-

---

* *Теперь этот пробел заполнен нашим молодым ученым, профессором Кудту, исследовавшим спорную территорию.*

торый благодаря своим размерам не мог подняться выше порогов Хермина.

Береговое плавание в Гвиане от Марони до Амазонки, по-видимому, не представляет никаких опасностей даже и на судах столь слабого водоизмещения. Но, к несчастью, оно всегда бывает продолжительно и трудно вследствие ветров и постоянно противных течений.

Как известно, экваториальное течение Атлантического океана расходится надвое на известном расстоянии от Южно-Американсткого берега, причем одна часть его направляется к северу, параллельно берегу, и носит название Гвианского течения, принимает в себя воды Амазонки и всех других малых и больших рек, вплоть до Ориноко включительно, проходит в Антильское море между Тринидадом и Мартиникой и вливается в Гольфстрим.

Противодействие, оказываемое этим течением судам, следующим вдоль берега с северо-востока на юг, уже само по себе достаточно велико, но тут к нему еще присоединяются ветры, часто дующие с запада, что вынуждает суда беспрестанно лавировать по крайней мере до Ойапокка.

Правда, это неудобство с лихвой возмещается на обратном пути. Так, например, парусное судно, шедшее пять-шесть, а нередко и десять-двенадцать суток от Марони в Кайену, без хлопот и усилий возвращается обратно в двадцать четыре часа, благодаря тому же течению и ветру.

Как ни быстроходна была «Люси-Мэри», тем не менее ей потребовалось восемнадцать суток для достижения устья Арагуари. Она поднялась вверх по реке, не испытав проророки, и бросила якорь в том месте, где, как мы видели, недавно остановилась вижилинга.

Путешественники, как люди умеющие дорожить временем, тотчас же приступили к расследованиям. Поручив троим из своих людей охранять судно, они отправились пешком, хорошо вооруженные, снаряженные инструментами для исследования почвы и запасами пищи.

Сначала им попадались незначительные возвышенности, но вскоре они очутились на обширном плоскогорье, откуда могли не только с помощью подзорной тру-

бы, но даже и простым глазом убедиться в справедливости описаний старых исследователей, преимущественно доктора Ле-Блока.

Позади области корнепусков находится местность, наиболее покрытая водой по всей Гвиане.

Во время засух эти земли усеяны многочисленными озерами, светлыми и чистыми, на которых распускаются самые дивные экземпляры водяной флоры. Но в дождливое время года протоков, образуемых водами, становится недостаточно, и, разливаясь, выходя из берегов, они почти сплошь заливают всю местность. Таким образом, говорит Ле-Блок, можно было бы проехать в пироге от Ойапокка до Арагуари, не видав моря. Позади, то есть немного повыше этих озер, встречается полоса лесов на твердой сухой почве, куда не достигают разливы и наводнения. Полоса эта в разных местах то шире, то уже извивается вместе с извилинами реки и соответственно им, вплоть до подножия гор, но чаще всего прерывается в открытых равнинах, которые тянутся в некотором расстоянии от моря.

Первым долгом старый инженер и его сын исследовали некоторые из этих первобытных лесов, оканчивающихся у плоскогорья, и убедились, что в этих лесах встречаются в огромном количестве несколько различных видов каучуковых деревьев.

— Вот это превосходно! — воскликнул Шарль после нескольких дней неутомимых исследований и бродяжничанья по лесу, — я сделаюсь «серингуеро» * (искателем каучука)!

Затем он прибавил:

— Впрочем, эта промышленность будет лишь одной из отраслей, быть может, важнейшей моего хозяйства, но не единственной, так как эти превосходные саванны **,

---

* *Каучук был назван португальцами barrocha или seringa; так его назвал монах Маноэль де Эсперанца, открывший его у индейцев Камбэба, которые изготовляли из этой густой древесной смолы сосуды и бутылки в виде кувшинов, называемых серингами; отсюда происходит и слово серингуеро.*

** *Саваннами называются в Гвиане луговые степи, называемые льяносами в Ориноко, прериями в Северной Америке и пампами в Аргентине.*

тянущиеся до края горизонта, несомненно, просят скота, и в немалом количестве! Итак, решено, не правда ли, отец, я буду одновременно и скотоводом, и искателем каучука.

Исследовав так же внимательно саванну, как и лес, ознакомившись с самой почвой ее, определив главный склон вод и изучив всю эту местность с величайшей тщательностью, наши пионеры возвратились к голету. Осмотр был окончен.

Путешественники вернулись на Марони, остановившись на короткое время в Кайене. Шарль должен был сесть здесь на пакетбот, чтобы отправиться в Демерару, главный город английской Гвианы, и зафрахтовать там судно, для доставки материала и жителей новой колонии. Ему посчастливилось встретиться с капитаном одного американского парохода, который, почуяв здесь наживу, принял на себя доставку всего необходимого.

Спустя шесть недель это судно с грузом и пассажирами бросило якорь в устье Арагуари, а приведенный им на буксире голет стал переправлять материал к месту назначения, на что потребовалось несколько рейсов.

Первым долгом свезли на берег двадцать коров с их телятами, двух быков, несколько десятков овец, четырех свиней, кур, нескольких низкорослых степных лошадок и всякого рода запасы и припасы для удовлетворения всех нужд новой колонии, вплоть до первого сбора плодов или нового транспорта провианта. Тут были и ящики морских сухарей, и кули риса и маиса, и цибики кофе, бочки и бочонки с вином и тафией, запасы сахара и всякие пищевые консервы, мясо, зелень, плоды, рыба. Затем шло платье носильное, белье, гамаки, пологи, оружие, упряжь, сундуки, чемоданы, столовая и кухонная посуда и всякая домашняя утварь, инструменты кузнечные, слесарные, плотничьи, столярные, орудия для промывки золота, громадные запасы проволки, пироги, доски и бревна, совершенно готовые в дело, наконец, и самое население будущей колонии.

Персонал ее состоял из основателя и главы ее, его жены и четверых детей, из двадцати человек негров Бони, двенадцати женщин и нескольких человек ребят, в общем числе двадцати восьми человек и двух собак Боба и

Дианы, двух громаднейших догов необычайной силы и ума...

Прошло шесть лет со времени этого раздела «Робинзонов Гвианы», шесть лет упорного, настойчивого труда, радости, счастья и благосостояния. Раз в год колонизаторы с Марони приезжали сюда погостить на новую плантацию, названную странным именем «Казимир» в память старика негра, который некогда так любовно ходил за стариком Робэном. Точно так же и жители «Казимира» ездили раз в год на Марони, попутно сбывая в Кайене свои продукты или обменивая их на ввозные товары и предметы.

Вот при возвращении с одной из таких годичных поездок, на этот раз в виде исключения, предпринятой Шарлем Робэном одним, без семьи, мы вместе с ним и войдем в его дом.

Но пусть это слово не вызывает в читателе представления о наших европейских жилищах, тяжелых, громоздких ящиках, каменных, с чугунными решетками, с вечно запертыми дверями и окнами.

Ничего подобного! Трудно себе представить что-нибудь более кокетливое, грациозное и воздушное, чем это сооружение, открытое со всех сторон для воздуха и света.

Ни дверей, ни окон, ни стен тут не существовало; да и к чему? Это был просто громаднейший навес из пальмовых листьев с кровлей превосходнейшего светло-золотистого цвета, цвета спелой ржи, непроницаемой ни для палящих лучей тропического солнца, ни для проливных дождей экваториальных стран. До двадцати столбов из чудеснейшего дерева satinerabane голубого цвета с красными и желтыми блестящими полосами, симметрично расположенными, поддерживали навес. Красивые циновки, развешенные на небольшом расстоянии друг от друга, подобно подвижным шторам или жалюзи, которые можно по желанию поднять или опустить, спускались из-под крыши до самой земли. Между столбами висели красивые, разукрашенные пестрые гамаки над роскошным полом из коричневого мутуши с желтыми прожилками, блестящими, как зеркало.

Все строение было поднято на высоту более двух метров на сваях из того не гниющего, очень прочного дерева,

которыми изобилуют здешние леса. Сообщалось это жилое помещение с землей посредством очень широкой и массивной лестницы, чрезвычайно величественной.

Отсюда да и отовсюду, откуда не взгляни, представлялись взгляду хижины чернокожих, карбеты индейцев, живописно уединенные среди небольших рощиц плодовых деревьев, дающих много плодов, зелени и тени от зноя, прохладной тени, где весело возились целые группы негритят или маленьких краснокожих, а также и взрослых негров, негритянок, индейцев, индианок, дружно живущих между собой под сенью господского замка.

Лимонные и апельсиновые деревья, усеянные золотыми плодами, бананы с шелковистым отливом, склоняющиеся под тяжестью своих громадных гроздей, хлебные деревья с массивными плодами, манговые деревья с их золотисто-коричневыми плодами, а среди них тут и там, придавая своеобразный вид этому необычайному фруктовому саду, грациозно возвышались красные пальмы, стройные и кокетливые, величественные и ласковые.

В углу, с северо-западной стороны, девственный лес темной полосой перерезал горизонт, а за ним тянулась саванна, бесконечная, беспредельная саванна, сменяя обширную прогалину, обращенную к востоку.

Пока молодой человек предавался радостям возвращения в родную семью, происходила разгрузка вижилинги.

Припасы и товары отправили в склады и магазины, затем негры понесли громадные ящики с предметами необходимости и роскоши для семьи господина.

Надо видеть, с какой шумной радостью встретили маленькие колонисты эти ящики, с каким нетерпением ожидали они, когда их раскроют. Молодой отец, как человек, не считающий денег, приобрел для своих детей и полезное, и приятное в таком количестве, что даже избалованные дети были бы опьянены такой роскошью, таким изобилием подарков; уже по одному этому можно судить о радости маленьких белолицых дикарей великой амазонской пустыни.

Описывать ли нам прекрасные игрушки, настоящие художественные произведения, привезенные прямо из Парижа, одинаково полезные для умственного развития детей, как и для их развлечения и забавы?

Наши читатели легко могут представить себе те превосходные маленькие локомотивы, совершенно как настоящие, движущиеся паром, микроскопы, в которых бесконечно малые существа ясно видны во всех подробностях, или телеграфы, приводившие в изумление наших отцов, и телефоны, приводившие нас в изумление, затем множество красивых и прекрасных книг с чудными гравюрами, которые сами собой говорят уму и воображению не только детей, но и взрослых. Наконец, Генрих, старший из детей, мальчик десяти лет, но которому на вид легко было бы дать целых двенадцать лет, настолько он крупен и силен, получил полную сбрую для маленькой лошадки, специально для него выезженной, и хорошее ружье центрального боя, настоящее ружье — не игрушку.

Мальчуган, который стрелял из лука и владел сарбаканом, как природный индеец, не находил слов, чтобы благодарить отца, когда тот вручил ему ружье: так велика была его радость! И если когда-нибудь, какой-нибудь клочок земли в целом мире видел абсолютное счастье, то это было, наверное, в эти минуты, в этой экваториальной пустыне, где стояло жилище счастливого серингуеро.

Но вот легкая тень набежала на лицо молодого отца в тот момент, когда рука его коснулась объемистого свертка газет и журналов.

Жена тотчас же заметила эту перемену.

— Ну, да что, — ответил Шарль тоном человека, который примирился с чем-то неприятным, — лучше уж сказать тебе сразу, тем более, что еще ничего не сделано!

— Это по поводу журналов, не правда ли? Но какое нам дело до того, что там делают или говорят?! Разве мы не счастливы здесь, вдали от всей этой суеты и шумихи цивилизованного мира!

— Да, ты права, друг мой, и наша взаимная любовь и нежность позволяют нам прекрасно мириться с нашим одиночеством в этом море света, солнца и свободы, но может случиться, что другие люди вспомнят о нас, заговорят, затронут нас, и вот это-то смутно тревожит меня. На возвратном пути с Марони я проглядел все эти газеты, от нечего делать, во время путешествия, и в них, между прочим, увидел, что наши депутаты наметили Гвиану как место ссылки для преступников-рецидивистов.

— Но ведь это не новость, милый! Ведь в Гвиану давно уже ссылается часть преступников, осужденных французским правосудием на каторжные работы, долгосрочные или бессрочные!

— Да, но это не одно и то же, милая Мэри. Если я правильно понял текст нового предложенного на утверждение закона, то речь идет не о заключении их в остроги, где они подлежат известному надзору и наблюдению, а о массовом выселении в Гвиану «рецидивистов», то есть вторично попавшихся в злодействах и преступлениях людей без чести и совести, вечных и непримиримых врагов человеческого общества и его главных устоев — собственности и порядка.

Их-то предполагают вывозить сюда целыми транспортами, высаживать в Гвиане, наделять землями и предоставлять им почти полную свободу. Рассчитывают таким образом заселить Гвиану, дать ей рабочие руки, в которых здесь чувствуется недостаток, возродить непорочные организмы... Странный способ лечить больного, давая ему вредную пищу или, иначе говоря, пополнить полубочку посредственного вина скверным уксусом; это едва ли можно считать удачным рецептом для исправления вина.

— Но этих рецидивистов, как ты их называешь, разве так много?

— Около двадцати тысяч! Двадцать тысяч негодяеев без чести и совести, без удержа и надзора, точно эпидемия, ворвутся в среду честных и порядочных людей, в среду тихого работящего населения Гвианы. Это положительно заставляет меня содрогаться!

Подумали ли они, в самом деле, о последствиях того, что они предлагают и вотируют? Чтобы очистить крупные центры от всяких отбросов, от всякого нежелательного элемента, они не стесняются подвергнуть опасности и жизнь, и имущество честных граждан, таких же искренних, верных и любящих сынов Франции, как они сами, а даже и более их! Ну, будь Гвиана новой страной, колонией, не имеющей жителей, одиноко заброшенной среди океана, то такую меру можно было бы только приветствовать; но ведь дело обстоит совершенно иначе!

— Ты прав, но как это лично задевает нас? Мы находимся так далеко от будущего места ссылки!

— Для нас опасность будет, быть может, еще больше, так как мы находимся на нейтральной полосе, на которую заявляют свои права и Франция и Бразилия, и в которой ни та, ни другая страна не являются хозяевами и не могут проявлять своей власти. Нельзя ожидать от ссыльных, что они добровольно подчинятся судебному приговору. Одна мысль о принудительном пребывании в стране, где царит известный порядок и законы, об обязательстве трудиться и подчиняться существующим законам для таких людей будет невыносима, и я уверен, что они сделают все на свете, чтобы избавиться от всего этого. И как бы на соблазн им, надо же, чтобы бок о бок с их местом заключения находилась страна, не имеющая господина, не знающая властей, законов и прав, куда без особого труда могут бежать все, как, обыкновенно, бегут сюда беглые каторжане из острогов. По их примеру эти свободные ссыльные, без сомнения, станут покидать свои места ссылки и переселяться сюда, где они могут жить по своему желанию, как и чем угодно, без помех и стеснения, дав полную волю своим низким инстинктам! Как видишь, положение будет весьма незавидное в более или менее непродолжительном времени для всех нас; ведь мы, так сказать, являемся гражданами, не имеющими родины!..

В этот момент со стороны хижин негров и индейцев раздались звуки, какие, обыкновенно, издают чернокожие, когда они чем-либо встревожены.

— Что там такое? — спросил Шарль, быстро встав со стула.

Высокий, рослый негр, весь бледный, как бывают бледны негры, если они сильно взволнованы или испуганы, то есть пепельно-серый, в несколько прыжков взобрался на лестницу, ведущую в жилище господина и, задыхаясь, проговорил:

— Господин, там чужие люди... белые... Они сожгли наш маленький карбет у бухты Женина... увели скот и убили моего брата Квассиба... Я был там и получил рану! — с этими словами негр указал на свое плечо, разрубленное сабельным ударом.

Глава VI

Признание разбойника. — Нотариуса действительно убили. — Бесстыдное нахальство. — Луш дешево отделывается. — Не робей! — От Аппруага до Ойапокка. — Лихорадка. — Переправа через реку. — Обетованная земля. — Планы на будущее. — За старое ремесло. — Надо работать, чтобы есть! — Первые жилища. — Импровизированный обед. — Избыток. — Грабеж. — Едва став свободными, они помышляют уже о рабах. — По губам текло, а в рот не попало. — Преследование. — Португальцы. — Луш, готовый расплатиться, все-таки не расплачивается. — Новые опасения. — Страшные угрозы.

Вернемся на правый берег Аппруага, поросший вековыми деревьями, в тени которых беглые каторжники предавались отвратительному обжорству на своем людоедском пиру.

— Но, — воскликнул с ужасом и отвращением Шоколад, — ведь то, что вы мне предлагаете, — человеческое мясо!

— Ну, так что же из этого, если бы и так? — возразил Луш. — Нотариус приказал долго жить, а мы тут подыхали с голода... Пусть же мертвые послужат на пользу живым!

— Луш прав, — поддержали остальные негодяи с набитыми ртами. Но, заметив, что араб и мартиникиец с отвращением и ужасом отбросили от себя куски, которые они ели, Красный цинично добавил:

— Э, да Арби и Немытая рожа что-то жеманятся... Ну, тем лучше: больше нам останется!

— Так скажите мне, — сказал с видимым усилием Шоколад, — скажите мне по крайней мере, что вы его не убили?

— Да говорят же тебе, что его угорь прикончил. Немало было с ним хлопот, чтобы вытащить его из воды... Если бы не голод, так мы и возиться-то с ним не стали бы!

— Глупости! — возразил Луш, сознавая за собой поддержку Геркулеса и испытывая какое-то злобное наслаждение задирать Шоколада. — Ну, а что, если бы угорь был тут ни при чем? Что бы ты сделал, скажи на милость?

— Я предпочел бы вернуться туда, откуда мы бежали, снова влачить за собой цепь и ядро и до конца дней моих есть одни квашеные огурцы, чем оставаться здесь хоть одну лишнюю минуту с вами! — отвечал с негодованием Шоколад.

Луш засмеялся скрипучим, старческим смехом.

— Э, да ты, брат, проповедуешь не хуже заправского попа! Тебе бы и следовало идти в попы, чем жениться и доводить себя до прихлопывания твоей чертовки!..

При этих словах несчастный резко вскрикнул и, побледнев, как мертвец, одним прыжком, словно тигр, бросился на старого негодяя, согнул его, как тростинку, пригнул к земле и ударом ноги приготовился было раздавить ему череп.

— Помогите! — захрипел старый разбойник. — Помогите! Прирежьте его, как свинью!..

Геркулес кинулся было на защиту своего сообщника, но тут же упал, как подкошенный, сраженный ударом кулака гиганта. При виде этого Красный и Кривой не решались тронуться с места. Судьба Луша, казалось, была уже решена; но вдруг в душе Шоколада произошел какой-то переворот, и он выпустил из рук негодяя и отрывисто проговорил:

— Довольно одного убийства!.. Довольно!..

Между тем Луш, не чувствуя более на себе железной руки Шоколада, жадно втягивал в себя воздух, и в то время, как Геркулес, наполовину лишь оправившийся от полученного тумака, с трудом подымался на ноги, ощупывая свои члены, негодяй обратился к Шоколаду:

— У тебя, брат, тяжелая рука, с тобой шутки плохи... Давай помиримся... Не стоит портить себе кровь из-за всяких пустяков... Будем друзьями... ладно? Нам еще немало остается сделать, чтобы стать свободными людьми, да нас и не так уж много!..

При этом он шепотом добавил, наклоняясь к самому уху Геркулеса:

— Вот птица, от которой нам при первой возможности следует избавиться!

Геркулес отвечал на это выразительным и одобрительным подмигиванием в то время, как Шоколад, молча отойдя в сторону, сел на траву и, опустив голову на руки, глубоко задумался.

Спустя полчаса компания беглых каторжников тронулась в путь, завернув в окровавленное платье несчастного Нотариуса остатки его мяса, предназначавшиеся на следующий ужин или обед.

Шоколад с арабом и мартиникийцем замыкали шествие на расстоянии каких-нибудь двадцати метров.

Эти бедняги, искренно возмущенные поступком товарищей, ничего так не желали, как расстаться со своими ужасными спутниками, и вполголоса совещались с Шоколадом, которому они всецело доверяли.

— Нам надо уйти от них, товарищ, — говорил араб своим красивым гортанным голосом. — Геркулес как-нибудь убьет тебя... Луш ему так сказал... я слышал!

— Ай, ай, ай! — подхватил чернокожий. — Мы уйдем от них на берег Кайены, а то они убьют нас... и съедят, как того несчастного!..

— Полно, ребята, — прервал их Шоколад, — несмотря на мучительный голод, к нему вернулась вся его энергия, — раз вы присоединяетесь ко мне, то обещаю вам, что я спасу вас. Последуем за ними до Ойапокка: втроем мы ничего не можем сделать; а там посмотрим, как нам без шума отделаться от них! Ну, а что касается их намерения прирезать меня, как цыпленка, то это еще мы посмотрим. Прежде всего, мы никогда не будем спать все трое одновременно; один из нас все время будет сторожить двух других во время сна. У нас два палаша, точно так же, как и у них... Значит, мы равны им по вооружению; кроме того, я запасусь хорошей дубинкой, такой, с которой я никого на свете не побоюсь, и с четырьмя справлюсь один. Так, значит, решено?

— Да, да... ты иди, куда хочешь, я всюду пойду за тобой! — сказал араб, к которому теперь вернулась вся его обычная энергия.

— А я куда пойду? Ты возьмешь меня с собой? Я буду смелее тигра и вернее пса! — проговорил мартиникиец.

— Ну, и прекрасно, друзья, превосходно. Если не падать духом, то мы доберемся до Бразилии и там найдем средства честно зарабатывать себе хлеб!

От Аппруага до Ойапокка считается по прямой линии около пятидесяти километров. По одной из наших хороших европейских дорог самый обыкновенный пешеход, не спеша, может пройти это расстояние в одни сутки.

Но, конечно, совершать переходы в условиях той нестерпимой жары, какая царит здесь, когда почва загромождена одичавшей растительностью, перерезана во многих местах реками и речками, оврагами и трещинами, становится более затруднительным. Но здесь существует все-таки нечто вроде дороги, соединяющей общину Аппруага с общиной Ойапокка, который не достает только городка со времени эвакуации пленников Сент-Жоржа и Серебряной горы. На всем громадном пространстве этой общины, обнимающей, приблизительно, около ста шестидесяти тысяч гектаров, встречаются лишь одинокие жилища, разбросанные там и сям или образовавшие небольшие группы, главным образом у Серебряной горы, где один из зажиточных фермеров продолжает эксплуатацию превосходного кофе, весьма известного среди знатоков этого продукта.

Эта тропа, называемая дорогой, след которой едва виден местами, во всяком случае, служит путникам уже ту службу, что указывает им надлежащее направление.

Приходится переправляться в нескольких местах через речки и ручьи, через бухты Ратимана и Арима, достигающие десяти метров ширины и значительной глубины. Далее встречаются несколько довольно крутых подъемов, числом тринадцать. Переправившись через заливчик Угря, вы очутитесь у бухты Тумуши, проследовав столь же долгим и трудным путем, идущим все время то в гору, то под гору. Восемь километров отделяют бухту Тумуши от реки Уанари, весьма значительной реки, впадающей в широкое устье Ойапокка.

Эта последняя часть пути была сопряжена с невероятными трудностями для беглецов; некоторые из них начали испытывать первые приступы местной лихорадки. Геркулес, Кривой и Красный ощущали сильную дрожь; зубы у них стучали; почти то же испытывал и араб. Только мартиникиец, Луш и Шоколад еще крепились. Между тем вскоре должны были понадобиться все силы, так как они были уже недалеко от устья реки, в том месте, где она имеет не менее двенадцати километров ширины. Они уже двое суток, как оставили за собой Аппруаг, и даже людоеды, принужденные бросить начавшие разлагаться от жары остатки трупа их товарища, подохли бы с голода, если бы Маленький Черныш, по счастливой случай-

ности, не разыскал под симарубами множество черепах. Охотникам издавна известно, что черепахи, чрезвычайно лакомые до плодов симарубы или квассии, почти не отходят от этих деревьев в ту пору, когда плоды их, созрев, градом сыплются на землю; черепахи с жадностью уничтожают их тут же.

Несмотря на свою слабость, беглецы утащили множество черепах, чтобы тотчас же испечь их в собственном панцире на горячих угольях и утолить этим вкусным горячим мясом томящий их голод.

Наконец, переправившись с невероятными трудностями через Уанари, они очутились неподалеку от горы Лукас, которая как бы всажена между устьями Уанари и Ойапокка, выдвигаясь в самое море, над которым она оканчивается отвесной стеной.

По другую сторону мутных вод реки виднелась темная полоса лесов Спорой территории. Это и была «Обетованная земля», один вид которой вызвал дикий крик радости у беглецов. На мгновение они забыли и пережитые муки, и страдания, и голод, и лихорадку, и все страхи и невзгоды, перенесенные со времени их бегства из острога. На радостях они забыли даже то чувство глухой ненависти, которое питали к троим из своих товарищей.

Затем у них явилась одна и та же мысль; надо переправиться во что бы то ни стало и переправиться как можно скорее; хотя кругом — пустыня, все же они будут чувствовать себя в полной безопасности только тогда, когда оставят за собой эту последнюю и грозную преграду.

«Надо соорудить плот! Скорее — новый плот»! Подходящего дерева здесь так много, что даже и Серебряная гора, как говорят, получила свое название от этих беловатых стволов деревьев цекроний, которыми поросли все ее склоны и листья которых с оборотной стороны имеют серебристо-белый цвет.

Наиболее сильные из беглецов, вооружившись своими абордажными палашами, стали срубать деревья, а остальные переносили их к воде, где связывали лианами. После двенадцатичасового упорного труда плот был готов. Усевшись на него, беглецы поспешили переправиться на другой берег.

Они пристали к нему, промокшие до костей, с окровавленными ногами, с распухшими и израненными икрами, исцарапанными колючими растениями и острыми камнями. Все, как обезумевшие, кинулись вперед на рыхлую почву отмели, увязнув в ней по колена.

Но что из того? Теперь они свободные, вольные люди! Вольные, как дикие звери в лесу, на которых они весьма походили и по своим зверским инстинктам, и по своим чудовищным аппетитам.

Собрав последние силы, каторжники выбрались из ила и тины отмели на твердую землю и остановились, совершенно выбившись из сил, едва переводя дух.

Четверо бандитов затянули глупую, бессмысленную и бесстыдную песню каторжан, а остальные трое молча пожимали друг другу руки.

— Ну, товарищи! — воскликнул Луш, сделавшийся теперь снова столь же речистым, как в былое время на базарах и ярмарках, когда зазывал в свой балаган зрителей. — Довольно пустословить! Теперь, когда мы, так сказать, дома, нам следует прежде всего выработать план действий!

— О, что касается меня, — заявил Геркулес, — я просто хочу отправиться в Бразилию; там, говорят, есть города, настоящие, хорошие города, и там я, наверное, найду себе занятие по своей специальности!

— Да, паренек, я прекрасно соображаю, к чему ты клонишь дело! Но видишь ли, голубчик, прежде, чем приняться за твое прежнее ремесло грабителя в сообщничестве с Лушем, который так ловко и хорошо умеет управляться со всякими замками, надо нам еще заглянуть в ресторан, а потом уже подумать о проездных билетах в те города, о которых ты говоришь!

— О, еда всегда приходит на ум, когда перестаешь чувствовать за собой погоню хватальных мастеров (жандармов), — ухмыльнулся Геркулес. — Ну, а скажи на милость, далеко эта Бразилия?

— Да как тебе сказать, сын мой, так напрямик, как птица, лье около ста.

— Сто лье!

— Э, да неужели же опять придется так плестись, как мы и плелись до сих пор от самой Кайены?! Ну, нет, мое почтение... если так, то это вовсе не весело!

— Да подожди, дай оглядеться! Как-нибудь все устроится! Вместо того чтобы избегать жилищ и людей, мы, напротив, будем искать их и, когда набредем на жилье, так позаимствуем провиант у тех добрых людей, что проживают там!..

— А если нас накроют?

— Как ты глуп! Ведь я же тебе говорю, что здесь нет ни полиции, ни жандармов, ни судей, ни солдат... Понимаешь?

— Прекрасная страна, нееговсказать!

— А жители здесь такие же добрые люди, как и мы с тобой; они удрали либо от французской Гвианы, либо из Бразилии.

— Так значит, они теперь работают для того, чтобы прокормиться?!

— Надо так полагать!

— Вот прекрасно-то! Быть на свободе и портить себе кровь, гнуть спину над работой! Да это и там, в остроге, не многим хуже того...

Продолжая этот поучительный разговор, голодные беглецы принялись отыскивать речных устриц и креветок, которыми и стали утолять свой аппетит, затем двинулись дальше, на этот раз уклоняясь несколько к югу, чтобы избежать громаднейших болот, тянущихся вдоль всего берега.

На этот раз счастливый случай, на который они столько раз рассчитывали, действительно, благоприятствовал им. Они вдруг неожиданно вышли на большую прогалину, вырубленное и расчищенное от леса место, расположенное над довольно широким заливом, вероятно, образуемым Уассой, довольно широкой и быстрой рекой, впадающей в устье Ойапокка с правой стороны и несколько выше Уанари.

Небольшие участки полей с совершенно уже зрелыми маниоком, маисом предстали их взорам; кругом были рассеяны группы хижин, расположенных в тени плодовых деревьев, бананов, хлебных деревьев, защищавших также своей тенью молодые кофейные посадки.

С присущей каторжникам смелостью наши беглецы пошли вперед и, подгоняемые мучительным голодом, смело вошли в одну из хижин. Скромное жилище было пусто, как, впрочем, и все остальные хижины, но по всему

было видно, что хозяева где-нибудь недалеко. Кроме того, вот еще подробность, имевшая громадное значение для людей в положении наших беглецов; все эти хижины были положительно набиты съестными припасами. Тут были и лепешки из кассавы, пагары, корзины, полные куака, иначе говоря, грубой маниоковой муки, котури, то есть спинные корзины, нагруженные доверху колосьями маиса, целые горы копченой рыбы, целые гирлянды вяленого мяса, громадные чашки с кофейными зернами и даже кристаллизованный сок сахарного тростника, словом здесь ни в чем не было недостатка, причем подбор продуктов свидетельствовал об основательном знакомстве с требованиями местной жизни.

Без дальнейших церемоний каторжане расположилсиь здесь, как в своей собственной кладовой, с жадностью набросились на пищу и принялись уничтожать ее с невероятным обжорством. Трудно, да и бесполезно было бы перечислять количество уничтоженных ими продуктов, — да и не все ли это равно?!

Наконец, наевшись до пресыщения, беглецы стали желать уже и излишнего, по крайней мере, четверо негодяев, с которыми Шоколад, араб и чернокожий продолжали еще оставаться до первого удобного случая.

— Что касается меня, то я с удовольствием выкурил бы трубочку! — проговорил Красный.

— Ну, а я, — сказал Луш, — охотно выкурил бы и трубочку и выпил бы еще чашечку кофе!

— Да вот! — воскликнул Красный. — Здесь и трубки, и табак!

— Э, да здесь есть решительно все, это — настоящий рай.

— Право, хорошо быть свободными и есть, сколько душе угодно!

— Да, если бы и дальше так было!

— Хм! У меня явилась мысль! — воскликнул Луш. — Первобытные люди, обитающие в этих прекрасных местах, должно быть какие-нибудь добродушные негры-мароны, с которыми можно будет сговориться!

— Каким образом? — спросил Геркулес, который всегда был охоч расспрашивать.

— Да так же просто, как курить этот табак, который не наш! Ведь негры для этого и созданы, чтобы работать,

не правда ли? И работать на других, на белых, как мы! Ну, так и заставим их работать на нас, а если они не останутся этим довольны, то здесь по соседству растет достаточно дубин, чтобы вразумить их, тогда они в силу убеждения сделаются нашими рабами, невольниками или, вернее, нашими слугами, это слово звучит приличнее. Тогда наступят еще хорошие дни и для нас, воров!

— Я, например, охотно стал бы хозяином поместья! — заявил в заключение Луш.

— Прекрасная идея!.. Превосходная! — воскликнули бандиты. — Да здравствует господин Луш, хитрец из хитрецов!

Но Шоколад, до сего времени не проронивший ни единого слова, одним своим возражением разрушил эту заманчивую картину.

— Ну, а если этим неизвестным придет фантазия обратить вас в рабство? Что, если они более многочисленны, чем мы, и заставят вас работать, как каторжных, как вы и есть, и станут за это расплачиваться с вами ботогами? Что вы на это скажите?

— Ты, Шоколад, не часто говоришь, но каждый раз, когда ты раскрываешь рот, мне кажется, что я слышу адвоката, — заметил Луш. — Но ты прав, и я предлагаю товарищам убираться подобру-поздорому... Кстати, я только что заметил там, на отмели, две хорошеньких пироги. Надо, не теряя попусту времени, сейчас же нагрузить одну из них припасами, схватить каждому по нагайке, затем усилить наше вооружение, захватив здесь сабли, которых у нас недостает на всех, и затем айда!

— Одобряем! — крикнули в один голос Геркулес, Красный и Кривой.

Менее чем в четверть часа туземная маленькая пирога была нагружена до краев и готова к отплытию.

Шоколад, который поневоле был вынужден участвовать в грабеже, также сел в пирогу вместе с арабом и Чернышем.

И вот вся шайка благополучно удалилась после того, как предусмотрительный Луш проткнул дно другой пироги веслом, чтобы помешать погоне.

В продолжение дня они поднялись вверх по заливу и перед ночью пристали к лесочку, доходившему до самого

берега, чрезвычайно болотистого, что вызвало целый град проклятий у Геркулеса, который проклинал себя и других за то, что забыл захватить с собой гамаки. Пришлось возместить эти столь полезные в южных лесах висячие койки толстой подстилкой из листьев кумбу и заснуть на ней сном праведников.

Неприятный сюрприз ожидал их при пробуждении.

Злобные крики и свирепые возгласы на непонятном наречии огласили воздух, и восемь человек, из которых двое были вооружены ружьями, а остальные — саблями, обрушились на лагерь беглецов.

По блестящим черным глазам под густыми бровями, по матово-желтому цвету лица, по гладким черным волосам в нападающих можно было узнать португальцев, тип которых был достаточно знаком бывшим каторжникам, так как их нередко можно встретить во французской Гвиане. Вскочив моментально на ноги, беглецы тотчас же сообразили, что перед ними ограбленные ими люди, и приготовились к защите.

Восемь человек против семерых можно считать равными шансами, если бы не два ружья, дула которых были угрожающе направлены на каторжников.

— Вот видишь, — говорил Шоколад Лушу. — Разве я не был прав, предполагая, что ваши мнимые рабы могли со своей стороны иметь намерение обратить вас в рабов?!

— Ну, это еще надо посмотреть! — отвечал разбойник.

— О, смотреть тут нечего, а лучше вступить в переговоры!

— Каким образом?

— У тебя есть деньги, уплати им убыток — и дело с концом, а не то берегись!

— Хм! А ведь это было бы забавно и совершенно противно моим привычкам! — отозвался Луш.

Однако страх на этот раз взял верх над жадностью, и он попытался пойти на мировую.

Сделав знак предводителю, он медленно достал из снятого с убитого им араба пояса золотую монету, взял ее двумя пальцами, поднес к глазам обворованного человека и, лукаво подмигнув, сказал:

— Не сердись, приятель, мы вам заплатим! Светленькой двадцатифранковой монеты с вас, наверное, хватит за продукт и пирогу! Не правда ли?

Но португалец сделав энергичный отрицательный жест и, посоветовавшись со своими товарищами, повелительно потребовал, чтобы ему отдали весь пояс со всем, что в нем было.

Геркулес, услыхав это требование, принялся осыпать врагов отменными ругательствами, угрожающе размахивая своим тяжелым веслом.

— Что еще? Церемонии?! Берите червончик, да и с Богом, вертай назад, а не то я вас угощу по-свойски... вот так! — и с этими словами гигант, размахнувшись веслом, с такой силой ударил им по близстоящему стволу кайенской пальмы, что начисто срезал его, как топором.

Португальцы, ошеломленные этим ударом, в первый момент приняли его за сигнал общего нападения, и их предводитель скомандовал своим стрелкам стрелять.

Курки щелкнули, но, точно сговорившись, дали осечку, что вызвало шумный хохот со стороны каторжников.

Геркулес повторил свой прием. Товарищи, обступив его, подражали с большей или меньшей ловкостью и силой, смотря по способности. Тогда португальцы, видя себя вооруженными одними саблями против столь решительных и смелых людей, начали отступать. Каторжники, со своей стороны, довольные тем, что так легко отделались, возвратились к пироге, в одну минуту вскочили в нее и бежали, преследуемые криками бессильной злобы португальцев.

— Ну вот! — как бы в заключение сказал Луш. — Я так и знал, что это прекрасно уладится! Хитрецы всегда торжествуют, и, право, как-то особенно приятно запасаться провиантом, не расходуясь для этого из своего кошелька!

— Говори, говори! — пробормотал ворчливо Шоколад. — Если бы ты понимал, как я, что они говорили, то не так бы похвалялся и не задирал бы прежде времени нос!

— Пфа! Я слышал, что они кричали там какие-то глупости на своем обезьяньем языке... Но мне на них наплевать!

— Говори, говори!

— Да ты понимаешь что ли по-португальски?

— Я прожил два года на верфях в Спархуине с португальцами, маронами капитана Бастиен!

— Ты чего не наговоришь!.. Ну, так что же эти черти португальцы сейчас говорили, давай послушаем!

— Что они пошли за подкреплением, что они все станут преследовать нас и сумеют разделаться с нами!

— Ну, и что же?

— Что они свяжут нас по рукам и по ногам, как телят перед убоем, и доставят в Кайену, чтобы получить за нас премию.

Глава VII

Шесть лет тишины и спокойствия. — Начало тяжелых дней. — Раненый.— Приготовления. — Экспедиция. — Индейские сарбаканы и отравленные ядом кураре стрелы. — В поход. — След. — Каким образом индеец по одному запаху узнает огонь, разведенный белыми людьми. — На прогалине. — Оргия. — Проекты разбойников. — Страшная опасность, грозящая колонии. — Пленники. — Каким образом хочет отомстить Луш. — Раскаленная добела сабля. — Недоумение.

В первый раз за все шесть лет «искатели каучука» на Арагуари сделались жертвами нападения на их имущество и даже на жизнь.

Бывали, правда, изредка случаи, особенно в первое время основания этой маленькой колонии, что совершались хищения, но вскоре как беглые, живущие в этой стране, так и случайные прохожие поняли, что для них несравненно выгоднее не трогать этого поместья, где они во всякое время по своему выбору, в обмен на каучук, могут получить деньги, провиант или другие предметы необходимости.

Все кругом прекрасно знали, что если бы «серингаля дона Карлоса», как они называли владения молодого Шарля Робэна, не было здесь, то им пришлось бы очень далеко ходить со своими продуктами, пришлось бы иметь дело с бразильскими метисами, мамелюками (помесь индейцев и белых) и кафузами (помесь негров и индусов), несравненно менее добросовестными, чем французские колонисты.

Итак, во имя ли своих личных выгод, или во имя той симпатии, которую сумели внушить к себе молодой серигуеро и его ласковая семья, только все авантюристы этой страны, дезертиры, беглые невольники и иные беглецы, каторжники и поселенцы, люди более или менее подозрительные, бродячие индейцы и мнимо — оседлые жители жили мирно с многочисленным персоналом колонии.

Будучи уверены в том, что они во всякое время найдут здесь радушный прием, что они никогда не встретят отказа даже в небольшой денежной субсидии, в качестве ли аванса или просто так, что их здесь всегда снабдят, в счет будущих доставок каучука, всеми необходимыми для них орудиями, и одеждой, и припасами, эти люди ни разу не пытались нарушить свои нравственные обязательства по отношению к серингуеро, несмотря на то, что в этой стране нет ни властей, ни законов, ни вооруженной силы.

Поэтому не трудно себе представить то волнение, какое вызвало появление раненого негра, извещавшего о пожаре довольно значительного серингаля и об убийстве одного из работников, совершенном белыми людьми.

Шарль не имел надобности успокаивать свою жену, смелую и неустрашимую, какой и должна быть жена колониста-пионера.

Он поспешил допросить раненого, но бедняга, ослабев от потери крови и израсходовав весь запас своих же сил на быстрый бег, вдруг тяжело рухнул на землю, потеряв сознание.

Как человек, привычный к случайностям, Шарль, не теряя ни минуты, оказал ему первую помощь; с проворством и искусством настоящего хирурга он, осмотрев рану и найдя, что ни один из жизненных органов не задет, соединил края ее легким швом, остановил кровь.

У чернокожих атлетов, как у негров Бони, обмороки всегда непродолжительны. Раненый вскоре раскрыл глаза и со свойственной людям его расы подвижностью улыбнулся своему господину, который подносил в этот момент к его губам флягу с тафией, излюбленным напитком чернокожих.

— Ну, а теперь расскажи мне, что там случилось, — сказал молодой человек, снедаемый беспокойством, несмотря на свой наружно совершенно спокойный вид.

К сожалению, все сведения, какие получили от негра, были самые поверхностные.

Оказывается, он случайно зашел в свою хижину среди дня — захватить ружье с намерением убить хокко, крик которого он услышал в лесу, когда, добежав до прогалины, где стояли амбары и сараи, вдруг увидел густой дым и услышал треск... Все пылало! Полагая, что это произошло от несчастной случайности, он хотел попытаться спасти хоть что-нибудь, как вдруг наткнулся на чье-то тело, лежавшее поперек тропинки. С ужасом узнал он своего земляка Квассиба, с окровавленным лицом и грудью и без признаков жизни. Он хотел оказать помощь, как вдруг белые люди, одетые в грязные лохмотья, набросились на него с дикими криками.

— Сколько их было? — спросил Шарль.

Пять или шесть, кажется, он хорошенько не помнит, — и с ними столько же мулатов, вооруженных ружьями. Видя себя окруженным со всех сторон, он отчаянно отбивался и получил сабельный удар по плечу, но ему все-таки удалось вырваться от них, и он побежал сюда быстрее лани...

— Хорошо! А теперь посмотрим, что будет дальше! — заметил молодой человек со своим невозмутимым хладнокровием.

— Бог с ним, с серингалем, но я хочу знать, что сталось с бедным Квассибой. Я все-таки надеюсь, что он еще жив!

С этими словами он снял висевший на одном из столбов большой воловий рог и затрубил в него, громко и протяжно.

По этому сигналу, возвещающему утром и вечером, при начале работ и при окончании их, раздачу неоценимого нектара, называемого тафией, все негры, мулаты, индейцы, работавшие вокруг жилища, поспешили со всех ног к своему господину.

Шарль, знающий всех до одного своих служащих, наугад вызвал двенадцать человек и приказал встать у лестницы. Мулатов он отправил обратно на работу, а остальным, объяснив в нескольких словах положение дела, приказал:

— Пусть каждый из вас вооружится немедленно: негры — ружьями, индейцы — сарбаканами.

Чтобы не было пререканий, он умышленно избрал шесть негров и шесть краснокожих, и пока те побежали в свои хижины и карбеты * за оружием, Шарль взял короткоствольный карабин, только что привезенный из Кайены, и револьвер Нью-Кольт, пятизарядный, крупного калибра, тщательно зарядил их, затем захватил кожаный лакированный патронташ, наполненный зарядами, и прихватил еще маленький компас и небольшую карманную аптечку.

Жена, столько времени не видавшая мужа, мужественно подавила в себе волнение, при виде его нового отъезда, и, стараясь скрыть слезы, подступавшие к горлу, спокойная, как древняя римлянка, прощаясь, сказала:

— Будь осторожен!

— Да, да... конечно... Я захватил с собой на четыре дня провианта, но надеюсь вернуться раньше... Я уезжаю спокойно, так как оставляю тебя на Ломи, а те двадцать человек, которые остаются здесь, в случае беды стоят целой армии!

Затем, не добавив ни слова, он молча поцеловал по очереди своих четверых детей и спустился на эспланаду перед домом.

Участники экспедиции стекались один за другим с удивительной поспешностью и видимой готовностью последовать за своим господином хоть на край света; несмотря на обычную апатию этих людей, всех их одушевляло желание что-нибудь сделать, чтобы отвратить грозящую колонии беду. Даже индейцы, эти неисправимые лентяи, и те бежали рысцой, угрожающе потрясая своими сарбаканами.

Раз их господин приказал захватить с собой эти смертоносные орудия, значит, дело действительно серьезно, а между тем нет ничего более безобидного на вид, как эти хрупкие полые внутри трубки длиною около трех метров, состоящие из двух лежащих одна на другой трубок и свя-

---

* *Негры Бош и Бони с верхнего Марони — это бывшие невольники голландцев, вольные уже больше века; они сохранили для своих жилищ в полной неприкосновенности тип хижин своих африканских предков, со всех сторон закрытых, тогда как карбеты индейцев, напротив, совершенно открыты со всех сторон и представляют собою только одну кровлю на столбах.*

занные между собой простыми пропитанными смолой волокнами. Что же касается стрел, которые, точно гром, поражают ягуара или тапира, то их можно бы принять за простые деревянные спицы или спички длиной менее двадцати сантиметров, и положительно кажется непонятным, как благодаря маленьким шарикам из шелковистого вещества, окружающим основание и середину ствола, эти стрелы могут попадать в цель так метко и верно. Но коричневый заостренный конец, слегка зарубленный, пропитан кураре, и этим сказано все; малейший укол влечет неминуемую смерть, более верную даже, чем укол гремучей змеи.

Наконец, все люди маленького отряда были в сборе и тотчас же выступили в поход, держа путь на юго-восток и почти не уклоняясь от берега Арагуари. Одетые только в одни холщовые штаны, босые, с обнаженными головами, как и подобает настоящим обитателям лесов, черепа которых не боятся солнечного удара и солнечного припека, они быстро подвигались вперед.

Менее чем за два с половиной часа маленький отряд колонистов прошел пространство, отделяющее жилище синьора Карлоса от подожженного негодяями серингаля.

Оказалось, что раненый вестник ничего не преувеличил: строения представляли собой груду пепла; запасы каучука, съестные припасы, одежда, орудие и оружие и скромная утварь — все было уничтожено огнем или грабителями.

Шарль, с первого взгляда увидевший убытки, отнесся к ним, по-видимому, совершенно спокойно, но не мог, однако, скрыть своей тревоги, не видя на месте тела несчастной жертвы. Впрочем, один из индейцев успокоил его.

— Вот там, господин, — сказал он, указывая на группу в несколько человек под громадным «Гигантским Хевеа», деревом, из которого добывался каучук.

Быстрыми шагами молодой человек подошел к группе и с радостью узнал бедного Квассиба, лежащего на подстилке из листьев, а подле него двух других негров, заботливо и толково ухаживающих за ним.

Эти двое людей, также из числа рабочих серингаля, возвращаясь на склад со своим сбором каучука, наткнулись на тело потерявшего сознание товарища, пла-

вавшее в крови, в нескольких шагах от дымящихся развалин серингаля. Хоть раны несчастного были довольно серьезны и опасны даже для жизни, тем не менее Бони пришел в себя. Он узнал своего господина и со слезами на глазах пожал протянутую ему руку.

— Ах, господин, — прошептал он угасающим голосом, — бедный Квассиба умирает... он не увидит больше своей жены... своих малюток...

— Нет, нет, мой друг, ты не умрешь, ты увидишь твою жену и детей, будь спокоен!

— О... я очень болен, господин... Эти скверные люди хотят идти к вашему дому, господин, сжечь его и убить всех...

— Кто они такие? Сколько их?.. Знаешь ты их?

— Я полагаю, что это мароны, т.е. беглые каторжники из Кайены... с португальскими мулатами... всех человек шесть или восемь, не знаю, наверное... Берегитесь их, господин!

— Можешь ты рассказать, как все это случилось и в каком направлении они бежали отсюда?!

Но раненый, голос которого слабел с каждой минутой, теперь произнес лишь какие-то несвязные слова, прерываемые стонами, а затем начал бредить.

Приказав тотчас же отнести раненого в свою усадьбу, Шарль под личным наблюдением велел уложить его на носилки, наскоро изготовленные из гамака; двое его товарищей взялись нести носилки, но молодой человек отрядил еще двоих из сопровождавших его негров сопутствовать раненому и сменять носильщиков во время пути.

Когда те были готовы тронуться в путь, Шарль обратился к ним еще со следующими словами:

— Вы передадите Ломи, чтобы он не дозволял никому удаляться от дома и чтобы он и люди день и ночь сторожили дом до моего возвращения. Что же касается Квассиба, то пусть его поместят в моем доме, и госпожа сама будет ухаживать за ним. Скажите старой Атине от моего имени, чтобы она тотчас же дала больному «исиво» и пользовала его, как если бы он был индеец; таково мое приказание ей. Так и скажите. Ну, а теперь прощайте, дети мои, идите с Богом, а мы двинемся на розыски!

Напасть на след негодяев было не трудно для жителей лесов, привыкших с самых юных лет бродить во всех направлениях по этим чащам тропических девственных лесов.

Шарль, который в этом отношении не уступал ни одному из индейцев или негров, шел впереди.

Впрочем, на этот раз нетрудно было найти след, так как негодяи не постарались даже скрыть его. Он вел прямо в глубь леса, избегая тропинок, но так прямо, что можно было безошибочно сказать, что предводителем был человек, знакомый с жизнью дикарей.

После двух часов быстрого хода индеец Пиражиба, шедший впереди, остановился и голосом, едва слышным, сказал Шарлю, шедшему непосредственно за ним:

— Господин, они здесь!

— Но ведь ты их не видишь и не слышишь!

— Да, но я чую носом запах костра, разложенного белыми!

Шарль, зная, что Пиражиба столь же непогрешимый следопыт, как и путеводитель, одобрительно кивнул ему головой, как ни странно могло бы показаться всякому другому подобное уверение.

Маленький отряд осторожно продолжал продвигаться вперед и через каких-нибудь пятьсот метров вышел на большую поляну, на краю которой виднелся полуразрушенный карбет, давно заброшенный серингуерами.

Густой дым тяжелым облаком подымался спиралями кверху над громадным костром, едва достигая до середины деревьев: настолько здесь атмосфера пропитана сыростью и влагой. Дым от костра стлался густым голубоватым облаком, неподвижно повисшим на уровне средних ветвей деревьев. Инстинкт краснокожего не обманул его: действительно, туземцы никогда бы не воспользовались для костра этим деревом, распространяющим столь едкий дым, который сообщил бы пище, изготовленной на нем, отвратительный привкус и, кроме того, мог выдать их присутствие врагу.

Но, с другой стороны, беглецы, быть может, рассчитывали на свою численность или же слишком были уверены в своей безнаказанности; но только издали уже был слышен их громкий говор, шумный смех и даже песни.

— Эти негодяи пьяны, как пираты после попойки, — сказал Шарль, вспомнив, что в подожженном карбете находился полубочонок тафии, содержащий около двадцати литров этой туземной водки.

Не теряя ни минуты, молодой человек распорядился оцепить с трех сторон старое строение, что нетрудно было уже потому, что его окружали со всех сторон могучие старые деревья, за толстыми стволами которых могли скрыться осаждающие.

Но, не желая ничего предоставить на волю случая, Шарль отрядил троих индейцев, которым поручил обойти кругом всю поляну и засесть в засаду, чтобы отрезать путь негодяям, в случае если бы те вздумали бежать с той стороны, которая оставалась незащищенной, и предписал им сделать все возможное, чтобы захватить разбойников живыми.

В заключение он приказал своим людям оставаться скрытыми за деревьями до последней минуты, предоставив ему одному войти под навес карбета, и только когда он крикнет им: «Сюда, ко мне!» — происоединиться к нему.

Пока трое индейцев пробирались до места засады, Шарль и остальные семь человек осторожно пошели в обход, стараясь не производить ни малейшего шороха и все время скрываться за деревьями.

Подойдя к карбету, Шарль забрался в густой куст ауара, откуда ему было видно каждое движение и слышно каждое слово негодяев.

Но разбойники, видимо, до того были уверены в своей безнаказанности, что не позаботились даже выставить часового.

Одни из них, развалясь в гамаках, курили или дули, как воду, тафию, другие пожирали сушеную рыбу и кассаву, прерывая свое занятие лишь для того, чтобы прополоскать горло тем же огневым напитком.

Вдруг к диким голосам и ругани пирующих присоединился страшный шум, как бы глухое мычание быков, встревоженных чем-нибудь или разгневанных. Шарль, которому карбет заслонял поляну, в первый момент не мог дать себе отчета в том, откуда происходили эти звуки.

Впрочем, разговоры, ясно доносившиеся до его слуха, настолько поглощали его внимание, что мешали ему подумать о шуме.

— А знатная рыба у этого торговца каучуком! — сказал чей-то тягучий голос пьянчуги.

— Эй, Геркулес!

— Что скажешь, господин Луш?

— Ты даже ничего не говоришь, а все только рот набиваешь! Ты хоть бы спел что-нибудь, поразвеселил бы товарищей!

— Я хотел бы, чтобы все были, как я... мне все представляется в розовом свете, я никогда еще не был так счастлив.

— Погоди, приятель, когда я хорошенько подкреплю свое нутро, тогда ты увидишь!

— Эй, да что эта скотина ревет так... можно подумать, что она чует что-то!

— Ты не клепай на нашу кавалерию!

— Бедняги, они, конечно, не стоят коней, но все же, при случае, могут оказать важную услугу... Я люблю их, как родных детей!

— А хмель-то у тебя какой нежный да чувствительный!.. Как подумаешь, такой старый, закоренелый преступник, из-за которого у нашего общего господина и покровителя черта чуть все котлы не лопнули, когда он варил тебя, а туда же — расчувствовался!.. И подумать, что ты там на «Форели» гвоздем пробуравил башку этому бедняге-арабу... а тут не сумел как следует прибрать этого черномазого, который сегодня утром хотел помешать нам грабить!..

— Да, брат... это была «плохая работа»; признюсь, не чисто сработал... я его только полоснул вместо того, чтобы прирезать, как быть должно, это, видишь ли, потому, что я навык потерял!

— Ну, об этом не горюй: скоро ты снова набьешь руку; впереди ведь будет случай поработать!

— И то правда!

— Ты думаешь, мы долго здесь будем толкаться по соседству с этим прекрасным жилищем — и не постараемся попировать в нем?!

— Да ведь ты, кажется, слышал, что нам рассказывали наши новые союзники-мулаты.

— Настоящие чудеса!

— Ну вот то-то и есть; просто зубы чешутся, и глаза разгораются!

— А там, когда мы все пообчистим, тогда и валяй дальше на всех парусах!

— Там у них, говорят, настоящие суда есть, которые с полным удобством доставят нас в Бразилию вместе со всеми товарищами, припасами и со всеми деньгами колониста!

— Да, это превосходное дело — прибыть туда не с пустыми руками, чтобы и там сперва повеселиться!

— Но послушай, ведь там, говорят, немало людей, в этом дворце-то! Что как они осмелятся встретить нас ружейными выстрелами?

— Да полно тебе! Хозяин-то в отсутствии; он теперь в Кайене; только его баба с ребятенками дома, да еще сколько-то черномазых да краснокожих! А это не стоит выеденного яйца!

— Ну, так пойдем! И если хочешь меня послушать, учиним погром теперь же!

— Теперь же — это значит завтра, так как сегодня мы предаемся веселью. Кроме того, — добавил негодяй зловещим тоном, — на сегодня у нас есть работа.

— Какая же?

— А выпустить кишки тем трем баранам, что лежат там, связанные...

— Так ты непременно хочешь уничтожить их?.. Мне это не совсем по душе, из-за Шоколада... Это, знаешь ли, в сущности не дурной парень, несколько горлодер, но он ни разу не выказал себя дурным товарищем... ну, а что касается Маленького Черныша, то мне наплевать на него: ведь он не более, как негр... А Мабуля не жаль: одним арабом меньше — не большая важность!

— Шоколад должен умереть первый, — прервал старый бандит своего собеседника тоном, не терпящим возражения и полным сдержанной ненависти. — Я еще не забыл, как он меня помял тогда, когда мы прибрали Нотариуса!

— Да разве он мало нас допекал всякий раз, как нам приходилось что-нибудь стибрить?! Ведь из-за каждого пустяка чуть не драться с ним приходилось!

— Ну вот то-то и есть! Я щадил его до сих пор, потому что он говорит по-португальски и был нам нужен. Разве ты забыл, как он со своими двумя ротозеями воспротивился нам, когда ты свалил с ног этого черномазого.

Ведь прямо по его вине ты не смог его разом прикончить; по его же вине и тот, другой, успел убежать в направлении главного жилья... Нет, подожди только! Я тебя научу разыгрывать филантропа!

— Хм! Ты на кого хочешь наговоришь с гору!

— А разве не правда? Этот господин Шоколад, видите ли, вздумал разыгрывать честного и порядочного человека... Ну, а этих честных людей нам не нужно!

— Ну, это — твое дело! Я умываю руки; во всяком случае я не берусь сводить с ним счеты; на меня в этом деле не рассчитывай!

— Да я всажу свою саблю в живот каждому, кто только вздумает встать на мое место! Я сам хочу с ним разделаться, и ты увидишь, как я его обработаю!

И таково было жестокое выражение ненависти и злобы в лице и голосе старого негодяя, что даже Геркулес, этот закоренелый разбойник, и тот невольно содрогнулся при последних словах.

— Помнишь, — продолжал Луш, — ты еще спрашивал меня, когда мы, захватив этих трех молодцов врасплох, повалили и связали, зачем я сунул свою саблю в огонь!

— Ну да, я не мог понять, зачем тебе понадобилось превратить блестящий стальной клинок в какую-то железную кочергу!

— Вот увидишь! Смотри, сабля эта раскалилась добела, и теперь я хочу ею перепилить ему шею! Понял теперь? Эй, вы там, тише! — заревел Луш, обращаясь к остальным, и на мгновение грозный окрик его покрыл шум и гам оживленной ругани и шуток каторжников. — Я обещал вам под конец пирушки интересное зрелище, даровое представление!.. Подходи ближе! Платы ни с кого не взымается! Знайте это!

С этими словами старый Луш, выйдя из гамака, неверной поступью пьяного человека приблизился к костру, взял за деревянную рукоятку, приделанную к стальному клинку, саблю, весь клинок которой был скрыт под горячими углями костра и теперь горел, как огненный меч архангела.

— Ну, теперь мы с тобой посчитаемся, Шокол...

Но слово замерло у него на устах, и раскаленное оружие выпало из рук. Он попятился назад, как будто

наступил на какого-нибудь гада, и встал, совершенно остолбенев, при виде человека высокого роста с ружьем за спиной и скрещенными на груди руками, который, словно грозное привидение, вдруг точно вырос из-под земли.

Крики проклятия замерли на устах остальных разбойников, которыми также овладел ужас.

На прогалине воцарилась мертвая тишина.

— Я запрещаю вам трогать этого человека, — сказал незнакомец на чистейшем французском языке звучно и властно.

Глава VIII

Сюда! — Геркулес становится стратегом. — Новый Самсон. — Пойманы в западню. — Кавалерия каторжников. — Оседланные быки. — Кураре. — Безмолвная смерть. — Бесполезная борьба. — Пленники. — Ведомые на привязи. — Подлость. — Возвращение. — Последняя фаза эвакуации. — Предусмотрительность. — Через Спорную территорию. — Новые рекруты. — Поимка скота. — Исповедь Шоколада. — «Приставьте меня к делу!» — Условное прощение. — Каждому по делам его. — Принудительные работы.

При последних словах молодого человека, неожиданное появление которого ошеломило негодяев, чары рассеялись, и Геркулес первый вернул себе самообладание.

— Аа, да ты один! Так подожди же! Я переломлю тебя, как спичку! — бешено заревел он.

Но Шоколад, видя гибель, грозившую его нежданному защитнику, крикнул:

— Перережь мои путы, и нас будет двое!

— Сюда! — вскрикнул в этот момент Шарль.

На этот крик негры и индейцы, скрывавшиеся за деревьями, кинулись вперед со своими ружьями и сарбаканами.

— Тысяча чертей! — воскликнул Луш. — Мы попались! Спасайся, кто может!

— Стой! — крикнул Шарль своим командирским голосом. — Сдавайтесь, не то вы все до единого погибли!

При виде неминуемой опасности в Геркулесе проявились способности, которых ни сам он, ни кто другой в нем никогда не подозревали. В одно мгновение ока смелый план созрел в его голове.

— Хорошо, хорошо! — пробормотал он сердитым недовольным голосом. — Покончим дело миром!

Затем шепотом добавил, наклоняясь к самому уху Луша:

— Ты и товарищи, встаньте за моей спиной и, по моему знаку, бегите к быкам!

Между тем Геркулес оперся об один из столбов старого строения, как бы для того, чтобы обезопасить себя со спины; вдруг он выпрямился, напряг свои сильные мускулы и вскрикнул торжествующим голосом:

— Бегите, товарищи! Они попали в западню!

Действительно, в этот момент ветхое здание рухнуло, погребая под собою всех семерых врагов под грудой обломков, щепок, старой листвы, гнили и мусора.

Пока колонисты выбирались из-под этой бесформенной груды, каторжники и мулаты, выбежав на прогалину, в несколько прыжков очутились у быков, над которыми так умилялся еще недавно Луш. То были двенадцать мелкорослых волов, привязанных бок о бок к кольям, вбитым в землю, и стоявших неподвижно, как вкопанные, что было по меньшей мере странно, в виду обычно столь неукротимого нрава этих животных, этих диких детей саванны... Но несчастные животные поневоле забыли свой буйный нрав, так как у каждого из них было продето сквозь ноздри веревочное кольцо или глухая петля, а оттуда шли еще другие две веревки, так что образовалось подобие веревочных удил, приспособленных не ко рту, а к ноздрям, то есть к самому болезненному, чувствительному месту животного.

Нетрудно себе представить, что этот варварский способ быстро усмиряет их буйную и непокорную натуру.

Мгновенно перерезав своими ножами привязи, каторжники и мулаты вскочили на спины своих импровизированных коней и, ухватившись за уздечки, погоняя несчастных волов ударами ножей в шею, помчались, как бешеные, по направлению к лесу с дикими криками торжества и вызова.

Однако торжество их не долго продолжалось. Едва успели они выскочить на середину открытой поляны, как слух их уловил какой-то короткий свистящий звук, словно шелест тростника. В тот же момент трое из быков, несшихся во весь опор впереди других, вытянув хвосты и низко опустив головы, как-то разом зашатались и кинулись в сторону, как бы обуянные ужасом. Несколько секунд спустя трое других проявили те же симптомы ужаса, а там еще и еще трое — и вдруг все перестали повиноваться своим всадникам, несмотря на то, что те безжалостно бешено рвали им ноздри и положительно неистовствовали.

Несчастные животные, наконец, покорились и продолжали бежать дальше после упорного сопротивления, но на этот раз в них не было уже прежнего бешеного порыва; они сделались как-то вялы, бежали точно нехотя, издавая жалобное мычание, спотыкаясь, слабея с каждой минутой.

— Тысячи чертей! — ревел Луш. — Эти проклятые быки оставят нас на мели, и колонист со своими неграми перестреляет нас, как куропаток!

— Ну-ка, ребята, попытаемся все-таки добраться до леса! — кричали остальные, еще более перепуганные, чем раньше.

— Это бесполезно, товарищи, — возразил один из португальских мулатов, — наши быки ранены стрелами, отравленными ядом кураре, и через несколько секунд они все падут: этот яд никому не дает пощады!

— Вот, смотрите! — хладнокровно продолжал он. — Видите этот крошечный деревянный колышек, как бы обмотанный белой шелковой паутиной, который вонзился в морду моего быка? Не дотрагивайтесь до него!.. Это стрела индейцев; она вернее всякой пули и смертоносней яда гремучей змеи «боисиненга». Все наши быки до последнего ранены; через пять минут ни одного из них не останется.

И действительно, несчастные животные падали и запрокидывались один за другим под своими всадниками, мотая отчаянно головами, ворочая уже потухающими зрачками, и, наконец, оставались неподвижны.

Через минуту зеленая поляна представляла собой вид бойни; вооруженные саблями каторжники, опасаясь кро-

вавого возмездия со стороны поселенца, решили дорого продать свою жизнь и защищаться до последней крайности.

Но мулат, не разделявший их воинственного настроения, напротив, стоял за сдачу на милость победителя.

— Потому что, если бы этот человек хотел нашей смерти, то мог бы приказать своим индейцам стрелять по нас, а не по своим же быкам! И теперь мы все бы корчились и выворачивали белки, как эта бедная скотина! Значит, он хочет пощадить нас, взять нас живьем! — говорил он.

На это столь логичное рассуждение нечего было возразить. Между тем колонисты успели уже выбраться из-под развалин и мусора карбета и, не спеша, с полной уверенностью в себе, приближались к разбойникам. Позади их, на некотором расстоянии, плелись Шоколад, араб и мартиникиец, освобожденные Шарлем — и теперь с трудом владевшие своими руками, затекшими от пут, которыми они были связаны своими товарищами. Одновременно из-за деревьев, где они находились в засаде, вышли те три индейца, которые проявили такую удивительную ловкость в стрельбе отравленными стрелами.

Шарль, остановившись в нескольких шагах от негодяев, взвел курок своего револьвера и сказал самым спокойным, ровным голосом:

— Бросьте ваше оружие и сдайтесь!

Видя по его тону, что всякое сопротивление будет бесполезно, каторжники поспешили исполнить его требование.

— Ну, теперь подходите один за другим! Табира, возьми веревки от гамаков и свяжи им хорошенько руки за спиной.

Луш, помня свой сан и звание, подошел первый; вид у него был жалкий, он низко опустил голову и покорно протянул руки, как человек, которому не впервые надевают наручники или кандалы.

Однако ему хотелось умилостивить Шарля и представить ему якобы смягчающие вину обстоятельства.

— Пожалейте нас, великодушный господин, смилуйтесь над нами! — говорил он. — Мы несчастные люди, скорее заблудшие, чем преступные. Мы готовы вам пор-

учиться, что никогда более не отважимся снова на подобные дела! Клянусь вам: мы ничего так не желаем, как честно зарабатывать свой хлеб. Дайте нам возможность работать, и вы увидите!..

— Молчать! — крикнул ему молодой поселенец.

— Молю вас, не убивайте нас!.. Бога ради, не убивайте нас, добрый господин... Мы сделаем все, что вы захотите... Мы готовы даже снова вернуться в Кайену, если вы того потребуете... Пощадите нас!..

— Пиражиба, — сказал Шарль, не удостаивая ответом негодяя, — если этот человек осмелится еще раз обратиться ко мне или к кому-нибудь из вас, ты привяжешь его к дереву и угостишь пятьюдесятью ударами палок по спине.

Это радикальное средство, точно магической силой, разом остановило поток красноречия старого негодяя.

Процедура связывания негодяев заняла около двадцати минут времени, так как Табира старался исполнить это крайне добросовестно, сознавая всю важность возложенной на него обязанности.

Надежно связанных каторжников и их сообщников, кроме того, связали по четверо вместе надежными веревками, так что образовались четыре шеренги, по четыре человека в каждой, и при каждой в качестве надзирателя и караульного состоял один из негров Шарля.

После этого, как собаки в своре, порученные надежным псарям, они двинулись по направлению к подожженному ими карбету. Что же касается трупов убитых волов, то их предоставили в распоряжение муравьям, которые менее, чем в одни сутки, обчистят их и препарируют из них скелеты лучше любого анатома.

Индейцы шли по бокам отряда пленных, не спуская с них глаз на случай, впрочем весьма вероятный, если бы те вздумали пытаться бежать. Шарль замыкал шествие в сопровождении Шоколада, который подробно рассказал ему весь ряд событий, следовавших одно за другим со времени их бегства из острога, и каким путем он и его сотоварищи добрались, наконец, до серингаля молодого француза.

Шарль внимательно слушал, не прерывая рассказа, передаваемого глухим, монотонным голосом. Из него

молодой поселенец узнал, как после того, как негодяи ограбили португальцев в Уасса и чуть было не были захвачены ими и препровождены обратно в Кайену, беглецы с большим трудом ушли от преследований энергичных португальцев, которые гнались за ними долго и неустанно. Избегнув, наконец, этой опасности, самой серьезной из всех, каким они подвергались во время этого трудного, опасного и нескончаемого путешествия, каторжники решили добраться кратчайшим путем до берегов Амазонки, где рассчитывали найти возможность перебраться в Бразилию.

Переправившись через несколько рек, обогнув несколько озер, поблуждав в лесах, перейдя ряд саванн и повстречав несколько племен кочевых индейцев, которые, видя их ужасное положение, снабжали их из милости пищевыми продуктами, они после долгих мытарств пришли, наконец, в небольшое селение, жители которого были поглощены ожесточенным боем между собой.

Наученные горьким опытом, что жители Спорной территории чрезвычайно щепетильно относятся к своим правам собственности, беглецы, насколько возможно, воздерживались от грабежа, довольствуясь в большинстве случаев тем, что добровольно давали им.

Видя ожесточенный бой поселян, они решили не принимать участия в битве и схоронились по соседству с селением в маисовом поле, выжидая с нетерпением, присущим мучимым голодом, окончания боя.

Некоторые из дерущихся, окончательно оттесненные, обратились в бегство. Тогда каторжники разумно рассудили, что они могут присоединиться к беглецам. Общность положения могла способствовать их сближению, а знание здешних условий жизни могло только быть полезно им, незнакомым с этой местностью.

Нагнав бежавших с поля сражения, каторжники присоединились к ним и были тем охотнее приняты что, благодаря их числу, могли служить усилению маленького отряда.

Так как их новые союзники, бразильские мулаты, довольно хорошо изъяснялись на кайенском наречии, то они легко пришли к соглашению и тотчас же сго-

ворились. Это произошло неподалеку от маленькой речки Тартаругал на территории индейцев из племени куссари.

Мулаты, по слухам зная о молодом серингуеро и о его крупном хозяйстве, всячески стали расхваливать его зажиточность, богатые склады и запасы всякого добра. Не подлежало никакому сомнению, что там можно было бы найти какую-нибудь работу и даже весьма приличный заработок и уж во всяком случае радушный временный приют, в котором беглецы так нуждались.

— Работу! Да это пригодно и прилично только для негров! — воскликнул на это Луш с благородным негодованием. — А мы — французы, беглые люди, европейцы, и этот поселенец примет нас, как равных, и будет счастлив приобрести общество таких людей, как мы. В случае же, если он не окажет нам должного почтения и уважения, то пусть он бережется: мы его проучим по-своему!

Вслед за этим он стал развивать перед этими людьми, и так уже весьма склонными к отрицанию всякого права собственности у других, развращающие взгляды наживы и грабежа. Его речи не приминули оказать желаемое воздействие на умы слушателей. Не прошло и двух дней, как мулаты решили подвергнуть грабежу серингаль, — так искусно сумел старый каторжник подыскать извинительные причины для подобных деяний; и так как все беглецы были окончательно истощены и изнурены, то решено было в течение нескольких дней обсудить основательно план разгрома, а тем временем, во что бы то ни стало, подкормиться и поднабраться сил.

Они находились в тот момент среди обширной саванны, где мирно паслись громадные стада рогатого молочного скота и диких быков.

Бразильцы, имеющие навык в этом деле, изловили с помощью лассо несколько молодых бычков и таким образом обеспечили себя запасом свежего мяса. Затем, продолжая охотиться тем же образом, они поймали еще двенадцать отборных животных, которых впоследствии преобразили в кавалерийский ремонт, как мы только что видели, и тогда уже направились к жилищу молодого серингуеро.

Благодаря поистине удивительному инстинкту мулатов, они, почти не уклоняясь от прямого пути, приблизились уже на недалекое расстояние от жилища и очутились близ одиноко стоявшего в стороне серингаля, который и поспешили разгромить.

Тогда-то и произошли те события, которые уже известны нам, а именно: разграбление карбета, жилища негра Бони Квассиба, попытка убить его и товарищей; усилия Шоколада, араба и мартиникийца, пытавшихся спасти его от смерти и, действительно, отчасти помешавших совершению злодеяния, наконец, поджог строения и отступление разбойников, причем трое защитников Квассиба подверглись насилию со стороны своих же товарищей и чуть было не поплатились жизнью, да вмешался подоспевший вовремя Шарль.

Отряд пленников и победителей подходил к развалинам обгорелого серингаля, когда Шоколад докончил свой рассказ.

— А теперь, сударь, вы знаете всю правду без малейшей утайки! Как видите, я погрешил и был наказан, как того заслуживал. Теперь я бежал, это правда, но не мог долее выносить своего положения. Я не теряю, однако, надежды выйти на новую дорогу, и мое единственное желание — честно зарабатывать себе пропитание. Вы, конечно, ничем мне не обязаны; я человек, стоящий вне закона, беглый каторжник, которого всякий может безнаказанно убить, как собаку... Но если вы хотите сделать доброе дело и помочь бедняге, который твердо решил жить честно и который не боится никакой работы, то дайте мне где-нибудь у себя угол и работу; дайте взаймы несколько пригоршней куака и муки, одолжите мне на время орудия, нужные для работы, и вы увидите, что вам не придется раскаиваться в оказанной мне поддержке. Да вот еще эти двое моих товарищей; я уверен, что и они так же, как я, хотят стать честными работниками. Не откажите, сударь, сделать и для них то, о чем я просил для себя. Могу вас уверить, это будет доброе дело, и вы посодействуете этим возрождению трех несчастных, которые, во всяком случае, заслуживают сожаления, если не снисхождения!

— Вас зовут Винкельман; вы родом эльзасец, если не ошибаюсь, вы так сказали? — спросил Шарль, не давая прямого ответа.

— Да, сударь! Но только мне так тяжело слышать свое настоящее имя. Я так давно не слышал его, так давно никто не называл меня так! В остроге для всей администрации я был просто «номер седьмой», а мои товарищи по каторге прозвали меня Шоколадом, и, если вам все равно, зовите и вы меня так же!

— Хорошо, — согласился молодой человек. — Теперь выслушайте меня: неподалеку отсюда, в десяти километрах, не более, есть местность, изобилующая каучуковыми деревьями. Я намеревался заняться в ближайшем времени эксплуатацией этой местности. Там вы и ваши двое товарищей можете работать; пищевыми запасами, одеждой и необходимыми орудиями, гамаком и чистым одеялом вас снабдят; вы построите себе там карбет, а двое из моих лучших рабочих обучат вас этой работе, так что вы станете равноправными рабочими на серингале. По истечении трех месяцев вы доставите мне на дом продукты ваших трудов и получите за них установленную плату. Но не ранее, как по истечении трех месяцев. Поняли? Затем еще одно условие: кроме серьезной необходимости, вы не должны ни под каким видом покидать своих сараев, где будет производиться работа, и своего участка! От вас будет зависеть впоследствии улучшить ваше положение!

Каторжник, приложив руку к сильно бьющемуся сердцу, сказал:

— Благодарю вас, сударь: вы спасли мне более, чем жизнь!

— А теперь, — обратился Шарль к остальным, — я, конечно, мог бы сейчас же казнить вас, приказав моим индейцам убить вас, как собак, или же по меньшей мере отправить вас одних в Кайену, а других в Балем. И это мое неотъемлемое право, быть может, даже мой прямой долг. Вы пытались совершить насилие над моими людьми, намеревались разграбить мое имущество, и никто не может мне помешать совершить над вами суд и расправу, так как я считаю это справедливым по чести и совести. Но вместе с тем я не могу допустить мысли, что даже такие люди, как вы, как бы глубоко ни погрязли в

пороках, всегда и бесповоротно оставались бы негодяями, невзирая ни на что. И вот, только в силу этого убеждения, я на этот раз готов пощадить вашу жизнь и отсрочить ваше водворение в места заключения, в те остроги, откуда вы бежали.

При этих словах, столь великодушных и столь неожиданных для провинившихся негодяев, последние разразились шумными криками радости и выражениями безграничной благодарности.

— Молчать! — гневно крикнул на них молодой человек. — Когда я говорю, никто не смеет открывать рта! Вам предоставляется единственная, быть может, возможность искупить свои преступления путем труда и раскаяния, и я предлагаю вам верное средство для этого. Завтра днем за вами приедут лодки и отвезут вас в одно место, где вы будете пользоваться относительной свободой, но откуда вы не будете иметь возможности уйти, даже если бы вы того хотели. В ваше распоряжение будет предоставлено достаточное количество земли, которая может дать занятие пятидесяти человекам в течение многих лет. Но я должен предупредить вас, что это — остров, совершенно отрезанный от остального света, доступный только лодкам в пору дождливого времени года и путем весьма трудных и опасных проходов и проливов, известных только нам одним. В сухое же время года вода пересыхает, и тогда вокруг острова образуется озеро жидкого ила, на котором не могут даже удержаться птицы. Раз очутившись на этом острове, вы не будете в состоянии уйти с него без моей воли. Вы получите достаточное количество съестных припасов, которых вам должно хватить на известный, назначенный мною срок; кроме того, вам дадут одежду, орудия, и вы будете работать и не получите ни нового провианта, ни каких-либо других припасов или предметов необходимости иначе, как только в обмен на соответствующее их стоимости количество каучука. Лентяи могут жить, как знают. А в случае, если бы вы, против всякого вероятия и вопреки всякой возможности, ухитрились покинуть остров, и вас увидели бы на моей земле, то знайте, что я вторично не прощу! Помните, что всякое непослушание моей воле будет для вас равносильно смерти!

Глава IX

Возобновление работ. — Жестокий, но полезный урок. — Место ссылки беглецов. — Не побеседовать ли нам о каучуке?— Воспоминания о Ла Кондамине, введшем его в употребление. — Специальные ботанические сведения. — Старый способ эксплуатации. — Новый способ. — Надрезы на деревьях. — Сбор сока. — Испарение. — Вознаграждение серингуеро. — Шестьдесят франков в день! — Одна Амазонка дает четыре миллиона килограммов каучука. — Состав сока хевеа. — Первое употребление. — Вулканизация. — Твердый каучук, или эбонит.

Благодаря быстрому и энергичному вмешательству Шарля Робэна, в усадьбе и плантации на Арагуари снова водворились мир и спокойствие. Воспоминание о событиях, так сильно взволновавших все население и чуть было не погубивших не только благосостояние, но и самое существование плантации и ее владельцев, мало-помалу сглаживалось.

Из этого еще не следовало, конечно, что трудолюбивые охотники за каучуком совершенно вычеркнули из своей памяти пережитые ими часы тревоги и опасений; напротив, если урок был жесток, то он вместе с тем был и полезен.

К счастью, все это печальное происшествие имело в результате лишь чисто материальные убытки, легко поправимые. Оба раненых негра, из которых один в первое время внушал серьезные опасения, именно Бони Квассиба, теперь уже совершенно оправились; сгоревший серингаль был заново отстроен, и работы возобновились.

Беглые каторжники и их сообщники-мулаты, согласно решению Шарля, были выселены на одинокий остров, откуда не было никакой возможности бежать. Этот импровизированный острог, созданный самой природой, лежит между вязкими болотами, находящимися между извилистым устьем Тартаругала и илистым озером, называемым Лаго-Реаль и соединяющимся с Арагуари через узкий канал, доступный только в пору наибольшего полноводья.

Этот остров, как нарочно приспособленный для выселения, густо порос каучуковыми деревьями, растущими целыми семействами; он вырос, как уже было сказано выше, из моря жидкого ила и тины, представляющего собой совершенно непреодолимую преграду в продолжение большей половины года.

Этот острог имел приблизительно около трех лье в окружности и был несравненно надежнее всех административных тюрем, где содержатся преступники.

Через шесть месяцев бегство могло бы еще стать возможным с помощью специально построенных пирог, приспособленных к этому чрезвычайно трудному плаванию. Но, как ни трудно предвидеть, Шарль позаботился о том, чтобы на острове не было оставлено ни одного судна, которым могли бы воспользоваться его опасные пленники, ни одного орудия, необходимого для сооружения шлюпки. Допустив даже худшее, он все-таки мог быть уверен в том, что за шесть месяцев помилованные им негодяи не потревожат его покой. А в течение этого времени Шарль решил обдумать дальнейшую судьбу своих непрошенных пансионеров. Впрочем, негодяи как будто примирились со своей участью; хорошо снабженные припасами, одеждой и необходимыми для их нового ремесла орудиями, они обещали усердно заниматься добыванием каучука.

Насколько серьезны были эти обещания и намерения, должно было показать будущее. Шоколад и его двое товарищей поселились на участке, указанном им Шарлем, и с полным усердием принялись за дело серингуеров. Привычные к тяжелому труду, ловкие и сильные, они в короткое время стали образцовыми рабочими.

Заговорив об эксплуатации этого столь полезного и в настоящее время так широко распространенного во всевозможных применениях в нашей современной промышленности вещества, быть может, будет не лишним резюмировать, насколько возможно кратко, этот столь интересный и важный вопрос о добывании каучука.

Увлекаемые нитью рассказа и беспрерывной цепью драматических происшествий и моментов, мы до сих пор не имели возможности остановиться, хотя бы на короткое время, на практической стороне промысла серингуеро, нередко более прибыльного, чем промысел

золотоискателей, и при этом менее тяжелого и требующего самых незначительных затрат.

Так же, как и промысел золотоискателей, промысел искателей каучука имеет свои восторги и опьянения, а также и свои огорчения. Если первые увлекаются, как азартные игроки, обнаружив руду, где сверкают крупицы золота, если руки у них дрожат в то время, когда они промывают металл, то серингуеро не менее взволнованны, когда, руководствуясь своим инстинктом, натыкаются на такое место, где растут в изобилии и во всей своей тропической красе те драгоценные для него деревья, сок которых должен его обогатить, как золотой песок обогащает золотоискателя.

Если в известных местностях или приисковых участках почти повсеместно встречается золото в бесконечно малом количестве, то заветной мечтой каждого искателя золота является отыскать залежи — то место, где, благодаря известным геологическим условиям, собрался в наибольшем количестве драгоценный металл. Точно так же, если каучуковые деревья различных пород встречаются почти повсеместно в горячем поясе Америки, то каждый серингуеро употребит все свои усилия и все свои способности на то, чтобы отыскать место, всего более благоприятствующее произрастанию этих деревьев и где они встречаются не одиночными экземплярами, а целыми семействами. Рощи, состоящие сплошь из одних каучуковых деревьев, являются для серингуеро теми же залежами золота и предметом его страстных вожделений.

Так, если в известное время в Калифорнии и в Австралии рассказы о баснословных состояниях, нажитых на приисках, о невероятных находках породили всем известный психологический феномен, названный так образно «золотой лихорадкой», то и поиски каучука, его добыча и, нередко, невероятно громадные барыши, получаемые при этом, породили также во многих местах совершенно такую же «каучуковую лихорадку».

И как знать, может быть, в самом недалеком времени, ввиду все возрастающего спроса на этот продукт в современной промышленности, превосходные места на Амазонке станут таким же местом притока эмигрантов и вообще людей, жаждущих наживы, как златоносные пустыни Калифорнии.

Промысел добывания каучука представляет собой такую великолепную арену для применения деятельности и избытка сил человека!

Уже с давних пор индейцы с берегов Амазонки вздумали применять каучук для изготовления различных предметов домашнего обихода. Они весьма умело пользовались этим густым смолистым соком некоторых деревьев, но только путешественники почему-то никогда не упоминали об этом в своих записках и отчетах, вероятно, не обратив на это особого внимания.

В 1736 году Ла Кондаминь, посланный в Южную Америку для измерения дуги меридиана, рассказал об этом обычае индейцев в своем докладе Академии Наук, сообщив, что обычай этот — изготовлять различную утварь из густого смолистого сока известных деревьев — он наблюдал у индейцев Маина на реке Амазонке на юго-востоке от Квито. Это вещество, обладающее любопытным свойством принимать какую угодно форму и твердеть после погружения в кипящую воду, не пропускающее ни воды, ни воздуха, добывается из дерева «хевеа» и называется «каучук».

Это название и сохранилось за ним, а дерево получило наименование «Hevaea Guyianensis».

Ла Кондаминь является по справедливости крестным отцом этого полезного продукта, и ему принадлежит честь ввоза его во Францию и в Европу. Но этот молочный сок, называемый каучуком, имеется не в одном только дереве Hevaea Guyianensis или Siphenia elastica и не в одной только Южной Америке произрастают растения, дающие это драгоценное вещество.

Растения эти принадлежат к трем различным семействам: Euphorbiaceae, которые, несомненно, занимают первое место, благодаря высокому качеству каучука и пропорционально большому количеству, доставляемому этими растениями, затем идут Urticeae и Apocyneae, представители которых гораздо чаще встречаются, но дают продукт низшего качества.

Мы упомянем в первом семействе только Hevaea Guyianensis или Siphonia Elastica, прекраснейшее дерево, ствол которого нередко достигает пяти метров в окружности.

Семейство Urticeae заключает в себе Ulaea elastica, встречающееся в центральной и южной Америке, Ficus elastica в Индии, Ficus radula, Ficus elliptica и Urostigma elasticum на Яве.

К семейству Apocyneae принадлежат: Vabea gummifera, встречающиеся на Мадагаскаре, Landolpha в Габоне, Urseda elastica и Willougbeia edulis в Ост-Индии, а также и Collophora utilis, Hancornia speciosa и Cemeraria latifolia, встречающиеся в Южной Америке.

Способы добывания каучука, имеющие столь важное значение для качества этого вещества, еще весьма не усовершенствованы, хотя за последнее время и замечается стремление к улучшению их, о чем в сущности давно уже следовало подумать.

В былые времена серингуеро, обыкновенно, обвязывали ствол дерева наискось крепкой лианой на высоте пяти-шести футов от земли, затем на стволе делали надрезы или, как выражаются рабочие, «пускали кровь», повыше того места, где ствол был перевязан. Сок начинал вытекать очень обильной струей, натыкался на лиану, спускался по ней и стекал в сосуд, глиняный или деревянный, поставленный у подножия дерева. При этом способе терялось очень много драгоценного сока.

Предварительно приготовлялось достаточное количество глиняных сосудов в виде бутылок или серинг ("seringa" — бутыль). Эти бутылки серингуеро погружал одну за другой в молочный сок дерева, быстро испаряющийся на воздухе, а особенно на солнце или перед огнем; когда все водянистые части его испарялись, то на сосуде оставался густой слой клейкого каучука, приставшего к глиняной бутыли. Затем эту бутыль погружали в жидкий сок каучука все снова и снова, пока на бутыли не образовывался достаточно толстый слой этой клейкой массы, после чего в дне бутыли пробивали отверстие и ее погружали в воду, чтобы глина размякла и вылилась вон, а каучуковая бутыль отправлялась на продажу. Получавшийся таким образом каучук содержал в себе много земли и глины и много воды и требовал тщательной очистки, при которой отчасти утрачивал свои качества.

---

* *Ficus elastica — обычное в Европе комнатное растение.*

Впрочем, такой способ разработки был вскоре заменен другим, с аналогичным принципом, но применение которого несравненно экономичнее и дает продукт несравненно более чистый.

В Бразилии этот способ называется «тигельхинас» — «маленькие чашки».

Этот способ таков: лиана совершенно не применяется; серингуеро просто делает во всю глубину коры надрезы длиной в три-четыре сантиметра и под каждым из этих надрезов укрепляет по маленькому стаканчику из белой жести, прибегая для этого к содействию комка мокрой глины, на котором устанавливается стаканчик.

Это проделывается чрезвычайно быстро поутру между восемью и десятью часами. В полдень все стаканчики уже наполнены молочно-белой, точно густые сливки, жидкостью. Рабочий временами совершает обход деревьев с ведром, куда выливает содержимое стаканчиков, а самые стаканчики ставит на прежнее место.

После чего он возвращается в свой карбет, подле которого, на открытом месте, устроен «fumeiro» — «коптильня», род немудреной печи, снабженной вверху трубой, куда выходит дым; для этой цели употребляется специальное топливо, обыкновенно это плоды пальмы Attalea excelsa или плоды Manicaria saxifraga.

Вместо глиняной бутыли употребляются деревянные лопатки, напоминающие колотушки, употребляемые деревенскими прачками, с той только разницей, что у этих лопаточек острые края. Серингуеро обмакивает свою лопаточку в молочную жидкость и подвергает ее действию горячего дыма. Водянистые части каучука быстро испаряются, и на лопаточке остается тонкий слой клейкого вещества; тогда он повторяет еще и еще тот же прием, отчего получается ряд новых слоев этого вещества, совершенно ровных, чистых и эластичных. Когда толщина слоя каучука, образовавшегося на лопатке, считается достаточной, то рабочий ударяет ребром лопатки о какое-нибудь твердое тело, преимущественно о камень, и режущий край лопатки разрезает сперва с одной, потом с другой стороны слой каучука, так что получаются два ровных и красивых пласта совершенно чистого каучука; пласты эти тотчас же подвергаются действию солнца, чтобы испарение водянистых частиц совершалось как можно быстрее и основательнее.

Испарение влаги, возможно полное, особенно важно, так как присутствие воды вызывает неминуемо брожение, что влечет за собой впоследствии совершенную негодность всего материала. Прокапчивание каучука в дыму противодействует процессу брожения и разложения, но этого не всегда бывает достаточно. Словом, серингуеро прежде всего не должен забывать, что его главный враг — брожение.

В последнее время были сделаны еще различные попытки улучшения этого способа и его приемов, но наиболее употребительным способом остается все-таки только что описанный нами.

На этом заканчивается задача серингуеро. Его каучук отправляется такими пластинками или прямо в Европу, или в Соединенные Штаты Америки, где поступает во всевозможные мануфактуры, фабрики и мастерские.

Но теперь, почти сам собою, встает вопрос: сколько же этой драгоценной жидкости может дать одно дерево? Сколько может заработать на этом деле усердный и добросовестный рабочий в день?

Три литра жидкого сока, получившегося из хевеа, дают один килограмм сгущенного каучука, за который рабочий там, на месте, получает четыре франка.

Дерево, имеющее ствол не более пятидесяти сантиметров в окружности, может дать средним числом пятьдесят четыре литра молочной жидкости, из которой получится восемнадцать килограммов плотного, сгущенного каучука, что дает чистых денег семьдесят два франка с каждого дерева.

Там, где деревья встречаются целыми группами, а не по одиночке, как, например, в местности между Арагуари и Яари, если далее, серингуеро человек деятельный и работящий, то он без особенного труда может добыть пятнадцать и более килограммов каучука в день, что составляет шестьдесят франков в день.

Свыше десяти тысяч нараенсов тануйев ежегодно занимаются этим делом, и одни город Пара продает ежегодно по пятнадцать миллионов килограммов каучука, в три раза больше, чем французская Гвиана продает золота.

Посредники между производителями и мануфактуристами также наживают громадные деньги, покупая продукт на месте и затем собирая его перед отправ-

лением, что видно из того, что на рынке в Гавре цена каучука достигает в среднем от десяти до двенадцати франков за килограмм, в зависимости от качества.

Добавим ко всему вышесказанному, что этот промысел в некоторых частях Бразилии настолько прибылен, что одна провинция Амазонка в настоящее время экспортирует около четырех миллионов килограммов в год на сумму около сорока миллионов франков.

И подумать только, что эти сорок миллионов добываются из маленьких жестяных стаканчиков, установленных под надрезами коры хевеа!

Теперь же закончим в нескольких словах отступление от повествования в область научного, без чего наш роман «Охотники за каучуком» совершенно утерял бы свое истинное значение.

Итак, каучук в своем чистом виде бесцветен и прозрачен, но тот, который поступает в продажу, всегда имеет коричневатую окраску, более или менее темную, приобретаемую от дыма при окуривании и удалении водянистых частей, содержащихся в нем.

Это вещество мягкое, гибкое, эластичное при температуре до десяти градусов, почти не изменяющееся от действия воздуха и абсолютно не пропускающее влагу, горючее, дающее при этом яркое пламя с копотью и весьма неприятным запахом; кроме того, оно обладает еще свойством тотчас же сплавляться, если соединить вместе две только что разрезанные части.

В кипятке каучук быстро размякает и вздувается, но не растворяется, точно так же и в спирте. Растворяющими каучук веществами являются: керосин очищенный, эфир, скипидар, бензин и, главным образом, сероуглерод. Молочная жидкость, в том виде, как она вытекает из ствола дерева, заключает в себе следующие элементы, согласно анализу, произведенному Фарадеем. В ста граммах сока содержится: каучука — тридцать два грамма, растительного альбумина — два грамма, воска — следы, азотистых веществ, растворяющихся в воде и не растворяющихся в алкоголе — около одного грамма и воды — пятьдесят шесть граммов.

Что же касается собственно каучука, очищенного от посторонних примесей, то он состоит из углеводородов. Кроме того, известно, что он является плохим про-

водником тепла и совершенно не проводит электричество.

Первоначально применение каучука было самое скромное, и ничто не позволяло предвидеть в будущем столь широкого его применения. Сначала каучуком пользовались только для стирания с бумаги карандаша и чистки обоев. В 1785 году физик Шарль, один из первых, использовал непромокаемость каучука и его эластичность, растворив его в скипидаре и покрыв этим раствором воздушный шар с водородом. В 1790 году стали пропитывать этим раствором различные ткани и фабриковать рессоры.

В 1820 году Надлер придумал вводить в ткани нити каучука, но действительно непромокаемую одежду и плащи впервые удалось изготовить только Макинтошу, который между двумя полотнищами шерстяной мериносовой ткани проложил тонкий слой каучука.

К 1840 году относится весьма важное событие, сделавшее применение и употребление каучука почти универсальным... До этого времени каучук, подвергаемый при обработке сильному нагреванию, утрачивал некоторые свои качества. Это ограничивало его применение. Так, если под действием высоких температур каучук делается мягким настолько, что прилипает к одежде, тканям и даже к коже, то холод либо совершенно лишает его эластичности, либо в значительной степени уменьшает ее.

Вулканизация, изобретенная англичанами Ханкоком и Бродингом, окончательно уничтожила эти недостатки каучука; этим способом им удалось совершенно сделать его недоступным влиянию внешней температуры и вместе тем сохранить всю его непромокаемость, гибкость и всю присущую ему эластичность.

Соединение с серой в известной пропорции, более или менее значительной, в зависимости от степени твердости, какую желают придать изготовляемым предметам, — в этом состоит весь секрет вулканизации.

С тех пор явилась возможность вырабатывать различные сорта каучука и применять его для всевозможных целей. Тогда началось производство каучуковых труб, проводов, мячиков для детей, эластичных каучуковых тканей для подвязок, подтяжек, поясов, частей для хирургических инструментов, зубных щеток, спасатель-

ных кругов, губок, типографических валиков, пожарных шлангов, передаточных ремней, портсигаров, гребенок, половиков, галош, детских игрушек, кукол и животных, тканей для дождевых плащей, всевозможных сосудов, акустических приборов, резиновых подушек, пристежных воротничков и манжет — всего нельзя даже и перечислить.

Если увеличить примесь серы, то каучук утрачивает свою эластичность и приобретает твердость, блеск и вид черного дерева или черепахи. Для этого надо только довести каучук до мягкости теста, при температуре в сто пятьдесят градусов, и прибавить в него серы в количестве, равном одной пятой его веса. Тогда он получает название «твердого каучука», или «эбонита».

Применение его, можно сказать, почти универсально, так как ему можно придать любую форму и сделать его пригодным для любого назначения.

Сульфуризация (прибавка серы) делает каучук в такой высокой степени неизменяющимся ни при каких условиях, что он еще более противостоит действию всяких растворяющих веществ, чем эластичный, вулканизированный каучук.

Глава X

Жизнь искателя каучука. — Иные времена — иные нравы. — Прежние колонисты и нынешние. — Время — деньги! — Без передышки. — Каким образом дикари-индейцы обделывают свои дела. — Верность слову. — Цивилизованные индейцы становятся испорченными и развращенными. — Неожиданное появление Шоколада. — Есть ли это побег? — Бедствие на скотном дворе. — Таинственные воры. — Никаких следов. — Прием индейца Пиражиба. — Ловушка. — Результаты. — Гигантская змея Амазонки.

Глядя на каучуковое дело в полном ходу, можно думать, что жизнь владельца — одно наслаждение, а серингуеро, с первого взгляда, может представляться чем-то вроде сатрапа, утопающего в роскоши, как нельзя лучше приспособленной к условиям жизни в тропиках.

Рассказы о жизни прежних плантаторов, этих прославленных тунеядцев, конечно, немало способствовали этому ложному представлению. Но теперь — иные времена, иные нравы!

Плантатор доброго старого времени, раз наладив промышленную и сельскохозяйственную сторону своего дела, беззаботно предавался своему легендарному бездействию. Земли его обрабатывались как попало, согласно традициям предков; рабы-невольники под кнутом управителя и надзирателей сажали сахарный тростник и в надлежащее время срезали его; самые примитивные мельницы обрабатывали его, сок извлекали все по некогда выработанной в стародавние времена системе и затем отправляли на рафинадные заводы в Европу.

Плантаторы не заботились даже об уменьшении числа рабочих рук на известную работу, об усовершенствовании способов обработки, об улучшении продуктов... К чему? Они и без того ели вкусно, пили сладко, спали мягко, в прохладе, тишине и покое, курили чудные сигары и гнали от себя всякую заботу, а в качестве развлечений то катались на лодках, то верхом.

Словом, они не видели даже своей курицы, несущей золотые яйца, а только яйца, и нимало не заботились и даже не интересовались источником всех этих благ. Поэтому всегда оставались неспособными помочь себе в момент какого-нибудь кризиса или обеспечить себе безбедное существование в будущем.

Быть может, этот удивительный застой всяких физических и умственных способностей следует приписать отвратительному обычаю рабовладения, при котором истязание одной половины рода человеческого развращало и способствовало вырождению другой.

Как бы то ни было, но настал момент, когда лихорадочный порыв сдул знойным дыханием эту отвратительную спячку повсюду, с высших и до низших ступеней общества. Во всех отраслях промышленности и торговли, во всех странах и под всеми климатами люди приняли за девиз американскую поговорку: «Время — деньги!».

И никто не избежал этой перемены: рудокопы и инженеры, скотоводы и плантаторы, заводчики и фабриканты, производители кофе и сахарного тростника, искатели золота — все стали соперничать друг с другом

и между собой, кто проявит больше энергии, кто двинет вперед свое дело; все стали работать не покладая рук, памятуя, что упущенное время не вернуть, что потраченный даром час унес с собой ту прибыль, которую он мог бы принести; и все старались сделать как можно лучше и как можно больше.

Искатели каучука, какими мы их видим теперь, также мало походили на прежних плантаторов. Шарль не ограничивался тем, что посылал своих людей расставлять стаканчики под надрезами в коре каучуковых деревьев и затем терпеливо ожидал их возвращения с пластами каучука, получившимся после испарения молочного сока и обработки его, как это было описано выше. Нет, его задача была не столь легкая.

Прежде всего, он считал своим долгом заботиться о потребностях тех двухсот рабочих, которых он нанял, и не только позаботиться об их нуждах на сегодняшний день, но и сделать запасы всего необходимого для них по меньшей мере на целый год.

Над добыванием каучука работали у него всего две трети наличных рабочих; остальные же расчищали и корчевали леса под посев, возделывали землю, сажали маниок, маис, иньям, пататы и тому подобное, удобряли пастбища, разводили скот, возводили постройки. Кроме того, сажали сахарный тростник, табак, ухаживали за кофейными плантациями, собирали бананы, хлопок и многое другое. Трудность добывания в известное время пищевых продуктов вынуждала местных серингуеро заниматься земледелием, наравне с главным промыслом.

Но и это еще не все. Остается еще сбор лесных плодов, дающих масло, например, плодов ауары, куму или гвианского дерева, карана или тонка; плодов, дающих волокна, как хлопчатник, махо или маготовое дерево, госсампэн; затем ловля черепах и пира-руку, местных рыб, являющихся одним из важных питательных продуктов в этой местности. Все это, кроме сбора, требовало еще уборки, вяленья и сохранения впрок в приспособленных для этих продуктов складах. Наконец, на хозяине лежала еще забота о содержании и изготовлении рыболовных снастей, судов и прочего.

Вы скажете, что все это лежит на рабочих. Конечно! Но всякий, кому известна непреодолимая апатия, лень и полное отсутствие всякой инициативы у чернокожих, знает, что они пальцем не шевельнут и с места не тронутся, если над ними не будет стоять хозяин, не будет указывать им и следить за исполнением его приказаний. И вот поэтому-то хозяин уже с рассветом выходит из дома осматривать пастбища; он видит, что один из лучших его лугов уже несколько дней заполнен сорными травами, которые заглушают своими твердыми жесткими стеблями сочные кормовые травы.

Тотчас же надо снарядить людей и поджечь эту часть пастбища, а затем следить, чтобы огонь не распространился дальше, направлять его, не то, того и гляди, вспыхнет пожар в саванне.

Тем временем уже явился рабочий с одной из плантаций сообщить, что на их участке деревья истощены, что в их мастерской приостановилась работа. Надо тотчас же отправляться на розыски нового участка каучуковых деревьев, быть может, на несколько дней, вооружившись компасом, бродить по лесу, жить, как дикари или лесные бродяги, а отыскав, спешить назад, захватить, что надо, и устроить на новом месте новый серингаль, снабдив его и рабочих всем необходимым и пустить дело в ход под личным наблюдением.

Едва с этим управился хозяин, как является из Кайены береговое почтовое судно и привозит почту, а с ней и сведения о ценах на всех мировых рынках на разные товары. Надо во всем этом разобраться, сообразить и вывести соответственно свои расчеты. Но вот уже новое дело требует его внимания и его распоряжений; на каком-то из его катеров в машине оказалась неисправность. Надо осмотреть машину, заменить поломанные или попортившиеся части новыми, надо ее разобрать — и все это сделать самому или под непосредственным наблюдением.

А тут ждет уже новая забота и работа: вот с одним из рабочих случился солнечный удар; необходима немедленная помощь, а оказать эту помощь может только он, хозяин: ведь ни врачей, ни больниц нет. Там другого бьет лихорадка, третьему — бревном переломило руку;

единственный врач — хирург и фельдшер — все тот же хозяин.

А вот группа совершенно диких индейцев явилась для торговых сделок. Их надо принять как можно радушнее, как можно лучше: это лучшие рабочие и при том честнейшие люди. Но их очень редко удается удержать вблизи жилья: все они прирожденные кочевники, дети вольных степей. Шарлю удалось удержать подле себя человек пятнадцать с их семьями; они почти все исключительно пасли скот, так как это дело им больше по душе.

Эти вновь прибывшие не понимают ни одного слова ни по-португальски, ни даже общепринятого языка в низовьях Амазонки, Lingua geral, на котором изъясняются почти все индейцы. Но что из того? При желании всегда можно понять друг друга. Их всего человек двенадцать, мужчин, женщин и детей, в эгаритеа, крытой наполовину большими листьями.

Самый старый из них, по-видимому, вождь, так как в руках у него трость, знак власти, а голос и жесты повелительны, прямо идет к хозяину; тот ведет его к магазинам и складам. Но дикарь, по-видимому, нимало не удивлен громадными запасами самых разнообразных предметов и припасов. Он молча указывает на пилу, топор, зеркало, нож, гвозди, проволку и другое.

Он выбирает наугад то, что ему нравится, собирает все это в кучу, относит в свою лодку и возвращается назад все той же небрежной, величавой походкой, не проронив слова. После чего, увидав сложенные груды каучука, он отбирает известную часть и, указав на нее Шарлю, считает, что это количество каучука соответствует по своей стоимости цене забранных им предметов.

На это Шарль отрицательно качает головой. Тогда индеец призадумывается на минуту; он готов уже вернуться к своей лодке и принести обратно забранные им предметы... Но нет, он молча начинает увеличивать свою груду каучука, прибавляя к ней пласт за пластом и глядя все время вопросительно на Шарля, как бы спрашивая его «Ну, а этого будет?».

Наконец, Шарль утвердительно кивает головой.

Торг заключен. Тогда индеец оборачивается спиной к солнцу, указывает на небо и затем подымает четыре пальца.

Это означает, что через четыре лунных месяца он доставит плантатору количество каучука, равное отложенной груде.

Затем он достает свою трубку, смотрит на молодого хозяина серингуеро; тот приказывает дать ему пачку прессованного табаку; индеец берет ее, не спеша направляется к одной из ближайших хижин, берет горячую головню, уносит ее к себе на лодку, подымает парус, становится у руля и отплывает со всеми своими соплеменниками, не проронив ни слова, не сделав ни одного жеста. Глядя на остальных, можно подумать, что они ничего не поняли, ничего не слыхали. Между тем каждый из них все видел, каждый знает о заключенном торге, и в назначенный срок, день в день, час в час, та же лодка пристанет к серингуеро, и те же люди будут на ней; они перенесут в склад условленное количество каучука, не убавив и не набавив ни одного пласта против того, что было условлено.

Тогда их вождь достанет свою трубку и посмотрит вопросительно на хозяина; тот прикажет дать ему пачку табаку, после чего индеец протянет хозяину сосуд, не уступающий по величине и объему кубкам, из которых пили герои Гомера, и когда его наполнят тафией, он отопьет из него вволю, затем передаст своим соплеменникам, не исключая женщин и детей; все выпьют из этого сосуда; и, когда в нем не останется больше ни капли, один из них пойдет за горящей головней, чтобы захватить ее с собой на дорогу.

И они уедут, как приехали, не сказав ни слова, не спросив ни о чем, и когда-нибудь снова вернутся сюда точно таким же манером. И так они поступают всегда — и все, никогда не изменяя своему слову, не нарушая данного обещания.

Это относится главным образом к диким индейцам, не вкусившим еще плодов цивилизации, потому что, увы, индейцы цивилизованные (как, например, Тануйи или Кабокио), живущие в низовьях Амазонки в постоянном общении с белыми, людьми по меньшей мере сомнительной репутации, уже не отличаются той безуп-

речной честностью, какая присуща их диким соплеменникам.

Такие случайные явления и разные непредвиденные случаи постоянно нарушали регулярное течение жизни серингуеро, выбивая его на время из колеи, отвлекая от его дела, внося разнообразие и оживление в его однообразную жизнь; кроме того, ему еще нужно было находить время обучать и воспитывать своих детей, чтобы из них не выросли белые дикари.

Наконец, случается еще целый ряд всяких неожиданностей, как мы это только что видели, при набеге беглых каторжников, и как это вскоре еще раз увидим, неожиданностей, всегда влекущих за собой множество волнений, опасений и трудов.

Прошло около двух с половиной месяцев с того времени, когда Шарль так удачно и благополучно сумел удалить от своего жилища негодяев, покушавшихся на его достояние. Он только что проводил безмолвный экипаж «эгаритеа» (туземной лодки), на которой приезжали дикие индейцы, и мысли его почему-то вдруг перенеслись к Шоколаду и его двум товарищам, которых он не видал с самого дня переговоров с ними там, на прогалине.

Через своих людей он знал, что все трое работают усердно и что все они здоровы. Этого пока ему было достаточно, и он с удовольствием думал о приближении того момента, когда ему можно будет перевести их поближе к усадьбе и причислить к многочисленному персоналу своих служащих.

Приняв во внимание прошлое этих несчастных, которые все-таки сумели устоять против развращающего действия каторги и теперь проявляли старание и усердие в работе, беспрекословно подчинившись запрету приближаться в течение назначенного им срока к жилью, — их теперешнее поведение достаточно говорило Шарлю в их пользу.

Не вдаваясь в обманчивые теории, увлекающие некоторых людей и побуждающие их видеть в преступниках и каторжниках только заблудшего брата, достойного всякой жалости, сочувствия и милосердия. Шарль все-таки признавал, что среди людей, сделавшихся в какой-то момент своей жизни и под влиянием известных обстоя-

тельств преступными, есть такие, которые вполне способны вернуться на добрый путь и стать достойными членами человеческого общества, когда путем страданий и наказания они искупят свою вину.

На его глазах было такое искреннее и полное возрождение одного бывшего преступника и беглого каторжника, фальшивомонетчика Гондэ, который двадцатью годами безупречной жизни искупил свое бывшее преступление и сделался доверенным человеком его отца.

Вот почему он мог надеяться, что и обращение трех каторжников будет его победой и торжеством, а возвращение на путь истинный будет таким же искренним и бесповоротным, как и обращение Гондэ.

И вдруг он не в состоянии был удержаться от недоумения и разочарования при виде высокого мужчины, приближавшегося к нему, низко опустив голову и тяжело ступая.

Завидев Шарля, этот человек, у которого был крайне несчастный и смущенный вид, снял свою грубую соломенную шляпу, несмотря на опасность солнечного удара. Человек этот был Шоколад.

— Накройтесь! — резко приказал Шарль. — Вы должны знать, как легко здесь схватить солнечный удар.

Затем все так же резко и строго он добавил:

— Что вам надо? Зачем пришли? Зачем явились сюда без моего разрешения?

Шоколад стоял перед ним бледный и дрожащий, смущенный и растерянный, как провинившийся ребенок, и бормотал несвязные извинени.

Видя волнение бедняги, Шарль счел нужным успокоить его, поняв, что, быть может, уважительные причины заставили того нарушить запрет.

— Ну, объясните, в чем дело, — сказал он более мягким тоном. — Я готов вас выслушать!

Обыкновенно, когда каторжнику предоставляется возможность говорить, то он говорит с такой необычайной словоохотливостью, с такой вычурностью и витиеватостью, точно хочет показать, что не разучился еще выражать свои мысли образно и красиво, не утратил способности говорить последовательно и ясно.

Молодой человек, которому часто прходилось сталкиваться с беглыми каторжниками или отбывшими

срок наказания, отлично знал эту их особенность и потому особенно оценил сжатость и сдержанность речи Шоколада.

— Вы изволили сказать, сударь, — начал он своим обычным глухим, как бы сдавленным голосом, — что в случае серьезной опасности или заболевания кого-нибудь из нас один из троих может прийти сюда и сообщить о случившемся... Вот я и пришел!

— Что же у вас случилось? Вам грозит какая-нибудь опасность? Какая?

— Я, право, и сам не знаю: но вот уже неделя, как нас каждую ночь обкрадывают...

— Ну, ну... говорите, я слушаю!

— Воры, видите ли, приходят каждую ночь, а так как вы нашли нас тогда в такой компании, то можете думать...

— Неужели вы полагаете, что те могли уйти оттуда?.. Это совершенно невозможно...

— Нет, я этого не говорю, но только у нас происходят странные вещи... Вы были столь добры, что прислали нам свиней и овец для нашего хозяйства и птицу. Наш скотный двор процветал благодаря уходу Арби, нашего араба, сведущего в этом деле, и вдруг на прошлой неделе мы, встав поутру, видим, что наша изгородь разрушена, и одной свиньи нет. На другой день пропала другая свинья, через день — еще третья; затем пришла очередь и овцам, а теперь у нас осталась только одна птица!

— И вам не удалось изловить вора?

— Мы сторожили по очереди все ночи напролет, но напрасно; и, что всего хуже, мы даже нигде не могли разыскать следов. Мне уже думалось, что это дело ягуара, но в этих местах ягуаров нет, это несомненно!

— Странно! Быть может, вы просто не сумели отыскать след! Подождите, я отправлю с вами одного из моих индейцев или даже двух: для них лес не имеет тайн, и я уверен, что они найдут какое-нибудь указание или примету.

— Ну, а если это люди, сударь?! Какие-нибудь лесные бродяги, которые умеют заметать и скрывать свой след так, что могут даже провести краснокожих? Я, видите ли, долгое время жил в лесах, вместе с индейцами, и кое-че-

му научился от них, но, несмотря ни на что, все-таки ничего, ничего решительно не нашел!

— Ну, так мы сделаем еще лучше! — решил Шарль. — Я пойду сам с вами и возьму с собой нескольких индейцев и нескольких негров. А вы отдохните с дороги; вас сейчас проводят в одну из хижин; там вас накормят, а завтра поутру мы отправимся с рассветом.

— Если бы я осмелился, то попросил бы вас, сударь, разрешить мне сейчас же вернуться туда; товарищи без меня умрут там со страха.

— Пусть будет так; мы все отправимся туда сейчас же! — решил Шарль.

Не теряя времени, снесли в шлюпку некоторое количество припасов, гамаки и оружие, созвали людей. Молодой хозяин простился со своей семьей и, всегда готовый везде и всюду являться лично, направился в сопровождении своих людей к лодке, которая должна была доставить их к карбету Шоколада и его товарищей не сухим путем, а водой, так как последний путь, хотя и несколько длиннее, был гораздо удобнее и менее утомителен.

Экипаж маленького судна, состоявший всего-навсего из двух индейцев и четырех негров, что вместе с Шоколадом и Шарлем составляло восемь человек, прибыл на место ровно за час до захода солнца. Таким образом, молодой человек имел полную возможность исследовать всю местность вокруг жилья, разыскать след похитителей и принять соответствующие меры.

В сопровождении неразлучного Пиражибы он описал несколько кругов вокруг карбета, пока остальные его люди раскинули шатры и исправили поломанную изгородь, за которой поместили двух привезенных с собой свиней.

Не прошло и десяти минут с тех пор, как они совершали обход, как Пиражиба вдруг остановил своего господина, указал ему на длинный след, похожий на широкую борозду, промятую в траве, и произнес одно только слово:

— Сикуриу!

— Ну, слава Богу! — воскликнул Шарль со вздохом облегчения. — Это только змея!

Затем, войдя в хижину и обращаясь к Шоколаду, он добавил:

— Будьте спокойны, друзья, теперь мы знаем вора! Вы хорошо сделали, что предупредили меня о ваших пропажах скота: ведь это чудовище, не находя более ничего себе по вкусу на вашем скотном дворе, при первом случае проглотило бы одного из вас! Судя по следу, это змей порядочных размеров. Ну, а теперь, Пиражиба, друг мой, ты знаешь, что надо делать в подобных случаях... Надо во что бы то ни стало изловить этого вора сегодня же!

— Да, господин! — отозвался индеец и, не теряя даром времени, подошел к лодке, отыскал в ней один из трех громаднейших крючков, на которых удят самую крупную рыбу, и длинную леску такой крепости, что она легко могла выдержать вес свыше тысячи килограммов.

Насадка уже была готова; это была одна из двух молодых свинок, привезенных с ними, которая теперь так прекрасно расположилась в опустевшем загоне и, благодушно похрюкивая, с наслаждением уплетала кукурузу.

Пиражиба безжалостно прервал это приятное времяпрепровождение, связал ей ноги и, не обращая внимания на отчаянный визг, сделал на спине два параллельных продольных надреза. Затем он продел ей под кожу сквозь жировой слой острие своей сабли так, что из кожи и жировой ткани спины образовалась петля, куда можно продеть уду с крючком.

Прием этот весьма употребителен у рыбаков, которые точно так же поступают с живцами, насаживаемыми на крючок в качестве приманки.

Свинка, накричавшись вволю, наконец смолкла и под влиянием болезненного ощущения лежала совсем смирно, убедившись, что никак не может избавиться от мучительного железного крючка.

Наступила ночь, но обитатели карбета не спали, в тревожном ожидании чутко прислушиваясь к малейшему шороху.

Вдруг безмолвно и неподвижно лежавшая все время свинка отрывисто захрюкала.

— Это змея тут близко! — шепнул один из негров, — и она голодна.

— Молчи! — шепотом остановил его Шарль.

Протяжный крик отчаяния закончил отрывистое хрюканье свинки, затем послышался тихий шелест в траве и ничего больше. В продолжение целой четверти часа — ни звука, ни малейшего движения.

Змея здесь, но проглотила ли она приманку? Впрочем, вскоре раздался хруст и треск; вслед за ним оглушительный шум, как от падения надрубленного дерева, шум, от которого содрогнулись столбы и балки карбета.

— Ага... старая матка-змея — попалась! — весело воскликнул негр Бони, ненавидевший всеми силами души любых гадов.

При этом бедняга отважился выйти из-под навеса и сделать несколько шагов вперед — и вдруг, как подкошенный, упал на землю, отчаянно вскрикнув от охватившего его ужаса: что-то тяжелое, плотное, чего он не мог разглядеть во мраке, пронеслось над ним со свистом и быстротой циклона.

Изгородь загона разлетелась в щепки, как от налетевшего урагана, даже земля задрожала, а обломки полетели во все стороны; в воздухе же запахло отвратительным запахом мускуса.

К счастью, Бони отделался один страхом. Он потихонечку, ползком на четвереньках возвратился в карбет и, стуча зубами, пробормотал:

— Господин, бома (змея) проглотила крючок. Она крутится и извивается вокруг дерева... мы можем пойти и отцепить ее теперь!

Но Шарль, не отвечая, выбил огонь и проворно зажег несколько каучуковых факелов, употребляемых вообще в серингалях и дающих ослепительно яркий свет.

Прием индейца оказался чрезвычайно удачным: действительно, гигантская змея амазонских девственных лесов извивалась и корчилась на крючке Пиражибовой удочки.

Никогда еще за все двадцать пять лет своей жизни в безлюдных экваториальных пустынях молодой серингуеро не видывал чудовища таких размеров.

Колеблющийся свет факелов сообщал чудовищу еще более отвратительный и ужасный вид. С присущей змеям жадностью она проглотила молодую свинку, а вместе с ней и огромный крюк, не обратив внимания ни на близость человека, ни на тонкий канат, прикрепленный к кошке. Стальной крюк глубоко всадился змее в горло и, несмотря на все ее конвульсивные усилия, ей не удалось ни проглотить, ни отрыгнуть его.

И вот громадное чудовище корчилось и извивалось, то свиваясь в клубок, то сгибаясь дугой. Затем вся эта груда отвратительных зеленоватых колец вдруг развернулась, и змея обвилась вокруг ствола дерева, повиснув головой вниз. Обезумев от боли, причиняемой острыми лапами крючка, рассвирепев от силы сопротивления, чудовище, наконец, упало на землю и поползло вокруг дерева, то вытягиваясь во всю длину, то сокращаясь.

Шарль, опасаясь, что веревка не выдержит таких усилий и порвется, решил разом покончить с чудовищем. Воспользовавшись моментом, когда временно обессилев от борьбы, змея на мгновение осталась неподвижной, он дважды выстрелил ей в голову из своего превосходного английского ружья.

Смертельно раненное, но все еще опасное, чудовище конвульсивно извивалось еще в течение нескольких минут — так живучи эти громадные гады — и наконец затихло.

Когда спустя полчаса стало ясно, что змея действительно издохла, Шарль и остальные присутствующие с трудом могли поверить даже своим глазам: чудовище оказалось длиной до двадцати двух метров! По черным на темно-сером фоне пятнам, а главное, по ее размерам, молодой француз признал в этом чудовище анаконду, или Сукуриу (Eunectes murinus), которую не следует смешивать с боа, так как эта змея, главным образом, водяная.

Но так как все на свете кончается, то удивлению Шарля и его людей пришел конец, и довольный исходом хозяин угостил всех участников этой экспедиции, а также и трех бывших каторжников обильными порциями тафии и табаку, после чего все мирно улеглись в свои гамаки и проспали до утра, чтобы назавтра приняться за выделку превосходной змеиной шкуры.

Глава XI

Утро в девственном лесу. — Натуралист-любитель. — Змеиная шкура. — Приятная неожиданность. — Работа трех товарищей. — Что араб и мартиникиец думают сделать со своими деньгами. — Возвращение на пироге. — Груз каучука. — Господин выбирает сухопутную дорогу. — Семейство на пристани. — Нет ни белых, ни черных, все люди — братья. — Отрадная картина. — Тень. — Разочарование. — Ожидание. — Тревога. — Мучительные опасения. — Шарль не возвращается. — Поиски. — Ужас лесных бродяг. — Закуривая сигару. — Катастрофа. — Страшное пробуждение.

Долгая тропическая ночь, наконец, пришла к концу. Тукан приветствовал своим меланхоличным криком появление солнца; болтливые попугаи стали быстро носиться парами в воздухе, оглашая его резкими нестройными звуками, а хокко гнусавили в отдалении, тогда как агами будили окрестность своими воинственными, точно звук боевой трубы, криками, слышными на громадном расстоянии.

Вдруг солнце как-то разом зажгло высокие верхушки деревьев, и туман, окутавший своим густым молочно-белым покровом поляну, разом рассеялся.

Как обитатели, так и временные гости одичалого карбета давно уже проснулись; однако присутствие господина на этот раз помешало обычному шуму и гаму, каким всегда сопровождается пробуждение негров. Шумливые и веселые, как взрослые дети, негры, едва спустив ноги с гамака, имеют привычку начинать день веселыми окликами, шутками, возней, толкотней, бешеными скачками и прыжками, гомерическим хохотом.

Ночь на нулевой широте, длящаяся по меньшей мере десять часов, с избытком дает возможность восстановить силы, потраченные на дневной труд, — вот причина этого избытка жизнерадостности, этой потребности шума и движения, особенно у негров, отличающихся вообще веселым нравом. Шарль же, как большинство европейцев, даже акклиматизировавшихся, спал только с полуночи и потому проснулся последним.

— Ну, ребята, — крикнул он, весело соскочив на землю, — теперь давайте умываться! Первый, кто будет готов, получит двойную порцию!

Нетрудно было предвидеть, что не оказалось ни первых, ни последних: все были готовы одновременно.

Умывание заключалось в том, что все разом окунулись в реку, где смешались в кучу черные и медно-красные тела; затем и негры, и индейцы, все мокрые, со струйками воды, стекавшими по груди и по спине, со всех ног побежали получать обещанную порцию нектара из сахарного тростника.

После этого приступили к снятию змеиной шкуры.

Обыкновенно эта операция не очень хлопотная, даже если животное больших размеров. Змею обвязывают вокруг шеи крепкой лианой и подвешивают к одному из поперечных сучьев какого-нибудь большого дерева; затем человек, вооруженный острым ножом, вонзив его в самую глотку змеи, повисает на нем и спускается, обхватив ногами туловище змеи и продолжая виснуть на ноже, который под давлением тяжести человека разрезает по прямой линии шкуру змеи с нижней стороны от головы до хвоста. Потом человек снова взбирается на дерево, обрезает кожу вокруг головы, заворачивает ее, спускает завороченную часть вниз, и товарищам его остается только тянуть шкуру, чтобы отделить ее от мяса.

Но необычайная величина и страшный вес убитого теперь чудовища делали этот способ невозможным в данном случае. Понадобилась бы по крайней мере особая лебедка, чтобы поднять кверху пресмыкающееся; кроме того, даже рослый человек едва ли бы мог спуститься по этому огромному туловищу, представлявшему собой толстый цилиндр.

Поэтому Шарль решил снять шкуру прямо на земле, постепенно приподнимая шестами громадное туловище, чтобы легче было сдергивать с него кожу. Операция эта подвигалась медленно, но без неприятных приключений.

Сдернутую кожу натерли золой и скатали в ожидании надлежащей отделки, так как зола предохраняет ее от насекомых и от гниения.

Отложив в сохранном месте эту драгоценную добычу, молодой плантатор стал осматривать, в ожидании завтрака, участок, эксплуатируемый его новыми рабочими

из беглых каторжников, и высчитывать приблизительно то количество каучука, какое мог дать он. Обычно не щедрый на похвалы, а также и на упреки, на этот раз Шарль не мог удержаться, чтобы не выразить своего удовольствия тому, что видел здесь. Здесь было сложено около трех тысяч килограммов превосходного качества каучука, чистого, совершенно однородного, превосходно высушенного, могущего вполне удовлетворить требованиям самого взыскательного и капризного покупателя.

Кроме того, пласты каучука сложены были у новопоселенцев в строгом порядке на полках из досок, рядами с промежутками, дающими доступ воздуху.

Это — превосходный прием, способствующий испарению водянистых частей и препятствующий нагреванию и брожению уже в готовых пластах каучука. Но это еще не все: трое товарищей вырыли под полками небольшие ямки, где время от времени разводили огонь, не слишком сильный, из легкого хвороста, который изгонял последние следы влажности и, так сказать, довершал первоначальную сушку.

Этот добавочный уход за изготовленным каучуком, кажущийся на первый взгляд излишним, на самом деле настолько улучшает качество каучука, что стоимость его разом повышается на один франк за каждый килограмм.

— Прекрасно, друзья мои, прекрасно! Я очень доволен, — сказал Шарль, — каждый из вас получит по добавочной тысяче франков на свою долю.

— Тысячу франков! — воскликнул араб, сияя от радости. — Тысячу франков чистыми деньгами?

— Да, чистыми деньгами, если ты этого хочешь, друг мой! Но скажи, что ты думаешь делать с этой суммой?

— Я оплачу ими свой проезд обратно в Алжир, на остальные куплю лошадей и мулов и буду кормить свою старую мать, жену и детей!

— Но, милейший, ты не можешь вернуться в Алжир: там тебя снова заберут и вышлют в Кайену!

— Ну да, но если я окажусь хорошим работником, вы, господин, испросите у президента республики помилование, и тогда... мне можно будет вернуться к своим!

— Да, конечно, я охотно сделаю это! Но разве ты так хочешь покинуть меня? Подумай только, как быстро ты

можешь разбогатеть здесь, тогда как там тебе придется влачить свое жалкое существование!

— Да, господин прав, но моя старая мать там, моя добрая мукэр (жена) и дети...

— Но кто же мешает тебе выписать их сюда? Они будут членами нашей семьи! Я могу написать им, когда хочешь, хоть теперь же!..

— О, господин! — воскликнул бедняга. — Если так, то я останусь здесь, подле тебя, всю жизнь и всегда буду тебе верным и усердным слугой и работником!

— И будешь здесь основателем алжирской колонии!.. Ну, а ты, приятель, — обратился Шарль к мартиникийцу, который усердно, но безупречно высчитывал что-то по пальцам.

— О, я, господин, не могу сосчитать всего этого: это для меня слишком много!

— Не беспокойся, я сосчитаю за тебя! Ты тоже хочешь вернуться на родину?

— О, я не так глуп! Я останусь подле жилища господина... У нас в Мартинике нечего есть, а здесь я буду богат, богат, как настоящий помещик!

— А тебе не скучно будет жить здесь одному, без семьи?

— Я знаю в Кайене добрую кумушку негритянку, и если вы позволите, чтобы она приехала сюда, в ваше поместье, то я буду более счастлив и доволен, чем кто-либо из негров на своей родине или негров в Кайене и Мартинике!

— Решено, приятель! Следующий раз, когда мы поедем в Кайену, мы привезем твою негритянку, и я позабочусь о твоем помиловании. Ну, а теперь, детки, довольно беседовать; идемте есть, а затем мы отвезем ваш кучук в склады. Что касается вас, — обратился он к Шоколаду, — то я сообщу вам о своих намерениях, а вы выскажетесь откровенно, насколько они вам улыбаются.

— Я готов слушать вас, когда прикажете, — отозвался Шоколад своим глухим и печальным голосом.

Нагрузка части каучука была произведена тотчас же после скромной трапезы, общей для всех, как и накануне вечером. Нагруженная до краев лодка со всем своим

экипажем отправилась в обратный путь. Но так как в ней не хватило места на всех, то Шарль, ввиду нестерпимого зноя на реке, предпочел вернуться сухим путем в сопровождении индейца Пиражибы, своего всегдашнего неразлучного спутника. Араб и мартиникиец остались на каучуковом заводе, а Шоколад должен был сопровождать транспорт и на следующий день вернуться обратно на завод со свежим провиантом и припасами; выгрузив здесь все это, он должен был нагрузить оставшийся каучук и доставить его на склады.

Было около девяти часов утра, когда отъезжавшие на пироге и возвращавшиеся сухим путем расстались на некоторое время.

Как и следовало ожидать, лодка, хотя и сильно нагруженная и шедшая далеко неходко, прибыла к месту раньше. Как только она показалась в виду усадьбы, о ней тотчас же дали знать в доме. Госпожа Робэн, со всеми детьми, поспешила на пристань вместе с крупной, величественной негритянкой, окруженной целой гурьбой веселых и чрезвычайно шумливых и крикливых негритят с лоснящимися, как хорошо вычищенный сапог, лицами и курчавыми головами, пышущих весельем и здоровьем, и рослым, опрятно одетым негром в просторной блузе, белых холщовых панталонах и широкополой соломенной шляпе, с большой сигарой в зубах.

Это был негр Лоомн, фактотум молодого плантатора, его товарищ детства, так сказать, его названный брат, один из сыновей старого Бони Ангоссо, который всю свою жизнь был верным другом и товарищем старика Робэна, как в хорошие, так и в тяжелые времена его жизни. Лоомн — счастливый супруг крупной и красивой негритянки Ажеды, стоявшей тут же на пристани и не менее счастливый родитель всех этих маленьких негритят, росших вместе с господскими детьми на совершенно равных правах и по-братски деливших с ними все радости и утехи жизни, все общие маленькие горести и огорчения.

Трудно было представить себе что-либо более привлекательное, чем эта пестрая группа лиц, где хорошенькая супруга молодого плантатора, белая и румяная,

как фарфоровая куколка, в своем изящном бледно-голубом платье, так хорошо гармонировавшем с ее красотой нежной блондинки, опиралась на руку рослой негритянки, по-своему живописной и нарядной в своем новом, затканном золотыми нитями «мадрасе» и многоцветном «камиза», развевавшемся, подобно перьям красавца Ара. Трудно было представить себе что-либо более милое, чем эта группа дружно обнявшихся между собой детей — белолицых и чернокожих, по-видимому, не подозревающих ни о какой разнице кастовых сословий.

Наконец, трудно представить себе что-либо более трогательное, чем взор, полный беспредельной нежности, которым обе женщины, англичанка и негритянка, следили за веселым роем своих детей, по-видимому, также не делая различия между ними: настолько сердца их были полны материнской нежности и любви к тем и другим.

Что касается Лоомн, то он был положительно на седьмом небе от радости и гордости, когда все эти милые малютки, белые и чернокожие, резвились вокруг него, поминутно дружественно окликая его «папа Лоомн!», что для него звучало отраднее всякой другой ласки.

Однако, темное облако омрачило настроение этой милой веселой группы: на корме пироги не было Шарля, как все того ожидали. Обыкновенно его появление являлось сигналом всеобщей бешеной гонки, каждый хотел добежать первым и получить первый поцелуй возвратившегося Шарля.

— Почему же папы Шарля нет на пироге? — хором спрашивали детки.

— Почему господин не с вами? — осведомился в свою очередь мажордом Лоомн у прибывших.

Но оказалось, что все обстояло благополучно: хозяин возвращался домой сухим путем с Пиражибой, так как намеревался попутно взглянуть на вновь отстроенный на месте сожженного серингаль, где теперь работали другие рабочие.

Но как ни кратковременна эта отсрочка свидания с горячо любимым мужем, отцом и господином, отсутствие его в данный момент было настоящим разо-

чарованием для всех, и вся только что веселая компания ушла с пристани, заметно опечаленная.

Остался только Лооми — наблюдать за выгрузкой и уборкой каучука.

Он радушно встретил Шоколада, которого сам обучил ремеслу серингуеро и водворил на отведенном ему участке; теперь, в ожидании хозяина, он поместил его в удобной хижине.

Между тем шло время; вот уже два, три часа — и все никого!

Госпожа Робэн, хотя и привыкшая к частым отсутствиям своего мужа, на этот раз почему-то несколько встревожилась.

Маленький Генрих, занявшийся после урока английского языка стрельбой из самострела со своими двумя обычными товарищами — маленьким Лооми и Табира, теперь заявил, что он пойдет навстречу папаше.

— Потерпи, дружок,— отвечала ему мать, — далеко не столь спокойная, как старалась казаться, — он, вероятно, скоро придет.

Но вот прошло уже четыре часа, а Шарля все не было.

Лооми, видя беспокойство своей госпожи, предложил тотчас же отправиться ему навстречу. Но молодая женщина не согласилась, так как муж строжайше запретил кому бы то ни было из живущих в доме отлучаться в его отсутствие хотя даже всего на один час, со времени появления беглых каторжников вблизи усадьбы.

Несмотря на то, что эти негодяи были выселены на болотный остров, откуда не могли уйти, распоряжение не было отменено, и Лооми, скрепя сердце, подчинился ему. Но Табира с одним из товарищей мог отправиться на поиски молодого плантатора.

Оба индейца молча вооружились, один — своим большим луком, другой — сарбаканом, и никем не замеченные пустились в путь. Длинным, легким шагом краснокожих, сынов Амазонки, эти неутомимые ходоки, достойные соперники пешеходов Кордильеров, быстро подвигались вперед.

Лучшего выбора в данном случае нельзя было и сделать: эти двое индейцев были самые опытные следопыты, самые смелые охотники, для которых девственные

леса не имели тайн; сверх того, они всей душой и всем существом своим были привязаны к Шарлю, что, в сущности, весьма редко бывает с местными индейцами: южноамериканские краснокожие редко привязываются к кому-либо из иноплеменников; зато привязавшись — остаются верны до самой своей смерти.

После полутора часов невероятно быстрого хода, совершенно немыслимого для европейца, наши следопыты очутились вблизи первого карбета. Вдруг Табира, шедший впереди, остановился и указал товарищу на признаки, весьма очевидные, впрочем, так как их не постарались даже скрыть, присутствия здесь посторонних людей.

Несмотря на свою обычную невозмутимость, оба индейца проявили признаки очевидного волнения. Быстро обменявшись несколькими отрывистыми фразами на своем родном языке, они вдруг пустились бежать лесом напрямик, предварительно изготовив лук и сарбакан.

Что же так взволновало этих людей, столь мало впечатлительных, которых даже близость неминуемой смертельной опасности едва ли может заставить содрогнуться?!

Шарль только что отошел от второго карбета, где не нашел ни души, — это, впрочем, было в порядке вещей, так как в эту пору дня все люди, ночующие в нем и хранящие здесь свои запасы и припасы, а также добытый ими каучук, находились на заводе, где вырабатывали каучук, в глубине лесной чащи.

Окончив осмотр запасов, он с легким сердцем отправился дальше, по дороге на минуту приостановился, чтобы срезать длинный прут в виде тросточки.

Опираясь на эту тросточку, Шарль шел бодро и весело, время от времени перекидываясь несколькими словами со своим спутником Пиражибой, держащим в зубах толстенную сигару. Индеец ворчал на свою оплошность: он потерял кремень и огниво.

— Пустяки, — успокоил его Шарль, сворачивая себе самокрутку, достал из кармана свой кремень и огниво, высек огонь, зажег фитиль и поднес индейцу, чтобы тот мог закурить сигару.

В этот момент Пиражиба, стоявший к нему лицом, вдруг уронил свою сигару и, отскочив далеко в сторону, громко вскрикнул с ужасом:

— Господин, берегитесь!

Но молодой человек не успел не только оборониться, даже не успел обернуться, чтобы убедиться, откуда ему грозит опасность, как что-то просвистело над его головой; почти в тот же момент он почувствовал, как ему сжало горло с такой силой, что у него разом заняло дух. Глаза его закатились, в ушах раздался невыносимый шум, затем он, потеряв сознание, как подкошенный, упал на землю...

Спустя некоторое время, продолжительность которого он никак не мог определить, ощущение прохлады на лице мало-помалу помогло ему очнуться.

Тогда он начал медленно приходить в сознание. Он услышал смутный говор нескольких голосов; наконец полуоткрыл глаза и увидел над собой темную листву хевеа.

Он сознавал теперь, что лежит на спине, хотел приподняться и сесть, но напрасно, ибо не в состоянии был пошевелить ни руками, ни ногами. Что бы это могло значить? Ну, так и есть: он крепко связан по рукам и ногам.

Наконец, туман, застилавший ему глаза, после опрыскивания лица холодной водой немного рассеялся, и он начал видеть ясно.

Какая ужасная действительность представилась его глазам, гораздо более ужасная, чем всякий кошмар: она положительно сразила этого смелого, неустрашимого человека!

Его глаза с недоумением остановились на довольно многочисленной группе людей, стоявших полукругом вокруг него. Он снова закрыл глаза, чтобы не видеть этих людей, но насмешливый голос, в котором слышалось нечто жестокое и злобное, напомнил ему о той действительности, о которой он и сейчас еще не может вспомнить без ужаса, — и этот голос сказал ему:

— Ну-с, милейший господин, на этот раз вы не столь высокомерны, как тогда, не правда ли? А теперь довольно нежностей и обмороков, пора поговорить и о деле!

Глава XII

Колонизационные приемы англичан и американцев. — Дикие звери и разбойники. — Видимая покорность. — Планы бегства. — Многочисленные разочарования. — Последствия погружения в ил. — О счастье, могущем произойти от неудачи. — Луш является изобретателем. — Воспоминания о лыжах гипербореев. — Луш превращается в корзинщика. — Каторжники изготавливают каучук. — Непромокаемость. — Успех и безумная радость. — Досады и конечная удача. — На море жидкого ила. — На свободе. — Бандиты берегов Амазонки. — Союз с мурами. — Цена лассо.

Беглые каторжники, точно так же, как их дикие товарищи, бразильские мулаты, волей-неволей должны были примириться с перспективой ссылки на одинокий, затерявшийся среди непроходимых болот остров и, по-видимому, подчинились этому приговору без особых протестов и возмущения.

Сознавая, что на этот раз сила не на их стороне, и считая себя счастливыми, что им пришлось иметь дело с французом, великодушнейшим из врагов и победителей, они отлично понимали, что им могла грозить несравненно худшая участь. Как англичане, так и американцы непременно применили бы к ним, нимало не задумываясь, страшный суд Линча и привели бы тут же свой приговор в исполнение. А приговор этот мог только быть двоякий: или перестрелять всех или перевешать, в зависимости от того, какой из этих двух способов казни являлся в данных условиях более удобным. В качестве людей, главным образом практиков, — таков по крайней мере их взгляд на вещи — американцы и англичане охотно подсмеиваются над тем, что они называют французской «чувствительностью», которая, как они говорят, очень мила и красива в теории, но вредна в применении на практике.

Чрезвычайно строгие даже у себя дома ко всяческим покушениям на личность и имущество человека, до крайности нетерпимые в этом отношении вообще, они становятся совершенно неумолимыми, когда такие покушения совершаются в диких, нецивилизованных странах, где они одинаково обращаются как с хищным зверь-

ем, так и с человеком-хищником. Можно ли приручить тигра- «людоеда» после того, как он уже попробовал человеческого мяса и стал вселять ужас и страх во всем поселении? — Нет, нельзя! — Значит, остается только убить его.

Можно ли рассчитывать на исправление закоренелого преступника, который в стране, лишенной законов, властей и вооруженной силы, дал полную волю своим преступным инстинктам и совершенно не признает ни собственности, ни святости человеческой жизни? — Нет, нелья! — Ну, так смерть и ему!

Вот так рассуждают и поступают «практические люди», на которых смотрят, с основанием или без основания, как на людей, обладающих в высшей мере способностью колонизации.

Но иные страны — иные нравы! И если француз спешит избавиться от хищника зверя, то на жизнь подобного себе он смотрит далеко не так легко, как бы преступен и недостоин ни был этот человек. Что касается известных нам негодяев, то Шарль был вполне уверен, что он поставил их в такие условия, при которых они будут совершенно лишены всякой возможности вредить своим ближним.

При иных обстоятельствах он был бы вправе рассчитывать на это, но не знал неутомимой энергии, необычайной изобретательности и удивительной настойчивости тех людей, с которыми он имел дело.

Едва только пироги, доставившие каторжников на одинокий остров, успели скрыться из виду, как их притворная покорность воле молодого плантатора мгновенно исчезла и уступила место яростным крикам и проклятиям по адресу этого человека, пощадившего их жизнь; в конце концов все они поклялись при первом удобном случае жестоко отомстить ему за свое заточение на этом острове. А в устах подобных людей это не было пустою угрозой.

Понятно, ни один из них не думал приняться за работу. Единственно, что теперь занимало их мысли, это желание найти средства бежать и вслед за тем удовлетворить свое чувство мести.

Бежать! Вернуть себе свободу! Вот что одно теперь заботило их. Да и почему бы им не бежать отсюда, когда

они уже бежали раз и при гораздо худших условиях? Что им удалось тогда, почему не могло удаться и теперь!

Как и следовало ожидать, первоначально все их планы терпели неудачу. Сначала они долгое время бродили, как дикие звери в клетке, по острову, изучая его особенности, выгоды и невзгоды данных условий, как люди, привыкшие из всего извлекать пользу; наконец вынуждены были прийти к убеждению, что с обычными имеющимися средствами нет решительно никакой возможности преодолеть препятствия, воздвигнутые самой природой.

Прежде всего они попробовали построить плот, но оказалось, что по этой густой, клейкой жиже не было никакой возможности сдвинуть его с места, и это примитивное приспособление, столько раз выручавшее их из беды, здесь не могло им сослужить службу.

Тогда они задумали выдолбить из ствола толстого дерева пирогу. Но у них не было никаких подходящих для этой работы орудий, а тот способ, которым для этой цели пользуются индейцы, обходящиеся часто без всяких орудий и инструментов, не был им известен. Да и в сущности на что им могла пригодиться пирога? Ведь они не знали фарватера узкого извилистого канала, запруженного бесчисленными подводными камнями и мелями, о которые они неминуемо должны были разбиться и потерпеть крушение. А крушение в этом жидком, клейком иле, в этой густой тине было верной смертью.

Наконец, старик Луш, этот многоопытный каторжник, хитрейший из хитрецов, додумался, после целого ряда неудачных планов и попыток, прибегнуть к довольно остроумному средству.

Арума или Maranta arundinacea, из которой жители тропиков плетут корзины для зерна, плодов и всяких иных домашних надобностей, росла в изобилии по берегам острова. Из прутьев или лыка этого растения, несравненно более гибких и упругих, чем наш камыш или ивняк, Луш сплел себе пару лыж, похожих на снеговые лыжи, какими обыкновенно пользуются жители северных и полярных стран.

— Если люди могут ходить, не проваливаясь, по снегу глубиною в два — два с половиною метра, благодаря такой обуви, которая представляет собой очень широкую

площадь, то почему бы она не могла оказаться пригодной и для ходьбы по этой проклятой тине? — рассуждал не без некоторого основания старый разбойник.

Но результаты этого нового опыта, казавшегося в теории превосходным, оказались плачевными на практике, несмотря даже на то, что Луш позаботился придать своим лыжам форму лодочек, даже несколько увеличить их длину, и переплести их тонкими волокнами, чтобы обеспечив большую плотность и непроницаемость для воды.

Едва он сделал пять-шесть шагов по тине, как отчаянно вскрикнул и разом провалился по уши. Но как человек предусмотрительный, он, прежде чем отважиться на опыт, приказал подвесить себя крепкой лианой к ближайшему большому дереву, а конец этой лианы велел товарищам держать в руках. Не будь этой спасительной лианы, которая спасла ему жизнь, старого Луша не было бы на свете.

Наполовину захлебнувшегося, облитого илом, как крокодила, купавшегося в болоте, его не без усилия вытащили наконец на берег.

Но странное дело — эта новая неудача, последовавшая за мнимой удачей, как будто привела старика в превосходное настроение. Вместо безобразной гримасы, присущей ему, нечто похожее на улыбку появилось на его старческой физионмии.

Он проворно разулся, выполоскал свое платье и начал насвистывать мотив избитой тюремной песенки, которая была излюбленной его мелодией.

— Эй, старина, уж не напекло ли тебе солнцем голову? — не мог удержать своего удивления Геркулес, при виде необычной веселости своего старого приятеля. — Чего ты так развеселился, точно макака, охмелевшая от пальмового вина?! Ну, что тут забавного, братцы? Как по-вашему? Я положительно никак в толк не возьму, чему тут радоваться! Вижу только, что нам, видно, и подохнуть здесь! А до того волей-неволей надо будет начать изготовлять каучук и работать, как негры, в угоду этому проклятому плантатору!..

— Совершенно верно, сын мой, — серьезно подтвердил Луш, — придется начать работать: видишь ли, работа даст нам свободу!

— Воля ваша, а наш старик не в здравом уме... вот оно что! А между тем его «университет» был превосходно оборудован!..

— Ты — славный малый, любезный верзила, но бываешь глуп, как тюлень, порою; впрочем, можно сказать, что это почти постоянно с тобою бывает, когда ты не спишь!

— Ну, слава Богу! Старина пробирает меня: значит, его башка в порядке!.. Итак, ты говоришь, что нам надо начать изготовлять каучук?

— Да, племяш, хоть немного, а работать надо, если мы не хотим подохнуть здесь!

— Хм! Так разве это поможет нам выбраться отсюда?

— Да!

— И всего только сделать надрезы в коре деревьев, дать соку стечь в жестяные стаканчики, затем подсушить его на дыму?!

— Да, вот именно, а после того можешь пустить кровь плантатору и выпустить его потроха, поджечь его скорлупу и прокоптить всю его ораву, как мясо черной обезьяны «коата»!

— Черт возьми! Да неужели это правда, что ты говоришь?

— Такая же правда, как то, что меня зовут Луш! Даю тебе в том слово доброго каторжника!

— А ты расскажи хоть немного, как это будет?

— Нет, шалишь! Ничего вперед рассказывать не буду; придет время — увидишь сам. Я хочу приготовить вам, друзья, приятный сюрприз! Ну, сегодня попируем на славу, а завтра примемся за работу!

Сказано — сделано, и сделано на совесть!

После целого дня оргии и целой ночи шумного и грубого похмелья Луш принялся весело и бодро, как после хорошо проведенной в мягкой постели ночи, изготовлять новую пару лыж из тех же гибких прутьев арума или, вернее, из его лыка.

Товарищи еще с рассветом отправились добывать каучук: это случилось в первый раз за все время. Вскоре остовы лыж были готовы; тогда Луш, не отрываясь, принялся за плетение, и так велико было его искусство и проворство в работе, преимущественно исполняемой каторжниками в центральных тюрьмах, что к полудню пер-

вая пара лыж была совершенно готова. Наученный собственным опытом, старый каторжник несколько видоизменил их форму: он значительно удлинил их назад и вперед, одновременно убавил ширину, так что получилось что-то вроде игрушечных пирог. Посредине было устроено гнездо для ноги, к которой эта лыжа должна быть прикреплена тонкими и крепкими мочалками. Кроме того, он на этот раз так туго и плотно плел эти лыжи, что они почти не пропускали воды и, казалось, были сделаны из толстой ткани.

Довольный своей работой, Луш подвесил каждую из лыж на двух крепких лианах на одной из нижних ветвей дерева, затем развел огонь, но не в импровизированной печке, где они готовили себе пищу, а прямо на открытом воздухе, на земле, неподалеку от того места, где были подвешены лыжи, — для того чтобы огонь помог быстрее просушить их.

Тем временем возвратились подневольные серингуеро с ведрами, полными молочно-белого сока каучуковых деревьев.

С видом человека, изображающего собою Deusex machina, Луш первое время все делал молча, не удостаивая никого ни одним словом.

Он взял одно из ведер с каучуковым соком, осмотрел его содержимое с видом знатока и затем вылил его в одну из своих лыж. Жидкость равномерно разлилась по всей внутренней стороне, после чего он снял лыжу с дерева и подверг ее действию дыма и огня.

Не прошло и двадцати секунд, как тонкий слой плотного сгущенного каучука покрывал всю внутреннюю поверхность абсолютно непроницаемой для воды тонкой пленкой.

Оглушительный взрыв восторженных восклицаний приветствовал этот первый успех. Теперь все поняли тайный смысл слов Луша: «Работа даст нам свободу!»

Насладившись своим успехом, Луш решился, наконец, объяснить своим товарищам, каким образом ему пришла эта мысль.

— Просто потому только, что увидел, как сквозь плетенье лыж просачивалась илистая жидкость! Кажется, просто, проще и быть не могло, а все же сразу до всего не додумаешься!

— И в самом деле! — воскликнул Красный с непритворным энтузиазмом.

— Как же мы глупы, что раньше не подумали об этом?!

— Да, а между тем всегда так бывает, — заметил Кривой, — все чрезвычайно просто, как до него додумаешься.

— Эй, послушай, старина, — вдруг заметил Геркулес, — а что, если бы вместо того, чтобы фабриковать такие непромокаемые и непроницаемые поршни, почему бы нам не изготовить, точно таким же образом, пирогу, где все могли бы поместиться?

— А ведь он прав! — поддержали другие каторжники.

— А вот и нет! — возразил Луш. — Пирогу таким образом изготовить нельзя: она будет недостаточно прочна, во-первых, а во-вторых, как и чем заставите ее двигаться по этой густой, как студень, тине? Ее собственный груз, да еще сверх того груз всех нас, вместе взятых, никакие весла не в силах будут сдвинуть с места, если только вообще этот ил выдержит на себе всю эту тяжесть и наша пирога не разъедется по всем швам! Надо быть глупее горшка с дегтем, чтобы надеяться плыть на лодке, севшей на мель; а ведь это — болото, можно сказать, сплошная илистая мель... Вспомните хоть наш плот! Ведь течения здесь нет, в этой проклятой тюре!

— Да, ты всегда бываешь прав, старый хитрец!

— Еще бы! Это не ново!

— Ну, так продолжай, мы положительно сгораем от нетерпения узнать, что ты думаешь делать!

— Это проще простого: обув эти непромокаемые лыжи, человек, если он не в состоянии будет сдвинуться с места, волоча за собой ноги, как по льду или снегу, во всяком случае, сможет двигаться вперед, переступая, не проваливаясь от своей собственной тяжести, а этого уже будет довольно.

— Да... да! Браво, Луш! Браво! Да здравствует мудрейший из мудрецов!

— Если так, то мы спасены, и тогда берегись, плантатор и все его проклятое гнездо! Мы ему припомним, что значит заточить свободных людей в такую яму!..

— Тише, детушки, тише, не шумите прежде времени! Подождем конца, что-то он нам еще покажет! Дайте мне

изготовить эту парочку лыж, и тогда посмотрим, можно ли нам в самом деле радоваться! А это будет видно после их окончательной пробы!

Весь запас каучукового сока, собранного в это утро, пошел на первую пару лыж; и только под вечер эти удивительные приспособления приобрели, наконец, желаемую степень водонепроницаемости.

На другое утро, по распоряжению Луша, решено было отдыхать от вчерашних трудов и посвятить этот день решительному опыту, который, смотря по своим результатам, должен был или удостоверить их удачу, или же разрушить последнюю надежду на возможность уйти с этого ненавистного всем острова.

Точно так же, как в первый раз, Луш приказал привязать себя под мышки к большому дереву и дал товарищам держать конец лианы, служившей спасительным канатом, затем надел лыжи и, вооружившись длинным, крепким и легким шестом, осторожно ступил на жидкую илистую поверхность озера-болота.

Один момент все присутствующие испытывали неописуемое волнение, но вот оно уступило место шумной радости и громкому восторгу: их изобретательный товарищ стоял твердо на ногах и не проваливался — жидкая, черноватая тюря, напоминающая жидкую нефть или мазут, держала его.

— Крепко ли ты стоишь, старина? — окликнул его Геркулес сдавленным от волнения голосом.

— Как на суше! — отозвался Луш. — Теперь смотрите, я пойду вперед! Это самая важная проба: если я сумею устоять на одной ноге, то значит, все благополучно!

С неимоверными предосторожностями он приподнял одну ногу, занес ее вперед и передвинулся таким образом приблизительно на шестьдесят сантиметров. Осмелев немного, он занес точно так же и другую ногу и сделал еще шаг вперед. Обе лыжи оказались вполне удовлетворительными. Старый негодяй так правильно соизмерил их длину и ширину, так хорошо вычислил их размеры, что в них можно было свободно шагать, не задевая одной за другую, не уставая и не рискуя упасть головой вниз.

Правда, идти в этих лыжах можно было лишь очень медленно, но что из того? Им некуда особенно спешить, у них в распоряжении сколько угодно времени!

Теперь уже Луш совершенно удостоверился в полной пригодности своего изобретения; он сбросил с себя спасательный канат и смело сделал около ста шагов вперед от берега, затем, довольный результатом испытания, весь сияя, возвратился к своим восхищенным товарищам, шумно приветствовавшим его на берегу.

— Ну, а теперь, детки, — проговорил он, — наше избавление является лишь вопросом времени, быть может, всего только нескольких дней. Так возьмемся же дружно за дело!..

Однако, непредвиденные случаи задержали их на острове более, чем они предполагали.

Во-первых, неопытность мастеров: несмотря на все старания и полное усердие всех членов маленькой колонии каторжников, никто из них не мог так сплести лыжи и придать им так счастливо выработанную старым Лушем форму и плотность, необходимую в данном случае. После целого ряда неудовлетворительных попыток пришлось предоставить изготовление всех этих оригинальных приспособлений для хождения по жидкому болоту одному Лушу. Но, как он ни спешил со своей работой, как ни усердствовал, более одной пары в день ему не удавалось изготовить. Товарищи же посвятили себя всецело сбору и добыванию каучука.

Наконец, по прошествии десяти дней усердного труда все было готово. Были произведены новые испытания каждой отдельной пары лыж, и все они оказались вполне удовлетворительными. Счастливые и довольные, как люди, стоящие накануне осуществления давно затаенной мечты, беглые каторжники назначили на следующий день свое выступление в путь.

Но в ту ночь над островом разразилась одна из тех тропических гроз, о которых мы, жители умеренной зоны, не имеем и представления. В продолжение целого часа оглушительные удары грома следовали беспрерывно один за другим, сопровождаемые ослепительной молнией. Более чем в двадцати разных местах ударила молния в старые гигантские деревья и раздробила их в щепки, в том числе и то большое дерево, под сенью кото-

рого хранились непромокаемые лыжи изгнанников. В несколько минут все стало добычею пламени: лыжи горели, как факелы.

Пришлось начинать всю работу снова. Терпеливые и настойчивые, как люди, привычные к неудачам и трудностям, к долгому и томительному труду и выжиданию, каторжники принялись за работу.

Но тут опять случилась беда: Луш, переутомившись, вдруг заболел лихорадкой и вынужден был приостановить работу на целых две недели.

Впрочем, и эта новая задержка нисколько не обескуражила товарищей старого разбойника, а напротив, как будто еще более усилила их энергию. За ним ухаживали, как только могли ухаживать эти люди за человеком, столь необходимым для них, и, благодаря этому уходу, больной быстро поправился и мог снова приняться за работу.

И вот снова настал великий день! Каторжники захватили с собой все, что только можно было захватить, главным образом — провизию, и покинули остров со всевозможными предосторожностями, хотя этот одинокий, затерявшийся в болоте остров был слишком далек от всякого населенного людьми места. Как мы уже говорили раньше, это озеро-болото, эта громадная лагуна носила название Лаго-Реаль и было усеяно бесчисленными островками, выплывавшими повсюду из жидкого ила.

Несмотря на то, что эта болотная лагуна имела не более пятнадцати километров ширины, беглецы целых три дня шли по ней, медленно переходя от одного островка к другому, от одного клочка твердой почвы к другому, ближайшему к нему.

Но вот они, наконец, на воле, а между тем трудолюбивые и честные серингуеро, ничего не подозревавшие об этом, продолжали спокойно спать. Побуждаемые жаждой мести, привлекаемые алчностью и завистью к тому богатству и роскоши, какими пользовался молодой француз-переселенец, бандиты охотно отмазали бы, не останавливаясь, сто километров, отделявших их от главного жилища француза. Но наученные горьким опытом и зная, что молодой плантатор при помощи и содействии многочисленного персонала своих служащих не так-то легко даст себя прирезать, они решили выждать

благоприятного случая, в тем временем подыскать средства для нападения. Случай помог им в этом.

Они уже несколько дней бродили в окрестностях источников, дающих начало реке Манорема, одного из притоков Арагуари, на участке земли, некогда занятом назаретскими миссионерами, а теперь уже давно заброшенном. Хотя плодовые деревья, кусты и другие питательные растения уже одичали и почти возвратились к своему первобытному состоянию, тем не менее они могли еще доставить пищу голодным, невзыскательным на вкус людям в избытке в продолжение долгого времени.

Ввиду этих соображений беглецы решили избрать это место своей штаб-квартирой.

Вдруг, совершенно неожиданно для них, на этой самой земле, окруженной со всех сторон широким кольцом девственных лесов, появилась орда бродячих индейцев, вороватых и отчаянных Мура, с низовьев Амазонки.

Презираемые и гонимые всеми другими племенами своих соотечественников, живущие частью охотой, частью рыбной ловлей, а в основном воровством и грабежом, не желая даже принудить себя к обработке хотя бы небольшого клочка земли, эти южноамериканские цыгане бродят по лесам и степям, куда их гонит случайный каприз или нужда пропитания.

Трусливые и вместе с тем жестокие, они нападают на жилища и селения в тех случаях, когда сознают себя в силе и могут рассчитывать на безнаказанность, и грабят, убивают одиноких колонистов или оседлых соплеменников индейцев, которые не в состоянии сопротивляться им. Характерно, что ужас и презрение, вселяемое этим племенем, настолько сильны, что самое имя их является для индейцев других племен кровным оскорблением: назвать индейца «Мура» — это все равно что нанести ему самую сильную обиду.

Преследуемые и гонимые всеми другими краснокожими берегов Амазонки, особенно же Мундуруку, самыми смелыми, отважными и умными среди них, Мура являются париями в семье краснокожих.

Каждый, кто встретит на пути Мура, считает себя вправе убить его, как бешеную собаку или какое-нибудь другое вредное животное, и почти никогда не отказывает себе в этом удовольствии.

И в самом деле, трудно себе представить что-нибудь более отталкивающее, чем их физиономии, которым они стараются всячески придать самый отвратительный вид.

Между прочим, у них в обычае рассекать себе ноздри и верхнюю губу и вставлять в рассечину клыки пекари, которые так и врастают в кожу, когда рана заживет.

Можно представить себе, какой вид им придают эти «украшения» вместе с аляповатой татуировкой черной и красной краскою, которой покрыты их лицо и верхняя часть тела.

О людях можно сказать то же самое, что о хищных животных; кажется, будто те и другие узнают себе подобных по каким-то им одним заметным неуловимым приметам, что они собратья по преступлению, как будто преступность и злодейство оставляют на них свое клеймо, по которому такие же клейменные, как они сами, люди сразу признают их.

Как это ни странно, но эти разбойники и грабители берегов Амазонки сразу сдружились с подонками цивилизованного общества и вступили с ними в самую тесную дружбу. Это чрезвычайно поразило бразильских мулатов, которые привыкли видеть в Мура беспощадных врагов, вселяющих страх и ужас всем, кто только завидит их.

Их было всего около сотни, и все они были вооружены луками и стрелами, а некоторые имели еще дрянные ружья, топоры, тесаки. Кроме того, почти у каждого было длинное ременное лассо, которыми они очень ловко пользовались для ловли скота в саваннах.

Мулаты, придя в себя от своего изумления, вступили в разговоры с Мура на общепринятом здесь языке, исполняя роль переводчиков для Луша, который тотчас же надумал воспользоваться этой случайной встречей, превратив Мура в грозных союзников.

Краснокожие оттозвались с полной готовностью на все сделанные им предложения: настолько был высок авторитет белой расы даже и в глазах этих порочных и отверженных людей. Зная их нрав и обычаи, Луш, желая возбудить их алчность, стал расписывать богатства молодого француза и рассказывать, как легко все это может достаться им.

Мура слушали его, развесив уши, тем более, что они уже издавна знали про эту богатую плантацию и громадные запасы всяких товаров у молодого серингуеро, хозяйничавшего здесь уже многие годы.

Уже не раз они нападали на него, но каждый раз безуспешно, вследствие беспримерного мужества защитников, в числе которых было несколько человек Мундуруку, заклятых врагов их племени.

В конце концов они пришли к убеждению, что француза никак нельзя одолеть, и потому окончательно отказались от всяких покушений на его спокойствие.

Но вот люди той же белой расы вступают с ними в союз против ненавистного белого серингуеро; там серингуеро был один белый, а все остальные или индейцы, или чернокожие, тогда как здесь у них было четверо белых. Под предводительством этих белых Мура могли теперь считать себя непобедимыми. Решив этот вопрос принципиально, они сразу сговорились со своими союзниками, не вдаваясь в подробности плана.

Решено было, что каторжники поведут их в атаку на серингаль, а добычу они поделят между собой поровну. На этом условии Мура поклялись беспрекословно повиноваться своим предводителям, которые, со своей стороны, обещали им помощь и поддержку; после этого оба отряда слились воедино и тотчас же стали готовиться к экспедиции. Так как необходимо было скрыть присутствие столь многочисленного отряда и в то же время действовать без промедления, то новые союзники решили порыскать в отдалении по саванне, чтобы раздобыть себе коней и иметь возможность действовать с должной быстротой.

Эта первая часть экспедиции увенчалась полным успехом. Не прошло и недели, как у всех в отряде были превосходные полудикие кони, которых, однако, эти прирожденные объездчики очень скоро, с присущей индейцам жестокостью и бесчеловечностью, укротили. Тогда они стали мало-помалу подходить ближе к усадьбе, соблюдая всевозможные предосторожности; учредили у себя отряд лазутчиков и стали выжидать, с терпением и выдержкой настоящих хищников, удобного момента для нападения.

Между тем владелец плантации, довольный уничтожением хищника-змеи, весело и беспечно шагал по широкой просеке, не подозревая готовившейся против него засады и оживленно беседуя со своим спутником индейцем Пиражибой.

Как мы уже говорили, он отошел немного от второго карбета и не прошел еще и одного километра, когда на минуту приостановился, чтобы зажечь сигару своего спутника, утерявшего кремень и огниво.

Человек двадцать Мура, расставленных вблизи жилья вдоль дороги, притаились за деревьями.

Случай был слишком заманчив, чтобы его упустить, — и один из них ловко пустил свое лассо, которое обхватило шею молодого переселенца с адской силой, и прежде чем он успел что-либо сообразить — упал полузадушенный, потеряв сознание.

Глава XIII

Чтобы принудить пленника говорить. — Луч надежды. — Страшные угрозы. — Упорное молчание. — Возражение. — Поступок мулата. — Дикий конь. — Подобие охоты с помощью лассо. — Пытки. — Адское кольцо. — Порвавшаяся подпруга. — Всадник на земле. — Брешь. — По саванне. — Тщетное преследование. — Новый Мазепа. — Отчаяние. — Обморок. — Переправа через реку. — Действие воды на кожаный ремень. — Бессильное бешенство. — Близость спасения. — Нож. — Молниеносная смерть.

Можно себе представить ужас и изумление Шарля, когда, после продолжительного и глубокого обморока, вызванного затянутой на горле петлей, он, раскрыв глаза, увидел перед собой Луша и его товарищей.

— Ну-с! — продолжал каторжник, бросив «куп» (сосуд), где была вода, которой он спрыскивал лицо серингуеро, прямо ему в физиономию. — Ну-с, сударь, или вы совсем утратили дар слова? Надо попробовать разжать ему зубы!

Шарль молчал.

— Хм!.. Да вы упрямитесь! Хорошо, мы сейчас посмотрим, кто из нас двоих переупрямит кого... Господин

Луш знает приемы, которые могут заставить говорить даже немого, приемы совершенно безошибочные...

Тут выступил вперед Геркулес и сказал: «И я тоже знаю такое средство. Если ты предоставишь мне этого человека на несколько минут в полное мое распоряжение, то я ручаюсь, что сделаю его столь же болтливым, как целая стая попугаев!»

— Руки долой, увалень! Знаю я твои средства; ты до чего не дотронешься, тому разом конец! Дай я тебе волю, так ты его разом сплющишь прежде, чем мы добьемся от него хоть одного слова!

В продолжение этого разговора, судя по которому Шарль не мог долее сомневаться относительно намерений разбойников, в его мозгу совершалась быстрая работа. Окинув одним взглядом вокруг себя, он увидел вместе с каторжниками и бразильскими мулатами большое число Мура, своих беспощадных врагов, а он был один, совершенно один. Табира не здесь, не в плену у негодяев; слабый луч надежды загорелся в его душе, но весьма слабый — увы! А все-таки, если Мундуруку, ловкость, хитрость и сообразительность которого ему хорошо были известны, если он не задушен Мурами, то, наверное, последовал по его следам, и тогда не подлежит сомнению, что он сделает все на свете, чтобы при содействии смелых и мужественных защитников серенгаля попытаться спасти его.

Голос Луша прервал его мысли.

— Так вы не хотите говорить?.. Прекрасно! Я скажу тогда, чего хочу. И после того вы скажете «да» или будете действовать согласно моим намерениям. Это все, чего я требую от вас! Вы богаты, даже, можно сказать, до смешного богаты; так нам, видите ли, прежде всего нужно ваше состояние!

А так как Шарль и на это только презрительно усмехнулся, то негодяй продолжал:

— Да! Я знаю, что казна ваша хорошо охраняется; знаю, что там постоянно находятся человек тридцать, которые встретили бы нас ружейным огнем, не считая тех молодцов, которые попотчевали бы нас своими отравленными спичками... не правда ли, это кажется вам очень забавным?.. Но мы не так глупы, голубчик, и тоже умеем дорожить своей шкурой! Обделаем это дельце, не по-

лучив ни одной царапины! Вот почему я рассчитываю на вас. Вы облегчите нам это дело! Так вот, вы проведете нас к дому, как будто мы ваши старые друзья, и введете в казнохранилище; а тогда мы посмотрим, какой взять с вас выкуп. Но смотрите, не пытайтесь нас обмануть: я имею привычку принимать свои меры предосторожности, и знайте, что если вы шевельнетесь, если сделаете хоть малейший жест, мы выпустим из вас все потроха! Теперь вы знаете, господинчик, чем вы можете выкупить свою жизнь!

В продолжение этой долгой тирады Шарль продолжал хранить упорное молчание, не спуская глаз с одного отдаленного пункта в пространстве, как бы не видя и не слыша ничего из того, что происходило вокруг него.

Это презрительное спокойствие вывело Луша из себя, и он дал волю приступу бешеной злобы.

Товарищи его разразились целым градом ругани и проклятий; даже Мура, до того невозмутимые и, повидимому, совершенно равнодушниые, огласили воздух дикими звуками.

— Ах, так ты так! — заревел негодяй. — Ты еще не знаешь, сколько ненависти таится в сердце человека, проведшего тридцать лет своей жизни на каторге, в этом аду... В то время как вы по горло сыты и пьяны, мы подыхаем с голода... теперь, когда вы в нашей власти, вы еще бравируете перед нами! Ну, так я скажу, что мы хотим не ваши деньги — я мог бы, пожалуй, пресытившись всем, если не отпустить вас на все четыре стороны, то все-таки пощадить вашу жизнь при условии, что вы станете работать на нас... но теперь кровавый туман застилает мне глаза, и я хочу крови, да крови!.. А, вы ничего не говорите!.. Но черт возьми, у вас есть красавица-жена и дети!..

— Молчи, негодяй! — воскликнул Шарль громовым голосом, делая страшное усилие: чтобы разорвать путы.

— Ага!.. Так это вас заставляет плясать, когда говорят о вашей бабе и ребятах! — заговорил Луш, снова становясь несколько спокойнее. — Ну, так знайте, что все они будут своим порядком прирезаны, могу вам поручиться за это, а мясо их отдадим рыбам в реке, чтобы они хорошенько разжирели на сладком мясе! А после того мы позаботимся и о вас!

— Лжешь, мерзавец! Лжешь и сам дрожишь за себя! Ты знаешь, что моей семье нечего бояться! Что касается меня, то ты и не воображай, что можешь меня запугать и заставить сдаться на условии! Кому? Каторжнику! Да в уме ли ты?!

— Болтайте себе, батюшка, сколько угодно: меня это, признаюсь, забавляет... Ну, а теперь мы приступим и к делу! Эй, ребята, нет ли у кого-нибудь из вас пропитанного серой фитиля? Мы пока, ради забавы, поджарим ему уши, а там придумаем еще какие-нибудь другие развлечения... Вот вы увидите, ребятушки, как это будет весело! А если он все еще будет артачиться, то мы его попотчуем мурашами: они здесь очень прожорливы и до живого мяса большие охотники!

В этот момент один из мулатов подошел к Лушу и сказал ему на кайенском наречии:

— Послушай, приятель, если ты хочешь позабавиться и других позабавить, а кстати и сломить упрямство серингуеро, то предоставь это мне: я за это берусь!

— При условии, что ты ему не повредишь; он нам нужен!

— Не бойся, будет жив!

— Ну, так делай, что хочешь!

Мулат, весьма довольный такой сговорчиваостью, подозвал одного из своих товарищей и сказал ему несколько слов по-португальски.

Тот бегом побежал куда-то и спустя несколько минут вернулся, с трудом ведя за собою чудного коня, бешеные порывы которого едва сдерживали самые варварские строгие удила, безобразно затянутые.

— Esta bom (хорошо)! — сказал добровольный палач.

— Что ты хочешь делать? — спрсил его Луш.

— Дать ему объездить вот этого коня, с которым ни один из нас не смог ничего сделать.

Слова эти, произнесенные на местном общедоступном наречии lingua geral, вызвали у Мура протяжный дикий рев восхищения. Очевидно, предполагаемый способ выездки дикого коня должен был представлять собою нечто ужасное, чтобы вызвать такое радостное одобрение этих дикарей.

Напуганная этим воем лошадь поднялась на дыбы и стала бить ногами. Но два длинных лассо, кинутых с не-

обычайной ловкостью, в один и тот же момент скрутили коня по передним ногам и по задним и мгновенно парализовали движения благородного животного. Лишенный возможности биться, но не усмиренный, конь стоял теперь неподвижно, дрожа всем телом.

Тем временем, Мура, очевидно, посвященные в план мулата, побежали за своими конями, в одно мгновение вскочили на них, галопом примчались обратно и выстроились широким кольцом, потрясая в воздухе своими лассо.

Между тем мулат сделал знак Геркулесу, неимоверная сила которого ему была известна, и приказал взять пленника и взвалить его на спину дикого жеребца; в то время как Геркулес придерживал его в лежачем положении, двое ловких и проворных мулатов привязывали его крепким лассо к спине дрожащего от гнева коня, лицом вниз. Теперь Мура расширили круг настолько, что между ними оставалось приблизительно по двадцать метров...

В это самое время Луш окликнул мулата:

— А ты можешь поручиься, что этот бешенный жеребец не прорвется?..

— Если бы это случилось, то было бы в первый раз, приятель! Мы уже не впервые играем в эту игру!.. Будь спокоен, я за все отвечаю, и после часа бешеной гонки я готов поручиться, что и конь, и всадник будут послушны, как овцы!

— Ну, если так, то валяй!

Тогда мулат, внимательно осмотрев, как привязан пленник, одним ударом ножа перерезал ремни лассо, опутывавшие коню ноги, и сорвал с него удила.

Но это потребовалось не более трех секунд.

Почувствовав себя на свободе, жеребец с минуту остался неподвижным, как вкопанный, затем, громко заржав, стрелой понесся вперед, но вдруг, почувствовав у себя на спине постороннее тело, остановился на мгновение и стал делать попытки схватить молодого француза зубами.

Но в этот самый момент бразилец, держа наготове длинный прут колючей ауара, изо всей силы ударил им коня по крупу.

Обезумев от боли и бешенства, молодое животное взвилось на дыбы и затем вихрем бросилось по саванне.

Несмотря на всю свою силу воли и выносливость, Шарль, испытывая ужасные толчки и сотрясения, не в состоянии был подавить глухого вопля, который тотчас покрыл дикий вой бандитов, ликующих при виде его мучений.

Мулаты, такие же отличные наездники, как и гаучосы аргентинской пампы, также пожелали принять участие в этой дикой игре и побежали за своими конями; четверо же каторжников, чрезвычайно заитересованные началом зверской забавы, встали тесной группой посредине громадного круга, который образовали на открытом месте саванны конные Мура.

Все более и более разгоряченный конь, видя перед собою открытое пространство, бежал вперед в продолжение нескольких минут, но завидев всадника, мчавшегося на него, взвивался на дыбы и, круто повернув назад, мчался в противоположную сторону. Но и здесь его ожидал всадник, потрясающий в воздухе своим ужасным лассо, болезненный удар которого и сейчас еще жег шею скакуна.

Дикий конь кидался туда и сюда, мчался то в том, то в другом направлении, но повсюду перед ним вставал всадник, вселявший в него ужас своими криками, жестами и взмахами ременного лассо.

Поняв, наконец, что его усилия тщетны, измученный конь на время отказался от надежды прорваться сквозь это заколдованное кольцо и побежал теперь по кругу, как цирковая лошадь; бока у него раздувались, рот — в пене; описав круг, он выбежал в центр его и в бессильном бешенстве начал рыть копытами землю, громко ржать и старался сорвать с себя зубами человека, привязанного к его хребту, но не мог освободиться от своей ноши.

Тогда вдруг понеслись во весь опор мулаты, преследуя с дикими криками молодого скакуна и свистя в воздухе своими лассо.

Совершенно обезумев от страха, конь рвался и метался, и бил ногами, как бешеный.

Шарль, лишенный возможности двинуть членами, терпел невыносимую муку; каждое движение скакуна болезненно отзывалось во всем его теле: каждый скачок причинял ему нестерпимую боль. Солнце нещадно палило его лицо и голову; все его тело, страшно сдавленное ременными лассо, болезненно ныло, он чувствовал,

что силы мало-помалу оставляют его, и начинал желать, чтобы конь под ним упал и раздавил его своею тяжестью.

Между тем от вмешательства мулатов молодой скакун совершенно обезумел и бросился напролом.

Первый Мура, на которого он налетел, взмахнул своим лассо, но дикий конь, которому был хорошо знаком ремень, лишивший его воли, вдруг низко пригнул голову между передних ног и понесся вперед, сознавая, что так петля не захватит его.

Линия была прорвана, но твердо знавший свою роль Мура поскакал рядом, выжидая момент, когда конь подымет голову. Не слыша свиста лассо, молодой жеребец подумал, что опасность миновала и, выпрямив свою гордую шею, победно заржал. Но в этот момент пущенное меткой рукой индейца лассо упало тяжелой петлей на шею скакуна, обвив ее у самого его основания.

Превосходно выдрессированная лошадь Мура разом остановилась, как вкопанная, а всадник ее изо всей силы сжал ей бока своими железными шенкелями, чтобы не быть сброшенным с коня в тот момент, когда дикий жеребец, полупридушенный петлей лассо, тоже вдруг остановился.

Как известно, индейцы ездят без седла. Эти несравненные всадники прикрепляют свои деревянные стремена с помощью веревок к подпруге, сплетенной из травяных волокон. К ней же прилепляется и конец лассо.

В момент приготовлений к этой дикой забаве мулат сказал Лушу: «Будь спокоен, я за все ручаюсь». Но он не предусмотрел, да и не мог предвидеть случайность, в сущности пустяшную, и при том чрезвычайно редкую, как утверждали присутствовавшие при этом.

В тот момент, когда лассо обвилось вокруг шеи дикого жеребца, последний сделал такое бешеное усилие, что подпруга у коня под Мура лопнула, а конь и всадник покатились на землю. Почуяв снова свободу, дикий жеребец пустился стрелой и в одно мгновение исчез в облаке пыли.

Ближайшие Мура тотчас же кинулись в погоню за ним, опередив группу взбешенных и разочарованных мулатов. Но молодой жеребец, обезумев от страха, уходил на глазах у всех, всякое преследование становилось бесполезным. Только отдаленный топот нарушал воцарившуюся тишину. Шарль, обессилев от боли, ослеп-

ленный солнцем, оглушенный приливом крови к мозгу, но все еще сохраняя смутное сознание своего положения, сразу понял, что ушел от своих врагов благодаря какой-то счастливой случайности, но какой именно, не знал. Да и не все ли ему равно, в сущности? Его положение оставалось не менее ужасным. Что его ожидало, если животное, все еще несшееся без памяти вперед, наконец, выбившись из сил, упадет?

И несчастному молодому человеку стало казаться, что последняя искра его разума гаснет при одной мысли об этом.

Вскоре он потерял сознание и очнулся только спустя некоторое время от ощущения свежести.

Он почувствовал, что вода смачивает все его члены, набирается в рот, смачивает глаза, вливается в уши; он услышал шум, столь знакомый пловцам во время ныряния.

Рискуя задохнуться, Шарль поднял голову и увидел, что конь плывет посреди широкой реки, если судить по времени, в продолжение которого длилась переправа, и, если это не самообман, ему показалось, что его путы не столь сильно уже давят. Нет, это был не самообман: от долгого пребывания в воде ремни лассо размякли, растянулись — он мог теперь действовать одной рукой, сначала медленно, с большим трудом; но мало-помалу лассо становилось все мягче и мягче, и ему, наконец, удалось совершенно высвободить свою правую руку из-под ремня, спирально обвивавшего все его тело.

Между тем, конь выбрался уже на берег и отряхивался от воды, но, испугавшись движения привязанного к нему человека, снова помчался по равнине, точно преследуемый демонами.

Однако невольное купание освежило молодого плантатора и не только вернуло ему сознание, но и, отчасти, силы. Хотя положение его не переставало быть отчаянным, все же он уже начал помышлять о возможности спасения.

С удивительной ясностью увидел он теперь все перед собой и вспомнил происшедшее: и предательский захват, которого он сделался жертвой, и появление каторжников, которых он считал пребывающими на острове, и странное присутствие Мура, его непримиримых врагов.

Ему стало ясно, какая страшная опасность грозит его семье, если каторжники со своими страшными союзниками двинутся на осаду его жилища. А он здесь, бессильный помочь им, безоружный, разбитый и измученный!

При мысли об этом страшное бешенство овладело им. Он решил во что бы то ни стало освободиться. И он начал извиваться, как уж, стараясь высвободиться из-под сдерживающих его ремней лассо, невзирая на то, что у него из-под кожи выступает кровь, что от натуги кружится голова и он ежеминутно рискует опять потерять сознание.

Благодаря этим усилиям, ему удалось, наконец, высвободить и свою левую руку. Несколько минут он терпеливо выжидал, чтобы дать кровообращению время снова восстановиться в его затекших конечностях. И вдруг крик радости вырвался у него из груди: он почувствовал, что высвободился до самых плеч, что руки его свободны, и он может наполовину перевернуться под ремнями, которые теперь не так туго стягивали его.

Вот он совсем перевернулся и лежал теперь на животе лицом вниз, обхватив шею скакуна обеими руками.

Между тем бедное животное, совершенно загнанное и выбившееся из сил, начало проявлять признаки несомненного истощения. Бока его конвульсивно вздымались, дыхание становилось неровным, свистящим, ноздри, непомерно раздутые, налились кровью.

Неужели Шарль будет ждать, что конь под ним упадет, станет кататься в предсмертных судорогах агонии и искалечит его вконец?! Нет! Нет!.. Он вдруг вспомнил, что у него на поясе должен быть надежный нож, с которым он никогда не расставался, нож с роговой ручкой и небольшой пилой, и пинцетом.

Он ощупал свой карман и с неописуемой радостью убедился, что нож при нем.

Смелый план мгновенно созрел в его мозгу: прежде всего он осознал, что на таком бешеном аллюре он не сможет с безопасностью соскользнуть на землю в случае, если он перережет свои путы, тем более, что ноги его затекли и вздулись, как бревна; кроме того, в том положении, в каком он сейчас находился, он не мог достать рукой, вооруженной ножом, тех лассо, которые связывали его ноги с крупом коня.

«Мне остается только одно: разом остановить это несчастное животное, а для этого у меня в распоряжении всего только одно средство — нож!»

Раскрыв свой нож, он выжидал момента, когда животное вынуждено будет нагнуть голову и несколько замедлить свой бешеный бег.

Момент этот не долго заставил ждать себя. Перед ними вместо гладкой равнины и высоких трав возник густой кустарник, предвещавший близость леса. Обессилевшее животное, боясь споткнуться, стало продвигаться вперед с большей осторожностью, короткими скачками. Тогда Шарль наставил свой нож как раз в том месте, где приходится первый позвонок, прикрепляющий голову к шее, и одним сильным ударом вонзил его по самую рукоятку в шею животного.

Позвоночник был разом отделен от мозжечка. Лошадь грузно упала на землю и осталась неподвижною.

Глава XIV

Мучимый голодом. — Сырое мясо. — Отвращение. — Обезьянье угощение. — Остатки жира ягуара. — Ночь на дереве. — Как разводят огонь в лесу. — Конское филе. — Угрозы, которые могут быть приняты за похвальбу. — Подвиги белого, превзошедшего индейца. — Трудности определения направления в лесу. — Применение листьев и стеблей дикого ананаса. — Бечевка. — Индейский лук. — Примитивное, но грозное вооружение. — Без сапог. — Шарль нападает в свою очередь. — Охотники за людьми. — Без следа. — Первая стрела.

Избавившись, наконец, от обезумевшего коня, Шарль прежде всего перерезал ножом путы и принялся растирать отекшие ноги.

Несмотря на свою необычайную силу, он чувствовал себя совершенно разбитым. С каким наслаждением растянулся бы он тут же, на земле, и вкусил несколько часов живительного отдыха и сна! Но мучительные опасения, тревога за близких лишили его возможности думать о себе, о своем отдыхе. Кроме того, так как он ничего не ел с самого утра, то его мучил голод. Конечно, тут подле него лежала убитая им лошадь, но у него не было возможности

развести огонь. Его кремень и огниво утерялись в момент неожиданного нападения каторжников. Как ни сильно был он голоден, все же не решился утолить голод сырым мясом, внушавшим ему непреодолимое отвращение.

Но вот поблизости ему бросились в глаза несколько диких ананасов, плоды которых, за неимением лучшей пищи, все же давали возможность хоть на время утолить голод, а главное, томящую его жажду.

Теперь только весь ужас его положения стал ему ясен; он был совсем один, без оружия, в совершенно диком месте и далеко от своего жилища. Кроме того, близилась ночь, страшная, таинственная, тропическая ночь, населенная хищными зверями и страшными гадами, когда так болезненно ощущается жуткость девственного леса, вселяющая ужас в сердца даже самых смелых людей, когда они утопают в целом океане непроницаемого абсолютного мрака.

Наконец, он слишком хорошо знал нравы и обычаи этой страны, где жил с раннего детства, чтобы не бояться преследования со стороны врагов.

При иных обстоятельствах он сумел бы шутя укрыться от мулатов и даже от индейцев, несмотря на их поразительную наблюдательность. Разве он не обладал даже еще большей выносливостью, чем они, и разве постоянное его пребывание в этих лесах и саваннах не научило его всем хитростям и уловкам?!

Но ведь бегство только удалило бы его от его жилья, а он хотел во что бы то ни стало как можно скорее вернуться туда, даже рискуя жизнью!

Наконец, самое насущное в данный момент — устроиться, сколько возможно, удобно и безопасно на ночь. Оставаться здесь, подле убитого им коня, нечего было и думать: запах свежего мяса непременно привлечет ягуаров, которые, осмелев, ночью легко могут наброситься и на него. По этой же причине он не мог унести с собой ни куска свежего мяса, запах которого тотчас же почуяли бы ягуары. Поэтому Шарль довольствовался тем, что унес с собой уцелевшую еще часть лассо, которую обмотал себе вокруг пояса, и, захватив несколько ананасов, углубился в самую чащу.

Вдруг он изменил свое намерение. К чему ему ютиться по гигантским лопухам и папоротникам девственного леса, подвергая себя опасности встречи с дикими

зверями? Разве не лучше провести ночь здесь, на опушке, взобравшись повыше на одно из деревьев? Ведь там, под шатром, непроницаемым для лучей солнца, он не найдет лиан, по которым сможет легко взобраться, тогда как здесь на деревьях, ближайших к саванне, лианы ползут по стволам до самой вершины.

Выбор его пал на великолепный Secythes Grandi-flora, известный у туземцев под названием канари-макака (Canari Macaque) или обезьянье дерево, по причине своеобразной формы его плодов, снабженных как бы крышкой и заключающих в себе миндалины, до которых весьма охочи обезьяны.

Ствол в четыре обхвата являлся гарантией того, что ни одно хищное животное не взберется по нему. Кроме того, ветви его были расположены так, что молодой человек мог сравнительно удобно поместиться на них.

Взобравшись с легкостью гимнаста, несмотря на утомительную тряску, перенесенную им перед тем, Шарль сел верхом на толстый сук и привязал себя лассо.

Едва только он устроился, как тотчас же заснул, как убитый. Ни адский концерт рыжих ревунов, ни беспрерывное хрюканье пикари, ни крики оленей, ни отрывистый звук лая ягуаров не могли пробудить его из этого тяжелого сна.

Не без усилия пробудился он за полчаса до рассвета; хотя тело его все еще было разбито после неудобно проведенной в сидячем положении ночи и вчерашней бешеной скачки, но дух бодр, и мысли были ясны и спокойны.

К сожалению, голод мучил его все сильней и сильнее. При свете едва брезжущего утра он увидел несколько плодов того дерева, на котором находился, и мысленно сказал себе: «Раз я провел ночь, как обезьяна, то могу и позавтракать поутру, как обезьяна». Не теряя времени, он срезал один за другим несколько плодов, отделил с помощью ножа крышечку, прикрывавшую деревянный сосуд, достал из него миндалины и принялся грызть с полным усердием, заедая, вместо питья, ананасами,

— Ну, а теперь пойдем посмотрим, что осталось от моего бедного коня, и если сколько-нибудь еще осталось, то постараемся устроить себе более питательный обед!

Спустившись с помощью крепкой лианы на землю, он направился к остаткам своего скакуна. Предчувствия не обманули его: ягуары учинили пир на славу, но, на его

счастье, оставили нетронутым язык и филе; все остальное было уничтожено.

Впрочем, Шарль не рассчитывал даже и на это и потому был очень доволен.

Человек предусмотрительный, конечно, поспешил бы срезать эти вкусные куски мяса и убежать с ними в самую чащу, чтобы там всласть и беспрепятственно наесться свежим жареным мясом.

Но Шарль прежде всего желал убедиться, преследуют ли еще враги или нет. Для этого ему было необходимо оставаться вблизи того места, где лежали останки коня, чтобы видеть, не будучи самому видимым, что враги будут делать, дойдя по следу до этого места.

Отделив от остова язык и филе острием ножа так, чтобы можно было принять, что когти ягуаров поработали над этим, затем, оставив подле скелета лошади обрывки лассо, Шарль оторвал клочки ткани от своей рубахи и, испачкав их в крови, раскидал тут же.

— Прием довольно наивный, надо признаться, — сказал он про себя, — но ничем не следует пренебрегать в моем положении. Если только они спешат, то, пожалуй, и на самом деле поверят, что меня растерзали ягуары, и не станут продолжать своих розысков. Во всяком случае, как бы они ни спешили, они не могут явиться сюда ранее, чем через час; значит, время у меня есть. Но мне надо добыть огня.

Если бы при нем был его кремень и огниво, ничего не могло бы быть проще; к сожалению, у него не было ни того, ни другого. Пришлось вернуться к примитивному способу: добывать огонь путем трения двух кусков дерева один о другой.

Это кажется нетрудно, и люди неопытные охотно верят рассказам некоторых путешественников, что усердное трение двух полен без труда порождает огонь. Но пусть они только попробуют и тогда убедятся, что после долгих усилий они сами гораздо сильнее нагреются, чем те два полена, которые они терли одно о другое.

Шарль, как человек, знающий цену времени, отыскал глазами «Сырник» (Bombax ventricosa), получивший свое название благодаря нежному, белому, сильно пористому дереву, напоминающему по виду сыр. С удивительным проворством молодой француз набрал несколько горстей

нежного, белого, шелковистого пуха, которым окутаны семена плода в капсулах, служащих им внешней оболочкой.

Эти шелковистые волокна, представляющие собою как бы тонкий пух, тот самый, которым индейцы обматывают концы своих отравленных стрел, чрезвычайно легко воспламеняющийся, служит кочевникам вместо трута, так что они постоянно имеют при себе запас этих шелковистых волокон в плотно закрытой кубышке.

Так как в сухом дереве недостатка не было, то Шарль набрал его в достаточном количестве, отдавая предпочтение смолистым сортам, и сделал из них небольшой костер. Затем, добежав до кустов generiumia, или американского тростника, растущего здесь в изобилии, срезал с десяток хороших тростников: амазонские индейцы называют их canna brava и приготовляют из них свои стрелы.

Теперь Шарлю недоставало только одного — но достать это было вовсе не трудно, — а именно, куска твердого дерева.

Очистив этот кусок от коры на пространстве величиною с ладонь, он сделал на нем своим ножом глубокий надрез, всунул туда пучок шелковистых волокон, затем вставил в середину пучочка заостренный конец одной из тростинок и, держа тростинку вертикально, принялся с усиленной быстротой вращать ее между двумя ладонями в продолжение трех или четырех минут.

Вскоре в воздухе послышался легкий запах гари, вслед за тем душистые волокна загорелись. Тогда Шарль выпустил из рук тростинку, проворно накинул на горящий пушок сухие былинки и веточки, раздул огонь и, когда веточки и былинки загорелись, высыпал их на заранее приготовленный костерок.

Вот и все! Не правда ли, как это просто; между тем нужно признаться, что вновь прибывший европеец, будь он даже ученый доктор естественных наук, едва ли бы нашелся поступить так, как поступил Шарль в данных условиях.

Теперь плантатор, выждав, когда костер прогорел и обратился в груду углей, разложил на горячие уголья филе и язык. Когда все было почти готово, он засыпал землею огонь, накрыл все сухими травами и ва-

лежником, чтобы почва в этом месте приобрела свой обычный вид; после чего он ушел в чащу, чтобы утолить там голод, наблюдая, в то же время, сквозь просвет между деревьями далеко раскинувшуюся саванну.

Увы, ожидания не обманули его: не прошло и часа, как он заметил вдали, чуть не самом краю горизонта, в высокой траве саванны, несколько черных точек, которые быстро увеличивались.

Не подлежало сомнению, что то были его враги, преследовавшие его по следам, как гончие — оленя.

Добравшись до того места, где лежал обглоданный остов коня, они внимательно рассмотрели его, как люди, не желающие упустить из вида ни малейшей подробности, хотя бы даже самой пустяшной. Теперь Шарль мог похвалить себя за предосторожности, которые он позаботился принять, а главное, за то терпение, с каким он выждал дальнейший ход событий, давший ему возможность приобрести полную уверенность в том, что его враги намерены предпринять.

Всех их было теперь восемь человек: двое мулатов и шесть Мура, которых нетрудно было узнать по татуировке, покрывавшей их совершенно обнаженный верхний корпус.

— Надо отступать, — решил про себя молодой человек. — Надо бежать лесом; у меня, быть может, останется в распоряжении полчаса, а быть может, и больше, прежде чем они нападут на мой след...

С этими словами он подобрал с земли пучок тростинок, беззвучно проскользнул за деревья и скрылся в чаще.

Первая мысль его была теперь об оружии, так как с одним ножом нечего было и думать противостоять врагам.

Но какое оружие можно было сделать при настоящих средствах Шарля? Всякий другой человек, очутившийся в его положении, сильно бы задумался. Но Шарль недаром был знатоком местной жизни и условий, недаром знал кайенские леса и саванны.

В его голове мгновенно родилась блестящая мысль.

Он внимательно высмотрел несколько кустов диких ананасов и срезал с них стебли и листья, которые тотчас стал растирать руками с такою силой, что те распались

на отдельные крепкие волокна, которые он разобрал на нити, и, когда получилось, по его мнению, достаточное количество этих нитей, он стал плести, по способу индейцев, тоненькую бечевку.

Покончив с этим, Шарль высмотрел из числа самых младших представительниц семейства пальм: конапа, вайя, каму, ауара, нагауа или мрина, те, которые казались ему наиболее подходящими, выбрал при том такие, у которых листья или, вернее, средний усаженный листочками стебель листа наиболее твердый; на этом основании он остановил свой выбор на ауара.

Как известно, этот средний стебель листа у однодольных достигает иногда громадных размеров и бывает чрезвычайно крепок, но расщепляется без труда. Почти всякий видел так называемые пальмовые тросточки, красивого, темно-коричневого, почти черного цвета, ровные и гладкие, как полированное черное дерево, и ничуть не уступающие ему в крепости. Эти тросточки на самом деле — не что иное, как средний стебель молодого пальмового листа.

Шарль отрезал с дюжину кусков листьев длиною около тридцати сантиметров, расщепил их ножом до трех четвертей длины, сплющил, заострил концы и сделал по одной стороне зазубрины.

Осмотрев их каждый в отдельности и убедившись, что они настолько же гибки, насколько прочны и упруги, он связал их в пучок полоской коры. Эти работы заняли у него не менее трех часов времени.

Без сомнения, все это можно было бы сделать и гораздо скорее, если бы не беспрерывные трудности пути по дремучему лесу. Хотя эти громадные леса вовсе не представляют собою той непроходимой чащи, какую так охотно представляет себе воображение европейских художников, тем не менее путешественнику приходится постоянно напрягать свое внимание, чтобы, ступая по этой почве, густо заваленной валежником и старым листом, не подвергнуть себя опасности упасть и сломать ногу. Кроме того, громадные деревья, поваленные грозой или подгнившие, падая и увлекая за собой своих ближайших соседей, образуют целый хаос ветвей, стволов, листьев и лиан, которые вырастают вокруг этих падших великанов, обвивают и сплетают их целой сетью

совершенно посторонней растительности. И тогда все это приходится обходить. Бывает, что и один громадный ствол преграждает путнику дорогу, тогда прежде, чем ступить на него, необходимо убедиться, достаточно ли он надежен, чтобы выдержать вес человека: иначе можно провалиться в него и очутиться оплетенным со всех сторон десятками змей и змеенышей, гигантских муравьев, пауков-крабов или сколопендр, которые кишат в таких прогнивших стволах. Наконец, так как все деревья в лесу растут крайне нерегулярно, то густо и кучно, то редко — приходится все время ловко пробираться между стволами, иначе рискуешь разбить себе лоб.

Между тем температура становилась невыносимой. Но Шарль, с детства привыкший к этому влажному зною, который не облегчает ни малейшее дуновение ветерка, к этой атмосфере теплицы, продолжал шагать все тем же удлиненным шагом, каким ходят индейцы, и в то же время продолжал свою работу. Он достал из связки одну из тростинок, затем один из заостренных наконечников, изготовленных им из стеблей агуары, и вставил его в конец тростинки. Затем обмотал место соединения наконечника с тростинкой раза три-четыре изготовленной им бечевкой из ананасовых волокон — и у него была готова стрела. С виду это не более, как примитивное и хрупкое деревянное оружие, но индейцы пользуются им не без успеха даже против тапира и ягуара. Менее часа времени потребовалось Шарлю на изготовление дюжины таких стрел.

Оставалось изготовить лук, это бесшумное, безмолвное, но беспощадное оружие, которое краснокожие предпочитают наравне с сарбаканами даже лучшему ружью.

Индейский лук обыкновенно изготавливается из сердцевины дерева (Amya Guyanensis), называемого в общежитии, хотя и неправильно, «железным» деревом.

Это дерево, невероятной твердости, не имеющее себе равного в этом отношении: об него тупятся лучшие стальные инструменты, и до того тяжелое, что один кубический дециметр его весит полтора килограмма. Наиболее ценным деревом считается крапчатый амауа, темно-коричневого цвета, с желтыми пятнышками. Краснокожие придумали оригинальный способ приспосабливать это дерево для намеченной цели.

Так как сердцевина его, совершенно не разрушимая, окружена очень плотной и непроницаемой оболочкой, то они преимущественно избирают упавшие деревья и дуплистые, у которых эта предохранительная оболочка сточена термитами. Сердцевина, несмотря на свою неимоверную прочность, довольно легко расщепляется в длину. Расколов его топором, индеец придает осколкам размеры и форму лука, обделывая их с невероятным терпением и старанием, с помощью клыков патиры или Dycotiles torquatus. Нет ни одного карбета, где бы вы не нашли нижней челюсти этого животного, срезанной там, где она соединяется с верхней. Это туземный рубанок, служащий для изготовления большого лука из железного дерева.

Размеры индейского лука достигают двух метров и более. Автор этой книги привез в Европу два таких лука, подаренных ему одним отбывшим срок наказания ссыльным в Голландской Гвиане.

В материале у Шарля не было недостатка, но Шарль не имел ни времени, ни возможности, чтобы соорудить себе бесподобное, не имевшее равного оружие. Он решил удовольствоваться простым отростком черного кедра, очень ровным, прямым и гладким и столь же гибким, как и упругим. Ему оставалось только натянуть тетиву из оставшегося конца бечевки из ананасовых волокон, чтобы у него получился, правда примитивный, лук, но который в умелых руках все же мог превратиться в страшное оружие.

Но ему необходимо было принять еще одну предосторожность: до сего времени он шел, не давая себе труда скрывать свой след, оставляемый на траве и почве его тяжелыми кожаными сапогами. Возможно, впрочем, что он делал это умышленно. Но теперь, когда он был готов встретить врага, молодой плантатор решил воспользоваться всеми выгодами своего положения и постараться захватить своих врагов врасплох.

Он снял сапоги, запрятал их в дупло большого дерева и заменил их обувью, обычно употребляемой индейцами, когда они имеют надобность предохранить свои ноги, обыкновенно босые, — поршнями из коры пальмы миритис; порщни эти Шарль привязал к своим ногам

лоскутами, оторванными от своего широкого пояса. Благодаря этой обуви он уже не оставлял по себе следа.

Прожевав на ходу несколько кусков поджаренного на угольях конского мяса, Шарль вдруг разом переменил направление, значительно уклонившись влево, потом вернулся немного назад, параллельно своему прежнему следу, притаился за стволами колоссального дерева и стал терпеливо выжидать.

В числе других ценных качеств, приобретенных им от индейцев в дни своей ранней молодости, надо указать удивительное терпение и выдержку. Прошло целых два часа, во время которых Шарль ни разу не шелохнулся, ни разу не выказал малейшего волнения или нетерпения.

Другой на его месте, вероятно, покинул бы свою засаду и поспешил бы продолжать свой путь, но он слишком хорошо знал своих врагов, чтобы не считаться с их упорством и не быть уверенным, что рано или поздно они непременно пройдут здесь, мимо него, преследуя его по следу, как настоящие ищейки.

Необходимо было поэтому во что бы то ни стало задержать их, избавиться от их преследования, иначе он неизбежно должен будет пасть жертвой их хитрости и коварства.

На этот раз расчеты не обманули него: вскоре смутный шум голосов достиг его слуха, а затем громкий смех; несомненно, то были мулаты и их страшные союзники.

Шарль, притаившись между стволами, догадался, что они смеются над ним, над этим белым, который бежит от них, не скрывая даже своего следа; но вдруг раздались восклицания разочарования: след пропал. Шарль так удачно выбрал засаду, что между стволами часто стоящих в этом месте деревьев мог видеть, как, нарушив свой порядок, — враги все время шли гуськом — мулаты и Мура сбились в кучу и внимательно присматривались к почве, в надежде найти какое-нибудь указание, по которому они могли бы определить, куда девался молодой плантатор.

Вот они рассыпались по всем направлениям в поисках следа, а затем снова собрались в кучу и стали совещаться, не зная, как быть дальше.

Тогда Шарль, выпрямившись, натянул лук, нацелился и спустил стрелу в спину одного Мура.

Глава XV

Сравнение лука с охотничьим ружьем. — Предпочтение краснокожих. — Воспоминание о наших предках. — Победа лука. — Подвиги Шарля. — Двумя врагами меньше. — Хитрость дикарей. — Вращательное движение. — Сабельный удар, превращающий лук в палку. — Стрелок, превратившийся в палочника. — Отступление. — Бегство. — Раненый и обезоруженный. — Саванна. — Гремучая змея. — Примитивная музыка. — Не в том опасность! — Недомогание. — Лихорадка. — Злокачественная рана. — Проклятая река!

Несмотря на то, что лук — примитивное оружие, тем не менее в умелых руках он становится страшным оружием даже и в том случае, когда стрелы не отравлены. Индейцы так искусно умеют пускать свои стрелы, что немудрено предпочтение, оказываемое ими луку перед ружьем.

Какова максимальная дальнобойность охотничьего ружья, заряженного дробью? Возьмем для примера ружье двенадцатого калибра; оно бьет не дальше пятидесяти метров, да и то еще на таком расстоянии даже самый опытный охотник не может поручиться, что попадет в цель. Если зарядить охотничье ружье пулей, то выстрел на дальнее расстояние также не может быть очень верен, потому что пуля при гладкоствольном ружье не отличается ни правильностью полета, ни силой удара.

Нельзя, конечно, утверждать, что лук может выдержать сравнение с нарезным оружием, о котором здесь нет речи. Но деревянный лук в два метра высоты, спускающий стрелу их Canna brava, почти такой же длины, в руках индейца безошибочно попадает в самую маленькую обезьянку или в птицу величиной с фазана на расстоянии ста — ста двадцати метров. Какой охотник-европеец может проделать то же самое с гладкоствольным охотничьим ружьем?

Автор этого рассказа своими глазами видел, как индейцы Марони пробивали навылет лимон, насаженный на стрелу, воткнутую в землю, на расстоянии сорока и пятидесяти метров или убивали наповал сидевших на самой вершине деревьев маленьких ревунчиков и макак, а также и птиц, таких как туканы, тосеро или попугаи. В

этом нет ничего удивительного: это по силам любому стрелку среднего уровня; настолько постоянное упражнение и навык развили в них умение владеть своим излюбленным оружием.

Кроме того, лук имеет преимущество не производить шума, могущего спугнуть дичь или предостеречь заблаговременно врага. Наконец, возобновление запасов стрел несравненно легче и доступнее, чем возобновление израсходованных пуль и пороха, не говоря уже о том, что последние портятся под влиянием сырости.

Все эти преимущества лука в достаточной мере объясняют нам предпочтение, какое индейцы отдают ему перед огнестрельным оружием, которое долгое время не пользовалось доверием даже и цивилизованных народов.

Изумительная ловкость в стрельбе из лука не является, однако, исключительной привилегией только одних дикарей; нам известно, что во времена, еще не столь отдаленные, наши предки также были виртуозами этого искусства.

Стоит только вспомнить времена Франциска I, короля Франции, и перенестись мысленно к 1520 году, когда король Англии Генрих VIII, выдающийся стрелок и страстный охотник, состязаясь с лучшими французскими стрелками, всадил все свои стрелы в центр цели, стреляя на расстоянии двухсот сорока ярдов, или двухсот восемнадцати метров. Надо думать, что тогдашние аркебузьеры являлись, по сравнению с ним, жалкими соперниками. Между тем этот подвиг английского короля не являлся чем-то исключительным, и многие стрелки могли сделать то же самое. Не подлежащие сомнению документы позволяют утверждать, что пернатые стрелы, в противоположность стрелам более тяжелым и потому более дальнобойным, могли попадать в цель на расстоянии до шестисот ярдов, т.е. приблизительно до пятисот сорока шести метров, и что на расстоянии четырехсот ярдов, или трехсот шестидесяти метров, хороший стрелок попадал часто в червонец.

Кроме того, самые эдикты Генриха VIII относительно стрелков из лука говорят достаточно ясно. Так, например, мы не без удивления узнаем, что каждому английскому подданному мужского пола вменялось в обязанность уменье стрелять из лука и обучение этому своих детей; кроме того, формально воспрещалось каж-

дому мужчине, достигшему двадцатичетырехлетнего возраста, стрелять ближе, чем на расстоянии двухсот двадцати ярдов, то есть двухсот метров, — пернатой стрелой, и ближе ста сорока ярдов, то есть ста двадцати семи метров, — тяжелой стрелой.

Сила удара этого примитивного метательного снаряда, изготовленного из обыкновенного тиссового дерева, изумительна. Так, например, отряд стрелков в сто человек в 1548 году стрелял в присутствии короля Эдуарда II на расстоянии в четыреста ярдов, и стрелы, попавшие в цель, пробили насквозь дубовую доску толщиною в двадцать семь миллиметров, не уклонившись ни разу.

Если современные южноамериканские индейцы не такие удалые бойцы, как прежние европейские стрелки, то они тем не менее остаются несравненными стрелками.

Так Шарль Робэн, ученик Голиби и негров Бони с берегов Марони, ничуть не был удивлен, заслышав странный вой вслед за просвистевшей в воздухе стрелой.

Между тем он пустил ее, по меньшей мере, на расстоянии ста метров. Зазубренный наконечник стрелы вонзился, точно в мягкий клубок, в спину одного Мура, и несчастный, раненный насмерть, забился в предсмертных судорогах, издавая глухое хрипение.

Испуганные товарищи огласили воздух оглушительным ревом и разбежались в разные строны, не подумав даже оказать хоть какую-нибудь помощь умирающему.

— Раз! — проговорил Шарль, хладнокровно устанавливая вторую стрелу.

Случайно во время бегства другой Мура очутился подле молодого француза. Мура бежал с быстротою лани; Шарль подпустил его на расстояние двадцати шагов и затем пустил в него стрелу, которая пробила шею. Индеец упал, не издав ни звука, а изо рта хлынула кровь.

Шарль одним прыжком выскочил из засады, отстегнул у павшего врага его лук и стрелы с железными наконечниками, его тесак и кисет с огнивом и трутом и небольшим количеством шелкового пуха: такое ограбление мертвеца находило себе, конечно, оправдание в тех условиях, в каких находился в данный момент молодой европеец.

Теперь число осаждающих уменьшилось на два человека — их осталось всего шесть; но тем не менее положение Шарля от этого еще не улучшилось, а скорее нао-

борот. Оправившись от страха, и Мура, и бразильцы поняли, что с беглецом надо считаться, тогда как раньше они не подозревали даже в нем ни ловкости, ни смелости.

Они решили противопоставить его тактике индианизированного европейца свою тактику и хитрость природных дикарей и побить его его же собственным оружием.

Забрав все, что он считал нужным, Шарль, не теряя ни минуты, временно вернулся на прежнее место в свою засаду, где он был защищен с трех сторон толстыми стволами деревьев, образовавших подобие ниши. До его слуха издали доносился разговор вполголоса, и он не без основания думал, что это враги обсуждают план нападения. Не имея возможности ничего предпринять, молодой человек стоял неподвижно, притаившись за стволами и насторожив слух и зрение.

Вскоре ему показалось, что на том самом месте, где упал только что убитый им Мура, какая-то неподвижная темная тень вдруг слегка заколыхалась и ясно вырисовывалась, как на фоне экрана, на более светлом фоне ствола.

Без сомнения, это новый враг, который также исследовал почву! Не теряя ни минуты, Шарль пустил стрелу и услышал отчаянный возглас.

Спустя две минуты тень снова появилась — он снова пустил в нее стрелу; опять послышался крик — и все смолкло.

— Странно! — подумал молодой человек, которым вдруг овладело смутное беспокойство. — Я положительно не могу объяснить себе, каким образом эти Мура, правда, черезвычайно малодушные, но притом и чрезвычайно хитрые, стоят все на одном и том же месте и, как бы добровольно, подставляют себя под мои стрелы! Здесь, наверное, что-нибудь да не ладно!

И вот он, осторожно высунув голову, увидел, что за одним из деревьев просматривается фигура Мура. Но по тяжелому, неуклюжему движению этого татуированного тела Шарль угадал ловушку.

— Это не похоже на положение живого человека! Очевидно, негодяи хитрее, чем я думал: они подобрали тела убитых и теперь подставляют их мне, чтобы я израсходовал на них свои стрелы!

Но он не подозревал всей истины.

В тот момент, когда он заканчивал свое размышление, он вдруг почуял неопределенное ощущение

близкой опасности, хотя решительно ничего подозрительного вокруг себя не видел и не слышал; затем послышался чуть слышный вздох, точно шелест крыльев маленькой птички. Шарль быстро обернулся, держа наготове лук, и вдруг увидел у себя над головой руку, вооруженную тесаком.

Еще момент, и смертоносное оружие опустилось бы на его голову. Так как у него не было времени выскочить из своей засады, то он инстинктивно замахнулся луком и машинально принял на него удар тесака. Этому он был обязан, вероятно, жизнью или, во всяком случае, спасением от смертельной раны. Тесак тяжело опустился и, попав вкось по дереву лука, пересек тетиву.

Теперь в руках Шарля остался уже не лук, а простая длинная палка из тяжелого кедра. Между тем Мура, еще не пришедший в себя от своего удара впустую, снова занес оружие; молодой человек поспешно выскочил из своей засады и очутился теперь лицом к лицу со своим врагом.

— Ага, милейший! — насмешливо воскликнул он по-французски. — Нам знакомы эти военные хитрости, но нам знакомо также и вращательное движение хорошей надежной дубинки в руках опытного борца! Знакомо ли тебе вот это? — с этими словами он принялся быстро вращать у себя над головой палку, оставшуюся от лука, которая, описывая громадные круги, со всего маха задела, в каких-нибудь три секунды, три раза индейца по голове, по бедру и по руке. Напрасно тот неуклюже размахивал своим тесаком, желая защититься и парировать эти страшные удары; оружие его все время встречало пустое пространство.

Ошеломленный этим градом ударов, сыпавшихся на него, Мура громко вскрикнул, призывая на помощь. Но в этот момент увесистый удар заставил его смолкнуть, выбив два зуба и раскровавив губы и рот, а в следующий момент тесак выпал у него из рук, и одна рука беспомощно повисла вдоль туловища: у нее была переломлена кость.

Наконец, и этот Мура выбит из строя. И пора: на его призыв спешили его товарищи со всех сторон. В один момент они окружили Шарля, который, прислонившись спиной к стволу, стал обороняться, размахивая вокруг себя палкой.

С криками диких животных устремились двое мулатов и трое оставшихся невредимыми Мура на неуловимого противника, но тот, защищенный со спины громадным стволом и уверенный, что его обойти не могут, в течение некоторого времени ухитрялся удерживать нападающих на почтительном расстоянии.

Наносимые им с размаха удары были так метки и так увесисто падали то на головы, то на плечи и бедра его пяти противников, что вскоре их полукруг стал редеть.

Не будучи в состоянии дать себе отчета в удивительной силе этой дубинки, совершенно незнакомые с новыми для них приемами, ежеминутно поражаемые этим противником, они, наконец, начали отступать, готовя свои луки и решили покончить с ним издали.

Шарль сразу сообразил, в чем дело. Он кинулся вперед с тесаком в руке, отнятым им у убитого Мура, и, держа в другой руке свою длинную кедровую палку, прорвался сквозь самую гущу врагов, ранив на бегу одного из них, опрокинул двоих других и скрылся в чаще леса. С минуту он считал себя спасенным. Но острая боль, как бы от ожога, в левой руке заставила его вздрогнуть, и он заметил, что ранен стрелой, пущенной ему вдогонку.

— Плохо дело! — проговорил он, спокойно обламывая ствол и вырывая из раны железный наконечник стрелы. — Если стрела эта отравлена, то я погиб!

Однако крики, раздававшиеся у него за спиной, не позволяли ему сомневаться в намерениях врага; у него не было времени перевязать свою рану; негодяи преследовали его по пятам; надо было бежать.

Ах, если бы он успел захватить с собой лук и стрелы, отнятые им у убитого Мура! Как бы ему легко было теперь перебить их всех по одиночке! Но, увы! Они остались там, в его засаде.

К счастью, он по бегу не уступал никому, даже самому кариаку — луизианской лани и грациозной гвианской дикой козе. Пока он еще не ощущал своей раны, из которой обильно сочилась кровь. Хотя следы крови указывали след его врагу, он тем не менее не спешил перевязать ее или хотя бы остановить кровь, обернув ее своим поясом: он знал, что, в том случае, если стрела была отравлена, кровотечение первоначально лучшее лечение, так как вместе с кровью смывается наибольшая часть яда, попавшего в рану. Он разглядывал на бегу железный на-

конечник, извлеченный им из раны, и ему показалось, что на нем не видно ни малейшего следа яда. Дай-то Бог, чтобы он не ошибся!

Наконец, кровь перестала сочиться, благодаря компрессу, останавливающему кровотечение; так как обувь его не оставляла следа, то надежда на спасение еще не была потеряна.

Поскольку поневоле приходилось отказаться от борьбы, то он решил, по крайней мере, уйти от врагов.

Он продолжал бежать и скоро заметил, что почва кругом заметно изменилась. Лианы, все более и более опутывающие гигантские деревья, богатая растительность, усеянная цветами, яркими и прекрасными, наконец, присутствие кустов — все говорило, что он находится на опушке леса, что лесу скоро конец.

Уже нельзя было подвигаться вперед, не рассекая на ходу лианы и кусты, чтобы прочистить себе дорогу, и хотя уже это одно могло указать врагам путь, по которому он следовал, но другого выбора не было! Но что же делать?! Главное — это уйти вперед!

Вдруг он выбежал на открытое место; это была громадная саванна, поросшая жесткой короткой травой, наполовину спаленной солнцем. Местность ему показалась знакомой. Уж не бывал ли он здесь в поисках новых пастбищ для своего скота? Весьма возможно! Одного быстрого, беглого взгляда было достаточно, чтобы убедиться в направлении — и он снова побежал дальше по луговой равнине; но резкий пронзительный звук, донесшийся до него, заставил его замедлить свой бег.

Этот свист и треск, напоминающий детские трещотки, хорошо знаком исследователям — Шарль ни минуты не сомневался. Это был характерный звук роговых колец на хвосте гремучей змеи.

Довольно неуклюжая в своих движениях и апатичная по природе, гремучая змея почти никогда не нападает на человека, а напротив, имеет привычку уходить, как только заслышит его приближение. Вот почему рекомендуется, проходя по местам, где водятся эти змеи, идти не спеша и ударять прутом впереди себя траву, под которой эти змеи скрываются. Этой простой предосторожности бывает вполне достаточно, чтобы заставить гремучую змею уйти.

Но, с другой стороны, она приходит в бешенство, если нарушить ее покой, хотя бы самым легким прикосновением. Горе тому человеку, который, проходя, заденет ее или наступит на нее ногой: в один момент она свернется спиралью, высунет голову над кольцами туловища, которое, как пружина, прянет вперед в направлении обидчика. Это уже не прежнее апатичное существо; теперь она ни в чем не уступит знаменитой мартиникийской железной змее. Укус ее почти всегда смертелен.

Шарль, не выказывая ни малейшего чувства страха или удивления, только несколько замедлил свой шаг и стал слегка похлопывать перед собою длинной тростью кедрового дерева высокую траву.

Спустя несколько секунд он снова услышал такой же треск и шелест, а там еще и еще. Очевидно, эта часть саванны положительно кишела гремучими змеями. Но плантатор смело продолжал идти вперед, нимало не смущаясь этим ужасным соседством.

Он припомнил, что в детстве его чернокожий ментор, старик Казимир, научил зачаровывать змей, и что он же несколько раз заговаривал его и прививал известные яды, не только противодействующие ядовитости укуса, но и ограждающие от укуса.

Эти прививки, возобновляемые время от времени, сохранили свою силу.

— Ах, будь у меня время, как бы легко мне было призвать к себе всех этих чудовищ и повести их за собой на встречу негодяям, которые гонятся за мной. Какое грозное войско! — проговорил он про себя.

И, продолжая слегка пошевеливать своей длинной палкой траву, он поднес лезвие своего тесака к губам и стал наигрывать на этом странном инструменте своеобразную мелодию — чрезвычайно нежную и приятную.

И странное дело: на пространстве двадцати — двадцати пяти метров трава зашевелилась, тут и там появились черные точки, а затем и головы змей, покачивавшихся прихотливо на своих лебединых шеях.

— Да, — продолжал молодой француз, — я знаю, вы любите эту музыку — и вас мне нечего бояться!.. Что для меня опасно, так это недомогание, какое я начинаю ощущать и которое вдруг вызвало во мне чувство усталости! Что бы это значило? Неужели стрела была отравлена?

Он продолжал идти еще с четверть часа, не переставая насвистывать, и стал замечать, что змей все меньше и меньше; вскоре они совершенно исчезли.

Его недомогание заметно усилилось; он ощутил сильный озноб, в ушах зашумело, в глазах помутилось. Бросив взгляд на свою руку, он заметил, что она потемнела, стала мертвенно синеватой, кругом появилась опухоль; пальцы на руке начали терять свою обычную подвижность; чувствительность при соприкасании совершенно утратилась.

Тем не менее присутствие духа не покидало раненого. Будучи убежден в серьезности своего положения и вполне сознавая, что его рана, если не безусловно смертельна, то во всяком случае чрезвычайно опасна, он только ускорил шаг по направлению к темной полоске, виднеющейся на горизонте прямо против него.

Что же там, снова начинается полоса лесов?

Ему смутно припомнилось, что когда-то он там видел большую и широкую реку.

Задыхаясь, изнемогая и умирая от жажды, он, наконец, вступил под сень первых деревьев, которые увидел еще издали. Да, он не ошибся! Вот и река шириною около двадцати пяти метров и местами поросшая по берегам муку-муку.

Значит, он может утолить жажду, помыть свою рану и восстановить отчасти силы, погрузившись в холодные струи реки...

Проклятье! Он вдруг провалился выше колен в топкое, мягкое болото, предательски поросшее сверху зеленой травой. Еще до реки осталось пять-шесть метров, но добраться до нее по этой илистой отмели не было никакой возможности.

Он с большим усилием выбрался из этой тины на твердую землю и, в полном отчаянии, побежал вдоль берега, надеясь найти где-нибудь место, какой-нибудь перешеек, скалу или что-либо в этом роде, позволяющее ему добраться до воды и погрузиться в нее, хотя бы даже она кишела кайманами и электрическими угрями.

Но напрасно! Илистая отмель тянулась бесконечно и беспрерывно на всем протяжении, куда только хватало взгляда, и он не мог рискнуть перебраться через нее, не увязнув окончательно в этом иле.

Глава XVI

Что это за яд? — На берегу проклятой реки. — Поваленное дерево. — Жажда. — Кайман. — Отчаянная борьба. — Победа. — Электрические угри. — Муки Тантала. — Прорванный мост. — В воде. — Естественный плот. — Вперед! — Последнее сражение. — «Начальник требует, чтобы его схватили живым». — Лассо. — Побежден. — Триумф и поражение. — Военный клич Мундуруку. — Ужас Табира. — Первый труп. — Мститель. — Свободен. — Отдан на съедение диким зверям и муравьям. — Возвращение в усадьбу. — Беда.

В обыкновенное время экваториальная жара не тяготила Шарля. Он, подобно неграм и индейцам, был совершенно нечувствителен к ней; мог идти сколько угодно под палящими лучами солнца, не опасаясь приступа лихорадки, которая для непривычного европейца является неизбежным следствием чрезмерного утомления.

Он умел также очень долго обходиться без питья и без пищи и не опасался солнечного удара, постоянно висящего угрозой над каждым человеком белой расы в этих краях. Словом, он уже совершенно приспособился к этому климату, но, к несчастью, рана все это изменила.

Молодой человек как бы сразу утратил всю свою удивительную выносливость, все проворство и ловкость хищного животного, постоянно поддерживаемую подвижной жизнью и окружающими опасностями, и если сохранял еще ясность мысли, то только благодаря невероятному усилию своей воли.

Мучимый голодом и жаждой, страдая от невыносимой раны, окруженный со всех сторон, он все еще хотел бороться.

Река текла почти по прямой линии вверх от того места, где он увяз, но ниже этого места течение казалось чрезвычайно извилистым, и Шарль, не без основания, полагал что, спустившись вниз по течению, ему, быть может, удастся найти место, где ил не успел еще скопиться в таком количестве.

И вот он снова пошел, прокладывая себе дорогу между кустами, обрамлявшими берег реки, с трудом продвигаясь вперед и опираясь на палку. Левая рука его уже была не в состоянии удержать тесак, чтобы прорубить

дорогу в чаще. Тернии и колючки разрывали его одежду и тело; лианы поминутно преграждали путь.

Все как будто сговорились против него. Но вот вздох облегчения вырвался, наконец, из его груди. Он увидел недавно поваленное грозою громадное дерево, перекинувшееся через реку и как бы образовавшее собою мост. Не заботясь о том, что из этого может выйти дальше, Шарль хотел во что бы то ни стало переправиться через эту проклятую реку; непреодолимый инстинкт, берущий верх даже над разумом, неудержимо увлекал его вперед.

Это упавшее дерево был превосходный купайа, чрезвычайно похожий на симарубу, с которым его очень легко спутать и от которого он отличается только корнями, коричневыми и волокнистыми, тогда как корни симарубы желты и компактны. С неимоверным трудом Шарль взобрался на ком земли, удержавшийся в корнях вырванного грозой дерева, и сел верхом на гладкий и прямой ствол, чтобы ползком постепенно подвигаться вперед в сидячем положении, так как чувствовал, что не в состоянии удержаться на ногах.

Вот он уже на полпути; пока все шло благополучно. Он уже добрался до кроны дерева, громадные разветвистые ветви которой ложились на противоположный берег.

Так как муки жажды стали совершенно невыносимыми, то он собрался спуститься по одному из больших суков в воду и погрузиться в нее. Уже предвкушая наслаждение этого купанья, которое должно вернуть ему силы и бодрость, Шарль медленно склонился над водой.

Но, о ужас! Что-то бесформенное, зеленоватое, с невероятной быстротой движущееся в воде, вдруг вынырнуло наверх, и почти у самых его ног раскрылась громадная пасть с синевато-лиловатыми челюстями, готовыми сию минуту поглотить его. Одновременно омерзительный запах мускуса отравил воздух.

— Кайман! — прошептал несчастный. Но, к счастью, чудовище слишком спешило, не то пятью или шестью минутами позже Шарль неминуемо сделался бы добычей крокодила.

Но в нем вместе с опасностью росло и мужество. Призвав на помощь весь остаток сил, он повис онемевшей рукой на ветке и, преодолев ужаснейшую боль,

причиняемую ему этим усилием, изо всей силы ударил тесаком тупоносую морду каймана.

Несмотря на его толстую и крепкую броню, верхняя челюсть была почти отсечена — и кровь хлынула ручьем, но Шарль продолжал рубить с размаха, как мясник мясо.

Ошеломленный частыми ударами, изуродованный и окровавленный кайман увидел, наконец, что он бессилен против такого врага и отступил. Он разом нырнул на дно и скрылся, бешено колотя хвостом по воде, так что пена и брызги целым дождем разлетелись кругом. У Шарля осталась только одна забота: проглотить несколько глотков воды, от которых для него, быть может, зависела жизнь.

Течением в одну минуту смыло все следы ожесточенной борьбы человека с крокодилом, и Шарль вторично наклонился над водой и хотел погрузиться в реку, но, в силу привитой ему воспитанием привычки всегда соблюдать осторожность, он пригляделся раньше к светлой и прозрачной реке, чтобы убедиться, нет ли здесь еще другого каймана.

Каймана нет, но что это за существа, длинные, темные, почти черные, извивающиеся, как змеи? Их было штук шесть, если не больше; длина их достигала приблизительно полутора метров; они как будто сторожили добычу.

— Гимноты! — воскликнул с отчаянием Шарль. — Боже мой! Да это какое-то проклятье! Нет, я не стану пить!

Он знал, что несмотря на их безобидный вид, эти электрические угри, или гимноты, страшно опасны не только для всех водяных существ, но и для человека и самых крупных млекопитающих.

Не только одного их прикосновения достаточно, чтобы парализовать самое сильное существо, но и жидкость, которую они могут выделять, действует точно так же, как и самое их прикосновение, — и противиться этому нет никакой возможности.

Удрученный, но не пришибленный этим безжалостным стечением обстоятельств, Шарль решил снова взобраться на ствол и переправиться на другой берег этой предательской реки, где он не мог ни восстановить своих сил, ни утолить своей жажды. Но теперь он с ужасом заметил, что дерево при падении раскололось, и крона

держится у ствола всего на нескольких волокнах да на коре.

При движении и сотрясениях, получавшихся во время его борьбы с кайманом, под весом его собственного тела, верхушка почти отделилась от ствола, несомненно. Уже сейчас был слышан подозрительный и зловещий треск: и вот вся крона, под напором излишнего веса и благодаря силе течения, сначала слабо колыхнулась, едва только Шарль успел перебраться на нее, затем описала как бы полувращательное движение и, наконец, отделилась от ствола.

Шарль, судорожно вцепившись в ветви, не выпускал их из рук. На его счастье, купайа — одно из самых легковесных деревьев и может служить как бы естественным плотом. Кроме того, падение обломившегося конца ствола в реку спугнуло и разогнало гимнотов.

Верхушка дерева завертелась и поплыла по реке, уносимая течением. Наконец-то Шарль мог напиться вдосталь, мог с наслаждением погрузиться в воду, одно прикосновение которой к его пылающему телу явилось для него неописуемой отрадой. Пробыв несколько минут в воде, он как бы перестал ощущать всякую боль; и здоровый организм его как-то сразу ожил. Он хотел бы продлить это наслаждение, но возможная и даже вероятная близость страшных обитателей этих вод заставила его отказаться от этого желания.

За все это время он ни минуты не переставал цепляться за сучьи и ветви своего плавучего зеленого острова, который течением прибивало ближе то к одному берегу, то к другому, смотря по капризам течения. Сознавая, что он может бесконечно плыть так вниз по течению, Шарль решил воспользоваться моментом, когда верхушку прибило ближе к противоположному берегу, чтобы заставить свой плавучий остров поскорее пристать к нему.

Сделать это было не так трудно, как могло показаться с первого взгляда, так как на берегу у самой воды росли громадные деревья, нижние ветви которых далеко простирались вперед и нависали над рекой.

Шарль, ухватившись за одну из таких больших ветвей и обхватив изо всей силы обеими ногами тот сук, на котором он плыл, притянулся к большому дереву и таким образом пристал, по счастливой случайности, в таком месте, где не было илистой отмели.

Ступив на твердую почву, он отвязал пояс, погрузил его в воду, перевязал им раненую руку, еще раз освежил лицо водою и затем снова продолжал свой путь. Вскоре лес снова начал редеть... Скоро открывалась саванна.

Так как кедровую палку он обронил во время борьбы с кайманом, то срезал себе здоровую ветку гвианского дерева, заострил ее с одного конца и довольно бодро зашагал вперед по тому направлению, где, по его предположению, должны была находиться его усадьба.

Прошло два часа. По расчетам молодого плантатора ему оставалось всего километров двадцать до усадьбы. Вдруг близ него раздался протяжный вой. Шарль сразу узнал его: значит, разбойники не потеряли его след.

Крики усиливались; и вот из высоких трав, точно из-под земли, выросла группа людей, бегущих к нему. Их было пятеро, пятеро оставшихся в живых из восьми его преследователей: трое Мура и двое мулатов.

Запыхавшиеся, озлобленные, все в поту, они с криками окружили его, размахивая своим оружием. Шарль схватился за свой кол.

Смущенные на мгновение решительным видом противника, враги остановились.

Один Мура, желая, очевидно, покончить с ним разом, не рискуя доводить дело до рукопашной схватки, приготовился пустить в ход стрелу; но один из мулатов ударом своего тесака переломил стрелу и закричал:

— Разве ты не знаешь, что набольший приказал захватить его живьем?!

— Я не знаю никакого набольшего! Не мешай мне, я хочу убить этого белого!

— После, если хочешь, но не теперь! Пойми же ты, дурак, что, когда он будет в наших руках, нам легко будет овладеть серингалем, не подвергая себя опасности; тогда как если ты его убьешь, то все будет кончено — те, кто отстаивают жилище, не захотят нас слушать!

Поняв в чем дело, Мура опустил свое оружие, но при этом спросил:

— Ну, а кто же задержит его? Этот человек сильнее нас всех, взятых вместе! Я боюсь!

— А разве у каждого из нас нет лассо?

Но Шарль, не дожидаясь конца этого разговора, кинулся на своих преследователей с колом в руке. При других условиях ни один из негодяев не остался бы жив,

но молодой француз сильно ослабел за эти два дня беспрерывных мучений и страданий.

Тем не менее перепуганные Мура и бразильцы разбежались, как зайцы, во все стороны, но затем тотчас же вернулись, окружив его с пяти сторон и угрожая своими лассо.

Шарль схатился за тесак и постарался пробить себе дорогу, чтобы уйти из этого заколдованного круга, центром которого он теперь являлся. Он вторично бросился на одного врага, но вдруг остановился, заслышав свист лассо.

Еще не успела ременная петля опуститься на его плечи, как он в воздухе рассек ее у себя над головой с удивительной ловкостью и проворством. Но второе лассо, а затем третье, одновременно, готовы были опуститься на него. Он успел рассечь второе, но третье охватило его руки в тот самый момент, когда он готовился парировать летящую петлю обратным ударом тесака. Петля туго опоясала его плечи, прижала руки к бокам и парализовала всякую возможность движения. Вой радости приветствовал эту удачу нападающих.

Мура, пустивший лассо и державший в руке его конец, сильно встряхнул его, и сотрясение, передавшееся Шарлю, было настолько сильно, что тот не смог устоять на ногах и упал, как подкошенный, на землю.

Тогда один из мулатов кинулся к нему, полагая, что теперь ему легко будет справиться с этим человеком, и хотел связать ему ноги, но в тот же момент негодяй упал от сильного удара в грудь ногой, который ему нанес лежащий на земле француз; с глухим криком отлетев в сторону, враг остался сидеть на траве, дико вращая глазами.

Однако, истощив остаток сил в этом последнем ударе, Шарль уже был не в состоянии сопротивляться четверым остальным. Какое-то мгновение он еще старался стряхнуть с себя эту горсть врагов, но вскоре почти потерял сознание и остался неподвижен.

Мура с криком торжества кинулись вязать его, затем принялись плясать вокруг него, как безумные.

Но торжество их было непродолжительно: грозный крик огласил воздух невдалеке и разнесся по всей равнине. Мура в недоумении смолкли и прислушались, как не доверяя своему слуху.

Тот же крик повторился снова, но уже ближе и закончился грозным ревом, напоминающим крик разъяренного ягуара.

Негодяи узнали военный клич грозных воинов Мундуруку, самых отважных из всех Амазонских индейских племен и непримиримых врагов Мура.

Не заботясь более о своем пленнике, охваченные настоящей паникой, они кинулись без оглядки, как стадо молоденьких пекари от преследующей их пантеры.

В тот же момент необычайного роста человек, индеец, совершенно голый, в военном снаряжении, сложенный, как древний гладиатор, быстрыми прыжками выбежал на равнину и как молния обрушился на мулата, еще не пришедшего в себя от пинка, полученного им от Шарля, и потому только не последовавшего примеру своих товарищей. Красавец индеец в третий раз издал свой воинственный клич и добавил:

— Господин, это я!

Но Шарль едва мог прошептать ему в ответ:

— Это ты, Табира?!

Мулат, схваченный одной рукой за шиворот, как паршивый щенок, упал на колени и взмолился о пощаде.

Но индеец, лицо которого исказила злоба, разразился демоническим хохотом; наполовину придушенный, мулат опустил голову, издавая глухое хрипение. Тогда индеец, выпустив его горло, схватил за курчавые волосы и занес свой тесак. Раздался глухой удар — и туловище рухнуло на землю, начисто обезглавленное.

Табира, с омерзением отшвырнув ногой от себя голову, склонился к своему господину и перерезал лассо, которым тот был связан.

— Скажи, господин, хочешь, чтобы я убил остальных? — спросил он.

Но молодой человек не в силах был даже отвечать.

Мстительный индеец, приняв его молчание за утвердительный ответ, поднял с земли свой тесак и сарбакан и устремился по следам беглецов.

Не прошло и получаса, как он вернулся, гордый и довольный, весь испачканный в крови, и снова склонился над Шарлем, который начал приходить в себя.

— Табира! — проговорил он. — Это ты, верный друг!

— Это я, господин! Пойдем отсюда, теперь нам нечего больше опасаться!

— Ты их всех убил?

— Мура — черные коршуны, которые осмелились поднять руку на белого, возлюбленного Мундуруку!

Табира только отомстил за своего друга и казнил подлых хищников. Теперь все кончено, будь спокоен: они больше не вернутся. А Кафузы, друзья черных коршунов, тоже умерли. Пойдем же, господин, с твоим верным индейцем. Надо спешить, время уходит, а ведь там есть еще и другие!..

— Дай мне хоть поблагодарить тебя, мой славный друг!

— Благодарить? За что? Разве ты не брат Мундуруку? Разве ты не кормил, не поил и не берег наших стариков, наших женщин и детей, когда мы, мужчины, были на тропе войны? Разве ты не сражался с нами против наших врагов? Теперь ты слаб, но рука Табиры сильна, и она поддержит тебя, и если нужно, то даже понесет тебя!

С этими словами Табира внимательно осмотрел рану Шарля и одобрительно покачал головой.

— Эти Мура — глупые свиньи! Счастье, что им не знаком «вурари» (кураре). Господин ранен стрелой, отравленной ядом пипы — ему нечего опасаться.!

Пипа — очень крупная американская жаба, отвратительного вида.

— Пипа — не смертельный яд, — продолжал индеец, — особенно для человека, которому были сделаны прививки против змеиного яда. Табира знает травы, которые уймут лихорадку и опухоль! Господин скоро опять будет здоров!

Утешив таким образом раненого, он достал из своей походной сумы лепешку из кассавы и маленькую флягу из арума.

С жадностью уничтожив лепешку и сделав несколько глотков тафии, Шарль почувствовал себя гораздо сильнее и бодрее — и оба друга отправились отыскивать подходящее место для ночлега, предоставив труп бразильца-мулата на съедение диким зверям и термитам.

Согласно настойчивому желанию Табиры, этот труп, равно как и тела остальных сообщников, должны были все исчезнуть бесследно. Быть растерзанными ягуарами или объеденными муравьями считается в глазах индейцев берегов Амазонки верхом злосчастья. Никогда двери экваториальной Валгаллы не раскроются перед воином, которого постиг подобный конец; вот почему мстительный Мундуруку не пожелал избавить своих заклятых врагов от этого посмертного изгнания.

На ходу индеец срывал какие-то травы и растирал их листья и стебли руками, изготовляя род пластыря, который он и наложил на рану своего господина.

Так как быстро наступала ночь, то он своим тесаком срезал некоторое количество гвинейских трав, сделал из них густую и мягкую подстилку, и оба друга заснули на ней крепким сном.

Усталость и страдания, перенесенные Шарлем за эти два дня, так подействовали на его организм, что он проспал до самого восхода, не просыпаясь.

Межу тем лечение Табиры было столь действенно, что за эту ночь боль раны значительно ослабла, опухоль спала, и рана не имела уже столь ужасающего вида.

Теперь вопрос о заживлении раны являлся просто вопросом нескольких дней.

Подкрепив свои силы поутру кое-какими кореньями, собранными на рассвете, Шарль и Табира двинулись в путь.

По пути Шарль узнал от своего спутника, как тот покинул усадьбу, как отправился разыскивать своего господина, как он сперва напал на след Мура и каторжников, затем на след дикого коня, к которому был привязан его господин.

Все это, конечно, отняло у него очень много времени, особенно если принять во внимание расстояние до того места, где было совершено на Шарля это нападение.

Но, несмотря на свое поразительное чутье, на свою неутомимость и легкость на ходу, он, как мы видели, чуть было не явился слишком поздно — и Шарль, в сущности, был обязан жизнью только той случайности, что негодяи непременно хотели захватить его живым.

Расстояние, отделяющее их от серингаля, уменьшалось с каждым часом. Шарль давно уже был в знакомых местах. Он начал спешить, чтобы сократить еще более последние минуты пути, отделяющие его от его близких, которых он чуть было не лишился навсегда.

И его сердце, супруга и отца, трепетало от радости при мысли о свидании, на которое он боялся даже надеяться! Все его существо стремилось туда, где его ждали дорогие сердцу существа, тревогу и опасения которых за себя он спешил успокоить. Вот, наконец, и большие деревья рощи, в которой пряталось его жилище. Пальмы, манговые деревья, апельсины, бананы...

Но что значит эта мертвая тишина кругом? Почему не слышно обычного шума кишащего жизнью «муравейника», этого миниатюрного промышленного городка?

Что это? Воображение?.. Подойдя ближе, Шарль не увидел хижин рабочих, рассыпанных повсюду вокруг барского дома.

Он с недоумением посмотрел на своего краснокожего товарища, который также, видимо, был смущен, несмотря на присущее всякому индейцу хладнокровие. Местность все та же, ничто кругом не изменилось, а нигде нет следов жилья...

Шарль, едва только оправившийся от ужасных потрясений, пережитых им, решил, что его преследует страшный кошмар. Он кинулся вперед и в несколько прыжков достиг того места, где был его дом; взгляд его наткнулся на обгорелые бревна, и из груди вырвался ужасный крик.

Хижины, карбеты, склады и магазины, его жилище — все это превратилось в груду обгорелых обломков и пепла, из-под которого торчали обуглившиеся пни.

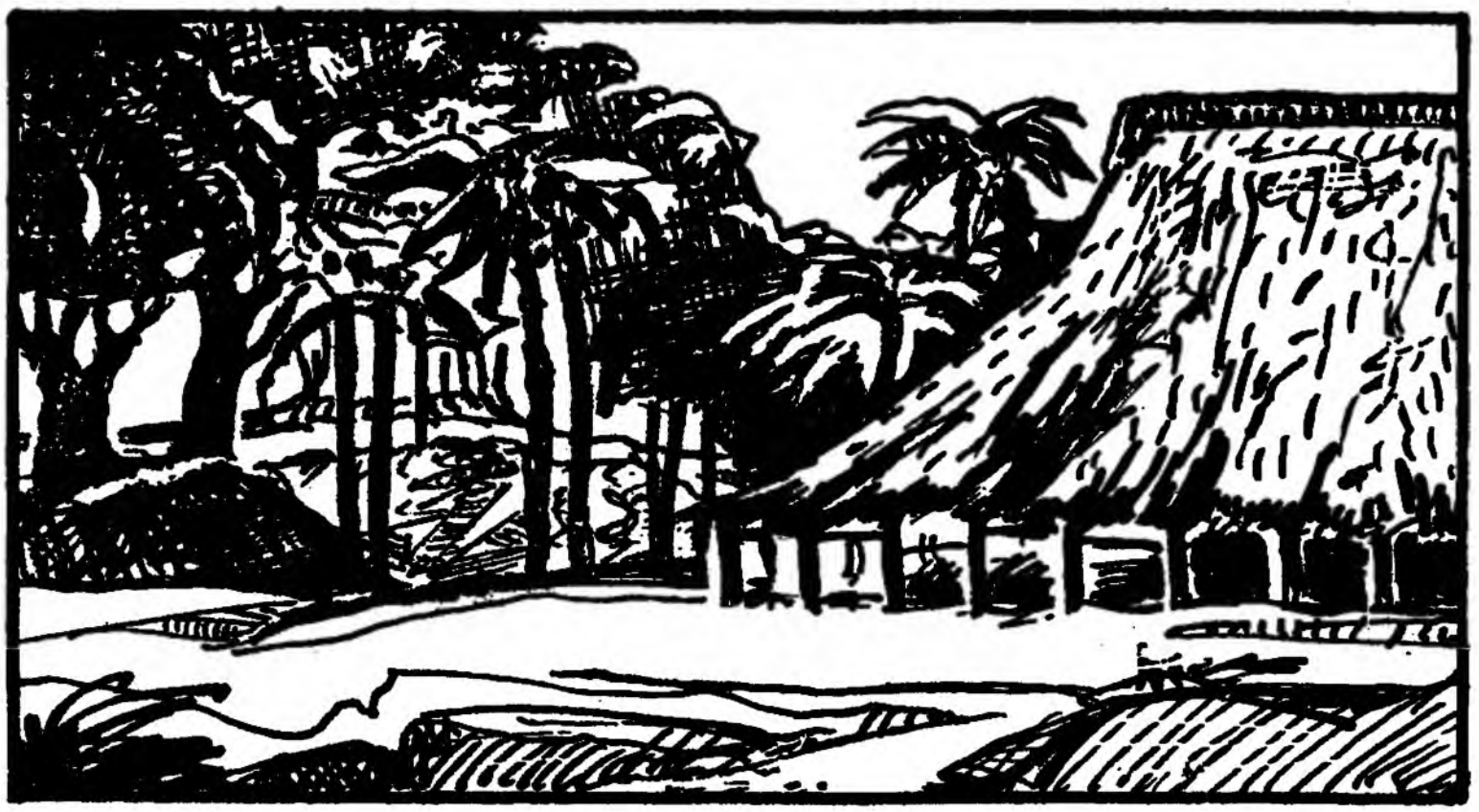
Весь громадный персонал, состоявший из негров и индейцев с женами и детьми, исчез, точно так же, как и его собственная семья.

Не будучи в силах произнести ни слова, несчастный почувствовал вдруг, что из него уходит жизнь.

Он раскинул руки; из груди его вырвался хриплый крик, и покачнувшись, как подкошенный, он рухнул, точно громом сраженный, на руки верного индейца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Скитальцы



Глава I

— Пощадите!.. Сеньор Диего, пощадите!

— Смерть! Смерть всем! — ревели в бешенстве человек двенадцать, испачканных в крови и грязи, точно мясники на бойне.

— Сеньор Диего!.. Сжальтесь!..

— Молчать, горланы!.. Эй, вы, заставьте эту скотину замолчать! Он мне все уши прожужжал; а у нас еще есть дело там.

В этот момент человек, просивший пощады, тяжело рухнул на землю от сильного сабельного удара по затылку.

Но лезвие соскочило. Широкая струя крови хлынула из ужасной раны, обнажившей мясо и мускулы; несчастный поднялся на ноги, шатаясь сделал несколько шагов вперед и снова упал.

— Не так! — закричал тот, кого несчастный молил, называя Диего. — Вы не умеете даже порядком выпустить кровь из этой шантрапы... Вот смотрите! — и, схватив левой рукой раненого за волосы, он без усилия приподнял его от земли и одним взмахом сабли начисто снес ему голову.

Затем, безучастно и равнодушно взглянув на обезглавленное тело, содрогающееся в конвульсиях, небрежно, точно шар, откинул от себя голову на середину площади со словами:

— Ну, а теперь очередь за остальными!

Опьяненные кровью и водкой палачи издали дикий рев восхищения и кинулись на группу людей, перед которой бежали в безумном страхе, не помня себя, человек двенадцать, безоружных, в одних рубашках и изорванных штанах.

Крики «смерть, смерть!» вновь огласили воздух; обе группы соединились и окружили бегущих со всех сторон, после чего началась страшная резня.

Неверные удары сыпались градом на несчастных, рубили и отсекали им члены, рассекали лица, прокалывали грудь и спину; по земле текли целые реки крови; крики отчаяния и вопли несчастных покрывали даже вой и рев убийц. Затем тела убитых грудой остались лежать на месте, а победители бегом устремились по единственной улице деревни.

— Ну, а теперь и других! Продолжайте, ребята! — кричал Диего, отталкивающее лицо которого сияло дьявольской радостью.

И избиение продолжалось, все более и более беспощадное и бесчеловечное.

Вдруг Диего, шагавший крупным, решительным шагом позади второго маленького отряда, разом остановился при виде высокого мужчины с простым ружьем в одной руке и высокой тростью с золотым набалдашником в другой, на которую он опирался.

Крик ярости вырвался из уст этого человека при виде происходящщей резни.

— Как, Диего? Это ты?.. Ты?.. Проклятый негр!.. Ты сейчас умрешь! — он бросил жезл, вскинул ружье к плечу и, почти не целясь, выстрелил в оторопелого Диего. Но ружье дало осечку.

Диего, избежав благодаря этому обстоятельству смертельной опасности, разразился громким хохотом и кинулся на своего противника. Но последний, не теряя времени, схватил свое ружье за дуло и замахнулся на Диего прикладом.

Однако Диего успел проскользнуть под прикладом, который неминуемо раздробил бы ему череп. Всего на одну десятую секунды опередил он момент, когда тяжелый ружейный приклад с размаха опустился вниз, и успел обхватить обеими руками чернокожего атлета, еще не пришедшего в себя после удара впустую.

Началась отчаянная борьба. Оба противника, по-видимому, не уступали друг другу в силе и ловкости. Точно две змеи, сплелись они, обвиваясь друг о друга, душили, давили, катались по земле, не издавая ни звука.

Члены их как бы слились, лица исказила злоба, губы кривились, а зубы старались впиться в тело противника. Несмотря на свою громадную силу, Диего, кажется, начал ослабевать. Противник его, с виду как будто менее мускулистый, лимонно-желтого цвета мулат, вскоре стал брать верх над Диего, и борьба, первоначально довольно ровная, обещала теперь победу мулату.

Негр, видя это, заскрежетал зубами, как хищный зверь, и, чувствуя, что его дело плохо, издал пронзительный крик, призывая на помощь сообщников.

— Проклятый негр! — заревел мулат. — Тебе не одолеть меня.

Но в этот момент один из сообщников Диего, быстро наклонясь за спиной мулата, ударом тесака отсек ему ногу. Мулат с душераздирающим воплем упал, увлекая за собой своего противника, которого старался задушить. Но приспешники негра вырывали его из рук искалеченного врага. Диего подобрал с земли свой тесак и, видя, что его товарищи готовятся изрубить побежденного, закричал им:

— Не убивайте его!

Затем добавил, слыша негодующий ропот негодяев и желая сохранить их расположение к себе: — По крайней мере, не убивайте его сейчас!

Между тем один из убийц, заметив на земле трость с золотым набалдашником, поднял ее и, подавая Диего, заискивающим голосом проговорил:

— Вот возьми, этот знак повелителя подобает тебе! Ты наш господин!

— Благодарю, товарищи! Ты можешь добавить «добрый господин». Клянусь небом, мы здесь повеселимся, и те, кто помогал мне, не пожалеют об этом!

В этот момент протяжный звук трубы, похожий на жалобное мычание волов, донесся с другого конца деревни. Лицо негра озарилось свирепой радостью.

— Наша взяла! Переворот совершился!

— Да здравствует Диего!.. Да здравствует наш вождь и повелитель! — заорали во всю глотку люди, столпившиеся кругом того места, где все еще бился и корчился от боли искалеченный мулат.

— Да здравствует Диего! — долетели издали диким воем голоса палачей, вероятно, уже закончивших свою кровавую работу.

И вдруг вся улица захлебнулась людьми. Откуда-то появились мужчины, не принимавшие участия в бою, чернокожие и мулаты, женщины, старцы и дети, всего в общем количестве человек пятьсот или шестьсот.

Все они, как по команде, признавая совершившийся факт, кричали с усердием, доказывающим убеждение или, быть может, только свидетельствующим о здоровых голосовых связках.

— Да здравствует Диего! Да здравствует наш повелитель, наш вождь!

На эти крики Диего, желая, вероятно, еще более увеличить свою новорожденную репутацию доброго господина и свою популярность, обратился к манифестантам и, опираясь на свой жезл, набалдашник которого осветился, как алмаз, проговорил:

— Благодарю вас, друзья, что вы добровольно избрали меня своим вождем и господином!

Это слово «добровольно», против которого протестовали груды кровавых тел на улице, вызывало громкий, скорее добродушный, чем недоброжелательный смех.

Не смущаясь, однако, этим смехом, вождь продолжил ласковым и чрезвычайно мелодичным голосом, свойственным многим неграм и резко контрастирующим с их часто чрезвычайно грубой натурой и колоссальным телосложением.

— Я сказал вам, друзья, что у вас будет добрый господин, и докажу это сейчас же! Что сделал воин, тот, кого вы видите там, валяющимся на земле, как боров, когда шесть месяцев тому назад вы признали его своим господином? Он забрал в свои руки все богатства своего

предшественника, он присудил себе одному и его хижину, и его запасы, и его тафию, и его золото!

— Да!.. да!..это правда!

— А я, заместивший его, по вашей воле и желанию отчасти, но, главным образом, по моей собственной воле, буду великодушен. Я ничего не хочу для себя! Слышите? Ничего! Хижина его пусть остается вам: займи ее, кто хочет! Его орудия охоты и рыбной ловли поделите между собой. Разыграйте по жребию его челноки и коней! Поделите между собой его куак, его сушеную рыбу и другие припасы. Выпейте его тафию и возьмите себе его золото! Я все отдаю вам. Сокровища тирана принадлежат народу!

При этих словах, которых, вероятно, никто не ожидал, энтузиазм толпы достиг своих крайних пределов.

Толпа, до того довольно спокойная и безучастная, вдруг точно обезумела. Громкие крики и возгласы огласили воздух беспрерывным концертом, переходя в дикий вой, и все, мужчины, дети, женщины и старики, предвкушая богатую поживу, принялись исполнять какой-то безумный дикий танец.

Несколько человек из числа убийц, уже пьяные от раньше выпитого вина, с воем устремились к красивой большой хижине, стоящей посредине деревни в тени нескольких великолепных бананов. Вслед за ними хлынула и толпа.

Между тем Диего и человек шесть из его приспешников остались подле раненого врага, который за все это время не издал ни звука.

Хижина в несколько минут была разграблена дотла. Грабители, уверенные в том, что сумеют найти все остальное и после, главным образом набросились на тафию (водку). Запасы ее, как ни были велики, были распиты удивительно быстро, с жадностью и проворством, свойственными неграм и некоторым индейцам.

Хмель овладел всеми, этот ужасный хмель дикарей, усиливаемый еще более раскаленной температурой тропиков. Некоторые, не сумев соразмерить дозу со своими силами, с минуту шатались туда-сюда, едва держась на ногах, затем принялись бегать, как угорелые, издавая какие-то нечленораздельные звуки, и свалились, наконец, как подкошенные, кто где. Другие, более благо-

разумные или более методичные, расположились тут же на траве и пили постепенно, желая продлить возможно дольше наслаждение и отдалить, насколько возможно, момент полного бесчувствия. Наконец, третьи, люди обстоятельные, зная, что рано или поздно они возместят себе все это, осматривали тщательно все помещение: каждый ящик, ларец, каждый темный угол, отыскивая золото. Вскоре глухой ропот и негодование, граничащие с возмущением, раздались в стенах хижины павшего властелина. Его ярко украшенные сундуки, лари, в которых хранилось его платье, перешарены, корзины с плодами опрокинуты, запасы зерна высыпаны на пол; даже все сосуды, чашки и фляги — все обыскано, но золота нет нигде.

Что тафия, когда в данный момент человек уже не в состоянии более пить?

Но золото! Это завтрашняя тафия, это — тафия, когда угодно и сколько угодно; это — беспечная, беззаботная жизнь в будущем! Горе тому, кто его так хорошо запрятал, так схоронил свои громадные сокровища, о которых все знают, но никто найти не может!

И обманутые в своих ожиданиях, громилы кинулись, все измученные, в поту, вне себя от бешенства, к Диего, который сохранил до сих пор полное хладнокровие.

— Господин, нас ограбили! — вопили они.

— Кто вас ограбил, друзья? Кто осмелился отнять у вас что-либо?

— Это он! Он! — кричали одновременно двадцать голосов, дышащих бешенством и злобой. — Он похитил все золото!

— Смерть! Смерть ему, он нас обокрал!

— Я так и думал, — проговорил Диего, усмехаясь с видом снисходительного мудреца, — и вот почему сейчас помешал вам убить его. Труп нем, а живого мы заставим говорить!

— А если он не захочет сказать?

— Я вам говорю, что мы заставим!

— Когда?

— Сейчас же! Разве я не ваш властелин и вождь? Разве я не должен всегда думать за вас и при случае действовать за вас!

— Хорошо сказано, Диего! Да здравствует Диего!

— Довольно, товарищи! Теперь принесите мне на площадь несколько охапок соломы и как можно больше «бешеных ягод», да поскорее!

Как и все вновь вступившие в управление повелители, Диего нашел поначалу усердных и старательных исполнителей, не возражающих и не расспрашивающих, а беспрекословно повинующихся.

В одну минуту они натащили стеблей маиса (кукурузы), сухого валежника и другого сухого горючего материала, наконец, целые корзины мелких ярко-красных конических ягод длиною в два-три сантиметра, называемых «бешеными ягодами».

— Довольно, друзья, довольно! — сказал Диего своим удивительно гармоничным голосом.

И, не гнушаясь рабоой, он быстро соорудил костер, дал знак одному из своих пособников разжечь его, схватил раненого мулата под мышки и положил его к костру ногами в огонь.

При соприкосновении с огнем несчастный вскрикнул нечеловеческим голосом и поджал ногу так, что она чуть не сломалась.

— Ну же, приятель, будь благоразумен, — обратился к нему Диего. — Я ничего не спрашивал у тебя до сих пор, зная, что ты непременно несколько поломаешься прежде, чем станешь отвечать; но думаю, что, убедившись в моей готовности прибегнуть к сильным средствам, ты согласишься добровольно сказать мне, где ты спрятал такое золото, не правда ли?

— Нет, — глухо прорычал мулат.

— А, ты упрямишься! Но к чему? Ведь ты знаешь, что сейчас должен умереть! Так постарайся же умереть прилично и, по возможности, сократить свои мучения! Говори же! Ведь они все равно тебе не нужны, твои сокровища.

— Не скажу!

— Слушай, я тебе подарю жизнь и прикажу тебя доставить морем в Бэлем!

— Ты лжешь, негр!

— Это ты совершенно верно сказал, любезный! Да, я лгал... Но ты меня оскорбляешь и забываешь, повидимому, что ты в моей власти и потому ты сейчас увидишь, как негр мстит!

Ноги раненого, которые он успел слегка отстранить от пламени, по приказанию Диего опять сунули в огонь. Мясо покраснело, вздулось, отвратительный запах паленого тела распространился кругом.

Несчастный сжал зубы так, что они заскрипели; глаза его налились кровью, жилы на лбу набухли, как канаты, даже самое лицо его посинело.

— Где золото? — заревел Диего охрипшим от бешенства голосом.

Ответа не было.

— Ты упорствуешь? Посмотрим, кто из нас настоит на своем!

Опять он заставил отодвинуть мулата от костра, схватил его ноги, содрал с них кожу, вздувшуюся пузырями от огня, и совершенно обнажил мускулы.

— Ягоды! — заорал он своим пособникам. — Давайте ягоды!

Он схватил горсть, другую и приказал изрубить их тесаком. В несколько секунд ягоды превратились в красную массу, которую переложили в сосуд. Тогда Диего натер страшные раны несчастного этим едким соком, прикосновение которого к обнаженному, живому мясу заставило мулата выть от боли.

— Да, да, я знаю, — продолжал негр с адским хохотом, — это куда больнее огня: ведь как только мясо запечется, оно становится уже нечувствительным, тогда как этот сок вызывает и усиливает чувствительность, разъедает и жжет без огня... Ну, так что же? Будешь ты говорить?

— Нет, нет и нет!

— Тысяча чертей! Ты еще смеешь заноситься передо мной, когда ты уже при последнем издыхании!.. Но мы еще посмотрим!.. Еще не все! У меня есть в запасе еще другие средста!..

Но действие ягодного сока сделали страдания и муки несчастного совершенно нестерпимыми. Вой, исходивший из его уст, не имел ничего схожего с человеческим голосом. Слышались только одни ужасные нечленораздельные глухие звуки и порывистое хрипение, настоящий предсмертный хрип. Быть может, он был уже не в состоянии сказать что-либо, если бы и хотел.

Обезумев от хмеля и жажды наживы, чудовища, а не люди, окружавшие несчастного, не только не испытывали чувства, хоть сколько-нибудь похожего на жалость или сострадание, при виде этих ужасных мук, а напротив, измышляли еще новые пытки, думая этим восторжествовать над его упорством.

Но они ничего больше придумать не могли и растерянно смотрели друг на друга, не находя новых средств заставить его говорить. Однако Диего снова разразился дьявольским смехом.

— Ну, так будем продолжать представление! Как видно, у этого животного душа крепко держится в теле... Так попробуем что-нибудь другое!

Он схватил свою саблю и подошел к несчастному, на страдальческом лице которого выступил кровавый пот. Заметив, что глаза его закрыты, палач ухватил двумя пальцами верхнее веко, сильно натянул его кверху и одним быстрым взмахом срезал его. Глазное яблоко выкатилось, громадное и круглое, черное и все налитое кровью.

— Что? Ты этого не ожидал? — спросил Диего. — Не правда ли? Ну, а теперь срежем и другое, чтобы не нарушать симметрии!.. Ну вот! Готово!.. Будешь ты теперь говорить? Где сокровище, где твое золото? Слышишь?

Но в этот момент весь организм несчастного страдальца бессознательно возмутился; тело мулата напряглось с такой силой, что разом вскинулось вверх, порвав связывающие его веревки.

Ослепленный солнцем, сжигающим его глаза, лишенные век, он как будто на мгновение пришел в сознание и силился сказать что-то, но его губы отказывались произносить членораздельные звуки.

Быть может, измученный нечеловеческими страданиями этой адской пытки, он готов был в этот момент купить быструю смерть ценой признанья и указать место, где он скрыл это трижды проклятое золото.

Кругом воцарилась мертвая тишина: все ждали слова или знака — но напрасно, мулат, по-видимому, истощил остаток сил на это поседнее усилие.

Он конвульсивно протянул вперед руки, слегка покачнулся и тяжело рухнул на землю. Диего кинулся к нему и не смог воздержаться от крика и бешенства: его

жертва ускользнула от него, все было кончено. Последний взгляд изуродованных глаз дал ему увидеть валявшийся подле него на земле тесак, брошенный кем-то из убийц. Несчастный жадно схватил его, в тот момент, когда почувствовал, что падает, и обеими руками изо всей силы вонзил его себе прямо в сердце.

Присутствующие, не ожидая подобного конца, в диком бешенстве кинулись к трупу, рубя и кроша его на куски, вырывая друг у друга эти кровавые клочья мяса: насадив их на концы своих сабель и тесаков, они побежали по улице деревни со свирепым воем, жестикулируя, как настоящие дикари.

Диего один остался у костра, который начал потухать; опершись на свой жезл, он издали наблюдал за картиной бешеной оргии, последовавшей за разгромом и резней.

— Это какой-то рок! — сказал он сам себе. — Все шло так хорошо сначала и вдруг окончилось так бессмысленно, так глупо, благодаря непостижимому упорству этого животного. А между тем мне эти деньги, эти сокровища необходимы; необходимы для достижения той цели, которую я себе поставил. К чему мне быть вождем этих бесноватых, если они все равно через пять-шесть месяцев дадут мне заместителя точно таким же решительным способом, что, по-видимому, предназначено судьбой каждому властвующему над ними. Здесь вожди скоро сменяются, на этой Спорной территории, гораздо скорее, чем бы они того хотели! А потому у меня не хватает времени скопить сокровища или приобрести золото, в котором я так нуждаюсь... Значит, остается только одно — пойти ограбить серингаль француза. Средство это рискованное, ведь он станет защищаться не на шутку, я его знаю! Кроме того, его боготворят эти проклятые краснокожие! К тому же он не раз оказывал услуги многим из нас, и эти дураки способны питать к нему признательность!... Но что делать?! Жребий брошен! И надо действовать, не теряя времени, если Диего — изгнанный, пария, бунтовщик, негр — желает превратиться в дона Диего, президента будущей Амазонской республики.

Вдруг он обернулся, ощутив на своем плече чью-то руку, лицо его приняло гневное и грозное выражение, но, узнав в подошедшем одного из своих верных приверженцев, он улыбнулся.

— Это ты, Жоао?

— Я, господин! Я все слышал, но ты будь спокоен, я, когда надо, умею быть и глух, и нем; ты это знаешь!

— Откуда ты? И почему тебя не было здесь, когда мне были нужны все мои сторонники?

— Я только что с Арагуари!..

— Из серингаля?

— Да, но серингаля больше не существует!

— Тысяча проклятий!

— Успокойся: если мы не можем теперь ограбить француза, то можем сделать еще лучше того!

— Говори!

— Ты знаешь, колонизаторы Марони, его родственники, очень богаты, и они уплатят, кому следует, какой угодно выкуп.

— Я не понимаю?

— Сейчас поймешь... подожди!..

Глава II

Убежище отвергнутых. — Безымянная деревня. — Смутные границы. — Заливные саванны. — Набор жителей. — Несколько страниц из истории колонизации. — Наши права на Спорную территорию. — Первые шаги французов в экваториальных странах. — Смелый шаг де Фэролля. — Прелиминарии Утрехтского мира. — Одно единственное слово, ставшее причиной конфликта, длящегося сто семьдесят три года! — Бессилие дипломатов. — Необходимость покончить с этим положением вещей.

Ужаснейшая сцена, послужившая прологом к нашему рассказу, разыгралась в недавно лишь возникшей деревне, посреди громадной саванны на Спорной территории Гвианы.

Географическое местоположение этой деревни по сие время не могло быть определено в точности по той причине, что самой деревни ее не существовало в ту пору, когда смелый французский путешественник Анри Кудро, исследовавший эту территорию, совершал это путешествие. Что же касается редких торговцев и купцов, посещавших деревню, то у них были совершенно иные

интересы и задачи, чем определение географической точки.

Построенная людьми, в интересах которых было скрываться и избегать, сколько возможно, всякого соприкосновения с представителями Бразильской власти, редко заглядывавшими сюда, когда они командировались своим правительством из Макана на пост Педро II, — деревенька эта лежала настолько в стороне от обычных торных путей, что нет ничего удивительного, что об ее существовании и по сие время почти ничего никому не известно.

С другой стороны, эта маленькая колония, которая, быть может, завтра уже погибнет насильственной смертью и осколки которой будут развеяны вихрем восстаний по всему лицу саванны, где будет свергнута власть, никем не поставленная, никем не признанная, ни на что не опирающаяся, где ни одно в мире правительство не имеет ни земледельческих, ни промышленных интересов, весьма естественно, не возбуждала ничьего внимания; и остальной мир мало заботился о том, что здесь совершалось.

Таким образом, все эти отверженные, в сущности, являлись людьми, не имеющими родины, так как земля, на которой они жили, представляла никому не принадлежащую территорию.

Это, однако, еще не значит, что никто не заявлял на нее претензий и даже весьма настойчивых.

Саванна, где выросла эта безымянная деревня, граничит на юге с Тартаругал-Гранде, на востоке доходит до озера Камиридио и Двух-Устьев, куда впадает Тартаругал; на севере границей ее служит река, которая, весьма может быть, есть Рио-Куджуби, и, наконец, на западе — неизвестно что.

Оговоримся, однако, что в данном случае слово «саванна» не должно понимать как громадную поросшую травами равнину, нечто вроде русских степей или северо-американской прерии.

Напротив, саванна представляется здесь под видом местностей самого разнообразного характера, в зависимости от большего или меньшего возвышения почвы. Поэтому есть «заливная саванна», или «низменные пастбища», травы которых растут на твердой почве,

но почти постоянно бывают покрыты водой; затем есть «средняя саванна», совершенпо сухая, обыкновенно лежащая на горизонтальной плоскости; растительность ее в течение круглого года питает скот, наконец, есть еще так называемая «припри», или «пинотьера», получившая свое название от известного рода пальм, растущих здесь по берегам рек и на островках, которыми изобилуют зти реки. Припри одновременно может быть причислена и к «заливной саванне», и к «средней», так как, вследствие слабого понижения ее уровня, бывает попеременно то сухой, то залитой водой, смотря по времени года.

Саванны перерезаны течением довольно значительных рек, между прочим, Тартаругал-Синхо, Рио-Итоба и других более мелких рек, потоков и даже просто ручьев, образовавшихся из озер и болот.

Реки, речки и ручьи текут здесь совершенно по ровному дну, без всяких порогов или теснин. Они сплетаются между собой, скрещиваются, пересекают друг друга, словом, напоминают собою систему кровообращения в человеческом организме. Присутствие воды в любой данной местности видоизменяет природу и характер ее. Берега их обыкновенно обрамляют высокие чудесные деревья, образующие целые зеленые изгороди и разделяющие равнину капризными извилистыми линиями на пастбища низменные, средние и на пинотьеры как бы живыми перегородками.

А потому, повторяем, слово саванна совсем не должно вызызать представления громадной безлесной равнины. Мало того, самый характер саванны таков, что путешествие по ней часто является затруднительным и даже не всегда безопасным.

Вот почему отверженные всякого рода, у которых еще не сведены счеты с обеими соседними нациями, не могли избрать себе лучшего места, где можно укрыться от всякого рода преследований и невзгод.

Беглые невольники, солдаты-дезертиры, беглые каторжники и вообще стоящие вне закона, подозрительные торговцы, бегущие от несправедливых нападок или справедливых строгостей, — все стекались сюда, в эту страну, не имеющую ни хозяев, ни властей, в эту обетованную землю; сгруппировывались случайно или в силу взаимных интересов, а чаще всего из-за необходимости

сплотиться, чтобы давать отпор индейцам, которые очень недолюбливали их, а также и для того, чтобы общими силами добывать себе на свои насущные потребности и нужды все необходимое.

Не трудно представить, как невысок должен был быть уровень нравственности этих людей и какие гарантии спокойствия могло представлять подобное соседство для колонистов, желающих эксплуатировать неисчислимые естественные богатства этой страны.

Как мы уже говорили в первой части этого романа, колонисты, поселившиеся здесь, должны были постоянно быть настороже, жить, так сказать, на военном положении и не могли искать защиты или поддержки ни у бразильского, ни у французского правительства в тех случаях, если им и их имуществу грозила опасность. Им самим приходилось заботиться о своей безопасности и ограждать свои семьи и свое имущество от покушений и набегов соседей.

Впрочем, как то, так и другое правительство, захоти оно даже вмешаться в такие дела, были бы весьма дурно встречено, особенно французское, — так как бразильцы крайне чувствительны даже к мельчайшим нарушениям нейтралитета, и вся политика их состоит в том, чтобы парализовать усилия французского правительства сделать что-нибудь в экваториальной полосе.

Не переставая уверять Францию в совсем искреннем расположении, Бразилия, доказывающая это не раз, на деле оставалась всегда безусловно несговорчивой, когда речь заходила о Спорной территории. Тем, кто решился бы обвинить автора этой книги в известном пристрастии, он ответил бы следующими строками, заключающими в себе дипломатическую формулу, которой, по-видимому, руководствуются около века наши упорные соревнователи. Слова эти исходили от португальского морского министра, занимавшего указанный пост в 1798 году.

Привожу их дословно: «Опыт, доказавший, каким малым успехом увенчались до сего времени старания французов основать свои колонии в Кайене, дает некоторый повод надеяться, что они будут не более счастливы в этом и в дальнейшем будущем. Самое важное заключается в том, чтобы с вашей стороны всегда было скромное

и незаметное усердие и разумный патриотизм, необходимые для того, чтобы постоянно создавать препятствия их честолюбивым замыслам, без видимого насилия или заметного недоброжелательства». (Инструкция морского министра в 1798 году).

Кажется, это достаточно вразумительно и убедительно.

Прошло уже восемьдесят восемь лет, как эти инструкции были преподаны представителям бразильской власти. И что же? Они, по-видимому, не изменились ни на йоту с тех пор, как Бразилия, сбросив иго метрополии, двенадцатого октября 1822 года стала независимым государством. Доказательством является то, что, несмотря на уступки, предложенные французским правительством с целью установить границу, уполномоченные обеих стран никогда не могли прийти ни к какому соглашению, несмотря на бесконечные прения.

Бразилия не прочь решить этот вопрос о границе, но при условии совершенно обделить Францию, поставив ей границей Каривенн, то есть присвоив себе девять десятых Спорной территории. Но права Франции на эти земли неоспоримы, и надо отдать справедливость, что ее государственные люди стараются всеми силами добиться условий более приемлемых и, главное, более соответствующих достоинству Франции.

Эти права Франции на Спорную территорию идут еще от первого начала колонизации этого берега французами. В XVI веке Франция номинально владела всеми землями, лежащими между Ориноко и Амазонкой. Но поглощенная войнами с Италией, затем — религиозными войнами, она с удивительным равнодушием позволила испанцам и португальцам присвоить себе наибольшую часть земель Нового Света.

Когда в 1664 году была основана первая французская колония, в Гвиане, между Марони и Ориноко, расположились уже голландцы; но французы тем не менее все еще оставались хозяевами земель, лежащих между Марони, Амазонкой и Рио-Негро.

Лишь в 1688 году португальцы, видя, что торговля с прибрежными индейцами принимает значительные размеры и, кроме того, поняв топографические преимуще-

ства этого превосходного положения, решили серьезно подумать, как бы им оттеснить французов с северного берега Амазонки. С этою целью лиссабонское правительство воздвигло пять небольших укрепленных постов на северном берегу Амазонки. Тогда Людовик XIV повелел господину де Фероллю, тогдашнему губернатору Кайены, утвердить права французской монархии на все земли северного бассейна этой реки. Португальское правительство отказалось признать основательность требований французского правительства, и тогда де Ферольль по приказанию Людовика XIV в мае 1697 года в мирное время занял своими войсками Сан-Антонио де Макана, а остальные четыре укрепленные форта разгромил и уничтожил.

«Господин де Ферольль, — пишет тогдашний »Mereure Galant", — выполнил храбро и в весьма короткое время предписание, полученное им от своего двора — выгнать португальцев... С девятью десятками человек войска он обратил в бегство двести португальцев, которых поддерживали еще до шестисот индейцев, стер с лица земли все форты, кроме Макана, где оставил французский гарнизон, и затем вернулся в Кайену с пятью или шестью судами, с которыми он пустился на это смелое предприятие. Но этот воинственный подвиг пропал даром: наш маленький гарнизон не мог держаться долее месяца в Макане — португальцы вновь заняли этот пост".

Первый дипломатический договор, пытавшийся урегулировать это дело, состоялся четвертого марта 1700 года. Переговоры, возникшие по поводу дела Маканы, привели к временному договору, по которому монарх Франции обещал воздержаться от основания каких-либо колоний, поселений или укреплений на правом берегу Амазонки, а король португальский обязывался, со своей стороны, снести и уничтожить форт Макана, не возводить никаких фортов и не занимать никаких позиций на спорном побережье, которое временно должно было оставаться нейтральным. Согласно этому договору Португалия, действительно, сама уничтожила Макану.

В таком положении оставалось все вплоть до Утрехтского мира.

В старых прелиминариях этого мира граф де Тарука требует от имени португальского короля, «чтобы король

Франции уступил ему, и после него всем его преемникам, будущим королям Португалии, навсегда все права на все земли, именуемые Cap Nord, принадлежащие княжеству Мараньон и лежащие между реками Амазонкой и Висент-Пинсон, невзирая ни на какие предварительные договоры, временные или окончательные, которые когда-либо были или могли быть заключены относительно владения и прав на вышеупомянутые земли». (Статья 2-я требований Португалии, предъявленных в Утрехт 5-го марта 1712 года).

Этот знаменитый договор, подписанный одиннадцатого апреля 1713 года, должен был положить конец конфликту, от момента возникновения которого прошло уже целых двадцать пять лет; но вместо этого он послужил поводом для целого ряда препирательств, которые затянулись вплоть до нашего времени.

Параграф 8-й договора 1713 года по существу гласит, что Франция отказывается от права навигации по Амазонке, и что оба берега этой реки должны принадлежать Португалии, а реку, которая должна служить демаркационной чертой между владениями Франции и Португалии, называет именем Жанок, или Висент-Пинсон.

Но, странное дело, договор не обозначает ни долготы, ни широты, на которых находится эта река, и ничего решительно не говорит о том, кому должны принадлежать земли, лежащие внутри страны.

Это упущение, более или менее умышленное со стороны португальских уполномоченных, дало повод к недоразумениям и является основанием спорных вопросов и до сего времени.

Не странно ли, в самом деле, что это имя Жанок, нигде и ни разу не упоминающееся в предварительном договоре 5-го марта 1712 года, вдруг вошло в окончательный договор от 11-го апреля 1713 года, и не родится ли при этом подозрение, что это наименование реки было впоследствии добавлено португальцами, которые пожалели о том, что сразу не предъявили больших требований.

И если нельзя допустить подобной возможности по отношению к торжественному договору, то, с другой стороны, нельзя не удивляться, насколько все касающееся границ в этом договоре туманно и неясно, недоговорено

и неопределенно. Если, как говорят сами португальские авторы, представители их нации на Утрехтском конгрессе были превосходно осведомлены относительно этого вопроса, то нельзя сказать того же самого о представителе Франции маркизе д'Укселль, генерале-дипломате, который был столь же неловким и неискусным дипломатом, как и безжалостным и беспощадным генералом.

Что же вышло из этой двусмысленности, как бы на смех поднесенной нашим уполномоченным? А то, что португальцы впоследствии стали утверждать, что этим договором их границей признается Ойапокк, впадающий в океан между четвертым и пятым градусами северной широты, и что под именем земель «Северного Мыса» (Cap Nord) следует разуметь земли мыса Оранж, т.е. свыше восьмидесяти лье берега!

Со своей стороны французы утверждали, что речь шла о речке, впадающей в залив Висент-Пинсон между первым и вторым градусами северной широты, и не соглашались ни под каким видом признать столь чрезмерные требования, которые лишали нашу колонию чуть не половины ее береговой линии и трех четвертей ее площади.

Необходимо настаивать на том факте, что если бы речь шла о реке Ойапокк, то ни в каком случае в предварительных требованиях договора португальцы не обозначили бы ее под именем Висент-Пинсон, которым эта река никогда и нигде не называлась и ни на одной из карт того времени не обозначена, а повсюду обозначена под именем Ойапокк или сходным с ним, как это видно из целого ряда карт, изданных тогда и в позднейшее время.

Таким образом, демаркационную линию изображает река, носящая название Висент-Пинсон, и недостаточно доказать тождество имен Жанок и Ойапокк, потому что наша река нигде не обозначена под именем Висент-Пинсон, просто или с каким-либо добавлением к этому имени.

При внимательном изучении старых карт, напротив, ясно видно, что канал Каранапори, а следовательно и река, впадающая в него, носили названия Аравари, Арровари, Аревари, Висент-Пинсон и Ивариноко. И надо согласиться, что последнее название не более отлично от имени Жанок, чем Важабэго, которое носил в то время

наш Ойапокк, как это несомненно доказано. Вот эту-то границу по Каранапори, образующему северное разветвление Арагари, признанное Гумбольдтом за настоящий Висент-Пинсон, Франция не перестает и не переставала требовать для себя. Добавим еще, чтобы закончить это изложение, имеющее для Франции еще иное, более важное значение, чем только простое географическое недоразумение, что вопрос этот так и не продвинулся с места, несмотря на многие договоры, состоявшиеся впоследствии, и бесчисленные переговоры и совещания между дипломатами Франции и Бразилии.

В 1794 году эмансипация невольников во французской Гвиане напугала португальцев, которые, снарядив пять небольших судов, в ожидании формального объявления войны начали с того, что стали грабить в Цассе большую ферму богатого скотовода гражданина Помм, который в ту пору был депутатом в конвенте.

И после, в течение двадцати лет, обе стороны продолжали истолковывать с оружием в руках смысл Утрехтского трактата. С 1794 года по 1798 год весь берег между Амазонкой и Ойапокком был совершенно безлюден. Необходимо было увеличить пустыню между Кайеной и Пара, так как при соприкосновении с французами, давшими свободу рабам, Пара также очень скоро осталась бы без рабов и без индейцев. Между тем наши индейцы с Кунани и Макари жалели нас. Несколько сот семейств, вывезенных далеко, сумели обмануть бдительный надзор, установленный над ними, и, смеясь над самыми жестокими репрессиями, невзирая ни на какие опасности, вернулись на утлых пирогах из Мараньона в Марони и Кунани. Эти обстоятельства побудили Жаннэт-Уден'а, племянника великого Дантона, главного комиссара Конвента в Гвиане, изучить вопрос о наших границах с Португалией для окончательного установления их при водворении всеобщего мира. С этою целью он поручил географу Ментеллю и инженерному капитану Шанелю составить два мемуара, которые были отправлены одновременно в морское министерство.

Несмотря на эти разумные мероприятия, дипломаты все же нашли возможность подписать 20 августа 1797 года договор, еще более нелепый, чем предшествующие, так как он отодвигал нашу границу до Карсевенна. Но

дирекция не пожелала утвердить его. 6 июня 1801 года новый договор, составленный в Бадахосе, переносил французскую границу на Арагуари и объявил, что навигация по Амазонке открыта на совершенно равных правах для обеих наций.

Амьенский трактат 25-го марта 1802 года, весьма точный и ясный, окончательно устанавливает границу на главном устье Арагуари на первом градусе северной широты, между Новым островом и островом Покаяния, и далее по Арагуари, Висент-Пинсон и Ла-Кондамин от ее устья и до ее истоков, а отсюда — по прямой линии от ее истоков до Рио-Бранко.

Все, по-видимому, было улажено как нельзя лучше благодаря этому трактату, который является официальным и окончательным разъяснением Утрехтского трактата. Но для г.г. дипломатов было бы слишком просто придерживаться его в точности. Последовали трактаты 1814 и 1815 годов, и дипломаты, вероятно огорченные этим справедливым и разумным решением вопроса, поспешили вернуться к своим излюбленным двусмысленностям.

В 1822 году Бразилия, став независимой, унаследовала и права и претензии Португалии. Страшнейшие гражданские войны разорили ее, и в 1824 году французское правительство, чтобы отстоять свою колонию от вторжения инсургентов, бежавших из Пары, отдало распоряжение губернатору Кайены возвести укрепленный форт Макари или Висент-Пинсон. Для этой цели был избран островок на озере Мана. Этот пост был эвакуирован в 1840 году. Но так как мы продолжали настаивать на своих правах, то колониальное правительство возвело новый пост на правом берегу Ойапокка.

Переговоры относительно окончательного установления границ тянулись вплоть до 1844 года и затем были окончательно прерваны.

В 1849 году, затем и в 1850 году в Париже организовалась бразильская экспедиция, которая должна была отправиться для занятия Мана. «Необходимо, — говорил открыто и смело в палате депутатов в Рио-де-Жанейро 19 апреля 1850 года Тоста, бразильский морской министр, — основать в тех местах солидную колонию, чтобы Бразилия могла отстоять надлежащим и

положительным образом свои владения». Но бразильская экспедиция встретила в водах Мана французский авизо, охранявший берег, и бразильское правительство, желая чем-нибудь утешиться в своей неудаче, принялось энергично протестовать против образа действий Франции.

В 1853 году снова возобновились переговоры и продолжались вплоть до 1856 года. Уполномоченные обеих наций, Хис де-Бутенваль и виконт д'Уруннэй без конца ломали копья в этом географически-историческом турнире, и в результате виконт д'Уруннэй предложил Франции как границу реку Карсевенн, истоки которой неизвестны, а известно только одно устье; а Хис де-Бутенваль предложил Бразилии границу по реке Тартаругал, которая также, вероятно, имеет где-нибудь свой исток, но зато не имеет устья, так как теряется в бесконечной сети озер и болот.

Таким образом, эти ученые борцы за интересы своих наций ни к каким положительным результатам не пришли. Когда дипломатия ничего не достигла, то губернатор провинции Пара решился испробовать в 1858 году вооруженную силу. Экспедиция, по образцу экспедиции 1850 года, под начальством таможенного лейтенанта отправилась из Пары и высадилась в Кунани, на Спорной территории. Население Кунани, состоящее главным образом из беглых невольников, встретило присоединителей ружейным огнем.

Тогда Правительство Рио стало жаловаться, что Франция содержит в Кунани агентов, поддерживающих Проспера Шантон, французского консула в Паре. Таможенный лейтенант был произведен в капитаны, а Проспер Шантон получил выговор.

Позднее также не могли уладить пограничных споров. Между тем в последнее время спорный вопрос снова выплыл наружу из-за рецидивистов.

Так как Гвиана была избрана местом ссылки, то Бразилия стала тревожиться, и не без некоторого основания, относительно такого опасного соседства для ее смежной провинции Амазонии. Действительно, столь близкое соседство двадцати тысяч негодяев и преступников, утративших в большинстве случаев и страх, и

совесть, высылаемых сюда из Франции и других ее колоний, не могло быть желательным для Бразилии.

И вот снова начались переговоры. Однако остановимся на этом из уважения к читателю, который, вероятно, уже готов просить пощады.

Глава III

Чернокожий авантюрист. — В ком трудно было предположить столько научных знаний. — Приключения золотоискателя. — Сказочные богатства. — Эксплуатация. — Триста килограммов золота в одном слитке. — Планы бегства. — Затруднения миллионера. — Неудачи претендента. — Четыре часа на широте. — На прогалине. — Фамильярности Луша. — Жестокий урок. — Тревоги и опасения матери. — Спасайтесь!

Автор почти невольно увлекся и занялся несколько длинным изложением исторических фактов в предыдущей главе; но он все-таки надеется, что читатели простят ему это из уважения к причинам, побудившим его к этому уклонению в область истории. Мы ведь изучаем здесь страну очень мало известную. Поэтому разве не следует ознакомиться с нею во всех отношениях?

Теперь вернемся к нашему рассказу. Диего, или Жак по-португальски, главное действующее лицо только что разыгравшейся кровавой драмы, был рослым негром лет тридцати, могучего телосложения — настоящий чернокожий Геркулес. Лицо его, страшно изуродованное оспой, представляло собою что-то отталкивающее и вместе с тем вселяющее ужас. Его нос, изуродованный страшными рябинами этой ужасной болезни, которой так подвержены негры, был до того искажен и изрыт, что представлял собою какой-то бесформенный комок с двумя несоразмерно большими зияющими ноздрями. Рот, искривленный шрамом, резко выделяющимся фиолетово-лиловой полосой на его блестящей черной коже, был почти постоянно полураскрыт дьявольской усмешкой, позволяющей видеть два плотных ряда ослепительно белых зубов. Глаза с припухлыми красными веками и белками, испещренными целой сетью красно-коричневых

прожилок, с блестящим зрачком, смотрели проницательно и злобно каким-то режущим, жестоким взглядом.

Обычное выражение этого ужасного лица, на котором никогда не появлялось приветливой улыбки, — холодно-злобное и упорно-безжалостное.

Это редкое безобразие, с которым, кажется, никогда нельзя свыкнуться, пугало часто даже самых близких ему людей, чем Диего, по-видимому, был очень доволен и даже умышленно старался еще более усилить это впечатление. Он нарочно выставлял напоказ свое уродство и как будто даже кичился им. С другой стороны, и нравственный его облик вполне соответствовал наружному.

Жестокий и безжалостный от природы, он был горяч до бешенства, беспощаден в ненависти, непримирим во вражде, горд и надменен, как сатана, корыстен и хитер, и при всем этом обладал страшной властью над самим собой. Трудно сказать, играл ли он известную роль или аффектированно выставлял свои чудовищные пороки — физические и духовные — никто не разгадал его тайны, и никто не мог ничего сказать с уверенностью. Он наводил на людей ужас и был, кажется, в восторге от того впечатления, какое он производил.

Были случаи, когда он в один момент подавлял в себе приступы самого дикого бешенства и разом становился спокоен. Он убил наповал товарища из-за бутылки тафии и отдал в распоряжение своих собутыльников свой трудовой заработок целого месяца. Когда ему грозили, когда его оскорбляли и осмеивали пьяные люди, он презрительно пожимал плечами и отходил в сторону, а затем нетерпеливо выжидал, когда они совершенно придут в себя, чтобы погубить их, предварительно подвергнув самым утонченным пыткам.

Придя неизвестно откуда и всего какой-нибудь год тому назад в эту маленькую колонию, он сумел приобрести над всеми остальными членами ее страшное влияние, несмотря на то, что все они его втайне ненавидели и боялись.

Что всего более способствовало его влияиию на остальных, помимо его необычайной физической силы, — его необыкновенный ум и, главное, научные познания, поистине поразительные у такого человека, как он, по-видимому, всегда далеко стоявшего от всякой

образованности. Он совершенно свободно говорил на французском, английском и португальском языках; время от времени торговцы, поддерживавшие торговые сношения с берегом, доставляли ему книги, журналы и разные брошюры, которые он прочитывал с жадностью и интересом, к немалому удивлению его полудиких односельчан и товарищей, которые не могли даже объяснить себе подобного чуда.

И это еще не все. Время от времени он предпринимал более или менее продолжительные экскурсии и аккуратно заносил на карту различные подробности местности, характер ее, словом, изготовлял себе подробнейшие топографические карты, безусловно точные.

В продолжение целых шести месяцев он держался совсем в стороне, не вмешиваясь в постоянные свары и интриги населения деревни, которое избирало и свергало своих вождей и старшин с быстротой и проворством, достойными старых мексиканцев, этих традиционных создателей бесчисленных и часто совершенно беспричинных «пронунсиаменто».

Но со времени принятия власти последним из вождей он стал возбуждать против него общественное мнение, не выставляя, однако, своей кандидатуры. Он слился с этими людьми, стал принимать активное участие в их жизни, столь неравномерно распределенной между трудом и дикими оргиями, и, когда, наконец, счел момент подходящим, стал доказывать остальным, что надо избавиться от их вождя, того самого мулата, с которым он вступил в дружбу, снискав всеми возможными средствами его расположение и втершись в его доверие тем, что энергично содействовал ему в разных опасных случаях его жизни.

Далее мы уже видели, каким образом ему удалось низвергнуть несчастного мулата и занять его место.

За месяц до этого трагического события мулат, работая над небольшой золотоносной россыпью, случайно наткнулся на залежь. Первая же проба промытого песка дала счастливцу на сто франков золота! Это была громадная цифра, которой гвианские золотые прииски никогда раньше не достигали.

Пораженный такой небывалой удачей, мулат весь день продолжал работать один, и богатство этой руды не

убывало за все это время. Вечером он вернулся в свою хижину, неся в мешке около килограмма золота, стоимостью на три тысячи франков.

Продолжать и далее работать одному было бы, несомненно, более безопасно и практично. Но счастливый золотоискатель, желая, вероятно, поскорее похитить у земли ее сокровище, предпочел взять себе в помощники товарища, зная по опыту, что работать вдвоем несравненно легче и выгоднее.

Он доверил свой секрет Диего, своему доброму другу, который выслушал его равнодушно, как человек совершенно бескорыстный, чуждый алчности и совершенно довольный тем скромным существованием, каким довольствовались и остальные его товарищи — обитатели лесов.

Диего охотно стал работать вместе с мулатом, не проявляя ни малейшего желания обогатиться. Результаты промывки на этот раз оказались еще более блестящими, чем накануне.

На предложение мулата получить свою долю Диего решительно отказался, удовольствовавшись скромным вознаграждением за труд.

Залежь казалась положительно неистощимой. После целой недели упорного труда мулат, совершенно выбившись из сил, но более алчный, чем когда-либо, предложил своему товарищу устроить сток или желоб и подрядить нескольких землекопов для самой черной работы.

Диего, как всегда сговорчивый, но все также равнодушный к возрастающему с каждым днем богатству, сделал, как бы только для вида, несколько замечаний.

— Промывка с помощью желоба, без сомнения, будет много продуктивнее; она даст в десять раз, может быть, во сто раз больше золота, чем промывка вручную — это правда, но если люди, которых ты хочешь нанять для этих работ, заподозрят, как невероятно богата золотом эта почва, то ты можешь нажить себе немало хлопот!

— Мы станем собирать промытое золото два раза в день, когда все спят или отдыхают, и никто не узнает, как велик процент золота, получающегося с этих россыпей!

— Да, это, пожалуй, хорошая мысль! Но есть ли у тебя в достаточном количестве ртуть?

— Ртути у меня довольно, об этом не беспокойся!

— Ну, в таком случае устроим желоб.

Это приспособление, весьма элементарное в сущности, состоит из ряда корытцев или, вернее, дощатых труб для стока, длиною около четырех метров и шириною пятьдесят сантиметров при глубине тридцать. Будучи несколько шире в верхнем конце, оно суживается в нижнем, чтобы можно было нижний конец одного корытца вставить в верхний конец следующего за ним. Таким образом, из совокупности этих корытцев образуется род сточного канала или длинный желоб, достигающий длины двацать, сорок и пятьдесят метров, с известным уклоном. Колено желоба называется корытцем; на дно каждого из них кладется толевая пластинка с множеством круглых отверстий или же просто тонкая деревянная дощечка с такими отверстиями, поддерживаемая небольшими подставочками, которые слегка приподымают ее над дном и не дают им плотно прилегать к нему; на дно каждого корытца под доску или толь кладут ртуть.

Первое корытце желоба вкапывают в берег ручья, перегороженного запрудой, чтобы вода бежала беспрерывно по желобу равномерной струей. Остальные корытца, или колена, установлены на козлах так, чтобы получался нужный уклон для стока воды.

Золотоносная земля или песок, вырытые заступом, накладываются лопатой в желоб, где и промываются бегущей по нему водой, уносящей за собой землю и песок, тогда как золото, более тяжелое, проваливается в отверстия на дно корытцев и там амальгамируется, т.е. пристает к ртути.

Когда ртуть достаточно насытится золотом, то ее промывают или процеживают в козьей шкуре или плотном холщовом мешке, где после фильтровки остается белая тестообразная масса —амальгамированное золото, которое потом нагревают в первом попавшемся сосуде на жарком огне — и ртуть улетучивается.

Такова, в кратких словах, примитивная процедура, к которой прибегали пионеры-золотоискатели.

Несмотря на видимое несовершенство этой системы промывки, невероятное богатство этой россыпи было таково, что она давала в сутки круглым числом от десяти до двенадцати килограммов золота в день.

На четвертой неделе работы друзья, подсчитав приблизительно свои богатства, удивились, что у них накопилось золота около трехсот пятидесяти килограммов, что составляло сумму свыше одного миллиона франков.

И вдруг, разом, почва россыпи оскудела; оскудела до того, что не стала давать решительно ничего. Очевидно, залежь истощилась; но как раз к этому же времени истощился и запас ртути, несмотря даже на то, что Диего, предвидевший это, устроил нехитрый аппарат, предназначенный для сгущения паров ртути, получавшихся при выжигании золота.

Мулат, ничего не скрывавший от своего друга Диего, зарывал мало-помалу в землю под полом своей хижины свои несметные сокровища. И золотой песок, и зерна он ссыпал в глиняные бутыли, или фляги, вместимостью около десяти килограммов каждая, оплетенные настоящей броней из волокон и лыка арума, что сообщало им невероятную крепость. Благодаря такой упаковке перевозка золота становилась не только удобной, но и безопасной, так как в флягах его легко было скрыть между другими такими же флягами, содержащими местные продукты, и иными малоценными предметами.

С того момента, как им пришлось прекратить эксплуатацию россыпи, Диего снова втянулся в свою, повидимому, ленивую и праздную жизнь, но зато с большим усердием стал возбуждать ближайших своих собутыльников против своего друга мулата.

Так продолжалось дня три-четыре. Между тем мулат, живший в постоянной тревоге с тех пор, как ему свалилось с неба это неожиданное богатство, стал высказывать намерение переселиться в цивилизованные страны.

— Что за польза быть миллионером, если приходится питаться той же скудной порцией маниоковой муки и той же сушеной рыбой, как и все бедняки? — говорил он Диего.

Тот, со своей стороны, обещал содействовать в осуществлении этого плана, даже предложил сопровождать его до берега и помочь сговориться с первым проходящим судном.

Кстати, маленький пароход, приходивший раз в месяц из Кайены в Пару за быками на мясо, потребное для

продовольствия главного города французской колонии, ожидался в самом скором времени. Капитан этого парохода имел привычку заглядывать попутно в прибрежные местечки для обмена или покупки каучука, золота, рыбы; с ним можно было бы сговориться.

Между тем Диего, покончив с приготовлениями к отъезду своего друга, вернулся к себе веселый и чрезвычайно довольный. Затем вытащил весь свой запас тафии, созвал приближенных и единомышленников, напоил их допьяна и сказал:

— Надо с этим покончить сегодня же! Этот негодяй хочет натянуть вам нос и удрать отсюда со всем своим золотом, втихомолку, не сказав никому ни слова. Но мы еще посмотрим! Вам известно, что он богат, страшно богат... и я знаю, где у него спрятано золото... разройте только землю под полом его хижины и вы найдете столько золота, что вам хватит его за глаза! Берите, сколько хотите, а его все еще достаточно останется. Но не рассыпайте его даром! Подумайте о будущем и рассчитывайте на меня! Будьте щедры, но снесите ко мне, в мою хижину, как можно больше... впоследствии вы найдете его у меня; это золото необходимо нам, если мы хотим основать свою республику! Надо быть очень богатыми, чтобы обеспечить нашу независимость! Сегодня предавайтесь веселью! Идите и объявите всему населению о намерениях этого подлого беглеца и провозглашайте своим вождем Диего!

Пьяная ватага устремилась в деревню, рассыпалась по всем направлениям, неожиданно напала с оружием в руках на сторонников и приверженцев мулата, принуждая их признать нового вождя и безжалостно избивая, убивая и закалывая всех, кто выказывал колебание.

Диего, со своей стороны, не оставался в бездействии. Как человек, умеющий ставить при случае свою жизнь на карту и в силу природной жестокости находивший наслаждение в кровавых зрелищах, он вмешался в толпу пьяных убийц и был, как мы уже имели случай видеть, одним из главных действующих лиц той страшной, дикой драмы, при которой мы только что присутствовали.

Обманутый в своих надеждах и тем более взбешенный тем, что эти деньги ускользнули у него из рук, он

тотчас же решил возместить эту неудачу разгромом серингаля молодого француза в верховьях Арагуари.

Но, когда он уже обдумал план грабежа, один из его людей сообщил ему, что серингаль уже уничтожен и от него не осталось даже и следа!

В этот момент Диего почувствовал что-то, похожее на приступ отчаяния.

Однако несколько слов вновь прибывшего быстро успокоили тревогу и опасения, которые он с трудом смог скрыть от своего единомышленника.

— Если так, — сказал он, обнадеженный сообщением Жоао, — то я это дело обдумаю!

— Но надо спешить, господин, не то будет поздно!

— Я сам отлично понимаю, что надо действовать без промедления! Но где мы возьмем двадцать человек, которые мне нужны для этого дела?

— Достаточно будет и десяти, если они будут надлежаще вооружены!

— Десяти человек мало!

— Ведь их всего только четверо белых и с полдюжины Мура, пьяных в стельку. Мура, ты сам знаешь, рассыплются во все стороны, как лягушки, в которых пустили камнем.

— Да, ты прав! Действовать надо: это единственное средство держать в руках серингуеро и добиться от него всего, что я хочу... Итак, решено! Постарайся собрать человек десять, менее пьяных, чем остальные, приведи их к заливу и посади на две пироги. Одной будешь командовать ты, другой я.

Выслушав эти распоряжения, Жоао, не теряя ни минуты, расстался с новым вождем и отправился исполнять его приказания.

Тем временем Диего, достав из своего тайника несколько карабинов и патроны, отнес их к пристани, где были привязаны несколько пирог, принадлежащих деревне.

Против ожидания, Жоао вскоре вернулся в сопровождении группы испачканных кровью чернокожих, возбужденных выпитой тафией и дикой оргией, последовавшей за бесчеловечной резней своих же односельчан, возбужденных, но готовых повиноваться своему новому вождю, который внушал им полное доверие.

В нескольких кратких словах Диего объяснил им, в чем дело и что от них требуется; требуется быстрое и неожиданное нападение, скорее для видимости, а завтра они уже будут опять у себя в деревне. Благодаря этой маленькой экспедиции удастся, — говорил он, — возместить исчезнувшие сокровища.

Этого было более чем достаточно, чтобы вызвать полную готовность с их стороны сделать все, что от них потребуют. Не теряя ни минуты, они схватились за весла, и легкие пироги помчались, как птицы, по тихим водам залива.

В продолжение целых четырех часов они продолжали усердно работать нагайями, невзирая на палящий зной. Пот катился градом по черным торсам и лоснящимся черным лицам; мускулы рук напрягались, как канаты, а пальцы судорожно сжимали ручки весел. Целые тучи мошкары оседали на обнаженных потных спинах, плечах и шеях; беспощадные лучи солнца падали отвесно на круглые, покрытые мохнатой шапкой волос черепа; но дикие мореплаватели, невзирая ни на что, продолжали мерно работать веслами, сопровождая этот тяжелый труд нелепым, но ритмическим припевом, значение которого сами они не понимали.

Вдруг Жоао, стоявший на носу передней пироги, обернулся и жестом заставил разом смолкнуть оба экипажа.

Залив делал крутой поворот. Пироги умерили ход и стали огибать мыс, покрытый ковром водяных растений и муку-муку.

В этот момент Жоао сильным ударом своего весла заставил пирогу, на которой он находился, круто повернуться и засесть носом между корнями громадных водорослей и прибрежных кустов, заканчивавшихся громадными блестящими и твердыми, как подносы, листьями.

Следующая позади пирога проделала тот же маневр, отчего пироги оказались совершенно скрытыми от посторонних глаз.

Гребцы с проворством и ловкостью обезьян, цепляясь за корни, выбрались на твердую землю, где росли высокие пальмы — авангард целого леса пальм.

— Здесь, — проговорил Жоао, указывая рукой на прогалину в ста метрах от того места, где они теперь стояли.

— Хорошо! — отозвался Диего и приказал своим людям вооружиться.

Маленький отряд, выстроившись в порядке, беззвучно двинулся вперед по мягкой сырой почве.

Бывший впереди других, Диего первым подошел к прогалине, поросшей жидкими редкими стволами тощих, но стройных пальм, прямых и неподвижных, как готические колонны. На этой полянке он увидел группу безоружных индейцев, занятых свежеванием рыбы, известной здесь под названием пираруку. Немного подальше, между стволами пальм, виднелись гамаки, и в них лениво растянулись белые люди; одни из них курили, другие тянули из дорожных фляг тафию. Наконец, с противоположной стороны лежали двое раненых, крепко связанных и как будто брошенных здесь в траву подле жалкого, наспех сооруженного карбета, состоявшего из нескольких плохо скрепленных кольев и кровли из больших широких листьев.

При виде рослого Диего Мура, бросив свою рыбу, с протяжным воем кинулся к людям, растянувшимся в гамаках. Эти проворно вскочили на ноги и с недоумением уставились на колосса-негра с безобразным лицом, за спиной которого стояли еще другие негры, вооруженные с головы до ног. Однако удивление их продолжалось недолго; один из них, человек уже старый, с изношенным лицом, выражавшим дерзость и наглость, сделал шаг вперед и шутливо воскликнул:

— Эге! Да это негр!.. Ну здравствуй, приятель, как поживаешь?

Но Диего остался безмолвным.

— Что же ты, или проглотил свой язык, или же ты глух, парень?! Мне кажется, что господин Луш оказал тебе честь, заговорив с тобой!

— Молчать! — грозно произнес Диего. — Отвечай мне только, когда я буду тебя спрашивать!

— Что? Эта немытая рожа смеет мне говорить «ты»! Видно свет кругом пошел! Мы — белые люди, как видишь, и здесь, как и всюду, негры должны преклоняться перед нами!

— Вы — беглые каторжники, бежавшие из Кайены, не так ли? — продолжал Диего, не удостаивая Луша отве-

том, хотя пепельно-серый оттенок, который приняло его лицо, указывал на скрытое бешенство.

— Ну, и что же из этого? Какое тебе до этого дело?

— Вы разграбили и сожгли серингаль француза?

— Разве ты здесь судебный следователь? Нам тут такого не требуется! Слышишь, мы и без тебя обойдемся! И знаешь ли, ты меня не запугаешь своей страшной рожей и черномазой командой!

— Довольно! Надо проучить эту старую обезьяну! — крикнул Диего, ни на йоту не отступая от своего пренебрежительного хладнокровия.

И, без малейшего усилия, он протянул вперед руку, схватил негодяя за шиворот. Выдернул его из гамака и, держа на весу на вытянутой руке, как держат мокрого щенка или котенка, некоторое время разглядывал его, как ребенок — игрушку, затем швырнул на землю с гримасой отвращения, добавив при этом:

— Меня зовут дон Диего, не забудь этого!

— Геркулес, сюда! — завопил старик.

На этот зов второй европеец, в белых холщовых панталонах и синей матросской рубахе, выскочил из гамака и кинулся на негра. Диего спокойно достал из-за пояса револьвер, приставил дуло его к груди нападающего и произнес:

— Долой руки, любезный! Я не хочу вам зла, но вы должны исполнить мои требования! Не то я вас истреблю всех до последнего и брошу на съедение кайманам!

— Вот это сказано толком! Чем мы можем вам служить, господин «дон» Диего, которого я совсем не знаю и о котором никогда ничего не слыхал?

— Сейчас узнаете, что я от вас требую, а кто я — это вас, в сущности, вовсе не касается. Прежде всего, вы все четверо последуете за нами и отошлете ко всем чертям этих гадов Мура!

— А затем?

— Это уже мое дело! А ваше дело — повиноваться.

При последних словах молодая женщина, бледная, заплаканная, измученная, выбежала из карбета, держа на руках ребенка, и кинулась к Диего; двое других детей цеплялись за третьего, мальчика лет десяти, который смело смотрел на то, что происходило вокруг него.

— Кто бы вы ни были, — воскликнула женщина, — спасите нас, молю вас! Сжальтесь над этими детьми, у которых теперь, быть может, уже нет отца! Вырвите нас из рук этих негодяев!

Диего, ошеломленный и недоумевающий, в первую минуту хранил угрюмое молчание, затем, обернувшись к Жоао, стал расспрашивать его по-португальски, не ответив ни слова на отчаянную мольбу женщины.

— Это и есть жена серингуеро с Арагуари с его детьми? Ты в этом уверен?

— Я видел ее всего один раз, но узнаю ее!

— В таком случае, Жоао, друг мой, у тебя счастливая рука, и этот выводок маленьких французов, право, не дурной приз! Забирай их всех на пироги и в путь!

Глава IV

Опасения. — Собака. — Неожиданное появление одного из свидетелей несчастья. — Рассказ о катастрофе. — В отсутствие господина. — Приготовления к обороне. — Пожар карбетов и хижин. — Вызов, требование и возражение. — Зажигательные стрелы. — Отступление. — Оцеплены. — Отчаянное сопротивление. — Избиение и поражение. — Пленники. — Тщетные поиски индейца Табира. — Беззащитность. — Затопленная пирога. — Жалкие остатки прежнего величия. — План кампании. — Что могут сделать три человека и одна собака. — Идем!

Путем каких странных и ужасных обстоятельств молодая и прелестная подруга Шарля Робэна со всеми своими детьми очутилась в руках негодяев-разбойников, бежавших из острогов Кайены? Какое беспримерное несчастье обрушилось вдруг на богатое и роскошное поместье серингуеро? Какая буря развеяла в прах все эти богатства, так честно и благородно нажитые и приобретенные?

Читатели, вероятно, не забыли еще, как молодой искатель каучука Шарль, избавившись чудом, благодаря вмешательству индейца Мундуруку, Табиры, от преследовавших и истязавших его негодяев, наконец, очутился

перед обгорелыми развалинами своего дома и всех великолепных строений усадьбы.

Надломленный страшными предчувствиями, измученный и исстрадавшийся, молодой человек, изнемогший в борьбе, которую он выносил в течение сорока восьми часов, почувствовал, что силы изменили ему при виде обрушившегося на его голову несчастья. Он бы легко примирился со своим материальным разорением. Что, в сущности, значила для этого смелого, отважного и неутомимого колониста даже полная потеря всего его имения по сравнению с той катастрофой, какая поразила в нем чувства супруга и отца?

Что сталось с этими дорогими его сердцу существами, более дорогими, чем самая жизнь?! Где теперь его жена, это милое, кроткое, хрупкое и прекрасное существо, вся жизнь которой могла быть резюмирована в двух словах: «любовь» и «самоотречение». А его детки? Эти милые, добрые, искренние и любящие создания, которых любили все в усадьбе, и старые, и малые?! Какие негодяи могли оставаться безучастны к их просьбам и мольбам, какие изверги могли покуситься на их счастье и спокойствие? Какие чудовища могли обидеть таких безобидных и невинных созданий, едва вступивших в жизнь? В каких преступных руках находились они теперь?

Шарль боялся дать себе ответ на эти вопросы. Ему казалось, что он видит отвратительных Мура, под командою беглых каторжников устремляющихся на штурм серингаля... Захваченных врасплох рабочих избивают безжалостно, режут, как овец; его жену и детей хватают негодяи своими грубыми, окровавленными руками; они издеваются над ними, быть может, оскорбляют, бьют и увлекают за собой в дикую пустыню или в леса.

Сраженный этими мыслями, он тяжело упал на землю, как будто силы, поддерживавшие его, вдруг разом иссякли.

Мало-помалу он пришел опять в себя и увидел, что лежит на берегу ручья под большим манговым деревом, куда верный индеец, встревоженный бессознательным состоянием своего господина, отнес его, чтобы не видеть обгорелых остатков их жилища. Сделав это, Табира, не привычный к оказанию помощи в обмороках — недуге,

совершенно неизвестном и непонятном для человека его расы, так как мало-впечатлительные от природы индейцы совершенно не знают обмороков, — все же машинально принялся растирать своего господина подобно тому, как это делается при солнечном ударе; и это отчасти подействовало на больного.

Но, едва придя в себя, Шарль почувствовал страшную боль в сердце, и вместе с этим к нему вернулось и воспоминание о случившемся.

Но Табира был счастлив тем, что его господин ожил, и выражал свою радость громкими возгласами и оживленной пантомимой; вдруг, как бы в ответ на его ликование, откуда-то раздался протяжный жалобный вой.

Вслед за тем громадная собака с окровавленной мордой и изрезанной местами кожей выскочила из кустов, росших по берегу ручья и залива, и кинулась прямо к Шарлю, принявшись лизать ему лицо и руки и прерывая свои ласки веселым коротким лаем, каким эти животные обыкновенно выражают радость.

— Боб! Это ты, мой славный пес? — пробормотал Шарль упавшим голосом, машинально лаская косматую голову животного.

Боб, заслышав свою кличку, принялся весело прыгать вокруг своего господина, не переставая радостно лаять, как будто он был особенно обрадован тем, что его господин узнал его и назвал его по имени. Затем он вдруг чинно и смирно сел подле Шарля и как будто призадумался на мгновение, потом вдруг сорвался с места и с воем кинулся в кусты, откуда только что выбежал.

Шарль, хорошо знавший ум этой собаки, тотчас же сообразил, что там в кустах есть что-нибудь необычайное, что надо пойти и посмотреть. Несмотря на свою слабость, молодой серингуеро готовился уже встать и обыскать кусты, когда собака опять выскочила вперед, а за ней появился человек, бледный, едва державшийся на ногах.

Платье на нем висело клочьями; он шел с трудом, опираясь левой рукой на закопченное от пороха ружье, а в правой держал топор, топорище и лезвие которого были в крови. Длинная ссадина рассекала его щеку почти во всю длину, струйка крови засохла на обнаженной груди.

При виде этого человека индеец навел на него свой ужасный сарбакан, но человек, заметив это, выпустил из рук и ружье, и топор, а затем, увидав Шарля, сидящего на траве под деревом, протянул к нему руки и воскликнул на чистом французском языке голосом, сдавленным от волнения:

— Ах, сударь, вы живы! Благодарение Богу, вы еще живы! Значит, они не убили вас!..

И две крупные слезы сбежали по его загорелому, испачканному кровью лицу.

— Какое несчастье! Господи, какое ужасное несчастье! — продолжал он, заливаясь слезами. — Но не наша в том вина, видит Бог... Мы дрались не на шутку... Бедная барыня!.. Бедные деточки!..

Шарль смотрел на этого человека и узнал, наконец, в нем Винкельмана, прозванного Шоколадом.

Взволнованный и растроганный, он вскочил на ноги при виде человека, так искренне оплакивающего его несчастье, как будто от него пострадал не другой, а он сам. В этот момент Шарль видел в нем только друга, который в тяжелую минуту разделил с ним его горе, как брат с братом, и в порыве благодарности протянул ему руку.

Бывший каторжник вспыхнул от болезненного чувства стыда и волнения, которого он не мог преодолеть, затем сразу побледнел, не смея принять протянутую ему руку.

— Дайте мне вашу руку, Винкельман, — проговорил Шарль голосом убежденным и вместе с тем ласковым, — я хочу пожать руку честного и хорошего человека! Забудьте прошлое. Вы его давно искупили, и отныне смотрите на меня как на вашего друга!

Ободренный этими словами, вылившимися из души и в значении которых нельзя было ошибиться, несчастный гордо выпрямился и, как бы преобразившись, крепко пожал протянутую ему руку, не находя слов для ответа.

— Ну, скажите, что случилось здесь? — продолжал Шарль, снедаемый тревогой. — Скажите все, что вы знаете... Говорите прямо, не бойтесь меня испугать или расстроить. Я теперь силен и могу все слышать! Впрочем, вы ранены, едва держитесь на ногах... Дайте мне осмотреть ваши раны и перевязать их!

— Нет, нет, мы к этому привычны... не извольте беспокоиться, мы и хуже того видали, да живы оставались... Кроме того, кровотечение уже прекратилось. Кровь запеклась и задерживает дальнейшую потерю, я только ослаб; ведь они уж очень много выпустили этой самой крови из меня, но это ничего... Если бы только это, и ничего худшего не случилось, то и горевать бы не стоило... Но если вы позволите, я сяду, силы мои еще невелики. Я расскажу вам в нескольких словах все, что видел.

Когда мы пристали и вас не оказалось с нами, все ваши домашние бмли очень опечалены, но затем стали ожидать вас со стороны сухого пути, а когда вы все не возвращались, ваша супруга стала сильно тревожиться и, наконец, отправила двоих индейцев разыскивать вас. Один из них — тот, который и сейчас еще при вас, а другого я больше не видел. Так как в доме опасались возможного нападения, то негр Бони, распоряжавшийся всем в ваше отсутствие, тотчас же озаботился принять все меры предосторожности и приказал всем готовиться к обороне на случай нападения.

Он роздал всем оружие, приказал очистить все карбеты и хижины и все население их собрал вокруг большого дома. Кроме того, он приказал выбранным им самим людям охранять склады и магазины.

Все было хорошо, и мы не отчаивались. Но, к сожалению, вы все не возвращались, все мы были глубоко огорчены, могу вас уверить, видя, как страдала и беспокоилась ваша жена и плакали ваши детки. Между тем отправиться на розыски нельзя было: наступила ночь, да и никто не знал, в какой стороне вас искать.

Время было близко к полуночи, все огни уже давно погасили; но никто не спал; все караулили дом, склады и амбары, чтобы забить тревогу при первом появлении опасности.

Вдруг собаки, привязанные под верандой, точно ошалели, стали рваться с цепи.

Мы сразу сообразили, что это не могли быть вы с вашими индейцами. Тогда негр Бони крикнул: «Кто идет?» Ответа не было. Но спустя пять минут все хижины и карбеты, расположенные вокруг дома, запылали ярким пламенем. Счастье еще, что все они были пусты, и никого

из людей в них не осталось. Кругом было светло, как среди белого дня. Но нельзя было различить, с какими врагами мы имели дело: так старательно прятались эти негодяи.

Вскоре среди треска горящих строений мы услышали чей-то голос, кричавший нам, чтобы мы сдались и немедленно оставили большой дом.

Этот голос я когда-то слишком часто слышал, и узнал бы его из тысячи голосов. Если я когда-либо в жизни еще встречу этого человека, то, клянусь, он умрет от моей руки.

Тогда Бони, видя, к чему клонится дело, приказал открыть огонь наугад, и мы разом дали один общий залп.

Раздавшиеся в ответ там и сям вопли и проклятия дали нам знать, что не все наши заряды пропали даром.

Потом снова воцарилась полная тишина. Наши противники, видя, что застигнуть нас врасплох не удалось, стали, по-видимому, совещаться.

В продолжение часа нас оставили в покое. Но это напряженное спокойствие не предвещало нам ничего хорошего; мы, старые лесные бродяги, хорошо знали, что еще до рассвета нам придется вынести нешуточный натиск со стороны этих негодяев.

Мы не ошибались. Действительно, нас ждало нечто ужасное.

Карбеты и хижины сгорели, как снопы соломы, и все погрузилось в непроницаемый мрак.

Но вот вдруг появились красные горящие точки во мраке, затем быстрые огненные молнии пронеслись над нашими головами со всех сторон. Послышался свист, и целый град стрел посыпался на крышу, на столбы, на веранду дома и вонзился в здание: негодяи придумали навязать на концы своих стрел пучки сухих листьев, смазанных каучуком, и, зажегши, пускали стрелы на нас.

И вот запылал пожар, страшный, ужасающий пожар. Крыши дома и веранды были объяты пламенем; спустя немного горящие материалы начали падать на нас; оставаться долее в доме не было никакой возможности; надо было бежать.

Оружие у нас было наготове: мы выстроились плотным каре, женщин и детей поместили в середину и направились к пристани, чтобы попытаться спастись на су-

дах; к несчастию, Бони не подумал распорядиться, чтобы наши люди охраняли этот столь важный пункт: все предвидеть так трудно.

Между тем стрелы начали сыпаться на наши головы; мы пытались отвечать, но, увы, не могли увидеть врага, тогда как он видел нас, как на ладони, и бил на выбор.

Наши падали один за другим, пронзенные стрелами, падали, как подкошенная трава: мало-помалу они начали расступаться; некоторые даже бежали и укрывались, где могли.

Но вот мы уже добрались к пристани и думали, что спасены... И что же?! Мы попали в самую гущу этих негодяев, которые поджидали нас там. Они оцепили нас со всех сторон, нападали с саблями и тесками наголо, били, кололи, рубили и резали, как стадо овец.

В наших рядах возникла паника; несчастные негры, которые могли бы еще защищаться, если бы оставались в рядах, кинулись врассыпную, их избивали поодиночке одного за другим.

В этой сутолоке, в этом аду я потерял из виду своих двух товарищей, араба и мартиникийца, неизвестно куда исчезнувших в этой свалке. Знаю только, что и они, наравне с остальными, дрались не хуже других и честно исполнили свой долг.

Но все это было ни к чему; в тот момент, когда я, обессилев, упал, я видел, что мадам и деток схватили негодяи и увлекли куда-то; затем, точно сквозь сон, я видел, что ее увезли на одном из ваших паровых катеров, кажется... однако, могу сказать, что, пока я был в памяти, им не сделали никакого вреда; я думаю, что они увезли их в качестве заложников.

— Ну, а дальше что? — спросил Шарль, весь бледный, со стиснутыми зубами, со сверкающими злобой глазами, жадно слушавший этот рассказ.

— А дальше я ничего больше не видал... Силы изменили мне; я потерял так много крови, что не мог больше держаться на ногах, упал и, вероятно, лишился сознания. Мне смутно помнится, будто Бони, распоряжавшийся всем, а также и его брат были также схвачены негодяями, остальные или бежали или полегли на месте... Я потерял сознание и пришел в себя только несколько часов спустя, когда солнце было уже высоко. Одна из

ваших собак выплыла на берег и принялась выть. Я позвал собаку; она позволила себя погладить и затем осталась подле меня. Тогда только я увидел, что все суда исчезли, точно так же и все тела, которые эти негодяи, вероятно, покидали в воду. Я, по счастливой случайности, упал в кустах, потому меня, вероятно, не нашли; и я избавился от удовольствия попасть на закуску кайманам. Не зная, куда идти, я решил дождаться здесь. Кроме того, я был слишком слаб, чтобы уйти куда-нибудь отсюда. Я устроился, как мог, с собакой в этих кустах. Мы вот уже двое суток кое-как пробавляемся здесь остатками сушеной рыбы да куаком, уцелевшим во время пожара под развалинами одной хижины.

Вот все, что я имею возможность рассказать, сударь, и я только сожалею о том, что не мог сделать больше! Но вы вернулись теперь; значит, не все еще погибло. Правда, нас всего три человека и одна собака, но все же мы еще можем немало сделать!

— Благодарю вас, друг мой, и с благодарностью принимаю ваше великодушное предложение, принимаю так, как вы мне предлагаете: я не могу даже говорить о вознаграждении, так как слишком многим обязан вам; ваши заслуги передо мной из тех, которые ничем не оплачиваются. Человек, рисковавший своею жизнью ради моей семьи, принадлежит к этой семье!

— Ах, сударь, что вы говорите! Возможно ли это? Я, право, не знаю, что мне вам сказать, вам, который сделал так много для меня... для человека, упавшего так низко!.. Клянусь небом, я дам разрубить себя в куски за вас при первом случае, когда это может понадобиться!

В продолжение этого печального рассказа индеец Табира, с трудом понимавший лишь некоторые слова по-французски, несколько отошел в сторону, чтобы на свободе изучить внимательно местность со свойственной его соплеменникам способностью улавливать самые незаметные для другого человека приметы.

Несмотря на его невозмутимое хладнокровие и равнодушие, бедняга краснокожий также глубоко страдал: общее несчастье поразило и его в самое сердце; ведь и его жена и дети исчезли неизвестно куда во время этой страшной катастрофы, но у него не было даже и того

слабого утешения, какое было у его господина, именно: что они еще живы.

Обойдя все место, на котором стоял господский дом, в надежде отыскать какой-нибудь след, обшарив все кругом, обыскав все кусты, индеец вернулся угрюмый, с отчаянием в сердце, к пристани.

Здесь он присел на корточки на берегу и уставился глазами в воду без мысли, без внимания, тупо и равнодушно, как человек, убитый горем.

Раненый Винкельман как раз заканчивал свой рассказ и Шарль горько сожалел, что не уцелело ни одно судно, как вдруг увидел, что Табира, сидевший уже давно совершенно неподвижно, нырнул головой вниз в Арагуари.

Встревоженный плантатор поднялся с места, опасаясь, уж не помешался ли его верный друг. Но спустя минуту индеец вынырнул, держа в руке конец порванного причала, затем, проворно взобравшись на деревянный помост, служивший пристанью, он изо всей силы потянул на себя причал. Шарль и Шоколад бросились к нему на помощь, видя, что ему одному не справиться, — и немного погодя увидели над водой острый нос затопленной пироги.

Вытащить ее на берег, вычерпать, перевернуть и осмотреть со всех сторон для них было делом нескольких минут. Пирога оказалась в полной исправности, борта ничуть не пострадали, и, к довершению благополучия, в маленьком ларе на корме уцелели принадлежности рыбной ловли: лесы, удочки, крючки, несколько острых железных наконечников для остроги, две чашки, деревянное блюдо, довольно глубокое, тесак и довольно большой холщовый просмоленный мешок с мукой куак.

Это, конечно, немного, но в том положении, в каком они находились, и эти запасы являлись для них целым богатством.

Табира, не теряя времени, тотчас же срезал на берегу подходящие сучья и прутья для изготовления древов для острог или гарпунов, в одну минуту приспособил их, как должно, и затем принялся разыскивать дерево, пригодное для весел.

Тем временем Шарль развязал мешок с куаком и с радостью убедился, что содержимое его не пострадало от пребывания в воде.

В этом нет ничего удивительного: просмоленный холст, предназначенный для предохранения муки от чудовищной сырости этой местности, приспособлен так, что в продолжение очень долгого времени не поддается влиянию сырости, почему такие мешки и приняты всеми золотоискателями для доставки провианта на прииски, часто издалека. Вместимость их обыкновенно равняется двадцати пяти килограммам, что составляет установленный вес ноши среднего человека.

Шарль развел водой небольшую долю найденной в ларе муки, так что из нее образовалась густая кашица и, разложив по блюдечкам, знаком пригласил своих товарищей поесть, при этом не забыл и Боба, которого не пришлось уговаривать.

Подкрепив свои силы этой немудреной пищей, все трое принялись за работу и стали делать весла. Эта в сущности не трудная для привычного человека работа подходила к концу, когда Шарль первый прервал продолжительное молчание, которое не решались нарушить ни Шоколад, ни индеец.

— Мне кажется, что я угадал план этих негодяев, — сказал молодой плантатор, обращаясь по-французски к Шоколаду, который также все время думал о последствиях катастрофы и старался придумать средство помочь горю. — Потеряв надежду захватить меня живым в плен, они вздумали заставить меня сдаться на все их условия, захватив, вместо меня, всех членов моей семьи!

— Это несомненно так, но я не вижу их цели: что им, собственно, нужно?

— Денег! Весьма возможно, даже вероятно, что именно денег! Но в таком случае зачем им было уничтожать до основания мой серингаль, жечь магазины и склады, переполненные товарами, разорять всю плантацию и таким образом лишить меня возможности уплатить им выкуп?

— Может быть, они рассчитывали на кредит, которым вы можете пользоваться в Паре и в Кайене?!

— Да, вы, пожалуй, правы! Вероятно, это так! Когда они найдут надежное и безопасное место, где скрыть моих детей и жену, то, наверное, пришлют мне своего посланца с поручением предъявить мне их требования... Теперь мне становится ясно, зачем они увели или затопили все мои суда: это для того, чтобы я не мог уйти отсюда и чтобы они могли найти меня здесь!

— Я тоже полагаю, что это так! — подтвердил Шоколад.

— Они не могли ожидать, что Табира сумеет увидеть и вытащить умышленно затопленную ими пирогу!

— Теперь остается только определить, в каком направлении они ушли отсюда! По моему мнению, они едва ли могли укрыться на правом берегу Арагуари: они побоялись бы соседства с бразильцами Макана, а потому, несомненно, остались где-нибудь на левом берегу.

— Ага! Мне кажется, я догадываюсь: с ними бразильские мулаты; они хорошо знают область озер, эту непроходимую местность, лежащую между Мапою и тем местом, где Тартаругал теряется в озере Двух Устьев — это место самое подходящее для них! Эта часть Спорной территории расположена таким образом, что может считаться совершенно недоступной для каждого, кто не знаком близко с ее характером и особенностями почвы. Несколько решительных и смелых парней могут там отстоять себя против целой армии. Апурема, тот левый приток Арагуари, который я исследовал самым тщательным образом для своих промышленных целей, образует собою естественный канал, соединяющий Арагуари с Тартаругалом, а затем и с озерами.. Туда они и бежали; это не подлежит сомнению! Как ты думаешь, Табира? — добавил Шарль, повторив слово в слово все вышесказанное на туземном наречии.

— Я с тобой согласен, господин! — отозвался индеец.

— Значит, мы туда и направимся!

— Одни?.. Все трое? — глухим гортанным голосом осведомился индеец.

— Нет, ты останешься здесь, если хочешь, мой славный Табира... Ведь и тебе надо разыскать твою жену и детей!

— Нет, господин, куда ты пойдешь, туда и я! Нанула — смелая и отважная дочь Мундуруку; или она умерла — и тогда я отомщу за нее, — или же она жива и сумеет вернуться к нашим братьям, к людям нашего племени. Нанула смела, сильна и ловка, как воин... Лес не имеет тайн для нее; рука ее умеет владеть и веслом, и луком; ее стрела бьет метко и сильно... дети Табиры пойдут за своей матерью и не отстанут от нее. А я останусь с тобой!

— Пусть так, мой верный друг! — сказал Шарль, зная, что индеец никогда не изменит раз принятого решения. — Идем!

— Я, конечно, не смею давать вам советы, сударь, или возражать против ваших распоряжений, — вмешался Шоколад, — но попросил бы вас разрешить мне высказать одну мысль, которая сейчас мелькнула у меня в голове!

— Говорите, друг мой, я охотно выслушаю вас!

— Видите ли, сударь, я слышал, с тех пор как живу здесь, что тут, на самой реке, есть военный пост; может быть, эти бразильские солдаты могли бы оказать вам содействие в этом деле?!

Шарль печально улыбнулся.

— Вы говорите о военном поселении Педро II, этом небольшом посте, состоящем из двадцати пяти человек несчастных индейцев Тануйев под командою одного бразильского офицера и одного полицейского комиссара? О них нечего и думать! Во-первых, этот пост уже с полгода оставлен по случаю страшной эпидемии натуральной оспы, унесшей почти весь маленький гарнизон; во-вторых, эти бразильцы, видя в нас, французах, завоевателей их земель, на которые они сами зарятся, ни перед чем не остановятся, чтобы повредить нам, и вместо помощи скорее будут склонны радоваться постигшему меня несчастью. Нет, друг, мы можем рассчитывать только на самих себя! В сущности, оно даже, пожалуй, и лучше, что нас так мало и мы почти безоружны: это является охраной тех несчастных, что находятся теперь во власти похитителей, самые интересы которых могут служить гарантией нашей безопасности! Итак, идем!

Глава V

На пироге. — След. — Красноперая стрела. — Встреча на берегу. — Негр Бони-Лоомн. — Вести об отступающих. — Берега Апуремы. — Саванна. — Стада. — Линия водораздела. — Тартаругал-Гранде. — Свидание. — Белые и черные. — Личность Диего вырисовывается. — Выкуп. — Роковой подарок. — Негр своего класса. — Адвокат без дела. — Ради хлеба насущного! — Кража. — Мщение. — На каторге. — Опять деньги. — Ужасные угрозы.

Серингаль Шарля Робэна был расположен всего в нескольких километрах от первого порога Арагуари, вниз по течению. От этого места, некогда столь прекрасного и оживленного, а теперь унылого и безлюдного — всего девяносто километров по прямой линии до слияния Арагуари с Апуремой, т. е., в общей сложности, около ста десяти километров, если принять в расчет извилины реки Арагуари.

Наши трое друзей проехали это расстояние в течение пятнадцати часов. Индеец Табира, бесподобный гребец, за все это время не выпускал из рук весла, кроме тех нескольких минут, в продолжение которых он подкреплял свои силы едой и когда его замещал Шарль, несмотря на энергичный протест эльзасца, хотевшего во что бы то ни стало принять свою долю труда. Впрочем, течение облегчало им плавание и гнало пирогу неудержимо вперед.

Все трое хранили угрюмое молчание, которое только изредка прерывал индеец, жадным взглядом пожиравший все время левый берег реки, ближе к которому он упорно держался все время плавания.

По временам у него вырывалось гортанное восклицание, и он указывал рукой на какой-нибудь изогнутый или помятый лист муку-муку, на какой-нибудь обломленный корень или стебель, как будто чья-то заботливая рука умышленно отметила путь на всем протяжении канала. Так как эти приметы становились очевиднее и все чаще, то наши друзья заключили из этого, что негодяи умышленно хотели обозначить свой путь.

На другой день около полудня путешественники достигли впадения Апуремы; и если в их уме могло еще

таиться хоть малейшее сомнение относительно происхождения подмеченных ими примет, указывавших путь похитителей, то сомнение это должно было само собой рассеяться при виде предмета, очевидно, умышленно оставленного на виду и в таком положении, которое ясно говорило о преднамеренности. Это была длинная красноперая стрела, привязанная горизонтально к двум стволам муку-муку, с концом, обращенным в сторону верховьев притока.

— Вот это ясно! — прошептал Шарль вполголоса. — Ну что же, двинемся вверх по Апуреме!

И они смело двинулись вперед по этой реке, которая, как мы уже говорили выше, соединяет Арагуари с Тартаругалом и с системой озер.

Слияние Апуремы находится всего в тридцати километрах по прямой линии от Тартаругал-Гранде, но его сильно извилистое течение описывает бесконечный ряд поворотов, удваивающих, если не утраивающих это расстояние, тем более, что самая линия русла этой реки описывает громадную дугу по отношению к прямой, которая является как бы тетивой по отношению к луку, изображаемому рекой.

Вскоре, однако, приметы и указания, столь частые по берегу Арагуари, стали пропадать. Впрочем, Шарль этим не тревожился, уверенный, что в недалеком будущем все ему станет ясно. Действительно, он был прав. Не прошло и двух часов, как их пирога шла вверх по течению Апуремы, быстро суживающейся в своем верхнем течении, когда за крутым поворотом реки они вдруг увидели впереди себя пирогу, где находилось трое негров. Из них двое сидели на веслах, а третий мог быть назван пассажиром.

В тот момент, когда обе пироги должны были встретиться, громкое восклицание вырвалось из уст негра-пассажира.

— Господин, это — я!

— Ты, Лоомн? Откуда ты? Куда направляешься, мой добрый товарищ? Есть у тебя какие-нибудь известия?

— Да, да, господин. Меня послали в сторону усадьбы, чтобы я разыскал вас. Госпожа и детки живы и здоровы; им никакого вреда не сделали!

— Спасибо, мой добрый Лооми... Твои слова возвращают мне жизнь! — воскликнул молодой человек с глубоким вздохом облегчения. — Но где же другие? Где твоя жена и дети, где семьи наших индейцев, наших рабочих-негров? Где все они?

— Они все спаслись, бежали в леса... Мура не могли их догнать, и каторжники тоже не нашли никого и никого не задержали!

— Ну, тем лучше! Но чем они будут жить там, в лесу?..

— Об этом не беспокойтесь, господин: в лесу много зверей, птиц, и они тоже не умирают от голода! Поспеши, господин, в деревню между озер; там ты найдешь свою госпожу и детей...

— Кто тебя послал, Лооми?

— Большой безобразный негр, который злее скорпиона и безобразнее жабы.

Обе пироги во время разговора господина с негром удерживались на одном месте веслами.

— И чего же хочет от меня этот негр?..

— Не знаю, господин; он держит в хижине под стражей госпожу, детей и моего брата!

— А почему он не отправил твоего брата вместе с тобой?

— Не знаю, господин!

— Кто привел мою жену и детей в эту деревню?

— Каторжники и португальские мулаты!

— А те негры, что сопровождали безобразного негра, кто они такие? Откуда?

— Это негры из Озерной деревни... Но надо нам спешить туда, господин; я думаю, что этот безобразный негр хочет потребовать от вас очень много денег.

— Ну и пусть себе требует! Во всяком случае, поспешим туда, в эту деревню... Я сгораю от нетерпения узнать поскорее, в чем дело!

Пирога, на которой находился Лооми и двое негров, за все время не проронивших ни звука, проворно повернула и пошла впереди пироги француза, как бы указывая путь.

Шарль и его двое спутников плыли следом за передней пирогой на расстоянии двух пирог.

Вскоре вид местности резко изменился, так что всего через каких—нибудь два часа путешественники увидели

себя в совершенно иной стране. Река, суживаясь все более и более, превратилась теперь в ручей шириною не более десяти метров. Громадные деревья, растущие только по берегам больших рек, уступили место особого рода ивняку и Mauritia flexuosa и другой растительности, обыкновенно обрамляющей «игараны», то есть лесные ручьи.

Нет ничего прекраснее этих стройных красивых пальм, чарующих глаз в экваториальных прериях Америки, подобно тому, как стройные тополя украшают наши европейские луга.

Эти маврикии, на которых целыми стаями живут болтливые попугаи и яркие ара, в засохшем состоянии подобны стройным колоннам старых греческих храмов, увитых плющом и повиликой, по которым проворно бегают ящерицы; находясь же в полном цвету, стройные и величественные, развернувшие на высоком прямом, как колонна, стволе десять-двенадцать больших зеленых опахал, образующих как бы канитель колонны, украшенные громадными гроздями, превосходящими по величине куль с мукой и содержащими зерна величиною с яблоко, маврикии, или гвианские пальмы, колышатся при малейшем ветерке, и их громадные, веерообразные листья шумят точно лес перед грозой у нас, в Европе.

Почти всегда некоторые из этих опахал, засохшие и мертвые, подламываются и свешиваются вдоль ствола до того момента, когда они упадут на землю и усеют почву своими ломкими остатками.

Растут эти маврикии целыми семьями, почти вытесняя всякую другую растительность, иногда заполонив своими стройными рядами громадную площадь, так что не видно конца-края; иногда же образуют только узкую кайму дрожащих вершин, любующихся своим отражением в водах ручья, бегущего в их тени.

Но вот лес вдруг уступил место кампо, великой гвианской прерии, раскинувшейся от Ойапокка до устья Амазонки и тянущейся по левому берегу богатырской реки вплоть до Рио-Ямпуда.

Эта прерия, представляющая собою то тонкое, даже и в сухое время года, болото, то спаленное солнцем пастбище горных плато, виднелась сквозь прогалины, образовавшиеся между стволами маврикии, местами вырубленными или погибшими от различных причин.

Сочные пастбища, орошенные ручьями, быстро бегущими по светлому дну, или неподвижными, точно застывшими водами озер, манили к себе почти совершенно дикие стада обильной и лакомой пищей. Телки и телята резвились вокруг своих маток, а величавые и ленивые быки с высоко поднятыми рогами и блестящими мордами зорко оглядывали местность своими большими спокойными глазами, готовые во всякое время неудержимо устремиться на всякого обидчика, будь то ягуар или иной пират кампо.

Дальше река с трудом пробивалась, извиваясь на протяжении нескольких километров в глубокой лощине, которую она затопляла в дождливое время года. Даже палящие лучи солнца не успели еще совершенно высушить эту низину, все еще тонкую и болотистую, сверкающую сотнями маленьких зеленоватых лужиц, дышащих вредными испарениями, болотными лихорадками и несущими в себе заразу.

А еще дальше река превратилась уже просто в узкий канал, протекающий через сплошное болото, поросшее осокой, тростниками и толстолистными водяными растениями с листьями блестящего темно-зеленого цвета и бледно-желтыми стеблями, обычно называемыми кувшинками. Были тут и другие водяные растения с листьями круглыми, как тарелки.

Впоследствии от разложения всех этих растений, образовавших под водою сплошную сеть корней и побегов, появится слой почвы, на которой будут расти мукумуку, а последние упрочат ее в свою очередь своими отбросами и затем вымрут, подняв и осушив почву и подпочву; и тогда на их месте вырастут травы прерии.

Между тем Апурема суживалась все больше и больше; ее ширина едва достигала нескольких метров, но она оставалась по-прежнему быстрой и глубокой. Берега пологие и сухие, а вдали уже виднелся и сам Тартаругал-Гранде*.

Шарль догадался, что в этот момент их пироги проходили едва заметную линию водораздела между Тартаругал-Гранде и Апуремой, так как существует сообщение

---

* *Слово Тартаругал — на наречии индейцев племени тупи означает крупную черепаху.*

между обоими бассейнами в течение восьми месяцев в году.

Настала ночь, и пришлось остановиться. Поскольку гамаков не было, то заночевали в пирогах, предварительно крепко привязав их причалами к прибрежным кустам.

На другой день с рассветом обе пироги вышли из Апуремы и вошли в поперечный канал, пролегающий по низине, затем вышли из этого канала и вошли в другой, а после четырех часов беспрерывного хода пересекли чудесную светлую реку и пристали у большого карбета в полной исправности, расположенного всего в нескольких саженях от пристани.

Река эта, текущая с востока на запад и достигающая в этом месте шестидесяти метров ширины, — Тартаругал-Гранде.

Пристав к берегу, оба негра-гребца в передней лодке, безмолвные, как два помощника палача, причалили свою пирогу, убрали весла и знаком пригласили спутников серингуеро последовать их примеру.

Затем один из них обратился к Шарлю и, указав ему рукой на карбет, сказал на ломаном португальском языке:

— Вождь здесь! Он ждет тебя, белый человек.

Шарль, не колеблясь, вошел в жилище первобытного типа и очутился лицом к лицу с негром колоссального роста и телосложения, вооруженным с головы до ног, с лицом, одновременно страшным и отталкивающим. Это был Диего.

Человек этот был опрятно одет в синюю матросскую рубашку и цветную ситцевую сорочку; белые холщовые штаны запрятаны наполовину в высокие охотничьи сапоги из рыжей кожи; словом, на нем был праздничный наряд свободного негра. Из-за пояса торчала пара больших револьверов; под рукой лежал тесак, а между ног было зажато хорошее двухствольное охотничье ружье.

Негр встал не торопясь, с самым равнодушным видом при появлении европейца, смотревшего на него скорее с любопытством, чем с тревогой, и указал на индейский стул, изображающий каймана, странно изогнувшегося. На это любезное предложение хозяина

Шарль ответил отрицательным жестом и остался на ногах.

После нескольких минут напряженного, почти мучительного молчания, он, наконец, прервал его, обратившись к негру по-португальски:

— Кто вы такой и чего от меня хотите?

— Право, милостивый государь, — ответил Диего с аффектированной любезностью своим нежным, гармоничным голосом, так странно контрастировавшим с его чудовищной наружностью, — ваши вопросы могли бы, по своей точности и ясности, смутить всякого другого! Я подразумеваю всякого другого негра, так как мои сородичи вообще не отличаются логичностью, методикой и диалектикой. Но я, к счастью, нахожусь в исключительных условиях и потому сумею, вероятно, удовлетворить вас!

После этих слов, произнесенных на превосходнейшем французском языке и притом совершенно свободно, Шарль не мог удержаться от невольного жеста удивления.

— Вы спрашиваете, кто я! — продолжал негр, делая вид, что не заметил его движения. — Здесь меня зовут Диего, т.е. Жак, если хотите; с недавнего времени я вождь не признающих закона негров этой Озерной деревни. Для вас я буду Жак Дориба, простой кандидат прав парижского университета... в ожидании чего-нибудь лучшего. Все это я сказал для того, чтобы поставить вас с собой на равную ногу... кроме цвета кожи... У меня, видите ли, в этом отношении есть свои предубеждения или, если хотите, предрассудки... Чего я хочу? Я хочу, чтобы вы уплатили мне миллион звонкой монетой. Вот, кажется, все, что вы желали знать, господин Робэн, не так ли?

Шарль, настолько же пораженный всем этим, как если бы перед ним заговорил членораздельными словами дикий бык, с минуту положительно недоумевал. Но вскоре, вернув себе полное самообладание, ответил негру, выражение лица которого изображало скверную улыбку:

— Так это вы держите у себя в деревне мою жену и детей?

— Да, я!

— Но по какому праву?

— По праву сильнейшего, как вы видите, и так как вы богаты, то я требую с вас миллион в качестве выкупа за них. Эта цифра мне кажется достаточной для удовлетворения моего самолюбия... Но, быть может, вы считаете ее ниже своего достоинства!

— Довольно издевательств, будем говорить серьезно!

— Я никогда не шучу, когда дело идет о деньгах! — затем, видя, что молодой француз ничего не отвечает, Диего добавил: — Итак, решено, что вы признаете себя обязанным уплатить мне эту сумму чистоганом?

— Вы не в своем уме! Вы — скорее сумасшедший, чем преступник! — воскликнул Шарль. — Допустим даже, что я согласился бы на это условие; где же вы хотите, чтобы я нашел такую сумму, особенно теперь, когда меня разорили вконец, когда погубили мое дело, разогнали всех моих рабочих, уничтожили всю мою флотилию, словом, после того, как меня разорили дотла ваши друзья-каторжники!

— Но я готов поверить вам в кредит! Ваши родственники, колонисты на Марони, богаты, чрезвычайно богаты, это все знают; для них не составит затруднения собрать миллион в Кайене! Ну, а если нет, то вы будете работать, как негр, на негра! Эге! Это будет свет наизнанку! До сих пор негры работали на белых; так пусть же и белые поработают на негра!.. Это маленький реванш племянничков дяди Тома!

— Но скажите, чем я виноват перед вами, что вы, поправ человеческие и божеские права, издеваетесь надо мной и налагаете на меня петлю или выкуп, ни с чем не сообразный?

— Вы говорите о каких-то священных правах. Я их не знаю, а знаю только одно право, повторяю вам, — это право сильного, и я пользуюсь им.

— Ах, негодяй!

— Негодяй?! Сколько вам угодно: эпитеты меня мало трогают!.. У меня нет причин злобствовать против вас лично, но вы богаты, и мне нужно ваше богатство; вы — человек белой расы, и потому я хочу вас сломить, как хотел бы сломить и растоптать всех представителей этой проклятой расы!

— Какое же зло сделали вам люди этой расы, чтобы возбудить в вас такую злобу, такую ненависть, такую алчность и жестокость, совершенно несовместимые с тем образованием, каким вы, по-видимому, обладаете?

— Какое зло, спрашиваете вы? Сейчас скажу! Я всю свою жизнь влачил, как цепь, то добро, которое они мне навязали; я с самого раннего детства был мучеником вашей убийственной цивилизации. Вы не думайте, я не хочу оправдываться в ваших глазах; вам нет никакого дела до того, почему я такой, а не иной; но если я хочу ответить на ваш вопрос, то просто из любви к искусству, если можно так выразиться, да еще потому, что хочу подогревать свою ненависть к подобным вам людям на огне моих воспоминаний.

— Но какое мне дело до этого циничного перечисления всяких чудовищных измышлений?! — воскликнул Шарль.

— Нет, извините! Вы одним словом раздули пепел, прикрывший костер моих чувств, и теперь вы выслушаете меня до конца, я этого хочу! Черт возьми! Мне не каждый день судьба посылает такого слушателя, как вы! Кроме того, сведения о моей особе дадут вам возможность убедиться, насколько бесповоротно мое решение... Впрочем, я буду краток, не беспокойтесь... Я никогда не знал того, что вы называете счастьем, кроме, быть может, самых ранних лет моего детства, когда я был миловидным негритенком, настолько, насколько им может быть несчастный пария человеческого рода!

— А я, воспитывающий негров на равной ноге с моими собственными детьми, не делая разницы...

— Хорошее вы дело делаете, нечего сказать! А подумали ли вы, что будет дальше? Могут ли они и впоследствии быть равными с вашими детьми или другими людьми белой расы, даже будь они много выше этих людей во всех отношениях!.. Отдадите ли вы за них замуж вашу дочь? Позволите ли вы вашему сыну взять себе в жены негритянку? Но к чему все эти вопросы!.. Я был, видите, не глуп, способен и понятлив, и мои успехи в школе выдвинули меня, на мое несчастье, на видное место; наши учителя и наставники стали отмечать меня, на меня обратили особое внимание... Из меня решили сде-

лать «выдающегося» человека, решили дать мне образцовое образование, высшее образование! С этой целью меня отправили во Францию, и я стал пансионером одного из лицеев Парижа за счет моего родного города. О, кто может описать тоску и муки маленького дикаря, дитяти лесов из страны жгучего солнца и широкого простора, изнывающего целыми годами в четырех стенах этой университетской тюрьмы, одинокого, отверженного и всем чуждого среди своих белых сверстников, уже и в ту пору несправедливых, и жестоких, и безжалостных к чернокожему мальчику, не имевшему ни одного друга, ни одного близкого ему человека, не видавшему ни одной ласки, ни дружеского привета, ни пустяшного лакомства!! До самого окончания курса я для всех оставался негром низшего класса!.. Вы меня понимаете? Негр!.. Рабочая скотина!.. Этим все сказано. Для чего же меня лишили свободы, оторвали от родины? По какому праву распорядились мной как вещью? Разве я хотел быть ученым, образованным человеком?! Но это еще не все! Надо было увенчать это доброе дело, довести его до конца. Меня заставили изучать юриспруденцию... все ваши законы, часто жестокие и бессмысленные, всю эту прескучную чепуху вашего законодательства, меня, сына старой негритянки, которой я не мог даже дать куска хлеба на старости лет, не мог облегчить ее горькой доли ни сыновней лаской, ни заработанным грошом... Затем, получив аттестат об окончании курса и кандидатский диплом, я был просто выкинут на улицу; мне прекратили даже субсидию, которою я пользовался, пока учился, и на которую существовал с грехом пополам. И это было вполне естественно, в порядке вещей. Разве я не получил высшего образования? Разве не был ученым, образованным человеком? Разве не имел свободной профессии? Наконец, не пора ли было мне уступить место другим несчастным маленьким неграм из начальной школы, которые ждали там, у себя на родине, своей очереди попасть в лицей и затем стать адвокатами без дела или врачами без практики, или инженерами без построек... Итак, мне предоставлялось самому пробиваться в жизни, как знаю и как умею. Предоставлялось самому доставать себе кусок хлеба. И каждый день, день за днем, надо было добывать

откуда-нибудь, каким-нибудь способом этот хлеб... А на что я, в сущности, был пригоден? Что я был такое? Адвокат! Да их в Париже больше, чем ракушек на берегу моря. К тому же еще негр!

Надо было прежде всего переменить кожу. Кой черт решился бы мне доверить свое дело? Черномазому?! И я узнал тогда нужду, страшную нужду европейского пролетария... нищету больших городов...

В Париже негр должен быть миллионером или чистить прохожим сапоги на улицах — середины нет! И я поступил половым в кафе. «Эй, гарсон, кружку пива!.. Эй, живо, рюмку шартреза!..» «Вот извольте-с... сию минуту-с!..» И за это я получал два су на чай!.. Для этого я учился, получил высшее образование...

Я уже не стану говорить об унижениях, шутках и окриках, которые приходилось выносить бедному Снеговому Кому, как меня остроумно прозвал один веселый посетитель.

Кто сочтет, сколько горечи, обид и желчи скоплялось у меня на дне души, капля за каплей, прежде чем я из этих двух су на чай скопил сумму, которая могла бы окупить мне обратный путь на родину!

Я вернулся беспомощный, не пригодный к ручному труду, без гроша денег, несчастный, а главное, чужой на своей родине, чужой и своим братьям-соплеменникам; я не понимал ни их языка, ни их потребностей, ни их вкусов, ни привычек и обычаев. Я был испорчен, развращен вашей цивилизацией. Я был жертвой этой цивилизации, которая ничего мне не дала и все у меня отняла; я до бешенства жаждал ее утонченных наслаждений, которых едва успел отведать и которые только видел мельком...

Зачем навязали мне эту проклятую цивилизацию, которой я не просил? Зачем сделали из меня ученого, когда я ничего так не желал, как оставаться простым рабочим негром?

И вот, побуждаемый этой ненасытной жаждой наслаждений, я сделался золотоискателем и в конце концов напал на богатую залежь.

Тогда я имел глупость войти в компанию с капиталистами... конечно, людьми белой расы. Они лишили меня моего прииска и разбогатели за мой счет.

Тогда я собрал вокруг себя несколько человек без предрассудков, людей решительных и энергичных, и расправился с негодяями, когда суд отказал мне в удовлетворении. Главный виновник моего разорения поплатился и за себя, и за других... Я был вне себя, я себя не помнил!

Прожив как хищный зверь целых два года, скитаясь по лесам и болотам, я, наконец, подошел к одной деревне. И здесь меня схватили, изнемогающего от голода, покрытого гнойными ранами, умирающего от злокачественной болотной лихорадки. Я не мог даже сопротивляться... И вот я из больницы попал на скамью подсудимых, а затем злополучный Жак, которого вы видите перед собой, был приговорен к десяти годам каторжных работ добрыми и справедливыми господами судьями, конечно, белыми, которые, по-видимому, оказались даже милостивыми к нему.

Вскоре я бежал с каторги и в конце концов добрался до Спорной территории после целого ряда приключений, которые только усилили мою ненависть к людям вашей расы. Здесь я заболел оспой, которая изуродовала меня, как видите. Но нет худа без добра: эта болезнь сделала меня неузнаваемым до такой степени, что те, кого вы сейчас назвали моими друзьями, те беглые каторжники, о которых вы говорите, даже и не подозревают, кто я такой. А теперь я хочу быть богат, хочу обладать золотом, которое может дать решительно все, ведь все на свете продажно, все можно купить! Несколько дней тому назад я уже думал, что достиг своей цели; я был так близок к ней. Я убил человека для того только, чтобы овладеть его золотом... Это был мулат, сдедовательно, полубелый, и я получил только полуудовлетворение; я потешил свое чувство ненависти, но не достиг своей цели: золото его исчезло и его нигде не могли разыскать. Но сегодня счастье снова улыбнулось мне, отдав вас в мои руки. Теперь вы заплатите мне за других. Как видите, у меня нет выбора; кроме того, я так решил и так хочу! Вот вам мой ультиматум: члены вашей семьй, в настоящее время находящиеся в моих руках, будут возвращены вам при уплате выкупа в один миллион франков, который вы можете уплатить мне частями, но все — звонкой монетой. Вы можете уплачивать в счет этой суммы за каждого из чле-

нов вашей семьи по двести тысяч франков, при уплате которых вам будет каждый раз возвращен кто-нибудь из моих пленников. Даю вам три месяца срока до первого платежа, по прошествии же этого срока одного из ваших детей убьют...

При этих словах Шарль дико вскрикнул от отчаяния и вцепился в горло негодяю, как разъяренный тигр.

Но Диего успел высвободиться из его железных пальцев и, придержав в свою очередь обезумевшего от горя и гнева молодого француза, сказал спокойным, насмешливым тоном:

— Осторожнее, милый мой господинчик, осторожнее: такое рукоприкладство не проходит даром; это оплачивается особо. Предупреждаю вас, что первая подобная выходка с вашей стороны будет смертным приговором одного из ваших близких! Надеюсь, вы не столь наивны, чтобы не понимать, что их жизнь — гарантия моей безопасности. А потому поспешите извиниться передо мной и отошлите же этого индейца, который, кажется, целится из своего сарбакана! Между прочим, могу вас успокоить: с вашими ничего неприятного не случится; с ними будут хорошо обходиться... я не намерен вымещать на них свою злобу и ненависть к белой расе; я хочу от вас только денег, а они являются для меня чеками на получение этих денег. И потому, естественно, я буду их беречь и охранять. Я не спрашиваю вас, согласны ли вы на мои условия... Я убежден, что вы все это обдумаете, и ваши размышления приведут к желанным для меня результатам! Итак, ровно через три месяца, день в день и час в час, мои уполномоченные будут ожидать вас здесь, чтобы получить от вас первый взнос. В случае, если вы раньше срока соберете нужную сумму звонкой монетой, то костер, зажженный на вершине горы Тартаругал, известит меня о вашем прибытии, и во всякое время — добро пожаловать. Впрочем, еще одно слово: предупреждаю вас, что ваши возлюбленные херувимы находятся в надежном месте, и похитить их у меня не так-то легко. А если бы вы все-таки вздумали попытаться похитить их, то я не задумаюсь ни минуты отправить их на тот свет. А затем, честь имею кланяться и желаю вам, чтобы Бог богачей был благосклонен к вам! Прощайте, или, вернее, до свидания!

Глава VI

Жалобы Луша и его друзей. — Свобода худшая, чем плен. — Сообщение. — Заговор против Диего. — Планы и замыслы. — У «мерканти». — Ночь репрессий. — Заговорщики. — Хижина вождя. — Громкий храп человека, который больше не проснется. — Подвиг Геркулеса. — Жестокость убийцы. — Свист змеи тригоноцефала. — Страшное видение. — Живой мертвец. — Пойманы в ловушку. — Кто же мертв? — Жертва своего предательства. — Диего обещает расплатиться за все.

— Ну-с, господин Луш, что ты теперь скажешь? Ты наш набольший и умнейшая голова!

— Да что, любезнейший мой Красняк, скажу, что мне решительно нечего вам сказать!

— Ну, а ты, Геркулес, толстяк тяжеловесный, что можешь сказать о нашем настоящем положении? Какое твое мнение?

— Ба! Да я вовсе не для того рожден, чтобы иметь какое-нибудь мнение; вы посмотрите только на меня: разве моя башка так устроена, чтобы размышлять или рассуждать? Я могу только вам сказать, что чертовски скучаю! Вот и все!

— И мы тоже положительно дохнем здесь от скуки! — разом воскликнули каторжники, возившиеся над починкой парового катера, похищенного при разгроме серингаля на Арагуари.

— Хм! А как нас знатно обокрали! — продолжал Красный с горечью. — С того самого дня, когда мы так лихо распростились с «Форелью» и откланялись господам надзирателям острога, мы не Бог весть что выиграли!

— Кто бы мог подумать, что это так выйдет! — вмешался в разговор Кривой, у которого пот струился со лба и рубаха дымилась, как бока загнанной клячи. — Мы думали, что, вырвавшись оттуда, прямо попадем в блаженную страну, где будем пить, сколько влезет, есть до отвала и затем снова пить до одурения, а потом нежиться на солнце, как кайманы... Ну, а на деле вышло...

— Вышло, что нам приходится работать, как неграм... тогда как сами эти негры ничего не делают, проклятые бездельники!

— Что доказывает, что поговорки не всегда говорят правду — и нередко врут! — серьезно и поучительно заметил Луш.

— Как ты легко смотришь на это, старина!

— Ну, а ты смотри иначе, если хочешь, или, вернее, если можешь!

— Конечно, я хотел бы смотреть на это иначе. А вы, товарищи?

— Да, да... и с нас этой жизни хватит!

— Неужели только и есть отрады, что работать, как подневольные, с утра до ночи, да портить себе кровь?!

— И если бы нам хоть платили за это, а то ведь только и награды, что пинки да ругань!

— И выходит, что мы — покорные рабы этих неумытых рож, этих негров, которые заставляют нас работать, как невольников, а потом еще выторговывают у нас каждый кусок лепешки, каждую горсть куака, каждый лоскут сушеной рыбы...

— И ко всему тому, еще никогда не быть уверенным в завтрашнем дне и не понимать ничего из их тарабарщины, кроме нескольких слов, пойманных на лету!

— Воля ваша, это не жизнь! И черт меня побери, если мы не прогадали, когда вырвались из острога на волю!

— Каторжные там — невольники здесь, не все ли это равно? Одно другого стоит!

— Там дальше видно будет! — сказал Луш все так же невозмутимо.

— Да уж и теперь видно. Чего еще смотреть?! Признайся, старина, поступили мы, как дураки, когда спалили усадьбу француза, загоняв ее хозяина. К чему это привело? Что мы выиграли? Ровно ничего? Разве не лучше было бы нам сговориться с ним?

— Да, может быть!

— Он ведь, в сущности, вовсе уж не такой несговорчивый!

— Это правда!

— И если бы хоть эти дураки, португальские мулаты, не затащили нас сюда, мы, быть может, еще что-нибудь могли бы сделать! Мы изловили госпожу плантаторшу и ее выводок, и он, вероятно, щедро раскошелился бы, чтобы получить их обратно!

— Да, а теперь все эти денежки достанутся этому громадному негру, их вождю, этому Диего, который выманит у француза немало червонцев и положит в свой карман.

— Терпение, детки, терпение! — проговорил Луш. — Ведь всего только один месяц, как мы здесь!

— Да, но и этого слишком много!

— Возможно, что и так, не спорю. Но привяжи покрепче свой язычок, да не слишком брани португальцев — это наши единственные друзья здесь!

— Не может быть!

— Что мне лгать?! Я говорю, что знаю, поверь мне! Неужели ты думаешь, что им здесь лучше живется, чем нам, под надзором этого безобразного негра, который одинаково ненавидит и белых, и цветных? Если ты полагаешь, что они здесь счастливее нас, то ошибаешься!

— О, мы все знаем, что им — такая же участь, как и нам. Мы все здесь, как мыши в мышеловке!

— Ну так вот, голубчик, если уж ты потерял терпение, то старый батька Луш утешит тебя доброй вестью: знай, что всему этому скоро конец!

— Скоро? Как скоро?

— Да не позже, чем сегодня ночью!

— Правда?

— Черт возьми! Эта весть ударила мне в голову, как стакан доброй старой тафии.

— Клянусь дьяволом, мне хочется закричать~ «Да здравствует» что-нибудь!

— Не кричи, мой свет, — остановил расходившегося Красного Луш, — и вы, ребята, тоже не кричите, а выслушайте меня: я расскажу вам в двух словах. У этого Диего здесь не одни друзья, — начал каторжник, понизив голос и делая вид, что не отрывается от своей работы. — Против него озлоблены некоторые из сторонников прежнего «даба», то есть вождя, которого он отправил на тот свет накануне нашего прибытия сюда. Эти люди ненавидят его больше, чем желтую лихорадку, но только боятся его.

— Надо думать, такое чудовище, рожденное от каймана и змеи!

— Молчи и не прерывай меня!

— Так вот, наши мулаты пронюхали об этом и хотят воспользоваться этим обстоятельством, чтобы избавиться от этого чудовища!

— Черт побери, это дело опасное!

— Не столь опасное, как ты думаешь! Кроме того, им удалось склонить на свою сторону Жоао, ближайшего друга и наперсника Диего, обещав ему, что он займет место Диего, как только того уберут совсем.

— Это еще надо посмотреть!.. Его ближайший друг... Это, мне кажется, несколько подозрительно!

— Напротив, здесь это в обычае. С тех пор, как существует эта деревня, ближайший друг всегда убивает вождя и наследует ему, а того в свою очередь убивает его ближайший друг.

— И ты говоришь, что это должно совершиться сегодня ночью?

— Непременно сегодня! Жоао должен влить своему другу в тафию какое-то зелье, а затем надлежащим манером перерезать ему глотку.

— А мы... что мы можем сделать? Чем мы можем помочь этому делу?

— Мы будем приберегать себя напоследок, чтобы начать действовать в последний момент, в том случае, если бы эти трусы оробели. Но я думаю, дело обойдется и без нас. Мулаты рвут и мечут, они непременно хотят прикончить его, и мы можем положиться на них. Но у них припасено оружие и для нас, и я полагаю, что мы будем участвовать только ради того, чтобы их числом было больше.

— Ну, хорошо, а затем?

— А затем все будет проще простого; мне известно, что пароход, перовозящий ежемесячно быков из Пары в Кайену, должен проходить здесь на днях. Капитан этого судна, имеющий дела с нашими неграми, должен прибыть сюда с минуты на минуту, его здесь ждут. Ничего не может быть легче, как схватить его за ворот, связать лапы, задние и передние, и бережно уложить на дно парового катера, а затем вскочить туда же самим — и вперед!

— Вперед? Куда?

— Как куда? Заберем с собой мулатов, которые нам сослужат службу лоцманов, благо они эти места хорошо

знают; а когда мы доберемся до парохода, то захватим экипаж и спустим его потихоньку за борт; затем поступим точно так же и с капитаном, если он не захочет быть нам во всем послушен и идти туда, куда мы захотим. Красный — изрядный механик; он справится с машиной, и мы будем полными хозяевами на судне. В наших руках будет настоящий морской пароход, это не дурно!

— Да, действительно, это даже и совсем не дурно! Молодец, старина! Ты не глуп, и башка у тебя не соломой набита!

— О, это еще не все... послушай-ка конец моей сказочки и тогда уже кричи «браво»! Этот Жоао, как-то подвыпив через меру, проболтался, а мулаты себе на ус намотали: через два месяца ровно искатель каучука, тот самый француз-плантатор, который ухитрился сбежать как-то от нас, должен приехать сюда к пристани на большой реке и привезти с собой деньги для Диего, так сказать, часть выкупа за жену и ребят. Кто нам мешает забрать с собой весь выводок, увезти его к себе на судно и потребовать за них выкуп вместо Диего, и вместо него прикарманить деньги колониста?

— Превосходно, старина! Превосходно придумано. А главное, надо будет хорошенько поприжать колониста!

— О, ты можешь в этом отношении положиться на меня! Ну, а теперь молчок все до самой ночи!

Сообщение Луша, как оно ни было неожиданно и необычайно, тем не менее не заключало в себе решительно ничего невероятного.

Так как Диего держал всех в своей деревне под палкой, то мулатам скоро наскучила подобная жизнь, к которой их принуждал этот чернокожий тиран.

Взбешенные подчинением негру, что для них являлось страшным унижением, они решили свергнуть с себя это позорное иго, прикончив Диего.

Они без труда нашли себе сообщников, правда, немногочисленных пока, но верных, так как Диего, которого в душе ненавидели сторонники его предшественника мулата, был ненавидим очень многими и держался только страхом, внушаемым им даже ближайшим друзьям и приверженцам. Мулаты правильно рассчитали, что, вла-

ствуя над людьми страхом, он не мог рассчитывать на их верность, если кучка решительных и энергичных людей пошатнет его власть: тогда, утратив перед ним страх, его бывшие рабы и клевреты первые обратятся против него.

Мулаты с самого начала ловко сумели завладеть симпатиями и расположением населения деревни. Диего, желая также упрочить за собой популярность, отступил от своей обычной строгости, не только разрешив, но даже и поощрив устройство в деревне чего-то вроде лавочки с продажей тафии и разных мелких привозных товаров. В этом заведении обыкновенно собирались все бездельники деревни, а таковым было почти все население.

Поводом, побудившим Диего к этой уступке, являлось прежде всего основательное знание характера его единоплеменников. «Пока негр пьет и имеет, что пить, он ни о чем другом не думает и не помышляет». До тех пор, пока его желудок полон, его ум не работает, а это было на руку Диего, хотевшему без помехи обделывать свои делишки.

Мулаты догадались сыграть на чувствах туземцев, то есть их нежных чувствах к тафии, и опаивали их систематически, насколько только им позволяли средства, и этим заручились благорасположением этих пьяниц, а пьяницами были все без исключения. Свой же план они держали пока в строжайшей тайне и открылись только Лушу и то в самый последний момент, зная, что он и его сообщники являлись их естественными союзниками, и что они могли им пригодиться в случае нужды.

Таким образом заговор имел, несомненно, шансы на удачу, тем более, что Диего ничего не подозревал. Вечер прошел, как всегда. У шинкаря, или маркитанта, много пили, много пели и плясали. Диего также заглянул на часок к маркитанту в сопровождении своего неразлучного друга Жоао; как милостивый монарх, он благосклонно взирал на шумное веселие и разгул своих подданных, затем метнул грозный взгляд в сторону беглых каторжников, державшихся особняком, в стороне, и потом величественно удалился.

Маркитант выпроводил своих посетителей без особой церемонии, как только их карманы опустошились, то

есть не заключали уже в себе ни крупицы золотого песку, игравшего здесь роль ходячей монеты.

Каторжники удалились в отведенную им хижину, где они помещались все вместе; она находилась по соседству с хижиной, занимаемой мулатами.

Еще некоторое время слышалось несвязное бормотание блуждавших по деревне пьяниц, изредка — крик какого-нибудь ненасытного пропойцы, не упившегося еще до полного бесчувствия; затем все затихло и успокоилось — и вся деревня, по-видимому, погрузилась в мирный сон.

Прошло еще около часа времени. Вдруг беглые каторжники, которые не спали от тревожного возбуждения, скорее почуяли, чем услышали, шаги человека, осторожно пробиравшегося босиком. Вскоре на пороге показался мужчина и, издав слабый переливистый свист, условный знак, вошел в помещение.

— Это ты, товарищ? — шепотом спросил вошедшего старый каторжник.

— Я! — ответил бразилец.

— Оружие с тобой?

— Да, все ружья уже заряжены; здесь по ружью на каждого из вас!

— Хорошо... давай!.. Эй вы, ребята, пора! Присоединяйтесь к остальным, а главное, ни звука, чтобы все тихо! Слышите? А ты уверен, товарищ, что негодяй Диего спит? Ты знаешь, с ним шутки плохи... он способен всех нас уложить до последнего, в случае чего!..

— Жоао сделал мне знак, уходя от него, что все обстоит благополучно. Дело сделано. Диего выпил сонное питье... Я только что оттуда и слышал, как он храпит, словно наевшийся боров. Кроме того, я видел и условный знак, оставленный Жоао, — колос маиса, положенный поперек дороги у входа в карбет!

— Если так, то ладно... Ступай вперед, мы за тобой!

Четверо каторжников молча вооружились, захватили с собой тесаки и вышли босые вслед за мулатом; за хижиной их ждали остальные мулаты, к которым они и присоединились, а затем все вместе тронулись крадучись к жилищу Диего.

Все шло как нельзя лучше до сих пор. Но вот нечто непредвиденное расстроило весь этот план, столь простой и прекрасно обдуманный. Жоао, который должен был стоять на страже в нескольких шагах от карбета, где спал мертвым сном, предвестником вечного сна смерти, свирепый вождь, — Жоао не оказалось на посту.

— Проклятые негры, — ворчал Луш, — на них никогда и ни в чем нельзя положиться! Значит, затея не удалась, и самое умное — вернуться восвояси!

— Но, — возразил Геркулес, — раз мы уж начали, то по мне было бы лучше довести дело до конца. Эта скотина храпит, как тюлень, даже отсюда слышно. Можно и без негра обойтись. Я берусь прирезать Диего, как свинью перед праздником.

— Ну, как знаешь, — проговорил Луш, по обыкновению колеблясь между своей обычной трусостью и желанием избавиться от страшного негра. — Кроме того, нас здесь девять человек, хорошо вооруженных; «мясницкое» дело нам тоже знакомо! Почему бы нам, в самом деле, и не справиться одним, без этого негра?!

Пробормотав эту тираду быстро, чуть слышным шепотом, заговорщики, торопясь покончить с начатым делом, смело вошли в карбет, не более роскошный, чем всякий другой, у любого из туземцев.

Это был простой навес из листьев вайе на тонких, но прочных столбах из мутучи, соединенных между собою, вместо стен, бамбуковым плетнем. Три широких открытых отверстия заменяли собою окна и двери: Диего не боялся ни сквозняков, ни мошкары, ни скорпионов и вампиров.

Вся обстановка жилища состояла из нескольких табуретов, двух сундуков, или ларей, и гамака, подвешенного между двумя столбами. Ни часовых, ни ночной стражи Диего не терпел: у него был сон чуткий, как у ягуара, видел он впотьмах также не хуже ягуара, да и силой Бог не обидел его — словом, он всегда мог сам постоять за себя в случае надобности.

Геркулес, шедший впереди, передал свое ружье соседу, чтобы освободить руки, и, подойдя вплотную к гамаку, занес свой тяжелый тесак. Его успевшие привыкнуть к темноте глаза ясно различили сероватый силуэт гама-

ка, слегка отвисшего посредине под тяжестью спящего в нем человека.

Торопясь покончить с кровавым делом, Геркулес, левой рукой придержав одновременно ткань гамака и лежащего в нем человека, быстрым движением провел своим тесаком по неподвижной туше. Спящий издал глухой храп и сделал конвульсивное движение. Геркулес придавил его еще крепче, нанес второй удар тесаком, затем — третий и, наконец, охмелев от запаха горячей свежей крови, льющейся ручьями, принялся с бешенством рубить и колоть давно уже ставшее неподвижным тело.

— Вот тебе, негодяй, за удары хлыста, которыми ты нас потчуешь! Получи, мерзавец! Я хотел бы, чтобы у тебя было сто жизней, чтобы отнять отдельно каждую из них! Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! На, получи! — и каторжники, и мулаты, торжествуя столь легкую победу, ликуя, что им удалось порвать цепь, тяготевшую на них, шумно столпились вокруг Геркулеса, неистовствовавшего над своею жертвой.

Вдруг все смолкли и точно застыли на своих местах: позади их раздался быстрый металлический свист, похожий на скрип пилы по металлу. Этот неопределенный звук был всем им хорошо знаком и леденил их души ужасом. Это был свист озлившейся змеи тригоноцефала. Обезумев от страха, они кинулись было к окнам, но в недоумении остановились при виде света, льющегося из соседних жилищ. Перед каждым окном выстроился небольшой отряд негров, вооруженных ружьями. Они кинулись к выходу. Но им навстречу снова раздался зловещий свист тригоноцефала, вслед за ним громкий злорадный хохот. В тот же момент в карбет влетел брошенный снаружи зажженный факел и упал как раз к ногам столпившихся мулатов и каторжников, осветив их, как молнией; одновременно с этим в дверях появилась колоссальная фигура и отталкивающее лицо Диего, со скрещенными на груди руками и торжествующим видом; он стоял в дверях, как грозное привидение, как страшный призрак.

— Диего!.. Диего!.. Это Диего! — стон отчаяния вырвался из уст присутствующих.

— Он самый! — подтвердил насмешливо негр.

— Но тот... тот, что лежит там... Кто же он? — невольно спросил совершенно растерявшийся Геркулес.

У таких людей, как эти преступники, даже в тот момент, когда они попались в западню, реакция совершается удивительно быстро. Не сказав ни слова, не посоветовавшись даже, все они, точно по взаимному соглашению, заранее обдуманному, вскинули ружья и прицелились в негра, продолжающего хохотать.

Но прежде чем они успели спустить курки, Диего с быстротой молнии вытянул вперед руку, вооруженную револьвером, и дал три выстрела один за другим. Трое из мулатов упали, убитые наповал. Остальные, ослепленные вспышками пороха, попятились назад и с минуту колебались. Пять-шесть ружейных дул высовывались из каждого окна, угрожая маленькой кучке убийц, захваченных врасплох и растерявшихся.

— Долой оружие, негодяи! — крикнул Диего, держа их под огнем своего револьвера. — Пусть только один из вас тронется или произнесет хоть одно слово — и я уложу его на месте, как собаку!

— Да что же, — согласился Луш, который всегда является сторонником кротких мер, — раз он не расстреливает нас тут же, всего лучше ему повиноваться. Надо спасать свою шкуру!.. Ладно, ладно, вождь, мы сдаемся! — и, не колеблясь ни минуты, он бросил свое ружье.

— Ну, а вы там, остальные, поторапливайтесь! — резко понукал Диего. — А теперь выходите поодиночке, один за другим, и смотрите, чтобы не было никаких предательских штук, не то я вас живыми изжарю!

Пристыженные, подавленные, осоловелые от страха и удивления, заговорщики машинально повиновались страшному негру и медленно вышли из ловушки, не будучи в состоянии сообразить, каким образом они могли попасться в эту западню.

Сторонники вождя тотчас же схватили их, крепко связали по рукам и ногам с поразительным проворством и ловкостью, затем, покончив с этим делом, остались в ожидании дальнейших распоряжений.

Диего, по-видимому, был чрезвычайно доволен. Его безобразное лицо выражало ужасающую веселость, от которой буквально содрогнулись несчастные.

Гордой, спокойной поступью он подошел к Геркулесу, отвратительно перепачканному кровью, и насмешливо обратился к нему:

— Так это ты сделал эту работу? Это твоих рук дело, верзила? Хм! Черт возьми, ты на руку не ленив... Настоящая мясницкая работа, что и говорить!.. А вот ты желал знать, кого же так хорошо обработал — я сейчас прикажу удовлетворить твое законное любопытство!

С этими словами он сделал знак двоим из своих людей, которые, обрубив веревки, удерживающие гамак, притащили его вместе с трупом и опустили на землю подле великана. Диего выхватил из рук близстоявшего негра факел и, развернув гамак, осветил искаженное конвульсией мертвое лицо Жоао.

— Жоао!.. Это Жоао! — воскликнули хором каторжники, страшно изумленные.

— Да, это глупец Жоао! — подтвердил насмешливо Диего, — Жоао, вливший в мою чашу какое-то сонное питье, которое должно было усыпить меня и предать беззащитным в руки вот этого мясника. Но Диего всегда настороже, он никогда не зевает; он все видит и все замечает, хотя молчит. Диего видел его проделку и, воспользовавшись минутой, когда его друг Жоао отвернулся, подменил его чашу своей; тот, ничего не подозревая, выпил то, что предназначалось мне. Он заснул, а я снес его в свой гамак, уверенный, что эта милая шутка имела целью не только доставить мне приятный крепкий сон, но и нечто другое. Надо было быть очень наивным, чтобы попасть в ловушку, так нехитро подстроенную. И надо было напасть на другого, чем я; надо было знать, что я обучен никому не доверять и всех, и всего остерегаться... Но довольно болтовни! Теперь вы знаете, в чем дело. Довольны вы? Ну и прекрасно, теперь спокойной ночи! Вы устроитесь здесь пока, все вместе: и живые, и мертвые, — а главное, не придумывайте никаких штук, предупреждаю; вас здесь лучше будут сторожить, чем на адмиральском судне «Форель», а завтра мы с вами увидимся. Итак, спокойной ночи, голубчики!.. После трагедии будет комедия. Надо же нам немножечко и позабавиться; здесь, в этой проклятой стране, удовольствия редки, черт возьми... Ну, завтра потанцуем и попляшем, а я заплачу музыкантам.

Глава VII

Диего никому не доверяет, и благо ему. — Приготовления к пытке. — Батоги. — Геркулес в должности палача. — Стойкость мулатов и малодушие белых. — Добавочная раздача. — Палач становится жертвой. — Каким образом Диего предполагает отвязать жертву, не дотрагиваясь до ее уз. — Этот способ состоит просто-напросто в том, чтоб отделить члены тела. — Неумолимая жестокость. — Цинизм. — Искалеченный своими соучастниками. — Диего едва успевает спастись. — Мулат чуть было не становится мстителем. — Повешен за одну руку. — Живой и умирающий. — Посланец. — Тайна.

Диего прекрасно делал, что никому решительно не доверял, не исключая даже своего лучшего друга Жоао, а напротив, остерегаясь его более других.

Тайна заговора, вопреки всему, была свято сохранена до самого последнего момента. Измены не было ни с какой стороны. И Диего всецело обязан только самому себе, своей удивительной чуткости и проницательности цивилизованного дикаря, что он остался жив. Хитрый негр уже давно ввел целую систему надзора, распространявшегося на всех без исключения, а главным образом, на его близких, невзирая ни на какие их уверения и доказательства преданности и верности. И эта система, как видим, вполне оправдала себя.

Не трудно себе представить, какие размышления томили оставшихся в живых заговорщиков в то время, когда, лежа вперемежку с мертвецами в карбете, они ожидали рассвета и решения своей участи. Зная беспощадность и зверство своего врага, ознакомленные с его невероятной изобретательностью в пытках, зная, что они имеют дело с человеком, лишенным, подобно им самим, всяких предрассудков, они не без основания опасались самых страшных репрессий.

Вскоре они должны были узнать, что их ожидало. Уже более получаса, как рассвело. По всей деревне шел глухой гул, и все население ее было в необычайном возбуждении. Те из обитателей деревни, которые не принимали участия ь ночном задержании заговорщиков, теперь уже успели узнать о неудавшейся попытке и ее развязке. Все они комментировали — каждый по-своему — и самый

факт, и вероятные последствия его, и предавались шумной радости, притворной или искренней.

Во всяком случае все были в восторге от предстоящего эпилога этой драмы и, зная нрав своего вождя, заранее были уверены в том, что зрелище будет потрясающее.

Вскоре арестованных, бледных, как мертвецы, с дрожащими коленами и вытянутыми лицами привели на площадь и выстроили под большим манговым деревом.

Диего уже ждал их, стоя посреди группы суетливых туземцев, достаточно накачавшихся тафией, щедро поднесенной вождем, который, вероятно, нашел, что для данного случая следовало несколько подогреть энтузиазм своих сподвижников.

Никакого допроса, суда или следствия, конечно, не было; приговор уже заранее произнесен, оставалось только решить, какая будет казнь.

Несчастных схватили, раздели донага, положили на земле животом вниз и крепко привязали за руки и за ноги к четырем кольям, заранее вбитым в землю.

Только одного Геркулеса не распяли на земле; напротив, у него развязали и руки, и ноги, и он как будто остался на свободе, хотя и окруженный со всех сторон сплошным кольцом вооруженных туземцев.

Диего снова подал знак, и один из негров принес связку прутьев длиною в полтора метра и толщиною в палец, гибких, как хлысты, и крепких, как плеть из носорожьей кожи. Принесший прутья положил их перед Геркулесом, недоумевающим и удивленным.

— Ну, милейший, так как ты вчера ночью добровольно избрал себе роль палача, то продолжай нести его обязанности сегодня и постарайся влепить внушительное нравоучение этим славным ребятам, которых ты видишь перед собой распятыми, как лягушки! — обратился к нему Диего. — По десяти добрых ударов на каждого будет пока достаточно для возбуждения кровообращения. Главное, не щади их, бей, что называется, на совесть, изо всей силы! Если попробуешь схитрить хоть сколько-нибудь, тем хуже будет и для тебя, и для них; помни это!

Несчастный, едва сознавая, что делает, машинально взял в руки прутья и принялся ударять со всего маха по спине ближайшего к нему человека.

Им оказался Луш.

При первом ударе багрово-синий рубец выступил поперек спины старика, который начал выть изо всех сил.

— Недурно! — похвалил Диего. — Недурно. У тебя есть и приемы, и выучка, молодец. Продолжай, приятель!

Удары сыпались один за другим, гулко раздаваясь на тощем старческом теле негодяя, который уже не в состоянии был издавать ничего, кроме хриплых невнятных звуков.

При десятом ударе вся спина его оказалась исполосована кровавыми бороздами, кровь частыми мелкими каплями, словно роса, выступила из-под рубцов; кожа местами повисла клочьями.

— Хорошо, — продолжал беспощадный мучитель, — теперь следующего!

Следующий — Красный, который при виде товарища, подошедшего к нему с палкой, страшно вскрикнул и тем вызвал громкий смех присутствующих.

— Что поделаешь, бедняжка, — обратился к нему Геркулес, весь бледный от волнения, с каплями пота, струящегося по лицу. — Таков приказ!.. Если хочешь, я могу убить тебя разом; тогда ты не будешь так мучаться.

— Стой, не смей глупить! — воскликнул Диего, услыхав слова Геркулеса. — Берегись, если ты осмелишься убить его. Он мне нужен, слышишь? Здесь у нас, в этой дурацкой стране, не больно много механиков, черт возьми!.. Проучи его, как следует, чтобы отбить у него охоту снова приниматься за подобные шутки, как нынче ночью, но пусть он останется жив, не то смотри!!

— Полно, мужайся, Красняк! — прошептал надорванным, жалостливым голосом Луш. — Если можно будет отделаться только одной хорошей поркой, так это еще не так плохо, а то можно было бы и шкуру, и кости оставить здесь!

Впрочем, после минутного малодушия, Красный вынес довольно стойко свое наказание.

Что же касается Косого, то трудно передать то бабье малодушие, какое он проявил. Его крики, слезы и унизительные плаксивые мольбы возмутили мулатов, которые не могли удержаться, чтобы не выказать ему своего презрения.

Совершенно иначе держали себя эти люди. Несмотря на страшные удары, сыпавшиеся на них, ни один из них не издал ни одного стона, ни одной жалобы, ни малейшего звука; сам Диего был поражен таким мужеством и самообладанием.

Покончив с ними, Геркулес решил, что он теперь отбыл свое дело; теперь его только мучила неизвестность относительно ожидающего его самого наказания; он утер рукавом рубашки пот с лица и неуклюже переминался с ноги на ногу, опершись на свое орудие пытки.

— Прекрасно! — одобрил Диего. — Ты превосходно знаешь свое дело, и, право, одно удовольствие смотреть на твою работу! Ведь ты не устал еще, не правда ли? Ну, так начинай снова!

Услыхав это приказание, каторжники, обезумев от страха, принялись выть что есть мочи и отчаянно взмолились о пощаде. Их отчаянные мольбы, видимо, приводили в восторг жестокого негра.

— Ну, довольно! — крикнул он, наконец, резко и гневно, когда несчастные истощили весь свой запас просьб и жалких слов. — Раз вы так ревете и от всей души молите меня, я раздобрюсь и прикажу всыпать каждому из вас по пятнадцати ударов вместо десяти. Эй ты, скотина, ты мне их хорошенько разделай, этих мокрых куриц; пусть запомнят надолго этот урок!

Волей-неволей бедный Геркулес должен был снова приняться за свою постыдную работу, от которой надламывалась даже его здоровая натура.

Луш, Кривой и Красный в полном беспамятстве перестали выть и стонать. Можно было бы подумать, что и мулаты также потеряли сознание, если бы их страшно исполосованные спины не вздрагивали спазматически при каждом ударе, а дыхание не вырывалось с хриплым свистом из конвульсивно сжатых губ.

— Довольно! — сказал, наконец, Диего, который не мог удержаться, чтобы не прошептать сквозь зубы, глядя на мулатов: «Да, это мужчины!»

Он сделал знак, и те же, которые привязывали несчастных к кольям, так же проворно отвязали их, обмыли кровь, струящуюся из ран, и привели в чувства, вливая им в рот изрядное количество крепкой тафии.

— Уф! Наконец-то кончено! — вздохнул дрожащим голосом Луш, приходя в себя. — Но, увы, мне кажется, меня изодрали в клочья, и я чувствую, как будто собаки рвут меня на части!

— Ну что, старик, хватит с тебя? Станешь ты пробовать еще раз убрать меня из числа живущих? Нет? Не правда ли, это обходится дороже, чем ты думал. Но чем строже было наказание, тем оно будет тебе полезнее! — Затем, обернувшись к Геркулесу, добавил: — Ну, а теперь за тобой очередь! Ты проделал вчера эту шутку; значит, по справедливости, должен быть строже других и наказан!

— Что же вы хотите сделать со мной? — воскликнул прерывающимся голосом несчастный, которого ожидание предстоящей пытки сделало слабее и беспомощнее ребенка.

— Сейчас увидишь! Ложись на землю по доброй воле; дай себя привязать за руки и ноги, как и твоих товарищей, а главное, не попробуй сопротивляться, иначе, при первой попытке с твоей стороны, я всажу тебе пулю в лоб.

Но эта громоздкая туша уже была лишена всякой силы сопротивления; в этом бычачьем организме не осталось ни малейшей силы воли. Близость физических страданий до такой степени подавила его, что без малейшего возражения он грузно свалился на землю с отяжелевшими членами, бессмысленным взглядом и лицом, искаженным безумным ужасом.

— Он даже не почувствует ударов батогов! — прошептал про себя Диего и задумался.

Между тем Геркулес после нескольких минут мучительного ожидания вдруг ощутил, что к нему вернулась способность говорить, и начал молить негра о пощаде.

— Ну, уж так и быть, — отозвался, наконец, бесчеловечный мучитель, — я избавлю тебя от батожья!

— Благодарю тебя, вождь, — продолжал несчастный плаксивым голосом обиженного ребенка, — прости меня совсем... не наказывай меня — и у тебя не будет более верного слуги, чем я... Пощади меня, молю тебя, пощади! Прикажи меня отвязать!

— Хорошо, согласен... Пусть твои товарищи освободят тебя от твоих уз! Эй, старик, если ты можешь еще держаться на ногах, возьми тесак и освободи своего товарища!

Луш, недоумевая при виде такого великодушия, по меньшей мере странного в таком человеке, как этот негр, тем не менее взял из рук одного из негров тесак и принялся перерезать им веревки, связывавшие руки Геркулеса.

— Что ты там делаешь? — спросил его Диего.

— Отвязываю руку этого парня!

— Да разве я так велел тебе это сделать?

— Как же иначе?!

— Как ты плохо соображаешь, старик! Я хочу, чтобы эти прекрасные веревки остались целы!

— Но в таком случае...пришлось бы...

— Что?

— Отрубить... отсечь... самый член!

— Ну, так что же? Отсеки или отрежь для начала одну руку, иного средства освободить веревки я не вижу!

— Да это невозможно, вождь! Вы, конечно, изволите шутить... искалечить так товарища!..

— Даю тебе время сказать «сейчас»! А если ты еще будешь колебаться, то я прикажу тебя смазать медом и посадить на солнце, на закуску мухам и мошкаре!

— Так, значит, все-таки надо!.. Но у меня духа не хватает... рука не подымается!

— Ну же, негодяй, поторапливайся! Ведь не за такие же безделицы уголовный суд сослал тебя в Кайену!

Тогда Луш, совершенно истощенный только что вынесенной пыткой, ухватил покрепче свой тесак и приблизился к своему товарищу, принявшемуся реветь, как резаная свинья.

— Бедняга, — пробормотал, запинаясь и глотая слезы, дрожащим голосом старик. — Что поделаешь? Надо покориться!.. Все равно, не я, так другой это сделает... Там у нас на каторге тоже никто не винил палача... Таков приговор, сам понимаешь! Если откажусь я, другой то же сделает, а я лишусь своей шкуры!

— Ну, что же! Я жду! — грозно крикнул Диего.

Луш с трудом наклонился, схватил руку Геркулеса и принялся пилить ее своим тесаком, который был недостаточно остер и плохо резал.

Рев и вой несчастного были так ужасны, так душераздирающи, что многие из зрителей не в состоянии были вынести этого зрелища.

Но Диего, веселый и довольный, с разгоревшимися глазами и вздернутой вверх губой, словно тигр, почуявший запах крови, окинул толпу торжествующим свирепым взглядом, заставившим сразу замолкнуть в сердцах зрителей всякое чувство сострадания к несчастному.

Наконец, Луш отделил в локте отрубленную руку товарища.

— Прекрасно! — одобрил Диего, — сработано на совесть, старина! Теперь за тобой очередь, Красняк! Возьми тесак и ампутируй ему которую-нибудь ногу.

— Рад стараться, господин! — отзывается негодяй. — Я не стану кочевряжиться... всяк за себя... такова наша жизнь... Раз... и два!... Готово... Прикажете еще? — добавил он, отсекши одну ногу с удивительной ловкостью и проворством.

— Нет, довольно! Теперь очередь за Кривым. Я хочу, чтобы все вы приложили руку к этому делу... Эй, да этот детина потерял сознание... ну, да, впрочем, у нас нет времени приводить его в чувство!...

— По крайней мере, дрыгать не будет, — говорит Кривой, желая щегольнуть перед негром таким же цинизмом, как и его товарищ. — Бедняга, когда я работал на бойне, то мне не раз приходилось иметь дело с быками, не столь здоровыми, как ты... но вот и гоово!.. Вот что значит мы! Теперь чья очередь? — спросил он, отдавая тесак, обагренный кровью от конца до рукоятки.

— Твоя! — повелительно сказал Диего одному из мулатов.

С минуту этот человек смотрел на страшно искалеченное тело Геркулеса, не скрывая своего ужаса и отвращения при виде отрубленных членов, из которых длинными струйками текла кровь, красная и пенистая,

затем, собрав все свои силы, вдруг бросился на Диего с занесенным наотмашь тесаком, громко крича:

— Негодяй, ты не будешь больше рубить людей! Изверг!

Порыв этот был так неожидан, движение так быстро, решительно и так неудержимо, что Диего, захваченный врасплох, не успел даже защититься. Тяжелое лезвие тесака с удвоенной отчаянием и бешенством силой уже готово было врезаться в шею жестокого мучителя, который понял, что на этот раз он погиб. Он машинально занес для защиты правую руку, чтобы заслонить лицо, но это удалось ему лишь отчасти. Тесак глубоко врезался в его руку, и рассек плечо до самой кости. Мулат смело занес свое оружие во второй раз, но гигант-негр, не издав ни малейшего звука, не призвав никого к себе на помощь, с проворством и ловкостью хищного зверя увернулся и, обхватив смельчака обеими руками поперек туловища, сдавил его с такою адской силой, что разом переломил ему хребет.

— Молоденек, голубчик! — сказал Диего, холодно и презрительно отбросив мулата, как щенка, на несколько сажень от себя.

Этот поразительный прием вызвал невольный торжествующий вой у присутствующих, до сих пор хранивших молчание.

— Да, ревите теперь! — со злобной насмешкой пробормотал Диего. — А если бы ему посчастливилось убить меня, то вы разорвали бы меня на части! Знаю я вас!

Затем, как будто ничего не случилось, как будто кровь не лилась ручьем по его черной спине, он обернулся к последнему мулату и насмешливо сказал: — Твой товарищ неловок! Ну, а ты что думаешь сделать?

— Постараюсь быть ловчее его, если смогу! — смело и гордо ответил бразилец, не моргнув глазом.

— Значит, если прикажу прикончить эту скотину, которая издыхает, корчась на земле, то ты попробуешь, как и он, убить меня?!

— Да!

— Ну, так знай же, что ты сам изрек сейчас свой смертный приговор! Я приговорил вас, после батожья, к

сравнительно легкому наказанию — казнить частями самого виновного из вас и сделал это только для того, чтобы урок пошел вам впрок. Остальных я милую, убежденный, что они впредь будут благоразумны. Что же касается этого Геркулеса, то оставшаяся рука послужит нам для того, чтобы за нее повесить его на этом манговом дереве! Надо, чтобы он умер не слишком скоро!.. Пусть повисит!..

Вслед за этим Диего отдал шепотом приказание двоим из своих людей, которые тотчас же бегом направились к одной из хижин и вскоре возвратились оттуда, неся две длинные и крепкие веревки из волокон пиасаба и катури (корзину), полную глины. Они схватили Геркулеса, все еще лежащего в глубоком обмороке, смазали толстым слоем мокрой глины кровавые обрубки, обмотали их холщовыми тряпками, чтобы остановить кровоизлияние, и крепко привязали эти примитивные лубки.

Мулат спокойно наблюдал за всеми этими приготовлениями, производившимися умышленно медленно, чтобы продлить его пытку и томление неизвестностью. Это — железный человек, которого ничто не могло смутить.

Его также грубо схватили негры, связали веревками и привязали к телу Геркулеса. Затем один из них надел петлю на единственную оставшуюся руку изуродованного торса, тогда как другой негр, взобравшись на манговое дерево с проворством обезьяны, перекинул другой конец веревки, который он держал в зубах, через крепкий громадный сук дерева, так что конец ее упал на землю.

По знаку вождя кучка негров, очевидно, заранее предупрежденных о своей роли, общими силами ухватили спускающийся с дерева конец веревки и стали тянуть за него изо всех сил, повиснув на нем всею тяжестью своей, как живая гроздь.

— Эй, вы, вздергивай! — скомандовал Диего.

И оба тела, тело умирающего и живого человека, туго связанные одно с другим, начали медленно подыматься вверх, тяжело крутясь в воздухе и вися на единственной обескровленной руке несчастного, скрюченной мертвою судорогой, как когти хищной птицы.

Трое каторжников, затаив дыхание и обезумев от леденящего душу ужаса, совершенно пришибленные и придавленные, тупо и бессмысленно уставились на это страшное зрелище, мысленно рассуждая:

— Как мало нужно было для того, чтобы и нас постигла та же участь!

— Ну, ребятишки, — насмешливо, в виде наставления, проговорил неумолимый негр, которому теперь никто не осмеливался противиться, — надеюсь, что вы будете впредь благоразумны! Праздник наш кончен... Теперь идите к себе и сидите смирно, перевяжите ваши раны и ждите моих приказаний. Вы — свободны!

И все трое поплелись, шатаясь и спотыкаясь, как пьяные, к своему карбету, провожаемые насмешками и издевательствами негров, чрезвычайно довольных тем, что видят белых людей такими униженными и пришибленными, такими поруганными и измученными.

Диего, рана которого все еще сочилась кровью, гордо и спокойно направился к хижине одной старой негритянки, искусной во врачевании ран. Но вот прибежал рослый полунагой негр с бамбуковой тростью в руках и сдавленным голосом, едва переводя дух, сказал ему:

— Господин, Эставао прислал меня сказать, что завтра «Симон Боливар» будет, где тебе известно!

Выслушав эти слова запыхавшегося гонца, обливающегося потом, невозмутимый вождь, вопреки своему обычному хладнокровию и спокойствию, выказал сильное и заметное волнение.

Он затащил едва держащегося на ногах и падающего от изнеможения гонца в свою хижину и жестом дал знать толпившимся вокруг нее людям, что желает остаться один с пришедшим негром.

Зная по опыту, что нужно считаться с волей этого грозного вождя, негры медленно, как бы нехотя, разошлись и тотчас же отправились нализываться тафией, шумно комментируя между собой кровавые события этого утра.

Вскоре на площади не осталось никого, кроме тел двух повешенных, над которыми кружились коршуны, слетевшиеся на пир.

Глава VIII

Трудности снабжения провиантом французской Гвианы. — Недостаток скота. — Быки из Пары. — «Симон Боливар». — Труппа лирических артистов. — Ужасное плавание. — Повальное пьянство на судне. — В канале Морака. — Янгада. — Рулевой. — Капитан с недоверием смотрит на трезвость вновь прибывшего. — Сели на мель. — Бешенство. — Рука Диего. — Капитан, который уже не хозяин больше на своем судне. — Захваченное судно. — Проекты негра. — Почему не республика? — Гибралтар Амазонки. — Соучастие. — Диего и Шарль Робэн.

За более чем двести лет французская колония в Гвиане все еще не разрешила вопроса о своем продовольствии. Как ни странно может показаться подобное явление, а и по сие время эта колония вынуждена прибегать для своего продовольствия к помощи не только соседних с нею стран, но и, главным образом, к помощи своей метрополии.

Ежемесячно Франция поставляет туда муку и консервы всякого рода, мясные, рыбные, зелень и всякие овощи, огромное количество картофеля, луку, бобов, целые транспорты сушеной трески, сахару, кофе и шоколада.

Напрасно вы стали бы возражать, что зелень, овощи и сахарный тростник произрастают здесь почти без культуры, что и кофе, и какао ждут только рук для сбора, что реки Гвианы, быть может, самые рыбные реки всего мира, а скот, особенно быки и свиньи, могли бы размножаться здесь до бесконечности на этих богатейших пастбищах заливных саванн, которые не надо даже обрабатывать или засевать. Несмотря на все это, французская колония не производит решительно ничего, кроме маниока, из которого изготовляется куак и кассава, то есть экваториальный черный хлеб и туземные макароны, составляющие, в соединении с сушеной треской, основное питание местного населения. Что же касается свежего мяса, предназначенного для нужд служебного персонала и административных лиц, для богатых негоциантов, то приходится, не имея возможности вывозить из Франции живой скот, приобретать его в Паре у соседей.

Стоило бы только населить скотом великолепные саванны французской Гвианы, чтобы иметь в изобилии свое мясо, свежее и превосходное, за каких-нибудь пятьдесят сантимов за килограмм. Но местная администрация почему-то предпочитает, вопреки всяким экономическим соображениям, выписывать скот из Бразилии. Таким образом, продовольственные подрядчики, отправляющиеся в бразильскую провинцию для закупки скота по смешной цене, двадцать пять сантимов за килограмм, продают это самое мясо за два — два с четвертью франка за килограмм в Гвиане.

Упомянем еще, что дичь, которая с каждым годом становится все более легендарным лакомством, и рыба, которую здесь ловят некоторые отбывшие срок наказания аннамиты, достигают здесь прямо невероятных расценок в тех редких случаях, когда появляются на базаре.

Несколько небольших судов, отправляясь в Пару за быками, несут каботажную службу по берегу, приставая в Кашинуре, Кунани, Мана и других местах, где они грузят произведения мелкой частной промышленности.

Но так как, вследствие ветров, течений и приливов, рейсы этих судов подвержены такой невероятной нерегулярности, которая может пагубно отозваться на продовольствии колонии, то администрация вошла в соглашение с некоторыми негоциантами, которые обязались совершать на пароходах регулярные рейсы.

Это было все, что администрация могла придумать лучшего, в ожидании того времени, вероятно, весьма отдаленного, когда французские саванны, по меньшей мере столь же прекрасные, как и саванны Пары, будут эксплуатироваться французскими скотопромышленниками.

В то недалекое время, когда происходили события, нами рассказываемые, и совершалась описываемая драма на Спорной территории, колонию обслуживал, в смысле снабжения провиантом, а главное, мясом, небольшой пароход вместимостью триста тонн. Специально построенный для береговой и речной навигации, он имел слабое водоизмещение, а самый корпус его с обшивкой из легкой брони и машиной, приспособленной для топки дровами, вышли из мастерских одного из

Средиземноморских судостроительных заводов. Он имел оснастку трехмачтового голета и 10 человек экипажа, которых за глаза хватало для того, чтобы обслуживать машину и управляться с парусами.

Хозяин этого пароходика назвал его именем героя южноамериканской независимости Симона Боливара.

Матросы и боцман, кочегары и машинисты — все были чернокожие, что, однако, далеко не говорит за то, что эти люди представляли собою хорошую и надежную рабочую силу. Напротив, эти негры очень часто во время плавания и на стоянках в особенности, упивались тафией до самозабвения, плясали, как настоящие негры, как укушенные тропическим тарантулом, в то время, когда надо грузить товары или забирать топливо, состоящее, главным образом, из стволов корнепусков.

Капитаном этого судна был мулат Параэзо, человек лет сорока. Бывший рулевой и лоцман, бывший контрабандист, сохранивший свои прежние связи и сношения с жителями Спорной территории, он был посредственным моряком и человеком, лишенным предрассудков.

В одно прекрасное утро «Симон Боливар» вышел из города Пары со своим обычным грузом, около восьмидесяти голов быков.

Кроме того, пароход, служащий в обычное время исключительно только для перевозки мирных жвачных животных, на этот раз имел еще человек шесть пассажиров опереточной труппы. Это были французы, совершавшие турне по Южной Америке; они были в Рио-де-Жанейро, в Виктории, в Порто-Сегуро, в Бахии, в Пернамбуко и Паре, а теперь собирались вернуться во Францию, проехав через Кайену, Суринам, Демерару и французские Антильские острова.

По-видимому, судьба не баловала этих бедняг, заброшенных судьбой на «Симон Боливар». Все шестеро, трое мужчин и три женщины, скучились в единственном помещении, торжественно называемом салоном, на самом же деле — зловонной конуре, теснота которой могла соперничать разве только с ее неопрятностью. Жестоко качаемые на коротких резких волнах океана, мучимые ужасами морской болезни, ютясь на своих же сундуках и чемоданах или на соломенных грязных морских креслах, задыхаясь среди миазмов, протекающих к ним с палубы,

не будучи в состоянии подняться наверх по лестнице, сплошь загаженной нечистотами, превратившими это судно в клоаку, злополучные артисты с томительным нетерпением ожидали первой пристани.

К счастью для них, на судне был еще пассажир, более привычный к этой ужасной обстановке, устроившийся где-то на корме у штурвала; он время от времени спускался к ним, принося им то плодов, то немного тафии, разведенной водой, то кусок кассавы, и вообще всячески старался облегчить их положение, столь же отвратительное, сколь и тяжелое.

Одни матросы превосходно чувствовали себя, топчась в грязи и навозе сплошь загаженного нечистотами судна, с беззаботным равнодушием черной расы ко всему, что касается чистоты, опрятности и порядка, дули себе тафию, сколько могли, справляли спустя рукава свое дело, исполняя команду капитана лишь после нескольких повторных приказаний и с видимой неохотой и ленью, затем растягивались тут же, где попало, среди грязи и навоза, а проснувшись, снова тянули тафию, пели и ухитрялись еще плясать, выделывая свои диковинные прыжки, к немалому восхищению зрителей, их же товарищей.

Капитан также добросовестно напивался; из всего экипажа в надлежащем виде оставался только один рулевой да механик.

Тем не менее «Симон Боливар» шел себе, ни шатко — ни валко, вперед, не теряя из виду берегов, окаймленных мутными и низкорослыми корнепусками. С наступлением ночи команда бросила якоря, где попало; осторожность необходима при береговом плавании здесь, где абсолютно невозможно плыть впотьмах. Берега низки и плоски и так часто изменяются, благодаря сильным приливам, что от одного плавания до другого лоцман не в состоянии бывает узнать данное место, так как приливом унесло то мыс, то косу, бывшие раньше в этом месте, или же свалило деревья и вехи, обозначавшие путь; в другом месте наносной почвой закупорен канал или передвинута илистая мель.

Оттого суда, совершающие здесь береговые рейсы, весьма часто садятся на мель, что, впрочем, не представ-

ляет особой опасности, так как мели недостаточно плотны, и сняться с них не стоит большого труда.

«Симон Боливар», обогнув мыс, называемый старыми географами Северным Мысом, вошел в канал Марака, отделяющий материк от острова того же имени. Здесь он бросил якоря перед наступлением ночи как раз против болот, тянущихся от линии корнепусков, растущих вдоль берега, и до большого озера Короссоль, или де-Як, открытого Кудро, очертания которого нанесены только пунктиром на превосходной карте Гвианы, составленной Мажэ (Henri Mager).

Хотя на пароходе не было вахтенного матроса во время этих ночных стоянок, все-таки один негр, менее пьяный, чем остальные, и менее сонный, заметил на берегу три огня, расположенные правильным треугольником.

Под влиянием, очевидно, необычайного усердия к службе, он решился предупредить капитана, который, свернувшись в своем гамаке, подвешенном у рулевого колеса, чередовал бесчисленные сигареты с не менее бесчисленными приемами спиртного напитка.

Эти три, несомненно, умышленно зажженные огня, очевидно, означали что-то условное, так как пьяница-капитан испустил трехэтажное ругательство, вылез из своего гамака и, спотыкаясь, сделал несколько шагов по направлению к борту.

Остановясь и покачиваясь на ногах, он навел на эти костры свою подзорную трубу.

— Пусть этот проклятый напиток превратится в яд, если нет опять чего-нибудь в этом треклятом канале!.. Да, да... хорошо... три огня означают, что я должен ждать лоцмана... Пусть меня чума заберет, если мой приятель Диего не драгоценный человек, который всегда решительно обо всем подумает... И он умеет заставить своих людей глядеть в оба, чтобы избавить своего приятеля Амброзио от неприятных случайностей... Значит, все благополучно! Можно пойти и продолжать свою дружественную беседу с этой недопитой еще бутылочкой!

Действительно, капитан Амброзио не ошибся ни относительно значения огней, ни относительно их происхождения. Едва только солнце показалось на

горизонте поутру, еще окутанное густыми туманами, тяжело нависшими над болотом, ках появился в отдалении маленький туземный плот «янгада», построенный из чрезвычайно легких стволов, сплетенных крепкими лианами, и снабженный прямоугольным парусом; управлялся он, вместо руля, досками, называемыми «гуарами», вертикально воткнутыми между бревнами плота; вода действует на них или путем сопротивления или же течением. Человек, управлявший янгадой, был вооружен двухлопастной нагайей. Кроме него, на плоту находилось двое негров.

Капитан сам окликнул их, когда плот подошел на полкабельтова.

— Эгой, с янгады!

— Эгой, с судна! — отозвались оттуда.

— Эй, да это ты, Эставао... Приставай, друг мой... приставай, потихонечку.

— Я сам, капитан Амброзио, здравия желаю!

— И тебе также, друг любзный! Какой ветер занес тебя сюда?

— Меня прислал дон Диего для...

— Ну, хорошо, хорошо... у меня есть пассажиры на судне.

— Хм, неужели?!

— Да... лови причал и живо наверх!

— Есть, капитан! — отозвался негр, взбираясь с легкостью и проворством настоящего гимнаста.

Янгада тотчас же повернулась, круто описав пол-оборота; капитан кинул людям, оставшимся на ней, непочатую бутылку тафии, которая была поймана на лету одним из них, и увлек за собой на корму вновь прибывшего.

— Ну что, Эставао? Что нового?

— Меня мучает жажда, капитан Амброзио, — осклабившись, отвечал негр.

— Да, знаю, но это вовсе не ново... На, пей и отвечай скорее!

— А то, — начал негр, проглотив добрую чашку крепкого напитка, — что наш проклятый канал снова занесло илом!

— Дьявол! И это все, что ты имеешь мне сказать?

— Остальное вам скажет сеньор Диего.

— Значит, я увижу его?

— Может быть! Я ничего больше не знаю. Он меня прислал к вам только для того, чтобы я провел ваше судно.

— Но скажи пожалуйста, сын мой, ты мне за все ручаешься? Знаешь, не глупи, у меня ценный груз и пассажиры на судне... французы... приличные...

— Я постараюсь, как могу, капитан Амброзио!

— Я в этом не сомневался, приятель! Кроме того, ты знаешь, что тебе хорошо заплатят за услугу и еще напоят.

— Знаю, что потрудиться для вас одно удовольствие!.. Но мы здесь болтаем, а время идет; прилив растет! Разрешите мне приказать сняться с якоря. Надо смотреть во все глаза!

— Даже не промыв глаз лишним стаканчиком тафии?!

— Благодарю, капитан, но на этот раз я откажусь; лучше, если позволите, после, когда мы пройдем устье.

— Кой черт, — подумал про себя сеньор Амброзио, — надо полагать, положение должно быть серьезное, если этот парень отказывается от налитой чашки тафии. Но он хорошо знает свое дело; я в нем уверен... Пойду-ка выпить пока...

Действительно, положение должно было быть довольно серьезное, так как лоцман, скомандовав через рупор в машину «ход вперед!», взялся за штурвал и повел «Симона Боливара» с такой уверенностью в себе, что вполне оправдывал доверие к нему капитана.

В течение двух часов пароход, идя под малыми парами, очень счастливо и благополучно лавировал между мелями и банками, загромождавшими узкий канал, но вдруг по судну прошло слабое сотрясение, предшествуемое едва заметным толчком, затем оно разом остановилось.

— Тысяча чертей! — заревел капитан, пробудившийся от толчка. — Мы сели на мель!

Действительно, пароход врезался носом в густую илистую мель и лег на ней, подобно кайману, греющемуся на солнце.

— Ход назад! Полный пар! — закричал громовым голосом пьянчуга, разом протрезвевший при виде опасности, грозящей его судну.

Винт бешено работал, но напрасно; пароход стоял неподвижно, как железная глыба.

— Сели на мель во время прилива! Придется ждать большого вала, чтобы сняться. Ждать, до каких пор? Негодяй, — закричал он на лоцмана, — ты врезался в мель, которой и слепой не мог бы не заметить, и ты еще называешься лоцманом! Да последний юнга, десятилетний мальчишка, сделал бы не хуже!

Капитан начал все более и более тревожиться насчет участи своего судна и последствий этого неприятного случая, так как отлично сознавал, что ждать придется очень долго, а запасы воды и корма для скота рассчитаны в обрез и теперь уже почти вышли. Он рассчитывал восполнить их, по обыкновению, в Мане, а эта задержка могла повлечь за собой в самом непродолжительном времени потерю всего его груза.

Ввиду этого, вместо того, чтобы терпеливо и безучастно ожидать, когда сильный вал снимет его с мели, как это обыкновенно делали чернокожие в подобных случаях, он решился немедленно предпринять что-нибудь, чтобы сняться, не теряя времени.

Приказав спустить шлюпку, он отправился с четырьмя гребцами исследовать характер этой мели, но осмотр привел его в полное отчаяние.

— Знаешь ли ты, негодяй, — обрушился он на лоцмана, — если бы ты захотел умышленно посадить меня на мель, то не мог бы сделать лучше! Весь канал свободен по крайней мере на два кабельтова, — и ты это знал, так как сам только что прошел по нему, чтобы дойти до моей последней стоянки, — и ты посадил пароход на мель, которую должен был видеть за целые полмили! При этом ты не был пьян! Я, право, не знаю, что мне мешает отправить тебя квакать в эту зеленую тюрю!

— Не сердитесь, капитан... Сейчас прибудет дон Диего, он поможет вам сняться.

— Диего! — воскликнул капитан с нескрываемым недоверием. — Что ты мне рассказываешь? Как, разве он не у себя в деревне, на озере или в Мане? Как он может знать, что мы сели на мель?

— Я не знаю! — растерянно пробормотал негр и вдруг весь задрожал, словно от страха. Неожиданное появление парусного судна, шедшего на всех парусах и быстро обог-

нувшего мель, делало дальнейшее разъяснение излишним.

Капитан сразу узнал одно из судов флотилии вождя Озерной деревни.

— При других обстоятельствах и во всякое другое время, — подумал он, — я благословил бы судьбу за его появление, но сегодня, не знаю почему, вид моего приятеля не предвещает мне ничего доброго... Меня окружает какая-то тайна, и я поневоле спрашиваю себя, чем все это кончится!

Между тем тануйя (судно), обогнув мель, вышло в открытое место, затем повернуло и побежало прямо на корму парохода, с искусством, которое вызвало бы невольные аплодисменты у любого опытного моряка. Между двумя судами не осталось и полутора метра расстояния.

Но в данный момент у капитана было совсем другое на уме, нежели восхищение ловкостью маневров.

Едва только суда стали борт к борту, как с парусного судна, точно туча саранчи, налетело человек двадцать полунагих негров, вооруженных с головы до пят. В одно мгновение они рассыпались по палубе с величайшей бесцеремонностью и кольцом окружили недоумевающего капитана.

— Здравствуйте, приятель! — раздался позади его насмешливый голос.

— Здравствуйте, Диего! — ответил мрачно сеньор Амброзио. — Кой черт, чего вы от меня хотите?

— Да только помочь вам, любезнейший; ведь вы, вижу, в затруднительном положении?

— Да, по вине вот этого скота лоцмана, которого вы мне прислали и которого я, к сожалению, не приказал выбросить за борт!

— Это было бы очень печально; бедняга Эставао, посадив вас на мель по моему приказанию, обеспечил ваше благополучие!

— По вашему приказанию!.. Мое судно в опасности по вашему приказанию! Мой груз должен погибнуть... Мои судовладельцы должны разориться!.. Продовольствие Кайены должно пострадать! И все это по вашему приказанию... Воля ваша, ваши шутки зловещи, приятель!

— А вы, приятель, смотрите на все слишком трагически... Постойте, поговорим толком. Вы служите за жалование у судовладельцев, которые дают вам конуру, продовольствие и произвольное количество тафии вдобавок к нищенскому жалованию, совершенно не соответствующему вашим заслугам и знаниям. Только такие маленькие добавочные доходы, как контрабанда да содействие побегам невольников и острожников, позволяют вам при известном риске сводить концы с концами. Примите же мой совет: бросьте эту службу и поступите на службу ко мне!

— Хм, вы советуете поступить на службу к вам? Так ли я слышал?

— Ну, да! Что же тут удивительного! Я дам вам командование хорошим судном, поручу вам хорошие экспедиции, вы будете вести контрабанду на широкую ногу, с легким оттенком пиратства, и приобретете то широкое довольство, тот излишек, который я хочу предоставить всем, кто захочет мне служить верой и правдой!

— Вы говорите, что дадите мне командование хорошим судном? — повторил капитан в недоумении. — Каким судном?

— Да вот этим самым «Симон Боливар», которому мы переменим только название и внешность. Право, я не понимаю, приятель, как вам не претит проводить жизнь в этом зловонном, плавучем хлеве и тратить ваши способности знающего и опытного моряка на такое мерзкое дело!!

— Простите, не понимаю, чем вы мне предлагаете командовать, когда я и так здесь командир... Кроме того, судно это не принадлежит вам!

— Напротив, оно принадлежит мне!

— С каких это пор?

— С того момента, как я здесь на судне! Послушайте, приятель, я буду с вами откровенен и в двух словах разъясню все... и вы сами поймете.

— Ну, а если нет?

— А если нет, то вас сейчас же выкинут за борт, в эту черно-зеленую гущу, и поминай, как звали!

— Говорите, я слушаю!..

— Вы знаете или не знаете, да впрочем это все равно, что я имею намерение и решил основать здесь, на этой

вольной земле, общество людей, которые могли бы по своей численности, своей сплоченности и организации охранять в целости и неприкосновенности свои интересы и свою независимость.

— Так почему уж не сказать сразу: хочу основать здесь республику!

— Да, республику, если хотите! Но для этого мне нужно набрать сторонников, вернее, сподвижников! В рядовых гражданах у меня, конечно, не будет недостатка: все стоящие вне закона, которыми кишит эта область, стекутся ко мне без малейшего зова. Но мне нужны для моей цели средства, чтобы объединить их, организовать в обособленное государство, для этого мне необходимы три вещи: время, деньги и хорошее судно; для начала пока и одного будет достаточно! Время... Через два месяца я сумею собрать несколько тысяч войска. Денег... Я нашел безошибочно верное средство выколачивать деньги, и как только приток денег начнется, мои люди тотчас же будут вооружены и снабжены всеми необходимыми припасами. Судно... У меня есть больше: так как вы, быть может, стали бы колебаться, отдать ли его мне или нет, я счел за лучшее, не говоря вам ни слова, завладеть им. Вы, если пожелаете, будете командовать моими морскими силами и будете набирать людей до тех пор...

— Пока не буду повешен, как пират, на рее какого-нибудь из французских или бразильских крейсеров!

— Но, глупый человек, разве я не сказал вам, что через два месяца могу собрать вокруг себя пять или шесть тысяч человек, которые не побоятся ни Бога, ни черта! Я знаю в области озер такое громадное водное пространство, на котором свободно могла бы маневрировать целая эскадра; Лаго-Ново, укрепленный мною, может стать Гибралтаром Амазонки; все военные силы Бразилии не будут в состоянии выгнать нас оттуда; наконец, если мы будем сильны, то наше существование будет официально признано или, по крайней мере, терпимо, чего с нас для начала достаточно!

— Черт возьми, приятель, вы мне столько насказали!..

— Наконец-то, я с удовольствием вижу, что вы хотите быть благоразумным!

— Ничего больше не остается!

— Нет, нет, я вовсе не этого хочу; я не желаю никакого принуждения, понимаете? Я спрашиваю, принимаете ли вы охотно, с радостью мое предложение и обещаете ли служить, как говорится, верой и правдой, с полным усердием и преданностью?

— Ударим по рукам, приятель! Решено!

— Хорошо, ловлю вас на слове, но знайте, что я буду за вами следить! А теперь, для начала, надо снять судно с мели; это прежде всего; оно сегодня же к ночи должно быть отведено в сохранное место. Я не моряк, но знаю, что для этого достаточно разгрузить судно или, по крайней мере, облегчить его. Прикажите выкинуть за борт быков, а кайенцы пускай на этот раз подтянут свои животы. Через полчаса это будет сделано — и пароход всплывет. А теперь проводите меня в свою каюту и будьте любезны вручить мне ваше оружие, если у вас оно имеется, и все судовые документы.

В продолжение этого довольно длинного разговора одинокий пассажир, не принадлежащий к составу труппы, встревоженный остановкой парохода и смущенный появлением парусного судна, незаметно поднялся вверх по лестнице, ведущей из салона, или кают-компании, наверх, и слышал, оставаясь невидимым в люке, весь разговор между Диего и капитаном.

Уловив из разговора все, что для него было важно, он спокойно спустился в салон и сообщил своим товарищам по несчастью о случившемся, причем в заключение сказал:

— Господа, надо вам вооружиться терпением и мужеством; положение, хотя и тяжелое, и опасное, но все же, быть может, не отчаянное. Кроме того, бандит, во власти которого мы все теперь находимся, имеет надобность во мне... Надо только нам быть вполне солидарными, а затем будем мужественны и терпеливы!

В этот момент Диего в сопровождении капитана появился в раскрытых наполовину дверях общей каюты.

Жест невольного удивления вырвался у него при виде незнакомца, стоявшего впереди группы пассажиров, и безобразное лицо его даже побледнело, т.е. на нем выступили сероватые пятна.

— А-а, господин Робэн! — проговорил он изменившимся голосом, — я не ожидал увидеть вас здесь!

Глава IX

Ради выкупа. — По пути в Пару. — Один. — На борту «Симона Боливара». — Два врага лицом к лицу. Новые пленники. — Душераздирающее прощание. — Из канала Марака в Кайену. — Снятие парохода с мели. — Убежище. — Плавание между водяными зарослями. — Искусство лоцмана Эставао. — Бассейн Озерной. — Превосходная сеть внутренних путей сообщения. — Разговоры, подслушанные непрошенным ухом. — Судно не пройдет. — Снятие мачт. — На озере да-Як. — Возвращение в деревню.

Вот благодаря какому стечению обстоятельств, в сущности весьма простому, Шарль Робэн очутился так кстати лицом к лицу со своим врагом.

Как мы помним, бедный молодой человек был вынужден принять без возражений грубый и жестокий ультиматум Диего, предъявленный во время его первого свидания с ним в карбете, на берегу Тартаругал-Гранде.

Сопротивление в тот момент было немыслимо, и Шарль, который в данных условиях не мог даже помыслить о том, чтобы прибегнуть к силе для освобождения жены и детей, счел себя вынужденным согласиться на условия или, вернее, требования бандита.

В настоящий момент нельзя было терять времени, имея в виду трудности и медлительность сообщений, а также громадность требуемой для выкупа суммы.

В сопровождении верного индейца Табиры и эльзасца Винкельмана, единственных, по-видимому, уцелевших и оставшихся в живых после разгрома серингаля, друзей, Шарль Робэн поспешил спуститься к устью Апуремы. Счастливый случай столкнул его на реке с одним из богатейших скотопромышленников этого края, с которым он изредка поддерживал сношения, дружественные и соседские.

Этот богатый скотовод плыл вверх по реке на своем голете до пристани против своей фазенды. Узнав о катастрофе, случившейся с несчастным молодым серингуеро, он великодушно предоставил в его распоряжение все имевшиеся у него свободные деньги, несколько тысяч франков, а также и свой голет со всем его экипажем.

Шарль принял все это с горячей благодарностью, поблагодарил в немногих сердечных словах этого великодушного и прекрасного человека и тотчас же простился с ним. Расставшись со скотоводом, молодой плантатор спустился по Апуреме до ее слияния с Арагуари, где расстался с Табирою, преподав верному и смышленому индейцу подробные секретные наставления.

С ним остался тогда один эльзасец. Голет поднялся вверх по реке до поста Педро II, откуда ведет самая отвратительнейшая из всех дорог к крепости Макана, весьма гиперболически прозванной бразильцами «Севастополем Амазонки».

Отослав обратно великодушному владельцу его маленькое судно, Шарль пустился пешком по ужасной дороге, ведущей в Макана и тянущейся на протяжении приблизительно ста десяти километров, которые он прошел в два дня.

Здесь он поселился вместе со своим спутником в единственной гостинице города, выжидая прихода одного из пароходов, которые довольно часто ходят вверх и вниз по Амазонке.

Ожидание это продолжалось целых восемь дней; наконец, им удалось попасть в число пассажиров на один из пароходов «Бразильской Компании», делающих регулярные рейсы между Рио-де-Жанейро и Манаосом.

Спустя два дня они пришли в Пару. Хотя и хорошо известный с самой лучшей стороны в этом важном коммерческом центре, Шарль Робэн не мог получить кредита, равного цифре, треуемой Диего для первого взноса.

Впрочем, он и не баюкал себя этой надеждой: один из его корреспондентов, француз, недавно переселившийся в Гвиану, великодушно отдал ему все, что мог, тысяч двадцать франков, но Шарль удержал из этой суммы только то, что ему было необходимо, чтобы добраться до Кайены или, вернее, до Сент-Лорандо-Марони, ближайшего от колонии его отца и братьев цивилизованного местечка.

Остальную сумму он доверил Винкельману, которого также снабдил подробными инструкциями, предоставив ему пользоваться этой суммой, как он найдет лучшим в их интересах.

Эльзасец, тронутый до слез этим доказательством дружбы и доверия, горячо благодарил Шарля и обещал или победить или погибнуть, и это не было пустым хвастовством с его стороны.

Затем Шарль, дороживший каждой минутой оставленного в его распоряжении времени, тотчас же озаботился своим переездом из Пары в Кайену. К несчастью, сообщение между главными пунктами французской колонии и бразильским берегом чрезвычайно редкое, и, потеряв надежду, он собирался уже зафрахтовать лично для себя какой-нибудь голет, когда вдруг узнал о приходе «Симона Боливара», продовольственного судна Кайены. Он без особого труда уговорился с капитаном и сел на пароход вместе с компанией злополучных артистов, которых злая судьба также привела к сеньору Амброзио.

Все, что было дальше, уже известно читателю вплоть до того момента, когда Диего появился на пороге зловонной каюты, предоставленной в распоряжение пассажиров.

— Я не ожидал встретить вас здесь, г. Шарль Робэн! — сказал негодяй, чрезвычайно изумленный при виде молодого плантатора.

— И я вас также! — холодно отозвался Шарль. — У нас не было уговора, когда вы так недостойно обложили меня невероятным выкупом, что вы на первых же шагах встанете мне поперек дороги к выполнению и без того непомерно трудной задачи, возложенной на меня вами!

— Поверьте, я не менее вас сожалею об этой задержке, могущей повредить моим интересам; но не бойтесь, я все это поспешу исправить. Мое парусное судно сейчас же доставит вас в Кайену без малейшего промедления. С таким экипажем, как этот, нет возможности опасаться чего бы то ни было; все это — отъявленные негодяи, но лично мной выдрессированные. Они будут беречь вас как зеницу ока, так как вы представляете собой для меня весьма почтенную сумму, и этого достаточно.

— Я готов отправиться сию же минуту, — сказал Шарль. — Что касается этих лиц, очутившихся здесь по совершенно независящим от них обстоятельствам, то надеюсь, что вы разрешите и им вместе со мной пересесть

на ваше парусное судно, которое должно доставить нас в Кайену!

— Это частные пассажиры? Не правда ли?

— Да.

— Едущие в Кайену?

— Да.

— К сожалению, я не могу исполнить вашей просьбы. Эти люди не имеют надобности молчать, а я вовсе не желаю, чтобы сюда явился один из стационеров Кайены и произвел высадку своей команды. А потому я их задержу у себя; мои планы могут пострадать от их нескромности.

— Так как мне уже известно, что вам совершенно незнакомо понятие «гуманность», то я не стану пытаться пробудить в вас какое-либо чувство сострадания к этим людям, но думаю, что вы все-таки слишком разумны, чтобы совершать совершенно бесполезные преступления!

— Иногда я убивал ради удовольствия или развлечения! — с отвратительной хвастливостью заметил Диего.

Шарль презрительно пожал плечами и продолжал:

— Рано или поздно власти проведают о ваших подвигах, и тогда расплата будет ужасна!

— Тогда мы посмотрим и что-нибудь придумаем! — заметил негр.

— А пока позвольте мне предложить вам то что: эти три несчастных женщины, которых вы видите в таком ужасном состоянии, непременно должны будут погибнуть от анемии и болотных лихорадок, если вы удержите их у себя в Озерной деревне. Позвольте им уехать вместе со мной в Кайену и оставьте у себя в качестве заложников их мужей! Раз вы уже изобрели систему заложников, то жизнь их мужей будет вам ручаться за их полное молчание, а когда я выкуплю своих близких, вы сумеете без малейшего риска отпустить и их.

— Эта комбинация мне кажется допустимой! — небрежно уронил негр после минутного размышления. — Как ни приятен мне вид страданий людей, принадлежащих к вашей проклятой белой расе, я все-таки соглашусь на эту комбинацию, но, конечно, не из гуманности, как вы разумно изволили заметить, а из того же личного

интереса! Ну, а теперь прощайте! Я и так слишком долго разговаривал с вами! Я предпочитаю беседу наедине с кайманами беседе с белыми людьми! — с этими словами Диего повернулся на каблуках и вышел вон.

Едва только за ним затворилась дверь, как зловонная конура, именуемая салоном парохода «Симон Боливар», превратилась в сцену трогательнейшей картины прощания трех актрис с их мужьями. Эти славные женщины ни за что не хотели расставаться со своими товарищами тяжких дней, не хотели оставаться на свободе, когда их мужья будут томиться в плену.

Но мужчины горячо поблагодарили Шарля, крепко пожали ему руку, радуясь этой развязке, которой они никак не могли ожидать.

Душераздирающие вопли огласили каюту; молодые женщины согласны были лучше умереть в этих болотах, чем расстаться со своими возлюбленными супругами, но мужья уговаривали их, просили, умоляли, и Шарль, посторонний свидетель этой трагической сцены, не мог удержаться от слез, при виде столь трогательной любви и привязанности.

Вскоре появление Диего положило конец всем этим душевным излияниям. Приотворив дверь, он обратился к Шарлю со словами:

— Голет мой стоит под парусами; он сейчас отправляется, спешите! И женщины тоже!

— Нет! Нет! — закричали в отчаянии несчастные артистки, заливаясь слезами.

— Эй вы, ребята... Тащи их! — грубо обратился Диего к неграм, стоящим за его спиной. — Ничего церемониться!

— Стой! — крикнул на это один из трех артистов, молодой человек лет двадцати пяти, с правильными чертами и умным, живым лицом.

— Иди, дитя мое, — обратился он к жене, — иди, повинуйся... я этого хочу!.. Прошу тебя, дорогая, иди за ними!

И тихонько, как расплакавшегося ребенка, он взял жену на руки, поднял на палубу и все так же на руках снес ее на голет.

Несмотря на возражения и душераздирающие мольбы остальных женщин, их мужья последовали примеру

своего товарища и снесли на судно бедных подруг в полуобморочном состоянии.

Перед тем как расстаться, молодой артист, пожимая руку Шарля, сказал ему со всем жаром молодого и любящего сердца:

— Услуга, которую вы нам оказали, не оплачивается простою признательностью! Располагайте нами, мы все готовы вам служить, чем только можем!

Шарль в ответ на это в нескольких словах сообщил ему о постигших его несчастьях и добавил:

— Вы увидите там мою жену и моих детей, поручаю их вам! — и, вырвав клочок из своей записной книжки, он быстро набросал карандашом несколько слов и передал записку своему новому другу со словами: «Это ей!»

Затем еще одно дружеское рукопожатие, еще один поцелуй и объятие с женой, и, понукаемые матросами, трое артистов быстро взбежали на пароход, в то время как маленькое парусное судно стало медленно отходить, набирая ветер в свои паруса.

Снятие с мели «Симона Боливара» совершилось без малейшего затруднения, благодаря простейшему средству, предложенному Диего и беспрекословно принятому капитаном Амброзио, который, по-видимому, прекрасно примирился со своим несчастьем. Правда и то, что его новый хозяин пустил в ход самые убедительные аргументы, которым трудно было противоречить.

Несчастных быков кидали за борт, и они грузно падали в самую гущу ила, которая тотчас же поглощала их, к великому удовольствию людей экипажа, остававшихся зрителями, а также и самих экзекуторов, на которых было возложено потопление быков.

Довольные тем, что они губят жизнь хотя бы бедной скотины, ликующие по случаю злой шутки, которую они этим устраивали кайенцам, эти негры, возбужденные еще, кроме того, изрядным количеством тафии, с видимым наслаждением исполняли свою возмутительную обязанность, в которой находили даже какое-то зверское, дикое удовольствие.

Вскоре облегченное судно стало мало-помалу повиноваться действию винта и, наконец, высвободило окончательно свой нос из отвратительной тины, в которой он увяз, и всплыло над желтоватыми водами канала.

Диего, следивший за всей этой процедурой с невозмутимым бесстрастием и видимым равнодушием, которому, однако, противоречило суровое движение бровей и временами складывавшийся в глубокие морщины лоб, обратился теперь к капитану с вопросом, как глубоко сидит его судно в воде.

— Всего один метр двадцать пять сантиметров, без груза, с одним балластом! — ответил Амброзио.

— Хорошо, в таком случае мы пройдем!

— Что же нам теперь делать?

— Увести пароход в укромное место, куда никто не догадается прийти его искать, а именно, в воды озера да-Як!

— Что вы говорите? Это невозможно!

— Полноте! Вы, кажется, немножечко бразилец, не правда ли, и потому верите, что существует нечто невозможное, а я, как ни мало француз, все же твердо помню их старую поговорку: «Невозможного не существует для француза!»

— Ваша поговорка очень красива и звучит гордо в теории, но на практике это не всегда бывает!

— А вот увидите!

— Да что тут видеть; несомненно, что вы посадите нас на мель, но основательнее чем этот раз!

— Пусть так! Но будьте любезны поручить Эставао вести судно!

— Эй, Эставао, слышишь? Берись за руль и проведи нас без приключений в залив!

Эставао молча подошел к рулевому колесу, смело приказал людям проделать некоторые маневры, которые заставили капитана выказать ужас и недоумение на своем лице, и затем безбоязненно направил судно на громадный, казавшийся непроходимой чащей лес водяных зарослей, болотных муку-муку.

— Воля ваша, этот негр не в своем уме! — невольно вырвалось у Амброзио. — Ведь мы погибнем!

— Успокойтесь, Эставао садится на мель не иначе, как только заведомо... Смотрите сами!

Действительно, судно, двигавшееся весьма медленно, врезалось прямо в самую чащу высоких водорослей, мягких и гибких, которые послушно расступились под его форштевнем. Огромные, прямые, негнущиеся и бле-

стящие, как подносы, темно-зеленые листья сами собой ломались под напором судна; сотни цаплей и других водяных птиц с криком вылетели из своих неприступных убежищ и с жалобными криками закружились над громадным чудовищем, извергающим дым и белые облака пара.

— Знаете ли, где мы теперь находимся? — спросил Диего после четверти часа этого странного плавания по дремучему лесу муку-муку.

— Право, ваш Эставао маневрирует, как никто в мире! Я готов отдать свой язык на закуску кайманам, если найдется другой такой лоцман!

— Ведь я же вам говорил! Так вы, вероятно, и не подозреваете, что мы находимся теперь у самого устья пролива, соединяющего канал Марака с озером да-Як, с моим озером! Превосходная водная поверхность, имеющая в длину свыше сорока километров, а в ширину — около тридцати. Этот чудный бассейн изобилует черепахами и пираруку, и в нем я не боюсь всех флотилий Франции и Бразилии!

— Это что-то невероятное! И неужели никто не подозревает существования такого громадного водяного пространства?

— Подозревать-то подозревают, но не знают наверняка. Но это еще не все! И вы не так еще будете удивлены, когда я скажу, что это чудесное озеро не представляет собой закрытого со всех сторон бассейна, где меня легко можно было бы запереть, в случае если бы какими-нибудь судьбами узнали об его существовании. Нет, считая вас отныне моим компаньоном и верным союзником, я не хочу скрывать что-либо, касающееся навигации, и потому скажу, что озеро да-Як, на котором свободно могли бы маневрировать две-три эскадры и на котором будет маневрировать моя эскадра, обеспечивает меня продовольствием на бессчетное число лет — так неимоверно велико его рыбное богатство, а также может своими бесконечными мысами корнепусков, растущих по берегам, снабжать в течение очень многих лет весь мой флот, как бы велик он ни был, превосходнейшим топливом. Это озеро соединено широкими и глубокими проливами со всем этим рядом озер, тянущихся вдоль борега, и я, если мне вздумается, могу беспрепятственно

пройти из озера да-Як в озеро Ветра, из озера Ветра в озеро Флориана, из озера Флориана в озеро Гарсев, из озера Гарсев в озеро Пиратуба и выйти у Северного Мыса в Атлантический океан через пролив Сикурио, замаскированный таким же дремучим лесом муку-муку, как и этот пролив.

— Вы меня поражаете!

— И это еще не все! Если хотите, мы можем еще проследовать вдоль берега с юга на север и продолжать это внутреннее плавание. Таким образом, мы из озера Пиратуба, вместо того, чтобы выходить в океан, можем пройти в озеро Руку, которое также сообщает с океаном несколькими проливами, одинаково хорошо скрытыми от нескромных глаз, так как устья их густо заросли муку-муку и другими водяными гигантами и представляют собой скорее прерию, поросшую высокими травами, чем водяное пространство, доступное для судов. Из этого озера мы можем проникнуть в великолепный Лаго-Ново, усеянный цветущими островками, где можно основать земледельческие колонии для снабжения продовольствием всей страны. А так как Лаго-Ново, в свою очередь, сообщается с Арагуари, то вы сами видите, любезный, что это мое маленькое владение имеет известные достоинства в стратегическом отношении, так как я могу, при желании, свободно разгуливать со своим флотом на пространстве в десять тысяч квадратных километров, благодаря этой сети водных сообщений, положительно единственной в целом мире. Понимаете ли, я могу объявить себя здесь хозяином всей этой страны, изученной и исследованной мною до мельчайших подробностей и известной только мне одному. Кто посмеет явиться сюда и изгнать меня из этих владений, особенно когда у меня будет несколько пароходов и значительное, хорошо вооруженное войско, и хотя бы всего несколько вооруженных митральезами военных шлюпок вдобавок к небольшой флотилии легких пирог с военными командами?! Лоцманы на всем побережье — мои люди; в случае предательства или измены что может быть легче, как преградить вход в каналы деревьями? В непродолжительном времени у меня будут деньги, правда, не особенно большие, но все же их хватит, чтобы вооружить «Симона Боливара» и иметь возможность обложить известной

пошлиной пароходы «Бразильской Компании». В еще более непродолжительном времени у меня будут люди, так как Франция высылает на свою территорию двадцать тысяч рецидивистов-преступников, что доставит мне превосходнейшую коллекцию негодяев и злодеев, которым терять нечего и которые для любого партизанского вождя являются настоящим приобретением. Словом, на нашей стороне будет сила, и очень отважен должен быть тот, кто осмелится пойти против нас! И тогда, как знать, нельзя ли будет, ловко и искусно воспользовавшись взаимным недоброжелательством, существующим между Францией и Бразилией, добиться официального признания меня главой самостоятельного маленького государства, хотя бы даже под протекторатом той или другой из этих двух наций.

— Браво! — с восхищением воскликнул Амброзио. — Грандиозно и ловко задумано! Теперь я вижу, с кем имею дело. Это недюжинная затея. Если до сих пор у меня могла оставаться по отношению к вам какая-нибудь задняя мысль, то отныне знайте, что у вас не будет более верного и усердного помощника, чем я!

Во время этого довольно продолжительного разговора, происходившего на португальском языке, трое артистов, облокотясь на борта парохода, машинально и безучастно наблюдали, как под кормою послушно ломались громадные жесткие листья муку-муку. Капитан и Диего расположились всего в нескольких шагах от них и, по-видимому, не замечали их присутствия, нимало не подозревая, что один из этих трех артистов понял все, от слова до слова.

В тот момент, когда негр равнодушно принимал уверения своего вновь приобретенного союзника, самый молодой из трех французов без малейшей аффектации закинул обе свои руки на шею своих товарищей и, как бы шутя, приблизил их головы к своему лицу так, что уши их почти касались его губ, и едва слышно шепнул:

— Главное, друзья, никогда не проговоритесь, что я уже три года живу в Бразилии и говорю по-португальски почти так же, как по-французски!

Вдруг судно остановилось, повинуясь повелительному голосу Эставао, крикнувшему в рупор в машину «стоп!»

— Ну, что там еще такое? — спросил Диего.

— Никогда нельзя всего предвидеть, — улыбаясь, заметил капитан. — Вы мне не сказали, что пролив окаймлен с обеих сторон высокими деревьями, а я сам этого до сих пор не заметил, настолько был поглощен вашими речами.

— А какое значение могут иметь эти деревья, желал бы я знать? — нахмурившись, осведомился Диего.

— Громадное, как видите, так как они мешают нам идти!

— Каким образом?

— Взгляните сами! Их огромные поперечные сучья задевают за мачты и винты и задерживают пароход, не дают ему пройти!

— Что же нам делать, в таком случае?

— Убрать все мачты и реи!

— Кой черт!

— Не беспокойтесь! Это, конечно, работа немалая и нелегкая, но нас здесь так много, что мы с этим справимся. Это будет просто вопрос времени. Когда «Симон Боливар» будет чист, как понтон, то пройдет где угодно и так же легко, как любая пирога... при условии, конечно, что дно пролива останется одинаковой глубины на всем протяжении!

— Что касается этого, то я могу смело утверждать, что посередине пролив на всем своем протяжении имеет не менее двух метров глубины!

— Если так, то за все остальное я ручаюсь!

Как и предвидел капитан, снятие и уборка мачт и рей, вантов и парусов совершились вполне благополучно, потребовав, однако, целого дня усиленной работы.

Вскоре затем «Симон Боливар» вошел в воды озера да-Як. Здесь пароход был подвергнут полной основательной очистке, после которой не осталось и следа от всех нечистот, которыми было загрязнено все это судно частью от пребывания на нем скота, частью же от чрезвычайной неряшливости и неопрятности вечно пьяного экипажа. Водохранилища были убраны, и все припасы, подверженные порче, свезены с парохода.

Лоцман Эставао, которому это озеро было прекрасно знакомо, избрал небольшую бухточку, окруженную со всех сторон невысокими, но густыми и развесистыми

деревьями, и здесь стал на якорь у самого берега. Для пущей предосторожности, судно пришвартовали еще двумя канатами и с кормы, и с носа, так что оно становилось совершенно неподвижным. После того над палубой был сооружен обширный навес из больших и плотных листьев канны, чтобы предохранить ее от переменного действия солнечных лучей и проливных дождей, а все люки и отверстия тщательно забиты и заколочены.

Четыре человека, прекрасно вооруженных и на верность которых Диего мог положиться, были приставлены охранять судно, после чего экипаж, а также отряд личной стражи вождя вместе с тремя французами-пленниками покинули пароход. Они все разместились в пароходных шлюпках и, два дня спустя, благополучно прибыли в Озерную деревню, где их встретили восторженно.

Глава X

Деликатность. — На Марони. — Конец плавания. — Пристань. — В проливе. — Руль. — Мыс и бухта Кокосовых пальм. — Возврат в родное гнездо. — Старик Ангоссо. — Подымаясь по аллее манговых деревьев. — Тропический дворец. — Два брата. — В семье. — Огорчение. — Гостеприимство. — Военный совет. — Луч надежды. — План кампании. — Пятьдесят килограммов золота. — Что думает сделать Анри? — Будет битва. — Где Диего нашел бы, с кем поговорить.

Благодаря благоприятному ветру и течению, несущему суда с юга-востока на северо-запад, плавание голета было одно из самых быстрых и приятных.

Спустя пятьдесят часов маленькое парусное судно в превосходных руках чернокожих моряков выучки Диего было уже в виду Кайены.

Избавившись от ужасной нечистоты и отвратительного, пропитанного миазмами воздуха парохода и тошнотворного запаха машины, молодые женщины несравненно легче и лучше перенесли эту вторую половину пути.

Если бы не мучительное беспокойство и страшные опасения за участь мужей, то они могли бы считать себя

совершенно счастливыми. Но, увы! Напрасно Шарль старался развлечь их и вывести из того унылого отупения, в какое они впали после страшной разлуки с мужьями, напрасно молодой человек старался успокоить их, он не мог внушить им той надежды и спокойствия духа, каких сам не испытывал по отношению к участи своих близких, и потому мог только горевать вместе с ними.

Но теперь новые и не менее мучительные заботы обрушились на трех молодых женщин.

Их артистическое турне, не будучи безусловно убыточным, не было, вместе с тем, и особенно прибыльным. Маленькая труппа жила, так сказать, изо дня в день скромно делая свое дело и покрывая свои небольшие расходы. В Паре они сели на пароход, несравненно более богатые надеждами, чем звонкой монетой; отправились дальше в расчете на будущие блага, полагая жить на доход с представлений.

Но теперь, когда их маленькая труппа была рассеяна по воле злого рока, что ожидало этих трех женщин, когда, высадившись в Кайене, они без всяких средств очутятся в этой стране, столь негостеприимной к европейцам?!

Шарль без особого труда угадал эту тайную заботу, которую они всячески старались скрыть от него, и, делая вид, будто ничего решительно не подозревает, дал им понять со всевозможной деликатностью, что общее несчастье сблизило их с ним настолько, что он не считает себя вправе предоставить их воле судьбы и просил их не отказываться от гостеприимства его семьи.

А так как те все-таки еще не решались, из чувства крайней щепетильности, согласиться на его предложение, то он нашел средство окончательно склонить их, сказав:

— Гостеприимство во все времена являлось здесь самой священной обязанностью колонистов, от которой мой отец ни разу в жизни не отступал. Наш дом очень велик, а моя мать и мои невестки будут сердечно рады дорогим гостям, вы заранее можете быть уверены в самом сердечном приеме. Наконец, сама справедливость требует, чтобы они берегли вас, пока ваши мужья будут оберегать там мою жену и детей и будут заботиться о них. Таким образом, мы общими усилиями будем содейство-

вать всеобщему освобождению. Теперь вы сами видите, что у вас нет никаких оснований отказываться от гостеприимства моей семьи, а напротив, все говорит за это.

Порешив, наконец, на этом, пассажиры просили командира голета миновать Кайену и дойти до широкого устья Марони; войдя в него, маленькое парусное судно быстро поднялось вверх по течению до Сан-Лорана, но, не приставая здесь, направилось к посту Альбина, находящемуся на голландском берегу этой большой реки; на этом посту находится комиссар, командированный сюда губернатором Суринама.

Этот милый и услужливый господин, в продолжение многих лет поддерживавший самые дружественные отношения с семейством Робэна, радушно принял у себя Шарля и его спутниц, причем выразил некоторое удивление по тому случаю, что так скоро видит его снова здесь, в этих местах, где он еще так недавно был по торговым делам.

Шарль не счел нужным сообщить ему о несчастиях, обрушившихся на него, и попросил только предоставить ему и его спутницам возможно скорее большую пирогу с хорошими и надежными гребцами, неграми Бони, чтобы доставить их без промедления в поместье его отца.

Это было нетрудно, в тот же вечер прекрасное туземное судно с четырьмя рослыми и здоровыми гребцами готово было к отплытию. Из особой предусмотрительности на корме был устроен навес из больших листьев, чтобы предохранить дам от палящих лучей солнца.

Шарль написал длинное письмо жене и предложил трем дамам сделать то же, то есть также написать письма их мужьям; когда все письма были готовы, он вложил все четыре в один общий большой конверт и передал его штурману голета, дав ему приличную сумму за услугу и так же щедро вознаградив и весь экипаж. Он заручился торжественным обещанием, что пакет будет доставлен по назначению.

Голет, имевший достаточное количество запасов и на обратный путь, тотчас же отправился восвояси, тогда как пирога, снабженная всем необходимым, проворно и легко понеслась вверх по реке.

Спустя десять часов времени она благополучно миновала пороги Сан-Хермина, зашла на два часа на

остров Сопити-Казаба и затем продолжала идти вверх по течению километров тридцать.

Ночь провели в гамаках, подвешенных на ветвях больших прибрежных деревьев, а наутро, с рассветом, пирога вошла в небольшой проливчик, в устье которого стояла флотилия семейства Робэн. Здесь же была выстроена и пристань из досок мутуши, далеко выдвинутая над водой для большого удобства. Несколько человек служащих, которым был поручен надзор за судами, постоянно жили здесь, где для них специально были построены несколько просторных хижин, удобно обставленных всем необходимым и окруженных садиками и огородами, где в изобилии росли самые употребительные здесь овощи и плодовые деревья.

Эти служащие тотчас же узнали Шарля Робэна и выбежали его встречать, сердечно приветствуя.

— Отец и брат дома? — спросил он их.

— Да, да! — ответили они почти в один голос.

— Хорошо, благодарю вас, друзья!.. Ну, а вы, — обратился Шарль к гребцам, — приналягте на весла и получите хорошее вознаграждение да, сверх того, хорошее угощение!

Подбодренные таким обещанием, чернокожие гребцы, уже давно знакомые с необычайной щедростью французских колонистов на Марони, навалились на весла изо всех сил, помогая себе однообразным гнусавым подпеванием, и пирога стрелой полетела по спокойным водам канала или, вернее, пролива, который давным-давно был приспособлен колонистами для постоянного пользования, а потому не представлял ни малейших задержек или помех, какие обыкновенно встречаются здесь во всех таких проливчиках.

Быть может, на взгляд, этот пролив, благодаря расчистке и приспособлению к нуждам навигации, утратил отчасти свой живописный вид, но с другой стороны, значительно выиграл в смысле благоустройства и удобства плавания по нему.

Новые регулярные посадки заняли место старых деревьев, этих великанов большого девственного леса, грозивших ежеминутно обрушиться на головы путешественников или, по меньшей мере, преградить им путь. Но двойная аллея бананов, раскинувших по обе стороны

канала свои широколистые шатры, как бы сгибаясь под тяжестью гроздей своих плодов, была не менее приятна для глаза, чем прежняя дикая чаща девственного леса, где прятался скромный карбет робинзонов Гвианы.

Но вот пирога подошла к громадной скалистой запруде, преграждавшей весь канал от одного берега до другого. Однако узенький канал, прорытый человеческой рукой в правом берегу, давал возможность обойти эту каменную запруду и, обогнув ее, снова выйти в пролив, описав небольшой крюк метров в двести.

Теперь всего несколько ударов весел — и пирога плавно пристала к мысу, красиво окаймленному красным песком и украшенному великолепнейшей рощей кокосовых пальм.

Чернокожие гребцы прекратили свою работу и вынесли багаж путешественниц на берег, в то время как Шарль помог им сойти на берег.

Затем вся маленькая группа двинулась с мыса кокосовых пальм по широкой аллее манговых деревьев, по обе стороны которой раскинулись сплошные цветники тех чудесных тропических цветов, которые приводят в такой восторг европейцев. Кассики и туканы оглушительно трещали в блестящей густой листве, из-за которой повсюду выглядывали, словно золотые яблоки с бронзовым отливом, плоды манго, эти соперники наших апельсинов; парочки попугайчиков пролетали над головой, неумолчно перекликаясь; блестящие, точно самоцветные каменья, крошечные колибри жужжали в самые уши, качаясь в чашечках цветов и соперничая с ними в яркости цветов и красоте; а несколько, очевидно, ручных обезьян проделывали в верхних ветвях деревьев акробатические штуки и с наслаждением объедались плодами манго, до которых они были особенные охотницы.

Невзирая на свою озабоченность, Шарль, при виде всей этой очаровательной картины, прелесть которой не могла приесться ему, испытал какое-то особое ощущение, умиротворяющее и вместе умиляющее, которое всегда охватывает человека, как бы мало чувствителен он ни был по натуре, в те моменты, когда после всяких житейских треволнений он возвращается к местам, бывшим колыбелью его ранней молодости и детства.

Затем измученная душа его невольно вернулась к воспоминаниям о его дорогих близких, которые всего несколько месяцев тому назад резвились здесь среди цветов, и глухое рыдание вырвалось из его груди.

— Господин Шарль! — воскликнул вдруг удивленный и полный нежной ласки голос.

Старый негр, высокий и совершенно седой, опрятно одетый в полотняную куртку и такие же панталоны, спешил к нему навстречу с раскрытыми объятиями.

— Да, — печально ответил молодой человек, крепко пожимая руку старика, — это я, мой добрый Ангоссо!

— Надеюсь, не случилось никакого несчастья! Молодая госпожа и детки — все в добром здоровье?

— Увы! Надеюсь, что да!

— Вы не знаете? Значит, случилось несчастье?

— Все дома, не правда ли?

— Да, да... мой добрый маленький белый сыночек старого негра... у тебя, верно, болит сердце...

— Ох, как болит! Ты угадал, мой старый друг!

И так как старик был не в состоянии произнести ни слова и смотрел с недоумением на трех молодых женщин, стоящих тут же и совершенно изнемогающих от усталости и только что пережитых душевных мук, то Шарль добавил:

— Ты все узнаешь, мой добрый Ангоссо! Разве ты не такой же член нашей семьи, как и мы все? А потому и ты возьмешь себе немалую долю нашего общего горя!

Между тем аллея, описав поворот, начала подниматься в гору, и по обе стороны появились кокетливые карбеты, вокруг которых резвились, как маленькие котята, веселые негритенки, черные, как хорошо вычищенный сапог, с крепкими, здоровыми, лоснящимися на солнце телами, точно выточенными из черного дерева. Негритянки, красиво и опрятно одетые в пестрые «камиза», с руками, украшенными широкими серебряными или золочеными браслетами, с многоцветными яркими «мадрас» (повязками из платков) на голове, суетливо хлопотали около огромных корзин среди целого птичьего двора, где блестящие и яркие хокко и торжественные и серьезные агами, похожие на механических игрушечных птиц, и суетливые марайи живут в самом

добром согласии с курами и петухами и даже с лесными тетерками и глухарями.

Мужчины все были на работе, занятые срезанием сахарного тростника, сбором кокосов и кофе, уборкой маниока или же вырубкой леса.

Карбеты встречались все чаще и чаще; это была уже целая деревня.

Аллея все продолжала идти в гору, описала две-три петли и, наконец, разбежалась на две стороны, образуя как бы громадную изгородь вокруг всей усадьбы «Бонн-Мэр», построенной на холме. Этот дом, настоящий дворец тропических стран, представлял собой одно из роскошных жилищ, наподобие тех, какие воздвигают себе богатейшие колонисты; им не приходится считаться ни со временем, ни с пространством, ни с рабочими руками; девственные леса поставляют материалы, способные возбудить зависть набоба; им остается только следовать всем прихотям их личного вкуса, удобства и желаний, чтобы создать в роскошной раме этой изумительной природы воздушный замок, снившийся им в грезах.

Шарль, волнение которого возрастало с каждым шагом, на минуту приостановился, окинул взглядом все строения, расположенные амфитеатром над зеленой лужайкой партера: господский дом-дворец, конюшни и склады, ткацкие мастерские, столярные и тележные мастерские, немного в стороне кузница и, наконец, гимнастическая площадка с трапециями, столбами, качелями и гигантскими шагами, на которых висели и прыгали дети с веселым криком и смехом. Среди всех этих строений с лиственными кровлями, побуревшими под влиянием солнца и дождей, так красиво гармонирующих с темной зеленью деревьев, в тени которых они приютились, возвышался большой барский дом.

Это внушительное здание, построенное целиком из самых драгоценных деревьев, устройством своим, в общем, напоминало господский дом серингаля на Арагуари, но только более колоссальных размеров, так как в нем могли свободно поселиться пять или шесть семейств.

На веранде был развешен целый ряд белых гамаков, из которых многие были заняты, так как теперь как раз настало время «сиесты», т.е. полуденного отдыха.

Наконец, молодой человек, совершив над собой усилие, двинулся дальше.

«Какое горе внесет в этот земной рай мое появление?!» — подумал он и оглянулся на своих трех несчастных спутниц, глубоко потрясенных видом его страданий; сделав им знак быть бодрей и не падать духом, он первым вышел на открытую площадку, расстилавшуюся перед восточным фасадом дома.

При звуке его шагов молодой человек в фуляровой рубашке и мавританского покроя шароварах выскочил из своего гамака, кинул сигару и весело воскликнул:

— Шарль? Какими судьбами?

В следующий момент он уже повис у Шарля на шее и чуть не задушил поцелуями.

— Мой славный Шарль! Что случилось?

— Случилось несчастье, Анри!

— Ах, Боже мой! — воскликнул старший из братьев Робэн, сделавшись бледным, как полотно.

Его восклицание и появление трех незнакомых дам и Ангоссо, идущего следом за ними в сопровождении негров-гребцов с багажом, заставило всех присутствующих членов семьи поспешить навстречу приезжим.

Старик Робэн, отец, все еще бодрый, стройный и подвижный, несмотря на свои шестьдесят пять лет, величественный и внушительный, как патриарх, со своей седой бородой и шевелюрой, и жена его, эта столь счастливая до сего момента мать и жена, лицо которой, по-прежнему благородное и прекрасное, омрачено теперь каким-то тяжелым предчувствием, и молодая женщина, поразительно похожая на жену Шарля, спешили встретить гостей.

Шарль крепко обнял мать, отца и невестку, которые не решались спросить его ни о чем.

— А где же Эдмонд и Эжен? — спросил Шарль брата.

— Они на прииске, вот уже два дня!

— Это очень досадно, — проговорил Шарль, — так как нам придется держать семейный совет, а вместе с тем и военный совет. Но прежде чем ознакомить вас с ужасными событиями, жертвой которых я стал, когда вернулся домой отсюда, позвольте мне исполнить по отношению и этим дамам, которых вы видите здесь со мной, простой долг вежливости и попросить вас оказать им то

радушное гостеприимство, которое я предложил им от вашего имени! Они также являются жертвами той же катастрофы, в которой потонуло все мое счастие и благополучие. Оторванные насильственно от их естественных покровителей, заброшенные за тысячу восемьсот миль от родины, они остались в безвыходном положении, и я уверил их, что здесь они найдут и приют, и дружественное расположение, и защиту от всякого рода невзгод.

— Ты был прав, сын мой, что поступил так! — с ласковым достоинством сказала старая госпожа Робэн, сердечно протянув руку трем приезжим дамам.

— Судя по этим неграм с вашим багажом, я вижу, что вы в пироге совершили все это путешествие вверх по Марони и, без сомнения, совершенно разбиты таким переездом. Поэтому позвольте мне проводить вас в комнаты и предоставить в ваше распоряжение все, что будет необходимо для вашего удобства!

Молодые женщины последовали за любезной хозяйкой и удалились вместе с нею. Тем временем трое мужчин и молодая жена Анри, которая, как, вероятно, помнит читатель, была родною сестрою жены Шарля, прошли в большую гостиную.

— Ну, Шарль, — сказал, наконец, Анри, — ты, вероятно, видишь, что я сгораю от нетерпения и тревоги; отец наш не решается тебя спросить... так говори же, дорогой мой... эта страшная неизвестность мучительна для всех нас, как ты сам понимаешь!

— Так вот... Мой серингаль сожжен и ограблен дотла кучкой беглых каторжников, и я окончательно разорен!

— Ну, и затем?.. Ведь это одно, в сущности, ничто для таких работящих людей, как мы!

— Это, действительно, было бы еще ничего, но это только пролог катастрофы! — продолжал Шарль.

В этот момент вернулась госпожа Робэн и села подле своей невестки Люси.

— Мало того, — продолжал Шарль, — все мои рабочие или убиты или развеяны, неизвестно где, равно как и их семьи; наши бедные Бони, наши друзья, можно сказать, такие преданные, такие испытанные в тяжелые времена...

— Да... но дальше? — торопит Анри, задыхаясь от волнения.

— Мэри и дети мои тоже исчезли во время пожара; негодяи увлекли их за собой, и затем они попали в руки одного бандита... одного бесчеловечного негра, который держит их у себя в плену и сторожит их лучше всякого тюремщика!

Протяжный вздох, похожий на стон, вырвался из уст двух женщин, и, почти одновременно с ним, заглушая его, раздались два диких и свирепых крика, близко напоминающих рычание льва, которых не в состоянии были подавить отец и сын.

— Тысячи чертей! — воскликнул Анри, разом выпрямившись во весь свой богатырский рост. — Да за такое дело следует разгромить всю эту проклятую местность, стереть с лица земли это разбойничье гнездо и избить, всех до последнего, этих зловредных чудовищ, населяющих эти места!

Старик, спокойный до этого момента, как старый лев во время отдыха, вдруг почувствовал, что в нем пробудилась вся его бешеная энергия. Его обычно бледное под слоем загара лицо разом покраснело от прилива горячей крови, черные глаза вспыхнули огнем. Но, подавив усилием своей воли этот первый порыв бешенства, он остановил сына едва заметно изменившимся голосом.

— Подождите, дети! Прежде чем говорить о репрессиях, надо найти средство парировать удар. Дай твоему брату рассказать все по порядку, а ты, Шарль, расскажи нам обо всем этом со всеми известными тебе подробностями. Когда мы будем знать все, то посмотрим, что можно сделать.

Никто из присутствующих не прерывал печального рассказа, который Шарль передал одним духом, не останавливаясь ни на минуту, голосом отрывистым и возбужденным, в котором сказывалось все его душевное волнение.

Даже женщины, давно привыкшие к ударам судьбы, осушили свои слезы и сдерживали рыдания. Но, полные твердой уверенности в мужестве и энергии Робэнов, они с напряженным нетерпением стали ждать первого слова главы семейства, черты которого мало-помалу просветлились.

— Правда, это большое несчастье, — проговорил тот, наконец, своим обычным, мягким и сдержанным то-

ном, — но оно не непоправимо. Это ведь, в сущности, не что иное, как денежный вопрос!

— Да, отец, но не забывайте, какие это деньги; ведь это — целый миллион! Каким образом достать такую сумму, особенно в стране, где денежные обороты и так затруднительны?!

— У меня здесь сейчас имеется пятьдесят килограммов золота в слитках, которое я только что собирался отослать в банк. Наш прииск, без сомнения, даст нам в течение месяца шестнадцать или семнадцать килограммов, потребных, чтобы пополнить необходимую сумму в двести тысяч франков для уплаты первого взноса!

— Да, но затем?

— А затем у нас будет три месяца кредита, а три месяца — такой срок, в который такие люди, как мы, могут выпутаться из любого положения, как бы трудно оно ни было!

— Но подумайте только, какими бесконечно долгими должны показаться три месяца плена!

— Конечно, но я и не намереваюсь выжидать этого срока. Я крепко надеюсь, что нам удастся вырвать оттуда твоих бедных детей в тот самый день, когда ты отвезешь этому негодяю твой первый взнос!

— И без опасности, без риска для них?

— Как ты можешь спрашивать у меня об этом? Что ты на это скажешь, Анри?

— Мне кажется, что я угадал твой план, отец, и если ты мне разрешишь, то я скажу тебе свою мысль.

— Я именно и прошу тебя об этом!

— Делайте, что знаете! — воскликнул Шарль. — Я до того расстроен и измучен, что не в состоянии даже ничего придумать. Приказывайте, а я буду слепо вам повиноваться.

— Так вот, — сказал Анри, — Шарль, снабженный нужным количеством золота, доставит его на условленное место свидания в назначенный срок. Взамен этого выкупа он потребует одного из своих детей и увидит, держит ли этот негодяй слово, в чем я, однако, сомневаюсь; мне скорее кажется, что он склонен доить нас до бесконечности!

— Боже мой! — воскликнул Шарль. — А я об этом и не подумал!..

— Итак, я продолжаю. Я сегодня же отправлюсь подыскивать среди негров Бони человек тридцать самых отважных и смелых парней, самых крупных и здоровых, каких только смогу найти!

Ты этих людей знаешь и знаешь, что можно на них положиться не на жизнь, а на смерть. Мы их вооружим скорострельными ружьями, раздадим каждому из них по двести патронов, подучим их здесь владеть и управляться этим оружием, насколько нам позволит время, словом, сделаем из них настоящий маленький военный отряд.

Когда они будут совсем у меня в руках, когда будут безупречно знать все построения и команды, усвоят себе важнейшие приемы засадной войны и будут уметь слушаться одного моего слова, одного жеста, то мы выступим с ними в поход. В то время как ты, Шарль, отправишься на Тартаругал по Арагуари и Апуреме, я со своими людьми расположусь в лесу поблизости от Озерной деревни.

— Да, но каким образом сделаешь ты это?

— То самое судно, на котором отправишься ты, довезет и высадит нас в каком-нибудь глухом месте на берег, а уж дальше я берусь отыскать эту проклятую деревню!

— Ну, а если кто-нибудь тебя увидит? Тебя или кого-нибудь из твоих людей и сообщит об этом вождю?

— Будь спокоен, это уж наше дело — суметь скрыться так, чтобы никто нас не увидел и не заметил. Разве я сам не полудикарь, выросший среди негров и тренированный лучшими из индейцев? Кроме того, нас примут за беглых рабов, ищущих места для основания «мукамбо», т.е. убежища для беглецов из Бразилии. Мы ознакомимся с обычаями и привычками населения деревни, за которым будем следить и наблюдать тайно и непрестанно. В то время, как ты будешь вести переговоры с этим Днего, мы неожиданно захватим его трущобу: жители деревни, не имея во главе своего вождя, плохо организованные, захваченные врасплох неожиданным нападением, не смогут противостоять нам с нашим усовершенствованным оружием.

— Ах, дорогой мой Анри, твой план превосходен и я уверен, что он должен удаться!

— Ты такого же мнения, отец? — спросил Анри.

— Да, таково было и мое намерение, а потому я во всех отношениях согласен с тобой, кроме только одного пункта, именно: во главе этой экспедиции, в которой мы рискуем более, чем нашей жизнью, стану я сам. Тридцати человек, как ты говоришь, будет вполне достаточно, но мне думается, что для того, чтобы использовать их как можно лучше и избежать ошибок, нужно дать им побольше командиров, т.е. разделить их на небольшие группы, каждая под начальством кого-нибудь из нас! Вот почему я желаю принять участие в этой экспедиции сам вместе с Гондэ и Николаем, которых они знают и которым доверяют. Эдмонд и Эжен останутся здесь охранять наших домашних. Ну, а теперь воспрянь духом, мой дорогой мальчик, и будем надеяться на все лучшее!

Глава XI

Парижанин, тулузец и марселец. — Краткая, но необходимая биография Пьера Леблана, прозванного Маркизом. — Приключения артистов-космополитов. — Раймонд и Фриц. — То, что Диего подразумевает под «Французским кварталом». — Прием каторжников. — Как говорят на «Соленом лужку». — Энергичное возвращение. — Ужасная обязанность. — Трупы Геркулеса и бразильца. — Надо с судьбой примиряться. — Неожиданная находка сказочного богатства. — Что делать с подобной находкой. — Выкуп.

В числе трех новых личностей, судьбою которых Диего, со свойственной ему дерзостью, счел себя вправе распорядиться по своему усмотрению, было одно лицо, заслуживающее особого внимания.

Это — самый младший из трех артистов, носящий имя Пьера Леблана, которого его товарищи наградили дружеским прозвищем «Маркиз».

Почему именно «Маркиз» этого никто не знал, ни даже тот, кто носил этот титул без короны и патента.

Место его рождения было так же фантастично, как и его прозвище; по крайней мере Маркиз уверял, что он — парижский тулузец, ставший марсельцем.

Тулузцем он, действительно, вправе был себя считать потому, что его родители, честные актеры, оба родом из

главного города Верхней Гаронны, вступили в этом самом городе в законный брак, от которого и произошел их достойный отпрыск, Пьер Леблан. Парижанином он также мог себя считать, так как судьба привела ему родиться за кулисами театра де Белль-Вилль в Париже, и акт о его рождении был занесен в церковные книги XX участка города Парижа. Но почему же еще и марселец? А потому, что, покинув в самом раннем детстве вместе со своими родителями Париж, он переселился в страну типичного акцента и своеобразного говора, столь близкого и родного всем марсельцам, и здесь прожил все свое детство и всю свою раннюю молодость. С этим акцентом он сроднился, как природный марселец, да и по духу тоже стал настоящим марсельцем. Таким образом, гасконец, моко и парижанин в одно и то же время, усвоивший все черты этих народностей, молодой Леблан был действительно далеко не банальной, незаурядной личностью.

Дитя сцены, актер в душе, фигурировавший на подмостках с самого раннего детства, он актерствовал беспрерывно и неутомимо до того дня, когда вместе с маленькими усиками у него появился и красивый чистый голос, и тогда он смело принял на себя амплуа тенора. Но честолюбие погубило его. Так как голос его был недостаточно силен, чтобы с ним можно было выступать на больших или хотя бы даже на посредственных сценах, то Маркиз был вынужден стать просто виртуозом разных кафе.

Молодой артист, отчаявшись достигнуть когда-нибудь славы и богатства, кроме того, видя себя навеки обреченным на службу в маленьких кафе и увеселительных заведениях, почувствовал себя обескураженным и решился на отчаянный шаг — отправился в Тулон и, не давая себе серьезного отчета в том, что он делает, записался в четвертый полк морской пехоты.

Маркиз, не раз изображавший на подмостках героев национальной славы, доблестных вояк, которыми гордилось отечество, сохранил в своем воображении легкий привкус пороха, а в своей памяти — отражение мундиров и блестящих султанов и возымел надежду стать со временем, как и «всякий другой», маршалом Франции; с этой затаенной целью он поступил в морскую

пехоту, где производство так быстро и где вообще так легко выдвинуться.

Без особых препятствий он добрался до капрала, но скоро понял, что для него будет несколько затруднительно сделаться хотя бы только корпусным командиром, ввиду того что звание маршала уничтожено в настоящее время; тогда он постарался использовать как можно лучше свое время службы.

Он стал усердно посещать фехтовальный зал, старательно изучал искусство уничтожения своего ближнего и сделался в скором времени настоящим виртуозом фехтования, рубки и борьбы. В то же время он успел побывать в Кохинхине и в Сенегале, неся свою солдатскую службу и на суше, и на море.

Наконец, отставка вчистую вернула его к радостям личной жизни. Он вернулся в Тулузу, разыскал там старого дядюшку, бедняка, не имевшего гроша за душой, а только дочь, столь же милую и скромную, сколь и прекрасную. Пьер Леблан, не долго думая, влюбился в молодую девушку и стал ее мужем. В приданое своему супругу молодая принесла, кроме своего хорошенького личика и своей любви и нежности, еще очень хорошенький голосок.

Однажды наш артист, кормившийся теперь уроками фехтования, которые он давал молодым людям, совершенно случайно столкнулся с труппой артистов, отправлявшихся в Америку. Оказалось, что директор этой труппы был старый товарищ Леблана; он предложил ему ангажемент. Маркиз с радостью ухватился за это предложение, хотя директор и предупредил его, что жалование будет из скромных и, кроме того, придется быть довольно разносторонним в своих амплуа — играть и драму, и оперетку, комедию, водевиль, и при случае — даже и пантомиму.

Пробыв три года в Бразилии и испытав за это время всякие превратности судьбы, он, наконец, очутился на «Симоне Боливаре».

По наружности Маркиз был славный, здоровый, плотно сложенный маленький человечек, двадцати семи лет, с умным и живым лицом, крайне подвижной мимикой и лукавым, насмешливым взглядом вечно смеющихся глаз, и если бы не рот, постоянно склады-

вавшийся в добродушную и ласковую улыбку, то выражение его лица можно было бы, пожалуй, назвать насмешливым.

Всегда веселый и добродушный, смотревший на жизнь с лучшей стороны, видевший даже и в самых неприятных вещах известную долю хорошего, пренебрегавший невзгодами и от души радовавшийся малейшему благополучию, добрый товарищ и философ в душе, каким может быть человек, в один и тот же день играющий знатного барина и лакея, благородного отца и первого любовника, смелый и беспечный, как истинный француз, честный и верный в своих привязанностях — таков был новый товарищ пленных детей и супруги Шарля Робэна.

Его двое друзей, с первого взгляда, казались людьми менее отшлифованными, менее жизненными. Старший из них был громоздкий и тяжеловесный мужчина лет сорока, с черными глазами, густыми, черными, точно намазанными углем, бровями и всегда чисто выбритым подбородком, отдающий легкой синевой, как это часто бывает у сильных брюнетов. Теперь, вот уже две недели, как подбородка его не касалась бритва, и борода тысячами колючек торчала из смуглого подбородка, точно щетина у ежа.

Звали его Жорж Раймон; он тоже, по преимуществу, играл благородных отцов и пел басом, самым густым басом, когда того требовало представление. Несколько тяжеловатый и очень апатичный, он был в душе добрейший человек, несмотря на свою несколько угрюмую и суровую наружность.

Последний из трех артистов был рослый детина, эльзасец тридцати пяти лет, долговязый, как журавль, тощий, как селедка, белокурый, как спелый колос, и музыкальный, как соловей. Прекрасные голубые глаза придавали его лицу, слишком, не по росту, мелкому, выражение странной задумчивости, усиливаемое еще более некоторой наивной неловкостью, от которой он не сумел избавиться, несмотря на долголетнюю привычку выступать перед публикой. Звали его Фрицем, как всех эльзасцев.

Стоит ли говорить, что этих трех господ связывало не просто товарищество, а искренняя и прочная дружба,

основанная на взаимном уважении и скрепленная общими неудачами, нехватками и затруднениями, общими радостями и печалями?!

Впрочем, столь различные по склонностям и характеру люди неизбежно должны сойтись в силу закона, по которому крайности и противоположности сходятся.

Однако как ни привычны были эти люди к невзгодам, обычным в их бродячей жизни, все же не трудно понять, как сильно их поразила в первую минуту так неожиданно обрушившаяся на них катастрофа.

Единственным утешением для них было сознание, что их бедные подруги в безопасности, под охраной того великодушного человека, который вступился за них, и им не грозит мучительный плен, обещающий быть крайне тягостным, если не слишком продолжительным.

Довольные уже тем, что страдать придется им одним, уверенные в находчивости и изобретательности своих жен, в их умении выпутаться из затруднительного положения, бедные артисты вскоре приободрились.

Едва только они прибыли в деревню, как Диего приказал отвести их в просторную хижину, которую он иронически прозвал «французским кварталом», и поселил их там.

В этой хижине уже были три жильца, и нельзя сказать, чтобы это были приятные субъекты. Это — три каторжника.

Зная их прошлое, нетрудно понять, что их встреча с вновь прибывшими была не из самых дружелюбных.

— Хм! Гости! — первый воскликнул Луш, завидев незнакомцев.

— Да еще какие гости, в белье и с багажом, — распространился на ту же тему Красный.

— И, как будто славные, башки! — добавил Кривой.

— Эй, да тут уж кто-то есть! — воскликнул Маркиз радостно и весело. — Здесь говорят даже по-французски; быть может, это земляки? Добрый день, господа!

— Добрый день! — пробурчал Луш, с трудом переворачиваясь в своем гамаке вследствие боли в пояснице. — Вы, должно быть, тоже наши братья?... Вы прямо оттуда, не так ли?

— Ну, конечно, мы оттуда... даже очень издалека... и притом еще самым дальним путем, — отозвался Маркиз и запел песенку:

«Оттуда оттуда! С самого края света,
Оттуда, оттуда, где лежит Люксембург..."

— Что с ним такое? Вас спрашивают, любезный, вы с «Соленого Лужка» (каторги)?

— Что?

— Сколько вы снопов накосили, прежде чем провели ротозеев и улизнули в кусты (то есть сколько лет вы пробыли в остроге, прежде чем обманули бдительность сторожей и бежали в поля и леса?)

Но, видя, что трое друзей не понимают ни слова из этого каторжного жаргона, Луш презрительно добавил:

— Пфа! Простаки (порядочные, честные люди)! Эти ни разу не заставили дубы потеть (никого не убили). Они не годятся даже на то, чтобы вытащить у кого-нибудь из кармана деньги или стащить часы, или разгромить какие-нибудь хранилища и очистить квартиру!

— Ну, и что же из того? — гневно отозвался Маркиз, приподнимаясь на носки, как молодой петух, готовящийся налететь на другого петуха.

— А ничего... вы — не нашего поля ягода; это сразу видно! Ну, так придется вам держать себя смирно!

— Слушай, старик, — воскликнул Маркиз, возмущенный этим приемом и попыткой запугать его, — ты постараешься вести себя прилично по отношению к нам, или я переломлю тебя надвое, как спичку! Слышишь? Мы здесь не по своей воле и не ради своего удовольствия, и вы устройтесь так, чтобы не отравлять нам жизнь, не то колотушки посыплются градом, так и знайте!

— Полно тебе, Луш, — вмешался примирительным тоном Красный, — не заносись! Ведь он, в сущности, прав! Не всякому посчастливилось, как тебе, быть приговоренным к смерти, да еще не раз, и не всякий, кто пожелает, бывает каторжником, лучше поладить всем между собой и затем сговориться, чтобы в один прекрасный день всем вместе бежать отсюда, тихо и без шума! Как видите, товарищи, и мы здесь не по своей воле и не ради своего удовольствия! — добавил он, обращаясь ко вновь прибывшим и потирая свой ноющий от боли хребет.

— Ну, так-то лучше! Постараемся жить в мире и согласии, хотя мы и различных с вами убеждений и понятий!

Но эта разумная речь вызвала только разочарование у каторжников, которые поняли, что имеют дело с честными и порядочными людьми. Что же касается артистов, то они устроились с полнейшим спокойствием, как люди, которых всевозможные случайности их жизни сталкивали со всякими типами и всякими обстоятельствами.

На другой день Диего, как милостивый властелин, посетил своих новых подданных, вероятно, не столько с целью убедиться, что они ни в чем не нуждаются, сколько с тем, чтобы посмотреть, как отнеслись друг к другу эти столь разнородные элементы, так неожиданно поставленные лицом к лицу.

К великому изумлению, он увидел полнейший мир и согласие во «французском квартале». Каторжники встретили его как господина, в руках которого и жизнь, и смерть, с тем униженным раболепством, какое все подобные негодяи умеют выказывать по отношению к тем, кто сумеет жестоко и беспощадно обуздать их и внушить к себе страх. Что же касается артистов, то они держали себя прилично и с достоинством, без похвальбы и нахальства, но и без униженности и низкопоклонства.

Кроме любопытства, посещение Диего имело еще и другую побудительную причину: он желал убедиться, действительно ли ему удалось усмирить, обуздать и окончательно поработить трех негодяев, оставленных им в живых, путем страха пыток и казней позапрошлого дня, и он имел удовольствие увидеть, что жестокий урок не пропал для них даром.

— Итак, — сказал он с пренебрежительной фамильярностью, — вы стали теперь благоразумнее и готовы исполнять беспрекословно каждое мое приказание? Да?

— Беспрекословно, как вы изволили сказать, гражданин! — отозвался Луш.

— Ну, и превосходно, ребята!.. Раз в вас столько готовности повиноваться мне, то мы сейчас же и испытаем ее на деле!

— Приказывайте, гражданин, мы готовы повиноваться.

— Там подвешены уже более двух суток на суку мангового дерева, как вы знаете, два господина, которые начинают изрядно заражать воздух зловонием... Надо будет зарыть эту падаль. Так как вы были, несколько против воли, правда, их палачами, то будьте же теперь добровольными могильщиками для них!

— Слушаем, хозяин, слушаем! Но скажите на милость, — добавил Луш с тою низкопоклонной фамильярностью, которая свойственна именно каторжникам по отношению к их начальству, — скажите на милость, вы почему-либо непременно хотите, чтобы мы это дело приняли на себя?

— Что ты хочешь этим сказать, негодяй? — грубо одернул его Диего, грозно сдвинув брови.

— А то, что обыкновенно в камерах, где есть новички, работу возлагают на этих новичков, а не на старожилов, и если вашей милости безразлично, кто исполнит работу, то эти три «господина» могут с таким же успехом приготовить тенистое местечко для тех двух «маккавеев».

Эта шутка почему-то пришлась по вкусу Диего, который криво усмехнулся и, найдя неожиданно для себя случай показать «новичкам», каким образом он проявляет свою грозную власть, с удовольствием решил, для начала, принудить их к этой ужасной работе.

— Ты прав, старик, на этот раз, — уронил он, — пусть будет, как того требует установленный обычай! Вы еще день побездельничаете с моего разрешения и облепите себя пластырями и компрессами, лентяи, но завтра этому конец, так и знайте! А вы, — добавил он, обращаясь к артистам, — следуйте за мной!

— Да здравствует наш патрон! — крикнули каторжники.

— Ну, ладно, ладно!.. Ваша очередь впереди!

Между тем трое артистов, недоумевая, что им предстоит, но зная, что никакое препирательство с этим жестоким тираном немыслимо, сочли за лучшее повиноваться ему.

Диего провел их к своей хижине, дал каждому из них по тесаку, по заступу и лопате и, не сказав ни слова, под-

вел к манговому дереву, на котором качались обезображенные, исклеванные коршунами и уже сильно разложившиеся трупы двух повешенных.

— Эти двое, — сказал он жестким, суровым голосом, — пытались меня убить! Один из них, по моему приказанию, был живым изрублен на части своими же товарищами и сообщниками, а другой — живым привязан к его трупу... Вот в каком духе я понимаю репрессии! Больше мне вам говорить нечего. Теперь выберите место где-нибудь за деревней, выройте яму и закопайте мне эту падаль!.. Идите! А вы, — обратился он к жителям деревни, с любопытством столпившимся вокруг вновь прибывших иноземцев, — вы оставайтесь у себя и делайте свое дело! Пусть эти люди исполнят мое приказание, и чтобы никто из вас не смел помочь им или идти за ними, или глазеть на них!

Нетрудно себе представить, как велико было отвращение и ужас артистов, внушаемые им этой омерзительной работой, от которой никакие силы в мире не могли их избавить.

Не будучи в состоянии произнести ни одного слова, но инстинктивно сознавая, что надо повиноваться без промедления, чтобы не заслужить жесточайшего наказания, они уныло двинулись в путь за околицу деревни, закинув на плечи свои лопаты и заступы, с намерением выбрать место для могилы несчастным, казненным так бесчеловечно.

Выбор их остановился на небольшом песчаном пригорке в трехстах метрах от деревни, скрытом за густой рощей и поросшем травою и цветами.

— Мужайтесь, друзья! — подавленным голосом прошептал Маркиз, обращаясь к товарищам. — В жизни бывают нередко тяжелые случаи; надо приниматься за работу!

— За работу! — точно эхо отозвались Раймон и Фриц и тотчас же принялись рыть землю.

Около получаса они работали не покладая рук, и работа подвигалась успешно, как вдруг одна из лопат отскочила от какого-то постороннего предмета, довольно мягкого и в то же время упругого.

— Хм! Что это такое? — спросил эльзасец с удивлением. — Что бы это такое было?

Маркиз, не долго думая, нагнулся, разрыл руками сухую, рыхлую землю и не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть от удивления.

Он только что приподнял руками край плотной рогожи, сплетенной из растительных волокон, и обнаружил при этом целую груду металлических комочков, плотных и твердых, неправильной формы, мутно-желтого цвета, как бы закоптелых.

Он взял в руки целую горсть комочков и стал внимательно разглядывать их, причем ему бросился в глаза их значительный вес.

— Пусть я утрачу свое имя, пусть никогда больше не спою ни одной арии в оперетке, если это не золото, друзья мои, золото в том виде, как его находят в рудниках и на приисках!

— Золото?! — воскликнули с недоверием оба его товарища.

— Тс! Тише... Не кричите!.. Постараемся быть спокойны, насколько это возможно. К счастью, мы здесь одни; это прекрасно!.. Да, друзья, это золото! — продолжал Маркиз, пересыпая золотые комочки между пальцами с ладони на ладонь.

— Вот неожиданность!

— Что мы теперь будем делать? Боже правый!

— Прежде всего, друзья, будем спокойны и благоразумны... не будем увлекаться!

— Черт возьми, да его много здесь!

— Да, и еще... и еще... И еще того больше!..

Несколько ударов заступа, сделанных с величайшей осторожностью, обнаружили, действительно, еще другие «нагара» (корзиныы местного плетения), плотно обвязанные бечевками из пиасаба и весящие весьма порядочно.

Маркиз приподнял одну из этих корзин.

— А знаете ли, что это весит по меньшей мере двадцать килограммов!

— Двадцать килограммов! А что это может приблизительно представлять собой, если перевести на деньги? — наивно осведомляется эльзасец.

— Да так, около шестидесяти тысяч франков, милейший Фриц!

— Шестьдесят тысяч франков?

— Но ведь этими корзинами полна вся яма! Смотри! Пять, шесть... семь... восемь!..

— Девять, десять... О я умею считать... А эти бамбуковые свертки, связанные с одного конца и заткнутые деревянной пробкой с другого и припечатанные смолой?

— Надо раскрыть один из них!

— Ну, вот!

— Хм! Да это золотой песок... самый чистейший, тончайший, прекрасно промытый... самый настоящий золотой песок!

— Какая удача, друзья, какая удача!

— Кой черт, кому может все это принадлежать?

— Или личности, именуемой «никто», или этому отвратительному негру, который царит в этой деревне!

— Во всяком случае, я не намерен объявлять всенародно об этой находке, ни заявлять о ней местному полицейскому комиссару!

— Я также!

— И я!

— Мы здесь — пленники, с которыми обходятся не многим лучше, чем с собаками, которых загнали в одну конуру с каторжниками, настоящими преступниками и злодеями; и среди них наивно было бы предполагать законного владельца этих несметных сокровищ!

— Конечно, об этом нечего и думать!

— Но, в таком случае, что делать?

— Зарыть поскорее эту яму или лучше увеличить ее настолько, чтобы в нее можно было опустить оба трупа!

— Если, однако, эти деньги имеют владельца, что весьма вероятно, то этот владелец, конечно, заметит, что его тайник обнаружен.

— Таким образом всего лучше зарыть яму, накрыть ее газоном, затем прийти ночью и унести все эти корзины и свертки в надежное место.

— Это правда!

— Это будет, конечно, самое практичное.

— Ну, живей за работу!

Работая с лихорадочной поспешностью, трое друзей, опасаясь нескромных ушей, продолжали свою беседу вполголоса, почти шепотом.

— У меня явилась богатая мысль относительно употребления этих, таким чудесным образом доставшихся нам богатств! — сказал Маркиз.

— Твою мысль я угадал и вполне разделяю ее! — отозвался Раймон.

— Это вполне естественно! — согласился и эльзасец. — Наш новый друг, господин Робэн, приговорен этим чернокожим негодяем к страшному, невероятному выкупу в миллион франков! Так вот он — этот выкуп его семьи!

— Да и наш тоже!

— Да, надо будет при первой возможности одному из нас бежать отсюда, разыскать этого господина и сообщить ему о нашей необычайной находке. После того несколько надежных людей с полной осторожностью тайно похитят весь клад, и наш приятель, имея в своем распоряжении достаточную сумму, сумеет выполнить все требования, предъявленные к нему этим негодяем негром.

— Между прочим, — продолжал Маркиз, — у меня явилась мысль, которую я хочу сообщить вам сейчас же. Это, быть может, несколько дикая мысль, но она кажется мне превосходной. Вы останетесь здесь, а я берусь осуществить ее и ручаюсь решительно за все!

— Делай, как знаешь, Маркиз! Мы знаем, что ты хитер, как обезьяна, и уверены, что тебе удастся твоя затея!

— Пусть так!

— Теперь могила готова; сокровища зарыты; пора вернуться туда, к манговому дереву. Изготовим из бамбука носилки, на которых перенесем сюда трупы, и покончим с этой тяжелой работой!

— Живо, друзья! Что касается меня, то я совершенно приободрился, благодаря этой находке, предвидя в ней развязку, какую не всегда умеют придумать даже авторы наших драм и комедий... Что ты на это скажешь, Фриц?

— Что эта гнусная обязанность, возложенная на нас ужасным негром, кажется мне не столь трудной, как раньше; во всяком случае, она теперь является щедро оплаченной! — с философским видом добавил эльзасец.

Глава XII

За три дня до истечения срока. — Удивление. — Десять человек солдат Тануйев. — Парламентский флаг. — Красивый офицер. — Генерал, префект и министр. — Свидание. — Военные почести вождю Озерной деревни. — Диего и уполномоченный властей. — Немного политики. Дипломатия. Незнакомец все знает... и даже более того. — Диего начинает убеждаться, что его сон может стать действительностью. — Благосклонный нейтралитет Бразилии. — Лонец, Сулук или Франция. — Сокровище!

Через три дня должен был истечь срок, так строго отмеренный свирепым Диего злополучному Шарлю Робэну для взноса первой части выкупа, то есть первых двухсот тысяч франков.

Негр ожидал этой уплаты с лихорадочным нетерпением, так как его планы и проекты не терпели отлагательства, а денег, потребных на их осуществление, у него совершенно не было.

Между прочим упомянем здесь, что здоровье госпожи Робэн и всех детей, несмотря на страшные, пережитые ими тревоги и опасения, продолжало быть прекрасным, и даже заключение, на которое они были обречены здесь, не повредило им. Впрочем, они не могли пожаловаться на недостаток ухода или возможного, в данных условиях, комфорта, какими могли пользоваться в этой Озерной деревне самые богатые из здешних жителей.

Диего, зная цену этих дорогих заложников, всячески старался доставить им все возможные удобства жизни, чтобы сохранить их в добром здравии и самочувствии, которые для него так важны, так как являлись гарантией для получения необходимых ему капиталов.

Молодой женщине отвели для жилья просторную хижину, хорошо проветриваемую, сухую и опрятную, окруженную садом с большими тенистыми деревьями, где свободно могли играть и резвиться ее дети. Сад был обнесен высоким и плотным частоколом и недоступен ни для кого, кроме семьи Робэн.

Две старухи негритянки, бедные, обездоленные создания, не лишенные чувства, были приставлены для ус-

луг и, по приказу ли вождя или по собственному желанию, всячески ухаживали как за молодой женщиной, так и за детьми. Таким образом они были избавлены от злорадного или, во всяком случае, назойливого любопытства населения деревни и жили, можно сказать, безбедно и вполне прилично в материальном отношении. При таких условиях положение семьи Робэн было бы вполне сносно, если бы не смертельная тревога и тоска, угнетавшие молодую женщину денно и нощно с назойливостью тяжелого кошмара.

Те несколько строк, которые написал ей ее муж, покидая палубу «Симона Боливара», а также и письмо, доставленное боцманом с тануйского судна, были переданы ей одной из прислуживавших негритянок, но с того времени у нее не было никаких вестей о муже и она никого не видела, кроме двух старых негритянок, так как Диего строго-настрого запретил ей всякие свидания с французами-артистами, которые ни под каким видом не допускались к пленнице.

Бедная молодая женщина томилась ожиданием, а ожидание очень томительно, особенно в тех случаях, когда надежда слаба. Между тем в то время, когда Диего, нервный и нетерпеливый, тревожно считал часы, опасаясь какого-нибудь непредвиденного случая, какой-нибудь помехи, странный и непривычный в этих местах звук вдруг привлек его внимание. Звук этот доносился с конца главной улицы деревни, тянувшейся во всю ее длину.

Негры точас же бросили свои занятия и со всех сторон выбежали из своих хижин и карбетов, спеша толпой, в полном беспорядке, толкая и обгоняя друг друга, как будто на пожар.

Толпа волновалась, кричала, галдела и выражала не то восторг, не то недоумение, приплясывая и взмахивая руками; словом, все казались обзумевшими, но на этот раз не от пьянства.

Странный звук раздался снова, звук столь необычный для этих мест, что он вполне оправдывал недоумение, вызванное им среди местного населения.

Посудите сами, читатель, если бы вы были на месте этих дикарей и вдруг услышали вибрирующие звуки медной трубы и увидели маленький отряд солдат, точно

выросших неожиданно из-под земли в этих местах, где вооруженная сила является чем-то вроде легендарных героев, — что бы испытали вы сами на их месте?

Диего, совесть которого была вовсе не так спокойна, как он старался себя уверить, невольно содрогнулся, заслышав звук трубы; он поспешно вооружился, засунул за пояс тесаки и револьверы и поспешил на тот конец деревни, опасаясь нападения вооруженной силы.

Но нет! Маленькая кучка солдат, с трубачом во главе, стояла смирно да и малочисленность их уже была ручательством того, что никаких насильственных мер этой демонстрацией не предусматривалось.

Десять хорошо вооруженных ружьями и штыками солдат, перепоясанных широкими кушаками с патронташами и саблями в кожаных ножнах, медленно двигались мерным шагом, выстроившись в две шеренги.

Босые, но чисто и опрятно одетые в белые или, скорее, суровые холщовые штаны и кители, в широкополых соломенных шляпах одного образца, они хорошо держали строй, не издавая ни звука, и сразу бросались в глаза своей прекрасной военной выправкой, которую так редко можно встретить у индейцев-тануйев, этих карикатурных солдат, завербованных на скорую руку бразильским правительством.

Тем не менее все это были индейцы, но, вероятно, образцовая команда, лучшие строевики всего отряда.

Их начальник, выступавший впереди с известной важностью и торжественностью, рослый мулат в кепи с назатыльником, как это принято в колониальных войсках, украшенном в три ряда золотым галуном, в мундире с ясными золочеными пуговицами и обутый в высокие сапоги с громадными серебряными шпорами, горделиво выступал с саблей наголо, совсем как образцовый унтер-офицер или капрал, которого не стыдно было бы поставить во главе отряда или роты любого из образцовых полков европейских войск.

Впереди всех — трубач, одетый так же, как и остальные рядовые солдаты, приложив к губам трубу, оглашал воздух громкими музыкальными нотами, видимо, искренне увлеченный своим искусством. Позади трубача, но впереди маленького отряда выступали еще два лица; одно из них, очевидно, сержант, как это явствовало

из нашивок на его рукаве, держал в руках небольшой белый парламентерский флаг, гласящий о желании мирных переговоров; а другое лицо, выступавшее рядом, трудно было определить по одному костюму; но это, несомненно, было важнейшее лицо во всем этом отряде. Глядя на него, можно было бы с одинаковой уверенностью сказать, что это префект или генерал, или уполномоченный посол. Треуголка с плюмажем из белых перьев, окаймленная золотым галуном, сильно надвинутая на ухо с кокетливым и вместе молодецким видом, придавала много важности этому лицу, высоко несущему голову, как человек, облеченный важными полномочиями и сознающий всю важность возложенной на него обязанности. Мундир черного сукна с синеватым отливом, очевидно, вышедший из мастерской хорошего портного, украшен двумя рядами золоченых пуговиц; грудь увешана орденами самого разнообразного вида, пестреющими самыми разноцветными и яркими орденскими лентами и расшита золотом; воротник и рукава у обшлагов украшены богатым золотым шитьем; словом, золото слепило и сияло повсюду: и на плечах, и на груди, и на спине, и на боках, и на рукавах.

На портупее, украшенной пятью рядами галуна, привешена золоченая шпага в черных лакированных ножнах с темляком из шелка и золота.

Брюки из того же сукна, как и мундир, также были украшены лампасами из широкого золотого галуна; лакированные ботинки щеголевато обхватывали ногу, и приятно поскрипывали на каждом шагу, как будто владелец их ступал по коврам дипломатических салонов. Наконец, пара густых золотых эполет с массивными кистями придавала вышеупомянутому лицу совершенно военный вид, помимо того, что для людей, сведущих в этом деле, уже один темляк на его шпаге говорил о том, что владелец получил ее за военные заслуги и что он в данное время принадлежит к действующим войскам.

Одной рукой, обтянутой тонкой белой перчаткой, он упирался на ручку большого зонта, тогда как другою поминутно поправлял очки в золотой оправе с темнодымчатыми стеклами.

Что касается наружности этого господина, так ослепительно разодетого, но носившего свой расшитый

золотом мундир с таким достоинством и вместе непринужденностью, то о ней трудно сказать что-нибудь определенное, так как она, быть может и умышленно, не несла на себе никакого сколько-нибудь явно выказанного выражения. Это было просто холодное, безжизненное, безучастное лицо, непроницаемое и неподвижное, украшенное небольшой седеющей бородкой, скрывающей часть щек, верхнюю губу и подбородок, словом, физиономия дипломата, как бы застывшая в своем бесстрастии и лишенная всякого отзыва или отклика даже и на самые неожиданные явления.

Описать восторги и полное восхищение толпы негров при виде этого сияющего, раззолоченного со всех сторон господина более чем трудно; это положительно невозможно.

Даже появление Диего, снаряженного, как настоящий бандит, не в состоянии было прервать их шумных восторгов.

Удивленный и сам, почти недоумевающий, несмотря на свой гордый нрав и невероятный апломб, Диего остановился в нескольких шагах от отряда и стал внимательно разглядывать уполномоченного, сержанта, офицера, трубача и даже рядовых солдат, входящих в состав этой группы.

Но уже в следующий момент, овладев собою и придя в себя от своего вполне естественного, впрочем, недоумения, он пренебрежительно пожал плечами и, пробормотав по-французски «глупый маскарад», обратился по-португальски ко всей этой странной компании, так неожиданно появившейся у самой его деревни:

— Кто вы такие и что вам нужно?

В этот момент офицер скомандовал «стой» оглушительным командирским голосом, и маленький отряд разом остановился, как вкопанный, точно где-нибудь на параде.

Тогда уполномоченный, вероятно, считая ниже своего достоинства отвечать лично на эти вопросы, сформулированные так резко и так грубо, сделал офицеру знак рукой.

Тот, следуя, по-видимому, заранее полученному предписанию, ответил тем же резким и отрывистым тоном:

— Нам нужно говорить с вашим вождем. Где он?

— Вождь это я!

— Прекрасно, сеньор... благодарю!

Затем он повернулся к солдатам и скомандовал:

— Ружья к ноге!.. На караул!..

Раздалось мерное звяканье ружей; маленький отряд отдал честь вождю, после чего трубач заиграл торжественный туш, и, когда последние звуки трубы замерли, офицер продолжил:

— Его превосходительство дон Педро-Анавиллана, граф де Рио-Тинто, уполномоченный министр Его Императорского Величества Бразильского Императора, чрезвычайный посол его превосходительства министра иностранных дел желает говорить с вами о делах особой важности!

— Прекрасно, — угрюмо согласился Диего, — но я прошу заметить, что я не подданный бразильского императора и потому спрашиваю себя или, вернее, вас, по какому случаю ваш Император присылает ко мне посла!

— Если бы вы были подданным императора, то вас просто вытребовали бы в Макану, тогда как теперь мы явились к вам с официальным поручением!

— Совершенно верно! В таком случае будьте любезны следовать за мной. Мой дворец не пышен, это простая хижина, покрытая листвой, но вам оказано будет в нем то гостеприимство, на которое вы имеете право в качестве чужестранцев и моих гостей, а главное, как представители державы, которой нельзя пренебрегать!

— Представители мирной державы! — умышленно подчеркнул офицер.

Уполномоченный, все так же безмолвный, повторил снова знак рукой, подобно автомату, и, сделав несколько шагов вперед, очутился рядом с Диего. Приложив к шляпе два пальца, обтянутых белой перчаткой, он этим жестом поздоровался с вождем, после чего капитан скомандовал:

— Ружья вольно!.. На пле...чо!.. Направо!.. Марш!..

Трубач заиграл на своей трубе, и маленький отряд двинулся мерным шагом вперед; все население деревни сопровождало своих нежданных гостей в полном составе: тут были и женщины, и дети, и старики — и все они,

ворочая глазами, гримасничали, как макаки, неистово жестикулировали и все время трещали неумолчно, сопровождая оживленными пояснениями и толкованиями каждый жест, каждую мельчайшую подробность, которую им удавалось подметить у чужеземцев.

— Кой черт! Что ему может быть нужно от меня, этому раззолоченному манекену, увешанному всякими цацками, точно какой-нибудь заморский адмирал в комической опере? — думал про себя Диего, все более и более удивленный. — Значит, обо мне уже знают там, в Макане!.. И как это они добрались сюда, да еще в таком виде, чистенькие и вылизанные, точно их только что вынули из коробчки или ящичка, в котором прислали по почте... Вероятно, на Арагуари стоит какое-нибудь судно. А эти тупайи — настоящие обученные строю солдаты, да еще такие, каких нет и в Макане... Ба! Да сумею же я отвертеться от этого уполномоченного, какой бы стреляной птицей он ни был! Он, вероятно, и не подозревает, кто я такой, и принимает меня за простого темного негра, который ничего решительно не смыслит... Я его проведу!..

Но вот и дворец Диего. Он вежливо пригласил своего спутника войти; тот по-прежнему оставался нем и поблагодарил Диего только наклонением головы. Капитан остался перед хижиной, скомандовав своим людям составить ружья в козлы перед входом в жилище вождя.

Вдруг в уме Диего зародилось подозрение; вообразив, ошибочно или с некоторым основанием, что речь пойдет об его пленниках, он издал громкий, пронзительный свист, на который сбежалось человек пятнадцать его самых верных и усердных сторонников.

Нимало не стесняясь, как будто он говорил о самых обычных вещах, Диего приказал им:

— Оставаться неотступно вблизи хижин пленников, не отходить от них ни под каким видом ни на шаг и, в случае, если со мной что-нибудь случится, помните мой наказ: перебить всех до последнего!

Затем, обернувшись к уполномоченному, с легким оттенком иронии в голосе, он сказал:

— Теперь я к вашим услугам, господин уполномоченный!

Последний не спеша стал снимать свои перчатки, раздвинул фалды своего мундирного фрака, уселся на один из табуретов, поправил свою шпагу, приладив ее вдоль левой ноги, и, поправив на носу очки в золотой оправе, слегка прокашлялся и, наконец, начал сухим, деревянным голосом автомата, говоря по-португальски:

— Сеньор, мое поручение к вам будет просто и не затруднительно, если только вы пожелаете с вашей стороны облегчить мою задачу. Вы умны... даже очень умны, и, что еще более важно, вы образованны... а потому вы поймете меня. Вам так же, как и мне, хорошо известна бесконечная распря, длящаяся целые века между Францией и моей славной родиной по поводу Спорной территории Гвианы...

Диего молча наклонил голову.

— И я добавлю еще, без лишних слов и дальнейших околичностей, — продолжал уполномоченный, — что вы, быть может, единственный человек, который может положить конец этому делу и разрешить этот старый вопрос!

После этих слов говоривший некоторое время молчал, как бы собираясь с мыслями, но, в сущности, лишь для того, чтобы возбудить любопытство и нетерпение своего собеседника.

— Каким же образом, ваше превосходительство? — спросил, наконец, последний, которому наскучило дольше ждать.

— А вот каким: всего вероятнее, что Франция, занятая в настоящее время далеко не легкой задачей распутывания своих колониальных дел, еще долгое время не подумает об этом столь важном для вас... и для нас вопросе.

— Важном для меня? Что вы об этом знаете? — спросил Диего его.

— Да неужели же вы так наивны, что полагаете, будто бразильское правительство не знает о том, что для него так важно знать? Нам все известно, предупреждаю вас, даже еще многое, сверх того!..

А так как Диего недоверчиво качал головой, то дипломат продолжал все тем же сухим деревянным голосом:

— Желаете иметь доказательства? Я могу подробно рассказать вам всю вашу жизнь за весь последний год, особенно последние три месяца... Но к чему напоминать вам обо всем этом! Что вы изрубили своего предшественника, что вы держите под страхом палки или тесака ваш клан; что вы даете у себя убежище беглым каторжникам и обходитесь с ними несколько... хирургически, если можно так выразиться... что вы, ради своих интересов, заставляете исчезать пароходы — все это для нас, конечно, безразлично и мало нас интересует; ведь цель оправдывает средства! Особенно в делах правительственных! Кроме того, я явился сюда совсем не для того, чтобы читать вам наставления!

— Чего же вы желаете? Надеюсь, что вы отважились пройти сюда, в самое сердце Спорной территории, в бассейн озер, куда вообще очень неохотно заглядывают люди белой расы, не для того только, чтобы изложить мне по-своему мою биографию!

— Отважился, говорите вы! Чтобы отважиться на это, не нужно было большой смелости, так как за моей спиной стоит правительство, у которого не в обычае допускать, чтобы его представителей прирезывали, как овец или баранов. Итак, я продолжаю: ваши проекты, безусловно, не лишены ни оригинальности, ни известной грандиозности и широты размаха... Быть может, и другие мечтали о том же раньше вас, но позвольте мне сказать, что, как мне кажется, никто, кроме вас, не может быть так пригоден для осуществления их, для проведения их в жизнь, как вы! Быть одновременно и Лонецом, и Сулуком, и Франсиа этой территории, не принадлежащей в данный момент никому, призвать сюда людей, создать ей население, дать конституцию и объявить это новое маленькое государство независимым, заставить соседние державы признать его таковым официально — все это, конечно, не каждому по плечу. Тем более, что громадные и непреодолимые препятствия ждут вас на этом пути.

— Да, я знаю, но они не в состоянии запугать меня, и вы должны были бы это знать, вы, который, я не знаю, каким образом, так хорошо обо всем осведомлены!

— Итак, — продолжал дипломат, — воздав вам подобающую честь и принеся мое искреннее удивление, поз-

вольте мне, вместе с вами, обсудить и взвесить всю важность этих препятствий. Вы — одни; ваш клан насчитывает не более шестисот человек, способных носить оружие.

— У меня будет свыше шести тысяч через два года!

— Бразильских дезертиров, которые не дорого стоят, и французских ссыльных, которые уж ровно ничего не стоят!

— Уж это мое дело, как использовать их! — возразил негр.

— Да, на собственный риск!

— Никакой риск не пугает меня!

— Пусть так. Но у вас нет денег!

— Скоро они у меня будут! — сказал Диего с загадочной усмешкой.

— Охотно верю. Ну, а затем? Какое государство окажет вам поддержку? Какое примет вас под свой протекторат, какое государство официально признает вас?

— Все это мы увидим впоследствии! Самое важное в настоящее время — это существовать.

— Но ведь вы даже еще и не существуете! Ваша будущая республика — то же, что и дом без стен, стол без блюд или рама без картины!

— Да, я это, черт побери, не хуже вас знаю! Но я пока еще ничего сделать не могу. А вы, г. уполномоченный министр... вы что-нибудь можете?

— Я?.. Может быть... Я, например, мог бы позволить вам рассчитывать на благосклонный нейтралитет Бразилии.

— Это, конечно, уже нечто!

— На нейтралитет, который позволит вам установить эмиграционное движение, официально одобряемое президентом или губернатором провинции Пара!

— И это правда?

— Что вы сказали?

— Простите. Бога ради!

— Я говорю, нейтралитет, который позволит вам вести беспрепятственно торговлю с этой провинцией!

— Это было бы для меня спасением!

— В таком случае, не сомневайтесь!

— Да, но вы предложите мне взамен всего этого невыполнимые условия?!

— Нет.

— Но что же вы от меня потребуете?

— От вас потребуют, просто-напросто, обязательство покровительствовать исключительно, вы меня понимаете, «исключительно» бразильскому влиянию!

— Это возможно, так как, помимо всего, французы не пользуются моей симпатией.

— Затем, во всем и по всякому делу сноситься с правительством Его Величества!

— Я согласен и на это!

— И впоследствии, когда придет время, просить о протекторате одной Бразилии!

— И это все?

— Наконец, вы должны еще обязаться уважать и щадить права и собственность, равно как и личность, колонистов белой расы, поселившихся на Спорной территории или намеревающихся поселиться на ней!

— Да, это и в моих интересах!

— Но вы, однако, не всегда так поступали до сих пор! — заметил уполномоченный.

Последние слова подняли целую бурю в душе негра, разом возбудив все его опасения и подозрения. Он побледнел до того, что лицо его стало пепельно-серым и исказилось конвульсивной судорогой, а глаза налились кровью. Порывисто встав, он крикнул голосом, сдавленным от клокотавшей в нем злобы и сдержанного бешенства:

— Так вот зачем вы явились сюда! Вот в чем секрет вашего посещения, этой комедии и этих россказней, которые я слушал, развеся уши, как дурак, в продолжение целого получаса! Так признайтесь, вы, под прикрытием дипломатической неприкосновенности, явились вырвать у меня хитростью или силой моих пленников?!

— Ни то, ни другое! — возразил незнакомец, все так же невозмутимо спокойно.

— Не рассчитывайте, что это вам удастся, милейший, — продолжал Диего, — эти пленники, коли вам все известно, представляют для меня все мое будущее благосостояние, мой государственный фонд... Их вы-

куп должен служить основным вкладом; это будут стены моего дома, роскошный пир на моем пустом столе, картина в мою раму... И я скорее предпочту прострелить вам голову, чем отказаться от них. Мне нечего терять! Слышите?

— Нет, вы лучше не стреляйте, а выслушайте меня! У вас не хватает спокойствия, а между тем спокойствие необходимо будущему государственному человеку! — спокойно заметил незнакомец. Если бы я хотел вырвать у вас г-жу Робэн, ее детей и трех французов — пассажиров «Симона Боливара» силой, то не оставил бы на корвете, привезшем меня сюда на Арагуари, двести пятьдесят человек экипажа и не пришел бы сюда с жалкой горстью людей и парламентерским флагом; я бы заставил сопровождать себя две роты морской пехоты или десантной команды!

— И тогда пленники были бы все перерезаны или задушены по моему приказу!

— А ваша деревня была бы снесена дотла, сметена с лица земли, население ее расстреляно, а женщины и дети отвезены в Макану; а что касается вас, то вас я приказал бы изрезать на тоненькие ломтики и приготовить из вас нечто вроде блинчиков! Так вот, милейший, не старайтесь перехитрить меня или обойти, тем более, что в сущности, я желаю вам только добра... Садитесь и слушайте меня внимательно!

Диего, усмиренный этим невозмутимым спокойствием или, быть может, напуганный присутствием военного судна в водах Арагуари, как будто успокоился и сел на свое прежнее место.

— Доказательством того, что я желаю вам всякого благополучия, может служить то, что я уполномочен вручить вам, из рук в руки, довольно кругленькую сумму, которая, оказывается, почти соответствует цифре, назначенной вами в качестве выкупа за ваших пленников!

— Миллион франков?

— Да, приблизительно!

— Звонкой монетой?

— Да, звонкой монетой, если хотите... Я должен сознаться, что этот секретный фонд предназначался вам по милостивому соизволению моего правительства на то,

чтобы помочь вам в настоящее время встать на ноги и выпутаться из затруднительного положения на условиях, только что изложенных мною. Но при этом вы, надеюсь, ничего не будете иметь против, если я, от своего имени и своей собственной властью, потребую с вас взамен передачи мне всех ваших пленников. Для Робэна это будет прибыльно, да и для вас неубыточно.

— Одно за другое? В обмен?

— Да, конечно, не иначе!

— В какой срок?

— Послезавтра!

— Где? В каком месте произойдет обмен?

— Под карбетом на Тартаругале, против горы!

— Можете быть спокойны!..

— Да ведь это в ваших же интересах, тем более что и в будущем вам придется прибегать к нашей помощи и к нашим финансам. Наше правительство, как вам известно, достаточно богато и умеет щедро оплачивать оказанные ему услуги!

Таинственный уполномоченный собирался окончить этот разговор несколькими словами относительно самой формы обмена, как вдруг страшный гам и шум огласил всю деревню. Крики, вой, громкий хохот, сливаясь в один общий хаос звуков, порождали невероятную какофонию.

Диего в недоумении поднялся со своего места, не зная, что и думать. Он одним прыжком выскочил на улицу и столкнулся лицом к лицу с рослым детиной-негром; весь в поту, жестикулируя, как безумный, негр держал за хвост мертвого тату*, и странно — это четвероногое как будто только что выскочило из ванны, наполненной золотом; чешуя на нем блестела и сверкала на солнце золотыми лучами, причем при малейшем его движении с чешуи обильно сыпалась золотая пыль, явственно выделявшаяся желтыми пятнами на красной глине дороги.

Остальные негры, все более и более беснующиеся и обезумевшие, ревели, как быки на бойне, и неистово жестикулировали, оглашая воздух криками:

— Сокровища!.. Сокровища найдены!.. Найдены!

---

* *Ардамил, броненосец.*

Глава XIII

Безумная страсть негров к пляскам и охоте. — Следствия встречи с тату. — Животное скорее даст себе оторвать хвост, чем выйдет из своей норы. — Беззубый, но имеющий зубы. — Секрет упорства тату. — Каким образом это упорство можно сломить простым щекотанием. — Загнанный в свою нору. — Мина и контрмина. — Зловонный запах. — Труп. — Тату среди груды золота. — Сокровища найдены. — Опьянение и безумие Диего. — Все пропало — все погибло! — Инкогнито разоблачено. — Маркиз, Винкельман и Табира.

В те отдаленные времена, когда люди черной расы были для всего мира несчастными и жалкими рабами, развлечения на плантациях были редки, как в Северной, так и в Южной Америке; они заключались почти исключительно в пляске и охоте.

Когда негры, изнуренные и измученные ежедневной работой, возвращались в свои хижины, они обыкновенно собирались под председательством одного из своих единоплеменников, который с барабаном в руках предводительствовал танцами или, вернее, пляской, состоявшей из бешеных скачков и прыжков, ставших впоследствии легендарными.

Если же вечные и беспрерывные антраша начинали почему-либо становиться недоступными, за отсутствием ли барабана или по нежеланию господина, тогда черные невольники прибегали к охоте и предавались ей с таким же увлечением, как и пляске, т.е. с бешеной страстностью первобытного человека, искренним увлечением взрослого ребенка, который предается любимой забаве без размышления, без чувства меры, до изнеможения.

Рабовладельцы не только не воспрещали этих забав, но даже, до известной степени, поощряли их, зная, что люди предающиеся веселью, не помышляют о дурном или, иначе говоря, не задумываются над священными правами личной свободы и независимости и не замышляют возмущений против их власти.

Вот чем объяснялась терпимость тогдашних рабовладельцев к пляске и охоте, результатом которых опять-

таки являлось переутомление рабочего скота в человеческом образе.

Впрочем, охота для рабов подвергалась известным ограничениям, как в отношении орудий или оружия, так и в отношении дичи.

Господину предоставлялась так называемая благородная дичь, благородная птица и красный зверь. Чернокожим же разрешалось охотиться только на животных низшего порядка, притом под строжайшим запретом пользоваться огнестрельным оружием.

Несмотря, однако, на эти ограничения, негры-невольники по привычке ли или потому, что доступная им дичь прекрасно поддавалась охоте посредством их примитивного оружия, предоставленного в их пользование, всегда с полным упоением охотились на опоссума, тату, или броненосца, и ракуна.

Кто в состоянии описать все хитрости, уловки и затеи этих полудиких охотников, их скитания по лесам, их погоню за зверем? С топором, лопатой или дубинкой он старается перехитрить, обойти и обмануть животное, состязаясь с ним в силе, ловкости и выносливости.

Кто в состоянии пересказать возвращение негра с охоты, его удивительные рассказы, полные детского простодушия, изумительные по своей наивности, его прыжки и детский смех, когда он, резвясь и приплясывая, торжествующий и счастливый, возвращается в свою деревню с богатой добычей и запасом счастливого настроения на целую неделю. В настоящее время, хотя условия сильно изменились и изменились, конечно, к лучшему, и негры стали из бесправных рабов полноправными гражданами — избирателями и избираемыми, все же они унаследовали от своих дедов и отцов-рабов две страсти: страсть к пляске под глухой ритм барабана и страсть к охоте на ракунов, опоссумов и тату.

Как бы негр ни был озабочен в известный момент, но если ему попадается на глаза жестянка из-под свежего свиного сала или хотя бы простой деревянный ящик, то, за неимением под рукой барабана, он тотчас же превращает эти предметы в музыкальный инструмент и, как ужаленный тарантулом, принимается выплясывать под аккомпанемент этих импровизированных инструментов.

Это положительно фатальная страсть у негров.

С другой стороны, если он, идя по делу на свое поле или в мастерскую на работу, увидит случайно след когтей тату (броненосца), он тотчас же забывает и про дело, и про работу, начатую или же доведенную до половины, и идет по следу, увлекаясь погоней и охотой. Если ему придется преследовать животное в течение двух суток, он не отстанет от него до конца и не успокоится, пока не изловит его.

Также и чернокожие подданные Диего унаследовали эти две страсти; и кроме индейцев, вообще довольно апатичных, в этой местности не было более ловких и энергичных охотников, чем негры Озерной деревни.

Таким образом и в тот день, когда бразильский уполномоченный со своим конвоем из солдат тануйев так неожиданно предстал перед Диего, один из негров, имя которого предание не сохранило, увидел превосходного тату, весело бежавшего мимо густой рощицы камбрузов. При виде этого животного непреодолимая страсть к охоте разом пробудилась в нем. С минуту молодой негр стоял неподвижно, как очарованный, затем медленно занес свою дубину и приготовился швырнуть ее, чтобы нанести молодецкий удар по хребту беззубого броненосца. Но тату, хитрый, как лиса, увернулся от удара и стал улепетывать между кустами с быстротой и проворством ящерицы. Охотник устремился следом за ним, прорываясь сквозь чащу бамбуков, как дикий бизон, настиг животное, несмотря на его увертливость, и уже приготовился оглушить его сногсшибательным ударом своей тяжелой дубинки, как вдруг тату, завидев норку, нырнул в нее с головой и скрылся. Остался на виду только хвост, своеобразный придаток, кстати, состоящий из целого ряда костистых суставов, подобных салфеточным кольцам, постепенно уменьшающимся в объеме.

Озадаченный неожиданным исчезновением животного охотник, не долго думая, обеими руками схватился за этот хвост и стал изо всей силы тянуть его на себя. Но все его усилия были тщетны! Никакая сила в мире не в состоянии вырвать это животное из его норы, где оно сидит так же крепко, как нарезной снаряд в жерле пушки. Но и негр был упрям и не упускал добычу; однако, видя, что ему так не справиться с животным, решил принести лопату, чтобы разрыть нору. Сказано — сделано! Он вы-

пустил хвост животного, которое тотчас же исчезло в норе, и побежал со всех ног по направлению к деревне.

Воспользуемся этим временем, чтобы сказать несколько слов об этом интересном животном.

Тату, или броненосец, гласят учебники естественной истории, млекопитающее из рода беззубых из семейства dasypodidae, что, в сущности, для нас не представляет особого интереса. Вернемся главным образом к слову «беззубый», что обыкновенно означает «не имеющий зубов»; но по отношению к тату это является простой шуткой, против которой это животное протестует самым энергичным образом, так как оно имеет прекрасные зубы.

Теперь перейдем к характеру этого животного и самым выдающимся его особенностям. Во-первых, это млекопитающее совершенно не имеет шерсти; длина его тела, не считая хвоста, у обыкновенных экземпляров достигает шестидесяти сантиметров, и все оно покрыто бронею из костистых щитков многоугольной формы, расположенных поперечными поясами. Словом, это род брони, весьма прочной и твердой, которая, однако, вместо того, чтобы сообщать животному известную неподвижность, как, например, панцирь черепахи, ничуть не стесняет проворства и живости движений животного.

Нрава тату робкого, головку имеет маленькую, морду сильно удлиненную, череп плоский, глаза расположены по бокам головы, корпус массивный и мясистый, ноги короткие, снабженные очень сильными когтями.

Это животное по преимуществу роющее. Его пища состоит главным образом из земляных червей, улиток, насекомых, личинок и растительных продуктов — маниока, маиса; но всему этому он все-таки предпочитает разлагающиеся трупы.

Бык, лошадь или какое-либо другое животное, подохшее в лесу или в саванне и брошенное на произвол судьбы, тотчас же привлекает броненосца, который издали чует запах падали или вообще трупный запах, даже если труп или падаль зарыты. Тату тотчас же принимается рыть ходы в земле, пробирается внутрь остова мертвечины и обжирается ею, обгрызая до самой шкуры, подобно крысе в басне, поселившейся в сыре.

Кроме других странных особенностей, тату обладает еще способностью подымать дыбом щитки своей брони, подобно тому, как это делает со своими иглами дикобраз, с тою только разницей, что он это делает не в момент нападения на него, так как тогда это послужило бы ему скорее во вред, чем на пользу.

Только в тех случаях, когда его захватят, а он готов скрыться в свою нору, тату вдруг подымает дыбом щитки своей брони, и тогда они, врезавшись в стенки и свод хода, совершенно не дают возможности сдвинуть животное назад, хотя бы на один дюйм: оно как бы врастает в землю, и никакие силы не в состоянии вырвать его из подземного хода. В тех же случаях, когда охотник преследует его по пятам, разрывая лопатой подземные ходы, этот гигантский крот роет все новые и новые подземные галереи с изумительной энергией и проворством.

Первое, что тогда бросается в глаза, — хвост; обыкновенно хватаются за него, тянут, что есть сил, — и напрасно: тату, так сказать, врос в землю! Этим и объясняется, почему молодой негр, несмотря на свою необычайную силу, не мог вырвать из норы броненосца. Единственное, что он мог сделать, это обломить хвост, но все-таки и этим не добился бы своей цели.

Между тем существует средство преодолеть это упорство животного и выйти победителем из борьбы с ним: когда охотников двое, то один, срезав тоненькую тростинку, заостряет ее с одного конца и осторожно почесывает этим концом под щитками кожу животного там, где она обыкновенно бывает прикрыта щитками, производя таким образом легкое, беспрерывное щекотание. Тату, по-видимому, испытывает при этом такое упоение, что мускулы его размягчаются, щитки опускаются, складываются, и весь он ослабевает настолько, что сила сопротивления совершенно пропадает в нем, и он делается добычей своих врагов.

В известном случае охотник может и один проделать это, но тогда нужно, чтобы он имел при себе эту магическую тростинку. Но молодой негр, не имевший при себе никаких, даже и самых примитивных, орудий, совершенно благоразумно решил, что ему следует бежать домой за лопатой и помощниками.

Негры, несомненно, имеют немало пороков и недостатков, но они во всяком случае не эгоисты, и каждый из них с радостью готов поделиться с товарищем счастливой находкой: так и юный охотник не захотел лишить своих друзей удовольствия охоты за тату, со всеми ее увлекательными перипетиями.

Первые из его односельчан, которых он встретил и сообщил о своем затруднении, тотчас же похватали заступы и лопаты и бегом кинулись к норе тату, крича, приплясывая и жестикулируя, как бесноватые.

Всего их было человек двенадцать или около того, и все они принялись за работу с таким неимоверным рвением, о котором трудно себе составить представление тому, кто видел этих самых людей за работой на поле, где они лениво царапают землю, подготовляя почву под маис или сахарный тросник и еле-еле шевеля лопатой.

В несколько минут дыра, где скрылся тату, превратилась в широкую и глубокую траншею.

Но вот зловонный запах ударил в нос работающим, запах разлагающегося мяса, сильный, удушливый, трупный запах. Еще удар заступа — и взорам негров представились останки трупа, прикрытого кое-где клочьями шерстяных тканей. Но землекопы, издавна знакомые с привычками и вкусами тату, столь омерзительными для нас, европейцев, знали, что это животное особенно любит падаль и разлагающееся мясо, и стали рыть с еще большим усердием, нимало не смущаясь своей ужасной находкой.

Заступы и лопаты работали вовсю, глубоко разрывая на клочья труп и раскидывая эти клочья вместе с землей, вперемешку с комьями земли и песку.

— Тату!.. Тату! — раздались голоса.

Несчастное животное, преследуемое с такой беспощадностью, без отдыха, с бешеным озлоблением, уходило все дальше и дальше, прорывая все новые ходы, положительно уходило в землю, работало и лапами, и рылом, на мгновение появляясь на виду, но тотчас же снова исчезая под землей, благодаря усовершенствованным орудиям, которыми его снабдила природа.

Но эта продолжительная борьба заставила негров окончательно обезуметь; долгое сопротивление несчастного животного довело их до полного самозабвения; они

уже ничего не видели и не слышали, а только рыли и копали, стараясь загнать вконец измученного тату в какой-нибудь тупик и принудить его сдаться.

И вот, действительно, их охота как будто приблизилась к концу; изнемогая ли от этой бешеной работы, к которой вынуждала его погоня, или предвидя, что ему все равно не избежать роковой развязки, или же, наткнувшись на непроницаемый слой твердой почвы или камня, несчастное животное вдруг как будто приостановило свою работу. Кончик хвоста показался над землей среди груд песка и камней; один из охотников тотчас же ухватился за него, а товарищи принялись поспешно разрывать землю вокруг этого места.

Еще один удар заступа — и громкий крик торжества огласил воздух: злополучное животное изловлено. Но вот за этим торжествующим «ура» раздался шум, крики, несвязные возгласы; словом, поднялся целый содом.

То препятствие, на которое наткнулся в своем подземном бегстве тату, теперь предстало изумленным глазам охотников — и их охватило волнение, близкое к ужасу: они увидели перед собой невероятную груду золота в самородках, крупинках и песке, тщательно заделанного в корзины, обвязанные крепкими циновками и бечевками из волокон арума.

Тату, отчаянно работая своими железными когтями, чтобы проложить себе дорогу, изорвал эти покровы и почти весь исчез в груде металлических комков и комочков самой разнообразной формы и величины, начиная с самородков величиною с абрикос и кончая тончайшей пылью. Загнанное животное сверкало, как золотое изображение какого-нибудь фетиша из легендарного дворца Эльдорадо.

Сильный удар по хребту положил конец движениям бедного животного, порывавшегося вырваться из рук своих мучителей.

Но негры не смели и подумать о присвоении себе хотя бы самой незначительной доли этих сокровищ, не говоря уже о том, что их число весьма затрудняло равный и справедливый дележ, трудно было сохранить в полной тайне эту удивительную находку. А затем страшный и грозный призрак свирепого Диего предстал перед ними и разом разрушил мечты, которые втайне лелеяли неко-

торые в первые моменты счастливого опьянения, — и одно воспоминание о нем разом возвратило их к суровой действительности.

— Бежим известить вождя! — решили все в один голос.

Сказано — сделано! Счастливые охотники, забрав свои заступы и лопаты, захватив и броненосца, всей оравой, с визгом и смехом, бегом бросились к деревне, крича во все горло и на все голоса: «Сокровища, сокровища!.. Мы нашли сокровища!»

Такова была причина того крика и гвалта, который озадачил Диего, а отчасти и его гостя, когда переговоры их подходили к концу и все между ними было уже решено.

Несмотря на беспредельное пустословие, каким негры вообще любят уснащать свои рассказы ради фигуральности и красного словца, несмотря на все прикрасы и уклонения от главного предмета на массу ненужных попутных подробностей, — Диего очень скоро уловил самую суть дела и понял, что тайник, где его предшественник так умело скрыл ото всех свои сокровища, благодаря погоне за тату наконец открыт.

Он нервно вздрогнул с ног до головы; глаза его разгорелись, и странное выражение счастья на мгновение озарило его мрачное лицо.

Несмотря на свое невероятное самообладание, он был готов кричать, кривляться, плясать и жестикулировать, как безумный.

Но присутствие белого, по-прежнему остававшегося невозмутимо спокойным, хладнокровным и безучастным, заставило его одуматься, сдержать свой порыв и побороть в себе желание высказаться столь беспорядочным и, можно сказать, диким образом.

— Аа, — проговорил он, обращаясь к своему посетителю, голосом, в котором слышалась нервная дрожь и которому он старался придать любезный тон, — если бы я был суеверен, то мог бы подумать, сеньор, что ваше прибытие принесло мне счастье!

— Что вы хотите сказать? — спросил уполномоченный все тем же бесстрастным голосом.

— А то, что несметные сокровища, добытые некогда с большим трудом и громадными усилиями и таинственным образом исчезнувшие, вдруг вновь найдены моими людьми! Вы только что предложили мне миллион, и вот я нахожу другой миллион! Так будьте же дважды желанным гостем в моем доме!

— Я не совсем вас понимаю!

— Да я и сам едва могу сообразить, как все это случилось! Разрешите мне покинуть вас на самое короткое время, пока я успею добежать туда и тотчас же вернуться обратно, чтобы убедиться, в чем дело! Но, может быть, вы пожелаете отправиться вместе со мной?

— Нет, идите по своим делам; я предпочитаю подождать вас здесь!

— Как вам угодно, Ваше Превосходительство... до скорого свидания!

Оставшись один, дипломат, столь хладнокровный до этого момента, вдруг глубоко вздохнул, вскочил со своего места, стукнул кулаком по столу с такой силой, что стол чуть было не раскололся, затем снова сел и стал утирать платком пот, ручьями катившийся у него со лба.

— Все пропало! — пробормотал он сквозь зубы.

Но ведь снаружи его могли видеть?! Быть может, подозрительный, как всегда, Диего приказал своим людям наблюдать за ним. И незнакомец, поборов свое волнение, прорвавшееся было наружу, снова придал своему лицу спокойное и бесстрастное выражение; стал поправлять свои золотые очки, обмахиваться треуголкой, словом, снова стал так же невозмутимо спокоен и безучастен, как и раньше.

Индейцы-солдаты, небрежно растянувшиеся на земле подле своих ружей, составленных в козлы, не тронулись с места; их начальник, сидевший в тени развесистого дерева, остался также неподвижен. Жители деревни тоже не покинули своих хижин, вероятно, по наказу своего строгого вождя.

Диего захватил с собой всего человек десять с лопатами и корзинами, или так называемыми «катури».

Не прошло и получаса, как он уже вернулся, торжествующий и довольный, в сопровождении своих негров, тяжело нагруженных золотом.

— Вот, — шумно воскликнул он, входя в свою хижину, — вот мое золото, утаенное от меня человеком, которому я доверил его на хранение, и запрятанное им в таком месте, о котором никто не знал и никогда не узнал бы, если бы тату не позарился на труп одного бежавшего из Кайены каторжника, схороненного поблизости. И вот счастливая случайность! Подумайте: труп был зарыт всего в нескольких шагах от сокровища, и те, кто рыл для него могилу, даже не подозревали о существовании клада поблизости. Надо было, чтобы тату прорыл свои ходы, ища спасения, как раз в этом направлении и нарвался на груды золота, в которые и зарылся, не найдя себе выхода. Ну разве это не удивительно?

— В самом деле, крайне удивительно! — согласился уполномоченный слегка изменившимся голосом.

— Смотрите, какая чудесная находка!.. Каждый из этих людей несет на себе не менее тридцати трех килограммов золота, а их десять человек; это составляет уже миллион, если считать на французские деньги!

— Поздравляю вас, милейший, и от всего сердца! Но я думаю, эта находка ни в чем не изменит наших условий?!

— Конечно, нет! Кой черт, когда начинаешь получать миллионы, то хочется получать их как можно больше... Я в настоящее время более, чем когда-либо, нуждаюсь в деньгах, точно так же, как и в благосклонном нейтралитете вашего правительства.

Заручившись этим уверением, уполномоченный, которому в сущности ничего более не оставалось делать в Озерной деревне, по крайней мере в настоящее время, стал прощаться с негром. Последний со своей стороны, по-видимому, весьма был озабочен необходимостью припрятать свое золото в надежное место.

Поднявшись со своего места, уполномоченный подошел к двери и окликнул своего офицера, продолжавшего сидеть неподвижно под сенью дерева. Тот, в свою очередь, окликнул солдат, мирно спавших подле своих ружей, стоящих в козлах; те тотчас же вооружились и построились в ряды.

Чернокожий вождь и белолицый дипломат расстались с притворною сердечностью, условившись свидеться вновь через три дня.

Трубач заиграл марш, на звуки которого опять сбежалось чуть не все население деревни, еще более возбужденное и заинтригованное теперь. Но музыка звучала все дальше и дальше от деревни, и вскоре залитый золотом уполномоченный и офицер, и солдаты — словом, все это необычайное шествие скрылось в чаще леса, куда никто не пожелал следовать за ними из чисто практических соображений: благодаря находке сокровища, все ожидали великих щедрот со стороны Диего, ожидали, что угощения и тафия достанутся на долю каждого, и потому все возвратились назад в деревню, а не сопутствовали еще дальше своим гостям.

Но мы последуем за ними.

Вскоре солдаты подошли к проливу, служившему путем сообщения с южной частью этой территории; здесь они уселись в пирогу, на корме которой развевался бразильский флаг, молча разместились по своим местам; солдаты превратились в гребцов и сильно заработали веслами.

Немного погодя уполномоченный прервал, наконец, всеобщее молчание, которое предписывала элементарная осторожность с самого момента выхода их из деревни.

Но теперь, когда, кроме этой пироги, нигде кругом не было ни души, когда нечего более опасаться шпионов, этот столь удивительно невозмутимый и бесстрастный господин вдруг издал бешеный крик ярости, вскочил со своего места и закричал, на этот раз уже по-французски и совершенно иным голосом:

— Черт возьми! Тысяча тысяч миллионов громов и молний!.. Ведь все погибло, Винкельман!

— Что вы говорите, Маркиз! — отозвался офицер, который уже расстегнул свой мундир и готовился заменить его простой холщовой блузой.

— Сущую правду, увы! Надо же было обстоятельствам так сложиться, что этот клад, так тщательно запрятанный и скрытый от всех, на который я рассчитывал, чтобы обеспечить несчастным пленникам свободу, был отрыт этими чернокожими как раз сегодня!

— Какое несчастье!

— Это, Бог знает, на что похоже! Дело было так хорошо обставлено, проведено без сучка, без задоринки,

так удачно задумано — и вдруг, когда уже удалось провести этого дьявольски хитрого и подозрительного негра, остаться на бобах в самый последний момент! Нет, это положительно ужасно!

— Ну, а что вы скажете обо мне? Чего ради я превратился в мулата, чего ради потел в этом мундире и задыхался в этой упряжи? Для того только, чтобы упустить столь благоприятный случай придушить этого черного негодяя?

— Ну, а разве мой маскарадный наряд не был хорош? Разве можно было меня узнать в этом наряде и в этой роли бразильского дипломата? И все это напрасно!

— Ну, что делать, Маркиз! Что сделано — то сделано! Не надо только отчаиваться... Мы еще можем соединиться с г. Шарлем, который, может, уплатит требуемую сумму!

— Да, но ведь эта сумма вернет свободу одному, тогда как, если бы не эта неудача, через три дня были бы свободны все!.. Право, если бы нас было не четырнадцать человек, а сорок или пятьдесят, и если бы на Арагуари действительно стояло военное судно, как я налгал этому черномазому, то можно было бы напасть на деревню с оружием в руках и воспользоваться опьянением негров, которые теперь, несомненно, все перепьются на радостях до полного бесчувствия и самозабвения...

И все там перевернуть вверх дном и увезти наших пленников? Не так ли?

— Что ты на это скажешь, Табира?

Сержант, сидевший на корме пироги и направлявший ее ударами своей нагайи, невозмутимо поднял голову и ответил:

— Я сделаю так, как того захотят белые, но я с большой радостью поджег бы всю эту деревню и изжарил бы всех этих проклятых негров в их хижинах! — и Табира при этом пренебрежительно сплюнул. — Но всего лучше идти к господину!

— Да, ты прав, Табира! Мы не можем и не должны ничего делать без его согласия: ведь малейшая неосторожность с нашей стороны может привести к ужасным последствиям! Ну же, дружно, ребята! Налегай на весла и, с Богом, в путь!..

Глава XIV

Необходимое объяснение. — Каким образом эльзасец исполнил свои инструкции. — Эгаритеа. — Первые рекогносцировки. — Нежданная встреча. — Каким образом переряженный Винкельман вдохновил Маркиза. — Комедийный актер готовится разыграть настоящую драму. — Автор и актер. — На Марони. — Приготовления к экспедиции. — В путь к Арагуари. — Через девственные леса. — Один под сенью карбета на Тартаругал-Гранде. — Таинственный шум. — Удивление. — Вместе. — Уничтоженные проекты. — Каким образом Маркиз думает устроить все дела одним револьверным выстрелом? — На месте свидания. — Никого!

Путем какого странного стечения обстоятельств Маркиз, так превосходно закостюмированный и загримированный мнимым уполномоченным правительства Его Величества дона Педро, мог встретиться с Винкельманом, прозванным Шоколадом, и с индейцем Мундуруку Табирой и разыграть эту смелую комедию, которой ему удалось провести и одурачить Диего, этого хитреца из хитрецов и самого недоверчивого из людей?!

Но, вероятно, читатель уже сам об этом догадался, а потому мы удовольствуемся только тем, что подтвердим его догадку несколькими краткими словами.

Шарль Робэн в тот момент, когда садился вместе с лирическими артистами на пароход «Симон Боливар», как, вероятно, еще помнит читатель, оставил эльзасца в Паре, доверив ему наибольшую часть тех денег, которые он получил взаймы от французского коммерсанта. При расставании Шарль дал эльзасцу следующую инструкцию: пользоваться этими деньгами по своему усмотрению на пользу общего дела, затем соединиться с Табирой у развалин серингаля, где тот тем временем должен был заняться розысками уцелевших во время погрома бывших служащих и, посоветовавшись с ним, продолжать действовать сообща, имея в виду ближайшее возвращение Шарля Робэна на Тартаругал-Гранде.

При содействии того же французского негоцианта Винкельман приобрел эгаритеа (небольшое судно) и нанял на жалование нескольких человек матросов тануйев, тщательно отобранных все тем же его соотечест-

венником. Нагрузив свое небольшое судно огромным количеством съестных припасов и раздобыв превосходнейшее огнестрельное оружие в изрядном количестве, с соответствующим количеством боевых патронов, он рассчитывал произвести, в случае необходимости, вооруженное нападение на Озерную деревню.

Решившись даже разыграть роль бразильского офицера, действующего по предписанию местных властей, — чтобы тем самым сильнее воздействовать на умы в сущности весьма трусливых жителей деревни, — он заказал себе прекрасный мундир капитана морской пехоты и двенадцать полных солдатских обмундировок, которые и уложил в особый ящик.

После того он спешно направился на Арагуари, куда и прибыл вполне благополучно после довольно продолжительного, но совершенно беспрепятственного плавания.

Табира, давно уже бывший на своем посту, успел за это время собрать кое-кого из своих бывших товарищей, бродивших в лесу без убежища и без дела со времени страшного разгрома.

Что же касается остальных служащих серингаля, негров и индейцев с женами и детьми, то все они удалились на верховья реки, выше порогов, где и ютились временно, и откуда их во всякое время можно было вернуть.

Посоветовавшись между собой, эльзасец и Табира решили подняться на эгаритеа до фазенды, владелец которой оказал такое сочувствие горю Шарля. Здесь они основали свою штаб-квартиру и отсюда отправились, со всевозможною осторожностью, к окрестностям Озерной деревни, чтобы там, на месте, обсудить и подготовить вооруженное нападение, на тот случай, если непредвиденные обстоятельства помешают мирным переговорам.

Винкельман, имея в своем распоряжении еще довольно крупную сумму, взял на себя смелость вернуть фазендейро деньги, одолженные им его господину, что немало поспособствовало поддержанию его благорасположения к Шарлю Робэну и превратило этого фазендейро в одного из самых деятельных и усердных союзников молодого француза.

Зная, что беглые кайенские каторжники находятся в Озерной деревне и опасаясь быть узнанным ими, эльзасец из весьма разумной предосторожности вздумал преобразиться в мулата, что он и осуществил без особых затруднений, натерев себе лицо, руки и все тело соком генина.

Затем он отправился в сопровождении Табиры и еще двух индейцев, оставив остальных индейцев, равно эгаритеа и весь ее экипаж, временно в фазенде.

Они бродили уже около недели вокруг Мукамбо, стараясь разведать привычки и образ жизни пленников, изучая топографию местности и тщательно изыскивая средства связаться с г-жой Робэн.

Табира дважды отваживался пробраться в самую деревню днем и вернулся с самыми точными указаниями относительно ее расположения, после чего пришла очередь эльзасца, который, со своей стороны, с удивительной смелостью, присутствием духа и невероятным хладнокровием явился к лавочке, где выдал себя, благодаря основательному знанию португальского языка, за солдата, дезертировавшего из Маканы, и был радушно принят заседателями корчмы, благодаря своей щедрости на угощение. Пробыв несколько времени в этой веселой и дружелюбной компании, он под вечер преспокойно ушел из деревни, сказав, что идет разыскивать товарищей, скрывающихся в лесу, и вдруг неожиданно столкнулся с Маркизом.

Маркиза он отлично помнил и в лицо, и по имени, несмотря на то, что видел всего только один раз в продолжение часа, когда Маркиз и его товарищи садились на пароход «Симон Боливар» вместе с Шарлем.

— Маркиз! — шепнул он мимоходом молодому человеку и при этом сделал ему знак следовать за ним.

— Кто назвал меня по имени? Кто вы такой? — спросил актер, недоумевая, кто мог окликнуть его по имени, да еще по-французски, и кто такой этот мулат, которого он никогда раньше не видал.

— Тс! Будьте осторожны! Бога ради, ни одного лишнего слова, ни одного жеста, который мог бы возбудить подозрение! Доверьтесь мне! Я не мулат, а француз, один из слуг Шарля Робэна... вашего спутника на

пароходе «Симон Боливар». Вспомните человека, который помогал грузить ваш багаж, это был я!

— Я отлично помню!.. Так идите прямо, притаитесь там в рощице камбрузов... Я приду туда, как только будет возможно!

Винкельман продолжал идти дальше, не замедляя и не ускоряя шага, все той же небрежной, ленивой поступью человека, которому спешить некуда, не оборачивая головы и рассеянно блуждая взором по сторонам.

К счастью, произнесенные им по адресу Маркиза слова никем не были услышаны.

— Боже мой, Боже мой! Какими судьбами этот человек, которого я оставил на пароходе вместе с господином Робэном, очутился адесь! — думал Винкельман, удивленный до крайности этой неожиданной встречей... — О каком новом несчастии придется мне услышать от него? Уж не случилось ли чего-нибудь и с моим добрым господином?

Впрочем, его беспокойство продолжалось недолго. Артисты пользовались почти с самого начала относительной свободой, а потому могли беспрепятственно ходить где угодно и в какое угодно время, но, конечно, лишь на известном расстоянии от деревни, а потому Маркизу без особенных хлопот удалось уйти из деревни и свидеться в чаще с Винкельманом, поджидавшим его там.

Во время этого первого свидания, весьма непродолжительного, впрочем, из опасения возбудить подозрения, они ознакомили друг друга с положением дел с той и другой стороны и расстались, условившись свидеться снова, чтобы обсудить, какие принять меры для общего спасения.

Надо ли говорить, что в течение тех трех дней, которые прошли между этим первым и следующим за ним свиданием, воображение и мысль молодого артиста, всегда столь пылкие и живые, работали более усиленно, чем когда-либо, создавая проекты, планы, строя предположения, самые смелые и самые фантастические, измышляя всевозможные средства и способы похищения пленных, бегства их или же освобождения путем какой-нибудь хитрости или ловкого обмана.

Первоначальная идея Винкельмана — превратиться в мулата, затем в капитана бразильской армии и выдать себя за лицо официальное — вдохновила Маркиза.

В его чемодане и в чемоданах его товарищей хранилось немало костюмов, соответствующих всяким случаям жизни и пригодных для исполнения самых разнообразных ролей. Он прибегнул к содержимому всех трех чемоданов и собрал прекрасную полную парадную форму, которая была уже подробно описана нами раньше и могла ввести в заблуждение даже и такого предубежденного и недоверчивого человека, как Диего. Накладная бородка, ордена, шпага и очки — все было налицо в гардеробе странствующих артистов.

Затем он стал обдумывать и изучать свою речь, свои жесты и движения, свою осанку, словом, входить телом и душой в свою роль.

Он решил сыграть уполномоченного от бразильского правительства, решил поддержать тайные мечты Диего, предложить от имени бразильского правительства миллион золотом и затем, распростившись, как подобает такому высокому лицу, вернуться на свое судно, а ночью, с помощью своих людей, вырыть клад, зарытый под холмом в роще камбрузов, перенести все это золото на эгаритеа и в назначенный день и час вручить Диего, взамен пленных, миллион золотом!

Одурачить таким образом этого чернокожего негодяя, уплатить ему его же собственным золотом, освободить пленных, благодаря этому обману, — надо согласиться — все это было бы в высшей степени заманчиво, особенно для прирожденного актера.

Товарищи, Фриц и Раймон, всей душой одобрили этот план и без всяких оговорок согласились со всеми его подробностями.

Затем вечером того же дня, когда состоялось третье свидание, Маркиз, тщательно упаковавший свой костюм в нагару и спрятавший свою шпагу в пучке маисовой соломы, поцеловал своих друзей и тихонько отправился к Винкельману и Табире, уже поджидавшим его. Мы уже видели, как блестяще Маркизу посчастливилось провести свою роль, и как одно пустяшное обстоятельство

разом разрушило этот блистательный план, уже близившийся к полному своему осуществлению.

Теперь вернемся на Марони, в роскошную усадьбу плантации «Бонн-Мэр», где несчастный Шарль Робэн, вместе со своим отцом и старшим братом, также измышлял план освобождения его семьи.

Проект Анри, создавшийся в его мозгу в то время, как бедный Шарль посвящал свою семью во все печальные подробности постигшего его несчастья, встретил всеобщее одобрение, и, не теряя времени, решено было тотчас же приступить к приготовлениям.

Время не терпит, нельзя терять ни минуты: трехмесячный срок весьма короток, если принять во внимание огромное расстояние и трудность путей сообщения.

Самым важным было, конечно, раздобыть как можно больше золота, и старик Робэн, желая увеличить добычу драгоценного металла, на другой же день сам отправился на прииск с добавочным отрядом рабочих.

С этой стороны не предвиделось никакой задержки или помехи; прииск был богат, и необходимую для первого взноса сумму можно было получить в самое непродолжительное время.

С другой стороны, Анри также не бездействовал: он поспешил отобрать из числа огромного служебного и рабочего персонала отца тридцать человек негров, из которых рассчитывал образовать свой боевой отряд. Для этого он мог брать наугад почти любого из этих людей, родившихся или, по меньшей мере, воспитанных и вскормленных на плантации «Бонн-Мэр» и потому представляющих собою образец, как в физическом, так и в моральном отношении; на них вполне можно было положиться.

Смелые и отважные охотники, смолоду привыкшие обращаться с оружием и мастерски владеть им, несравненные гребцы, привычные ко всем условиям местной жизни, дети вольной саванны и девственных лесов, умеющие не хуже диких зверей прокладывать себе дорогу сквозь эти непроходимые чащи тропического леса, способные выносить без малейшего ущерба для себя всевозможные лишения и без трепета встречать всякую опасность, трезвые, что чрезвычайно ценно у негров, которые

не отличаются этим качеством, хладнокровные, преданные своему господину, как верные псы, благодарные семье Робэна за то благосостояние, которое эти люди создали для них и для их семей — они были неоценимые помощники.

Потому-то, несмотря на малое число, эти тридцать человек хорошо вооруженных негров под командой умных и опытных людей могли даже без кровопролития захватить убежище бандитов Спорной территории.

Но самое важное было в данное время — приучить их к дисциплине, чтобы, по возможности, усилить еще более их природную решимость и отвагу. Всем известно, какие чудеса способна творить дисциплина и какие выгоды она предоставляет даже при весьма посредственном уровне войска.

Кроме того, Шарль сильно рассчитывал, и не без основания, на содействие Винкельмана, Табиры и тех индейцев и негров из его бывших служащих, которых им удалось бы собрать вокруг себя на берегах Арагуари.

По его расчетам, усилия этих двух отрядов, действующих заодно, по взаимному соглашению, должны дать самые блестящие результаты, даже по отношению к шайке разбойников, превосходящей их по численности во много раз.

Главное в таких делах — это быстрота и точность. Надо будет добиться и того, и другого.

Однако вернемся к самим фактам.

Трех недель оказалось достаточно для подготовки задуманной экспедиции; так много старания было приложено с обеих сторон, и со стороны обучающих, и со стороны обучающихся.

Золотая россыпь тоже не обманула возложенных на нее ожиданий и расчетов. Она все это время давала блестящие прибыли. Восемь больших слитков, весящих каждый по восемь с лишним килограммов, стоимостью свыше двухсот тысяч франков, были тщательно уложены в массивный ларец из палисандрового дерева. Люди тоже были в полной готовности. Их военная выучка оказалась более чем достаточна для предстоявшей им задачи. Главное, они научились повиноваться с поразительной быстротой и точностью каждому слову команды и усовершен-

ствовались в уменье владеть своим скорострельным оружием.

Припасы и прочее были нагружены на прекрасный голет, вместимостью пятьдесят тонн, стоявший у поста Альбина ниже порогов Хермина.

Настал час отправления. Почти все население плантации толпилось на «Мысе кокосовых пальм». Маленькая флотилия пирог, которые должны доставить военный отряд на голет, стоявший на якоре приблизительно в сорока километрах отсюда вниз по течению реки, приготовилась к отплытию.

Наконец, отъезжающие в экспедицию обменялись последними пожеланиями с оставшимися на плантации — и пироги помчали их к судну.

В два часа времени они достигли голета. Пересесть на судно было недолго.

Голет тотчас же снялся с якоря. Спустя две недели он входил уже в устье Арагуари после довольно продолжительного, но вполне благополучного плавания.

Мы уже говорили в первой части этого романа о причинах сравнительной медлительности этого плавания: несмотря на то, что от порогов Хермина до Арагуари считается не более девятисот километров, ветры и течение, гонящие суда по направлению с юга-запада на северо-восток, сильно мешают ходу судов.

Голет поднялся по Арагуари до притока Апуремы. Робэн-отец, его сыновья Анри и Шарль, и Николай — их доверенный слуга, последовавший за семьей Робэн из Парижа и никогда не расстававшийся с ней с самого момента их переселения в Гвиану, высадились ночью с величайшими предосторожностями, у самого слияния этого притока с рекой.

Решено было пешком добраться до окрестностей Озерной деревни, причем никто даже не подумал о трудностях подобного путешествия и опасностях, которые могли ожидать их при данных условиях.

И в самом деле, что значили для этих привычных сынов тропической природы болота, низины, туманы, пропитанные заразой злокачественных лихорадок, населенные мириадами вредных насекомых? Что значили бесчисленные реки, речки, ручьи и потоки, через которые

приходилось переправляться то вплавь, то вброд? Что значили утомительные переходы, зной и ливни, и усталость?!

Каждый бодро пустился в путь, неся на себе все свое оружие, гамак и тридцать килограммов съестных припасов, как будто собравшись на приятную загородную прогулку. Голет пошел вверх по реке с Шарлем и двумя только неграми до фазенды на Апуреме. Здесь он застал лодку Винкельмана с индейцами, терпеливо ожидавшими возвращения эльзасца, отправившегося вместе с Табирою и маленьким отрядом, привезенным им из Пары, на рекогносцировку.

Шарль, зная преданность и ловкость этих двух союзников, уверенный в их осторожности и в том, что они не предпримут ничего такого, что могло бы быть пагубно для успеха задуманного ими плана, устроился так, чтобы явиться на условленное место встречи приблизительно за два дня до них. Так как его роль была совершенно мирная, то он хотел отправиться в карбет в сопровождении всего только двух негров.

Он, конечно, мог рассчитывать, что отряд Винкельмана, расположенный под прикрытием леса в окрестностях Озерной деревни, неизбежно встретится с отрядом его отца и брата. Такое продположение было безусловно разумно: нельзя было допустить, чтобы эти следопыты жили так близко один от другого, не подозревая присутствия друг друга.

Табира, не раз ездивший с ним на Марони, прекрасно знал в лицо не только его отца и брата Анри, но и большинство из Бони, служивших и работавших на плантации. От них он должен был узнать план и присоединиться к ним со своим отрядом для подкрепления.

Совершенно обнадеженный, Шарль отправился на пироге тем же самым путем, каким следовал здесь три месяца тому назад; он не спешил, так как времени было еще много, прибыл на условленное место, к карбету на Тарпа Тартаругал-Гранде, за два дня до срока, назначенного ему Диего, и временно поселился в этом, никем не занятом жилище.

Затем потянулись долгие часы ожидания в этой безлюдной пустыне, среди которой ожидание становилось еще более томительным и тягостным.

Накануне, поутру, он отправил своих двух негров на вершину горы с приказанием зажечь там большой костер, который они должны были поддерживать в продолжение всей ночи, и остался теперь совершенно один. Сидя в своем гамаке, он предавался мучительным мыслям, снедавшим его уже долгое время.

Углубившись в себя, не ощущая даже укусов бесчисленных насекомых, облепивших его со всех сторон, позабыв даже мучивший его голод, он не заметил, как наступил закат солнца, о котором так громко возвещают своим криком гуарибы (ревуны). Вдруг он от неожиданности вздрогнул: среди разнородных звуков, возвещавших о пробуждении леса и его ночных обитателей, среди этой знакомой ему симфонии, его привычный слух различил другой звук, так сказать, посторонний, необычный, нечто вроде шума травы и по временам — легкий звук бряцания чего-то металлического.

— Это, несомненно, идет вооруженный отряд, — подумал он, инстинктивно схватившись за револьвер. — Я здесь один — и почти беззащитный. Неужели эти негодяи хотят меня ограбить? Да нет же! Он, наверное, хочет получить весь выкуп полностью!

Осторожный, как прирожденный индеец, Шарль беззвучно выполз из своего гамака, выбрался наружу из карбета, притаился за большим кустом юкки и стал выжидать с сильно бьщимся от тревоги и нетерпения сердцем.

Ночь спускалась на землю. Вскоре светлое пламя вспыхнуло вдали и разгорелось ярким огнем на вершине горы, ставшей теперь невидимой на фоне потонувшего во мраке горизонта.

Между тем шум, встревоживший молодого плантатора, становился все явственнее и заметно приближался.

— Эх, черт возьми! — произнес по-французски звучный молодой голос. — Наконец-то! А я уже боялся, что мы сбились с пути! Вот и сигнал, друг Винкельман!

— А вот и карбет, Маркиз! Господин Шарль, наверное, где-нибудь здесь неподалеку.

— Винкельман! Маркиз!.. — воскликнул Шарль, донельзя обрадованный и удивленный. — Вы здесь? Какими судьбами?

— Да, как видите, мой благодетелель, или, впрочем, скорее как вы не видите, а слышите! — отозвался Маркиз, ощупью отыскивая руку Шарля, которую он в конце концов нашел.

— Друзья мои, дорогие друзья мои... Что здесь случилось?

— Пока еще ничего особенного; простая неудача. Я, видите ли, с двумя моими товарищами случайно напал там, подле этой проклятой деревни, на клад, настоящий клад из тысячи и одной ночи. Мы с товарищами решили отдать все это золото, а его там были целые груды, на выкуп вашей семьи! Я даже придумал довольно удачный трюк с целью достигнуть этой цели, как вдруг странная, чисто дьявольская случайность разом разрушила весь наш план! Я сейчас расскажу вам все это. Что касается вашей супруги, госпожи Робэн и детей, то вы можете быть спокойны; они все здоровы и сравнительно счастливы! Впрочем, все устроено так, что вы завтра же увидите всю свою прелестную семью.

— Завтра! — воскликнул Шарль, все более и более удивленный.

— Да, завтра. Но позвольте мне прежде, чем начать вам рассказ обо всем этом, устроить наших людей; они совершенно выбились из сил!

— Наших людей?

— Ну, да, Винкельман, которого вы хорошо знаете, и ваш индеец Табира, да еще кучка краснокожих, вооруженных до зубов — все они устали как собаки! К несчастию невозможно зажечь свет, во-первых, потому, что у нас нет даже сальной свечи, а затем потому еще, что осторожность предписывает нам оставаться впотьмах. Но мы устроимся, как сумеем! Позвольте мне только расставить двух-трех часовых: трудно предвидеть, что может случиться...

Отдав все необходимые распоряжения с проворством и предусмотрительностью настоящего лесного жителя, Маркиз вернулся к Шарлю и начал ему рассказывать все по порядку, едва слышным шепотом.

Шарль слушал его, не прерывая до самого конца.

— Так вы думаете, — сказал молодой человек, когда Маркиз окончил свою речь, — что этот негодяй, рассчитывая получить полностью весь выкуп, распорядился привести сюда всех своих пленных?

— Я уверен, что он явится сам: он ни за что не согласится доверить кому бы то ни было эту громадную сумму!

— Господи! Что это только будет, когда он увидит, что у вас нет всего этого золота, которое он думает получить?

— Да ведь нас здесь четырнадцать хорошо вооруженных человек, да еще ваши два негра, поддерживающие костер там, на горе! Это уже составляет шестнадцать. Мы спрячемся здесь поблизости и в нужный момент разом, с быстротой смерча, нападем на него!

— Ну, а если он прикажет своим черномазым негодяям сопровождать себя? Если нам придется иметь дело хотя бы всего только с одной сотней этих разбойников, что мы тогда будем делать? Шестнадцать человек, будь они смелы, как львы, и вооружены целым арсеналом превосходнейшего оружия, все же ничего не могут поделать против ста человек! Право же, это средство слишком рискованно, милый друг!

— А потому мы прибегнем к нему лишь в случае последней крайности. Вы будете как будто одни — и всецело поглощены вашими условиями торга и выкупа. И тогда одно из двух: или он будет здесь с многочисленным отрядом — и мы останемся смирно сидеть в кустах; вы уплатите ему обещанную на этот срок сумму, а он, не видя меня, подумает, что я несколько задержался, что весьма возможно при затруднительности здешних сообщений. Или же мы будем почти в одинаковой силе, и в этом случае я предстану перед ним в наряде уполномоченного, вступлю с ним в переговоры, объявлю, что миллион здесь, налицо, в моей пироге, и в заключение выхвачу из кармана револьвер и прострелю ему голову. Этот выстрел будет сигналом для наших людей; они разом накинутся на его людей с шумом и гамом, которые заставят их поверить, что врагов не шестнадцать, а сто, и, пользуясь первым моментом их замешательства, перебьют всех, кто только вздумает сопротивлятья.

Шарль, почти убежденный этими доводами, готов был согласиться с таким планом, не имея в своем распо-

ряжении ничего лучшего, как вдруг ему вспомнилось решение, принятое его отцом и братом.

— А я чуть было не забыл, — сказал он сдавленным голосом, — что завтра, ровно в полдень, мой отец должен напасть со своим отрядом на деревню и вооруженною силой вырвать из рук негров мою жену и детей. Неужели они подвергнут себя совершенно бесполезной опасности, в то время как мои бедные дети и жена будут уведены сюда? Неужели им предстоит схватка с чернокожим разбойником? А если мы не справимся с ними? Что произойдет тогда, когда их приведут обратно в деревню?.. Каких страшных и ужасных репрессий с его стороны должен я опасаться для них?

Перед такой перспективой Маркиз не мог не признать свой план несостоятельным и принужден был умолкнуть.

Оставалось только надеяться, что Диего явится сюда с небольшой горсткой своих приближенных, или что Робэны — отец и сын, — узнав каким-нибудь образом о том, что пленных под конвоем отводят в какое-то надежное место, последуют тайно за ними, скрываясь в лесу и в камнях. Но на это, увы, было весьма мало надежд!

Однако эти предположения оказались ошибочными: они упустили из вида одно, правда, самое невероятное и недопустимое, именно, никто из них не предвидел, что Диего может не явиться на условленное свидание.

А потому можно себе представить их удивление и недоумение, а затем и безмерную тревогу, когда назначенный для свидания день стал медленно клониться к концу, а негра и никого из обитателей Озерной деревни не было видно.

Шарль был близок к умопомешательству. Какие таинственные причины могли преодолеть алчность жадного до денег Диего? Какая ужасная катастрофа грозила вновь всем надеждам бедного молодого плантатора?

Друзья его не находили слов для утешения и молча оставались свидетелями его страшного горя и отчаяния, от которых у них самих сжималось сердце. Вдруг им показалось, что там, за темным лесом, раздаются глухие неравномерные удары, едва уловимые в тишине ночи; их можно было принять за выстрелы из огнестрельного оружия.

Глава XV

Почему Диего отсутствовал. — Сокровенный тайник для сокровищ. — Последствия падения старого дерева на пирогу. — Добыча кайманов. — Выстрел. Робинзоны атакуют деревню. Искусная тактика. Перед оградой. — Битва. — Штурм. — Две фурии. — «Анри, защищай свою мать!» — Опять вместе. — Осаждающие становятся осажденными. — Брешь. — Приступ. — Ужасное свойство ружей с репетицией. — Колебание. — Таинственная диверсия. — Паника. — Пожар. — Отступление. — Поле битвы. Свободны.

Уж, конечно, не ради своего удовольствия Диего не явился на условленное свидание в карбет на Тартаругал-Гранде. Он, в свою очередь, сделался жертвой неожиданной помехи, которая остановила его на полпути.

Он тем более был взбешен этой задержкой, против которой была бессильна вся его злоба, что серьезно верил в посольство от бразильского правительства.

Заставить Шарля Робэна терзаться неизвестностью и мучиться ожиданием было бы для него, пожалуй, даже приятной шуткой: самая мысль причинить страдания человеку белой расы являлась для него своего рода наслаждением. Но оказаться не пунктуальным по отношению к дипломату, особенно когда он является нагруженный золотом и вестником всяких благ, это, действительно, могло вызвать у Диего злокачественную лихорадку и разлитие желчи.

Между тем все произошло по его же вине.

Как только он почувствовал себя владельцем сокровищ, найденных его людьми в погоне за тату, у него в голове засела одна только мысль — скрыть эти сокровища в таком надежном месте, где бы они были недоступны ни для кого. Но где найти такое место?

— Хм! Вот блестящая мысль! — воскликнул он, ударив себя по лбу. — Я перевезу все это золото на «Симона Боливара». Судно стоит в надежном месте; о существовании этого озера мало кто знает, пароход тщательно скрыт и замаскирован так, что увидеть или разыскать его трудно. И хитер должен быть тот, кто разыщет его там. До срока, назначенного мне этим раззолоченным шутом,

остается еще три дня; этого более чем достаточно, чтобы побывать на озере и, вернувшись оттуда, поспеть к условленному времени в карбет на Тартаругале.

Желая покончить с этим делом без промедления, Диего тотчас же приказал отнести все корзины с золотом в самую большую из своих пирог, выбрал из числа своих людей самых надежных и немедленно отправился к тому месту, где был пришвартован присвоенный им пароход. Как человек в высшей степени осторожный или, вернее, недоверчивый, он усадил с собой на пирогу и двух артистов, Фрица и Раймона, из опасения, чтобы те не сбежали, как это сделал на днях их товарищ Маркиз, непонятное исчезновение которого сильно тревожило его.

Кроме того, перед своим отъездом он увеличил вдвое число стражей, на обязанности которых лежало поочередно караулить жилище госпожи Робэн и ее семейства. Строжайше наказав им не допускать ни под каким видом сношений с пленниками и преподав самые подробные. наставления одному их своих самых верных людей, которого он оставлял в деревне, Диего отправился, почти совершенно успокоенный.

Доставка золота совершилась вполне благополучно, точно так же, как и уборка его в денежный ящик парохода, по-прежнему неподвижно стоявшего в тихих водах у берега маленькой скрытой бухточки, после чего пирога, не теряя времени даром, направилась обратно в Озерную деревню.

Пирога прошла благополучно более половины пути, и Диего, довольный успехом своей экспедиции, поощрял обильными угощениями тафией работоспособность своих гребцов. Вдруг громадное дерево, вышиною более сорока метров, покачнулось в самом своем основании и со страшным оглушительным шумом рухнуло, увлекая за собой соседние молодые деревья, сплетенные с ним крепкой и непроницаемой сетью лиан. Падение этого лесного великана было так неудачно, что, обрушившись на носовую часть пироги, громадный ствол своей тяжестью проломил оба борта и уложил на месте троих гребцов, а все оставшиеся в живых пассажиры и гребцы были опрокинуты в воду.

Пролив был не особенно глубок, и Диего, вероятно, скоро бы утешился после этого приключения, так как

жизнь гребцов для него была сущим пустяком, если бы только упавший старый ствол не преграждал пути.

Продолжать путь пешком было невозможно, так как по обе стороны пролива тянулись плавучие и наносные пески, перемежаясь с илистыми отмелями, которые ежеминутно готовы были поглотить человека, отважившегося ступить на них.

Но, как человек, знающий цену времени, и которого не в состоянии смутить даже и самые неожиданные положения, Диего решился немедленно вернуться на судно. Там были разные орудия, особенно топоры и пилы, с помощью которых можно было проложить или, вернее, прорубить проход для пироги.

Их пирога пришла в негодность, но общими силами ее тут уже починили кусками коры с помощью лиан. Правда, она ежеминутно грозила затонуть, но все, кто не сидел за веслами, неустанно вычерпывали воду тыквенными чашками или ложками, или просто совками, на скорую руку сделанными из той же древесной коры.

И вот кое-как, с грехом пополам, оставшиеся в живых добрались, наконец, до парохода, сидя по колено в воде. Здесь пирогу основательно починили и привели в полную исправность, но это заняло чуть ли не целый день. Близилась ночь — и приходилось ночевать на пароходе.

На другой день с рассветом пирога снова отчалила с полным набором необходимых орудий — и часам к десяти утра путешественники подошли к запруде, преграждавшей им путь.

Все принялись за работу, но, несмотря на все их усердие, работа подвигалась медленно: эти гвианские деревья почти не поддаются ни пилам, ни топорам. Диего разбирала все большая досада на это промедление.

Вдруг один из работников, стоявший по пояс в воде, издал ужасный крик при виде страшно обезображенных останков человеческого трупа.

— Что ты, дурак, чего испугался? — обрушился на него Диего.

— Это кайманы сожрали их, в ту ночь!

— Ну, так что же из того?

Действительно, работающих было много, шуму было много, и потому кайманы не осмеливались приблизиться к ним.

Вот уже полдень. Солнце палит нещадно, вода почти горячая, как в нагретой ванне. Все положительно выбились из сил. Даже сам Диего, работавший рядом с подчиненными, чувствовал непреодолимую потребность в отдыхе.

— Ну, часок отдохнем!

И топоры разом перестали стучать, пилы перестали скрипеть, и весь пролив, и река, и берега словно замерли, а кругом воцарилась тишина.

- Эй, да что там такое? — вдруг спросил один негр. — Как будто гром гремит!..

— Да нет! Небо ясно! Откуда же быть грому?

Через несколько минут этот отдаленный шум перестал слышаться, и опять все стихло, затем снова возобновился, немного более частый и как будто более явственный.

— Тысячи чертей! — воскликнул Диего, побледнев. — Я не ошибаюсь... это, несомненно, оружейные выстрелы! В деревне дерутся!.. А я здесь не могу двинуться с места, словно зверь в капкане!

Он, действительно, не ошибался: эти звуки были выстрелы, которые доносились сюда. Но он далеко не подозревал настоящей причины их, не подозревал всей важности этой перестрелки.

Вернемся теперь к робинзонам Гвианы и неграм Бони с Марони.

Трое предводителей маленького отряда превосходно использовали свое время с того момента, как поселились в девственном лесу вблизи деревни. Благодаря неустанному наблюдению и превосходно организованной разведочной службе, благодаря и денным, и ночным разведкам и вылазкам, они досконально изучили и расположение деревни, и все привычки и порядки ее жителей; узнали, где стояла хижина, в которой жила г-жа Робэн со своей семьей, как велико число ее тюремщиков и внешней стражи; знали даже об отсутствии Диего, хотя и не догадывались, куда именно он отлучился.

Последнее обстоятельство радовало Робэна и его сына, а также и Николая, их доверенного, хотя они не знали, чему следует приписать это отсутствие грозного вождя.

Диего отправился на запад вместо того, чтобы следовать в направлении к югу, к Тартаругалу. Почему? Но не

все ли равно? Самое важное, чтобы он оставался в отутствии подольше, особенно послезавтра, так как ровно в полдень маленький отряд должен был атаковать деревню и во что бы то ни стало освободить госпожу Робэн и детей.

И вот этот с таким нетерпением ожидаемый день настал, наконец. Чего-то он сделается свидетелем?

С самого утра они выступили в поход и стали подходить к деревне со всевозможной осторожностью, скрываясь за всеми кочками, пнями, обвалившимися деревьями, то подвигаясь вперед, то останавливаясь, прислушиваясь к малейшему шороху, пожирая глазами пространство и ожидая последних приказаний своего начальства.

Робэн разбил свой маленький отряд на три взвода, по десять человек в каждом; одним из них он решил командовать сам, другой поручил сыну и третий — Николаю. Последние два должны были напасть на деревню с правого и с левого флангов, бегом пробежать по главной улице, опрокидывая на пути все препятствия, и подоспеть одновременно к жилищу госпожи Робэн.

А сам старик тем временем решил идти прямо на хижину, чтобы взять ее штурмом, воспользовавшись неожиданностью этой внезапной атаки, от которой охрана и привратники невольно должны растеряться.

Было без двух минут полдень. Тридцать человек солдат стояли наготове, ружья к ноге, и только ждали сигнала.

Старый переселенец, знающий их всех до одного и уверенный, что на каждого можно вполне положиться, медленно прошел вдоль фронта, и, окинув их орлиным взглядом, сказал своим звучным, ласковым голосом:

— С Богом, друзья, идите и исполняйте ваш долг!

Затем раздалась команда: «Вперед! Марш!» — и два маленьких отряда мгновенно тронулись с места бесшумным шагом хищников и исчезли в полях маниока, кукурузы и сахарного тростника.

— Теперь за нами очередь! — проговорил старый Робэн, обращаясь к людям своего отряда, и с проворством молодого человека первым устремился вперед с саблею наголо в правой руке и револьвером в левой.

Они двинулись перпендикулярно главной улице деревни. Вот они уже достигли линии хижин, расположенных вдоль главной улицы; но эти хижины не тянутся здесь сплошным рядом, как дома на улицах города, а окружены садами, едва огороженными или вовсе не огороженными, и прячутся в тени громадных развесистых деревьев, большей частью фруктовых.

Робэн и его люди увидели перед собою жилище, где томились пленники, его кровлю из листьсв банана и высокую ограду из кольев, вбитых в землю. Это была настоящая крепость.

Человек пятнадцать вооруженных стражей растянулись кругом забора в тени деревьев и, по-видимому, зорко сторожили заключенных.

Никто из них не спал: они хорошо знали, что наказ Диего должен быть свято исполнен.

При виде высокого белого, выскочившего, точно тигр, из-за кустов, при виде вооруженных с ног до головы негров, следующих его примеру с удивительной решимостью, стража мгновенно вскочила на ноги и схватилась за оружие, готовясь дать жестокий отпор, несмотря на неожиданность этого нападения.

Тот из них, который, по-видимому, являлся здесь начальником, тотчас же издал пронзительный крик, призывающий к оружию, и в то же время навел свое ружье на Робэна.

Последовал выстрел, но переселенец успел быстро кинуться в сторону, и пуля пронзила только плечо одного из его людей.

Раненый издал бешеный рев от боли, сейчас же заглушенный свирепыми криками его товарищей.

Робэн уже снова устремился вперед.

— Брось ружье! — закричал он начальнику стражи тоном, не допускающим возражений.

Но тот схватил свое ружье за дуло, изготовившись бить прикладом, как дубиной.

С быстротой молнии старик бросился на него с обнаженной саблей и нанес сокрушительный удар по черепу бедняги; тот упал, обливаясь кровью, с головой, рассеченной пополам до самого основания носа.

— Ты сам того хотел, негодяй! — воскликнул пронзительно старик.

Остальные, опешившие на мгновение от этого страшного удара, пришли в себя и навели свои ружья на негров Бони.

— Ложись! — крикнул своим Робэн.

Видя этот маневр, выполненный неграми с точностью и быстротой старых солдат, стража снова растерялась. А Робэн тем временем успел уже скомандовать: «Целься!.. Пли!.. »

Грянул залп — десять часовых полегло, кто убитый наповал, кто слишком серьезно раненый, чтобы подняться.

Оставшиеся невредимыми четыре или пять человек, приведенные в ужас побоищем, побросали свое оружие и с воем бросились по деревне.

В это время с обеих концов деревни донеслись звуки нескольких выстрелов. Робэн узнал выстрелы негров-туземцев, которые вообще имеют привычку заряжать целыми пригоршнями пороха, и вслед за этими гулкими выстрелами более звонкие, вибрирующие выстрелы из ружей с репетицией.

— Все обстоит благополучно, — пробормотал он про себя, — только бы с ними там ничего не случилось!

Затем, присматриваясь к ограде, которая теперь уже оказалась всего в каких-нибудь трех метрах расстояния от него, он продолжал все так же про себя.

— Да, тут нужно пушку, чтобы ее пробить. Вот если бы они оттуда догадались открыть нам дверь!

Не теряя ни минуты, он подозвал одного из своих людей, самого сильного и самого рослого, приказал ему встать к изгороди, приложиться к ней плотно спиной и стоять твердо.

— Слушаю, господин! — отозвался негр Бони.

Тогда старик одним прыжком вскочил ему на плечи и, ухватившись руками за вершину бревна, взобрался по ним; повиснув на руках, он заглянул в сад и позвал:

— Мэри!.. Мэри!.. Вы здесь?

Крик ужаса, а вслед за ним радостный крик огласил воздух неподалеку от того места, где держался на руках старик.

— Боже! Отец!.. Это вы? Дети, мы спасены!

— Отоприте нам дверь, дитя мое... скорее!.. Время дорого!

Молодая женщина, недоумевая, задыхаясь от радостного волнения, стремительно побежала через сад к дому, расположенному в другом конце сада. Но ее тюремщицы, старые негритянки, столь ласковые и предупредительные к ней до этого времени, вдруг превратились в бешеных фурий, видя, что их пленница хочет бежать.

Точно две гарпии, накинулись они на несчастную Мэри, схватили ее за руки и своими длинными и крепкими, как когти, ногтями пытались царапать ей лицо.

Робэн не имел времени прийти на помощь молодой женщине. Но его внук Анри услыхал голос деда и прибежал в сад.

При виде его старик выхватил из-за пояса свой револьвер и кинул его в сад на песок.

— Анри, защищай свою мать! — крикнул он мальчугану.

Ребенок схватил оружие и с криком хищного животного кинулся к матери, которая отчаянно выбивалась из рук двух черных фурий. Взведя курок, мальчуган приставил дуло револьвера ко лбу одной из негритянок и закричал голосом, полным гнева и гордости: «Уходи вон, женщина! Если ты только протянешь руку к моей матери, я уложу тебя на месте!»

В ужасе обе старухи, бормоча проклятия, отступили, а молодая женщина стала молить сына и словами, и взглядом:

— Анри, дитя мое, они всегда были добры и ласковы к нам, пощади их!.. Не проливай крови, сын мой!

Тем временем старик уже перелез через изгородь и, спустившись на руках по колу, спрыгнул в сад. Он поспешил к молодой женщине, и его приветствовали радостные детские голоса:

— Дедушка!.. Милый, дорогой дедушка! А папа? Где наш папа?

— Шарль! Где Шарль? — с тревогой спросила и молодая женщина.

— Скоро вы увидите и его, дети мои, — отвечал старик, обнимая и целуя их наскоро, — мужайся, Мэри! Вы сейчас будете свободны!

В этот момент выстрелы стали раздаваться заметно чаще, крики громче и беспорядочнее: по-видимому, жители деревни защищались энергично.

— Дверь! — закричал Робэн, — надо отпереть дверь!

И старик, все еще сильный, ловкий и решительный, как в былые годы, кинулся к тяжелым массивным дверям с надежными деревянными засовами, сорвал эти засовы, распахнул дверь и позвал своих людей:

— Сюда друзья! Сюда!

И было вовремя: свыше двухсот человек, в большинстве вооруженных ружьями, стали теснить отряды, находящиеся под командой Анри и Николая.

Бони, выстроенные стрелковой цепью, отступали в строгом порядке, отвечая на огонь неприятеля, который производил адский шум, несравненно более ужасный, чем тот ущерб, который он наносил пришельцам.

Несколько Бони были ранены; но ни один еще не выбыл из строя, и все они в полном своем составе вступили в крепость, которая должна была защитить их от нападающих.

Теперь только все три предводителя маленьких отрядов могли убедиться, как важно было дисциплинировать их маленькое войско. Не подлежит сомнению, что они были бы уничтожены, эти Бони, если бы только им была предоставлена возможность держаться врассыпную, как это у них в обычае.

— Анри! Брат дорогой! Николай, добрый друг мой! — воскликнула Мэри. — А я уж не надеялась больше увидеть вас! Но где же Шарль? Отчего я не вижу его между вами? Разве он не здесь?

— Нет, сестрица, Шарль не здесь! — ответил Анри. — Он теперь занят мирными переговорами, чрезвычайно важными. Успокойтесь относительно его; он не подвергается никакой опасности, и скоро вы увидитесь с ним.

— Хм! Что это значит? Что за дым?.. Отчего запахло паленым? Слышите этот треск?

— Э, да ведь деревня горит!

— Кой черт! Кто мог запалить эти хаты? Никто из нас — я в том уверен — не правда ли, друзья?

- Никто!

— А если так, то тем лучше для нас; это, быть может, произведет диверсию... А то, не правда ли, отец, мы из осаждающих превращаемся, кажется, в осаждаемых!

— Правда, дитя мое! К счастью, нам здесь, в этом бастионе, сравнительно легко постоять за себя. Отдохните немного, а я пока обойду эту ограду, чтобы убедиться, в каком она состоянии, прежде чем попытаться произвести вылазку.

Но не успел старик отойти и двадцати шагов, как один за другим два выстрела грянули через изгородь; к счастью, оба они были плохо направлены: негры вообще очень плохие стрелки.

Анри увидел два маленьких белых клуба дыма, угадал за ними головы осаждающих и, спокойно вскинув ружье, дал последовательно два выстрела, по первому и по второму, уверенный в том, что он не промахнется.

— Двумя меньше, — проговорил он с величайшим хладнокровием. — Эй, ребята, если вам охота быть перестрелянными поодиночке, — добавил он, смеясь, — так подходи по очереди!

Однако эта кровавая расправа вместо того, чтобы запугать негров, только как будто подзадорила осаждающих. Дикие возгласы огласили воздух. Очевидно, они готовились взять эту маленькую крепость штурмом.

Старих Робэн, в сущности, мало озабоченный их затеей, отправил молодую женщину и детей в дом, сам расставил людей, приказав им спрятаться за деревьями сада, и строго-настрого запретил им стрелять.

Вдруг раздались глухие удары в стену изгороди: то осаждающие старались пробить брешь в частоколе.

Спустя немного брешь была пробита, и несколько кривляющихся черных рож показались в ней, робко заглядывая в сад.

Они поразились мертвой тишине, царящей здесь, и полагали, что враги, напуганные их численностью, укрылись в жилище.

С безумным воем ворвались они в ограду; около сотни человек в одно мгновение заполнили сад.

— Стреляйте! Врассыпную! — скомандовал старый переселенец.

Тридцать выстрелов раздались почти одновременно, а затем целый ряд других выстрелов посыпался, как горох, трещал, как ракеты, без смысла и без толка; все пространство заволокло дымом. Воющая и беснующаяся орава, кинувшаяся врассыпную, сильно поредела под

градом пуль и теперь, пораженная ужасом, при виде страшного урона, нанесенного ей, вдруг остановилась, как вкопанная, в нерешительности и недоумении. Мертвые и раненые лежали грудой, завалив своими телами брешь, а ужасные карабины с репетицией стреляли беспрерывно, разя самых отчаянных смельчаков.

Остальные, незнакомые еще со смертоносным свойством такого оружия, попятились в ужасе, не будучи в состоянии понять, каким образом эта горсть людей могла совершить такое опустошение, которое едва ли под силу нескольким сотням человек. Каким образом эти люди могут стрелять почти безостановочно, не заряжая своих ружей?

Вдруг что-то совершенно неожиданное превратило это недоумение и суеверный страх в настоящую панику.

В то время, как Бони на мгновение прекратили свою стрельбу, заряжая снова свои магазины, в отдалении раздался ряд глухих, как бы орудийных выстрелов, заглушавших шум и треск пожара. Негры, полагая, и не без основания, что подходит новый отряд неприятелей, кинули оружие и помчались врассыпную, в один момент исчезая в полях и лесах, как стая зайцев.

Робинзоны, и сами удивленные, даже несколько встревоженные, готовы были поверить тому же предположению, хотя их привычный слух и уловил некоторую разницу между этими глухими выстрелами и выстрелами ружейными.

Не теряя ни минуты, отец Робэн приказал всем выйти из дома, выстроил своих людей тесной боевой колонной, в центре которой поместил молодую женщину, детей и раненых, и приказал выступить из деревни.

Деревня совершенно обезлюдела; все обратилось в пустыню; все эти хижины и карбеты, построенные исключительно из горючего материала, сгорели, как пучки соломы, в несколько минут и представляли теперь собой только курящиеся и догорающие груды углей.

Теперь всякая опасность для пленных миновала. Дело освобождения совершилось. Однако выстрелы продолжали раздаваться и даже чаще прежнего, все так же неравномерно и все в одном и том же направлении.

Чтобы не попасть под горящие обломки, негры Бони свернули к югу, минуя возделанные поля, не встретив нигде ни малейшей попытки сопротивления.

— Кто бы это мог забавляться и таким образом расходовать свой порох по воробьям? — заметил Анри, все более и более заинтригованный.

Вдруг громкий взрыв смеха огласил воздух: это он же первый и рассмеялся. Пройдя поле маиса, высокие стебли которого заслоняли горизонт, они очутились у небольшого лесочка баобабов, всего в каких-нибудь нескольких шагах от последней хижины деревни.

Пламя захватило высокие травы, растущие у подножия баобабов, и те загорелись в свою очередь, а плоды их, громадные тыквы величиной с добрую дыню, нагреваясь от огня, рвались один за другим, как паровые котлы, с оглушительным треском, напоминающим пушечные выстрелы.

— Спасибо вам, наши бессознательные союзники! — воскликнул Анри, когда на его глазах разлетелось в осколки несколько тыквообразных плодов баобаба, упавших на горящую подстилку трав и мхов. — Этот беглый огонь, столь безобидный, сослужил нам немаловажную службу. Не так ли? — добавил он.

Между тем маленький отряд уже подошел к проливу, на котором стояла флотилия Озерной деревни.

Предвидя успех своей экспедиции, успех, в котором он ни минуты не сомневался, старик Робэн решил воспользоваться этими судами для того, чтобы спуститься до Арагуари. С этой целью он приказал запрятать в высокой траве целый набор весел, принесенных сюда его людьми, так как туземцы никогда не оставляют весел в лодках, а всегда уносят их к себе в хижину.

Солдаты, тотчас же превратившись в лодочников и гребцов, проворно разместились на трех больших пирогах, держа оружие наготове, чтобы иметь возможность дать отпор, в случае неожиданного нападения или какой-нибудь попутной засады. Наконец, все три пироги благополучно отчалили от берега и направились к югу, чтобы скорее достигнуть фазенды на Апуреме, где они рассчитывали застать Шарля и трех французов-артистов, которых они считали давно бежавшими, так как их нигде не было видно во время атаки деревни.

Глава XVI

Что Луш называет исполнением своего долга. — Подлость негодяев. — Истинная причина этого излишнего усердия. — Роковая встреча. — Последствия прибытия в деревню Шарля и его маленького отряда. — Пятнадцать против двухсот. — Побеждены. — Два брата. — Где же Маркиз? — Исчез. — Сутки спустя. — Путешествие на древесном стволе. — Одиссея ночного путешественника. — На озере. — Один на приступ судна. — В каюте. — Побег. — Развязка, подстроенная Маркизом. — Взрыв «Симона Боливара».

Невозможно описать приступа дикого бешенства, овладевшего Диего, когда, восторжествовав, наконец, над препятствием, преграждавшим ему путь по реке, он на другой день очутился среди дымящихся еще кое-где развалин своей деревни.

Неужели все его усилия, все мудро придуманные комбинации, интриги, преступления, неужели все это было напрасно? Неужели ему придется отказаться от своей мечты так долго и так упорно лелеянной им, и преклонить покорно голову перед несчастьем, дотоле непредвиденным?

Вся важность этой катастрофы сразу предстала его воображению, и, несмотря на все свое бешенство, он вполне понимал, какие последствия это могло иметь для него. Не подлежало сомнению, что его пленники были освобождены накануне, и деревня — уничтожена, а жители ее или перебиты, или рассеяны. Что ему теперь из того, что в его руках желанная сумма и хорошее судно, если он остался почти одини, без поддержки, не имея на кого опереться, с жалкой горстью людей, уцелевших от погрома, жалкими остатками тех раболепных и трепещущих перед ним соплеменников, в которых он любил видеть главное, основное зерно его будущей негритянской республики?! На этот раз, вопреки своему обычаю, он не разразился громкими проклятиями и руганью, не подумал даже обрушиться на уцелевших жителей деревни: валявшиеся повсюду тела убитых достаточно красноречиво говорили о том, что битва была жаркая.

Быть может, впервые в своей жизни он испытал чувство, похожее на жалость или сострадание, и не мог не воздать должного этим доблестным и самоотверженным борцам за его интересы.

Но зато его бешенство, его чувство ненависти к победителям возросло до небывалых размеров, и в его разгоряченном мозгу уже родились страшные, нечеловеческие репрессии, к которым он мечтал прибегнуть по отношению к своим врагам.

Он долго находился в тяжком недоумении, не зная, к кому обратиться за подробностями случившегося, не видя вокруг себя никого, кроме тех людей, которые были при нем и которые теперь стояли неподвижно, безмолвные и смущенные, как вдруг увидал вдали идущих к нему трех человек. Из-за поля кукурузы вышли три человека и медленно, с опаской, приближались к нему с виноватым видом собак, которых только что побили, видом, который был бы в высшей мере комичен при других условиях и в иной обстановке.

Диего узнал в этих жалких фигурах трех беглых каторжников, бледных, измученных, с опаленными бородами и волосами, в изодранной одежде.

— Как, это вы? — спросил он, чрезвычайно удивленный. — Кой черт! Что вы здесь делаете?

— Мы пришли к вашей милости, господин, — отвечал Луш, стараясь казаться сравнительно спокойным. — Вы спрашиваете, что мы здесь делаем? Мы пришли отдать себя в ваше распоряжение и спросить, что вы нам прикажете делать.

— Вы даже не захотели бежать?.. Не захотели вернуть себе свободу?

— Мы не так глупы! Мы исполнили свой долг честно, как подобает верным слугам, — продолжал старик с постепенно возрастающим бесстыдством. — Мы дрались здорово за вас, клянусь честью! И так как совесть у нас чиста и упрекать нам себя не в чем, то мы сказали себе: «Наш господин, смотревший на нас, как на фарфоровых собачек до этого времени, теперь убедится, что мы уж вовсе не такие дурные парни, как он раньше думал; он увидит, что и мы можем ему пригодиться на что-нибудь, особенно после того, как узнает, что мы стояли за него верой и правдой!»

— Так вы это сделали ради меня? — сказал Диего с некоторой недоверчивостью во взгляде и голосе.

— Да, доказательством того является, что мы здесь, когда нам так легко было бежать вместе с этими господами, которые так важно потрепали ваших негров.

— Вероятно, переселенцы с Марони, не правда ли?.. Родственники Шарля Робэна, с Арагуари?

— Это весьма возможно, конечно... С ними был совсем седой старик, белый, как лунь, который дрался, как лев, да еще молодой человек, как две капли воды похожий на переселенца с Арагуари, на торговца каучуком, настоящий дикарь! И силен, как манури (гвианский тапир). Он рубился как бешеный... да!.. Кроме того, с ним было человек тридцать черномазых, не в обиду будь сказано вашей милости, которые сражались, как черти, и расстреливали людей, как у нас на родине бьют мух хлопушкой... Вот бы вы посмотрели!..

— Что? Тридцать человек! Только-то?! Тридцать человек против пятисот!!

— Прошу извинения, ваша милость, да ведь не все тут были... Ну, положим, двести человек было налицо...

— Ну, хоть и двести...

— А ведь негры этого старика имели такие ружья, которые стреляли безостановочно, точно в них было по тридцати зарядов... настоящие пулеметы!.. Так вот вы и потягались бы с ними с вашими пищалями, которые не многим лучше простых дубинок! Слова доброго они не стоят, эти пистонные ружья, вот что я вам скажу!..

— Но объясните, почему вас только трое? Ведь не всех же они, в самом деле, перебили!

— Да нет! Только когда ваши увидели, что держаться здесь нет возможности, что и госпожа, и парнишки выпущены на волю, что деревня горит со всех концов, как сноп соломы, они и потянули в лес!

— Ну хорошо, но отчего они теперь не идут ко мне?

— Хм! Вот видите ли, ваша милость, это потому, что они не очень обнадежены относительно вашей милости! — ответил Луш с фамильярной шутливостью. — И боятся, что не будут здесь хорошо приняты... Они знают, что у вашей милости нрав несколько крутенек... если можно так сказать, а потому они опасаются...

— Чего?

— Как бы после выстрелов да не заработать еще батогов от вашей милости.

— А, так значит, вы трое являетесь, так сказать, их делегатами... Вы явились сюда, чтобы исследовать почву и поразведать о моих намерениях.

— Пожалуй, что оно так и выходит, ваша милость... Ваши-то, видя, что мы стоим с ними заодно, возымели к нам некоторое доверие и подумали, что к вам следует отправить кого-нибудь, кто бы умел как следует пошевелить языком и рассказать все, как было... рассказать тихо и спокойно, чтобы вы сами могли все рассудить... Ну, а на себя они в этом не надеялись!

— Уж скажем лучше, что, увидав, как эти проклятые переселенцы одолевают и берут верх над нашими, вы трое побоялись попасть к ним в руки, зная, что они вас не пощадят, а подвесят где-нибудь на первом дереве за ваши добрые дела или же водворят вас обратно в Кайену, в благодарность за ту милую маленькую проделку, которую вы себе позволили с переселенцами на Арагуари! Не так ли? Вот и весь секрет вашего усердия к моему делу!

— А что вам из того, ваша милость, из каких целей мы за вас стояли, из своих ли выгод или из благорасположения к вам? Не все ли это равно?.. А своя выгода, это, видите ли, самое надежное средство привязать к себе людей... Кто своей выгоды не соблюдает?

— Это верно, а потому я вас не забуду. А теперь иди, старик, и призови мне остальных, да скажи, чтобы они были спокойны: я не только не намерен наказывать их, а хочу высказать свою благодарность за выказанное ими усердие.

— Вот это слово так слово! Умные речи приятно и слушать!.. Эй, вы, ребята, Красняк, Кривой, живо! Рысью!..

Не прошло и получаса времени, как довольно большая и чрезвычайно шумливая толпа, состоявшая из мужчин и женщин и детей всякого возраста, появилась вдали под предводительством беглых каторжников.

Таков был страх, внушаемый грозным вождем, что несчастные подданные его едва решились приблизиться к нему, несмотря на уверения Луша, который призывал на помощь все знакомые ему португальские слова, чтобы

убедить несчастных негров, что им не грозит ни малейшая опасность.

Диего с первого взгляда определил приблизительно их число и убедился, что хотя магазинные ружья неприятеля и причинили громадную убыль рядам его защитников, тем не менее уцелевших еще достаточно много, чтобы и они могли представлять собою довольно внушительную силу.

Итак, беда была еще не столь велика, как он полагал сначала.

Несмотря на весьма значительные убытки, причиненные его маленькой колонии, он вскоре утешился, сообразил, что эта первая битва дала ему возможность убедиться, то он смело может положиться на тех, кто остался в живых. Вместо того, чтоб трусливо бежать при первом выстреле, они мужественно защищались, не боясь смерти. Это было хорошо.

В прочувствованных и теплых словах Диего поблагодарил собравшихся за их геройское поведение во время неприятельского нападения, что вызвало настоящий энтузиазм. В заключение своей речи он сказал:

— Ваши хижины сожгли... Но вы не горюйте! У вас будет новая деревня, лучше и красивее этой, более удобная, а главное — лучше защищенная, чем эта. Я вас проведу на большой остров на Лаго-Ново, и там вы построите себе новые хижины, новые жилища, лучше прежних, до которых никто не в состоянии будет добраться. Там мы будем царями озера, которое величиною с море! Посевы и сады наши, слава Богу, не тронуты. Вы останетесь здесь, пока не успеете собрать жатвы, а затем мы переселимся туда, не теряя времени. Я вам доставлю оружие такое же, какое вы видели у наших врагов. У меня есть судно, такое, как у белых, и в нем есть карабины и порох... и... Гром и молния! Что это такое!.. К оружию, друзья! К оружию!.. — вдруг закричал он зычным голосом, выпрямившись во весь рост и сверкнув очами.

В этот момент Фриц и Раймон, о которых все, повидимому, забыли и которые стояли, смешавшись с толпой недоумевающих негров, вдруг опрокинули двоих из своих соседей, выхватили у них из рук по ружью и по сабле и стремительно кинулись вперед с криком:

— Сюда, Маркиз! Сюда! На помощь!

Маленький отряд индейцев под предводительством трех белых неожиданно появился из-за леса, и оба француза сразу узнали своего друга Маркиза, Шарля Робэна и Винкельма, который, несмотря на усердное оттирание, все еще не вполне сумел избавиться от окраски, приданной его коже соком генины.

Достаточно двух слов, чтобы объяснить читателю это появление маленького отряда, столь же неожиданное, сколь и несвоевременное — увы!

Шарль Робэн, не дождавшись Диего в карбете на Тартаругале и не зная, чему приписать это необъяснимое отсутствие, понял, что в деревне должно было произойти что-то необычное, и решил отправиться туда немедленно.

Одно из двух: или нападение на деревню, произведенное отцом, удалось, и тогда он ничем решительно не рисковал, так как его враги должны были быть разбиты. Или же похищение его жены и детей не удалось; к таком случае подкрепление, которое он мог оказать своим маленьким отрядом, неожиданно явившимся на выручку, могло быть чрезвычайно полезно и даже совершенно изменить исход борьбы. Затем, если даже все безповоротно погибло, то и тогда у него останется утешение отомстить за дорогих и близких ему существ, погибнув вместе с ними или за них.

Руководствуясь этими мыслями, он спешил, как мог, и прибыл на то место, где стояла деревня и где теперь курились обгорелые развалины и виднелось одно сплошное пепелище, как раз в тот момент, — увы! — когда Диего только что собрал вокруг себя остатки подчиненных.

Растерянность негров, вид курящихся головней от пожарища, отсутствие старика Робэна и его верных сподвижников — все говорило за то, что экспедиция его отца удалась.

Но у него не было времени поделиться этой радостью со своими близкими ввиду той бешеной злобы, какую проявляли при виде его негры, уцелевшие от погрома.

Отступать уже поздно. Надо было во что бы то ни стало проявить свою силу, иначе всем им грозят ужаснейшие мучения. Впрочем, Шарль не знал, что Фриц и Раймон еще находились в руках бандита, даже теперь, и

после победы Бони, а то уже этого одного было бы достаточно, чтобы заставить его явиться сюда и попытаться во что бы то ни стало спасти их.

Он едва успел приказать своим людям изготовить оружие и построить их полукругом, чтобы не дать окружить себя, как уже рычащая, освирепевшая толпа с бешенством устремилась на них.

Негры Диего, возбужденные присутствием своего вождя и желая отомстить за свое поражение, сорвать свою злобу на этих, так поздно подоспевших врагах, кинулись в бой со смелым бешенством, пренебрегая не только опасностью, но и самой смертью.

Первый же дружный залп заставил их отступить. Но индейцы, вообще мало привычные к огнестрельному оружию и не обладающие дисциплиной негров Бони, начали стрелять, почти не целясь, с нервозной суетливостью, чрезвычайно нежелательной, особенно в такие моменты.

Вскоре их ружья раскалились до того, что до них невозможно было дотронуться: они расстреляли все патроны.

Правда, они уложили многих наповал, многих ранили, но и выстрелы негров тоже выбили нескольких из их строя.

Четверо индейцев убито, эльзасец ранен пулей в плечо и потому вынужден драться своим ружьем как палицей, благо правая рука его еще невредима. Раймон ранен картечью в бедро и едва может держаться на ногах. Из числа белых только Шарль, Фриц и Маркиз пока еще остались невредимыми.

— Взять их живыми! — приказал Диего властным голосом, покрывающим нестерпимый гам, шум и вой, сопровождающие битву. — Слышите, живыми! Не то я размозжу голову первому из вас, кто убьет хоть одного из них! Что касается индейцев, то перебить их всех до последнего.

С этими словами он сам первый кинулся вперед, не щадя себя, во главе небольшой кучки человек в тридцать, опередив на несколько шагов главный корпус своей боевой армии.

Несчастным европейцам пришлось теперь отстаивать себя, каждому против пяти или шести человек

негров, самых сильных и самых смелых, которые набрасывались на них с бешеным порывом диких зверей. Напрасно они отбивались прикладами с удвоенной отчаянием и бешенством силой, напрасно кололи и рубили саблями: упавших врагов заменяли другие, такие же неустрашимые и отчаянные. Наконец, их схватили за руки, за ноги, за голову. Они еще раз стряхнули с себя последним нечеловеческим усилием эту гроздь людей, повисших на них, и рухнули изнемогающие, выбившиеся из сил и обезоруженные на землю.

Фриц, падая, невольно воскликнул:

— Herr Gott sacrament!..

Винкельман при этом возгласе вдруг приподнялся и в свою очередь воскликнул:

— Да разве ты немец?

— Такой же, как поляки — русские! — отозвался Фриц. — Я эльзасец!

Тогда взгляд Винкельмана жадно впился в розовое лицо, в белокурые волосы Фрица, так резко контрастирующие со всеми этими черными лицами и телами лежащих кругом негров, и из уст его вырвался подавленный крик:

— Боже мой! ...Фриц!.. Брат мой!..

Тогда тот в свою очередь издал какой-то необъяснимый звук и пролепетал:

— Брат мой, бедный, несчастный брат мой.

Но ему заткнули рот, и крепкие веревки лишили его возможности двинуться с места или хотя бы только протянуть руку брату. Он остался недвижим, задыхаясь от волнения, которое душило его, с глазами полными слез.

Но Диего слышал этот крик, и свирепая усмешка искривила его рот, придав еще более демоническое выражение его безобразному лицу.

— Хм! — воскликнул он с отвратительным смехом. — Неожиданная встреча!.. Два брата!.. Как это трогательно!.. Мы на этот раз хорошо позабавимся!

Шарль, Раймон и Винкельман также были крепко связаны.

Но Маркиз! Где же Маркиз?

Этот лихой малый сумел воспользоваться моментом замешательства, когда внимание вождя и его людей было на мгновение отвлечено первым смертоносным залпом,

и успел бежать. С проворством и ловкостью настоящего клоуна и невероятной силой опытного гимнаста, он ловко подставил ногу двум неграм, схватившим было его за руки, и те с такой силой полетели на спину, что должны были от неожиданности выпустить его. Затем двумя ударами кулаков в живот он освободился от двух других, вцепившихся ему в плечи, отшвырнул их от себя и оказался на мгновение свободным. Пятый негр преградил ему дорогу, но и тот покатился на землю от сильного удара головой в грудь.

Заметив образовавшуюся в сплошной стене негров щель, Маркиз устремился в нее так стремительно, что никто не успел задержать его. Кто-то на лету нанес ему сабельный удар по ноге, но Маркиз бежал быстрее прежнего; он понесся без оглядки и менее, чем в полминуты, скрылся из вида.

Это невероятно смелое бегство было до такой степени неожиданно, до такой степени моментально, что никто не догадался даже погнаться за ним, все смотрели ему вслед, разинув рты.

— Пусть себе бежит! — засмеялся Диего. — Все равно далеко не уйдет! Кроме того, у нас здесь есть, кем позабавиться. Вот эти господа ответят нам за всех. Ну, клянусь адом, я бы и злейшему врагу не пожелал быть в их шкуре...

Целые сутки прошли с момента этой тяжелой сцены. Настала ночь. Развалины деревни давно догорели. Кругом безлюдно; вдали виднелись костры, выступающие красными пятнами во мраке, окутывавшем землю и становившемся все гуще и гуще. Негры разбили лагерь среди своих полей под открытым небом.

Человек, с трудом ступающий на ноги, опираясь на длинную палку, показался из-за маниока и осторожно пробрался вперед, тщательно избегая соседства костров, пламя которых могло бы выдать его присутствие.

Он миновал пепелище бывшей деревни, причем головни и угли хрустели то тут, то там у него под ногами. Осмотревшись кругом и определив местоположение по звездам, он направился на север и спустя четверть часа подошел к ручью шириною около десяти метров.

Он узнал пристань, у которой обыкновенно находились пироги, и не смог подавить крика отчаяния при

виде полного отсутствия пирог: все они исчезли до последней. Он опустился на землю на самом берегу и, опустив голову на руки, остался неподвижен, погруженный в свои невеселые думы.

Очевидно, отчаяние его было очень велико, так как тяжелые вздохи вырывались из его груди, а голова низко опускалась на грудь.

Вдруг легкий плеск в реке привлек его внимание и вывел из грустного раздумья. Что-то продолговатое, черное, неподвижное медленно плыло по течению. Он протянул вперед свою длинную палку и ощупал ею плывущий предмет. Это был длинный ствол, вероятно унесенный отливом...

Течением его на мгновение прибило к пристани, о которую он глухо ударился, попав при этом одним своим концом между ногами человека, сидевшего у пристани.

Как бы повинуясь внезапному внушению свыше, незнакомец быстро вскочил верхом на ствол, который при этом погрузился в воду одним концом; но человек, вскочивший на него, с помощью рук и ног передвинулся вперед до середины ствола — и тот выпрямился, вернув себе прежнее равновесие. Несмотря на добавочную тяжесть, ствол продолжал прекрасно держаться на воде и поплыл тихонько вниз по течению.

Человек, по-видимому, обрадованный этим обстоятельством, погрузил свою длинную палку в воду, достал до дна и, отпихиваясь ею, как багром, заставил ствол двигаться быстрее. Это чрезвычайно обрадовало беднягу, и он начал работать с удвоенной силой и усердием.

Ствол двигался все быстрее и быстрее; он шел почти с быстротою пироги. Но этого, по-видимому, мало ночному пловцу: он все ускорял и ускорял ход своего импровизированного судна.

Между тем часы бежали; ничто как будто не выдавало усталости у этого безмолвного гребца, кроме его отрывистого дыхания да капель пота, градом катящегося у него со лба и выступающего на груди.

Но ничто не могло отвлечь его внимание от этой тяжелой работы, всецело захватившей его. Разве только время от времени он на мгновение прерывался и ложился вдоль ствола, чтобы жадно втянуть в себя несколько глотков воды и освежить горячую голову. Кажет-

ся, будто каждое мгновение, которое он урывал от своей каторжной работы, вызывало в нем укор совести, так как после каждого такого минутного перерыва движения его становились лихорадочно поспешны, почти конвульсивны и порывисто-нетерпеливы.

Прошло уже целых шесть часов; шесть смертельно мучительных часов среди жуткого безмолвия экваториальной ночи с протяжным воем ягуаров, ревом ревунов и плачем кайманов или треском обрушивающихся лесных великанов, напоминающим громовые удары.

Но вот, наконец, игаранэ (ручей или поток) расширился, образуя как бы широкое устье. Течение стало сильнее и быстрее; ствол начал вздрагивать и вертеться из стороны в сторону и, наконец, выплыл на широкое водное пространство, в котором отражались мириады звезд. Теперь пловец спешил пристать к берегу. Его палка стала для него лишней: здесь он не доставал до дна. Он попал в настоящую чащу громадных корнепусков и ощупью попытался найти какую-нибудь длинную и крепкую ветку, которую он мог бы срезать и с помощью своего тесака превратить в весло... Все это оказалось делом нескольких минут.

И вот опять, сидя верхом на стволе, он с помощью самодельного весла кое-как направил свое неуклюжее судно к темной черной массе, выплывающей из воды подобно морскому чудовищу, спящему подле берега.

Он подплыл к нему тихо, тихо, со всевозможной осторожностью, стараясь, чтобы не слышно было даже и плеска воды. Человек узнал судно, стоящее на якоре у самого берега. Да, это оно... сомнения быть не может.

Долгий вздох облегчения вырвался из его груди, и на мгновение судорожно сжатые руки перестали работать веслом.

Ствол прибило волной к корпусу судна, в носовой его части.

Вдруг он заметил перед собой на поверхности воды длинный черный предмет, подкидываемый на коротких волнах, бьющихся о киль парохода. Это — пирога, привязанная к носовым якорным цепям. Новый вздох облегчения вырвался из его груди, и, предоставив свой ствол на произвол волн, он ловко перебрался в пирогу и растя-

нулся в ней во всю длину, чтобы отдохнуть в течение нескольких минут.

Между тем на верху, на палубе судна, под сплошным лиственным навесом, раздавались шумные крики радости, неудержимый пьяный смех, бессмысленные песни, храп и пьяная икота, сливаясь в убийственную какофонию с глухими звуками негритянских бубнов и барабанов.

На «Симоне Боливаре» пировали. Тафия лилась рекой, всякий пил полной чашей, стараясь залить палящую жажду, вызванную соленой и пряной пищей, на которую чернокожие обжоры накинулись со свойственным им бессмысленным прожорством. Это — настоящий негритянский пир.

Оставшиеся в живых участники кровавой драмы, разыгравшейся в Озерной деревне, праздновали по-своему тризну по убитым товарищам и вместе с тем готовились этой фантастической оргией к предстоящему завтра грандиозному зрелищу пыток и казней, назначенному ко времени восхода солнца.

Диего, как милостивый государь, широко распахнул перед своими саратниками и подданными двери своих погребов и кладовых. Все припасы разграбили... Дикари пили и ели, ели и пили, орали и плясали, выли и хохотали... Но перед ними еще полночи... что-то будет поутру?

Поутру Шарль, Винкельман, Раймон, Фриц и индеец Табира должны быть преданы смерти с самыми ужасными ухищрениями, с самыми невероятными пытками, какие только сможет изобрести бесчеловечная и сладострастно-жестокая фантазия этих озверевших, пьяных дикарей. Уж одно предвкушение этих ужасов, этих пыток, этих безобразных мучений приводило Диего в неистовый восторг, вызывая в нем единственное волнение, какое еще доступно его зверской натуре. Эта перспектива до того опьяняла его, что, отступив на этот раз от своих обычных правил строжайшей трезвости, он пил наравне с остальными, ни в чем не отставая от своих собутыльников. Пил до самозабвения, до отупения, являясь одним из самых ярых участников общей оргии.

Отдохнув с четверть часа, человек в шлюпке поднялся, удостоверился, что причал надежен, затем взял канат, скатанный на корме, надел его себе через плечо, ухватился за якорную цепь, проворно взобрался по ней до самого якорного клюза и затем повис на руках. Еще минута, другая — и он уже на палубе.

Здесь оргия развернулась вовсю. Шум, крики, песни и хохот стяли в воздухе, но внизу царила мертвая тишина.

Как человек, хорошо знакомый с расположением судна и знающий все ходы и выходы, ночной посетитель, ни минуты не задумываясь, осторожно прокрался к спуску в нижнюю каюту, некогда предоставленную в распоряжение пассажиров. Вот он уже на площадке перед дверью в каюту; при свете закоптелого фонаря, подвешенного к потолку, он увидел стоящего у двери часового с копьем в руках.

— Что тебе надо? — резко спросил его часовой.

— Сменить тебя... по приказу вождя! Иди — пей, там все пьют... ты не хуже других и тоже заслужил, что и другие,

— Скажи пароль!

— Сейчас, нагнись ко мне ближе, я скажу тебе на ухо, чтоб никто не услышал!

Часовой поспешил исполнить это желание, видимо, радуясь избавлению от скучной службы, и почти в тот же момент свалился на пол, издав слабый хрип.

— Вот пароль! Десять пальцев вокруг горла, посильнее сдавить, и обморок на полчаса, мертвый! — прошептал незнакомец и проскользнул в каюту.

Пять человек, крепко связанных по рукам и ногам, лежали на полу, едва дыша.

— Хм! Я еще поспел вовремя! — пробормртал ночной посетititель, затем продолжал, несколько повысив тон: — Что же? Никто ни звука? Разве не узнают уже и друзей?.

Теперь, когда свет фонаря упал прямо на его лицо, чей-то сдавленный голос шепотом воскликнул:

— Маркиз! Это вы? Как, вы здесь, друг мой?

— Как видите; и весь к вашим услугам! Пока все обстоит благополучно!

— Маркиз!.. Это Маркиз! — раздались взволнованные голоса Раймона, Фрица и Винкельмана.

— Да, да, друзья, это я... А теперь — молча за дело!

И, не теряя ни секунды, он рассек веревки, связывавшие пленников, затем подошел к часовому, из предосторожности связал ему руки и ноги, заткнул рот и спросил Шарля:

— Вы не ранены?

— Нет! — отвечал молодой человек.

— Прекрасно, так подвяжите себе этот канат под мышки и вылезайте в люк. Я вас спущу в воду, доплывите до носовых якорей и отвяжите привязанную к якорным цепям пирогу, затем подгоните ее к этому люку и не потом шевелитесь.

— Понял! — отозвался Шарль, наскоро пожал руку Маркизу и стал спускаться через люк ногами вперед, тогда как Маркиз постепенно сдавал канат.

Две минуты спустя чуть слышный звук каната о борт дал знать Маркизу, что пирога уже на месте.

Во избежание возможного недоразумения, Шарль слегка встряхнул канат, и это сотрясение передалось Маркизу, как электрический ток.

— Ну, теперь за тобой очередь, мой добрый толстяк, — сказал Маркиз Раймону, который ужасно страдал от своей раны. — Черт побери! Пролезешь ли ты в этот люк! Возможно ли иметь такое брюхо, когда затеваешь искать приключения! — не удержался от шутки неисправимый Маркиз. — Уф! Наконец-то пролез!.. Ну, и не легко же это!.. Только бы канат выдержал! Ну, слава Богу! Все обошлось благополучно!

Затем пришла очередь Винкельмана, потом Табиры.

— Ну, а теперь ты, мой славный Фриц!

— А ты сам как же?

— Не беспокойся! Когда ты будешь уже в пироге, то я привяжу канат к середине этого здоровенного копья, которое положу поперек люка, и, как видишь, устроюсь прекрасно. Да, кстати, скажи там остальным, что я здесь немного задержусь, так чтобы они не тревожились и ждали меня терпеливо. Мне хочется устроить им маленький сюрприз, а также и тем веселым господам, которые так беспечно пируют на палубе.

— Но смотри, будь осторожен, Маркиз!

— Не бойся!

Когда Фриц в свою очередь скрылся за бортом, а затем вскоре дал знать товарищу о своем прибытии на место тем же легким сотрясением каната, Маркиз привязал свой конец каната к середине древка копья, снял фонарь, висевший под потолком каюты, и, накрыв своей курткой, стал осторожно спускаться с ним по лестнице, ведущей в трюм. Здесь, как, впрочем, и повсюду на судне, кроме кормовой палубы, где шел пир, не было ни души. Все двери стояли настежь; нигде ни замков, ни запоров.

— Бочонки должны быть здесь! — пробормотал про себя Маркиз. — Ну, конечно!... А что это... тафия! Нечего сказать, дикарям есть что пить, если только я дам им срок... Аа!.. Вот они!.. — воскликнул он немного погодя, наткнувшись на четыре небольших бочонка, вместимостью приблизительно шестьдесят литров, стоявших несколько поодаль, в стороне от других.

Выбрав один из них, он ударом своего тесака выбил втулку, просунул в дыру два пальца, ощупал ими что-то сыпучее, похожее на порошок, и добавил:

— Ну, так и есть, порох!

Он вынул из фонаря свечку, осмотрел ее, затем с удивительным спокойствием духа и самообладанием, ни минуты не задумываясь и не моргнув даже глазом, всунул зажженную свечку в отверстие для втулки прямо в порох.

После того храбрец не спеша направился к выходу, ступая осторожно, чтобы не наткнуться на что-нибудь, но вдруг одумался и вернулся назад.

— Пожалуй, это протянется долго, — пробормотал он и, все так же не торопясь, всунул свечу глубже в порох, так что пламя ее едва выступало из отверстия втулки.

— Ну, на этот раз полно смеяться!.. А теперь поторапливайся, Маркиз, хоп-ля!

В две минуты он был уже у люка; еще минута — и он уже спускался по канату в ожидающую его пирогу, где его друзья, в страшной тревоге, положительно считали секунды.

— Ну, а теперь, друзья мои, за весла!.. Работай дружно! А то здесь скоро жарко будет! — добавил он.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Шарль.

— Э, милейший, развлечения здесь редки, или, вернее, не развлечения, а представления.

— К чему вы это говорите?

— А вот к чему: драма, которая здесь разыгрывалась, подходит к концу; актеры сейчас уйдут за кулисы, а потому было бы досадно, если бы все это представление не имело никакой развязки!

— Но развязка налицо, мой милый, и совершенно иная, чем мы думали, благодаря вам, Маркиз!

— Не хочу спорить с вами, но такая развязка лишена эффекта, а потому я, как человек страшно влюбленный в свое искусство, подумал о красивом апофеозе! Да, кстати, скажите мне, как на ваш взгляд, далеко ли мы отошли теперь от судна?

— Так, приблизительно, на триста метров, если не больше!

— Прекрасно! Нам отсюда отлично будет все видно, и вместе с тем мы не рискуем пострадать от трюка или быть забрызганы!

— Но вы говорили о каком-то апофеозе?

— Да... смотрите!..

В этот момент громадный столб пламени поднялся во мраке ночи и взвился прямо к небу, затем раскинулся широким снопом, ослепительно ярким и удивительно прекрасным. При этом страшный взрыв, точно сотни одновременно раздавшихся орудийных выстрелов, потряс воздух и оглушительным эхом раскатился по волнам.

Беглецы, онемев от ужаса и недоумения, ясно увидели темный силуэт парохода, из которого, словно из кратера вулкана, вырывались длинные языки пламени. При свете его резко выделялись мачты и ванты, но через секунду все это превратилось в бесформенные обломки.

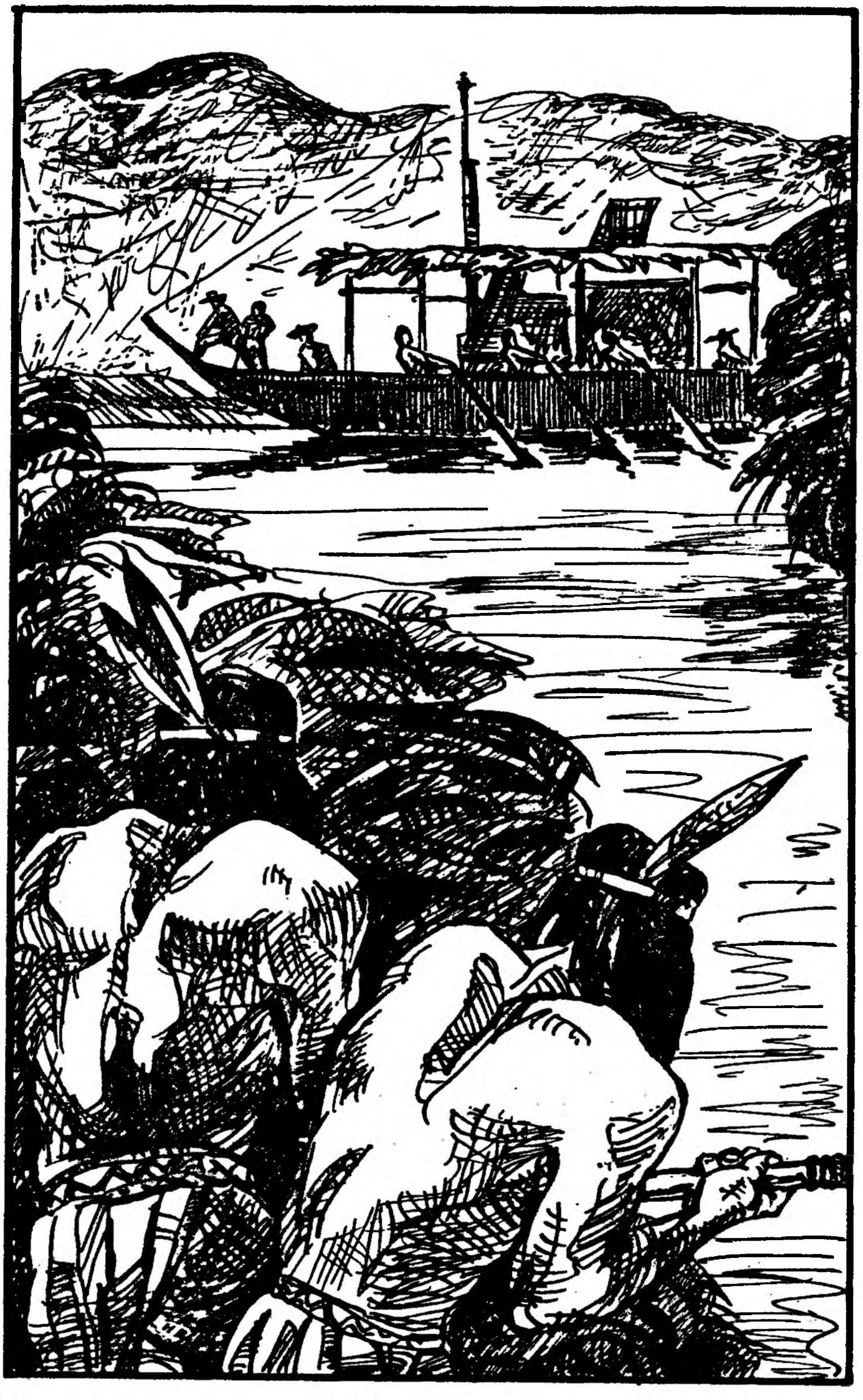
Страшное сотрясение передалось по воде даже до того места, где находилась пирога с беглецами, и утлое судно заплясало на волнах, как ореховая скорлупа, — и вдруг все разом стало темно. В пироге все замерли и как будто окаменели в недоумении.

Режиссер этой ужасной феерии уже не думал об одобрениях зрителей, а те были не в силах ему аплодировать.

— Что ж, — проговорил он глухим голосом, — если эти люди были омерзительные негодяи, то, с другой стороны, сама жизнь предъявляет иногда чудовищные требования!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Долина хинных деревьев



Глава I

Из числа всех государств, больших и малых, входящих в состав Южной Америки, самое обширное и всего более населенное, самое богатое и самое культурное, самое цветущее и самое цивилизованное — несомненно, Бразилия.

Зато и сколько благодетельных американских Изид приняли на себя труд облагодетельствовать всеми своими дарами страну, не требующую от своих сынов или добровольных пришельцев даже упорной работы, чтобы одарить их всеми желанными дарами; она требует только самого малого усилия, скорее ласкового прикосновения к своей благодатной почве, чем тяжелой работы.

Впрочем, Бразилия сумела показать себя достойной этих щедрот.

Наделенная гидрографической системой, единственной в мире по своему совершенству, орошаемая громаднейшими реками, разветвляющимися до бесконечности, эта страна сумела населить чудесные водные пути бесчисленными скороходными пароходами и иными судами, которые несут до крайних пределов ее обширной территории усиленную деятельность и жизнь больших портовых городов и крупных центров побережья.

Обладая почвой чрезвычайно плодородной, производящей самые лучшие и полезнейшие плоды, таящие в себе самые ценные минералы, Бразилия сумела эксплуатировать с должным усердием и старанием эти естественные богатста, так что заняла одно из первых мест на рынках Старого Света своим кофе, каучуком, золотом и алмазами.

Долгое время, оставленная Португалией в состоянии мертвого застоя, умственного и экономического, юная Бразилия сразу дала широкий доступ всякому прогрессу современной науки, которая теперь насчитывает в Бразилии несколько видных имен.

Словом, благодаря неустанным усилиям деятельных, воздержанных, энергичных и чрезвычайно работящих людей, сумевших так хорошо использовать природные богатства своей страны, Бразильское государство, существующее не более ста лет, поразительно выросло и преуспело под мудрым и разумным правлением своих государей*.

Не вдаваясь здесь в подробности эволюции этой молодой нации, развитие и силы которой крепнут с каждым днем, возьмем ее себе в пример. Утверждают, что рост населения городов является показателем процветания страны; поэтому возьмем, для примера, первый попавшийся город, ну, хоть Пару. В 1865 году Санта-Мария-де-Балем-до-Грам-Пара или, короче, просто Пара, насчитывала всего двадцать семь тысяч жителей. В 1885 году ее население возросло до семидесяти тысяч, а ее внешняя торговля, ввоз и вывоз, взятые вместе, достигали уже цифры ста пятидесяти миллионов франков. На это нам возразят, быть может, что исключительное положение Пары в устье Амазонки и на берегу окена дает ей возможность монополизировать как внутреннюю, так и внешнюю торговлю.

Пусть так; приведем тогда в пример другой город, лежащий на расстоянии тысячи трехсот километров в глубь страны от берега Атлантического океана, это — город Манаос. Тридцать лет тому назад Манаос был скромный городок, лежащий у слияния Амазонки и Рио-Негро, и едва ли мог похвастать своими тремя с половиной

---

* *С 1902 г. Бразилия — республика.*

тысячами жителей; в том числе были и невольники. В настоящее же время этот городок является главным городом провинции Амазонки, насчитывает свыше пятнадцати тысяч жителей, имеет школы и коллегии, громадную публичную библиотеку, несколько банков, прекрасный ботанический сад, госпитали, сберегательные кассы, театры и т.п.

Понятно, что этот значительный рост городов все-таки не может сравниться с ростом некоторых североамериканских городов, которые разрастаются, как реки в половодье или во время разливов. Но этот лихорадочный рост, этот невероятный, внезапный приток эмигрантов совершенно незнакомы Бразилии, рост которой прогрессирует систематически, в строгой последовательности, постепенно, но верно; зато здесь нет надобности опасаться внезапного отлива или каких-нибудь катастроф, так часто разом уничтожающих эти вулканически появляющиеся города Северной Америки.

Одного только, по-видимому, недостает Бразилии: железных дорог. Но на что, в самом деле, эти столь дорого стоящие пути сообщения, обходящиеся правительству в громадные суммы не только во время постройки, но и впоследствии, при эсплуатации, когда страна обладает прекраснейшими в мире реками — путями, которые сами движутся на протяжении всех восьми с половиной миллионов квадратных километров ее площади.

Потому-то устройство, улучшение и приспособление этих чудных речных путей и было, как уже сказано выше, величайшей заботой бразильского правительства. Необходимо было иметь пути сообщения, по которым можно было бы передвигаться хорошо и быстро.

Отсюда понятно, что сеть водных сообщений Бразилии, особенно бассейна реки Амазонки и ее главных притоков, может похвастать таким образцовым устройством, какого только могут пожелать все возрастающие требования людей.

Остановимся пока на этой громадной и цветущей долине реки Амазонки и поговорим еще о Манаосе. Посмотрим, для примера, каким образом этот прелестный город юной провинции Амазонки, несмотря на большую отдаленность, находится в постоянном сношении с главными цивилизованными центрами Европы. С ними Ма-

наос связывают две прямые линии пароходства: одна — английская, Red-Cros-Line, совершающая ежегодно девять рейсов из Ливерпуля в Манаос и обратно, с заходом в Лиссабон, Пару, Парнитин и Икоатиару; другая — французская, «Chargeurs Reunis», отправляющая свои пароходы из Гавра, с пересадочным сообщением из Гамбурга и Антверпена, с заходом в Лиссабон и Пару.

Кроме того, Манаос поддерживает сообщение с Северной Америкой, где Нью-Йорк является конечным пунктом, через компанию «Booth Steamship Company Limited».

Далее, Манаос является центром движения быстроходных судов по Амазонке и ее притокам, напоминающим собою гигантскую систему артерий и вен.

Манаос сообщается также и с Соединенными Штатами Колумбии, посредством пакетботов двух крупных торговых фирм, которые в определенные сроки подымаются вверх по течению реки Иса или Путумайо.

Ежемесячные сношения с Перу поддерживает пароходство, субсидируемое правительством; конечным пунктом его является Иквитос, а потому суда заходят в Кудахац, Коари, Теффе, Фонте-Боа, Тонаитинс, Сан-Пауло, Табатинга, Лорето и Урари. Это так называемая линия Солимоес.

В различные бразильские портовые города, а главным образом в Рио-де-Жанейро и Пару, отсюда отправляются пароходы аккуратно три и четыре раза в месяц.

Наконец, для сообщений с городами и портами провинции Амазонки регулярно работают пароходы пяти различных компаний: из Манаоса в Санто-Антонио на Рио-Мадейра еженедельно; из Манаоса на озеро Марари и Рио-Жуниа два раза в месяц; из Манаоса в Хунтанахан на Рио-Пурус ежемесячно; из Манаоса в Акр приток Пуруса в Жавари дважды в месяц.

При настоящем положении вещей в этих отдаленных провинциях, при существующих требованиях и количестве населения, невозможно даже требовать ничего лучшего.

А между тем одна из рек бассейна Амазонки, из числа немаловажных, почему-то, если не совсем забыта, то во всяком случае оставлена в большом пренебрежении при

распределении сношений и сообщений между различными городами этой провинции.

Это — вторичный приток великой реки, впадающей в Рио-Негро в трехстах двадцати километрах от ее слияния с Амазонкой, река Рио-Бранко, или Белая река.

Гранича своими притоками с Венесуэлой, а также и с тремя Гвианами, английской, голландской и французской, служа вместе с тем, хотя и весьма символически, западной границей Спорной территории, оспариваемой и Францией, и Бразилией, эта река с беловатыми водами почти молочного цвета, с легким зеленоватым оттенком имеет не менее восьмисот километров от истоков до устья, т.е. приблизительно длину, равную длине Луары или Роны, и остается судоходной на протяжении пятисот километров.

Эта большая река, с которой хорошо ознакомились только со времени исследований французского путешественника Кудро, орошает своим верхним течением громадную и прекрасную прерию или «кампо», как говорят бразильцы, простирающуюся от второго градуса северной широты до третьего градуса и от шестьдесят первого градуса западной долготы до шестьдесят четвертого градуса и даже дальше.

Кампо Рио-Бланко вскармливает бесчисленные стада, которые могли бы быть неоценимым подспорьем для Манаоса, если бы сообщение было менее затруднительно и, главное, более быстро. Но совет правления провинции считает, что перевозка грузов и общее движение, пассажирское и товарное, недостаточно велико, чтобы явилась надобность в учреждении особой специальной линии пароходного сообщения с этой частью провинции, что с первого взгляда кажется совершенно справедливым. С другой стороны, люди, заинтересованные в этом, утверждают, так же не без основания, что установление постоянного пароходного сообщения между Манаосом и Боа-Виста на Рио-Бранко вызвало бы желаемое оживленное движение и подняло бы вообще жизнедеятельность страны.

Как же быть в таком случае?

«Если сомневаешься — воздержись!» — гласит пословица, и, согласно ей, видимо, и поступают власти. Они

сомневаются и потому воздерживаются, на горе и в ущерб тем, чьи интересы забросили их на Рио-Бранко.

Вследствие этого путешественник, не имеющий в своем распоряжении паровой шлюпки или катера, что бывает весьма часто, принужден выбирать между «монтариа» и «бателлао».

Мы уже описывали монтариа в первой части этого романа; что касается бателлао, употребляемых главным образом для перевозки скота, то это — большие плоскодонные лодки, на которых обычно свободно помещается от десяти до тридцати быков с экипажем, состоящим из восьми или десяти человек индейцев с верховьев Рио-Бранко и одного набольшего или шкипера.

Такой бателлао с соответствующим грузом в летнее время идет вниз по реке двадцать суток, а в зимнее всего только десять суток; плавание по Рио-Негро от устья Рио-Бранко и до Манаоса продолжается пять-шесть дней, независимо от времени года. На обратный путь, т.е. вверх по реке, считают обыкновенно дней пятнадцать по Рио-Негро и сорок (а летом и шестьдесят дней) по Рио-Бранко.

Монтариа, конечно, идет несравненно быстрее. Она может пройти расстояние от устья Рио-Бранко до Боа-Виста в двенадцать, много пятнадцать дней, тогда как хороший паровой катер или шлюпка идет вверх по реке трое суток, а спускается вниз по течению всего в двое суток.

Не надо забывать при этом относительно большой разницы в продолжительности путешествия, в зависимости от времени года; путь от Манаоса к кампо Рио-Бранко перерезает экватор, вследствие чего, когда на Рио-Бранко лето, то на Рио-Негро — зима, и наоборот. На Рио-Бранко лето продолжается с сентября по март, а на Рио-Негро — с марта по сентябрь.

Это путешествие очень продолжительно, очень утомительно и обыкновенно даже довольно опасно.

Амазонка и большинство из ее притоков протекают по ровной местности, почти без уклона, окаймлены по обеим сторонам болотами и низинами, которые в зимнее время простираются на громадные пространства, так что путешественник, часто сам того не подозревая, сбивается с фарватера. Кроме того, Рио-Негро очень подвержен

«тровоадо», т.е. бурям, ужасным, страшным бурям, которые неминуемо выбрасывают суда в «ингапо», или болота, или затопленные низины, где их гибель неизбежна.

Чтобы избавиться от подобной беды, монтариа и бателлао плавают лишь по парана или по параниа.

Эти параниа — нечто вроде естественных каналов, питающихся от самых рек и идущих параллельно с ними; иногда их бывает восемь и десять, соприкасающихся и образующих бесчисленные острова. Иногда эти парана не шире обыкновенных ручьев, иногда же — шириною с Луару или с Сену в том месте, где находится ее устье. Эти добавочные водные пути представляют собою настоящие лабиринты, открывают самые невероятные перспективы и оживляют безмолвные девственные леса самыми фантастическими шумящими потоками, капризными извилинами и веселыми ручьями.

На этих парана не встретишь никого. Это настоящая пустыня; по крайней мере плавание по ним спокойно и безопасно от бурь. Самое большое, если, время от времени, на расстоянии десяти километров друг от друга вы встретите скромное, маленькое «ситио» — небольшую крестьянскую ферму с жильем и надворными постройками, прячущуюся в лесу, — о котором вы догадываетесь главным образом по пироге, оставленной у берега хозяином, обыкновенно каким-нибудь индейцем.

Да и индейцы мансо, оседлые, цивилизованные, почти все покинули левый берег Рио-Негро из опасения и страха перед Жоанири и другими вольными индейцами (браво).

Именно в этих лесах на левом берегу Рио-Негро, от самых ворот Манаоса и до устья Рио-Бранко, живут страшные по своей свирепости индейцы, которые с конца прошлого столетия сделались ужасом окрестных стран.

Наиболее известны живущие по берегам Рио-Жоанири, против селения Мура, на правом берегу реки. Они не боялись переправляться на своих челноках через реку и нападать на селения, что и делали не раз и что вызывало каждый раз страшное возмездие. Даже по настоящее время это место настолько небезопасно, что военный шлюп постоянно стоит у Мура для ограждения его населения от нападения этих краснокожих разбойников.

Впрочем, такие неприятные встречи ждут путешественника не только в этой местности, но даже и в предместьях самого Манаоса, в нескольких километрах от этого передового поста цивилизации, где можно найти не только все необходимые удобства жизни, но даже утонченную роскошь.

Маленькая речка, впадающая в Рио-Негро в двадцати километрах выше Манаоса, считается почти столь же опасной, как и Жоанири. Здесь, по-видимому, несколько ниже первого «каксоейра», водопада или порога, на этой реке, носящей название Таруман-Ассу, встречаются «мукамбо», селения беглых невольников и солдат, дезертировавших из Манаоса, грабителей и убийц.

Эти мукамбо чрезвычайно враждебны цивилизации, и цивилизованные люди даже не решаются туда заглядывать.

Кроме того, пониже этих притонов людей, стоящих вне закона, этот рио, как говорят, протекает между маленькими саваннами, длинными и узкими, населенными многочисленным свирепым племенем Ассахи, из ветви индейцев Кришана.

Но, несмотря на бесконечную длительность этого путешествия, невзирая на адскую жару, царящую на этих парана, на миазмы и болотистые испарения, порождающие злокачественную лихорадку, несмотря на мириады насекомых, колющих, жалящих, щекочущих и кусающих днем и ночью без отдыха, этой поистине ужасной язвы, «praga», как их здесь называют, несмотря даже на присутствие свирепых индейцев, всегда находятся люди, которые решаются ежемесячно предпринимать путешествие от Манаоса в Боа-Виста и обратно.

Появление сильно нагруженного бателлао с экипажем из рослых парней с бронзовым цветом кожи не представляло собою ничего необыкновенного в водах Рио-Негро в жаркое июльское утро.

Безмолвные, почти мрачные, как бронзовые изваяния, индейцы с сосредоточенным видом маневрировали тяжелым, неуклюжим судном, нагруженным товарами, полученными в обмен на транспорт быков, доставленных с превеликим трудом из кампо.

Кормчий или шкипер, атлетического сложения мулат, стоя у руля, флегматически направлял свое судно,

время от времени испытующе поглядывая на своих людей, невозмутимых и бесстрастных, как бронзовые статуи.

Вдруг течение сразу стало сильным и быстрым. Бателлао, который от самого Манаоса шел вверх по парана Анавилана, параллельно левому берегу Рио-Негро, теперь покинул спокойные, как воды тихого пруда, воды парана и вошел в воды рио, сильно вздувшиеся от дождей и мешающие движению судна.

Несмотря на свою флегматичность, быть может, более показную, чем действительную, шкипер хмурил брови и, по-видимому, проявлял некоторое беспокойство.

Заметив, что весла не в состоянии справиться с течением, он пристал к берегу, зацепился багром о громадное дерево, напряг свои мускулы и остановил судно.

— Что там опять, сеньор Хозе? — спросил по-португальски звучный молодой голос из-под лиственного навеса, устроенного над кормовой частью палубы и образующего здесь что-то вроде балдахина.

— Мы не двигаемся больше вперед, сеньор, — ответил шкипер, — и скоро начнем двигатьсз назад: у этих негодяев руки, как плети... Вы слишком балуете их, закармливая с утра вечера, как на убой, до отвала: утром — кофе, вечером — чай, днем — самая лучшая фарниха и кариа секка, и кашаса вволю... Черт возьми! Да знаете ли, что в их интересах, чтобы наше плавание длилось как можно дольше!

— Неужели вы так думаете?

— Черт возьми!.. Необходимо их подтянуть для примера!

— Это всецело в вашей власти, сеньор Хозе, — отозвался его собеседник, — поступайте как знаете. Эти люди в вашем распоряжении... Здесь вы — хозяин на судне. Я слагаю с себя все свои права и предоставляю их вам, пока мы будем находиться в плавании... Мы здесь в настоящее время не более, как простые пассажиры.

— Ну, и прекрасно! Давно бы так! — весело отозвался мулат. — Теперь вы увидите, умею ли я подбодрить этих неисправимых лентяев.

В это время из-под навеса вышел молодой человек лет двадцати восьми — тридцати и направился на открытую носовую часть палубы, где находился сеньор Хозе.

— Эй, Маркиз!.. Винкельман! — обратился он в сторону гамаков, подвешенных один подле другого под навесом... — Разве вам не любопытно посмотреть, как наш капитан, сеньор Хозе, возьмется за дело, чтобы заставить лентяев шевелиться?

— Право, нет, г. Шарль, — отозвался из-под навеса сонный голос. — Здесь жарко, как в пекле, и эта мошкара, которая с самого нашего отъезда из Манаоса облепила мою шкуру, точно она медом намазана, теперь на минутку как будто отстала от меня — мне хочется воспользоваться этим, чтобы хорошенько вздремнуть.

— А вы, Маркиз? — снова спросил Шарль.

Но только громкий храп был ему ответом.

Мулат расхохотался, затем, когда у него приступ хохота прошел, издал громкий пронзительный свист. По этому сигналу гребцы тотчас же убрали свои весла, затем один из них закинул толстый канат из пиассаба на дерево и совершенно остановил бателлао.

— Ну, а теперь, любезные, — продолжал шкипер, обращаясь к двум индейцам, связанным и лежащим на животах на самом припеке, — теперь я с вами расправлюсь!

— Что вы хотите делать? — спросил его молодой человек.

— Хочу сделать обещанное внушение! Видите ли, сеньор, если хочешь чего-нибудь добиться, то не следует останавливаться на полпути. Ведь эти негодяи, не знающие ни чести, ни закона, только и думают о том, как бы сыграть нам какую-нибудь злую штуку. Если мы не будем остерегаться, то они отнимут у нас весь груз, утащат его, покинут здесь посреди реки, что равносильно нашей погибели в данных условиях. Вы видели, как они держали себя по отношению к нам, несмотря на ваше превосходное обращение с ними.

— Увы, я надеялся побороть в них добром и лаской эту несчастную склонность к дезертирству. Это всегда удавалось мне по отношению к береговым тануйям!

— То, что пригодно в одном случае, часто совершенно непригодно в другом! — сентенциозно заметил дон Хозе. — Со здешними туземцами можно ладить только тремя средствами, как на это указывает даже местная пого-

ворка: «Pao, panno et pao», «хлеба, холста и хлыста!» — и главным образом последнего требует здешний индеец!

— Вы строги, дон Хозе!

— Строг, но справедлив.

За три дня до этого, когда бателлао еще находился на уровне владения рио Куруау, двое из людей экипажа, пользуясь моментом, когда пассажиры после утомительной охоты крепко заснули, завладели одной из запасных шлюпок и бежали. Шкипер, изнуренный целым днем труда, также заснул, не зная о том, что и европейцы со своей стороны тоже предались сну.

Дезертиры, дождавшись полуночи, захватили куски холста, составлявшие их вознаграждение за службу, — вознаграждение чрезвычайно щедрое, — кроме того, украли еще известное количество фарниха, сыра, сухарей, табаку, коробок с консервами кашаса (ликер из маниока), некоторые орудия для обработки роса (расчищенных лесных участков), даже немного табака, сухарей и кашаса своим товарищам, братски и бескорыстно содействовавшим им, и затем спокойно удалились.

Как самый замысел этого заговора созрел незаметно и неслышно, точно так же неслышно и незаметно совершилось и его осуществление; ни малейшего шума, могущего возбудить подозрение или тревогу шкипера или пассажиров, ни малейшей торопливости или суетливости: все было проделано с ловкостью и проворством хищного зверя, свойственными этим детям природы. Каково же было возмущение и досада сеньора Хозе, когда он на другой день поутру увидел, что это индейцы так ловко одурачили его!

Вдоволь нашумев, он, однако, скоро совершенно успокоился; к нему даже вернулось благодушное расположение духа; он удовольствовался только тем, что удвоил надзор за остальными, чтобы гарантировать себя от повторения подобных случаев; для вразумления же всей честной компании добавил:

— Впрочем, место здесь не такое, чтобы можно было безнаказанно проделать такую штуку: эти болваны или подохнут здесь с голода, не найдя дороги в этом лабиринте параниа, или же сделаются жертвой индейцев браво, которые их без рассуждений зарежут и понаделают

себе дудок из их костей. И в том, и в другом случае позавидовать нечему!

Однако мулат, при всей своей опытности, упустил из виду еще третью возможность, а именно: страх, безумный страх перед голодом, одиночеством и, главным образом, перед индейцами браво, страх, который на другие сутки и привел обратно обоих беглецов на бателлао с повинной головой.

Сеньор Хозе позволил им вернуться на судно, приказал отнести на место все, что они украли, затем велел их крепко связать и сказал:

— Ладно! Завтра вы будете наказаны!

Таков был инцидент, предшествовавший разговору мулата с его белым пассажиром.

В тот момент, когда мулат готов уже был приступить к расправе, молодой человек обратился к нему еще с одним, последним вопросом:

— Не можете ли объяснить причину этого совершенно необъяснимого для меня бегства этих двух индейцев? Ведь мы плывем в их края, т.е. намерены их привезти домой, на родину, обращаемся с ними как нельзя лучше; кроме того, они должны получить за свой труд более чем щедрое вознаграждение. Что же, скажите на милость, могло побудить их бежать отсюда?

— А вы думаете, что они сами это знают? Эти люди бегут просто без всякой причины, как животные... без всякой надобности... просто так!.. Впрочем, если хотите, я сейчас допрошу их! Послушай, — обратился он к одному из двух связанных, казавшемуся несколько понятливее или вернее, менее остолбенелым, чем его товарищ, — скажи, почему ты бежал от белых? Разве они не были хороши и добры к тебе?

— Нет, они были добры! — был глухой ответ.

— Но ведь ты обещал, что будешь им служить и останешься с ними до конца плавания!

— Да, я обещал!

— Так зачем же ты бежал? Куда ты хотел бежать?

— Я хотел бежать в мою малока (дом)!

— Да ведь мы туда плывем, как раз туда, где твоя малока!

— Да, вы тоже плывете туда!

— В таком случае было гораздо проще оставаться на бателлао, где вам, право, немного труда и где не грозит никакой опасности.

— Да!

— Ну, так зачем же ты бежал?

— Мне было скучно на бателлао!

— Ты ведь знал, что если тебя поймают, то ты будешь жестоко наказан?

— Да, знал!

— Что ты, кроме того, по прибытии на место, не получишь обещанного вознаграждения за труды?!

— Да!

— Почему же, зная все это, ты не остался на судне до конца путешествия, и твой товарищ тоже?

— Я не знаю!

— А почему вы вернулись сюда обратно?

— Здесь есть Канаемэ.

— Что же, ты еще раз попробуешь бежать?

— Не знаю!

— Ну, довольны вы, сеньор? — обратился мулат к молодому человеку. — Теперь знаете, что о них можно думать?

— Это что-то невероятное... глупее Бог знает чего, если только это не притворство! — прошептал про себя Шарль.

— Ну, а теперь мы расплатимся с ними: вы поплатитесь мне за вашу проделку!

— Да! — согласился индеец с пассивной покорностью, не пытаясь даже молить о прощении.

Шкипер крикнул одного из людей экипажа, который, как и его товарищи, сидел на корточках несколько в сторонке, безучастно присутствуя при этой сцене, которой они казались совершенно чужды.

Зная установленный в подобных случаях порядок, он подошел к одному из связанных, развязал ему руки, получил от шкипера железную часть заступа и принялся со всего маха ударять ею по ладони правой руки дезертира.

Шкипер между тем считал удары:

— Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять! Довольно! Теперь бей по другой руке.

И палач, все так же невозмутимо и флегматично, продолжал ударять со всего маха по руке своего товарища, нимало не смущаясь криками и воплями.

Дав таким образом пятьдесят ударов по рукам и столько же по подошвам ног, несчастного снова связали, положив животом вниз на припеке так же, как он лежал раньше. Товарищ его получил ту же порцию, хотя экзекуцию над ним проделал другой индеец, сменивший заморившегося палача, после чего его разложили рядом с первым на солнышке, связав и ему руки за спиной и большие пальцы обеих рук связав вместе тоненькой бечевочкой.

Пассажиры, разбуженные неистовыми криками, воплями и воем злополучных жертв, не верили своим глазам; подобное наказание глубоко возмущало их.

— Послушайте, господа, надо быть благоразумными! Вы, может быть, думаете, что индейцы озлоблены против меня за то, что я их так проучил? Нимало, могу вас в том уверить! Такая аргументация, соответствующая их пониманию, дает им, напротив, самое прекрасное мнение обо мне! Вот вы сейчас сами увидите. Скажите, довольны вы вашим энкаррегадо (шкипером)? — обратился он к наказанным.

— Да, довольны! — ответили прерывающимися, дрожащими голосами только что так ужасно наказанные беглецы.

— А почему вы им довольны?

— Потому что энкаррегадо поручил нашим же товарищам наказать нас!

— Но ведь ваши товарищи били вас больно?

— Да, но мамалуко (т.е. метисы, помесь белых и индейцев) бьют еще гораздо больнее и дольше!

— Ну да, конечно! Знаете ли, что они всыпают им по сто ударов палкой по пяткам и подошвам ног! — пояснил он пасссажирам,

— А белые?

— Белые бьют еще хуже: они бьют, пока не переломают кости, а когда кости переломаны, человек не годится больше на работу, и тогда его кидают в воду, чтобы даром не кормить.

— Значит, я лучше и мамалуков, и белых?

— Да, лучше!

— Что же, будете вы опять пытаться бежать?

— Нет!

— А почему нет?

Однако жестокий урок, данный непокорным, казался настолько полезен и для других, что не только товарищи, но и сами пострадавшие взялись за весла. Они работали своими избитыми, раскровавленными руками и, только благодаря своей индейской закаленности, упорно хранили молчание, не жалуясь ни на что.

Шкипер только потирал руки от удовольствия при виде столь невиданного усердия, утверждая, что их гребцы будут работать таким образом, не покладая рук и не помышляя о побеге до тех пор, пока будут находиться в местности, населенной Канаемэ. «На что-нибудь да беда нужна!» — говорит старая французская пословица, а мы говорим: «Нет худа без добра!» Но впоследствии снова придется принуждать их к работе, если мы не хотим, чтобы бателлао лишился своей двигательной силы и не пошел вниз под напором сильного и быстрого течения.

Но вот весла перестали делать свое дело, несмотря на страшные усилия гребцов. Бателлао, правда, не уносился вниз течением, но и не двигался вперед ни на единую пядь — так силен был напор черных волн Рио-Негро. Видя это, шкипер заставил причалить к берегу и распорядился прибегнуть к помощи двух орудий, обыкновенно употребляемых в подобных случаях и с успехом заменяющих весла. Эти два примитивных орудия известны здесь под названием «gancho» — ганчо (крюк) и «forguilha» — вилка.

«Ганчо» — это шест длиною в четыре или пять метров, снабженный на конце небольшой палочкой, привязанной к нему крепкими лианами, образуя как бы крючок.

«Форкильха» несколько короче, но гораздо крепче и толще «ганчо», причем один ее конец раздваивается естественно в обе стороны, образуя собою вилу.

Бателлао, между тем, шел вдоль берега и по самому берегу; двое индейцев цепляли ганчо за большую ветвь, за ствол или за корневище и затем тянули изо всей силы, подтягиваясь, тогда как двое других сильно напирали сзади на форкильху и толкали вперед, упираясь ногами о корни, пни и лианы.

Восемь человек работали, напрягая все свои силы, двумя ганчо и двумя форкильхами.

Таким образом, медленно движущийся вперед бателлао походил, глядя со стороны, на громадного паука, ползущего вдоль берега, цепляясь за него длинными лапами.

Он и тащился таким образом по реке, под навесом прибрежных деревьев, которые задевали своими нижними ветвями за кровлю над кормой, служащую защитой и от солнца, и от непогоды, и от всяких неприятных случайностей в пути. Защита, по правде сказать, недостаточная во всех отношениях; под нее забираются мириады муравьев, падающих с ветвей деревьев, за которые цепляет кровля. Эта грозная армия насекомых, которыми положительно кишат все берега рек экваториальных стран, обрушивается целыми полчищами на матросов и пассажиров, облепляет все тело как нагих негров и индейцев, так и закутанных в одежды белых, не давая никому пощады. За ними идут и другие враги из мира насекомых: «пиаосы», это маленькая мошкара, от уколов которой вся кожа покрывается черными пятнышками; «карапана», острое жальце которых прокалывает даже самую толстую ткань и вонзается с такою силою в кожу человека или животного, что при его уколе брызгает кровь; «москито», яд которых вызывает значительную опухоль, не менее болезненную, чем укус нашей европейской осы; «карапаты», которые своими острыми челюстями впиваются в тело человека и, как клещи, въедаются, врастают в него, уходят вглубь и насасываются кровью до того, что при желании их удалить у них обыкновенно отрывается голова, присосавшаяся так крепко, что ее нет возможности вырвать.

И все эти мучители, все эти мелкие, ужасные вампиры с бешенством и озлоблением накидываются на путешественников, разливают по их жилам свой яд, упиваются их кровью, мучают и терзают их беспрерывно: и днем, и ночью, во всякое время — доводя их до бешенства, до исступления.

Индейцы, почти всегда малокровные, по-видимому, менее страдают от этой язвы, потому ли, что вследствие их малокровия являются менее заманчивыми для насекомых жертвами, или же потому, что уже успели освоиться и притерпеться к укусам этих мучителей, или же потому еще, что кожа их несравненно грубее и менее чувствительна; во всяком случае они сравнительно меньше страдают, чем европейцы.

Кроме того, установлено, что даже европейцы, прибывшие в экваториальные страны, населенные насекомыми и мошкарой, менее страдают от них, когда успеют акклиматизироваться, чем в первое время по своем прибытии. Путем ли постоянных прививок всех этих разнообразных ядов или вследствие быстро развивающейся в этом климате анемии, они с течением времени становятся менее чувствительны к ожогам и укусам насекомых, чем вначале.

Но это еще не все, что предстоит претерпеть в этих краях злополучным путешественникам. Берега этих рек поросли маленькими деревцами с широкими толстокожими листьями, как листья фикусов, называемыми туземцами «эмбооба». Каждое такое дерево, от линии воды, из которой выходит их ствол, и до кончиков листьев, усеяно сплошной массой желтых муравьев, тех ужасных муравьев, которых бразильцы называют «formigos de fogo», т.е. огненные муравьи. Эти свирепые насекомые моментально наводняют собою бателлао, проникают всюду, набрасываются на съестные припасы, которым они сообщают нестерпимый запах муравьиной кислоты, ползут по ногам вверх и облепляют всего человека, кусают, жалят, жгут нестерпимо, невыносимо, ожигают, точно огнем, и вызывают во всем теле ужаснейший, болезненный зуд, способный довести человека до отчаяния.

Непрестанная забота путешественника предохранить и защитить себя, сколько возможно, от этих укусов, настолько заполняет все его существование во время подобного плавания, что делает его совершенно неспособным не только к какой бы то ни было работе, но даже лишает возможности думать о чем-либо другом, кроме самозащиты.

Впрочем, некоторые пустяшные инциденты все-таки изредка нарушали томительное единообразие этого плавания.

Местами течение реки, сдавленной берегами, становилось еще быстрее и сильнее; тогда шкипер, окинув взглядом характер местности, отдавал отрывистым, резким голосом приказание:

— Давай эспи!

«Эспи» — длинный, крепкий канат из пиассаба, постянно лежащий свернутым на носу судна.

Два человека берутся за конец этого каната, прикрепляют его к одной из бортовых шлюпок, садятся в шлюпку, затем отправляются на берег, насколько возможно дальше, насколько позволяет длина каната, и там прикрепляют этот конец каната к стволу какого-нибудь громадного, здорового дерева.

Тогда остальной экипаж хватается за канат и тянет, как тянут на быстроходных судах, переправляя их через пороги.

Когда опасное место пройдено, снова продолжают работать форкильхой и ганчо.

Случается, конечно, что люди, управляющиеся с этими орудиями, плохо рассчитают расстояние или поставят форкильху на такое место судна, с которого она соскользнет; тогда неловкий кувырком летит в воду, ныряет, как утка на пруду, затем появляется над водой, впрыгивает в шлюпку, за кормой судна, и выбирается благополучно на берег при громком смехе и шутках своих товарищей, более счастливых или более осторожных и менее неловких.

С наступлением ночи бателлао причаливали к берегу. Но сойти на сушу не было никакой возможности; зимой, на известных местах берегов Рио-Негро, нельзя определить безошибочно, суша ли это или бездонная трясина.

Это плавание, столь затруднительное и неприятное по своей невероятной длительности, нестерпимой жаре в продолжение дня, обилию жалящих насекомых, кроме того, не лишено было опасностей и более серьезных. Так, например, нередко случалось, что громадные деревья, корни которых подмыла вода или стволы которых разрыхлились от гниения и дуплистости, обрушивались в реку, чуть не затопив бателлао, или сламывались под напором эспи или ганчо и падали в воду всего в нескольких футах от носа судна. Тогда воды бурлили и вздымались высокими беспорядочными волнами под тяжестью падения великана, и судно начинало плясать, как пробка, на этих волнах, несмотря на свой тяжелый груз.

Но вот путешественники достигли, наконец, верхнего устья Рио-Жаопири, и тогда начало казаться, что темные воды Рио-Негро как будто слегка побледнели у левого берега.

Но это кажется только, или эта беловатая струйка свидетельствует о близости Рио-Бранко, опалового

оттенка воды которого еще издали заметны среди черных вод Рио-Негро? Европейские пассажиры вспомнили при этом, что подобный же феномен был замечен ими и ниже по течению реки при впадении Рио-Негро в Амазонку.

Они имели случай убедиться, что слияние вод двух рек происходит лишь на весьма значительном расстоянии от впадения одной реки в другую; что воды Рио-Негро сохраняют на протяжении нескольких километров свой цвет черного кофе и образуют вдоль левого берега Амазонки полосу, кажущуюся тем более темной, чем воды вдоль правого берега светлее и серебристее. По-видимому, слияние двух разнохарактерных вод совершается не сразу, и на поверхности реки местами еще выступают как бы темные пятна, выделяющиеся на светлом фоне Амазонки, как будто какая-то капризная линия разделяет между собой эти воды.

Суда, идущие по Рио-Негро, оставляют за кормой длинный след на чернильной реке, так хорошо заслуживающий свое название, след, испещренный мелкими волнами с мутно-желтыми, пенистыми гребнями, как бы увенчанными расплавленным янтарем, а темные леса по обеим сторонам реки, тесно обступившие ее берега, отражаются как-то особенно явственно в этой зеркальной поверхности полированного черного угля, медленно движущейся между двумя стенами вечнозеленых берегов.

Без сомнения, Рио-Бранко представляет путешественникам зрелище аналогичное, но только в обратном смысле.

Вследствие непомерного утомления всего экипажа, благодаря страшной, нечеловеческой работе в течение всего последнего дня пути, сеньор Хозе нашел нужным разрешить своему экипажу двенадцатичасовой отдых.

Таким образом, бателлао причалил к берегу и встал недвижно на месте.

Полдень; жара томительная. Это — время сиесты. Европейцы, мулат, шкипер и двое беглецов остались на судне; растянувшись в своих гамаках, они предались отдохновению; остальные индейцы отправились в лес поохотиться, обещая принести свежей дичины, чтобы несколько поразнообразить обыденную суровую пищу и поберечь провиант.

Нам может показаться странным такой отдых для замученных, изнуренных работой людей, отдых, заключающийся в том, чтобы отправиться бродить по лесу в адскую жару и гоняться за козочками, хокко, маленькими пекари и агути. Но индейцы вообще делают все не так, как другие люди. Кроме того, они чувствуют себя в этой раскаленной атмосфере как настоящие саламандры, а в этих непроходимых лесах — точно в родной стихии.

— Идите, — сказал мулат, — только смотрите, вернитесь к ночи и будьте осторожны: остерегайтесь Канаемэ!

Но тех уже и след простыл; только между деревьями мелькнули их фигуры, вооруженные большими луками и колчанами, полными длинных стрел из канна-брава, да еще неизбежным тесаком.

День прошел без особых приключений для пассажиров, которые добросовестно воспользовались этим временем, чтобы искать прохлады где-нибудь в самом тенистом местечке, обмахиваясь большими опахалами от насекомых, и, когда представлялась возможность, дремали, если кто из них был в состоянии это сделать. Но вот настала ночь, и, вопреки ожиданиям сеньора Хозе, никто из охотников не вернулся на судно. Между тем мрак сгущался с каждой минутой, а они все не возвращались.

Тогда беспокойство за отсутствующих сменилось тревогой, тревога — мучительными опасениями, особенно ввиду близкого соседства свирепых индейцев с Жаопири.

Рискуя привлечь их внимание и увидеть, как они неожиданно накинутся на судно, сеньор Хозе все же приказал разжечь большой костер, чтобы охотники, если они сбились с пути, могли найти свое судно, хотя последнее предположение было весьма невероятно, потому что природный инстинкт краснокожих всегда безошибочно руководит ими и никогда не обманывает.

В несколько секунд каждый мысленно перебрал в своем уме все возможные предположения, и никто не мог найти ничего утешительного, ничего такого, что могло бы объяснить это отсутствие сколько-нибудь удовлетворительно: ужасная мысль о поголовном избиении несчастных упорно напрашивалась сама собою, а последствия этого столь ужасного избиения неминуемо должны были стать столь же ужасными для всех остальных.

Конечно, охотники и не помышляли даже о побеге; ведь у них не было никаких средств к передвижению; кроме того они решительно ничего не захватили с собой; все, что могло бы их прельстить, осталось на судне. Заблудиться они тоже не могли: индеец, как днем, так и ночью, всегда умеет разобраться в лесу, всегда умеет найти свою дорогу, как настоящее хищное животное. Не могли они также стать жертвой охоты: животные, обитающие в этих экваториальных странах, не опасны для человека. Кроме того, их было немало, и все хорошо вооружены; с их ловкостью, силой, проворством и знаниями местных условий они, несомненно, могли отразить нападение каких угодно лесных животных.

И все время у всех в голове неотступно вертелась одна и та же мысль, одно и то же слово просилось на язык: канаемэ! Ах, как жалел теперь мулат, что с такой готовностью отпустил своих индейцев, что разрешил им поохотиться. Какое ужасное, непоправимое несчастье, если они действительно попались в коварную ловушку. Какие страшные последствия должны произойти от этого и для оставшихся в живых, которые теперь окажутся совершенно изолированными посреди реки, вдали от всякой помощи, лишенные необходимых им гребцов, единственной двигательной силы судна!

Но и это еще не все. Как знать, не явится ли сюда, невзначай, эта дикая орда разбойников, разлакомившихся после избиения их несчастных товарищей? Не обрушатся ли эти кровожадные дикари нежданно-негаданно на бателлао и не постараются ли прибавить еще новых жертв к только что убиенным, так как священный завет их повелевает им убивать все и вся, везде и всюду?!

На всякий случай на бателлао приготовили оружие. Трое европейцев и мулат устроили ретраншемент из тюков товаров, мешков куака, ящиков с сухарями и стали не без страха ждать, что им готовит темная тропическая ночь.

Время шло; проходил час за часом, томительно, медленно, среди странного концерта звуков, какими оглашается ночью воздух под зелеными сводами гигантских деревьев.

Шарль, куривший сигару, поднес ее огонь к своим карманным часам, чтобы разглядеть по ним время.

— Еще всего только полночь! — проговорил он. — Странное дело, гуарибы (ревуны, обезьяны) почему-то сразу замолкли!

Действительно, эта ревущая стая, голоса которой покрывают собою все остальные звуки ночи, о чем нельзя даже составить себе представление тому, кто не проводил ночи под открытым небом в экваториальном девственном лесу, вдруг смолкла.

Издав предварительно несколько резких гортанных звуков, означающих гнев и беспокойство и повторившихся словно сигнал из конца в конец, обезьяны прекратили свой оглушительный концерт.

— Хм, — заметил шепотом Маркиз, — что это, г. Шарль, как видно, у этих «basso-profundo» ослабли голосовые связки, или их капельмейстер уронил свою дирижерскую палочку... Что бы это значило?

— Это значит, дорогой мой, что по лесу идут люди — один или два отрада, идут неслышно; но гуарибы почуяли их присутствие и, оповестив друг друга о близости человека, смолкли при их приближении!

— Вы так думаете?

— Не только думаю, а вполне уверен! Быть может, это наши запоздавшие охотники или...

— Или?

— Это — враг!

— Ну, что же! Если говорить правду, то я предпочитаю, чтобы уж это был враг, чем сидеть и томиться этим мучительным ожиданием; сидеть здесь смирненько, как рыбак с удочкой, и считать секунды, мысленно говоря себе: «вот, вот сейчас придут»... и понемножку умирать в ожидании настоящего удара. По-моему, лучше разом покончить!

— И я также: мой темперамент так же мало мирится, как и ваш, с этим пассивным ожиданием. Ну, да теперь уже недолго ждать! Слышите?

Какие-то резкие пронзительные выкрики, страшно диссонирующие, раздались в воцарившейся тишине и безмолвии леса.

— Это мне знакомо! — проговорил молодой человек. — Или я очень ошибаюсь, или эти звуки исходят из человеческих глоток. Как вам кажется, сеньор Хозе?

— Я того же мнения, что и вы!.. — мрачно ответил мулат и добавил еще: — Из индейских глоток.

Звуки эти довольно быстро приближались, становились как-то интенсивнее и все более и более отчетливы.

Одновременно с этим оба краснокожих, оставшихся на судне, затряслись, как в лихорадке: они дрожали всем телом, дрожали с ног до головы; зубы у них стучали, как кастаньеты.

— Канаемэ! Шкипер, это Канаэме! — пробормотал один из них сдавленным голосом.

Его чуткий слух, гораздо более тонкий, чем у европейцев и даже чем у мулата, не мог обмануть. Он уже задолго до них различал в этих криках слоги, составляющие слово Канаемэ, которые выкрикивали эти далекие голоса:

— Канаемэ!..

И эхо бесконечного леса повторяло без конца это грозное слово, отчеканенное в безмолвии и мраке ночи людьми, кричащими во все горло.

— Ка... на... е... е... мэ!..

— Ну, пожалуйте, господа!.. — воскликнул вполголоса Маркиз, наводя дуло своего револьвера в том направлении, где все еще пылал костер, в каких-нибудь двадцати шагах от бателлао. — Что ни говори, а все-таки это весьма приятно для нас, — продолжал он, — что эти легендарные герои, вместо того, чтобы напасть на нас крадучись, считают нужным заявить о себе этой возмутительной, но чрезвычайно полезной какофонией.

Но вот кустарники, ближайшие к открытому пространству, где был разложен костер, затрещали, точно под ногами тапира, — и группа индейцев, совершенно голых, вооруженных луками и стрелами, стремительно вырвалась вперед, крича и жестикулируя, как полоумные. Вид пылающего костра как будто привел их в еще большее безумие. Они взялись за руки и принялись водить хоровод или, вернее, бешено кружиться в хороводе, приплясывая и кривляясь, беснуясь, как черти в пекле, и проделывая какие-то невиданные гимнастические упражнения, беспорядочно размахивая руками, потрясая своим оружием, усиленно воя, как будто все они охмелели и пришли в исступление под влиянием винных паров.

— Вот так канкан! Взгляните-ка, друзья, это прямо-таки забавно! — прошептал неисправимый болтун Маркиз. — Право, в них черт сидит, а в глотке — целый оркестр. Нет, погодите минуточку!

Вдруг картина переменилась и разом прервала этот беспечный монолог.

Индейцы, до этого момента как будто совершенно не обращавшие ни малейшего внимания на ярко освещенный пламенем костра бателлао, разом остановились на каком-то смелом антраша и с неподражаемой быстротой и ловкостью пустили из своих луков каждый по длинной стреле, которые со свистом пролетели в воздухе. Пущенные привычной рукой этих непогрешимых стрелков длинные тростинки канна-брава пронзили, к счастью, никем не занятые гамаки, неподвижно висящие над головами пассажиров, растянувшихся плашмя на животах на палубе за надежным прикрытием из тюков холста и мешков с мукой и зерном. Без этой необходимой и разумной предосторожности все, находящиеся на судне, были бы неизбежно поражены смелыми дикарями.

Но что это за странная идея, со стороны этих диких индейцев, считающихся самыми коварными и хитрыми из всех диких и полудиких обитателей этих великих лесов, прийти и нападать так безмерно смело?

В этом крылась какая-то тайна, которой никто в данном случае не мог да и не имел времени разгадать, так как рукопашная схватка должна была последовать за этим совершенно безобидным первым залпом стрел.

Дело в том, что нападающие, словно уверенные в уничтожении всего экипажа судна, перехватили свои луки в левую руку, равно как и пучки наготовленных стрел и, потрясая правой рукой в воздухе своими тесаками, устремились гурьбой на бателлао, по-прежнему безмолвный и как бы вымерший.

Врагов было сравнительно мало, не более двенадцати человек, хотя они и шумели, как целых двадцать, причем их беспорядочные движения, бешеные прыжки и скачки могли обмануть глаз даже привычный и заставить принять эту кучку людей за более грозную неприятельскую рать.

Четыре выстрела грянули почти одновременно, и, как мановением магического жезла, остановили их порыв, хотя, по-видимому, никто из них не был ранен. Только молниеносная быстрота атаки спасла их на этот раз и помешала стрелкам, которые не могли уловить столь безалаберно движущиеся мишени.

В первый момент дикари невольно приостановились, удивленные, но не смущенные, и отступили немного, как бы для того, чтобы взять разбег, затем снова устремились

вперед. Этим коротким моментом умело воспользовались осажденные и дали второй дружный залп.

Двое дикарей упали, а остальные, вместо того, чтобы продолжать начатую атаку, к превеликому удивлению пассажиров, как будто совершенно позабыв бателлао, накинулись со зверским бешенством на своих павших товарищей, рубя их своими тесаками на куски, разрывая в клочья и продолжая выкрикивать свой дикий клич:

— Ка... на... е... е... е... мэ!.. Канаемэ!..

Сбившихся таким образом в одну кучу, их не трудно было бы теперь уничтожить, но неожиданное замечание сеньора Хозе остановило европейцев от намерения стрелять по неприятелю.

— Эх, черт возьми, да, я не ошибаюсь; ведь это же наши индейцы!

— Не может быть!

— Да нет же, я их прекрасно узнаю.

— Что же, они помешались, что ли?

— Они, по-видимому, положительно взбесились!

— Что же нам делать?

— Да вот что — это очень просто! — отвечал мулат, перерубив одним ударом тесака канат, которым бателлао был причален к берегу.

— Вот и все! — и, схватив могучей рукой крепкую форкильху, он сильно оттолкнулся ею от берега, добавив:

— Ну вот, теперь мы спустимся немного вниз по реке, куда нас понесет течением, затем ухватимся за какой-нибудь здоровый сук, подтянемся за него к берегу и переждем там ночь! Когда совершенно рассветет, мы вернемся сюда, и тогда пусть меня черт поберет, если этот приступ бешеного безумия не пройдет у них к тому времени!

Сказано — сделано. Бателлао, которого понесло течением вниз по реке, подтянулся и пристал к берегу всего на расстоянии каких-нибудь трехсот-ста метров от своей прежней стоянки, и здесь пассажиры могли спокойно и ничем не рискуя дождаться восхода солнца, комментируя каждый по-своему это страшное, трагическое происшествие.

Вой и беснования продолжались еще в течение трех часов; затем мало-помалу все стихло.

За экваториальной ночью быстро следует яркий день, почти разом сменяющий мрак ночи.

Как только рассвело, бателлао тихонько поднялся вверх к своей прежней стоянке и причалил к берегу в том самом месте, где и вчера, и здесь европейцам представилось странное, омерзительное зрелище.

Вокруг костра, уже догоревшего и угасшего, спали, как убитые, человек 6 индейцев, совершенно нагих и испачканных в крови. Подле них валялись остатки сырого мяса, лоскуты, не имеющие подобия человеческих частей тела, почти сплошь усиженные мухами и другими насекомыми. Шесть голеней, обчищенных и обскобленных, как лучше не сумел бы сделать ни один препаратор-анатом, лежали тут же на земле подле спящих.

Последние спали так крепко, что они даже не слышали, как сеньор Хозе и трое европейцев сошли на берег, вооруженные с ног до головы, и отобрали у них оружие.

Мулат не ошибся: это были, действительно, люди его экипажа. Схватив обеими руками один из длинных крепких луков индейцев, он со всей силы ударил им раз пять-шесть по спинам негодяев, которые только теперь шумно пробудились и зашумели, как рой потревоженных пчел.

— Как, негодяи, так это были вы?! — с бешенством набросился на них он.

— Да, мы, шкипер! — отвечал один из них обычным убийственно флегматичным тоном без малейшего замешательства.

— Что вы здесь делаете?

— Мы спали!

— А где ваши товарищи?

— Ах, да... товарищи... их нет!..

— Что вы с ними сделали?

— Что мы с ними сделали?

— Да!

— Они умерли!

— А вы их съели?

— Не знаю!

— Как же ты не знаешь?

— Не знаю!

— А что это такое?

— Это голенная кость!

— На что она?

— На то, чтобы сделать из нее дудку!

— А на что такая дудка?

— Я не знаю.

— Отвечай, не то я тебе сейчас же размозжу голову!

— Я и отвечаю, шкипер... отвечаю...

— Почему вы вчера не вернулись к ночи?

— Не знаю!

— Почему вы хотели нас убить?

— Потому что мы поели «bicho de taguera».

— Что же из того, что вы поели «bicho de taguera»?

— Это сделало нас Канаемэ... и мы были Канаемэ всю ночь.

— А теперь?

— А теперь мы пойдем и будем работать ганчо и форкильхой, как раньше!

Глава III

После взрыва «Симона Боливара». — Все вместе. — Новый проект. — Шарль не хочет отказаться от начатого дела. — Ассоциация. — Реорганизация серингаля. — Хинные деревья в Гвиане. — Немного местной географии. — Лунные горы. — Гидрографическая система этой местности.— План исследований. — Отъезд. — Фантазия маркиза. — Влияние среды. — Что такое «bicho de taguera»? — Гастрономические предрассудки. — Кое-что о лягушках и слизнях. — Отравление белладонной. — Объяснение аналогией. — Рио-Бранко.

Возвратимся немного назад и изложим сжато события, последовавшие за освобождением несчастных пленников, томившихся в общей каюте «Симона Боливара», а также и последствия бегства и спасения, организованных Маркизом с такой неустрашимостью и так удачно. Присутствие охотников за каучуком близ Рио-Бранко также будет объяснено читателю в свое время.

После взрыва и вероятной гибели всей шайки разбойников, находившихся на палубе «Симона Боливара», Шарль Робэн, Винкельман, его брат эльзасец Фриц, Раймон и Маркиз направились без малейшего промедления к селению Мана, где местные колонисты оказали им самое широкое и сердечное гостеприимство.

В их распоряжение был предоставлен прекрасный голет, и все пятеро отправились на нем на фазенду на Апуреме, где рассчитывали застать маленький отряд экспедиции с Марони, вместе с его предводителями, а также и г-жу Робэн с детьми.

Шарль, сведущий во врачебном деле, не желая никому доверить уход за двумя ранеными, Раймоном и Винкельманом, принялся тотчас же за серьезное лечение и окружил их самым внимательным уходом, благодаря чему состояние здоровья их быстро пошло на улучшение и поправку.

Когда голет прибыл на фазенду, лечение дало уже самые блестящие результаты, и окончательное выздоровление больных являлось теперь только вопросом времени. Здесь они застали, как и рассчитывали, старика Робэна, сына его Анри, прелестную подругу Шарля вместе с ее детьми, поместившихся временно у радушного фазендейро, где они узнали от одного из бежавших индейцев о некоторых событиях, последовавших за благополучно окончившейся экспедицией старика Робэна.

Хотя эти сведения были далеко не полны, они тем не менее обнадежили семью Шарля. Зная его изобретательность, находчивость, его удивительную энергию и знание местной жизни, зная также, насколько продолжительны и затруднительны здесь всякие передвижения, особенно в этой области, еще совершенно дикой и почти безлюдной, близкие Шарля сумели принудить себя терпеливо ожидать его возвращения в продолжение всего того времени, которое, по их расчетам, могло потребоваться на путешествие, считаясь со всевозможными задержками и препятствиями в пути.

Это, конечно, единственное разумное средство в подобных условиях, и в результате ожидания их осуществились даже ранее, чем они смели надеяться.

Можно себе представить, с какой неописуемой радостью приветствовали в фазенде благополучно спасшихся беглецов, какими горячими потоками благодарности осыпали Маркиза, их общего спасителя и благодетеля, какое радостное опьянение охватило всех в момент этого свидания, столь долгожданного и столь желанного.

Молодой артист, смущенный столькими похвалами, хотя и вполне заслуженными, глубоко растроганный той

лаской и любовью, какие все ему выказывали, совершенно растерялся и не знал, что ему делать, и только бормотал какие-то несвязные слова благодарности

С этого времени, как заявил ему глава семьи, старик Робэн, он сделался членом его семьи, равно как и его товарищи.

Когда раненые совершенно оправились и почувствовали себя вполне здоровыми, старик Робэн стал поговаривать о возвращении на плантацию на Марони вместе со всеми участниками экспедиции. Эта мысль казалась ему наиболее рациональной, так как он думал, что его сын Шарль окончательно распростится с Арагуари и со Спорной территорией, которая оказалась для него столь негостеприимной, и где его постигло такое ужасное несчастье.

Но, вопреки ожиданиям старого колониста, молодой человек не разделял его мнения и заявил, что, с его согласия и благословения, он желал бы снова попытать счастья в этих местах.

— Но, послушай, дитя мое, не может быть, чтобы ты в столь короткое время успел серьезно и основательно обдумать этот вопрос, требующий не только самого серьезного обсуждения, но еще и весьма обширных и основательных знаний! Вернись лучше на Марони. Там достаточно обширное поле для твоей деятельности и там ты точно так же можешь удовлетворить свое самолюбие и желание! Я рассчитываю расширить дело, чтобы предоставить нашим друзьям независимость на первое время и обеспеченность в будущем. Драматическое искусство не обогатило вас, друзья мои, не правда ли, и если вы намерены от него отказаться, посвятить себя коммерческим делам и обосноваться у нас в Гвиане, то, вероятно, не откажетесь приобщиться к моему делу на безусловно выгодных для вас условиях.

Артист только поклонился в ответ.

— Значит, решено, и вы становитесь «Робинзонами Гвианы». И поверьте, вы ничего от этого не проиграете; ваше положение несравненно улучшится, тем более что вы обладаете всеми качествами, необходимыми для умного, рассудительного и честного колониста. Что касается тебя, Шарль, то ты знаешь неистощимые богатства нашей земли и всей этой страны, тебе известно, как мы

все были бы счастливы, если бы ты остался с нами; я хочу надеяться, сын мой, что твое решение не бесповоротно!

— Ты прав, отец! Конечно, на Марони хватит богатств на всех нас, — отвечал молодой человек тоном решительным, но вместе и почтительным, в котором, однако, чувствовалась непреклонная решимость. — Вы знаете, что значит для меня слово «богатство»: это — возможность обеспечить моим близким и всей нашей общей семье обилие всего потребного для их удобства и благосостояния путем разработки новых девственных участков; это значит для меня приобрести трудом и культурными насаждениями еще новый цивилизованный оазис в этой нашей новой родине. Я, видишь ли, отец, мечтал устроить здесь, на границе Спорной территории, центр строго французского влияния и противодействовать этим завоеваниям наших соседей; создать род морального барьера, чтобы вести, так сказать, благородную борьбу с этими соседями на почве промышленности, выдвинуть вперед первые французские форпосты, с которыми в ближайшем будущем дипломатия должна будет считаться, когда вопрос об установлении границ снова будет обсуждаться нашими дипломатами. Я могу сказать без хвастовства, но не без некоторой гордости, что это мне вполне удалось, когда ужасная катастрофа уничтожила наше предприятие. Сейчас я разорен. Но это чисто материальные потери, не имеющие ничего общего с моими надеждами и мечтами, несравненно более возвышенными и грандиозными, чем простая роскошь переселенцев-колонистов, достигших высшего благосостояния.

Разве я не знал, когда схватился грудь с грудью с этой девственной почвой, что не легко порабощу ее, не без труда заставлю ее служить себе? Мирное завоевание страны, где надо все решительно создать, конечно, не может обойтись без борьбы, без затруднений и неприятностей, даже без бед и несчастий, точно так же, как и завоевание силою оружия.

И я испытал такое поражение, если хотите, но такое, на которое я мог и должен был рассчитывать и которое не подкосило ни моей энергии, ни моей веры в свою задачу, ни моих надежд на успех! Этот коммерческий центр, основанный мною на Арагуари, и сейчас еще существует, хотя бы в идее; но стоит только снова

построить там серингаль, снова заняться эксплуатацией каучука, собрать и созвать моих рабочих, моих служащих, рассеявшихся в настоящее время по лесам, и вы увидите, что работа повсюду закипит, как раньше, и все торговые обороты возродятся, как будто они никогда и не прерывались.

В сущности, именно прекращение этих торговых сношений, с таким трудом созданных в этой глуши, вот что явилось бы несчастьем, и, можно сказать, даже стыдом для меня. Вот почему я намерен снова отстроить серингаль там же, но на иных основаниях и в иных размерах. Ведь не всегда же мы будем иметь таких соседей, как обитатели Озерной деревни, которые теперь надолго усмирены. Кроме того, их вождь был совершенно исключительный, из ряда вон выходящий человек, так сказать, единственный в своем роде, и заменить его будет нелегко. А затем, наученные горьким опытом, мы теперь сумеем охранить себя от подобных случаев в будущем. Но это еще не все. В той местности, как я убедился, есть еще другие богатства, которые не следует оставлять без внимания и которые мы должны во что бы то ни стало начать первые эксплуатировать!

Кто знает, какие результаты нам может дать эта эксплуатация, о которой никто еще до сих пор не подумал, но возможность которой мне подсказали на днях несколько слов, случайно оброненных нашим гостеприимным хозяином.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил старик, теперь уже не находивший надлежащих оснований для возражения, имея перед собою столь непреклонную волю и решимость, опиравшиеся на столь уважительные причины.

— Знаете ли, друзья мои, ты, отец, и Анри, что эта благословенная страна, эта Гвиана, все ресурсы которой мы так хорошо изучили, что она, кроме всех тех богатств, о которых вам уже известно, дает еще в большом количестве хину?

— Хину? Это невероятно! Ты ведь знаешь, что это дерево может произрастать только в низменных и сырых местностях; кроме того, оно требует высоты по крайней мере 1200 метров над уровнем моря.

— А между тем, на Спорной территории хинные деревья встречаются в очень значительном количестве!

— Если так, то это может повести к полному экономическому перевороту, последствия которого могут быть неисчислимы.

— Да, отец, именно полный экономический переворот, целая революция! Теперь остается только проверить это сообщение, определить количество и качество хинных деревьев Гвианы, определить стоимость их эксплуатации, необходимые на то затраты, словом, изучить этот вопрос всесторонне! С этой целью необходимо снарядить экспедицию или, вернее, простую компанию исследователей, которая бы изучила местность, где растут хинные деревья.

— Имеешь ли ты на то хоть какие-нибудь достоверные данные?

— Об этом судите сам. Вы, конечно, знаете, хоть приблизительно, характер Рио-Бранко, которая некогда была предложена в качестве западной границы французских владений в Гвиане. Вы знаете также, что эта весьма важная река, впадающая в Рио-Негро, течет от юга на север до английской Гвианы, уклоняясь несколько на восток между шестьдесят первым и шестьдесят вторым меридианами.

— Да, знаю, дитя мое! — сказал старик Робэн. — Но этим и ограничиваются мои познания в области местной географии.

— Но вы, вероятно, знаете все-таки, что пространство, лежащее между шестьдесят седьмым и шестьдесят пятым меридианами, представляет собою чудеснейшие прерии, которые только ждут своих колонистов. Но не станем говорить об этом. Между шестьдесят вторым и шестьдесят третьим градусами зап. долготы и немного выше второй сев. параллели начинается горный хребет, слегка уклоняющийся с севера к юго-востоку, пересекающий шестьдесят первый меридиан, где вилообразно разветвляется на две цепи, причем верхняя цепь уходит с запада на восток, тогда как нижняя цепь, несколько более короткая, образует, так сказать, вторую конечность вилы. Эта горная цепь тянется на протяжении около ста лье.

Исследователи уверяют, что она достигает высоты от полутора тысяч до тысячи восьмисот метров; здесь находятся реки, весьма значительные и в большом числе, берущие свое начало в этих горах и бегущие по обоим скатам хребта, одни к северу, другие — к югу. Одна из рек, Эссекибо — река Английской Гвианы, а другая Корентин — река Голландской Гвианы. Затем реки, текущие на юг — притоки Амазонки. Это Рио-Урубу, Рио-Уатуман, Рио-Ямунда и Рио-Тромбетта. Все это кажется достаточно ясно, не правда ли?

— Без сомнения. Но в таком случае, если я не ошибаюсь, верхняя часть отрогов главного горного хребта, имени которого мы не знаем...

— Извини, отец, этот горный хребет зовется «La Serra da Luna» (Лунные горы).

— Прекрасно, так я хотел сказать, что верхняя цепь этих Лунных гор, быть может, где-нибудь сливается с нашей горной цепью Тумук-Хумак..

— По-видимому, нет. Вернее всего, что между теми и этими горами существует, так сказать, брешь, открытое и свободное пространство, приблизительно в сто километров.

— Впрочем, это не важно!

— Но зато для нас небезынтересно, что один из истоков Корентин вытекает, по-видимому, из гор Тумук-Хумак, а другой — из Лунных гор. Рио-Тромбетта также, как будто, имеет два истока, так что оба истока южной реки и оба истока северной реки берут свое начало близ Тананахони, этого главного притока нашей Марони.

— Подобное расположение обеих рек, идущих: одна — в Атлантический океан, другая — в Амазонку, имеет для нас громадное значение: благодаря этому обстоятельству нам, в случае надобности, будет не трудно провести путь из Лунных гор и в Суринам, и к нам на Марони.

— Я весьма счастлив, что сумел так хорошо дать вам понять мою мысль. А теперь скажу, что одно из этих предположений уже проверено на опыте. Теперь остается только отыскать путь, ведущий на Марони. Из центра Лунных гор до истока Тананахони считается не более, даже менее двухсот шестидесяти километров по прямой линии.

— Сущий пустяк, собственно говоря; для нас это — суток двенадцать пешего хода, не больше!

— И только вверх по реке на пирогах!

— Совершенно верно. Ну, и что же ты намерен делать?

— С вашего согласия, отец, я рассчитываю подняться по Рио-Бранко, проследовать через Лунные горы, исследовать хинные леса, набросать план местности, составить точную карту гор и рек и вернуться на Марони по Тананахони. Что вы на это скажете?

— Ничего не имею против этого; план прекрасен!

— Благодарю Вас, отец! Я ничего другого и не ожидал от Вас! Итак, я отправляюсь как можно скорее и в случае, если не найду хинных деревьев, — у меня все-таки останется утешение, что я оказал услугу географическому обществу и открыл путь тем, кто придет сюда после нас.

— Вы найдете там хинные деревья, сеньор, — вмешался в разговор дворецкий фазенды, рослый мулат по имени Хозе, выказывавший колонистам с самых первых дней их прибытия сюда живейшую симпатию и благорасположение. — Я в прошлом году ездил туда и сам видел эти деревья. Можете на меня положиться в этом: ведь я в течение шести лет был каскарилльеро (искателем хины) в Боливии. С разрешения хозяина я готов сопровождать вас, если только вам желательны мои услуги в этом деле!

— Мы будем чрезвычайно признательны вам, милый Хозе! Если ваш хозяин согласится лишить себя на некоторое время ваших услуг, то вы весьма обяжете меня; обещаю щедро вознаградить вас за услуги!

— О, вы слишком великодушны, сеньор; об этом мы поговорим после того, как ваше предприятие увенчается успехом!

— Я отправлюсь с Винкельманом, который хорошо знаком с девственными лесами и прекрасно акклиматизировался, — продолжал Шарль, — прихвачу еще с собой Маркиза!

— Я только что собирался просить вас об этом!

— Черт возьми, да ведь это настоящее удовольствие — иметь такого спутника, как вы, мой милый Маркиз! — отозвался Шарль. — Кроме того, вы положительно созданы из того теста, из которого пекут великих исследователей; и я уверен, что вы в этом отно-

шении далеко пойдете! Поверьте, я знаю в этом толк! А теперь, если вы позволите, дорогой батюшка, мы обсудим с вами все подробности моей затеи и всего остального. Прежде всего, скажите, как вы думаете, стоит ли снова возрождать эксплуатацию каучука на Арагуари?

— Право, дитя мое, ты можешь делать со мной все, что угодно; ты знаешь, что я готов исполнить всякое твое желание. Ты всегда умеешь находить такие веские аргументы, такие уважительные причины, что мне остается только согласиться! Нас теперь очень много, и, по-моему, раз в принципе решено реорганизовать твой серингаль, то всего лучше приступить к этому без промедления. Я позволю только заметить, что место, где стояла твоя усадьба, неудобно для возведения нового серингаля!

— В таком случае, выберите другое!

— Тебе не кажется, что следовало бы строить твое жилище над порогом? Место очень живописное и сравнительно безопасное. Или же выстроим его поближе к посту Педро II.

— И это хорошая мысль! Впрочем, я в этом отношении всецело полагаюсь на вас и на ваш многолетний опыт; а затем у вас будет достаточно времени обдумать все это, пока мы будем разыскивать хинные деревья. Что же касается Раймона и Фрица, то они сами решат, заняться ли эксплуатацией каучука здесь или ехать на Марони и работать там. Они могут быть, по желанию, и серингуеро, и скотоводами, и золотоискателями, смотря по своим склонностям. Как здесь, у меня, так и там, на Марони, они будут встречены одинаково и с распростертыми объятиями!

Спустя неделю трое европейцев, которым фазендейро любезно уступил в путеводители своего мажордома Хозе, направились водою на Макана, где они дождались первого судна, идущего в Манаос.

По прибытии в столицу провинции Амазонки они узнали, что владелец одного бателлао, недавно только прибывший с Рио-Бранко с грузом быков, умер от оспы. Индейцы, прибывшие с ним в Манаос в качестве экипажа, очутились теперь в самом затруднительном положении: им некому было заплатить за службу и даже

некому было их доставить обратно на родину. Узнав о том, что у покойного осталась семья в Боа-Виста — большом селении на Рио-Бранко — Шарль купил судно. Кроме того, от продажи быков получилась также довольно круглая сумма, которую также обратили в товары, и из этой же суммы уплатили индейцам. Затем Хозе был возведен в звание шкипера, и индейцы, искренне обрадованные столь счастливой развязкой, условились служить ему верой и правдой и довести судно обратно в селение Боа-Виста.

Для большей безопасности они избрали путь по паране Анавильяна, идущей параллельно левому берегу Рио-Негро до верхнего устья Рио-Жауанари, где мы их и нашли после всех тех странных перипетий, о которых сообщали в предыдущей главе.

Один из индейцев, подвергнутых шкипером допросу относительно их странного поведения в предыдущую ночь, ответил ему по меньшей мере странно:

— Мы поели bicho de taguera, и это сделало нас Канаемэ на целуую ночь!

При этих словах Маркиз не мог удержаться от смеха, несмотря на весь трагизм обстановки.

— Забавно! — воскликнул он. — Значит, можно стать Канаемэ по желанию, как и профессиональным убийцей, а вместе с тем — и фабрикантом дудок из человеческих костей! Я некогда слышал от одного чудаковатого профессора аксиомы в таком же роде, по поводу внешних влияний на судьбу человека. Так, например, он совершенно серьезно преподносит вам такие истины: «Все играющие на кларнетах непременно слепнут... Все, кто носит черные бархатные костюмы, обречены стать фотографами...» К этому следует еще добавить, для полноты коллекции, такие перлы: «Если вы поедите bicho de taguera, то сделаетесь Канаемэ!..» Вот в чем весь секрет. Странно!.. странно!..

— Вы смеетесь, Маркиз, — заметил Хозе, — а между тем это именно так!.. Кстати, знаете ли, что такое это bicho de taguera?

— Только по имени, да и то с недавних пор!

— Так вот, если вы позволите, я объясню, в чем тут, собственно, дело.

— Пожалуйста, я только что хотел просить вас об этом!

— Вот видите ли, здесь встречается на некоторых видах тростника в громадном количестве известная разновидность гусениц, которую некоторые племена индейцев пожирают с жадностью.

— Странное угощение!

— Но, сеньор, слышал, что в вашей стране, во Франции, белые люди едят, не будучи к тому побуждаемы голодом, лягушек и слизней.

— Да, действительно, это правда!

— Индейцы умеют посредством вываривания извлекать из этих насекомых превосходный жир, которым пользуются в качестве приправы для своей пищи; жир чрезвычайно нежный и вкусный. Употребление его в пищу не вредит им и не производит никакого смертоносного действия, несмотря на его малоаппетитное происхождение. Но если им случается проглотить несколько таких bicho de taguera, не удалив предварительно их внутренностей, то ими овладевает сильное опьянение, доводящее их до дикого, безудержного бешенства. Подобно тому, как китайцы, накурившись опиума, теряют ощущение действительности и весь мир преображается для них, точно так же и индейцы, наевшись этих червей, переносятся как бы в иной мир: они обитают в сказочно прекрасном лесу, где охотятся чудеснейшим образом, где деревья сгибаются под тяжестью превосходнейших плодов и роскошнейших цветов, благоухающих опьянительно-сладким ароматом; их убогие карбеты превращаются в роскошные дворцы, где они утопают в земных наслаждениях. Теперь вы понимаете, что эти несчастные индейцы с жадностью обжираются этими удивительными насекомыми, которые являются для них своего рода гашишем.

Однако злоупотребление этим опьянением влечет за собой, неизбежно, самые ужасные последствия — неумеренное поедание этих червей разрушительно действует на организм индейцев, влияя на него более пагубно, чем алкоголь, и более быстро, чем опиум.

Они платят за это опьянение нервным дрожанием ног и рук, трясением головы, притуплением чувств и ослаблением рассудка.

В заключение скажу, что бишо де такера, в сущности, совершенно безвредны, если не пренебрегать необходимой предосторожностью: предварительно оторвать головку и вырвать внутренности; жир их чрезвычайно вкусен, нежен и очень близко напоминает собою хорошие сливки. Вот, господа, все, что я знаю и что могу сказать вам о бишо де такера.

— А вы сами когда-нибудь ели этих бишо? — слегка недоверчивым тоном спросил Маркиз.

— Да, сеньор, всего только один раз в своей жизни и при этом дал себе слово никогда больше не брать их в рот.

— Почему же?

— А потому, что под влиянием этого опьянения, я, в приступе безумного бешенства, чуть было не зарезал своего господина и благодетеля!

— Эх, черт побери! Да это, значит, серьезно!.. Ну, признаюсь, я не особенно любопытен, но дал бы много, чтобы только узнать истинную причину или хотя бы вероятное предположение относительно этого странного явления.

— К сожалению, я не в состоянии дать вам желаемых сведений!

— Жаль! А вы, г. Шарль, смею спросить, знаете хоть какое-нибудь вероятное объяснение этому действию бишо де такера?

— Да, мне кажется, знаю, милый Маркиз!

— Хвала творцу!

— Ну, так вот, когда сейчас говорили о гастрономических странностях вкусов, сеньор Хозе упомянул об улитках или слизнях! Скажите, кстати, любите вы этих слизней?

— А ля Бургиньонн? Страстно люблю!

— Ну, а умеете их приготовлять?

— Имею лишь самое смутное представление!

— Ну, а знаете, что прежде чем их употреблять в пищу, их подвергают строжайшему посту, или, вернее, морят голодом в течение двух недель?

— Да, слышал!

— А для чего это делается?

— Чистсердечно сознаюсь, не знаю!

— Ну, так я скажу: это просто для того, чтобы дать им время совершенно очиститься от всех растительных ве-

ществ, которыми они обыкновенно питаются! Эти вещества, совершенно безвредные и безобидные для животного, могут быть до того опасны для человека, что констатировали не раз серьезное отравление, вследствие употребления в пищу недостаточно выдержанных улиток. Как вам, вероятно, известно, эти нередко нежеланные гости в наших садах с жадностью поедают листья цикуты, болиголова, белены, белладонны и тем не менее чувствуют себя совершенно здоровыми, как нельзя лучше. Теперь предположим, что какой-нибудь неосторожный лакомка поест этих улиток, не выдерживая их, а тотчас после сбора, и съест две-три дюжины улиток, наевшихся всех этих ядовитых вещей. Что бы из этого вышло?

— А вышло бы то, что он отравился бы точно так же, как если бы лично наелся белены, белладонны и аконита!

— Совершенно верно!

— А вы знаете признаки отравления, хотя бы только одной белладонной?

— Должен сказать, Шарль, что мое воспитание было весьма запущено, и я в очень многом весьма мало сведущ...

— Эти симптомы положительно ужасны: прежде всего у человека расширяются зрачки, он начинает бредить или галлюцинировать; галлюцинации эти часто бывают веселые, но часто переходят в беспричинное дикое бешенство, невероятную словоохотливость; человек принимается петь, плясать и смеяться; словом, получается полная картина опьянения: он конвульсивно жестикулирует, дико хохочет, затем впадает в бешенство, переходящее в судороги и корчи, затем наступают галлюцинации полного безумия.

— Какую ужасную картину вы нарисовали в нескольких словах! Мне так и представляется, что я вижу перед собой наших приятелей, исполнявших вчера перед нами у костра свою страшную дикую пляску, свой дьявольский хоровод, от которого нас вчера бросало в дрожь!

— Таковы в общих чертах симптомы отравления у лиц, неосторожно поевших ягод белладонны или же улиток, наевшихся листьев этого ядовитого растения.

— Таким образом, по вашему мнению, бишо де такера, это излюбленное лакомство краснокожих, питаются

главным образом растениями, обладающими приблизительно теми же свойствами, как и наша белладонна?

— Без сомнения! Доказательством является то, что те лица, которые не желают испытывать этого ужасного опьянения или одурманивания, просто-напросто удаляют их внутренности и головку, затем едят без малейшего для себя вреда или опасности!

— Прекрасно, г. Шарль, все это превосходно; тем не менее я не понимаю, каким образом наши индейцы, поевши бишо де такера, вдруг превратились сами в Канаемэ!

— Но послушайте, не будьте же столь пассивны: вы отлично понимаете, что они охмелели, ими овладело бешенство и дикое безумие — и тогда становится очевидно, что эти бедняги, у которых воображение было расстроено всевозможными рассказами и ужасами, приписываемыми Канаемэ, этим безумцам, которые убивают исключительно из любви к искусству, совершают убийства ради убийства под влиянием опьянения, вызываемого этим странным насекомым, на самом деле уверились, что они превратились в страшных Жауанарских браво, в кровожадных Канаемэ! Ядовитое вещество, поглощенное ими вероятно в достаточном количестве, превратило преобладающую у них в настоящее время мысль в род mania furiosa, т.е. бешенство, которое овладело ими в такой мере, что довело до братоубийства! Вот, я думаю, единственное и вместе с тем и самое логичное объяснение их поступков в данном случае.

— А как вы думаете, настоящие Канаемэ тоже прибегают к действию бишо де такера для придания себе необходимого настроения при совершении своих зверских обрядов и заветов своей секты?

— Ну, уж этого сказать не могу, — засмеялся Шарль, — хотя в этом нет ничего невероятного, и, быть может, нам впоследствии представится случай проверить это!

В этот момент голос шкипера прервал этот интересный разговор. Воды, по которым с такими усилиями медленно двигалось вперед бателлао, становились все более и более беловатыми и теперь резко выделялись на фоне черных, прозрачных вод, видевшихся вдали.

— Рио-Бранко, сеньоры! — сказал мулат, и все невольно обратили свое внимание на расстилавшуюся впереди реку, совершенно не похожую на ту, на которой они сейчас находились.

Глава IV

Непредвиденная встреча. — Потерпевшая крушение паровая шлюпка. — Двое умирающих. — Шибэ. — Лекарство Маркиза. — Спасены! — Драма на Рио-Негро. — Бегство и покушение на убийство. — Добровольное крушение. — Спасение шлюпки. — Машина, задний ход! — Все благополучно. — Бенто и Рафаэло. — Их повесть. — На буксире. — Старая индианка и больной ребенок. — Просят помощи. — Таинственный разговор. — Амулет Маскупан. — Подозрения сеньора Хозе.

Бешеное опьянение у мнимых Канаемэ совершенно прошло, оставив по себе только некоторую туманность в мыслях, шум в ушах, расслабление во всех членах. Несмотря на это, провинившиеся работали так, что исполняли не только свою работу, но и работу своих убитых товарищей, которых они искрошили после неудавшегося нападения на бателлао.

Счастье еще, что им тогда, когда они находились под влиянием опьянения, не пришла мысль перерезать друг друга: эта ужасная фантазия могла бы иметь самые страшные последствия для всех, и самым меньшим было бы, конечно, то, что их судно должно было бы застрять у берегов негостеприимного Рио-Негро.

Когда припадок безумия прошел, индейцы стали снова, как всегда, мрачными и безмолвными существами, работающими без увлечения, без охоты и без старания, но и без устали. О Канаемэ даже и не вспоминали. Они, по-видимому, как будто даже совершенно забыли о своем дебюте в этой новой карьере, и голенные кости так и остались валяться на берегу у костра, не успев превратиться в легендарные дудки.

Однако это мирное настроение и это спокойствие, купленные столь дорогой ценой, продолжались недолго.

Бателлао, которое тянули спереди и подталкивали сзади, должно было вскоре войти в широкое устье Рио-Бранко, как вдруг зоркий глаз шкипера заметил на илистой мели какой-то большой темный предмет, похожий на раненого кита или кашалота. Предупрежденные об этом пассажиры вышли из-под навеса, устроенного на корме, поспешно вооружившись на ходу, и стали вглядываться в необычайный предмет, видневшийся на мели, по-прежнему неподвижный.

Судно медленно приближалось к нему. Маркиз, глаза которого могли соперничать в зоркости с глазами индейцев, утверждал, что этот предмет не что иное, как паровая шлюпка, врезавшаяся носом в мель. Он уверял, что различает трубу, сильно наклоненную к корме.

Когда подошли еще ближе, оказалось, что Маркиз был действительно прав.

Шкипер направил свое судно прямо на шлюпку, и, зацепив ее якорем, подтянул к бателлао.

Тогда сеньор Хозе, не теряя ни минуты, в сопровождении Шарля перебрался на шлюпку: здесь царила повсюду гробовая тишина. С первого взгляда машина казалась в полной исправности: кроме того, и все остальное здесь как будто было на своем месте; нигде не заметно ни малейших признаков грабежа или борьбы.

Даже цинковая кровля, через которую пропущена труба, осталась в полном порядке; только один из шестов, поддерживающих ее, несколько погнут.

После этого беглого осмотра, который им ничего решительно не говорил о причине крушения, они намеревались продолжать свои расследования, как вдруг до их слуха донеслись приглушенные стоны, которые, как им показалось, исходили из маленькой рубки на корме шлюпки.

Они осторожно направились туда и обнаружили на промокших тюках холста двух человек, крепко связанных и положенных друг на друга.

Перерезать веревки и вытащить их из тесной каморки, где они задыхались, вынести их на воздух — все это дело нескольких минут для Шарля и сеньора Хозе.

К величайшему своему изумлению, они узнали в несчастных двух белолицых.

Эти несчастные, казалось, дошли до крайних пределов истощения. Члены их, затекшие от веревок, не в состоянии были двигаться; глаза помутились и смотрели тупо и неподвижно в одну точку; губы пересохли, посинели и едва могли шевелиться, а голос почти совершенно угас, так что с трудом выговоренное ими слово «спасибо» едва можно было расслышать.

По состраданию, которое ясно читалось на лицах пришедших к ним людей, и бережному обхождению, несчастные страдальцы угадали в них своих спасителей.

Нечто похожее на вздох вырвалось у них из груди; это было слово «пить!»

Шарль бегом кинулся на бателлао, схватил чашку, полную воды, влил в нее порядочную дозу тафии и возвратился на шлюпку.

Со всевозможной осторожностью ему удалось влить по несколько глотков этой живительной влаги каждому из двух незнакомцев.

Мало-помалу это питье начало производить желанное действие: оно одновременно и оживляет, восстанавливая силы, и утоляет мучительную жажду. Спустя некоторое время незнакомцы снова потянулись за питьем и теперь уже сами стали жадно пить из большой чашки.

По мере того, как они пили, лица их оживали. Слабый румянец появился на щеках, глаза стали ясными и осмысленными, голос, хотя и дрожал, но все же становился более уверенным.

Они снова принялись благодарить своих спасителей слабым страдальческим голосом; вдруг у Шарля возникла догадка:

— Да ведь они умирают от голода! Питье утолило их жажду, но не прекратило мучений голода! Вот причина их чрезвычайной слабости!

— Да, вы правы, сеньор: эти люди истощены голодом! — согласился шкипер.

— Но они не в состоянии прожевать что-нибудь: они так слабы; им нужно дать какую-нибудь жидкую пищу!

— Предоставьте это мне, если вы ничего не имеете против того! Я сейчас приготовлю им прекраснейшее шибэ, которое они сумеют проглотить без труда и кото-

рое восстановит их силы не хуже самого лучшего супа из черепахи!

Это «шибэ» — блюдо не из затейливых и не требующее никаких кулинарных познаний.

В небольшую латку всыпают горсть куака (грубой муки из маниока), вливают немного воды и размешивают это все пальцем так, чтобы образовалась кашица, которую разбавляют еще водой.

Эта безвкусная похлебка, не имеющая ни запаха, ни цвета или, вернее, напоминающая по цвету грязные смоченные опилки, отличается чрезвычайной легкостью, удобоваримостью и питательностью.

Ничего лучшего в данном случае нельзя было придумать для больных, которые принялись с жадностью уничтожать эту пищу.

Шарль, зная по опыту, что обременять желудок людей, страдающих от истощения, чрезвычайно вредно, предложил им воздержаться и подождать, пока они успеют приготовить им что-нибудь более вкусное и более подкрепляющее. Тем временем индейцы, которым теперь нечего было делать, так как работать ганчо и форкильхой теперь не приходилось, сначала бессмысленно смотрели на происходившее, затем растянулись на палубе, на самом припеке, и заснули, как пригретые солнцем животные.

Шарль, с помощью своих друзей и сеньора Хозе, перенес обоих незнакомцев со шлюпки под навес на корме бателлао, снял с них промокшее платье, одел во все свежее и сухое, а Маркиз тем временем приготовлял для больных прекраснейшее кушанье, каким иногда балуют себя моряки: на бутылку хорошего Бордоского вина кладут несколько кусков сахара и крошат в него довольно крупными кусками сухари, которым дают несколько размокнуть в вине.

— Не правда ли, г. шкипер, это не хуже вашего шибэ?

— Не стану с вами спорить, г. Маркиз, только потребные на это кушанье продукты здесь не всегда бывает легко достать. А то, право, может явиться желание захворать, — добавил мулат с видом человека, знающего цену и вкус французского нектара.

Благодаря этому сердечному и разумному уходу, оба незнакомца стали быстро приходить в себя.

Теперь они уже были в состоянии сидеть и могли без особого усилия произнести несколько слов благодарности по адресу этих добрых людей, спасших им жизнь. Затем снадобье Маркиза начало действовать с изумительной быстротой и побудило их растянуться поудобнее в гамаке, где они тотчас же заснули крепким, здоровым сном.

По прошествии трех часов они пробудились от ощущения голода.

— С добрым здоровьем! — весело приветствовал их Маркиз, который тем временем успел приготовить из припасов, найденных на судне, самый изысканный, праздничный обед.

— Господа, пожалуйте к столу! Мосье Шарль! Винкельман! Сеньор Хозе! Прошу сделать честь! Не дайте остыть всем этим прекрасным вещам.

Занятые подробным осмотром паровой шлюпки, трое мужчин поспешили на зов, и невольный крик радостного удивления вырвался у них при виде гостей, хотя еще и не совсем окрепших, но все же держащихся уже на ногах и способных отдать должное приготовленному в их честь обеду.

Оба гостя были еще совершенно молодые люди с тонкими и правильными чертами лица, симпатичные, несколько смуглые, какими обыкновенно бывают португальцы, черноволосые, с большими выразительными и честными глазами. Старший из двух был человек лет тридцати, самое большее, младшему же едва ли минуло двадцать пять лет.

Повесть их была несложна, но драматична.

Один из них, более молодой, был сын именитого коммерсанта в Манаосе и владелец этой паровой шлюпки. Желая посетить верховья Рио-Бранко и убедиться в пригодности этой местности для скотоводства, он отправился месяца два тому назад со своим приятелем, четырьмя неграми и шестью индейцами-матросами.

После удачного исследования местности он возвращался веселый и довольный в Манаос, вычисляя в уме будущие прибыли и доходы, мечтая о быстром и легком обогащении, как вдруг, при входе в Рио-Негро, его шлюпка под обоюдным напором своей машины и те-

чения врезалась со всего маха в илистую мель, которую, однако, весьма было легко обойти.

Были пущены в ход все средства, чтобы сняться с мели, но все было напрасно. Так как дожидаться здесь поднятия уровня воды было невозможно, то было решено, что на другой же день механик отправится в монтарии, т.е. маленькой бортовой шлюпке, с четырьмя гребцами просить помощи в деревне Мура, к счастью, отстоявшей недалеко отсюда.

Но в продолжение ночи, отделявшей момент катастрофы от следующего дня, на который была отложена поездка механика, негры и индейцы, находившиеся на паровой шлюпке, сговорились, общими силами накинулись на своего судовладельца и механика, мирно спавших в ожидании утра, связали их, награбили провианта и разных припасов, показавшихся им заманчивыми, нагрузили все это на две небольшие шлюпки, обыкновенно буксируемые за кормой судов, плавающих по этим рекам, и бежали, кто куда хотел, покинув несчастных бразильцев на произвол судьбы или, вернее, на мучительную голодную смерть.

С того времени прошло уже два дня и две ночи, когда, наконец, несчастные были спасены случайным прибытием бателлао.

По мнению Шарля и его товарищей, а также и двух жертв этой гнусной проделки, паровая шлюпка села на мель не случайно; крушение это было делом, заранее обдуманным со стороны злонамеренного экипажа.

Эти люди, с которыми во все время пути обходились как нельзя лучше и которым не на что было пожаловаться, не могли дождаться момента получки заработанной платы и обещанного им вознаграждения, которые они должны были получить самое позднее через два дня.

Не принимая ничего во внимание, позабыв про доброе к ним отношение молодого бразильца, про опасности и трудности, которые они дружно делили с ним в течение двух месяцев, они без всякой уважительной причины, кроме своей нелепой жадности и грабительских инстинктов, побуждаемые своей врожденной склонностью к дезертирству, разграбили все, что им казалось заманчивым, и покусились даже на жизнь этих

людей, честно и благородно исполнявших по отношению к ним все свои обязательства и даже более того.

Это опять все та же старая история взаимоотношений цветных людей с белыми, то же вечное нарушение данного слова и обязательств, являющиеся отличительной чертой всего местного населения.

Когда оба бразильца, наконец, совершенно оправились и почувствовали себя снова сильными и бодрыми, то прежде всего стали обсуждать вместе со своими новыми друзьями вопрос о снятии с мели паровой шлюпки.

Решено было тотчас же приняться за дело. Шарль, которому не раз приходилось сниматься с мели во время своих многочисленных плаваний по рекам Спорной территории, был избран в распорядители этого трудного предприятия.

Прежде всего он счел нужным развести пары в машине, что было не трудно, так как запасов топлива на судне было еще очень много. Кроме того, везде по берегу было достаточно леса.

Но так как берег все же был не настолько близко, чтобы можно было пришвартовать корму паровой шлюпки к одному из стволов на берегу, то Шарль послал своего шкипера на спасательной лодке занести якорь, прикрепленный к надежному канату из пиассабы, немного подальше вниз по течению.

Когда это было сделано, молодой человек велел дать машине задний ход.

Винт завертелся, корпус паровой шлюпки сильно содрогнулся, и начало казаться, будто она скользит по илистой мели, которая служила ей ложем. Но нет, это только так казалось.

— Вы достигли максимум давления? Не правда ли? — спросил Шарль механика.

— Да, а между тем мы не двигаемся с места!

— О, это только проба! Мы сейчас сделаем что-нибудь другое, остановите ход на время!

Машина разом перестала работать. Взяв второй канат, не столь толстый, но, пожалуй, не менее крепкий, Шарль прикрепил и его к корме паровой шлюпки, а свободный конец перебросил на бателлао людям своего экипажа, столпившимся у правого борта.

— Пусть все люди возьмутся за этот канат, — приказал Шарль своему рулевому, — и пусть каждый тянет изо всей силы, как только я скомандую: «тяни!» Поняли?

— Да, сеньор, поняли!

— Дать каждому из людей по чашке тафии! Ну, готовы?

— Готовы.

И снова раздалась команда: «Машина, задний ход!»... затем: «Трави канат!»... и, наконец, — «Полный ход!»...

И под влиянием соединенных усилий шлюпка, которую сильно гонит назад машина и тянут люди, начинает покачиваться, затем подается медленно, медленно, все еще имея под килем плотный слой ила.

— Смелее, ребята! Наляг дружнее! А там каждый будет пить, сколько у кого хватит сил! — крикнул Шарль своим людям, подбодряя их.

Возбужденные выпитой тафией и обещанием господина, индейцы тянут изо всей силы; винт со своей стороны бешено работает, заставляя весь корпус судна дрожать, как в лихорадке. Паровая шлюпка скользит опять немного назад по илу, — и вдруг происходит страшное сотрясение, от которого Шарль падает, как подкошенный. Механик упал тоже; все люди на бателлао тоже навалились грудой один на другого, причем и сам бателлао поплыл вниз по течению.

— Канат порвался, должно быть, или якорь отлетел! — сказал Шарль, подымаясь на ноги.

— Ни то, ни другое, сеньор! — восклицает радостно механик, остановив ход машины. — Мы всплыли!

— Браво! Ну, а теперь, господа, мы можем сказать, что все устраивается к лучшему в этом лучшем из миров, и нам остается только должным образом отпраздновать это счастливое событие!

Этого предложения не пришлось повторять: все принялись праздновать его, каждый по-своему, но все с одинаковым воодушевлением.

После того, как этот столь серьезный и поначалу казавшийся столь трудно разрешимым вопрос был благополучно улажен, оставался еще другой, не менее важный и серьезный вопрос, который предстояло еще решить.

Что оставалось теперь делать двум бразильцам, из которых отныне состоял весь экипаж их паровой

шлюпки? Должны ли они попытаться своими собственными силами спуститься по Рио-Негро до Манаоса или просто добраться только до деревни Мура, где им, быть может, удастся найти несколько человек, которые согласятся отправиться с ними в Манаос?

Однако об этом нечего было и думать: пуститься в опасное плавание при столь быстром течении по реке, загроможденной мелкими островками, мелями, плавучими стволами деревьев и плавучими травами, которые приходится поминутно устранять с дороги длинными шестами, — было бы опасно вдвойне.

Шарль также не мог уступить бразильцам части своих людей, так как дробить экипаж, и без того уже ослабленный, не представлялось никакой возможности. Уделить хотя бы только трех-четырех человек — значило лишить себя возможности продолжать путь. Однако молодой бразилец разрешил этот вопрос самым неожиданным для всех и самым простым способом.

— Неужели, господа, вы уже хотите покинуть нас? — сказал он, улыбаясь Шарлю и его спутникам. — Что касается меня, то я чувствую себя так хорошо в вашем приятном обществе, что мне слишком трудно расстаться с вами!

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Шарль, — не совсем вас понимаю.

— Я хочу сказать этим, что мое намерение не возвращаться ни в Манаос, ни даже в Мура! Что вы на это скажете, Бенто? — обратился он к молодому механику.

— Как вам угодно, сеньор Рафаэло!

— Я решил вернуться с вами, господа, назад в Боа-Виста!

— Но подумали ли вы об этом серьезно?.. — возразил Шарль. — Это будет почти невозможно, мне кажется!

— Напротив, это весьма возможно и даже весьма просто: ваше бателлао мы возьмем на буксир, на тот самый превосходный канат из писсабы, который уже доказал нам свою прочность; ваши люди станут собирать топливо, и машина будет делать свое дело. Мой друг, Бенто, как искусный механик, станет управлять ею, ваш шкипер возьмется быть штурвальным. Индейцы будут управлять вашим бателлао, и мы быстро подымемся вверх по Рио-Бранко, в пять-шесть дней, вместо двад-

цати, которые потребовались бы нам для этого путешествия! Прибыв в Боа-Виста я подберу себе надежный экипаж, и мы с вами расстанемся, — увы, к великому моему сожалению, чтобы направиться, куда кому надо. Мы с Бенто вернемся в Манаос, а вы углубитесь в неведомые дебри! Таков, мой милый спаситель, мой проект вечно вам признательного Рафаэло Магальенса, который надеется, что вы его поддержите в данном случае. Не правда ли, мы можем сказать, что это решено?

— Вы прекрасный товарищ и, право, если меня что-либо удерживает от желания согласиться на ваше предложение, так это боязнь злоупотребить вашей готовностью содействовать нам!

— Этим вы сделаете мне большое одолжение, могу вас в том уверить! Или вы не хотите вторично оказать мне одолжение?

— Дело не в одолжении, — возразил Шарль, — но я отлично понимаю, что вы теперь всего в нескольких часах пути от Мура, где без труда можете подыскать новый экипаж. Ведь вы почти на полпути к дому!

— Но раз я вам говорю, что предпочитаю возвратиться в Боа-Виста... неужели вы серьезно отказываетесь?

— Нет, нет, пусть будет по-вашему: вы слишком дружелюбно и искренне настаиваете на своем любезном и великодушном предложении, чтобы я мог колебаться еще долее!

— Ну, слава Богу! Что же, мы сейчас же отправимся в путь или подождем до завтра?

— У нас остается не более трех часов времени до наступления ночи, и я полагаю, что если вы ничего не имеете против того, то лучше нам провести ночь здесь!

— Как вам угодно. А, кстати, вот, кажется, и гости едут!

— Где вы их видите?

— А смотрите, вон там! Видите эту уба, которая сейчас появляется из-за островка и, по-видимому, направляется к нам?

— Да, вы правы! Но эта уба так мала и так низко сидит в воде, что я бы принял ее за каймана, плывущего вниз по течению.

Сеньор Рафаэло не ошибался. То была, действительно, одна из микроскопических лодочек, игрушечное по виду речное суденышко, настоящая индейская душегубка, в которой помещался всего только один гребец и которая скользила по реке с удивительной быстротой, направляясь прямо на паровую шлюпку.

Выдолбленный из цельного ствола железного дерева, этот примитивный челнок получил, вследствие сокращения слова «итоба» название «уба», что на туземном наречии значит дерево; заостренный с двух концов, он строен и длинен, как щука, превосходно приспособлен для быстрого хода и вообще отличается, при всей своей миниатюрности, многими удивительными качествами.

Индейцы обыкновенно пользуются уба преимущественно для плавания по более мелким рекам, но нередко пускаются на этих челнах и по грозным валам Амазонки и ее важнейших притоков; до такой степени хорошо держится уба на волнах в руках у опытного и искусного гребца.

Между тем уба заметно приближалась и как будто вырастала на глазах путешественников и спустя немного времени пристала к паровой шлюпке.

— Да ведь это женщина! — воскликнул Шарль, в высшей степени удивленный при виде того, что этот удивительный гребец была женщина.

Да и не только женщина, а еще старая женщина, с поблеклыми чертами, прикрытая только одной «тангой», т.е. куском бумажной ткани, прикрывающей, более или менее, наготу туземных женщин.

На носу уба была привязана гроздь бананов, под которой лежал бедный ребенок лет шести-семи, бледный, исхудавший, дрожащий всем телом, несмотря на палящий удушливый зной.

— Что тебе надо, маскупан (старуха)? — спросил ее сеньор Хозе.

— Говорить с караи (белым)!

— Их здесь несколько!

— Ну, так с хозяином!

— А что ты скажешь хозяину?

— Это не твое дело, немытая рожа!

— Неприветливая старуха, — пробормотал про себя шкипер, гордившийся своим полубелым происхож-

дением и, с другой стороны, не выносивший ни малейшего намека на свое происхождение от черной расы.

— Ну, войди, пожалуй, маскупан! — крикнул сеньор Рафаэло, перекинув за борт маленькую веревочную лесенку.

Старуха тотчас же причалила свой челнок к шлюпке, взвалила на плечи кисть бананов и с невероятным проворством взобралась в одну минуту на палубу парового судна, проявив при этом такую удивительную силу мускулов, какой трудно было ожидать от ее тощих, сухих членов. Сбросив бананы на палубу, она тотчас же повернулась, не сказав ни слова, спустилась в уба, схватила ребенка, посадила на плечи и все так же молча проворно взобралась снова на палубу шлюпки.

— Откуда ты? — спросил ее молодой человек.

— Оттуда, из-за леса! — указала она руками по направлению к берегу.

— Когда ты выехала?

— Сегодня утром.

— Зачем ты пришла сюда?

— Чтобы повидать белых.

— А что тебе нужно от белых?

— Ребенок больной, у него «cesoe» (злокачественная перемежающаяся лизорадка). Пакеты (колдуны) не могут его вылечить... А у белых есть снадобья... вылечи моего маленького!.. На, смотри, я тебе бананов принесла!

— Бедная женщина! - прошептал Шарль.

— Но у меня, к сожалению, нет больше лекарств, маскупан, — проговорил Рафаэло, — индейцы все утащили!

— У меня, к счастью, есть большой запас хины! — вмешался Шарль и сделал знак Хозе — сбегать на бателлао и принести оттуда маленькую походную аптечку.

— Не знаю, может, я ошибаюсь! — проговорил ему на ухо шкипер. — Но мне кажется, что эта старая чертовка неспроста сюда явилась. Посмотрите, сеньор, как, прикидываясь безучастной и невозмутимой, как все индейцы, она оглядывает все и на бателлао, и на шлюпке. Посмотрите, как и этот маленький червь ворочает во все стороны свои глазенки, подвижные, как глаза агути, пойманного в капкан! Пусть Бог меня накажет, если она сейчас не обменялась условным знаком с нашими людьми! Поверьте, сеньор, берегитесь ее!

— Вы преувеличиваете ваши опасения, милый Хозе, вследствие вашего предубеждения против индейцев, и потому иногда бываете несправедливы к ним!

На это Хозе ничего не возразил и отправился, бормоча себе что-то под нос, за ящиком с медикаментами, с которым он вскоре возвратился без особой торопливости и, по-видимому, с большой неохотой.

Шарль достал штук двадцать капсул с хиной, заставил маленького больного тут же проглотить четыре, а остальные отдал старой женщине, преподав ей при этом на туземном наречии необходимые наставления, как поступать дальше и каким образом лечить больного мальчика.

— Это твоя дымящаяся «коберта»? — спросила она вдруг, внимательно выслушав наставления Шарля.

— Нет, не моя! Но почему ты об этом спрашиваешь?

— Чтобы знать... На, возьми, бананы — это тебе! Ты добрый... ребенок будет здоров... И Канаемэ не сделают тебе вреда!

— А разве здесь есть Канаемэ?

— Я не знаю... Прощай!

— Ты уходишь?

— Да!

Она закинула было ногу за бортовые перила и схватила уже ребенка, чтобы посадить его себе на плечи, как вдруг как будто одумалась.

С серьезным, сосредоточенным видом отстегнула она надетое у нее на шее маленькое ожерелье из обезьяньих зубов, украшенное костяным амулетом, и с некоторой торжественностью надела его на шею молодому французу, наставительно прибавив:

— Никогда не расставайся с этим ожерельем... Никогда! Слышишь, никогда!

И прежде чем Шарль успел прийти в себя от удивления, старуха торопливо схватила больного мальчика и с ловкостью макаки спустилась по веревочной лестнице в уба, вооружилась веслом и с такой силой оттолкнулась от паровой шлюпки, что крошечный челнок помчался вперед, как стрела.

— Ишь ты, старая карга, проклятая шпионка! Теперь ты спешишь к тем, кто тебя подослал, и расскажешь им все, что ты здесь видела, чтобы они потом могли напасть

на нас невзначай ночью, захватить врасплох и затем изготовить себе дудки из наших голенных костей! — проговорил Хозе, провожая злым взглядом индианку. — Пусть меня черт поберет, если я засну хоть на секунду, пока мы будем в этих проклятых местах!

— Да полно вам, милый Хозе, — ласково заметил Шарль положительно взбешенному мулату. — Ваши предубеждения делают вас несправедливым по отношению к этим бедным людям. Мне кажется, вы совершенно напрасно подозреваете эту старуху в коварных умыслах.

— Дело в том, что я уже проучен этими некрещеными чертями и знаю все их дьявольские хитрости! Вы до сих пор имели только дело с прибрежными тануйями, с которыми еще можно кое-как сговариваться, при известном умении. Но вы измените свое мнение о краснокожих, когда поживете среди этих чертей внутри страны. Признаюсь, я бы очень хотел, чтобы теперь уж было утро и мы могли убраться отсюда подобру-поздорову как можно дальше от этого проклятого места, где мне как-то совсем не по себе. Поверьте, сеньор, все это неестественно, и нам придется всю ночь быть настороже, если мы хотим избежать серьезной катастрофы!

Глава V

Тропические ночи. — Ни рассвета, ни сумерек. — Неудобства для путешественников этих бесконечно долгих двенадцатичасовых ночей. — Подозрения. — Ночные сторожа. — Заснувшие часовые. — Появление и приемы стаи кайманов. — Подозрительная фамильярность этих животных, обыкновенно очень недоверчивых. — Бателлао уносится вниз течением. — Выстрелы. — К оружию! — Ужас экипажа. — Абордаж. — Подавляемые числом неприятеля. — Принужденные отступить к корме. — Над пустым пространством. — Страшный твет. — Свету!.. — Мертв или ранен. — Хозе уверяет, что за ним «толстая свеча» Маркизу, а Маркиз уверяет, что он должен ему просто только один огарок.

К числу других удивительных вещей, поражающих на первых порах жителя умеренной полосы, недавно прибывшего в тропические страны, можно и должно так-

же причислять ту поразительную быстроту, с какой здесь день сменяется ночью и ночь днем, почти без сумерек и без рассвета.

За несколько минут до шести часов путешественник видит, что солнце, увеличившееся до чудовищных размеров, положительно пылает, как огонь в кузнице, когда его жерло раздувают кузнечными мехами; самые верхушки громадных деревьев горят в его лучах, как будто от пожара, и очарованный зритель думает насладиться этим величественным зрелищем, рассчитывает присутствовать при медленном догорании последних лучей солнца, которое сообщает такую удивительную прелесть нашим долинам летним вечером. Но вместо того он видит, что небо как-то сразу принимает сначала фиолетовые оттенки, затем через минуту серые, которые быстро сгущаются, и менее чем в двадцать минут ослепительный пожар небес уступает место полному черному мраку.

Это как будто не заход солнца, а скорее, какое-то внезапное погашение света, совершенно подобное во всех отношениях гашению огней рампы в театре. Как зимой, так и летом, с первого января и по тридцать первое декабря, такая ночь длится здесь полных двенадцать часов.

Минут за двадцать до шести часов утра небо начинает принимать сначала свинцово-серый, затем постепенно более светло-серый цвет; на востоке появляются сильно фиолетовые оттенки — и вдруг над верхушками деревьев появляется яркая алая полоса, тогда как стволы еще тонут во мгле. В продолжение нескольких минут происходит как бы борьба между мраком и светом, который яркими лучами, широким раскрытым веером раскинулся на горизонте; еще момент — и солнце выплывает, пылающее, как болид, и уже палящее и раскаленное, как железо на кузнице.

Вечер гаснет, как задутая свеча. День вспыхивает, как от взрыва.

Если европеец, смущенный и пораженный в первое время этой быстротой смены дня черной ночью и черной ночи — ярким днем, вскоре осваивается с этим и даже начинает находить в этом известную прелесть и красоту, хотя бы только в силу контраста, то нельзя сказать того же относительно бесконечной ночи, томительная про-

должительность которой действует раздражающе на нервы и является для многих настоящей пыткой.

Когда измученный продолжительным странствованием по девственным лесам или разбитый долгим путешествием в пироге, использовав последние минуты дневного света на то, чтобы выбрать себе подходящее место для ночлега, развести костер, подвесить свой гамак и приготовить ужин, путешественник видит наступление такой тропической ночи, он приветствует ее от души.

Ночь — это отдохновение, заслуженное в большинстве случаев дорогой ценой; это длинная остановка на пути, восстанавливающая растраченные силы; это уважительная причина, останавливающая увлекшегося исследователя и заставляющая его подчинить себе увлечение требованиям разума. Таким образом, первые часы наступившей ночи почти всегда желанны и приятны для человека, много потрудившегося и уставшего за день.

Поужинав с аппетитом, он выкуривает несколько сигарет, обменивается несколькими словами со своими друзьями, с неграми или индейцами, делает несколько заметок в своей записной книжке, приказывает подкинуть дров в костер и затем предлагает всем предаться сну. С наслаждением растягивается он в своем гамаке, предварительно несколько раскачав его, и тихонько качается, как избалованное дитя.

В это время нет еще и семи часов; много — если половина восьмого.

Гамак мало-помалу становится неподвижным; папироса, наполову докуренная, гаснет, и человек уже спит крепким, здоровым сном.

Напрасно лесные животные, птицы и звери задают свои оглушительные какофонии, сливая в один общий гам самые разнообразные звуки; напрасно ревут обезьяны, квакают громадные жабы, рычат ягуары, пищат маленькие пекари; пусть они рычат, мяучат, ревут, кричат, пищат или хрюкают, мычат или квакают сколько душе угодно — спящему до них нет дела: он принял лучшее наркотическое средство — утомление, на первых порах ничто не в состоянии нарушить его сон.

Все обстоит благополучно; спящий европеец блаженствует. Но вот наступает полночь или час ночи, и адская

жара сменилась более приятной температурой. Термометр указывает понижение на целых два-три градуса, это приятное облегчение производит на организм спящего чисто физиологическое действие. Пробудившийся человек на минуту вылезает из своего гамака, затем, прогулявшись немного, снова возвращается с намерением продолжать свой сладкий сон. Но — увы! — очарование нарушено; он уже проспал шесть-семь часов и успел выспаться за это время, ему уже не спится.

В это время оглушительная какофония лесных обитателей, которой он раньше и не замечал, теперь раздражает его. Он начинает клясть все и вся, начинает злобно ворочаться в своем гамаке, выбивает кремнем огонь, подносит фитиль к циферблату своих часов, и ему кажется, что его хронометр врет, что не может быть, чтоб ночь в сущности только еще началась. Он выкуривает сигару за сигарой или папиросу за папиросой и в мучительном томлении ждет, когда же, наконец, минет эта бесконечная ночь.

Спутники его также не спят и по той же причине, что и он; они бродят взад и вперед, встают и опять ложатся, сморкаются, ворочаются, охают, зевают и, наконец, начинают шепотом переговариваться, чтобы хоть сколько-нибудь развлечься.

Он упорно смотрит в огонь костра, стараясь загипнотизировать себя, или следит за полетом летучих мышей, вампиров, быстро шныряющих взад и вперед, любуется звездами, мигающими в темном небе, или в крайнем случае считает до тысячи, чтобы хоть чем-нибудь занять свои мысли.

Так продолжается часов до четырех утра, иногда же до самого рассвета. Тогда-то он, пожалуй, и заснул бы, да уж пора готовить завтрак, складывать вещи и трогаться в путь.

И как бы ни свыкся человек с жизнью девственных лесов, то же самое он будет переживать неизменно каждую ночь, и каждую ночь та же мучительная бессонница будет томить его и раздражать его нервы до крайней степени, доводя его до отчаяния, что бы он ни говорил и ни делал и как бы геройски ни противостоял денной сиесте, этой поистине непреодолимой потребности каждого жителя тропических стран.

Но, с другой стороны, надо подумать, что эта ночь длится целых двенадцать часов. Надо быть сурком, чтобы проспать столько времени беспробудно.

Несмотря на твердое решение не спать всю ночь и дежурить поочередно как на бателлао, так и на паровой шлюпке, трое европейцев, двое бразильцев и мулат, утомленные дневным трудом, все-таки заснули.

Маркиз, Винкельман, Бенто и Рафаэло устроились на шлюпке, надежно стоявшей на своем якоре. Условились, что каждый из них будет сторожить по одному часу, чтобы без особенного усилия дождаться психологического момента, когда всех начинает неудержимо клонить ко сну.

Шарль, Хозе и индейцы остались на бателлао, пришвартованном крепким канатом к корме паровой шлюпки.

Шарль взялся не спать в продолжение двух часов и затем разбудить Хозе, который должен был его сменить. Хозе ни за что не соглашался отказаться от своих предубеждений против старухи-индианки и даже поклялся, конечно, необдуманно, не смыкать глаз в эту ночь.

Бедняга, полагая, вероятно, что он недостаточно убедил своих товарищей в справедливости своих опасений, хотел взять на себя всю ответственность за охранение судов в продолжение этой ночи.

Он искренне был уверен, что будет в состоянии это сделать. Впрочем, ему в конце концов все-таки удалось поколебать доверчивое спокойствие двух бразильцев и даже Шарля, указав на некоторые, весьма характерные подробности.

— Поверьте, господа, что я не ошибаюсь в данном случае и не преувеличиваю возможной и даже вероятной опасности! — повторял он в сотый раз. — Эта старуха — наверное шпионка. Все мне говорит об этом. Припомните только ее взгляды искоса, эти испытующие, жадные взгляды, любопытные и вместе с тем беспокойные и тревожные. Пока вы с нею говорили и она вас как будто слушала, я видел, что глаза ее все время бегали по сторонам. Мало того, я положительно уловил, как она сделала знак одному из наших людей; к несчастью, я только не могу сказать которому, так как они стояли гурьбой в то время, как старуха была здесь. Наконец, не-

ужели вам не показалось подозрительным, что эта старая чертовка вдруг ни с того, ни с сего спросила вас, ваша ли это паровая шлюпка.

— Подозрительно?.. Но что же это доказывает?

— Что это доказывает? Это доказывает, что те, кем она прислана была сюда, быть может, не сделают вам лично никакого вреда, но зато не будут церемониться с вашими друзьями: вот что это значит!

— В таком случае, быть может, было бы лучше сказать ей, что эта шлюпка моя!

— Без сомнения! Ведь у этой старой клячи есть хоть капля благодарности или чувства признательности к человеку, оказавшему помощь ее ребенку, и она, вероятно, постарается не повредить лично вам; если можно, то даже избавит вас лично от всякой беды! Она в душе убеждена, что обязана только вам одному, если вообще можно говорить о душе по отношению к такой некрещеной твари, как эта старая хрычевка. Поверьте, она ни на минуту не задумается сообщить своим сообщникам все необходимые сведения и даже проведет их сюда!

— Возможно, конечно, что вы отчасти правы, — согласился Шарль, которого, наконец, поколебала настойчивая уверенность и его доводы. — Так будем сторожить всю ночь, как если бы нам в самом деле грозила серьезная опасность. Осторожность не есть малодушие, не правда ли? Нас теперь достаточно много, и у нас превосходное вооружение.

Порешив таким образом принять некоторые предосторожности, Шарль и Маркиз взялись стоять первую вахту, один на бателлао, другой на шлюпке, а товарищам своим предложили заснуть тем временем.

Шарль предусмотрительно опустил свой заряженный револьвер в карман шерстяной куртки, положил ружье у себя под рукой и устроился поудобнее на носовой части своего судна так, чтобы иметь возможность наблюдать и с того, и с другого борта своего бателлао.

Легонький ветерок поднялся вскоре и разогнал тучи назойливых насекомых, жужжавших и роившихся над судами; таким образом, хоть на время, бедные пассажиры и экипажи обоих судов могли отдохнуть от них и их нестерпимой назойливости.

Это было, по-видимому, благоприятное обстоятельство, которое, с другой стороны, могло стать также и

роковым в данном положении, так как эти маленькие, неутомимые мучители человека являются в тропических странах главными стимуляторами часовых, так сказать, автоматическими будильниками, мешающими им заснуть. Но Шарль был не такой человек, чтобы поддаться сладкой дремоте, которая против воли овладевает человеком в эту тропическую ночь, так отрадно прохладную, да еще при полном отсутствии крошечных крылатых и бескрылых мучителей.

Он стоял уже около полутора часов на вахте и мысленно предвкушал уже окончание остающихся тридцати минут, когда ему можно будет, наконец, передать это скучное дежурство другому, а самому вкусить желанный отдых, как вдруг едва слышный плеск воды привлек его внимание.

Какая-то темная масса, едва видневшаяся над водой, медленно плыла по течению, как будто ее несло водой, и постепенно приближалась к шлюпке.

Отдаление, а главным образом мрак тропической ночи мешали молодому французу решить сразу, что это был за предмет, хотя он ясно выделялся темным пятном на поверхности беловатых вод реки, и звезды в эту ночь проливали сравнительно яркий свет на землю.

Этот таинственный предмет имел, по-видимому, около двух метров в длину и тридцать или сорок сантиметров в ширину.

Шарль, устав глядеть на этот плавучий предмет, пришел, наконец, к такому заключению, в сущности, весьма вероятному и правдоподобному.

— Это, вероятно, кайман, высматривающий себе добычу.

Шум громкого, отрывистого дыхания, доносившийся как будто со стороны плавучего предмета, придавал еще большую вероятность этому предположению.

Но вот кайман при виде, очевидно, совершенно неожиданного для него предмета, т.е. паровой шлюпки, на минуту приостановился, вспенил воду лапами, с шумом втянул в себя воздух, затем проскользнул вдоль кормы шлюпки и снова отдался на волю течения.

Шарль, питавший омерзение к этим отвратительным животным, не преминул бы во всяком другом случае пустить пулю в этого ночного бродягу, но к чему было

тревожить сон и покой товарищей, истомленных дневной работой, ради простого удовлетворения антипатии к этим животным?!

Но едва только этот крокодил скрылся, как появились один за другим второй и третий, следуя на хвосте один у другого с той свойственной им ленивой небрежностью и вместе наглой смелостью, которая является у кайманов, когда они в значительном числе и имеют основание надеяться на свою силу.

— Черт побери! — воскликнул про себя Шарль. — И крокодилы в эту ночь пользуются прохладой и хотят поблаженствовать в холодке. Однако провал их возьми... Что за фамильярность! Или они еще не знакомы с речными судами, или здешние пловцы терпеливее наших там, на Арагуари или Апуреме!

Между тем двое вновь прибывших кайманов также остановились при виде паровой шлюпки и стали внимательно раглядывать ее, затем медленно подплыли друг к другу, сопя и выдыхая воздух, поплескались в воде и затем скрылись по направлению к берегу.

Шарль, которого эти крокодилы скорее заинтересовали, чем встревожили, так как только те, кто проводит долгие ночи на страже, знают, что в такое время малейший пустяк является развлечением, теперь с удовольствием заметил, что его время вахты прошло.

Тихонько, чтобы не разбудить других, он пошел поднимать от сна сеньора Хозе, который встретил его громким и широким зевком и пробормотал невнятным полусонным голосом:

— Как? Уже?

— Благодарю покорно, милейший приятель! «Уже?» Это очень мило! Вы, очевидно, прекрасно всхрапнули за это время, а я там сидел да звезды считал... Это уж не так весело... Ну, берите свой револьвер и карабин... вот так! Ну, теперь вы готовы?

— Да, сеньор, готов... да... конечно, конечно, я готов...

— Да вы стоя спите, сеньор Хозе!

— Не беспокойтесь... я ничего не проморгаю... Я держу ухо востро! Ничего подозрительного не было? Не так ли?

— Ничего! Я видел только трех кайманов, которые подплывали к паровой шлюпке, затем спокойно удалились.

— Ах, да, кайманы! — зевая повторил шкипер. — Да, да, они здесь очень смелы... я знаю... Спокойной ночи, сеньор!

— Спасибо, сеньор Хозе; а вам благополучной и приятной вахты!

Спустя пять минут, как бы по уговору, Шарль, растянувшись в своем гамаке, а мулат, сидя на носовой части бателлао, заснули оба почти в одну и ту же минуту и заснули как-то разом, точно убитые.

По прошествии некоторого времени, продолжительность которого трудно было определить, Шарль вдруг пробудился, скорее от какого-то жуткого, почти болезненного предчувствия, чем от своеобразного звука, раздавшегося в ночной тишине. Как и все жители лесов, Шарль имел чрезвычайно чуткий сон и даже сквозь сон различал характерный протяжный вопль, который вызвал у него досадливое восклицание: он сразу узнал крик кайманов.

— Опять эти проклятые твари! — воскликнул он сердито. — Так они не дадут мне спокойно спать сегодня! Гром и молнии! Если так, то пусть я переполошу всех, пусть подыму тревогу, но непременно пущу пулю в первого из них, который подойдет ко мне на ружейный выстрел!

Но вдруг его охватило весьма естественное недоумение; он разом оборвал свою речь и приостановил свой порыв мщения; он вдруг почувствовал, что бателлао уже не причален к корме шлюпки, а его тихонько несет течением вниз по реке, и уже очертания шлюпки начинают сливаться с прозрачной мглою ночи.

Кроме того, целый отряд кайманов сопровождал бателлао, конвоируя его в строгом порядке, чинно и неотступно, не удаляясь далее, чем на семь или восемь метров от судна.

Как человек, хорошо знакомый с расположением своего судна, Шарль, не теряя ни минуты, выскочив из шлюпки, кинулся на носовую часть, схватил якорь, крепко прикрепленный к своему канату, и без всякой посторонней помощи закинул его из всей силы в реку, вслед за тем здоровым ударом кулака разбудил мулата, спящего, как праведник.

Якорь зацепил за дно — и бателлао разом остановился на месте.

Кайманы, которых сейчас было никак не меньше десяти, трогательно дружно, точно заранее обученные, также остановились и медленно начали кружить вокруг судна, теперь стоящего неподвижно, плавно описывая круги, а один из них, более смелый и дерзкий, чем остальные, подплыл настолько близко, что почти коснулся туго натянувшегося якорного каната, выступающего из воды под углом в пятнадцать градусов. Все более удивленный и недоумевающий молодой человек вдруг заметил, что у самой головы этого чудовища блеснуло что-то холодным блеском стали. Вскинуть свой карабин, прицелиться и выстрелить в каймана было для него делом одной минуты.

И вдруг, вслед за выстрелом, раздался страшный крик, далеко отдавшийся по волнам реки, и из воды выскочил на миг черный силуэт, ударил воздух руками, конвульсивно закинулся назад и исчез в воде.

— Что такое, сеньор?! — спросил растерянно мулат, одновременно оглушенный и ударом кулака, и выстрелом, ослепленный пороховой вспышкой. — Что такое?

— А то, что наши кайманы раздваиваются и обращаются каждый в человека и челн, — отозвался Шарль, затем, обернувшись в сторону шлюпки, крикнул звенящим, громким голосом:

— Тревога!.. К оружию, друзья! К оружию!

Между тем экипаж, пробужденный выстрелом, шумно столпился вокруг своих начальников.

— Займитесь ими, милый Хозе, постарайтесь организовать оборону; у меня есть еще с десяток выстрелов, я отражу первый натиск! Торопитесь! Не то будет поздно: эти негодяи возьмут нас на абордаж!

Мулат употребил все усилия собрать своих индейцев и побудить их дружно действовать против общего врага. Но бедняги до того были напуганы, до того растерялись и опешили, что забились теперь между тюками и, обезумев от страха, тряслись, как в лихорадке. Они даже не хватались за свое оружие, которым, впрочем, и не были бы в состоянии воспользоваться, до того их обуял ужас.

Хозе один разрывался на части, в то время как Шарль открыл против осаждающих адский огонь, на который вскоре стали отвечать и со шлюпки.

Молодой человек расстрелял уже все свои заряды, однако без видимого результата, несмотря на то, что чел-

ны были довольно на близком расстоянии от него, так что он вполне мог стрелять наверняка.

— Вы плохие дела делаете, сеньор, — быстро проговорил мулат, окончательно отчаявшись в возможности чего-нибудь добиться от индейцев, впавших в оцепенение; он догадался сбегать за патронташем Шарля и теперь, вернувшись с ним, увидел, в каком положении было дело, уловив на лету, как последняя пуля француза ударилась в твердую поверхность ствола железного дерева, из которого делаются уба. — Эти негодяи покинули свои челноки и теперь, сидя в воде, укрываются за своими челнами, выставляя их впереди себя для защиты! Взгляните, видите этот водоворот в борозде, остающейся позади челнока! Это человек плывет!

— Да, вы, действительно, правы, Хозе! Я упускал дичь из-за ее тени. И черт меня побери, теперь, когда я вижу свою ошибку, я безоружен!

— Возьмите мой револьвер, пока я буду заряжать ваше оружие! — сказал мулат.

Но в этот момент воздух огласился оглушительным криком, который далеко разнесся по волнам:

— Канаемэ! Канаемэ!

— Эти негодяи идут на абордаж!.. А наши поганые трусы дадут себя прирезать, как стадо баранов, без малейшего сопротивления!

Вслед за военным кличем убийц-жаопири раздался громкий звучный крик на французском языке..

— Смело, друзья! Мужайтесь!.. Мы идем к вам на помощь!

— Смелее, Хозе, мой славный Хозе, не робей! Бегите на тот борт и рубите их тесаком, что есть мочи, не давая пощады! Я останусь здесь и тоже буду убивать!

Уба подходили все ближе и ближе и, наконец, ударились о корпус бателлао. На корме, на носу и с обоих бортов возникли черные руки, точно когти, и страшно размалеванные белым и красным безобразные лица тотчас же появились со всех сторон. Напрасно Шарль и Хозе кололи и рубили во всех направлениях, с размаха отсекая эти черные когти и раскраивая черепа, — они не могли поспеть повсюду, не могли отразить врагов, которые врывались со всех сторон.

А экипаж, видя, что покинутые врагами уба брошены на произвол волн и, точно поплавки, ныряют вокруг суд-

на, или уносятся течением, вдруг пробудился от своего оцепенения и, обменявшись несколькими словами в тот момент, когда враги ворвались на бателлао, кинулся в реку — догонять покинутые челны.

Шарль и шкипер принуждены были отбиваться от целого десятка озлобленных и рассвирепевших дикарей, рослых и совершенно нагих, вооруженных, как и они сами, большими тесаками.

Завязался неравный бой, и если бы у двух защищавшихся не оказалось еще у каждого по два заряда в револьверах, то их, наверное бы, изрубили тут же.

Отступив на несколько шагов назад, Шарль выстрелил. Один индеец упал мертвым.

— За вами очередь, Хозе! — крикнул он. — Цельтесь в пояс!

Мулат дал два выстрела один за другим — и еще двое нападающих выбыли из строя, к великому его удовольствию. Затем он также отступил шага на два, размахивая во все стороны своим тесаком. Но враги плотной гурьбой кинулись на них. Шарль выпустил свой последний заряд и кинул ставшее теперь бесполезным для него оружие, затем отступил на два шага и содрогнулся, чувствуя позади себя пустое пространство.

Хозе, раненный в плечо, громко вскрикнул и под тяжестью нанесенного ему удара упал на одно колено.

Шарль быстрым размахом рук в обе стороны на мгновение отстранил удары тесаком, грозящие им обоим, но, увлекаемый силой инерции своего порыва вдруг оступился, потерял равновесие и полетел вниз.

Чья-то железная рука схватила его на лету, и грубый, но дружественный голос воскликнул по-французски:

— Не бойтесь, господин, это я... Я вас удержу; у меня рука надежная!

В этот самый момент сильный удар заставил бателлао содрогнуться; судно издало жалобный скрип, похожий на зловещий стон.

Шарль почувствовал, что сильные руки подняли его как ребенка, по силе этого мощного движения и несколько глухому, низкому голосу он узнал Винкельмана. Он успел еще крикнуть:

— Хозе, кидайтесь в воду!

Но в следующий момент уже почувствовал, что очутился каким-то чудом на палубе паровой шлюпки, которая только что подошла борт о борт к бателлао.

Канаемэ, пораженные таким удивительным исчезновением белого, с минуту стояли в нерешительности, затем принялись искать глазами мулата, но не увидели и его.

В это время раздалась команда на шлюпке.

— Пли! — крикнул Маркиз и одновременно с этим вскинул свой карабин к плечу.

Четыре выстрела грянули разом, и вслед за ними еще четыре. Разбойники, осыпанные градом пуль и картечи, свалились в кучу, издавая отчаянный вой.

— Беглый огонь! — закричал снова Маркиз, и его ружье с репетицией загремело, неумолчно выпуская заряд за зарядом.

Выстрелы трещали беспрерывно, пули дробили члены и увечили врагов или убивали их наповал — и обезумевшие дикари нигде не могли укрыться от этих беспощадных пуль. Эта страшная бойня длилась всего несколько минут.

Затем насмешливый голос актера, заглушая стоны и вопли раненых и предсмертный хрип умирающих, раздался отчетливо и громко:

— Прекрати огонь!.. Дайте сюда канат, чтобы привязать нашу шлюпку к этому пресноводному суденышку, да дайте сюда свету, чтобы нам поближе посмотреть на рожи этих мерзких негодяев!

Опытные путешественники всегда перед тем, как пуститься в путь, запасают в большом количестве свечи, чтобы заменять ими далеко не достаточное и неудовлетворительное местное освещение рыбным или черепашьим жиром. Кроме того, даже и этот плохой осветительный продукт трудно достать в пути, так как его можно найти только в деревнях, встречающихся далеко не часто и лежащих на громадном расстоянии друг от друга, или же в редких «ситио», т.е. одиноких хуторочках. А в здешних краях, где ночь длится целых двенадцать часов, часто является необходимость иметь немедленно свет.

Как только Маркиз потребовал света, оба бразильца поспешили выбить кремнем огонь и зажечь две свечи, которые при разгроме шлюпки уцелели вместе со своими стеклянными колпаками.

Взяв в руку одну из этих свечей, Маркиз вручил другую Винкельману, зарядил снова свой револьвер и предложил эльзасцу сделать то же самое, затем проворно перекинул ногу через бортовые перила шлюпки и очутился на носу неуклюжего бателлао.

Семь или восемь трупов, страшно изуродованных, образовали ужасающего вида груду на носу судна. Несколько человек раненых с трудом ползли, волоча свои перебитые конечности к корме, с мучительными усилиями приподымались и затем кидались в воду.

— Ну, ребята, не способно вам в таком виде плыть! — кинул им насмешливо вдогонку Маркиз.

В это время отчаянные вопли, стоны и хрип умирающих послышались из-под выступа кормы.

— Кой черт! Неужели и там еще есть эти негодяи?! — пробормотал молодой человек и вытянул вперед руку со свечой. Над самой водою он увидел под кормой убы дикарей, выстроившиеся тесным кругом, и в них индейцев, дезертировавших с судна во время штурма его Канаемэ.

Теперь эти индейцы со зверской жестокостью избивали раненых, искавших спасение в реке, безжалостно калеча этих несчастных с невозмутимой жестокостью, свойственной их расе.

Увидев свет, один их них крикнул на скверном португальском языке, прервав на мгновение свое возмутительное занятие.

— Не стреляй, белый господин, это мы!

— Ладно, ладно!.. — машинально отозвался Маркиз, видимо, озабоченный совершенно другим. — Но где же наш приятель Хозе? Я был бы ужасно огорчен, если бы с ним приключилось несчастье. Он такой славный малый.

Не успел он договорить вполголоса этих слов, как ему вдруг попались на глаза среди груды тел пара ног в белых холщовых панталонах, совершенно испачканных в крови. Тело и руки не были видны под телами убитых.

— Аа... да вот он! — воскликнул Шарль, откинув ногой чье-то окоченевшее уже тело. — Бедняга, вероятно, его дело плохо... Он уже не шевелится!..

Поперек живота Хозе лежал рослый индеец, проколотый тесаком насквозь, точно кусок мяса, посаженный на вертел; другой индеец, горло которого обхватили железные пальцы мулата, совершенно задушенный, также растянулся поперек Хозе, придавив его всей своей тяжестью.

— Бедняга геройски защищался! — пробормотал горестно Шарль. — Однако мне не верится, что он уже мертв!

В этот момент капли горячего воска со свечи, с которой Маркиз нагнулся над мулатом, освещая его бледное лицо, упали на щеку Хозе.

Подавленный крик вырвался из его груди, и в то же время он раскрыл глаза.

— Он жив!.. Жив!.. Это трупы завалили и придавили его!..

— Ну вас! Бух в воду!.. Туда вам и дорога, гадины!..

И говоря это, Маркиз и Шарль общими усилиями высвободили сеньора Хозе из-под груды тел.

Как только шкипер почувствовал, что ничто больше его не давит, он вздохнул полной грудью, приподнялся на руках, сел и, узнав своих друзей, радостно протягивавших к нему руки, воскликнул:

— Так вы все живы!.. Какая радость, что я опять вижу всех вас! Кажется, всех больше пострадал я, но... все же еще не умер, и, даст Бог, не умру и на этот раз! Да, сеньор Маркиз, я вам обязан поставить толстую свечу...

— Не толстую свечу, а самый простой огарок, мой милый Хозе! — засмеялся неисправимый шутник Маркиз.

Глава VI

После боя. — Сон среди трупов. — Маркиз соглашается быть подвергнут военному суду. Подозрения почти оправдываются. — Изучение убы. — Каким образом и почему шлюпка в нужный момент уносится течением. — Фарниенте. — Поразительная апатия индейцев. — Есть, пить и спать. — Продовольствие на Рио-Бранко. — Рыба, черепахи и дичь. — Прогрессивное исчезновение прибрежных жилищ на реках. — Пустыня. — Иммиграция по направлению к кампо. — Каксоейра. — Ее неудобства. — Индейцы Изокеина. — Первые фазенды. — Столица Кампо на Рио-Бранко.

Дикое нападение, бывшее на этот раз делом не «мнимых» Канаемэ, а настоящих дикарей-убийц, к счастью, не имело никаких серьезных последствий. Благода-

ря исключительно счастливой случайности, все ограничилось рубленой раной, полученной сеньором Хозе.

Пустая перевязка и примочки из воды, разбавленной тафией, являлись вполне достаточным лечением этой раны, более страшной на взгляд, чем опасной. Сделав перевязку, шкипера уложили в гамак, укрыли от насекомых и предоставили ему сладко заснуть, что он и сделал без особых просьб.

Впрочем, он один только был в состоянии заснуть после этой жаркой схватки; все остальные, в том числе индейцы, были настолько возбуждены всем только что происшедшим, что не могли совершенно успокоиться. Кроме того, можно было опасаться нового нападения, так как ничто не гарантировало путешественников от мести Канаемэ за своих погибших соплеменников, а потому все продолжали бодрствовать в продолжение всей ночи, вплоть до утра.

Но напрасно: урок был так жесток, что никто из убийц не помыслил даже о возмездии. А быть может, все они погибли в этой схватке.

Как только рассвело, механик развел огонь в машине и в ожидании, когда можно будет тронуться в путь, все принялись дружно уничтожать следы вчерашнего побоища. Индейцы экипажа, так отважно поскакавшие в воду во время нападения врагов на судно, затем устремившиеся вдогонку за шлюпками, уносимыми течением, снова вернулись на бателлао, как только миновала опасность.

Как люди предусмотрительные, они позаботились привязать к бателлао все уба, так легко доставшиеся им, затем преспокойно завалились спать тут же, подле трупов убитых Канаемэ, нимало не смущаясь столь неприятным соседством.

Когда рассвело, все они храпели во всю мочь тут же среди убитых и окоченевших уже Канаемэ, окровавленных и страшных даже теперь еще под своей яркой татуировкой, казавшейся еще ярче и безобразнее на их помертвелых, бледных лицах.

Все это были рослые красавцы, эти свирепые бандиты Амазонки; их атлетическое сложение, дивная мускулатура, мощные фигуры представляли собой разительный контраст с тощими телами и робким,

пришибленным выражением выродившихся индейцев океанского побережья.

Сильные, мускулистые, как древние гладиаторы, с высокой грудью, с могучей шеей, с тонкими конечностями, эти дикари-разбойники вполне воплощали в себе образец человека в природном состоянии, такого, каким бы его желали видеть скульпторы, художники и антропологи.

Кроме того, следует заметить, что все они были ранены спереди в грудь, в голову, в лицо, в живот, как это можно было видеть по ранам; только пули могли остановить их бешеный напор.

— Славные парни, г. Шарль, — проговорил Винкельман, глядя на эти тела, красоте и силе которых не уступало его собственное тело. — Если бы у нас не было такого оружия, плохо бы пришлось!

— Но кой черт! — воскликнул Маркиз. — Каким это образом они ухитрились так подобраться к нам, здесь, посреди реки, на совершенно открытом месте, и напасть на нас так неожиданно, что никто из нас даже не успел заметить этого!

— Ах, очень просто, — сказал Шарль. — Я полагаю, простите меня, господа, что все спали, как у вас на паровой шлюпке, так и у нас, на бателлао. Как вы думаете, Маркиз?

— Увы! К стыду своему, г. Шарль, я должен сознаться, если бы даже меня предали за это военному суду, что спал я, как новобранец.

— Военный суд прощает вас, Маркиз, так как вы доблестно искупили свою вину в момент боя! Что же касается способа, примененного в данном случае врагом, то он очень прост, хотя и далеко не всем доступен. Мне кажется, что я могу в точности восстановить картину или, если хотите, сцену нападения, так как, сам того не подозревая, присутствовал при всех предварительных маневрах неприятеля, предшествовавших атаке, и достаточно хорошо все видел, чтобы не ошибиться.

— Не откажитесь, мосье Шарль, рассказать нам об этом, пока механик разводит пары в своей кочегарке!

— Очень охотно, друзья! Эй, вы там, — крикнул он, обращаясь к индейцам, лениво растянувшимся на солнце среди трупов, — перекидайте мне сейчас же все эти трупы

в реку, да смойте с палубы следы крови! Слышите? Ну, поворачивайся живее!.. Вам будет двойная порция тафии; хотя, в сущности, вы заслужили двойную порцию порки за вашу подлую трусость! А мы тем временем вернемся к рассказу. Так вот, эти Канаемэ — мне кажется, что наши враги принадлежали именно к этому грозному обществу, — предупрежденные неизвестно кем и неизвестно каким именно образом...

— А старая хрычовка, что привезла сюда бананы и привозила сюда больного ребенка?! Вспомните подозрения и предчувствия бедного Хозе!

— Да, конечно, это весьма возможно, теперь и я, пожалуй, готов их разделить! Как бы то ни было, но Канаемэ, о которых идет речь, явились сюда, превосходно переряженные кайманами!

— Кайманами?! — воскликнули вне себя от удивления Винкельман, Маркиз и двое бразильцев.

— Да, это сущая правда, могу уверить! Я видел во время моей вахты, как маневрировала стая таких кайманов, и должен признаться, что наивно смотрел на них, считая их подлинными кайманами. У них были те же приемы, та же ленивая небрежность движений, те же молчаливые эволюции и шумное дыхание, та же нерешительность и даже присущий кайманам запах мускуса.

— Но в таком случае...

— А вот прикажите поднять сюда один из челнов уба, причаленных под кормой нашего бателлао. Или нет, лучше вы, добрейший Винкельман, у которого такие сильные руки, — что я сегодня испытал лично на себе и за что я вам глубоко признателен — лучше вы вытащите нам на причал первый попавшийся из этих челнов!

— Сию минуту! Тащу!.. Эй, да эта штука тяжелая!

— Надо думать, что так... цельный ствол итоба, так справедливо названного «железным деревом»... Это что-нибудь да весит!.. Теперь взгляните, господа, на этот маленький шедевр местного кораблестроения. Как видите, размеры этой уба вполне соответствуют размерам крупного каймана как по длине, так и по объему. Теперь взгляните на эту художественно выполненную голову крокодила на носу челнока, взгляните на эту морду, на эти глаза, сделанные из агата, инкрустированного в дерево! А этот хвост, который тянется, образуя продолжение

кормы, покрытый правильной, темной чешуей из щитков! Разве все это не настолько верно и художественно, чтобы даже днем не ввести в заблуждение на некотором расстоянии?!

— Да... Поразительно... Но где же помещается человек? — спросил Маркиз.

— А вот в этой дыре, в этой выбоине, которую вы видите наверху! Человек ложится в эту выбоину на живот: он как раз только умещается в ней, и его спина изображает собой спину каймана. Вот вам и доказательство! Посмотрите на спину этого убитого, которого наши люди собираются кинуть в воду! Видите, вся спина у него размалевана под цвет ствола «итоба» и даже на манер щитков крокодила.

— Да... Удивительно! Но каким образом они управляют этими судами?

— А вот посмотрите! Какое может быть, по вашему мнению, назначение этих двух деревянных лопаточек, прикрепленных веревками сзади, у кормы, и двух других таких же лопаточек, привязанных по обе стороны деревянной головы каймана?

— Право, не знаю... Впрочем, мне думается, что эти две лопатки служат вместо весел.

— Вот именно! Угадали! Человек лежит на животе, кладет голову в это маленькое углубленьице, приспособленное здесь для подбородка и щек, так что глаза его приходятся выше деревянной головы каймана, чтобы видеть, что происходит впереди, а также куда ему направлять свой челн. Руки свои он просовывает в эти боковые вырезы, берет в каждую по лопатке и работает ими, как веслами, создавая иллюзию передних лап каймана. В таком виде они явились произвести рекогносцировку. Убедившись, что на наших судах никто не шелохнется и, по-видимому, все спят, они решили, прежде всего, с чисто дьявольской ловкостью разобщить суда, чтобы таким образом лишить нас возможности помогать друг другу. С этой целью один из мнимых кайманов перерубил своим тесаком канат, которым бателлао был привязан к правой шлюпке. Тогда наш бателлао стало сносить течением, но, к счастью, это продолжалось недолго: крик торжества, подражающий с поразительным искусством плачу крокодила, пробудил меня, а быть мо-

жет также движение судна. Не теряя ни минуты, я закинул небольшой якорь, и он остановил нас сразу.

Это было как раз вовремя. Эта неожиданная остановка бателлао несколько расстраивала планы разбойников, и они стали плавать кругом бателлао и, наконец, увидели наш якорный канат, натянувшийся, как струна. До этого момента я был действительно сильно заинтересован поведением мнимых кайманов, которых принимал за настоящих, и в сущности был далек от всякого подозрения, как вдруг заметил, что перед мордой одного из этих чудовищ, подплывшего к самому якорному канату, блеснула сталь. Значит, эти кайманы были люди!.. Я выстрелил в того, который подплыл к канату, и в тот же момент из мнимого каймана выскочил человек, громко вскрикнул, взмахнул руками и упал в воду. Остальное вам уже известно. А теперь за вами очередь рассказать мне, что произошло у вас на паровой шлюпке.

— Да почти ничего! — отвечал Маркиз. — Мы все так крепко спали, что не только приготовления к нападению, но даже и самое начало атаки для нас осталось неизвестным. Мы, конечно, обязаны высоте наших бортов тем, что попытка абордажа оказалась в данном случае совершенно невозможной. Если бы не это, нас бы всех перерезали, как овец! Разбуженные вашими выстрелами, мы наполовину догадались о случившемся. Тогда Винкельман, который, как вы знаете, немного говорит, но много делает, перерезал канат нашего большого якоря, а вы тем временем успели уже бросить якорь, благодаря чему шлюпка, которую понесло течением, могла подойти к бателлао и как раз в самый нужный момент!

— Господа, — раздался голос механика Бенто, — машина под парами. Я жду ваших распоряжений!

— Все готово к отплытию? — спросил Шарль.

— Все готово! — ответил знакомый голос, на который, однако, все разом обернулись.

— Как, это вы, сеньор Хозе? Да откуда же вы взялись, прости Господи!

— Прежде всего, из моего гамака, но я успел затем освидетельствовать все причалы и убедился, что все в порядке!

— Но, дорогой мой сеньор Хозе, вы делаете страшную неосторожность; вы можете схватить лихорадку... Вам необходим полный отдых!

–Очень благодарен, сеньор, за вашу дружескую заботу обо мне, но я чувствую себя совершенно здоровым. Да и, кроме того, что бы вы обо мне подумали, если бы я из-за такой пустяшной царапины стал лежать, как пласт, целую неделю? Позвольте мне занять мое место у руля и провести беспрепятственно шлюпку между этими островками, загромождающими буквально все устье Рио-Бранко!

Это быстрое плавание, не требующее никаких утомительных работ, явилось настоящим наслаждением для всех участников экспедиции.

Мимо них плыли берега Рио-Бранко, а с них срывались перепуганные отрывистым стуком машин и шипением паров стаи диких водяных птиц и с криком уносились вдаль.

Избавившись от тяжелой и утомительной работы ганчо и форкильхой, не имея надобности опасаться ни падения деревьев в воду, преграждавших путь, ни ложных маневров, влекущих за собой остановки или, что еще того хуже, позволяющих течению сносить бателлао вниз по реке, избавившись даже от своих беспощадных мучителей-насекомых, благодаря быстроте движения и ветру, образуемому скоростью хода, все хором благословляли двух бразильцев, которым они обязаны всеми этими несравненными благами.

Но более всех были осчастливлены этой неожиданной переменой условий плавания, без сомнения, индейцы экипажа, которые теперь могли предаваться постоянному сну, прерываемому только едой и питьем.

— Довольны вы, что у вас нет теперь никакой работы, кроме как — есть, пить и спать? — спросил Шарль, удивленный их невозмутимым равнодушием ко всему.

— Не знаем!

— Но раз у вас нет работы, то вам следовало бы позаботиться о продовольствии. Не так ли? Надо добыть нам дичи, рыбы, черепах!

— Да.

— Ну, так сегодня вечером мы станем раньше на якорь, поближе к берегу, и вы отправитесь в уба за припасами! Здесь уже нет больше Канаемэ. Но вы, во всяком случае, не удаляйтесь слишком далеко от судов!

—Да!

Собственно продовольствие на Рио-Бранко не затруднительно, так как превосходнейшей рыбы и самой вкусной дичи здесь большое обилие, вероятно, вследствие безлюдия этих мест. На протяжении свыше пятисот километров от устья до Боа-Виста совершенно нет человеческого жилья. Население последовало за индейцами, которых также нельзя более встретить здесь, так как они перекочевали к верховьям реки, в область кампо, т.е. прерий.

Таким образом, Рио-Бранко до кампо является раем для охотников и рыболовов, которые могут найти здесь полное удовлетворение своей страсти и с избытком удовлетворять свои нужды и потребности.

Во-первых, здесь водятся в огромном числе пака, агути, бразильские куры, глухари, ара, козы и многие другие животные и птицы.

Во-вторых — гимноты, или электрические угри, бразильские храпуны, пирахибы, пираньи, суруби, а также и другие вкусные рыбы, тосточешуйки и др. Кроме того, здесь встречаются и черепахи: тракажас, или бахромчатая черепаха, а также громаднейшая тартаруга.

Тем временем плавание наших путешественников, еще так недавно столь медленное, затруднительное и нередко даже опасное, теперь совершалось без малейших хлопот и усилий и без всяких неприятных инцидентов.

Шарль, который был занят более других, наносил все время на карту, по компасу, течение Рио-Бранко, так как в его распоряжении была лишь очень плохая карта, очень старая, а главное, допускающая обширный разгул фантазии.

Однако, как ни плох этот документ, все же он указывал, хотя и далеко не точно, места, некогда населенные и затем мало-помалу заброшенные со времени выселения, которое увлекало всех местных жителей выше «сахосіга», т.е. стремнины, вплоть до кампо.

У устья Шеруини теперь насчитывалось всего каких-нибудь шесть-семь ситио, раскиданных в области озер и населенных индейцами, замбо или мамалуко.

От прежнего povoacao, т.е. цивилизованного селения Санта-Мариа, расположенного некогда на левом берегу реки, не осталось теперь ни малейшего следа. Точно так

же и от Пескейро, бывшей королевской рыболовной станции, имевшей своим назначением снабжение рыбой маленького гарнизона форта Сао-Жоаким, не осталось никаких следов: кругом лес, все заросло и заглохло, и ничто не говорило, что здесь раньше жили люди и стояли жилища.

Первое ситио, т.е. маленькая ферма, одиноко стоящая, которое попалось на этом пути, было ситио Бернардо-Коррейо, старого португальца, главным образом, занимавшегося заготовлением топлива для паровых шлюпок. Его ситио расположено на правом берегу реки, к северу от линии экватора и неподалеку от озера Гварена, вокруг которого раскинулось с дюжину хижин, населенных неграми, индейцами и метисами обеих рас.

Эти раскиданные хижины представляли собою деревню, и даже самую значительную деревню на нижнем Рио-Бранко. На реке царило полное безлюдье. Тут тянулась дикая пустыня или девственные леса, прорезанные местами болотами и безызвестными речками, речонками и ручьями. Кроме серингаля Карнейро, где португалец, сеньор Васконселлас, занимался эксплуатацией каучука, других жилищ вплоть до Виста-Аллегро на правом берегу не встретилось.

Немного повыше Виста-Аллегро, на том же берегу лежит озеро Энженирио, где в прошедшем столетии стоял сахарно-рафинадный завод. Но теперь исчез и он.

Вот и все жилье, какое здесь можно встретить на протяжении четырехсот километров от устья реки до каксоейра.

Каксоейра, парализующая всякие сношения между Манаосом и богатейшими, плодороднейшими кампо у верховьев реки, представляет собою ряд порогов, образуемых Кордильерой, ограничивающей с юга бассейн Мокажахи от бассейна Яуа-Парана. Если бы не эти семь порогов, которые приносят сильный вред скотоводам, бателлао могли бы беспрерывно подыматься во всякое время года до самого Боа-Виста, а паровая шлюпка могла бы беспрепятственно совершать рейсы даже в течение трех летних месяцев, так что могла бы забирать скот у самых порогов фазенды.

К сожалению, до сего времени ничего не было сделано, или почти ничего, чтобы сколько-нибудь устранить

эти неудобства, а между тем легко бы устроить либо эстрада, т.е. объездную дорогу, которая огибала бы пороги, или же прорыть канал в самой каксоейра.

Сколько трудов, сколько потери времени, сколько опасностей можно было бы избежать для несчастных экипажей бателлао, которые не менее пяти или шести дней мучаются, чтобы пройти через этот проклятый лабиринт скал и камней даже и в самое благоприятное время.

Между тем, паровая шлюпка сеньора Рафаэло и буксируемое ею бателлао пробирались без малейших задержек, благодаря своей превосходной машине и практическому опыту пейксоте Сильва (лоцмана), старого замбо, который вместе с негром Антонио Баретто Мурату занимался проводом судов через каксоейра.

Выше каксоейра лежит та же пустыня, все так же заросли лесом некогда существовавшие здесь посты, и путешественник, ничего не подозревая, минует места, где некогда процветали обширные повоасао де Консессаун и де-Сан-Фэлипэ. Только гораздо выше, уже миновав каксоейринью, находящуюся против устья Яуа-Парана, встречаются четыре ситио или фермы оседлых индейцев Паоксиано.

Еще выше находится устье Мокажахи, большой реки, протекающей через плодороднейшие земли, но опустошаемые постоянно страшными злокачественными лихорадками «сизое», свирепствующими здесь с невероятной силой. Здесь живут в таких гигиенических условиях, от которых бы содрогнулись европейцы, индейцы Паоксиано, местные аборигены, костлявые и тощие, длиннобородые, со впалыми глазами и выдающимися скулами, сильно сходные по типу с Аннамитами. В сущности, это хорошие люди, не столь вороватые, как остальные индейцы, и не столь одержимые страстью к дезертирству, кроме того, еще способные к привязанности, не чуждые благодарности к белым, к которым они относятся вполне дружелюбно, но, к сожалению, хилые и болезненные.

Сколько неисчислимых природных богатств пропадает даром в этой Богом избранной стране, столь прекрасной и плодородной, но и столь губительной в отношении своего климата!

Никто, конечно, и не помыслит в скором времени об эксплуатации этих богатств продуктивным образом ввиду малочисленности населения этой страны, раскиданного на громадном пространстве территории. Трудно себе даже представить, как безлюден весь этот бассейн Рио-Бранко.

Во всем юго-западном бассейне, т.е. на территории правого берега, заключающейся между Мокажахи, Рио-Бранко, Рио-Петро и Наданири, территории, равняющейся почти всей французской Гвиане между Марони, Тумук-Хумак, Ойапокком и океаном, существует всего только одно племя Паоксиано. Да и то число индейцев этого племени стало до того незначительно, что на Мокажахи, в шести малоках, их насчитывается всего не более ста пятидесяти душ. В остальной части бассейна их не больше того; словом, на всю область приходится не более трехсот человек.

После Рио-Мокажахи на левом, более высоком, берегу среднего Рио-Бранко вырастает большая горная цепь Сиерра де Караума, достигающая в высоту тысячу сто пятьдесят метров. На протяжении около двадцати километров река течет у подножия этой величественной громады гор, а затем путешественники вступают в великолепную область кампо, этих необозримых цветущих и сочных лугов, которые простираются до самой Венецуэлы и захватывают даже часть английской Гвианы.

Здесь местность заметно населяется. Не то чтобы замечалось излишнее обилие жилья, нет, но это уже не та дикая, безлюдная пустыня, какою является громадная часть этой территории, всецело предоставленной в распоряжение хищных зверей.

Фазенды почти беспрерывно следуют одна за другою, на сколько только хватает глаз; внимание путешественника невольно останавливается на зеленеющих лугах, где пасутся громадные стада полудиких быков под надзором еще более диких пастухов. На холмах и пригорках виднеются жилища фазендейров, так как эти возвышенные места предохраняют их от наводнений. Зд сь же раскинулись и прилегающие хозяйственные постройки — магазины, склады, бараки для служащих. По берегу стоят на своих якорьках бателлао, пироги и целые

флотилии всевозможных судов, крупных и мелких; здесь, очевидно, производится нагрузка скота.

Словом, тут уже чувствуется известное оживление, жизнь и деятельность. А что бы было, если бы не проклятая каксоейра, которая, как назло, разгораживает эту прекрасную реку на две половины и тем, быть может, на долгое время препятствует более широкому развитию промышленности местных отважных колонизаторов.

Их здесь по меньшей мере двенадцать человек белых, раскинувших свои владения на расстоянии тридцати километров от Мокажахи, дающих заработок многочисленным слугам и рабочим, живущим патриархально, не имеющих никаких развлечений, кроме кратковременной отлучки в Боа-Виста, столицу кампо на Рио-Бранко.

Глава VII

Примитивная столица безлюдной провинции. — Там, где родится человек, должен родиться и хлеб. — Там, где есть хлеб, может и должен быть человек. — Богатство кампо. — Отправление в глубь страны. — Индейская «малока». — Оптимизм Маркиза. — «Акангатаро» и «турури». — Безумная страсть к бусам. — Несколько километров ожерелий. — Платок носовой не может быть подушечкой для булавок. — Под открытым небом. — Намерение дезертировать. — Плохие отговорки Климентино. — Убийства в семье не мешают счастливому супружеству. — Плоды.

Боа-Виста — это столица кампо на Рио-Бранко.

Однако это громкое название не должно вызывать в воображении читателя представление о каком-либо Эльдорадо, затерявшемся среди амазонской пустыни. Нет, он не должен думать, что в этой столице, раз уж это столица, встретит роскошь и утонченность, которыми так дорожат вообще бразильцы, или хотя бы только удобства рядового европейского города; нет, это даже не людный, цветущий и богатый город, как Манаос, шумный, оживленный, полный движения и лихорадочной торго-

вой деятельности; это даже не просто большое торговое село, какие встречаются во всех государствах Европы.

Столица кампо на Рио-Бранко похожа на тех испанских нищих, быть может, в самом деле подлинных гидальго, могущих насчитать целую вереницу имен и титулов своих предков и тем не менее завтракающих одной сырой луковицей, обедающих одной сигаретой и ужинающих серенадой, — нищих, все имущество которых состоит из дырявого плаща и пары панталон, изукрашенных бесчисленными заплатами.

Тем не менее это родовитые гидальго-дворяне чистейшего происхождения.

Так и эта столица со своими двадцатью пятью — тридцатью жалкими домишками, сплошь крытыми соломой, маленькими, частью выбеленными известью, но в громадном большинстве опрятными и удобными, Боа-Виста, построенная на холме над рекой, все-таки столица.

Все в этом мире относительно.

Но как знать, не украсится ли этот эмбрион будущего города в непродолжительном времени фабриками, заводами, банками, театрами, отелями, доками, железной дорогой, телефонами и телеграфом? Удивительный рост некоторых австралийских и североамериканских городов вполне позволяет надеяться на возможность осуществления этого смелого предположения, тем более что эта чудесная страна решительно ни в чем не знает недостатка, а сами бразильцы — поистине удивительные колонизаторы.

Но что бы ни готовило этой столице будущее, и чем бы она ни удивила наших потомков, в данный момент она все еще очень далека от всего этого. Только два общественных здания являются как бы залогом будущей цивилизации и культуры этого города — это церковь и школа.

Церковь, впрочем, еще только строится. Но первоначальная школа функционирует и чрезвычайно усердно посещается детьми белых, мамалуков и индейцев, служащих в качестве слуг у белых и работающих на них.

Несмотря на малые размеры этого «города будущего», обороты здесь совершаются довольно крупные, конечно, главным образом, благодаря присутствию здесь белых, которые являются почти исключительными вла-

дельцами крупных фазенд внутри страны. В числе этих белых только два европейца; один из них — португалец, а другой — итальянец. Остальные тридцать человек белых — уроженцы берегов Амазонки.

Тридцать два фазендейро на такую громадную территорию, скажут, очень мало! По-видимому, да! Но в сущности, эти интеллигентные работники, деятельные, энергичные, создали тем не менее все элементы будущей цивилизации и нашли средства удовлетворить насущные требования будущих переселенцев. Благодаря им колонисты могут смело являться сюда в каком угодно числе и все найдут здесь себе заработок, найдут готовый кусок хлеба, поддержку и защиту в случае надобности. Мальтус, столь осмеянный экономист, быть может, совершенно напрасно осмеянный, говорил с несколько грубым красноречием человека, привыкшего только считаться с цифрами: «Там, где родится человек, должен родиться и хлеб». В этих словах усмотрели только простой афоризм, грубую шутку человека, возымевшего претензию ограничить человеческую расу количеством питательных продуктов. Но это ошибка, не достойная такого мыслителя, как он, тем более, что производство продуктов питания не может быть точно определено, а потому мы считаем себя вправе придать иное толкование его фразе, именно — в таком смысле: «если родится на свет человек, то обеспечьте его хлебом».

А это, в сущности, не что иное, как приглашение каждому человеку следовать благородным законам обязательного для каждого человека труда.

Таким образом, Мальтус был прав, сказав, что, когда родится человек, должен родиться и хлеб, и обратно, как прекрасно сказал Поль Бер: «там, где есть хлеб, должен родиться и человек».

Таким путем скотоводы на Рио-Бранко видоизменили, быть может, сами того не подозревая, изречение английского экономиста: они использовали не имеющийся хлеб, а имеющихся быков.

И вот в настоящее время тридцать две фазенды кампо имеют не менее тридцати двух тысяч голов рогатого скота и не менее четырех тысяч лошадей. Кроме того, каждая из этих фазенд кормит огромное число служащих в качестве гребцов, носильщиков, сельскохозяйственных

рабочих и домашней прислуги, негров, мамалуков, замбо и особенно индейцев, отказавшихся от бродячей жизни и живущих теперь в сравнительном довольстве, имея возможность обеспечить себе безбедное существование в будущем, добыв себе верную и хорошо оплачиваемую работу.

Что особенно важно знать — это что кампо Рио-Бранко, как ни кажется пустынным и безлюдным с первого взгляда, в сущности, весьма деятельно эксплуатируется, и маленький городок, посад Боа-Виста, является центром, из которого исходят и где концентрируются все коммерческие и интеллектуальные интересы этой области.

Правда, здесь нет должностных лиц, изукрашенных золотыми галунами и нашивками, торжественных, напыщенных, но невежественных, съедающих наибольшую часть чистых доходов маленькой колонии. Нет здесь и солдат, рабочие руки которых несравненно более полезны для общественных работ, так как колонисты, которые превосходно управляют сами собой, умеют также, в случае надобности, защитить себя сами — надобности, впрочем, весьма редкой, так как эта мирная колонизация, дающая местным аборигенам только средства к существованию и возможность более легких условий жизни, превратила их в своих друзей и доброжелателей.

В предыдущем веке у Сан-Иоакима (несколько выше Боа-Виста) была устроена государственная фазенда, охранявшаяся гарнизоном из штаб-офицера коменданта, сержанта, капрала, двадцати человек команды и одного унтер-офицера, казначея или делопроизводителя, которому было поручено управление фазендой. Но фазенда исчезла с лица земли давным-давно, а правительство все еще продолжает присылать сюда нескольких злополучных солдат, вследствие той неосведомленности, которая является исключительной привилегией одних только европейских министров. А пост, что это за пост! Это жалкая мурья, несколько развалившихся шалашей! А гарнизон?! — четыре солдата и один сержант, покинувшие свои соломенные шалаши и переселившиеся по соседству в ближайшую фазенду, Сан-Бенто, где высшая администрация о них совершенно забыла, и где они находят себе скромный заработок,

позволяющий им удовлетворять с избытком все их потребности.

Современное правительство должно прекратить в будущем дальнейшую присылку сюда воинских частей, не имеющую никакого смысла и ни кому не нужную.

Шарль Робэн и его спутники нашли у одного из местных фазендейро тот радушный прием, о каком наша эгоистичная цивилизация и представления даже не имеет.

Их любезный хозяин желал бы надолго удержать гостей у себя, предоставить им все удовольствия, какие доступны жителям Боа-Виста, т.е. обильные дичью охоты, скачки на резвых скакунах по необозримому простору кампо и чудесную рыбную ловлю.

Но Шарль торопился отправиться в горы и потому решил задержаться в Боа-Виста лишь столько, сколько ему было необходимо для подготовки к предстоящей трудной экспедиции, ни минуты долее, а потому и не хотел задерживаться в доме радушного фазендейро.

Двух суток оказалось достаточно, чтобы снарядить эту экспедицию и найти все необходимое для нее, главным образом, подыскать несколько человек индейцев Паоксиано, которых ему и рекомендовал хозяин. Перед отправлением маленькое общество собралось за столом в столовой фазенды, где Шарль и его спутники распрощались с двумя молодыми бразильцами, Рафаэло и Бенто, которые, со своей стороны, набрали себе новый экипаж для паровой шлюпки и готовились пуститься в обратный путь в Манаос.

Шарль, как человек предусмотрительный, тщательно изучил во всех подробностях предстоящий ему путь, но счел за лучшее не посвящать любезного фазендейро в тайну настоящей цели его поездки в горы и его изучения Лунного Хребта.

Как читатель, вероятно, помнит, он намеревался вернуться на Марони сухим путем, через горы, исследовать по пути леса хинных деревьев, о которых ему говорил Хозе.

И хотя мулат превосходно помнил, каким путем он следовал в прошедшем году, Шарль, на всякий случай, желая избежать легко возможной неприятной случайности, могущей лишить его столь необходимых услуг и

руководства Хозе, запасся от местного фазендейро всеми возможными сведениями и указаниями.

Крайняя точка Тумук-Хумак, из которого вытекает главный рукав Марони, Тананохони, находится на расстоянии приблизительно пятисот двадцати пяти километров по прямой линии от Боа-Виста и лежит немного выше второй северной параллели. Таким образом, приходилось все время следовать на восток, упорно возвращаясь к этому направлению после каждого вынужденного уклонения с этого пути.

Маленький караван тронулся в путь пешком, предполагая только в тех местах, где могут встретиться реки, бегущие в восточном направлении, пользоваться пирогами или плотами. Но, насколько известно, все реки, берущие свое начало в этих горах, текут в направлении севера, как Ренунами, Куйюнини, Явр и Тчин-Уаа, соединение которых образует впоследствии Эссекибо, величайшую реку английской Гвианы.

Но в трехстах километрах от Боа-Виста, уклонившись слегка на юго-восток, мы найдем Курукури-Уаа, верхний приток Рио-Тромбетта, текущий с запада на восток, немного выше первой северной параллели.

Возможно, что этим притоком им придется воспользоваться для обратного пути.

На пятые сутки, по их прибытии, трое европейцев и мулат снова отправились в путь. Их сопровождали шесть человек индейцев Паоксиано, которые обязались сопутствовать им почти до самых Аторради.

Четыре лошади, предоставленные в их распоряжение фазендейро, были нагружены пищевыми припасами и всякой поклажей. Они должны были сопровождать их до Кунт-Анау, по которой предполагалось подняться на пирогах, а двое слуг с фазенды, находившиеся при этих лошадях, должны были, перегрузив припасы и поклажу с вьючных лошадей на пироги, отвести лошадей обратно в фазенду.

Вот они и в открытом кампо. Шарль и Винкельман, освоившиеся со всевозможными видами тропической природы, продвигались вперед с видом привычных путешественников, которым все эти красоты успели уже несколько понадоесть, но Маркиз, этот типичный парижанин, страстно влюбенный в сельские красоты и

видевший здесь только одни леса да непроходимые болота или тинистые отмели вдоль берегов, восторгался на каждом шагу, как школьник, выпущенный на загородную прогулку.

Встреча с индейцами, с настоящими краснокожими, подлинными дикарями, такими, как они есть в природном своем состоянии, и какими они являются по мере своего удаления от белых людей, приводила Маркиза в неописуемый восторг.

Теснота малока (индейских хижин), под крышей которых скучены двадцать пять-тридцать гамаков, не представляла собою для него ничего отвратительного, хотя оттуда вырывались ароматы, очень мало напоминавшие розу или какой-либо другой душистый цветок. Вид роса, т.е. полей, засаженных маниоком, бананами, ананасами, папайями, сахарным тростником, игнамом, пататами, внушал ему неудержимое желание поселиться здесь и жить, как живут эти индейцы.

— Подождите немного, Маркиз, подождите! — говорил ему Шарль, улыбаясь при виде его энтузиазма. — Вы скоро пресытитесь этими прелестями, и ручаюсь, что все это перестанет нравиться вам даже раньше, чем вы думаете. Все эти прекрасные вещи, от которых у вас теперь слюнки текут, станут вам омерзительны, и вы станете вздыхать по кусочку самого обычного ростбифа или краюшке белого хлеба, как некогда плакали евреи о легендарных луковицах.

— Да нет же, мосье Шарль! Нет! Неужели вы не находите, как и я, что эти индейцы действительно великолепны?

— Да, но полуодеты!

— Баа! В такую-то жару! Их костюм превосходно приспособлен к климату! Посмотрите, как эта корона из перьев к лицу им! Как красивы эти лица, точно высеченные из красного гранита!.. Как называется у них эта корона?

— Они называют свой головной убор «акангатаре».

— Акангатаре! Как это красиво звучит... Это настоящая диадема!

— И вы называете это костюмом?

— Нет, но ведь у них есть еще этот фиговый листок из бумажной ткани, которым они обертывают себя по

бедрам и, надо им отдать справедливость, делают это довольно красиво!

— Это называется «калимбэ», или «турури», как они их сами здесь называют. Но мне кажется, что всего справедливее было бы сказать, что они прикрыты только своей стыдливостью и одеты солнечным лучом; преобладающий их костюм — нагота. Но вы ничего еще не сказали об их женщинах. Неужели вы будете настолько галантны, что станете уверять, будто эти кумушки, так пестро увешанные целыми километрами бус, кажутся вам привлекательными и грациозными?

— И здесь, как и у нас, мода имеет свои, зачастую весьма странные, требования! Странными, конечно, можно назвать эти фантазии, созданные страстью к наряду и украшениям у этих первобытных детей экваториальной прерии!

Между прочим, трудно составить себе представление, до какой степени доходит у этих женщин любовь к бусам.

Бусы — это, так сказать, их единственное украшение и даже единственное одеяние: это главный предмет их вожделений, ради обладания которым они соглашаются на какую угодно работу, не боятся усталости и утомления, предпринимают дальние путешествия, даже не останавливаются перед убийством ради того, чтобы отнять бусы и завладеть ими.

Какое счастье, какая неописуемая радость для этих дикарок иметь возможность показаться испещренною бусами, с тангой, увешанной теми же бусами и столь малых размеров, что ее едва хватает на самое элементарное прикрытие, которым, однако, довольствуется их стыдливость! Какое упоение иметь тысячи и тысячи этих цветных зерен, из которых они изготовляют себе ожерелья, браслеты, пояса; целые километры бус, как говорил Шарль, они наматывают себе на шею, на грудь, руки, на икры так, чтобы быть увешанной ими с головы до ног и задыхаться под их тяжестью.

Даже мужчины разделяют с женщинами это пристрастие к бусам и нередко носят десятки рядов бус в виде перевязи через плечо или по большому ожерелью в пять-шесть рядов бус на каждом плече, а также и на шее.

Но что особенно поразило француза, это манера втыкать булавки в нижнюю губу, так что головки их прихо-

дятся к зубам, острие же торчит наружу; целых четыре, пять и шесть булавок торчат из губы, и этот вид самоукрашения применяется одинаково и мужчинами, и женщинами.

— Что за дикая фантазия! — не мог не воскликнуть наш оптимист Маркиз. — Я готов согласиться, что можно иметь надобность в булавках. Но почему бы не вкалывать их, ну, хотя бы в ткань их калимбэ, вместо того, чтобы уродовать себе рот?!

— А потому... — хотел было возразить Шарль и вдруг прервал себя на полуслове. — Да вот, посмотрите! — добавил он, громко рассмеявшись.

- Ах, черт возьми! Да... это уж не столь живописно! — согласился Маркиз при виде того, как один из индейцев осторожно взял двумя пальцами конец этой единственной принадлежности своего костюма, наклонил голову и громко, с видимым удовольствием, высморкался в него.

— Теперь мне все ясно! Невозможно, чтобы носовой платок служил в то же время и подушкой для булавок, но нельзя сказать, чтобы это было опрятно! Счастье еще, что у него калимбэ достаточно велика, и все они очень часто купаются. А кстати, скажите, почему эти калимбэ и турури — видите, какие успехи я делаю в местном наречии, — почему они не одинаковой величины у всех, а у одних длиннее, у других короче?

— Право, не могу вам сказать! Спросите Хозе.

— Ну-ка, скажите мне, сеньор Хозе, почему это так?

— Это объясняется тем, что размеры этого одеяния соответствуют достоинству того лица, которое его носит. Как видите, есть турури величиною чуть не с ладонь, и есть такие, которые почти волочатся по земле.

— Это так! Значит, и здесь существует известная иерархия!

— Несомненно!

Встретив у индейцев довольно холодный прием, наши путешественники, после бесконечных переговоров и торга, обменяли свои бусы, ходячую монету этих мест, на свежие пищевые продукты и простились с малока. Индейцы, встретившие путешественников без особой радости, так же равнодушно отнеслись и к их уходу.

Эти жители внутренней части страны, в противоположность береговым жителям, спаленные беспощадным

экваториальным солнцем, являются как бы застывшими в своем невозмутимом равнодушии ко всему окружающему.

На следующий день маленький отряд путешественников ночевал под открытым небом. Вот уже четверо суток, как они были в пути. Они все шли вдоль Кунт-Анау и видели уже вдали темную линию Сиерра да Луна, т.е Лунных гор. Далее предстоял путь уже на пирогах через каксоейры этой капризной реки, при условни, конечно, что местные речные жители согласятся одолжить свои лодки.

Путники расположились в небольшой рощице лиственных тенистых деревьев; громадный костер, яркое пламя которого далеко раскидывалось во все стороны, освещая кругом густой мрак ночи, служил и для приготовления пищи и в то же время для отпугивания хищных зверей, довольно часто встречающихся здесь.

Кругом костра были развешаны девять гамаков, привязанных к стволам деревьев. Четыре больших четырехугольных ящика и целый ряд объемистых тюков были расположены в строжайшем порядке у костра, так что могли служить сидениями людям.

Над огнем весело кипел медный котелок, а металлический кофейник пускал свою тонкую струйку пара из носика. На разостланном перед костром одеяле чинно расставлены четыре белых жестяных тарелки и такое же блюдо; тут же разложены ножи и вилки, отсвечивающие металлическим блеском в отсветах костра. Это — стол, сервированный для трех белых и мулата, неисправимых сибаритов!

Подле гамаков пристроены к стволам деревьев четыре добрых ружья, и на них привешены четыре пояса с патронташами и тесаками в кожаных ножнах. Немного подальше — луки и стрелы в пучках, и тут же «куп», т.е. кисеты с кремнем, огнивом и запасом древесного пуха; здесь же и ожерелья, и маленькие мешочки с красящими веществами, для праздничного туалета щеголих и щеголей-туземцев.

И вот Маркиз, караван-баши маленького отряда, провозгласил во всеуслышание, что ужин готов.

Ели медленно, не торопясь: ночь предстояла длинная, а потому каждый старался продлить, сколько возможно, незатейливый пир.

А вот и торжественный момент кофепития, сигарет и долгих разговоров, предшествующих отходу на покой.

Индейцы, более чем когда-либо флегматичные и угрюмые, уничтожили свои порции с жадностью голодных зверей, облизались несколько раз, несколько раз щелкнули зубами, глотнули, сопровождая этот процесс своеобразными гримасами, — и все было кончено.

Затем каждый из них изготовил себе по паре «деркели», особого рода примитивных сандалий или туфель из древесного лыка, как это у них вообще в обычае, перед отходом ко сну.

Получив по чашке излюбленной тафии, индейцы лениво потащились к своим гамакам, не проронив ни слова, не поблагодарив за угощение ни единым звуком, ни единым движением.

Впрочем, не все: один из них, который, по-видимому, принял на себя серьезную миссию, вместо того, чтобы идти ложиться, подошел к группе белых и встал перед Шарлем, ожидая, чтобы тот обратился к нему с расспросами.

— А, это ты, Клементино, — сказал молодой человек, — что тебе?

Индейцы охотно носят португальские имена, которыми они в сношениях с белыми заменяют свои туземные прозвища, и с гордостью откликаются на них даже и среди своих, даже если всего только один раз побывали в обществе белых людей.

Высказывая по отношению к белым величайшее презрение и пренебрежение, они, тем не менее, прежде всего спешат узнать их имена и тотчас же присваивают их себе, щеголяя ими среди своих в родной деревне. Этим объясняется, что часто в самых отдаленных и глухих деревнях, далеко от всяких цивилизованных центров, вы встретите туземцев, зовущихся Маноэль, Антонио, Жуан, Бернардо или Аугостиньо.

На вопрос Шарля Климентино отвечал коротко:

— Я хочу уйти!

— Как, уйти теперь?.. Почему?

— Мы идем слишком далеко!

— Но ведь ты и твои товарищи обещали провести нас еще в продолжение трех дней пути!

— Это правда, но это слишком долго, еще три дня!

— Если вы самовольно уйдете, то не получите обещанного вознаграждения!

— Это ничего, мы все-таки уйдем!

— Сейчас же?

— Да!

— Но послушайте, ведь это же безумие! Подождите до завтра: ты проводишь нас к индейцу, который должен снабдить нас пирогами!

Клементино на это ничего не ответил.

— Знаешь ты этого индейца?

— Да!

— Кто он такой?

— Это мой дядя!

— Так почему же ты не хочешь повидаться с ним?

— Он — Канаемэ!

— Что ты говоришь! Здесь нет никаких Канаемэ!

— Все, кто убивает, те Канаемэ!

— Тот, кого он убил, этот твой дядя, был тебе друг или родственник?

— Да, это был мой брат!

— Хм, черт возьми! Значит, твой дядя ужасный негодяй.

Клементино пожал плечами и с видом величайшего равнодушия прошептал:

— Да, негодяй!

— А ведь ты говорил, что он твой друг?

— Да, это правда, он мой друг!

— Ты говорил, что долго жил с ним.

— Это правда, я долго жил с ним.

— Даже и после того, как он убил твоего брата?

— Да, господин.

— И ты не подумал отомстить за брата?

— Я не знаю! — отозвался Клементино удивленно, по-видимому, совершенно недоумевая, что это значило — отомстить.

— Так значит, потому только, что твой дядя Канаемэ, ты не хочешь проводить нас к нему?

— Я не знаю!

— Да ведь ты только что сказал мне это!

— Да, господин!

И Клементино, не обращая внимания на нелогичность своих слов, продолжал говорить, как автомат, причем очевидно было, что доводы Шарля не поколебали в нем его животного, бессмысленного упорства.

Шарль, которому удалось привязать к себе Тануйев, береговых индейцев, и завоевать симпатии славных и умных Мундуруку, положительно недоумевал при виде этого умышленного тупоумия. Ни он, ни его товарищи не могли понять столь разительной разницы между людьми одной и той же расы, живущими на сравнительно незначительном расстоянии друг от друга и в условиях, мало чем отличающихся одни от других.

— Я сильно опасаюсь, — проговорил он по-французски своим товарищам, — как бы нам вскоре не пришлось рассчитывать исключительно на свои собственные силы!

Затем он снова обратился к Клементино.

— Но послушай, ты окончательно решил уйти?

— Да!

— И твои товарищи тоже?

— И мои товарищи тоже!

— Останься хоть до завтрашнего вечера! Согласен?

— Не знаю.

— Я дам каждому из вас вдвое больше, чем было условлено.

— Да, господин!

— Ну, значит, я могу рассчитывать на тебя.

— Да!

— Ну, и прекрасно... Теперь иди спать!

Поутру Маркиз проснулся первым, и крик удивления и негодования против воли вырвался у молодого француза: ночью индейцы собрали свои пожитки, захватили оружие, кисеты, свернули свои гамаки и бесшумно удалились. Они даже не имели возможности взять заработанную ими плату, так как белые из предосторожности, имея в виду возможность подобного дезертирства, догадались прибрать ящики и тюки под свои гамаки.

Глава VIII

Обретение одной пироги. — Дерево для весел. — На Кунт-Анау. — Маркиз скандализован полученными сведениями. — Нет багра. — Импровизированная кузница, молот и наковальня. — Леса. — Каким образом Шарль одним выстрелом отсекают лиану. — Ловля пираруку. — Рыба весом в пятьдесят килограммов и длиною в три метра. — Маркиз очень доволен тем, что ему предстоит сделаться коптильщиком. — Неожиданное посещение. — Кайман. — Смертельная опасность. — Страшная борьба. — Подвиг Винкельмана. — Врукопашную с кайманом. — Эльзасец уверяет, не без основания, что кайман — та же ящерица.

Дезертирство индейцев Паоксиано не вызвало даже и тени ропота или возмущения; все предвидели этот факт и ожидали, но только несколько позднее, правда. Впрочем, тащить за собой насильно, против их воли, людей по дебрям совершенно дикой местности не представляет собой особой приятности; это скорее стеснительно, затруднительно, а главное, создает ежеминутную тревогу и беспокойство.

Лучше уж покончить с этим. Неожиданный уход этих индейцев разом разрешил этот вопрос. Оставалось только сказать им вслед: «добрый путь!»

Успели уже отойти больше, чем на сто километров от Боа-Виста, т.е. оставили за собой как раз треть расстояния, отделяющего этот город от гор, где, по словам Хозе, находятся целые леса хинных деревьев. Оставалось всего около недели пути.

Для людей сильных, акклиматизировавшихся, привычных к усталости и той пище, какую можно было иметь в этих краях, подобная экспедиция не представляла собой ничего необычайного, напротив, считалась чем-то совершенно обыкновенным и весьма легко исполнимым, конечно при условии, что никакие случаности не встанут препятствием на их пути. До сего времени все шло как нельзя лучше.

В самый день побега индейцев Паоксиано Хозе, который прекрасно вспоминал дорогу, случайно нашел в конце одной «пикады», т.е. лесной тропы, проложеной

индейцами и упирающейся в Кунт-Анау, кем-то брошенную пирогу, наполовину занесенную илом.

Это туземное судно, однако, не пострадало от продолжительного пребывания в тине и иле, и его плотные твердые, словно кость, стенки из ствола итаубы превосходно устояли против переменного действия на них то солнца, то воды.

Изготовить четыре весла из дерева ярури было нетрудно, так как оно превосходно колется, поддается обработке и вместе с тем чрезвычайно прочно и упруго. Винкельман, Шарль и мулат за час вполне успешно справились с этим делом, в то время как Маркиз занялся очисткой самой пироги и погрузкой в нее ящиков и тюков.

Как только все было готово, тотчас же отчалили от берега. Шарль и эльзасец, привыкшие к работе и не любившие щадить своих сил, принялись грести, как настоящие негры Бош, эти удивительные, прирожденные гребцы на реке Марони, а сеньор Хозе, рана которого едва успела зажить, правил, ловко проводя пирогу по извилинам реки, по бесчисленным каксоейрам, загромождающим ее течение, и мимо преграждающих путь огромных стволов деревьев.

Но зато, как бы вознаграждая за трудность плавания по Кунт-Анау, эта река представляла в утешение путешественникам невероятное обилие рыбы. Эта река может быть поистине названа «живорыбным садком», в котором кишат сотни и тысячи суруби, жандия, тукунаре и громадных чудовищных пираруку.

Это обилие превосходнейшей рыбы являлось, конечно, весьма ценным дополнением к провиантским запасам путешественников, которым нельзя было не воспользоваться.

Хозе, опытный и страстный рыболов, горько сожалел об отсутствии приспособлений для рыбной ловли, которой можно было бы заняться теперь же. Ему бы иметь только хоть простой гарпун, и он управился бы и с ним. Но, увы! Даже и того у них нет.

— Гарпуна у нас, действительно, нет, мой бедный друг, — сказал Шарль, — но будьте спокойны, мы вскоре найдем лиану нику и опьяним реку!

— Что? Опьянить реку? — воскликнул Маркиз с видом комического возмущения и недоумения. — Превратить всю эту безвредную и безобидную воду в хмельную влагу, от которой вся рыба станет мертвецки пьяна?!

— Да, и вы увидите всю эту рыбу, катающуюся в воде, как настоящие гуляки, перепившиеся по неосторожности и которым хмель ударил в голову!

— Я хотел бы видеть подобное зрелище!

— Ничего не может быть легче, мой милый Маркиз!

— Как? Неужели это правда? такая же правда, как в книгах?

— Даже больше! Достаточно взять одно из растений, одаренных этим свойством опьянения!.. Растение, о котором я только что упомянул, бобовое растение, называемое никоу или нику туземцами, а ботаниками именуемое robinia nikou. Его нарезают на куски длиною в шестьдесят сантиметров приблизительно и затем раздавливают их между камнями, а сок, получающий при этом, смешивают с водой в реке, которая тотчас же окрашивается в слегка беловатый цвет. По прошествии четверти часа вы увидите, как все рыбы заволнуются, точно ошалевшие, закачаются, зашатаются, как пьяные, и, наконец, останутся неподвижными на спине. Тогда их остается только брать руками, как неживых!

— Это что-то невероятное!

— Если бы у меня был только гарпун или острога, — снова вздохнул Хозе, возвращаясь к своей первоначальной мысли, — я бы в десять минут изловил вам пирараку, в двадцать пять фунтов, не имея для этого надобности возиться со стряпней из нику.

— Мне кажется, вовсе уж не так трудно раздобыть для вас острогу, — проговорил Винкельман своим обычным, несколько глухим голосом, вероятно, глухим вследствие того, что он вообще был не очень говорлив, и когда говорил, то всегда как будто неохотно.

— В таком случае, не откажите!

— Но для этого пришлось бы пожертвовать одним из наших ружейных шомполов!

— Ну, это не беда! — сказал Шарль. — Наши четыре карабина все одного калибра, и нам вовсе не нужно четырех шомполов!

— Прекрасно! В таком случае, будьте добры пристать к берегу!

Спустя две минуты пирога пристала к берегу и причалила к какому-то кусту.

— Ну, а теперь — огня!

Пока Маркиз пошел собирать валежник, выбивать огонь и разжигать хворост, эльзасец выбрал ствол срубленного дерева, вонзил в него лезвие одного из топоров и, указав на его обух, сказал присутствующим:

— Вот вам и наковальня!

— Ну, а молот? — спросил Маркиз.

— А молотом будет обух другого топора!

В несколько минут тонкий железный прут шомпола раскалился докрасна. Тогда импровизированный кузнец положил раскаленный конец на свою наковальню и принялся мелкими, частыми ударами выковывать его, постепенно сплющивая, наподобие острия пики; затем, благодаря особой ловкости, ухитрился выделать две бородки, снова положил железо в огонь, заострил конец и, наконец, отсек верхнюю часть железного прута от изготовленного им гарпуна на высоте десяти сантиметров.

— Вот вам и острога, Хозе, — сказал он, — и всего каких-нибудь десять минут работы... Хотите я сделаю еще одну?

— Нет, благодарю, одной будет вполне достаточно! — отвечал мулат, удивленный проворством и искусством работы. — Ну, а остальное уж мое дело!

— А древко?

— Да вот, один из этих бамбуков прекрасно может пригодиться для этой цели... затем несколько сажен бечевки, и все тут...

— Да, бечевки... а где у нас бечевка?

— Бечевку изготовить нетрудно. Но так как у меня нет времени, чтобы свить ее из пиасабы, то я просто отрежу тонкую полосу от своего пояса!

— Превосходно! Вы находчивы!

— А вы-то! — воскликнул Маркиз. — Вы положительно удивительны, мой друг! Где вы только научились такому искусству и такой ловкости!

— В ужасной школе, г. Маркиз, где я слишком долго пробыл, к великому моему несчастью! — ответил бедняга, страшно побледнев.

— Какая оплошность с моей стороны! — с огорчением воскликнул про себя добросердечный Маркиз, которого Шарль подтолкнул локтем, чтобы предуп-

редить, но — увы — слишком поздно, не напоминать несчастному об его прошлом, о долгих годах каторги и его преступлении, так давно искупленном и заглаженном.

К счастью, неожиданная диверсия вскоре прервала тягостное, неловкое молчание, последовавшее за неосторожным вопросом Маркиза, который, как человек тактичный, не стал усугублять тяжелого впечатления неуместными извинениями.

Пирога в данный момент находилась перед небольшим каксоейра, по ту сторону которого раскинуло свою зеркальную и ровную поверхность серебристое озеро, обрамленное с юга цепью гор.

— Эй, осторожнее, весла! — скомандовал Шарль, когда пирога взлетела на гребень порога.

Вследствие довольно быстрого в этом месте течения потребовалось более чеверти часа усилий, чтобы вывести пирогу в тихие и спокойные воды озера.

— Ах, черт возьми! Ведь я забыл главное!

— А что такое?

— Да лесу, чтобы привязать к древку моей остроги!

— А у нас ни клочка бечевки!

— Неужели же нам из-за этого придется отказаться от удовольствия положить себе на зуб вкусный кусочек пираруку? — воскликнул Маркиз, всегда несколько склонный полакомиться.

— Боюсь, что да, по крайней мере, в настоящий момент!

— Ба-а! — воскликнул Шарль. — Тонкая, длинная лиана, гибкая и мягкая, тоже может пригодиться для этой цели и вполне заменить бечевку! Ну, а лиан здесь больше, чем надо: видите, как они спускаются в неимоверном количестве с самых вершин деревьев и висят до земли?! Стоит только выбрать ту, которая нам лучше приглянется, начиная от громадных, толщиною в руку, и кончая тоненькими волокнами, как соломинка.

— Но вы забываете, что достать их не так-то легко: тонкие-то свешиваются с высоты пятнадцати-двадцати метров! — заметил Маркиз. — Не каждый сможет, даже будь он ловок, как обезьяна, взобраться на эти деревья толщиной с башню и совершенно лишенные нижних ветвей!

— Это вовсе не так хитро, как вы думаете, господа. Это дело всего трех-четырех секунд.

— Вы, конечно, шутите, мосье Шарль!

— Ничуть! Вот смотрите!

С этими словами молодой человек взял свое ружье, медленно вскинул его к плечу, внимательно нацелился на одну из крепких, но тонких лиан, спускавшихся с одной из поперечных ветвей дерева из середины чудесного букета орхидей в полном цвету. Раздался резкий, короткий звук выстрела, и лиана, отсеченная пулей, словно ножом, со свистом падает прямо в пирогу, а вместе с тем с вершин дерева с шумом и оглушительным криком срывается целая стая туканов, многоцветных попугаев и т.п.

— Вот вам и требуемая леса, Маркиз! — говорит Шарль самым спокойным голосом, выкидывая пустой патрон.

— Поразительно! — воскликнул молодой парижанин. — Вот бы поглядел на вас наш капитан Филь-де-Фер, мой бывший ротный командир! Ловкач, нечего сказать! И у нас были лихие молодцы, но и лучшие из них — перед вами сущие младенцы!

— Вы льстите, мой друг, и преувеличиваете заслугу подобного выстрела, более поразительного с виду, чем трудного на самом деле! У меня на Арагуари любой из индейцев проделал бы подобную штуку... и они считают это за сущий пустяк!.. Вам этой лианы достаточно, Хозе?

— Вполне, сеньор! Эта лиана, несмотря на то, что она так тонка и гибка, смело выдержит вес человека!

В одну минуту Хозе укрепил сввою острогу на древке, а к древку привязал лиану и встал на носу пироги в классической позе заправского гарпунщика.

На лодке все хранили строжайшее молчание; никто не шелохнулся; все знали, что пираруку — рыба весьма чуткая и недоверчивая даже и там, где за нею обыкновенно не охотятся.

И вот опытный глаз рыбака заметил впереди легкую рябь на поверхности воды и едва заметную пенистую борозду. Сильным, уверенным движением рыбак бросил вперед свою острогу, которая, просвистев в воздухе, исчезла в пенящемся водовороте, образовавшемся на том месте, где раньше едва заметно рябилась вода.

— Ну, вот! — разочарованно воскликнул Маркиз, полагая, что Хозе промахнулся.

Но мулат, не ответив ни слова, быстро начал сдавать лиану, свернутую на дне пироги; бамбуковое древко

остроги заколыхалось, нырнуло, завертелось, опять нырнуло и снова появилось.

Маркиз, все более удивленный и недоумевающий, сообразил, что рыба, по-видимому, поймана. Но почему же Хозе не тащит ее из воды?

А Хозе, не спуская глаз со своей лесы, продолжал еще некоторое время ее травить, потом вдруг начал постепенно выбирать ее из воды, но осторожно, без сотрясений, так, чтобы это было незаметно для рыбы, которая все время бешено дергала, выбиваясь из сил.

Несмотря на всю силу сопротивления, оказываемого рыбой, мулат все-таки ухитрился подтянуть добычу настолько, что ее можно схватить рукой.

Маркиз, с лихорадочным вниманием следящий за перипетиями этого лова, увидел, что рыба на одно мгновение показалась над водой, и не удержался от невольного крика восторга при виде громадных размеров этого чудовища.

— Эх, черт возьми! Откуда мы возьмем багор, чтобы вытащить эту громадину?!

В этот момент рыло и голова рыбы показались из воды, и Винкельман, не теряя ни секунды, нанес сильный удар веслом по голове и разом оглушил рыбу. Теперь осталось только втянуть эту тушу на пирогу, что для силача эльзасца уже вовсе не так трудно, несмотря на то, что рыба весила никак не меньше пятидесяти килограммов и дотигала длины около трех метров.

Пятьдесят килограммов веса!.. Три метра длины!.. Маркиз не верил своим глазам и невольно огласил воздух громким, торжествующим «ура»!

Его товарищи, привыкшие к такой добыче, с улыбкой следили за его энтузиазмом, не выражая со своей стороны ни малейшего волнения.

— Нет, вы, право, удивительные люди, — обратился к ним маркиз, — и я не знаю, чему мне больше дивиться: вашему ли равнодушию или ловкости и искусству моего милого товарища Хозе! Но я могу вас уверить, что знаю десятки парижских рыболовов, которые наделали бы несравненно больше шума из-за простого пескаря! Вот чудесная-то рыбина!.. Какая красивая окраска!.. А чешуи-то... Право, не меньше лепестков артишока! Мастерский удар, милейший Хозе! Вы всадили свою острогу как раз

в самые ребра, а между тем, ничего не могли видеть, когда кидали острогу; вы кидали ее просто наугад!

— Что хотите, сеньор Маркиз, — дело навыка! — скромно отозвался мулат, готовя снова свое орудие ловли.

— Как? Неужели вы собираетесь продолжать эту ловлю?

— Да, нам не помешает еще одна такая рыбина. Ведь в ней будет порядочно всяких отбросов, так что чистого мяса у нас останется не более тридцати килограммов! Надо пользоваться случаем: как знать, будет ли и дальше такая рыба!

— А разве вы рассчитываете сохранить ее более или менее продолжительное время?

— Да, конечно!

— Я очень хотел бы знать, каким это способом; ведь у нас нет даже соли, чтобы засолить такую тушу!

— Каким способом? Да простейшим — копчением!

— А и в самом деле! Как я об этом не подумал! Я, видите ли, всякими ремеслами промышлял, а коптильщиком еще никогда не был и буду весьма рад научиться и этому делу.

— Потерпите немного, а главное, помолчите некоторое время, я снова начинаю! — сказал Хозе и занял прежнее место на носу пироги, внимательно вглядываясь в малейшую рябь воды впереди или по бокам лодки, выдающую подводные движения рыб.

И вот во второй раз мулат метнул свою острогу, которая со свистом исчезла под водой в том месте, где она слегка крутится и пенится.

Но странное дело, до слуха ловца донесся своеобразный звук, словно острие остроги ударилось о какой-то твердый предмет, и в тот же момент древко, которое Хозе не успел еще выпустить из рук, разом переломилось. Эта неожиданность заставила мулата потерять равновесие, и он, сделав неловкое движение, взмахнул руками и грузно упал в воду. В тот же момент громадная пасть раскрылась как раз над тем самым местом, где только что скрылся Хозе. Две огромных челюсти с целым частоколом страшных зубов с шумом раскрылись и захлопнулись, но, к счастью, слишком поздно, чтобы схватить несчастного: темная, покрытая скользкими щитками спина каймана показалась над водой из-под волны, что разбивается под килем пироги.

— Несчастный! — воскликнул Маркиз, обезумев от ужаса и ища вокруг себя оружие.

Шарль содрогнулся и, схватив свое ружье за ствол, готовился ударить каймана прикладом по голове, но, к несчастью, приклад застрял под рыбой, и его не так-то просто было вытащить из-под этой тяжелой туши.

В этот момент Хозе показался над водой и крикнул голосом, полным стремительного ужаса:

— Помогите!.. Кайман!..

— Не робей!.. Держись! — отозвался Винкельман и, держа в одной руке свой тесак, а в другой какой-то объемистый сверток, кинулся на чудовище в ту минуту, когда оно уже разинуло пасть, чтобы схватить несчастного мулата. С удивительным хладнокровием и ловкостью эльзасец кинул прямо в раскрытую пасть крокодила свой сверток, который оказался свернутым гамаком, и одновременно с этим вскочил сам верхом на шею чудовища.

Безобразное животное с жадностью схватило плотную ткань гамака, в которую врезались его острые, как железные гвозди, зубы. И так как с этой странной добычей кайман не мог уйти под воду, не рискуя захлебнуться, и выплюнуть эту добычу тоже не мог, потому что зубы его завязли в плотной ткани, то он отчаянно извернулся и со всей силы ударил хвостом по воде, стараясь сбросить с себя человека, усевшегося ему на шею. Но напрасны были все его усилия! Атлет Винкельман, который некогда в улицах Кайены один на один схватился с бешеным быком, вырвавшимся с бойни, повалил его и убил на месте ударом кулака, Винкельман не выпустит и крокодила.

Сдавленный коленями эльзасца, словно железными тисками, кайман издал глухой хрип и на мгновение перестал вертеться и наносить бешеные удары хвостом по воде. Этим мгновением воспользовался Винкельман и, приняв более устойчивое положение на спине крокодила, быстро вонзил ему свой тесак чуть не по самую рукоятку сначала в один, а потом и в другой глаз.

Струя черной крови брызнула из широко раскрытых орбит чудовища, образуя темное пятно на поверхности беловатых вод озера. Обезумевший от боли, смертельно раненный кайман, которому конец тесака прошел в самый мозг, бессознательно выбросился до половины из воды, точно становясь на дыбы, и запрокинулся на спину.

Отважный спаситель, не дожидаясь этого, проворно соскользнул вдоль спины чудовища в воду, нырнул, подплыл под пирогой и появился за ее кормой. Ухватившись одной рукой за борт, он спросил:

— А Хозе?

Маркиз, бледный, как полотно, стуча зубами, протянул обе руки мулату, чтобы втащить его в пирогу, а Винкельман с помощью Шарля медленно высунулся из воды, перенес ногу за борт лодки и весь мокрый молча присел на среднюю балку.

— Ну что? Не повредил он вам? — спросил он у Хозе без малейшего волнения, как будто ровно ничего не случилось.

— Самую малость! — ответил оправившийся от страха мулат. — Он ударил меня только хвостом по ногам, но это было такое ощущение, как будто меня ударили палкой: они как будто разом отнялись! А вы? Если бы не вы, мне бы несдобровать. Это чудовище растерзало бы и пожрало меня в одну минуту... вы не пострадали?

— Ни на столько! — отозвался Винкельман, показав на кончик ногтя.

— Я, право, не знаю, как мне вас благодарить, сеньор... Я положительно не понимаю, ни что я делаю, ни что говорю... Знаю только одно, что вы спасли мне жизнь!

— Полноте, это сущие пустяки... в нашем положении нельзя же не выручить друг друга в подобных случаях... о чем тут говорить? А вы что делаете, г. Маркиз?

— Я восхищаюсь вами, Винкельман! И вы находите еще время заботиться и думать о других после такой удивительной цирковой штуки! Нет, это, право, что-то невероятное!

— Но не стойте же с обнаженной головой, вы, пожалуй, схватите так солнечный удар!

— А вы сами?

— Ну, я-то дело другое! Я почти туземец, и мой череп, не хуже черепа любого индейца, привык к действию солнца!

— Тысячи громов! Что у нас за славный товарищ, друзья! И как я счастлив, Винкельман, что имею возможность пожать вашу руку.

— Что касается этого, г. Маркиз, то эта радость вполне обоюдна!

— Аай, ай... не так сильно, мой милый! Вы не человек, а настоящий ворот! В другой раз я протяну вам не руку для пожатия, а кулак: он будет менее чувствителен!

— И я, Винкельман, сердечно благодарю вас, — проговорил Шарль своим ровным, спокойным и сдержанным голосом. — Благодаря вашему геройскому поступку нам удалось избежать большого несчастья; это еще одно доброе дело, которое зачтется вам, когда мы вернемся в Гвиану! Вы уже знаете, что я хочу этим сказать!..

— Значит, вы довольны мною, мосье Шарль, и думаете, что мой бедный Фриц будет счастлив?..

— Как вы можете спрашивать меня об этом, мой славный Винкельман!

— А если так, то, с вашего разрешения, не будем больше говорить об этом! Все, что я слышу, положительно ошеломляет меня: у меня даже в глазах мутится... А вот Хозе следовало бы дать чашку тафии, а то он, как видно, хлебнул лишку воды, и с ним что-то неладно, как я вижу!

— Как! — воскликнул Маркиз. — Не говорить больше об этом! Да только об этом и следует говорить!

— Нет, нет. Это, право, не стоит того, и ведь, в сущности, кайман этот — не что иное, как та же ящерица! — заявил скромный эльзасец, стараясь отклонить от себя всеобщее внимание и умалить, по возможности, свою заслугу.

Глава IX

Копчение. — Дело мастера боится. — Мародеры. — Ягуары-рыболовы. — Пристрастие хищников малых и больших к рыбе. — Привлеченные запахом «муким». — За добычей. — Винкельман на страже. — Первый нападающий. — Ягуар-стратег. — Кража двадцати фунтов рыбы. Пойманный за хвост. — Кто одолеет, человек или хищный зверь? — Убить. — Это не более, как кот! — Покидают пирогу. — В момент отправления в поход. — Индеец. — Из-за пятиконечного зеркальца. — Предварительный уговор.

Жители тропической части Америки сохраняют продукты своей охоты и рыбной ловли простейшим и вернейшим способом сбережения, а именно — копчением.

Этот достаточно известный способ состоит в том, что развешивают рыбу или мясо, подлежащие сохранению на более или менее продолжительное время, над костром из зеленых ветвей и сырого дерева, от которых получается наибольшее количество дыма; последним и обкуриваются обрабатываемые продукты.

Это, в сущности, тот же способ копчения рыбы и ветчины, который практикуется и повсеместно в цивилизованных странах.

Но самое копчение, применительно к обстоятельствам, происходит несколько иначе.

Устраивают «муким», как выражаются прибрежные жители берегов Амазонки, — громадный костер, сооруженный из четырех жердин, поддерживаемых вилообразными подпорами, на которые накладывают эти жердины. Подпоры втыкают в землю, образуя правильный четырехугольник. Затем на жердины накидываются древесные прутья. Это сооружение должно быть не выше полуаршина от земли.

Костер, который заранее раскладывают под этим примитивным сооружением, состоит исключительно только из мелких зеленых ветвей, и не каких попало, так как в этих лесах не мало деревьев, которые при горении развивают такой зловонный дым, что мясо и рыба становятся совершенно непригодны в пищу. Наоборот, другие древесные породы придают окуриваемым продуктам особенно приятный вкус, и опытные жители лесов прекрасно знают эти особенности тех или иных видов горючего материала.

Мясо или рыбу раскладывают на прутьях в строгом порядке и зажигают зеленый костер. Тогда требуется особенное внимание: нужно все время поддерживать ровный огонь, не давать ему ни слишком разгораться, ни гаснуть, и то умерять, то подживлять его, смотря по надобности, настолько, чтобы первоначально подвергнуть окуриваемые продукты некоторой сушке, не допуская их, однако, до запекания, или обжаривания.

Само собой понятно, что мясо или рыба, подвергнутые жару костра, утрачивают известную долю содержащейся в них влаги и, кроме того, прокоптившись, могут долго сохраняться.

Описанное копчение весьма часто применяется местными индейцами, когда они, опьянив какой-нибудь ручей или речку, выловят из нее огромное количество рыбы или перебьют целое стадо черных свиней, или пекари, или же убьют тапира. Тогда устройство «мукима» является для индейцев настоящим празднеством, шумным предвкушением грандиозного обжорства, опьянения кашири и бешеной пляски.

Трудно себе представить что-либо более захватывающее и странное, нежели это сооружение среди леса! Кругом темная ночь, треск костра; густые клубы дыма носятся в воздухе; красноватый отблеск огня играет на красных лицах индейцев, опьяненных запахом кашири, т.е. прокопченного мяса, танцующих, точно бесноватые, под звуки своего вибрирующего глухого тамбурина или барабана, гулко разносящиеся по лесу в ночной тишине.

Несравненно менее шумно и более спокойно совершалось копчение у наших четырех путешественников, а главное — гораздо прозаичнее и гораздо менее колоритно с точки зрения любителей местных красот.

Пираруку, распластанная пополам вдоль хребта и натертая индейским перцем, была бережно разложена на прутьях, и Маркиз в качестве простого помощника коптильщика разжег мелкие зеленые веточки костра, расположенного под рыбой.

— Вот и все?.. — спросил он, когда пламя охватило веточки, образовав как бы сплошной красный огненный ковер: с таким искусством был разложен Шарлем этот низкий квадратный костер.

— Да, все!

— В таком случае, нам теперь остается только сложить руки и ждать этого вкусного обеда, а затем, пообедав всласть, завалиться спать!

— Эх, черт возьми, как у вас это все скоро делается! Напротив, теперь-то и необходимо величайшее внимание, чтобы поддерживать повсюду ровный огонь, подправлять его там, где он начинает затухать, раскладывать там, где он начнет разгораться, иначе вы рискуете испортить окончательно всю эту превосходнейшую рыбу.

— Прекрасно! Теперь я понял! Мы будем сторожить костер поочередно и будем всячески остерегаться, чтобы не заснуть!

— Вот именно; с этого вы и начните свое обучение ремеслу коптильщика под благосклонным руководством Хозе, а мы с Винкельманом, тем временем, займемся приготовлением обеда.

— Охотно! Таким образом у меня не явится поползновения заснуть, как тогда на паровой шлюпке! Впрочем, здесь это менее опасно, чем там, не правда ли? Крокодилы, и живые, и мнимые, остались там в озере?... Брр!.. Отвратительные животные!.. Меня кидает в дрожь, как только я вспомню о них!

— Крокодилы-то, да, они действительно остались там, но зато ягуары — здесь.

— Как? Здесь есть ягуры?

— Здесь, как и везде в этой стране.

— Эх, черт!.. Я их видел в Париже в зоологическом саду... Они показались мне не особенно приветливыми!

— О!.. Вы не преувеличивайте их кровожадности! Наши ягуары довольно трусливы и в общем, можно сказать, безобидны до тех пор, пока не ранены; не было примера, чтобы они первые нападали на человека!

— А когда они ранены?

— Ну, тогда они действительно становятся чрезвычайно свирепы, можно сказать, ужасны!

— Значит, они, в сущности, опасны, как мародеры?

— Вот именно! Запах копченого привлекает их, и они, без сомнения, станут бродить вокруг, с удивительной смелостью подходить к самому костру и стараться стащить самый лучший кусок и умчаться с ним во всю прыть.

— Не может быть!

— Нет, это именно так, как я говорю!

— Даже и копченую рыбу они уносят?

— Копченую рыбу в особенности!

— Вот странный вкус!

— Совсем не столь странный, как вам это кажется! Ягуар, видите ли, даже предпочитает рыбу мясу, я сам не раз видел их, как они терпеливо лежали по несколько часов на берегу ручья или реки, с невероятной ловкостью вылавливали прямо из воды молодых пираруку, такунаре или ширанья весом в несколько килограммов!

— А впрочем, почему бы и нет? Ведь наши кошки вообще тоже любят рыбу и нередко браконьерствуют на реках. Я видал это не раз и у нас в Европе!

— Во всяком случае, мы будем хорошенько сторожить свою рыбу, ведь огонь костра не всегда в достаточной степени отпугивает этих лакомок, которые ради удовлетворения своего аппетита рискуют иногда обжечь себе лапы и опалить усы!

Действительно, сторожили усердно до одиннадцати часов ночи; четвероногие мародеры, привлеченные вкусным запахом копченой рыбы, но вместе с тем и весьма трусливые по природе, довольствовались тем, что жалобно выли в лесу, сначала вдали, а затем мало-помалу ближе к притягательному центру, о чем можно было судить по все усиливающемуся хору этих ночных музыкантов.

Около полуночи, прозванной баснописцем «часом преступлений», очередь сторожить пришла Винкельману.

Еще менее нервный, если возможно, чем Шарль и Хозе, эльзасец, смотревший в высшей степени добродушно на все случайности кочевой жизни в диких лесах, слушал рассеянным ухом эту ночную симфонию хищников.

Кто прожил многие годы среди этих девственных лесов, тот невольно становится невероятно равнодушен ко всевозможным опасностям, что совершенно непонятно для европейца, недавно прибывшего в эти дикие края. Путешественник, пропитанный насквозь страхом и опасениями, внушенными ему цивилизацией, не может на первых порах понять этого рода близости человека с дикими зверями, гадами и опасными насекомыми, свирепость которых почему-то принято страшно преувеличивать.

Только впоследствии он разубеждается во всех этих россказнях и приучается смотреть правильно на вещи, признавая за каждым из этих животных только действительные его свойства и качества и отвергая все беззастенчивые преувеличения.

Винкельман, присев на своем гамаке, рассеянно и безучастно поглядывал кругом, останавливая главным образом свое внимание на коптящейся рыбе и следя несравненно больше за огнем костра, чем за скрытыми маневрами ягуаров.

Впрочем, сейчас еще нечего было опасаться, глухое рычание и протяжное завывание все еще раздавались из

леса, а ягуар всегда смолкает, как только отваживается на грабеж, к которому у него вообще большая склонность.

Но между тем все-таки воцарилась сравнительная тишина, и из этого эльзасец заключил, что, вероятно, в самом непродолжительном времени огромные куски рыбы подвергнутся нападению.

— Эти мерзкие твари ни за что не хотят оставить нас в покое! — прошептал он себе под нос. — Вон там один присел и сидит, точно большой кот, перед мышиной норой, выжидает, разбойник!.. А глаза горят, точно две свечки. Будь я такой стрелок, как г. Робэн, я бы, недолго думая, разом погасил эти огоньки одним выстрелом. Но к чему напрасно подымать шум и перебудить всех, когда они так сладко и так мирно спят!.. Впрочем, погодите, голубчики! Эй! Подожди, любезный!..

Последние слова были уже обращены к громадному ягуару, который, осмелев вследствие царившей кругом тишины, осторожно выбрался из чащи, крадучись пробрался вперед и ползком подполз, распластавшись по земле, насторожив уши, нюхая воздух и пожирая глазами добычу.

С присущим ему невозмутивым спокойствием Винкельман покинул свой гамак, проворно и неслышно сделал семь-восемь шагов, отделяющих его от костра, наклонился, схватил горящую головню и смело двинулся навстречу мародеру.

Ягуар остановился, зашипел, как рассерженная кошка, попятился назад при виде горящей головни, которая угрожала опалить ему морду.

— Ну, марш в свою берлогу! Живо, негодяй этакий! — шутливо крикнул эльзасец, — и человеческтй голос, действующий на животное словно какой-то талисман вернее, чем головня, обратил ягуара в бегство; испуганное животное, услыхав окрик Винкельмана, разом повернулось и кинулось удирать со всех ног, как молодой козленок.

Рассмеявшись добродушно тому, что он задал разбойнику такого страха, Винкельман не спеша направился к своему гамаку, как вдруг картина разом изменилась. Его добродушный смех сменился крепким ругательством.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Да что же это такое?!

В то время, как он так победоносно отражал первого нападающего, другой за его спиной неслышно подкрался к лакомому куску, осторожно протянул к нему лапу и одним махом стащил чудеснейший кусок рыбы, весом фунтов в двадцать! Как видно, ягуарам знакома стратегия.

Винкельман, взбешенный тем, что эти мерзавцы так обошли его, одурачив, как новобранца, кинулся вперед с такой кошачьей ловкостью, какой трудно было ожидать от человека столь могучего сложения.

Маркиз, этот профессиональный гимнаст, был бы поражен этой быстротой и легкостью движений, если бы видел их.

Одним прыжком эльзасец очутился подле ягуара как раз в тот момент, когда вор, схватив добычу, уже готовился удрать вместе с нею. Он уже начал отступление: высоко подняв голову, напрягши мускулы задних ног, выпрямив хвост, он готовился сделать первый громадный прыжок и скрыться с добычей в чаще, чтобы потом пуститься наутек с быстротой лани.

Но Винкельман успел схватить его за хвост и разом остановил вора на месте.

Однако вор и тут не захотел выпустить своей добычи, точно так же, как и Винкельман не хотел выпускать хвоста, который он зажал в своих руках, как в железных тисках.

Ягуар, шипя и упираясь, рычал и тянул что есть силы. Винкельман, ругаясь, тоже тянул хвост на себя, как настоящий ворот.

Обезумев от бешенства и боли как животное, пойманное в капкан, ягуар, поняв, что ему таким образом не одолеть этого врага, наконец, решился выпустить из пасти рыбу, которую уронил на землю. В тот же момент он обернулся и, оскалив зубы, прижав уши к затылку, приготовился раздробить своими мощными челюстями смельчака, который решился связаться с ним. Но Винкельман не бросил своей головни.

С быстротой и находчивостью привычного охотника он ткнул эту горящую головню в самую морду рассвирепевшего зверя, который вдруг громко взвыл от боли и стал бешено вырываться, так как Винкельман все не выпускал его хвоста.

И вот произошло что-то невероятное: этот человек, обычно столь степенный и угрюмый, вдруг громко рассмеялся, как мальчишка, прищемивший хвост кошке в дверях.

— Попляши, негодяй! Попляши!.. Если твой хвост не переломится, то я тебя, голубчик, хорошо проучу; не скоро ты меня забудешь!.. Это отучит тебя воровать в другой раз!

Вдруг ягуар взвыл еще громче, еще ужаснее. Шарль, Маркиз и Хозе разом проснулись и, выскочив из своих гамаков, схватились за ружья.

— Ягуар! Это ягуар! — воскликнул Маркиз.

— И Винкельман борется с ним! — взволновался Шарль.

Все трое, разглядывая неописуемое зрелище, остановились в нерешимости, борясь между желанием разразиться смехом и страхом, внушаемым им видом этой сцены.

— Держитесь, Винкельман! — крикнул Шарль, вскидывая к плечу свое ружье. — Я сейчас уложу его на месте!

— С вашего разрешения, я и сам с ним справлюсь!.. Мы славно посмеемся, вот увидите, — продолжал эльзасец все с тем же невозмутимым спокойствием. — И так как вы теперь все трое на ногах, да еще при оружии, то ничего опасного быть не может, а я попробую пустить в ход свои десять пальцев!

С этими словами он выпустил из рук свою головню, схватил хвост ягуара обеими руками и, сильным ударом опрокинув животное на спину, протащил его по земле сажени две, затем, не давая ему времени очнуться и собраться с силами, одним взмахом поднял животное на воздух и, покрутив его над головой, несколько раз ударил с размаха о ствол дерева.

— Готово, — проговорил он, — если только у него ребра не железные!

Три крика удивления приветствовали этот удивительный фокус. Ягуар бился в конвульсиях; кровь хлестала ручьем из его пасти, и, наконец, у него вырвался последний предсмертный хрип.

— Вот и кончено! — сказал атлет с детской радостью, тогда как Маркиз пробормотал:

— Убить ягуара, как зайчонка!.. Нет, это невозможно! Это я вижу во сне!

- Ба! — промолвил пренебрежительно Винкельман. — Да он весит не больше ста кило! Кроме того, ягуар, в сущности, тот же кот!

— Да, да... ведь и крокодил, по-вашему, тоже, в сущности та же ящерица, не правда ли?

— Ну, конечно!

— Как бы то ни было, а я все-таки еще раз скажу вам, что вы — славный товарищ и человек, каких мало!

— Да полно вам, каждый делает, что может: ведь не мог же я дать этому разбойнику утащить половину нашей провизии! Посмотрите, господа, он, кажется, не повредил ее... Надо только снова положить кусок над костром!

Этот инцидент не имел иных последствий. Ягуар, убитый таким своеобразным образом, был оставлен на месте, в распоряжение муравьев; рыба, согласно правилам, прокоптилась в течение двенадцати часов, затем весь маленький отряд вернулся на пирогу.

Как и говорил Хозе, который до этого времени следовал по знакомому ему пути, в скором времени они должны были лишиться возможности путешествовать водой. Действительно, скоро пришлось расстаться с пирогой и, взвалив на себя и поклажу, и съестные припасы, пешком тащиться по камню.

Как ни привычны были к трудностям пути наши четверо путешественников, все же эта перспектива не имела для них ничего заманчивого. Свернутый гамак, ружье, патронташи и запасные заряды, смена платья и белья, съестные припасы — все это, взятое вместе, составляло порядочный груз, который неминуемо должен был замедлить путешествие и сделать поход несравненно более тягостным и трудным.

Тогда Шарль, всегда бывший сторонником возможно простейших решений, предложил оставить все лишнее, и взять с собой только гамаки, ружья, патронташи и по десяти килограммов провизии на брата. Все уже были готовы согласиться на эту жертву, когда увидели неподвижно стоящего, подобно каменному изваянию, индейца, молча смотревшего на них.

— Вот удача! — воскликнул радостно Маркиз. — Если этот господин не один, может быть, нам удастся уговорить его и товарищей нести за нами нашу поклажу, обещав ему за труды часть тех мелочей, которые мы собирались бросить здесь.

— Да, пожалуй! — согласился Шарль и обратился к краснокожему, продолжавшеему стоять неподвижно, опершись на свой большой лук. — Ты кто такой?

— Я из племени Атторради! — ответил индеец, не шелохнувшись.

— Атторради! Знаете вы их, Хозе?

— Да, сеньор! Это племя, рассеянное вдоль гор Сиерра да Луна, от истоков Кунт-Анау до матто-жераль (большого леса).

— Прекрасно! Можно на них положиться? Способны они оказать какую-нибудь услугу белым за известное вознаграждение?

— Вы знаете уже жителей этой страны, сеньор, и эти Атторради — не лучше и не хуже других! Немного вороваты, ленивы и склонны к дезертирству, как все остальные. Впрочем, сколько я припоминаю, они не Канаемэ.

— Отлично! Если за ними приглядывать так, чтобы они этого не замечали, они могут быть вполне подходящими носильщиками. Знаете вы несколько слов на их языке?

— Да, сеньор! Все общеупотребительные слова их наречия мне известны!

— Чего же лучше!? Не согласитесь ли вы вступить с ним в переговоры и предложить ему и еще нескольким людям его племени сопровождать нас.

— Охотно! Эй, приятель, скажи, ты здесь один? — обратился Хозе к индейцу.

— Нет, остальные там, в малока!

— Сколько человек?

Краснокожий поднял свою правую руку, растопырив на ней все пальцы.

— Это во всем мире означает пять!

— Хорошо, этого достаточно! Я знаю Атторради, которых называют Атторради малого каймана, и эти белые люди их друзья! — сказал мулат.

Индеец медленно сделал головой знак согласия.

— Так приведи сюда тех, кто в малока!

— Зачем?

— Для того, чтобы нести в панаку (корзинах) все эти вещи, которые ты видишь здесь!

— Нести? Куда?

— Туда! — скаал Хозе, указав рукой на восток.

— Это слишком далеко!

— Нет, всего только пять суток!

— Аа... а что нам дадут за это белые?

— Бусы, чтобы вы могли себе сделать «танги», ножи, крючки для рыбной ловли.

— Покажи! — прервал его индеец, впервые обнаружив что-то похожее на интерес.

Шарль, которому Хозе последовательно переводил дословно ответы индейца, раскрыл один из наших ящиков и достал из него наугад пригоршню различных предметов, от которых у индейца глаза разгорелись.

— Те, что в малока, придут, — сказал он после довольно продолжительного созерцания предметов, очаровавших его взор, — но надо, чтобы белый дал мне что-нибудь!

— Пусть так! — сказал Шарль, обрадованный быстрым решением вопроса.

— Вот тебе, приятель! — подал он индейцу маленькое пятикопеечное зеркальце.

Не успел дикарь получить этот предмет, назначение которого было ему совершенно неизвестно, как тотчас же издал пронзительный звук, что-то среднее между криком и свистом, приблизил зеркальце к своему лицу и, увидав в нем свое отражение, выпустил из рук и свой лук и пучок стрел и принялся выплясывать какую-то бешеную пляску.

— Теперь он весь наш! — сказал Маркиз, изучая с видом знатока этот образец местного хореографического искусства.

Между тем индеец вторично издал тот же звук, но еще громче, еще пронзительнее, и снова продолжал свой дикий, бешеный танец.

— Это наивное дитя прерии, мне кажется, весьма веселого нрава, — серьезно заметил по этому поводу Маркиз, — и я никак не мог предполагать в нем такой живой восприимчивости и впечатлительности после той невозмутимости и холодного бесстрастия, которыми он поразил нас в первый момент!

— Подождите еще, прежде чем высказывать о нем свое суждение, г. Маркиз! Вы только впоследствии убедитесь в его хитрости и коварстве, чтобы не сказать более!

Внезапное появление пяти индейцев, одетых, подобно первому, в одно простое калимбэ, с большим луком в руке и традиционным пучком стрел, прервало замечание Хозе.

Человек, получивший зеркальце, увидел их в тот момент, когда они вдруг появились из чащи кустарников, моментально прервал свои упражнения, громко окликнул их, и что-то проговорив на своем наречии, поднес каждому к самому носу свое зеркальце, с восхищением любуясь их недоумением и удивлением; в заключение он повесил это зеркальце к своему ожерелью из зубов тапира.

После того между индейцами завязался бесконечный разговор. Вопреки их привычкам, они говорили чрезвычайно быстро и многословно, попеременно указывая то на белых, то на зеркальце, то на тюки, то на восток, и, в конце концов, по-видимому, пришли к соглашению.

Атторради согласились сопровождать белых до их малока.

Но теперь начинаются главные переговоры, и с помощью кашири вопрос этот будет обсуждаться с должным вниманием.

Впрочем, Шарль, привыкший ко всем этим тонкостям индейского обращения, надеялся поскорее покончить с опьянением, получившимся в результате беспорядочного потребления этого отвратительного напитка.

Глава X

Конец кампо. — «Матто-жераль», или большой лес. — Весьма покорные и податливые, когда они терпят нужду и лишения, индейцы становятся совершенно невыносимыми, когда они питаются хорошо и сытно. — Тропа в девственном лесу. — Маркиз на пути страданий. — Отчаяние. Все хуже и хуже. — Рой безумных мух. — Маркиз требует или железной дороги или хотя бы простого трамвая. — Сокровища тропической флоры. Неожиданность. — Хинное дерево. — Мнимое хинное дерево — увы! — Новая надежда, новые силы. — «Каскарильеро».

Переговоры, начатые под кровом малоки Атторради, окончились благоприятно. Индейцы, прельстившиеся мелочами белых, согласились сопровождать их в течение

пяти суток по направлению к востоку. Шарль, сговорившись с ними относительно вознаграждения за услуги, вручил каждому из них, в качестве задатка, горсть бус, по паре ножниц, по карманному ножу и по несколько крючков для рыбной ловли.

Но, несмотря на их настоятельные просьбы, он не согласился дать им по зеркальцу, возбуждавшему в них особое вожделение: вручение этого столь ценного в их глазах предмета было отложено им до того момента, когда все обязательства, принятые ими на себя, будут исполнены.

Атторради, вынужденные признаться, что белый прав, не соглашаясь уплатить им вперед за обещанные ими услуги, нагрузили свои панаку (корзины) багажом белых и отправились в путь, не удостоив своих жен и детей, оставшихся в малока, ни единым ласковым словом на прощание.

В продолжение четырех суток они бодро шли по кампо, которое постепенно начинало меняться: местами являлось поросшим кустарником, пересекалось холмами и крутизнами, на которых росли все более и более высокие деревья.

Затем им пришлось переправиться через две большие реки, идущие прямо с юга к северу, которые здесь известны под названием Ренунини и Кужунини. Шарль, не без основания, думал, что это два притока Эссекунбо, главной реки английской Гвианы.

Затем они стали постепенно приближаться к Сиерра да Луна, где Хозе рассчитывал встретить виденные им здесь хинные деревья.

Вскоре они покинули кампо, беспрерывно тянувшееся от самой Рио-Бранко. После прерии пошел ряд плоскогорий, все более и более лесистых, представляющих собой предгория Сиерры. Приходилось взбираться по крутым скалам, спускаться по каменистым уклонам в глубокие рвы и овраги, непроходимые «серрадос» (джунгли), переправляться через пересохшие игаранэ, там и сям встречались узкие луговины, затем вдруг перед путешественниками встала темная и мрачная стена леса, которому, казалось, не было конца.

Это и был матто-жераль, великий лес, покрывающий все пространство вплоть до Тумук-Хумак и до самого

Антлантического океана, т.е. на протяжении приблизительно девятисот километров.

Индейцы были в восторге. Принужденные до сих пор довольствоваться небольшой порцией маниоковой муки и копченой рыбы, они надеялись теперь угоститься тем, что им мог дать этот девственный лес, этот рай земной охотников, где в изобилии встречаетсся всякая дичь. До сего времени они не проявляли ни малейших признаков неудовольствия или злой воли и, по-видимому, даже не помышляли о дезертирстве, стоически перенося все трудности и лишения своего положения.

Шарль, для которого это отступление от общего правила было хорошим предзнаменованием, уже начал надеяться, что ему удастся удержать еще на некоторое время при себе этих полезных помощников, соблазнив их обещанием новых щедрот.

Но Хозе, знавший их лучше, советовал Шарлю не полагаться на них, как только они очутятся в лучших условиях и станут питаться сытнее и вкуснее.

Замечательно, в самом деле, что индейцы вообще гораздо благоразумнее, сговорчивее и даже менее склонны к дезертирству, охотнее в исполнении возложенных на них поручений и обязанностей, когда они голодают в течение двух-трех дней, чем тогда, когда они сыты, удовлетворены во всех своих физических потребностях и на некоторое время обеспечены в них. Как это ни странно, но это так!

И вот эти сыны кампо легким и бодрым шагом, с веселыми и довольными лицами вступили в матто-жераль, несмотря на трудности пути и неудобства девственного леса.

Впрочем, каждый индеец чувствует себя дома в девственном тропическом лесу и положительно любопытно видеть, как ловко и проворно он пробирается, точно змея, между непроходимыми зарослями кустов, нигде не оцарапав себе даже тела, там, где белый человек на каждом шагу оставляет клочья своей одежды.

В сущности, ничто не может быть более утомительно и затруднительно, как путешествие по девственному лесу для человека непривычного, и бедный Маркиз вскоре испытал это на себе.

Между тем, индейцы, со свойственным им удивительным чутьем вскоре нашли тропу, одну из тех незаметных глазу дорог, проложенных такими же индейцами, которые для них являются настоящими большими дорогами. Там, где белый не видит ничего, кроме непроходимой чащи лиан и гигантских деревьев, преграждающих путь, индеец узнает след, по которому идет шаг за шагом, не уклоняясь в сторону, совершенно так, как если бы эта дорога была обозначена вехами или придорожными столбами.

Шарль, Винкельман и мулат свободно лавировали среди всех встречающихся на каждом шагу препятствий, которые доводили бедного Маркиза до отчаяния.

Бедняга запутывался в лианах и падал во всю длину носом вниз, с трудом подымался, но шипы цепляли его шляпу и срывали ее на ходу; он старался стащить ее с сука, но сук вдруг отскакивал с силой стальной пружины и закидывал шляпу на несколько сажен в сторону, в самую глубь чащи.

В то время, как он старался достать оттуда свой головной убор, его спутники успевали уже порядочно уйти вперед, и Маркиз терял их из виду. Он оборачивался назад, сбивался с тропы, терял даже самое направление и шел уже в противоположную сторону.

Его окликали, он отзывался, его начинали искать и, наконец, находили, и тогда только он убеждался, что шел обратно к Рио-Бранко. Он начинал ругаться и проклинать судьбу и положительно не мог понять, каким образом нарывался все время на такие препятствия, тогда как его товарищи продвигались вперед почти так же свободно и спокойно, как в саванне.

Однако иногда девственный лес становится жесток и по отношению к привычным людям, столько лет бродившим по нему.

Бывает, что едва вы ступили ногой на какую-то колючку, которая проколола вам сапог, как уже хватаетесь одной рукой за ближайшую ветку, но и эта ветка усажена колючками, которые вонзаются вам в руку. Поупражнявшись некоторое время таким образом, вы оказываетесь начинены сотнями колючек.

Вдруг тропа прерывается густой сплошной растительностью, и вам приходится далеко забегать впе-

ред, чтобы найти ее вновь и по ней продолжать путь. Наконец, тропа отыскивается, но только в ста метрах от того места, где вы стоите; здесь оказывается, что тропа раздвоилась, но оба следа далее соединяются и идут в одном и том же направлении.

Что же делать? Индейцы ушли вперед. Они должны указывать путь и нести поклажу, а белые должны поспевать за ними, как умеют. Кричат, ищут тропу, снова теряют и опять находят и в конце концов нагоняют своих носильщиков.

В сущности, эта тропа ничего не стоит. Она, можно сказать, проблематична даже для индейцев, которые теряют ее пятьдесят раз в день; ее преграждают и упавшие деревья, часто свалившиеся одно на другое и образующие настоящие баррикады из колючих кустарников. Глядя на эти громадные обрушившиеся стволы, положительно удивляешься, как еще они не придавили вас.

После шести часов такой ходьбы Маркиз не мог более справляться с собой. Эти беспрерывные препятствия, эти падения, царапины, уколы, удары, толчки, эти хлестания ветвей и лиан, бивших его по лицу и по ногам, довели его до отчаяния. Его темперамент, превосходно мирившийся с серьезными опасностями и лишениями, с голодом, холодом, жаждой и даже с физической болью, приспособлен к активной борьбе, но положительно не мог примириться с этими ежеминутными раздражителями, растравляющими его нервы и доводящими его до состояния, близкого к отчаянию.

Полусмеясь, полусердясь, он изливал свое желчное настроение и по-своему мстил предательскому лесу, осыпая его ругательствами, хотя лес, по-видимому, не внимал ему и, вероятно, еще долгие годы не намерен был изменять ни своего внешнего вида, ни своего характера.

— О, тропическая природа, которую так превозносят писатели и художники, которую они изображают нам такой прекрасной, как мало ты похожа на эти описания, на эти чарующие картины! Полный терний, колючек и игл, сырой и темный, как подвал, но жаркий и удушливый, как парник, этот сказочный тропический девственный лес — грязен, неопрятен, нечесан и неумыт, как старое безобразное чудовище, таковым ты и представляешься

мне, таков ты и есть на самом деле! — говорил Маркиз. — Вы смеетесь, Шарль, а я бешусь и чувствую, что становлюсь глуп, вынужденный плестись таким образом шаг за шагом, не будучи в состоянии ни о чем другом думать, как только об этих шагах. В былое время, когда я был солдатом, я делал трудные переходы с ранцом и мешком за спиной, во всей амуниции, но тогда, по крайней мере, мы знали, куда идем! Поешь, шутишь, болтаешь и шагаешь себе мерно в ногу с товарищами, и если заморишься, то все-таки по-человечески, чувствуешь усталость, но на душе легко и спокойно. А здесь — это какое-то обезьянье ремесло!

Все ваши способности вы должны напрягать для того, чтобы не разбить себе головы, не выколоть себе глаза, не поломать себе ног, все ваши физические и душевные силы должны быть направлены к одной только цели — цели самосохранения. Вы должны, опустив голову, перебираться через одно препятствие, чтобы не проглядеть как-нибудь другого, оберегать голову, чтобы не удариться ею о сук, и в то же время остерегаться, чтобы вас не задел лист, режущий, как пила, и при всем этом натыкаться на шипы и колючки, которые вонзаются вам в руки, и в грудь, и в спину и царапают вам лицо, огибать овраг, чтобы свалиться в трясину! Этим всецело должен быть поглощен ваш ум, все ваши помыслы и чувства в течение шестидесяти минут в продолжение часа и двенадцати часов в продолжение дня!

Но вскоре жалобы Маркиза поневоле должны были прекратиться, так как лес стал совершенно непроходим не только для него, но и для его товарищей и даже для самих индейцев.

Матто-жераль становился все гуще и гуще, все темнее и темнее.

Опустив низко голову, согнув корпус с громоздкими панаку, нагруженные кладью за плечами, почти ползком на животе пробирались индейцы под громадными стволами упавших деревьев или плелись вразброд по болотистым низинам и трясинам, и волей-неволей были принуждены замедлить свой шаг.

Вот длинная лиана захлестнула ногу одного из них — и он упал лицом вниз. Другой отбивается от терновника, который всадил ему свою колючку посредине спины, из

которой так и бежит кровь. Тот, что идет впереди, так сказать, путеводитель, сбился с тропы и разыскивает ее в чаще, расчищая себе путь тесаком. Ветка, которую неосторожно выпустил из рук четвертый, перескакивая через какое-то препятствие, сильно ударила по лицу пятого.

Даже Шарль, этот совершенно индианизированный европеец, полетел вниз головой в громадный куст марина и теперь барахтался в нем, стараясь избавиться от колючей ветки, которая рвет его рубашку и панталоны. Его шляпа повисла на длинной гибкой ветке. Один из индейцев, желая ее достать, взобрался на груду старых, упавших древесных стволов. Но стволы эти прогнили, и едва человек успел взобраться на них, как вся эта баррикада рухнула под ним, и он скрылся, поглощенный тучей трухи и пыли, и всполошил целый рой самых отвратительных пауков, червей, тысяченожек и скорпионов.

Это бы казалось уже верхом всяких злоключений, но нет!

В этот самый момент раздался откуда-то громкий, повелительный голос, голос Винкельмана:

— Не шевелитесь никто! Стойте неподвижно! Шершни-меченосцы!

Дело в том, что эльзасец случайно ткнул ногой в куст, к стволу которого прилепилось, как громадный нарост или лишай, гнездо ужасных гигантских ос, величиной с палец, выразительно названных гвианцами «мухами-без-ума».

Гнездо, состоящее как бы из тонкого, сероватого цвета картона, около метра в диаметре, было чудовищно по величине, и озлобленные осы шумным роем высыпали из него целыми полчищами, наполняя воздух своим громким шипением и жужжанием и кружась вокруг неподвижно стоявших людей, затаивших дыхание, старающихся не моргнуть даже глазом, чтобы не раздражать свирепых насекомых. Шарль застыл в своем кусте, Маркиз лежал на животе, Хозе — на спине, индейцы в самых фантастических позах, все словно окаменели на месте среди жужжащего и тревожно носящегося кругом них роя ос.

Одно неосторожное движение — и тысячи ужасных острых жал в один момент вонзятся в несчастных путе-

шественников. Но благодаря своевременному окрику, так спокойно и властно брошенному Винкельманом, опасность была предупреждена, и после томительной четверти часа, проведенной всеми в полной и мучительной неподвижности, яростные насекомые, привыкшие к частым обвалам старых стволов, вызывающих сотрясение их гнезда, мало-помалу успокоились и стали возвращаться в свое потревоженное гнездо, не найдя ничего подозрительного в этих неподвижных фигурах.

Тогда осторожно трогаются с места и путешественники.

— Однако долго ли еще нам предстоит так маяться? — спросил Маркиз, совершенно выбившись из сил. — Если это еще долго будет продолжаться, то я стану и не двинусь с места до тех пор, пока правительство не проведет здесь железную дорогу, или хотя бы только просто трамвай!

— Еще около суток, сеньор Маркиз, — ответил Хозе.

— Видите ли, девственные леса всегда по краям непроходимы на протяжении приблизительно двадцати километров.

— Ну, а дальше?

— А дальше уже будет настоящий «великий лес», где почва почти совершенно обнажена, где идти удобно и свободно между высокими и чистыми стволами, где почти нет этих проклятых кустарников и терновника!

— Но ведь и здесь же есть высокие и чистые стволы, да еще весьма приличной толщины! Правда, черт возьми, какие красные деревья! Как вы зовете их?.. Что касается меня, то они все похожи одно на другое!

— Я, видите ли, знаю только те простые названия, под какими их отличают здесь местные жители!

— Все равно, назовите их, мне интересно знать, а я тем временем воспользуюсь, чтобы вытащить из себя эти десятки игл и колючек, которыми я весь начинен.

— Да вот это «Пао до Брайзиль», называемый туземцами Ибиранитанга... Это и есть то знаменитое бразильское дерево, из которого добывается красная краска. А вот дерево луков, или Инэ, а рядом с ним — Массарандуба, ствол которого, достигая тридцати метров, дает гуттаперчу. Сок, вытекающий из его ствола, сладок, как сахар.

— И его можно пить?

— Конечно, он очень вкусен!

— Ну, так попробуем, хотя бы только из любопытства! — сказал Маркиз, делая глубокий надрез своим тесаком в коре лесного великана.

Белая жидкость, с виду похожая на сливки, стала стекать в подставленную под надрез чашку, и восхищенный парижанин погрузил свои губы в эту жидкость с видом кота, который добрался до чашки с молоком.

— Продолжайте, друг мой, — сказал Маркиз, — у вас превосходная манера знакомить с ботаникой, и вы увидите, как мне пойдут впрок ваши наставления!

— Вот там видите вы «Итабу»!

— Да, это то самое «каменное дерево», из которого сделаны бока уба наших мнимых кайманов-любителей!

— То самое!

— Превосходное дерево!.. По меньшей мере три метра в обхвате... Недурной размер... А вот то, другое дерево, у которого такой большой коричневого цвета плод?

— Это «Sapucaia», называемое гвианцами «канаримакак».

— Аа, это обезьянья кастрюлька, не правда ли?

— Да, сеньор! А вот Абиаурана, дающая превосходные плоды так же, как и соседнее с ней дерево Кожасейро, на котором растут эти красивенькие ягоды, называемые в Гвиане «Венериными яблочками».

— Какая жалость, что мы не можем взобраться так высоко, чтобы достать их! — заметил Маркиз. — Какое чудное угощенье, а приходится от него отказаться!

— Да, что поделаешь.. А вот, если это вас может интересовать, и Pao-ferro, или «железное дерево», или Панакоко гвианцев, Муирапинима, или «черепашье дерево», одно из красивейших деревьев, особенно ценимых краснодеревщиками. Pao-Precioso, или драгоценное дерево, кора и душистые семена которого идут для аптекарских целей и для парфюмерных изделий. Вот «Фиолетовое дерево», или Pao-roxo-do-Amazonas, называемое так потому, что имеет великолепный темно-фиолетовый цвет. Тут смотрите — «Атласное дерево», или Pao-Setim, светло-желтого цвета, блестящее и душистое.

Вдруг мулат прервал этот интересный перечень, и невольное восклицание радостного удивления вырвалось

из его уст; он кинулся вперед, в самую чащу, невзирая на преграждающие ему путь лианы, тернии и пиловидные, зубчатые листья кустарников. Спустя минуту он вернулся обратно и радостно воскликнул:

— Какое счастье! Вы не угадываете, что я сейчас нашел?

— Быть может, хинное дерево! — с некоторым сомнением сказал Шарль. — Но нет, это невозможно! Мы сейчас едва ли на шестистах метрах высоты, а хинные деревья встречаются не ниже, как на тысяче двухстах метрах высоты!

— Может быть, это не настоящее хинное дерево, но вид очень сродный ему и весьма даже близкий, это — «Хина Свечка», кору которого постоянно примешивают недобросовестные торговцы к настоящей хине.

— Эта кора не излечивает от лихорадки и с точки зрения врачебной совершенно ни к чему не пригодна, но присутствие этого дерева здесь предвещает, несомненно, что не особенно далеко отсюда и настоящие хинные деревья!

— От души желаю, чтобы это было так! — сказал Шарль, внимательно разглядывая предложенные ему образцы!

— Я совершенно уверен в этом, сеньор, — продолжал Хозе. — Как вы совершенно верно изволили заметить, мы еще не на достаточной высоте, чтобы встретить на этом плоскогорье настоящую хину! Нам надобно подняться выше, всего еще на каких-нибудь сто или пятсот метров, — и я готов отказаться от обещанного мне вами вознаграждения, если не позже, как через два дня, мы с вами не увидим и настоящие хинные деревья!

Эта уверенность Хозе придала всем новую энергию и бодрость. Винкельман и Маркиз, оба весьма не сведущие в ботанике, внимательно разглядывали указанное дерево, чтобы уметь различать в свое время настоящие и ложные хинные деревья.

На вид это превосходное дерево величиной по меньшей мере в сорок пять метров с широкой, пышной кроной и беловатой корой, почти гладкой, на которой кое-где виднеются следы плесени или мха, но с большими желтыми пятнами своеобразного вида, слегка пузырчатыми и вздутыми.

Маленький караван продолжал продвигаться дальше, взбираясь на холмы, которые становились теперь все круче и круче.

Теперь ко всем трудностям, представляемым слишком обильной растительностью тропического леса, прибавилось еще утомление от частых и крутых подъемов и забота внимательного осмотра всех этих тесно придвинувшихся друг к другу деревьев, образующих пеструю, разнообразную характерную массу зелени, ветвей и стволов.

Никто уже не заботился о тропе, по которой с невозмутимым спокойствием шли индейцы. Все уклонялись кто вправо, кто влево, не удаляясь, однако, настолько, чтобы нельзя было слышать голоса товарищей, и по примеру лесных охотников время от времени окликая друг друга.

Трое белых и мулат, вооруженные тесаками, шли, то высоко подняв головы и стараясь распознать деревья по их листве и кроне, то низко наклоняясь к земле и отыскивая среди опавших листьев знакомые им овальные листки со вздутыми прожилками и пушистою нижнею стороной, как у настоящих хинных деревьев.

Таков, в сущности, обычный прием и профессиональных каскарильеросов (искателей хинных деревьев) и, кроме того, единственный в большинстве случаев, когда бывает невозможно отличить эти деревья по их коре.

Не следует забывать, что очень часто нижняя часть стволов почти всех деревьев совершенно покрыта паразитными растениями, — ароидами, повиликами, орхидеями, бромелиями и т.п., которые совершенно заполняют собой стволы, взбираясь по ним сплошным плащом, увенчивая их цветами, увивая своими цепкими корнями и стеблями, окутывая сплошным покровом листвы так, что не остается никакой возможности распознавать в лесу деревья по стволу.

Вместо того чтобы продолжать держаться, как раньше, на средней высоте, наши путешественники подымаются теперь все выше и выше, чтобы возможно скорее достичь высших горных плато, высоту которых они определяют приблизительно в полторы тысячи метров.

До этого времени все поиски оставались почти совершенно бесплодными. Только лишь кое-где им попадались ложные хинные деревья. И сколько при этом грубых ошибок, сколько радостного волнения, сколько веселых возгласов, тотчас же подавленных! Но при всем том надежда на удачу крепла, они почти не чувствовали усталости: эти ложные хинные деревья, которые попадались им изредка, являлись для них как бы природными вехами и говорили о том, что они на правильной дороге.

Они подымались все выше и выше, усталые, утомленные, обливаясь потом, в изодранных одеждах, с исцарапанными в кровь лицами и руками, удивляя даже индейцев, которые теперь мало-помалу из головы колонны перешли в хвост.

Вскоре растительность заметно изменилась: вместо обычных растений долины появились горные породы, встречающиеся исключительно только на большой высоте и требующие менее знойной атмосферы.

Чаща лесная заметно поредела, жара стала менее томительной.

Солнце быстро садилось, и его лучи кидали на вершины Сиерры огненный отблеск пожара.

Вдруг из чащи леса раздался радостный возглас; вслед за тем веселая тирольская песня огласила воздух. Это Маркиз, почти обезумев от радости, скачет, как школьник, приплясывает и поет во все горло, созывая своих товарищей, которые сбегаются к нему со всех сторон.

— Что такое?

— Да, право, господа, смотрите, мне кажется, что на этот раз я выиграл двести тысяч! Хозе, друг мой, взгляните, пожалуйста, на эту ветку.

Мулат взял ее и вдруг побледнел под своим загаром.

— Да где же вы нашли это? — спросил он.

— Да всего в каких-нибудь ста метрах отсюда! Но мне это не стоило большого труда, и моя заслуга не велика, если только в этом есть хоть какая-нибудь заслуга.

— В самом деле? — спросил Шарль.

— Я просто очутился среди целого леса совершенно однородных деревьев, вот таких, как этот образец.

— А знаете ли вы, что это такое?

— Настоящее хинное дерево, не так ли?

— Нет, даже лучше того. Это самое лучшее из всех существующих видов хины. Это желтая хина, Cinhona calisaya*, самая драгоценная порода хины!

Глава XI

История хины. — Знаменитое исцеление. — Вице-королева Перу. — «Порошок Графини» стал «Порошком иезуитов». — Кондамин и Жозеф Жюссие. — Хина в Индии и на Яве. — Несколько слов о ботанике. — Каскарильеросы и эксплуатация хинной коры. — Различные сорта хины. — Классифиция. — Сбор, приготовления и перевозка коры. — Из девственных лесов — в аптеки. — Химический состав хины. — Превосходнейшее средство против лихорадки и малокровия. — Ее терапевтическое действие.

Прежде чем продолжать рассказ о приключениях наших друзей, «искателей хинных деревьев», небезынтересно будет немного познакомиться с этим самым деревом и его продуктом, столь ценным по своим врачебным качествам, снискавшим ему мировую известность.

История хины, ее описание, эксплуатация, ее разновидности и свойства, ее употребление, конечно, будут здесь весьма уместны.

Впрочем, мы будем кратки.

По-видимому, целебные свойства хины против лихорадок не были известны инкам. По крайней мере, историки, повествующие о завоевании Испанией Мексики, ни разу не упоминают о ней.

Лишь между 1635, 1636 и 1637 годами впервые заходит речь о хине.

Собственно история открытия целебных свойств хины довольно туманна. Утверждают, будто один индеец, снедаемый ужаснейшей болотной лихорадкой, проходя лесом, не нашел ничего, чем бы утолить мучившую его жажду, кроме полупересохшей лужи, в которой валялось вырванное с корнем молодое хинное деревце. Больной с

---

* *Эта порода хинного дерева дает от тридцати до тридцати двух граммов сернокислого хинина на кило коры.*

жадностью пил эту горькую, как полынь, воду и после того оказался совершенно излечившимся от своей ужасной болезни.

Этот факт, действительный или вымышленный, случился, как гласит предание, в вице-королевстве Квито, ныне республике Эквадор, между Куэнсою и Лохою. Как бы то ни было, коррегидор Лохи был уведомлен о качествах этого растения индейцами, коих он являлся правителем, и эти люди сильно расхваливали ему действие этого целебного вещества.

Возможно, что это случайное открытие надолго осталось бы известно только той местности, если бы одна знатная особа, вице-королева Перу, графиня д'Эль Кинчонь (d'El Cinchon), не захворала в это время, т.е. в 1638 году, страшной, перемежающейся лихорадкой, которую она схватила в долине Лунахуана, на Тихоокеанском побережье. Коррегидор Лохи, уведомленный о тяжелой болезни вице-королевы, сделал запас хинной коры, отвез его в Лиму и поручился своею головой вице-королю в целебном действии этой коры, которую он истолок в мелкий порошок и заставил больную принимать в довольно больших дозах.

Упорная лихорадка, грозившая унести больную, точно по волшебству поддалась этому простому и бесхитростному средству, графиня д'Эль Кинчонь, словно чудом, снова стала здорова и весела. Это чудесное исцеление, понятно, наделало много шума, о нем говорили повсюду, и вице-королева, вернувшись в Испанию, не преминула наделить лиц высшей испанской аристократии запасами хины, привезенной из Перу. Вскоре это лекарство, составившее себе репутацию, стало распространяться среди населения Испании, под названием «Порошка графини».

Спустя несколько лет иезуиты, обосновавшиеся в Перу, усилили распространение этого порошка, ввезли его в Рим и сделали его общераспространенным во всей Италии. Уничтожили наименование хинина или «хина-хина», под которым это целебное средство было известно индейцам, и назвали его Yara-chucchu ("лихорадочная кора"). Но это название не удержалось за лекарством, и противолихорадочный порошок стал просто называться «Порошком иезуитов».

Настоящее происхождение этого драгоценного лекарства оставалось, однако, по-прежнему загадкой для врачей. Только в 1679 году англичанин Тальбот, который, по словам г-жи де Севиньи, продавал в Париже «Порошок иезуитов» по четыреста пистолей за дозу, продал секрет этого порошка королю Людовику XIV за баснословную сумму.

Благодаря королю, который купил этот секрет для того только, чтобы предоставить его во всеобщее пользование, хинин стал известен во всей Франции.

Кондамину, собственно, мы обязаны первыми точными сведениями о хинных деревьях и о тех местностях, где они встречаются.

Командированный вместе с Годэном и Бугэ в Южную Америку для измерения градуса меридиана, он воспользовался этой командировкой для изучения, с точностью истинного и серьезного математика, хинных деревьев долины Лохи, Куэнсы и Бранкаморо.

Согласно указаниям Жозефа Жюссие, ботаника, прикомандированного к их экспедиции, он описал подробно на месте первые хинные деревья, срисовал с натуры все их органы, вернул им туземное, коренное название «хина» и издал свой труд в 1738 году, т.е. ровно сто лет спустя после чудесного исцеления графини д'Эль Кинчонь.

Исследования Кондамина были продолжены Жозефом де Жюссие, который оставался еще два года после его отъезда в Перу.

Благодаря трудам обоих этих ученых, благодаря их прекрасным и ценным описаниям и образцам хины, привезенным ими в Европу, хинин получил право гражданства в ботанике и был отнесен Линнеем к семейству Мареновидных, к роду, названному шведским ботаником — Cinchona officinalis.

Жозеф де Жюссие не последовал за астрономами, командированными Академией, когда те возвращались во Францию. Прельстившись возможностью новых интересных открытий в этой стране, совершенно неизвестной для науки, он приехал в Перу, достиг Боливии и вернулся на родину лишь к 1771 году, страшно расстроив себе здоровье, что помешало ему обнародовать свои наблюдения.

В 1776 году французское правительство поручило ботанику Домба продолжать труды Жозефа де Жюссие, но испанское правительство воспротивилось этой экспедиции, так как Перу находилось в его власти. Испанское правительство, желая предоставить честь возможных новых открытий своим соотечественникам, задержало отъезд Домба и в то же время снарядило свою экспедицию под предводительством двух известных ботаников Руиса и Павона.

Домба, вынужденный присоединиться к испанцам, побывал вместе с ними в стране хинных деревьев и сделал немало открытий. К несчастию, власти, старавшиеся воспротивиться его отправлению, помешали ему обнародовать свои открытия на пользу науке. Его очень ценные коллекции прибыли в Естественно-Исторический музей совершенно испорченными, раздробленными, что лишило его возможности опубликовать результаты десятилетних упорных трудов на благо науки и человечества.

Более счастливые, Руис и Павон совместно выпустили в свет обширный труд под заглавием: «Флора Перу и Чили».

До того времени местонахождение хины ограничивали исключительно только долинами Перу, когда Хозе-Селестина-Мутис, врач вице-короля дон Педро Массиа де ла-Серда, открыл в Новой Гренаде, в окрестностях Санта-Фэ, хинные деревья, которым он приписывал совершенно идентичные и даже высшие свойства, чем свойства хинной коры в долинах Лохи и Куансы.

Мутис жил еще в Санта-Фэ, когда два великих путешественника, Гумбольдт и Бонилан, отправились из Европы в 1799 году и прибыли в Картагену в 1801 году, посвятив весь предыдущий год исследованию бассейна Ориноко.

Воспользовавшись любезным гостеприимством Мутиса, они проехали через Новую Гренаду и Королевство Квито, северные провинции Перу и проследовали далее через Мексику, совершив одно из наиболее продуктивных путешествий современной эпохи и обогатив науку серьезными вкладами.

Новые виды хины были открыты ими и описаны, впервые было точно обозначено географическое место-

расположение этого полезного вида, собраны новые данные и новые материалы для основательного изучения хинной коры. Таковы были в общих чертах результаты этой памятной экспедиции в том, что нас в данное время интересует.

Мы напоминаем только еще о славных именах ученых-путешественников, посетивших впоследствии Новую Гренаду, Перу и Чили и обогативших науку новыми ценными вкладами и материалами, это имена Пурди, Хартвега, Гудо, Линдена, Функа, Поппинга, Лехлера и др.

Вплоть до 1848 года Боливия оставалась неисследованной. Ни Жозеф де Жюссие, посетивший эти дикие глухие места, ни Таддиес Хеккэ, его славный последователь, не оставили по себе следов и не ознакомили нас со своими открытиями. Таким образом, в этой части Анд еще ничего не было сделано, а между тем теперь главным образом оттуда получается самая лучшая хина, и в наибольшем количестве. Только лишь после того Веддель, расставшись с экспедицией Кастельно, направил свои исследования в эту сторону и проник в перуанскую провинцию Карабаху; поднялся по горному хребту до Куцко и продолжал свои исследования до области, не исследованной его предшественниками-хинологами.

Из этого путешествия он привез большой запас материалов и образцов, в том числе восемь новых видов настоящей Cinchona, описанных с особой тщательностью в его труде. Кроме того, он занялся еще микроскопическим изучением органов этого растения.

Тем временем случилось одно обстоятельство, которое в высокой степени подвинуло успех изучения хинологии, сделавшей у нас и без того такие быстрые успехи.

Все путешественники, убедившиеся лично в варварском и хищническом способе эксплуатации хинной коры, указывали на опасность подобного образа действий каскарильеросов и выражали опасение, что со временем человечество, пожалуй, совершенно лишится этого драгоценного лекарства.

Первым это поняло Голландское правительство и решило, что следует что-нибудь сделать для устранения этой опасности.

С этой целью оно командировало в Перу ученых с поручением привезти хинные деревья в нидерландские колонии и попытаться акклиматизировать их там.

Это удалось вполне. Молодые деревца были перевезены во многие местности Явы, где в настоящее время регулярно культивируются и плодотворно эксплуатируются.

Прельстившись вскоре примером Голландии, Англия стала производить подобные же опыты на Цейлоне и Индийском материке, преимущественно в горах Нейльгерри, на Малабаре, в британском Сикхеме и у подножия Гималаев, а также и в Бенгалии.

В настоящее время англичане насчитывают миллионы вполне взрослых деревьев, дающих прекраснейшие сборы, и эти их прежние плантации стали теперь настоящими хинными лесами!

В заключение скажем еще, что все упомянутые в этом кратком историческом отчете ученые вносили новый свет и давали новый материал хинологии: благодаря их работам найдена была возможность распознавать поступающую в продажу кору, что раньше казалось столь сложным и затруднительным.

Превосходный труд Говарда «Illustrations of Nueva Quinologia» не оставляет без ответа ни малейшего из вопросов, могущих возникнуть по этому поводу.

Ну, а теперь всего несколько слов относительно органографии рода Cinchona, прежде чем перейти к самому популярному ознакомлению с корой различных видов хины, их эксплуатацией и приготовлением.

Род Cinchona, помещенный Линнеем в семейство мареновых, представляет собою большие, высокие деревья или же просто кустарники, в зависимости от того, на какой высоте они произрастают.

Листья, расположенные друг против друга, как у всех мареновых, всегда целые, т.е. без вырезов и зубцов, но весьма различны по величине, форме и пушку. Цветы расположены конусообразно, полузонтиками, иногда щитковидно, но чаще всего в виде метелки. Эти цветы белые, розоватые или пурпурные с приятным запахом.

Врачебные свойства хины присущи всем ее видам, но виды эти весьма разнообразны, так что даже и опытные ботаники не в состоянии их различить с первого взгляда.

Хинные растения произрастают сами собой в Южной Америке, занимая обширный район, простирающийся вдоль длинной цепи Кордильер от десятого градуса се-

верной широты до девятнадцатого градуса южной широты.

Здесь они встречаются повсюду, где высота местности создает благоприятную этому растению температуру. Обыкновенно их встречают на высоте между полутора тысячами и двумя с половиной тысячами метров, хотя многие виды прекрасно произрастают и на высоте тысяча двести метров. Гумбольдт встречал хинные деревья на высоте около трех тысяч метров, а Кальдас — на высоте три тысячи двести семьдесят метров.

На наибольшей высоте они принимают уже вид кустов и деревцов; на средней высоте, наравне с деревьями тропических лесов, являются громадными деревьями, достигающими наибольшей высоты; но с первыми признаками низменных местностей они совершенно исчезают.

Горечь хины свойственна не исключительно только одной коре, а также, хотя и в меньшей степени, цветам и листьям, которые, в случае надобности, также могли бы утилизироваться.

Но мы займемся пока только исключительно корой, которая одна вывозится в Европу и употребляется в качестве лекарственного средства.

Современные ботаники тщательно изучили характер и особенности этой коры, но, несмотря на это, до сего времени в этом отношении очень многое остается невыясненным. Кроме того, и сами хинологи во многом не согласны между собой, а потому и по сие время приходится еще различать эмпирически четыре категории коры:

1) «Серая хина», с ржавой маловолокнистой корой, очень вяжущая, не сильно горькая, дающая буро-серый порошок, содержащий в себе много алколоида, цинхонина и почти не содержащий хинина, следовательно, является скорее тоническим средством, чем противолихорадочным.

2) «Желтая хина», не столь вяжущая и явственно горькая, дающая желтый или оранжево-желтый порошок, содержащий значительную дозу хинина и меньшую дозу цинхонина. Этот сорт хины скорее антилихорадочное средство, чем укрепляющее и успокаивающее.

3) «Красная хина», с чрезвычайно толстой и пухлой корою, полуволокнистой, горькая и вяжущая, дающая красивый ярко-красный порошок, содержащий почти в равной мере и хинин, и цинхонин, следовательно, в равной мере и противолихорадочный и укрепляющий.

4) «Белая хина», или кора овалолистой хины, кора которой покрыта белой кожицей, гладкой и плотно прилегающей: она дает серый порошок, содержащий в себе следы цинхонина и других, сродных с ним, алкалоидов, и ее едва ли можно считать противолихорадочной.

Эта классификация чисто обывательская и не имеет ничего научно обоснованного, но ее достаточно для коммерческого обихода, а также и для обихода врачебного.

Что же касается перечисления тридцати видов лекарственной хины и бесконечного числа ее ботанических разновидностей, то мы ограничимся упоминанием нескольких наиболее известных типов, чтобы скорее перейти к эксплуатации коры.

Одним из высших сортов серой хины является cinchona cordifolia, растущая в Новой Гренаде и Лохе; она дает от десяти до двенадцати грамм сернокислого хинина на каждый килограмм.

Относительно желтой хины, или калисайи, можно сказать, что ее кора преимущественно является противолихорадочным средством: она несравненно богаче хинином. Его из нее добывают до тридцати двух грамм из килограмма и, кроме того, шесть-восемь грамм цинхонина. Cinchona sucrirubra из провинции Квито может считаться прототипом красной хины, также укрепляющей и вяжущей. Эта драгоценная кора дает от двадцати грамм хинина из килограмма коры и пятнадцать грамм цинхонина.

Другие разновидности, примыкающие к этим трем типам, весьма разнообразны в отношении количества лекарственного вещества, содержащегося в них, следовательно так же разнообразна и их стоимость на рынке. Перечисление их здесь было бы малоинтересным.

Понятно, что каскарильеросы отдают предпочтение видам, наиболее богатым врачебным веществом, следовательно, более ценным.

Но так как хинные деревья живут не семьями, и так как чрезвычайно редко их можно встретить рощицей, а напротив, они рассеяны повсюду между деревьями больших лесов, то каскарильеросы вынуждены эксплуатировать без разбора все врачебные сорта хинных деревьев, более или менее богатых целебным веществом, ожидая большей или меньшей прибыли от своей эксплуатации.

В предыдущей главе читатель видел, каким образом отыскивают хинные деревья.

Раз присутствие противолихорадочных деревьев установлено и определено, какие именно виды или сорта хины здесь встречаются в наибольшем числе, каскарильеросы, работающие за счет какого-нибудь товарищества, компании или богатого частного предпринимателя, являются в лес и прежде всего занимаются устройством сараев или навесов для коры и для жилья себе.

Эти сараи крыты листьями, чтобы служить защитой им и сушить кору, которую необходимо предохранить от непогоды. Затем, смотря по обилию деревьев и в зависимости от продолжительности их пребывания в лесу, каскарильеросы, чтобы не терять времени, считают нужным обеспечить свое дальнейшее существование к тому времени, когда их запасы съестных продуктов истощатся. С этой целью они расчищают участок девственного леса и, не теряя времени, начинают сеять и сажать на плодородной золе маис, бобы, иньам, дыни, перец и тыквы, которые будут расти здесь, как в парнике, с невероятной быстротой. Не позже, как через три месяца, они соберут плоды, вполне созревшие. Покончив с этими предварительными работами, каскарильеросы с топором на плече, с тесаком за поясом и мешком с провиантом за спиной углубляются в лес, в одиночку или по двое.

Подойдя к дереву, подлежащему срубу, каскарильеро начинает с того, что обнажает его у основания и срубает его топором возможно ближе к корню. После того обрубают ветви и затем уже приступают к снятию коры.

С помощью маленькой «macanachuela» (деревянной колотушки) или просто обухом своего топора он легкими ударами проделывает нечто вроде массажа, имеющего целью освободить кору от внешних шероховатостей,

представляющих собой перидерму или омертвевшую часть коры. Затем он делает тесаком продольные надрезы, а потом поперечные, после чего отделяет кору от ствола дерева правильными кусочками. Эти куски обыкновенно бывают от сорока до пятидесяти сантиметров в длину и от десяти до двенадцати в ширину и называются по-испански «tablas» (дощечки).

Кора с ветвей снимается точно таким же образом, но только без предварительного обстукивания, так как эта более молодая кора почти не не имеет омертвелых покровов.

Количество сухой коры, получающееся с дерева значительного размера, т.е. диаметром восемьдесят сантиметров или метр на протяжении двенадцати-пятнадцати метров, равняется приблизительно восьми-девяти испанским арроба или, иначе говоря, ста-ста десяти килограммам.

Снятую с дерева кору относят в лагерь обыкновенно на собственной спине. Здесь ее складывают, накладывая «tablas» один на другие, одни вдоль, другие поперек, как доски на лесопильных заводах, чтобы получились равномерные штабели длиной в три-четыре метра и высотой не более двух метров.

Чтобы не дать этим штабелям развалиться, на них накладывают или тяжелые бревна, или большие глыбы камня и затем каждый день или каждые два дня, до полного высушивания коры, эти тяжести снимают на день, чтобы дать доступ воздуху и солнцу в щели и промежутки между отдельными «tablas».

Что же касается коры, снятой с ветвей, то ее просто рассыпают на открытом месте на солнце. От действия его эта удивительно тонкая кора скоро сворачивается в трубки, отчего и получилось название «canuto» или «canutillo» (трубки), в отличие от «tablas» (дощечек, получающихся со ствола).

Когда просушка окончена, каскарильеро остается еще одна работа, быть может, самая трудная из всех: он должен на собственных плечах доставить весь свой груз через лес по тропам, по которым с трудом может пройти человек без ноши: есть такие участки, откуда приходится нести хину в продолжение целых пятнадцати, двадцати дней. После неимоверных трудов и усилий, с какими

сопряжена подобная доставка коры, каскарильеро сдает добытую им хину доверенному, обязанностью которого является наблюдение за сбором хины.

Последний сортирует ее, складывает в пачки, пачки зашивает в «байетон» (род грубой саржи) и в этом виде отправляет кору на мулах или опять же на плечах носильщиков в ближайшие конторы.

Там эти пакеты еще раз переделываются, их вес увеличивают вдвое, обыкновенно до пяти-шести испанских арроба. Кроме первой обложки, их зашивают еще во вторую из сырой бычьей кожи, которую сшивают тоненькими ремешками, накроенными из той же кожи. Кожа эта, высохнув, уплотняется и становится тверда, как деревянный ящик. В такой упаковке, именуемой «сурон», хинная кора отправляется в Европу.

Глава XII

Энтузиазм каскарильеро. — Роща хинных деревьев. — Полный успех. — Отказ повиноваться. — «Это пятый день». — Опять и все снова Канаемэ. — Лагерь. — Разочарование индейцев. — Маркиз болен. — Лесная болезнь. — Шестьдесят кило добавочного веса эльзасцу. — Все за одного и один за всех. — Энергия больного. — Отвратительный обед. — Шарль за повара. — Реванш дезертиров. — Летаргия. — Ассаку, индийский яд. — Сонное или смертельное? — Проснутся ли они?

Вернемся теперь на плоскогорье Сиерры да Луна, где наши путешественники, искатели хинных деревьев, нашли первый образец настоящей хины, превосходнейшей калисайи.

При находке этого чудесного образца сеньор Хозе на мгновение как бы обезумел от радости. Покинув своих товарищей, он кинулся прямо в глубь чащи, бросался туда-сюда, то быстро бежал вперед, то останавливался, скрывался на время, затем вскоре издал крик радости, потом принялся ходить и говорить сам с собой с лихорадочным возбуждением.

Это был настоящий лихорадочный бред, но только не из тех, которые излечиваются хиной: это безумный бред

радости настоящего каскарильеро, нашедшего свой хинный прииск, так сказать, хинную руду или россыпь, лихорадочный бред, во всех отношениях сходный с тем, какой испытывают золотоискатели, когда они после неимоверных трудов, наконец, находят россыпь, предмет их самых страстных вожделений. Это лихорадочный бред человека, восторжествовавшего, наконец, над всеми препятствиями и видящего осуществление своих надежд, еще более счастливого тем, что он исполнил свой долг и победил неизвестность, чем даже предвкушением предстоящего обогащения.

Его товарищи несравненно спокойнее встретили это открытие, потому ли, что они не вполне оценили всю его важность и значение, или же потому, что по своему европейскому происхождению они при виде этих деревьев испытывали меньшее волнение, чем при виде золотой россыпи. Вид россыпи блестящего золотоносного песка, сверкающих золотых зерен действует поистине опьяняюще на цивилизованных людей, как бы спокойны и уравновешены они ни были, как бы бескорыстно они ни относились к благам сего мира, тогда как вид этих природных богатств, этих прекрасных деревьев или животных, иногда представляющих собой несравненно большие богатства, оставляет их равнодушными и нимало не волнует.

Этот безумный бег мулата, это шумное завоевание человеком полудиким самобытной, девственной природы которой, быть может, раньше не касалась ни одна человеческая рука, этот дикий восторг Хозе продолжался около часа.

Затем мулат, который в это время как будто совершенно позабыл о своих спутниках, вернулся к ним, совершенно запыхавшийся, весь в поту, с исцарапанным лицом и руками, но сияющий и счастливый.

— Ээ! Браво, сеньоры! Браво! — закричал он им еще издали, как только увидел их. — Я только что произвел маленькую рекогносцировку в этой чаще и нашел здесь множество моих старых друзей — Цинхона...

— Вы довольны этим первым осмотром? — спросил Шарль, улыбаясь.

— Доволен?! Скажите лучше, счастлив, восхищен, вне себя!.. Знаете ли, сеньор, что в этом маленьком уголке

большого леса, который я обежал сейчас с быстротой тапира, когда его преследует «окса» (ягуар), я нашел дело для пятидесяти человек рабочих, по крайней мере, на два года.

— Неужели?

— Несомненно! Но это еще не все, здесь не только встречаются хинные деревья в несравненно большем количестве, чем в самых плодороднейших из ваших долин Боливии, но еще в силу того, что мы здесь на довольно значительной высоте, самые деревья достигают столь громадной величины, что каждое из них представляет чуть не целый капитал. Что же касается сортов, то я должен вам сказать, что до сих пор встречал только красную и желтую хину.

— То есть лучшие, высшие сорта хины, не так ли?

— Да, и следовательно самые дорогие! Я не ожидал ничего подобного, так как те деревья, какие я находил здесь раньше, бывая в этих местах со своим господином, хотя и были прекраснейшие деревья, не выдерживают сравнения с этими. Теперь, сеньор, я уверен в успехе. И чем больше мы будем продвигаться вперед в направлении к восходу солнца, тем больше их будет, этих превосходных деревьев.

— Почему так, сеньор Хозе?

— Потому что я отлично помню эту местность, которая сохраняет почти неизменно свой характер вплоть до самого Рио-Курукури.

— Но мы сейчас находимся по меньшей мере на расстоянии пятнадцати миль от этой реки!

— Да, приблизительно в пятнадцати милях, сеньор!

— И вы полагаете, что эта хинная «руда» тянется на всем этом громадном расстоянии?

— На всех плоскогорьях, достигающих этой высоты, несомненно!

— Черт возьми! Это надо будет посмотреть, милый Хозе! И чем скорее, тем лучше, потому что и я начинаю разделять ваши восторг и воодушевление. Что вы скажете на это, друзья мои?

— Ну, конечно, хоть сейчас, если хотите! — одновременно отозвались почти в один голос Маркиз и Винкельман, которые также мало-помалу начинали заражаться общим настроением.

— Итак, друзья, в путь! — закончил Маркиз.

Вдруг случился неожиданный инцидент, грозивший воспрепятствовать осуществлению этого предложения.

В то время, как Хозе производил свою рекогносцировку, индейцы, сложив на землю свои ноши, с наслаждением растянулись, глядя в небесную высь, украдкой переглянулись, затем присели на корточки и остались неподвижными, словно застыв в этой позе.

— Вы слышали, что сейчас сказал сеньор Маркиз? — спросил их Шарль.

— Слышали, — отозвался один из них.

— Так почему же вы не трогаетесь с места?

— Сегодня пятый день!

— Так что же из этого?

— Белый желает знать?

— Да.

— А в пятый день белый должен дать нам бусы, ножи, крючки, удочки и зеркальца!

— Это правда!

— Ну, так дай!

— А если я дам, что вы после того сделаете?

— Мы вернемся к себе в малока!

— Вы не хотите, значит, остаться с нами?

— Нет!

— Почему?

— Это слишком далеко!

— Что слишком далеко?!

— То место, куда ты идешь!

— Пройдите с нами всего еще только пять дней, я дам вам всего вдвое больше, чем обещал!

— Это слишком далеко!

— Ну, хоть всего еще три дня! Ведь через три дня мы можем уже быть у истоков Курукури, не правда ли?

— Да!

— Ну, так согласитесь идти с нами!

— Там есть Канаемэ!

— Довольно!.. Довольно! — вмешался Маркиз, с интонацией истого парижанина. — Не рассказывайте нам этой басни про Канаемэ, мы уже слышали ее не раз!

— Что он сказал, маленький белый? — спросил один из индейцев.

— Что ты ошибаешься! — ответил ему мулат.

— А-а! — протянул индеец, не пытаясь ничего возражать.

— Что здесь нет Канаемэ!

— А-а...

Шарль снова начал настаивать без особой резкости, конечно, но весьма решительным тоном.

Индейцы, которые вообще никогда не противоречат в лицо белому человеку, если только они не совершенно пьяны, обменялись между собой вопросительными взглядами и, как бы нехотя, встали.

— Ну, так решено, — сказал Шарль, — что вы идете с нами! Не правда ли? Берите же ваши корзины и идем!

— Белый хочет идти! Идем! — произнес тот из индейцев, который являлся их оратором.

— Идем! — подхватили хором остальные.

— Вот посмотрите, — проговорил по-французски Винкельман Шарлю, — что эти ребята удерут от нас при первой возможности!

— Или во всяком случае сегодня ночью, но не бойтесь, мы будем сторожить!

— Это мне кажется совершенно несомненным! — подтвердил Маркиз.

— Смотрите, какой у них вид побитых собак, а между тем я уверен, что они только того и ждут, как бы им сыграть с нами какую-нибудь злую шутку.

Впрочем, в данный момент этот маленький инцидент не имел никаких последствий, и путешественники продолжали свой путь с той же медлительностью, теми же затруднениями и препятствиями, утомляясь еще более внимательным изучением древесных пород, которое они производили попутно.

Кроме того, так как Шарль рассчитывал вскоре вернуться сюда для эксплуатации хинных деревьев, то он и его товарищи еще делали зарубки, которые должны были служить указателями пути на будущее время.

Мулат, действительно, не ошибся. Хинные деревья продолжали встречаться целыми рощами, группами и в одиночку на всем протяжении пути по направлению к востоку.

Теперь уже и Шарль, и все его товарищи убедились, что здесь есть возможность громаднейшей эксплуатации хинной коры и основания новой промышленности, кото-

рая может и должна в скором времени произвести целый переворот в этой стране, до сего времени остававшейся совершенно не исследованной.

С наступлением вечера расположились лагерем на ночлег. Индейцы как будто забыли о своем намерении дезертировать. Шарль, который, однако, не питал к ним доверия, принял тщательные меры предосторожности с целью воспрепятствовать попытке бегства со стороны индейцев. Заставив разгрузить все их «панаку» (корзины), он приказал сложить тюки один на другой и накрыть слоем листьев; те из путешественников, которые не будут на страже, должны спать на этих не совсем удобных постелях, дающих им, однако, полную уверенность, что имущество не будет расхищено во время их сна, и потому гарантирующих их против ночного бегства индейцев.

Последние, видимо, смутившись в первый момент при виде этих приготовлений, вдруг беззвучно рассмеялись, переглянулись и вместо того, чтобы отнестись неодобрительно к этому признаку недоверия к ним, напротив, нашли, что белые правы, поступая так.

После ужина индейцы, закусив с обычным аппетитом, подвесили свои гамаки, легли в них и заснули, по-видимому, без всякой задней мысли.

Сеньор Хозе взялся сторожить первый, тогда как Шарль, Маркиз и Винкельман, по-братски растянувшись на тюках, собирались поддаться одолевающей их дремоте. Однако, против всякого ожидания, Маркиз, обыкновенно засыпающий, как только он успеет лечь, испытывал на этот раз что-то похожее на лихорадочное состояние. Он ворочался с боку на бок, зевал, потягивался, начал потихонечку напевать и через каких-нибудь полчаса почувствовал, что у него нет сна ни в одном глазу.

— Странно, — подумал он, — обыкновенно я сплю, как сурок, а сегодня положительно не в состоянии сомкнуть глаз! Я чувствую себя каким-то нервным, раздраженным, все мне мешает, даже храп нашего эльзасца выводит меня из себя... Кой черт, что бы это могло значить? Я чувствую во всем теле зуд и непреодолимое желание расчесать свое тело до крови. Э, да у меня, кажется, лихорадка... я чувствую озноб и боль во всех сочленениях... Меня мучает жажда... Я, кажется, заболел! Право, это

так!.. Это какое-то издевательство — лихорадка среди целого леса хинных деревьев! Только этого еще не доставало! Да это нелепо! Нет уж, видно, я эту ночь не засну. Но нет худа без добра: мне по крайней мере не придется щипать себя до крови, как когда-то там, на паровой шлюпке, чтобы не заснуть, и в конце концов все-таки заснуть на часах!

К сожалению, Маркиз неошибся. Первые симптомы, поначалу весьма безобидные, все усиливались, и положение становилось все более и более серьезным: вслед за простым недомоганием последовало мучительное состояние, и он во всю ночь не сомкнул глаз.

Когда рассвело, Шарль, крайне удивленный, найдя его бодрствующим, осведомился, лучше ли ему.

Маркиз, измученный продолжительной бессонницей, с тяжелой головой и ноющей болью во всех членах, рассказал Шарлю о том, что с ним приключилось, и попросил воды, которую он стал жадно поглощать, не отнимая чашки от рта. Затем, когда солнце осветило лес настолько, что можно было все различить, он вдруг воскликнул:

— Хм! Это что такое? Посмотрите, друзья мои, у меня руки и ноги покрыты какими-то волдырями, величиной с булавочные головки. И все они наполнены какой-то беловатой или желтоватой прозрачной жидкостью. И зуд у меня во всем теле такой, что, кажется, надо бы нанять поденщика специально только для того, чтобы чесать меня.

Шарль подошел, внимательно разглядел волдыри и покачал головой.

— Этого надо было ожидать, — проговорил он, — вы расплачиваетесь этим за ту горячительную пищу, которой мы питаемся здесь с самого нашего отъезда из Боа-Виста! Потребление или, вернее, злоупотребление перцем и солеными продуктами, копченой рыбой и копченым мясом, постоянный припек солнца, слишком обильный вследствие постоянного усиленного движения — все это воспламенило вашу кровь.

— Это «empigen», — заметил уверенно мулат, — болезнь больших лесов!

— Врачи называют ее экземой, — сказал Шарль, — это воспалительная болезнь кожи, вызванная совокупностью всех, только что указанных мною причин!

— Но ведь это нелепо, наконец! — воскликнул Маркиз. — Мне некогда теперь болеть... После, как-нибудь, я не отказываюсь, а теперь... Кроме шуток: ведь здесь нет ни амбулаторий, ни лазаретов, и я не хочу, чтобы вам пришлось тащить на себе больничную койку! Скажите на милость, опасна эта болезнь? Ведь вы знаете, друзья, что я не боюсь ни боли, ни смерти, только бы не стать обузой для вас, причинить вам хлопоты и затруднения, когда здесь и без того даже здоровому человеку трудно пройти, не волоча на себе еще посторонней обузы и тяжести.

— Ну, и так далее, и так далее... можете не трудиться расписывать нам все это, милый Маркиз! Вы должны знать и понимать, что такие размышления по меньшей мере бесполезны!

— Глупости все это! — вставил свое слово Винкельман, — как будто я не таскал на себе людей, которые и мизинца вашего не стоили!

— Раз у вас есть готовая французская формула для вашей философии, то и у нас тоже есть такая же формула: «Все за одного и один за всех!» Впрочем, ведь вы еще не стали совершенно беспомощным, и я рассчитываю, что эта проклятая сыпь все-таки позволит вам добраться до Курукури. А там мы уже будем путешествовать водой, и ваше самочувствие значительно улучшится.

— Благодарю вас, друзья, благодарю от всего сердца, — пробормотал больной, растроганный этим добрым отношением к нему товарищей. — Да, я могу еще идти, надеюсь, что смогу, я хочу...

— Не говоря уже о том, что при первой задержке я вас преспокойно посажу к себе на плечи, без всяких разговоров! — сказал Винкельман. — Вы не Бог весть как тяжелы, не в обиду вам будь сказано! А какие-нибудь шестьдесят кило — это безделица!.. О них и говорить не стоит.

— Да, приблизительно шестьдесят кило; вы совершенно верно определили, мой добрый товарищ! Но хотя вас Бог и не обидел силой, все же надеюсь, мне не понадобится взваливать вам на плечи подобную тяжесть.

— Во всяком случае, я к вашим услугам, когда бы ни понадобилось!

Индейцы, заметившие недомогание белого, взвалили себе на плечи свои ноши, обменявшись многозначитель-

ными взглядами исподтишка, и медленным шагом пошли на восток.

Маркиз попробовал идти вслед за другими; сначала он испытывал какую-то тяжесть в ногах, словно они затекли у него; но вскоре они нагрелись от усилия при ходьбе, и он заявил, что, кроме невыносимого зуда во всем теле, он собственно чувствует себя не особенно плохо.

Шарль и Хозе, продолжая на ходу отмечать хинные деревья, искали, но безуспешно, известное дерево, называемое «lacre», сок которого употребляется индейцами в качестве действительного средства в случаях заболевания empigen, т.е. лесной болезнью.

За отсутствием этого благотворного средства, они надеялись обнаружить хотя бы «роса», индейскую засеку, где можно найти иньям и пататы, шелуха которых может довольно успешно заменить собой картофельную шелуху, которую белые врачи рекомендуют прикладывать в качестве пластырей при экземе.

Но до сего времени их поиски были тщетны, и Маркиз, за неимением ничего лучшего, погружался по самые уши в ручьи и речки, попадающиеся на пути время от времени.

День тянулся медленно и страшно утомительно. Индейцы-носильщики, тяжело ступавшие в продолжение всего утра, теперь шагали быстро вперед легким удлиненным шагом, избирая почему-то преимущественно самые непроходимые чащи.

Но приходилось идти за ними, не то они совершенно скрылись бы из глаз.

Шарль, которого это обстоятельство сначало удивляло, затем стало тревожить, не мог удержаться, чтобы не сделать замечания.

— Право, можно подумать, что эти негодяи умышленно хотят измучить нас, чтобы мы не могли шевельнуться сегодня ночью! Однако нечего и думать заставить их несколько замедлить эту собачью рысь; иначе они остановятся и перестанут идти.

Быть может, они рассчитывали на недомогание Маркиза, полагая, что молодой человек будет не в состоянии следовать за ними таким форсированным маршем, и что его друзья не захотят оставить его и будут также принуждены замедлить свой ход.

Но оказалось, что они ошиблись. Бывший солдат морской пехоты обладал недюжинным мужеством и силою воли. Он принадлежал к той категории людей, из которых вырабатываются самые неустрашимые и неутомимые искатели приключений.

Таким образом, злой умысел индейцев, если таковой у них был, не привел ни к каким результатам — и когда пришла ночь, сами они, по-видимому, совершенно выбились из сил.

Путешественники и на этот раз приняли все меры предосторожности, как и накануне, ввиду возможного дезертирства носильщиков. Шарль занялся приготовлением ужина вместо Маркиза, которого поспешили уложить поудобнее на густой подстилке из листьев.

Потому ли, что Шарль не обладал кулинарными способностями своего больного друга, или же потому, что припасы под влиянием нестерпимой жары и сырости начали портиться, только обед был отвратительный, так что Шарль, совершенно отложив всторону свое авторское самолюбие, рассыпался в извинениях.

Винкельман, всегда всем довольный, счел должным протестовать, хотя и должен был признаться, что все это имело какой-то своеобразный маленький привкус.

— Маленький привкус! — воскликнул Шарль. — Нет право, вы очень добры, милейший! Ведь рыба была совершенно горькая, перец казался точно с сахаром, сало отдавало муравьями, а мука плесенью... Настоящая отрава, добрейший!

— Я с вами согласен, что касается вкуса самих пищевых продуктов! — сказал Хозе. — Но посмотрите, Бога ради, сеньор, что проделывают эти гады-индейцы... Как они брезгливо морщатся! Смотрите, с какой аффектацией и каким показным омерзением они опрокидывают свои латки и выливают свою пищу, отплевываясь с отвращением!

— В самом деле! Это что-то необычайное! Несмотря на их прожорливость, они не дотронулись до пищи и, по-видимому, собираются лечь спать без ужина.

— Разве только они успели уже чем-нибудь наесться там, в лесу?!

— Конечно, и это возможно. Однако что нам так заниматься ими, сторожить их надо! Лучше будем спать или, вернее, хоть только отдыхать.

— Отдыхайте вы, — сказал Шарль, — а я останусь на страже!

Зная, насколько опасно заснуть, с одной стороны, и насколько трудно, с другой, удержаться от сна после столь утомительного дневного перехода, Шарль имел осторожность не садиться, а принялся медленно прохаживаться вокруг костра, время от времени приостанавливался и, прислонившись к стволу толстого дерева, задумчиво смотрел в огонь.

Он размышлял о тех событиях, которые за последнее время нарушили мирное и однообразное течение его жизни, столь спокойной и вместе с тем столь трудовой. Он вызывал в своем воображении образы своих близких и дорогих, жены и детей, которые теперь дожидаются там его возвращения, заранее предвкушая радость свидания, как вдруг почувствовал, что им овладевает внезапная дремота.

Напрасно он пробовал бороться с ней, напрасно старался реагировать против этого внезапного ощущения, которое овладело им, как будто на него вдруг нашел столбняк, он почувствовал, что руки и ноги его отяжелели, что он не в состоянии двинуться с места, затем ноги отказались держать его, он почувствовал, что они подкашиваются под ним, и медленно опустился на землю, не будучи в состоянии воспротивиться этому. С широко раскрытыми глазами он остался лежать у подножия дерева, подле которого он стоял, на лбу у него проступил пот, дыхание стало затруднительным, и он все сильнее чувствовал, как весь немеет.

Однако он еще не утратил сознания, глаза его еще видели, хотя несколько туманно, точно сквозь дымку, мозг еще воспринимал впечатления, но тоже как-то смутно, он хотел крикнуть, сделать какое-нибудь движение, но язык не повиновался ему.

Сколько времени продолжалось это состояние? Быть может час, быть может и больше. Во всяком случае, оно было так ужасно, что Шарль не в силах был ничего предпринять даже тогда, когда при свете догорающего костра увидел, как индейцы тихонько и осторожно вылезли из своих гамаков, подошли к его товарищам, дотронулись до них руками и громко захохотали, видя, что те не шевелятся, точно мертвые. Затем они шепотом сго-

ворились о чем-то и снова принялись смеяться. Немного погодя, совершенно обнадеженные всеобщей неподвижностью белых, они не спеша взяли одного за другим Маркиза, Хозе и Винкельмана, подняли их и бережно положили на землю. Потом проворно сбросили листву, служившую постелью спящим, сложили тюки и свои панаку. Но вдруг один из них спохватился и указал остальным на Шарля, все еще полулежащего у подножия дерева против костра.

Прервав на минуту свое занятие, они подошли к молодому человеку и посмотрели на него: тот, который первый указал на него, проговорил своим гортанным голосом:

— Он спит!

— Но у него глаза открыты!

— Это ничего не значит, он все-таки спит. Он принял «ассаку», который я подложил и к рыбе, и к перцу, и к муке. Вот посмотри!

С этими словами говоривший схватил Шарля за бороду, потянул за нее, и тот не сделал ни малейшего движения.

Индейцы рассмеялись.

— Теперь ты видишь, что он спит?

— Да!

— А много они приняли ассаку?

— Не знаю!

— Но если они съели слишком много?

— Тогда они не проснутся больше.

— Значит, они будут мертвы?

— Да!

— А ты много положил в рыбу, в перец и в муку?

— Не знаю!

— Но если они умрут, то придут другие белые и убьют нас!

— Не знаю!

— Так унесем все и бежим скорее отсюда!

— Да, да... бежим скорее отсюда!

Шарль явственно слышал эти неутешительные слова, но был не в состоянии ни шевельнуться, ни издать ни малейшего звука, даже не мог моргнуть веками широко раскрытых глаз.

Он видел, как негодяи поспешно складывали в свои панаку их имущество, припасы, заряды, даже гамаки и,

не теряя ни минуты времени, улепетывали среди ночи со всей этой добычей.

Зная теперь, что и он, и его товарищи отравлены страшным индейским ядом, несчастный переживал тысячи мучений при мысли, каковы будут последствия этого отравления.

— Как велика была доза яда, примешанная к их пище? Такова ли, чтобы стать просто только сонным снадобьем или же смертельной отравой? Вечный ли это сон одолевает меня, — думал он, — или только временный? Пробужусь ли я завтра, чтобы стать свидетелем этого разгрома, почти столь же ужасного здесь, в этих местах, как и самая смерть?

Глава XIII

Продолжительный сон. — Тревоги и опасения Винкельмана. — Обезумевшие. — Бред. — Тайна объясняется. — Отравление. — Лекарство против ассаку. — Соль. — Что делать? — Пальма парину. — Ресурсы Винкельмана. — Соль парину. — Что содержится в зелье. — Спасенье. — Сон, восстанавливающий силы. — Неприятное пробуждение. — Туземная музыка. — Индейцы. — Туксау и пажет. — Обманутая алчность. — Обманчивое доверие. — Каким образом берцовые кости охотников за каучуком предназначены стать музыкальными инструментами.

Солнце совершило уже более половины своего дневного пути, когда Винкельман, разбитый и с тяжелой головой, с затуманенным взглядом, наконец, пробудился.

Страшно удивленный тем, что он мог проспать так долго, он обвел усталым, тусклым взглядом вокруг себя и увидел Шарля, полулежавшего у дерева, Маркиза, лежавшего на земле подле Хозе, листья и ветви, валявшиеся на земле, — невольное проклятье вырвалось у него из уст при виде исчезновения индейцев.

— Сотни тысяч чертей! Что это такое значит? Что со мною? Да я едва сам себя слышу... слова не срываются с языка, я как будто совсем осип!

Он встал с большим трудом, попытался сделать несколько шагов и грузно упал на землю.

— Хм, да у меня и ноги-то, что каменные, да и мысли как-то путаются, я чувствую, что слаб, как малый ребенок... Да что бы это такое значило? А остальные все спят как убитые! Да что бы это такое значило? Индейцы бежали, и все наше имущество исчезло! Нечего сказать, хороши мы теперь!

Страшное беспокойство и тревога овладели им при виде этой ужасной бледности, тогда он коснулся руки молодого человека и с ужасом заметил, что эта рука чуть теплая, почти холодная. Он громко вскрикнул в порыве отчаяния:

— Боже мой!.. Он умирает! Но нет, это невозможно! Господин Шарль! Господин Шарль, проснитесь! Скажите мне хоть слово!.. Хоть одно только слово!..

Ответа нет.

Невероятное волнение протрезвило эльзасца, сознание его стало яснын. Его сильная натура преодолела оцепенение, в котором он до сих пор находился, его железная воля совершила чудо. Он поднялся на ноги и бегом кинулся к Маркизу и Хозе.

— Господин Маркиз!.. Хозе!.. — И эти оба были так же бледны и так же неподвижны; мулат — тот совершенно пепельного цвета. Бедняга боялся догадаться. — Неужели они отравлены? Неужели я один останусь жив после такого ужасного несчастия! — воскликнул Винкельман голосом, звучащим, как гром небесный. — Господин Маркиз!.. Хозе!..

И он изо всей силы стал трясти мулата, который, наконец, как будто пришел в себя, открыл глаза, сел, окинул безумным взглядом эльзасца и вдруг разразился диким хохотом, первым, конвульсивным смехом безумного.

— Ну, наконец-то!.. Этот жив! А остальные?

Винкельман снова возвратился к Шарлю, схватил его в свои объятия, поднял, как ребенка, и отнес на подстилку из листьев. Затем, не зная, что ему делать, обнажил его торс и принялся растирать ладонью руки.

Вскоре он заметил, с невыразимым восторгом, будто тело Шарля мало-помалу стало утрачивать мертвенную бледность и едва заметно порозовело вследствие возоб-

новившегося кровообращения. Конечности начали согреваться, дыхание восстановилось, и вдруг все его тело конвульсивно вздрогнуло, с ног до головы.

Подобно Хозе, он наполовину приподнялся, затем сел, как-то бессознательно, и вдруг разразился громким, резким хохотом.

— Да они обезумели! — прошептал бедняга в полном отчаянии. — Они даже не узнают меня, они смеются, как люди, потерявшие голову! Шарль, добрый господин мой, придите в себя! Скажите хоть слово! — молил Винкельман.

Но другой, еще более безумный смех раздался ему в ответ.

Эльзасец оглянулся и увидел мулата, который, присев на корточках над Маркизом, проделывал с ним что-то странное.

Маркиз также раскрыл глаза и бессмысленно уставился на крупных черных муравьев, ползающих у него по ногам, а Хозе с самым серьезным видом ловил этих муравьев двумя пальцами и с наслаждением ел их.

— Они лишились рассудка, — горестно воскликнул эльзасец. — Но что такое с ними случилось? Чего они поели?.. А-а, теперь я понимаю... Это вчерашний ужин. Эти негодные индейцы отравили нашу пищу!.. Да, да... вот почему все наши продукты имели такой отвратительный вкус! Но почему же я один в своем уме? Вероятно потому, что у меня лошадиная натура... Яд почти не подействовал на меня. И вот мы теперь остались одни среди леса, без оружия, без аптечки, без съестных припасов, затерянные в этом бесконечном лесу. Что же нам делать?! Господи, что нам делать?

И он снова бессознательно принялся растирать Шарля, причем так усердствуя, что молодой человек, наконец, вскрикнул от боли и начал браниться полусердито, полушутя.

— Да это какой-то бык, очень сильный, но смирный бык, который растирает меня! Да, бык... хм! Да этот бык-то человек! А человек этот... да помогите же мне!.. Дайте мне вспомнить... Ах, да!.. Да, это Винкельман!

Взгляд его при этом на мгновение стал осмысленным, и он прошептал слабым, чуть слышным голосом:

— Винкельма!... Я вас узнаю... Нас отравили... Ассаку... Средство против этого яда... Может быть, Хозе знает! — затем он снова начал бредить.

Тогда эльзасец вернулся к мулату, начал трясти его, звать по имени.

— Хозе! Слышите меня?

— Да!.. Хинные деревья... есть...

— Теперь дело не в хинных деревьях... скажите, знаете вы яд ассаку?.. Отраву?..

— Да, да... Ассаку... Как же, это индейский яд... да, да!

— А какое против него средство?

— Ах, да... средство... зачем это средство?

— Скажите мне это средство! Сейчас же, слышите, сейчас!

— Не убивайте меня, если вы Канаемэ!

— Лекарство против ассаку, спрашиваю я вас, — какое лекарство?

— Соль! Соль... Ешьте соль!

— Но где же взять соль? Разве только в Боа-Виста? Ведь наш маленький запас соли давно истощился! Боже мой! Что же мне делать?

Видя невозможность получить этот продукт, столь обыденный у нас и столь редкий там, Винкельман опустил голову на руки и принялся усиленно размышлять.

— Придумаем что-нибудь другое! — пробормотал он.

И взгляд его, невольно бродивший кругом, вдруг остановился на красивой, стройной пальме с кроной из листьев темно-зеленого цвеста, он радостно воскликнул:

— Эй, да ведь это «парину». Она может дать нам кое-что, заменяющее соль... Конечно, не морскую соль, но такое вещество, которое может при случае заменить соль. Мы, лесные бродяги, знаем это! Жаль только, операция эта длинная! Ну, да что же делать?! Если надо иметь терпение, так не нам этому учитья! — И, не теряя ни минуты времени, он взял свой тесак, оставшийся у него в ногах и о котором индейцы не подумали, и изо всей силы стал рубить им по стволу стройной пальмы.

Немного спустя пальма с шумом упала, тогда Винкельман рассек верхушку ее на части длиной в метр, торопливо свалил их в кучу, наскоро нарезал тем же тесаком несколько пучков сухой травы, выбил кремнем огонь и разжег костер. Пальма скоро загорелась, через

некоторое время все обратилось в груду пылающих углей, которые медленно сгорели.

Вся эта предварительная операция продолжалась около полутора часов. К счастью, за все это время больные были довольно спокойны. Они задремали в тени, и если их воспаленный мозг еще мучился время от времени бессвязным бредом, то все же в общем состояние их не ухудшилось. Им в сущности, не хуже и не лучше.

Винкельман, несколько успокоенный этим, поспешил собрать горячую золу и охладил ее мелкими грудками, затем отправился за водой.

Индейцы, спеша уйти, забыли две больших куи, вмещавшие каждая около пяти литров драгоценной влаги. Эльзасец взял один из этих сосудов и отправился с ним к ручью, бежавшему поблизости, и, наполнив его, тотчас же вернулся назад.

Тем временем зола успела несколько остыть, теперь ее необходимо было промыть, чтобы извлечь содержащиеся в ней растворимые соли. Конечно, импровизированный химик не знал ни свойства, ни названия этих солей, но не все ли ему равно, как ученые называют их, углекислый калий или сода, фосфат или сернокислый натрий или хлористый натрий.

Для него эти названия ровно ничего не значили: самое главное — это добыть соль, имеющую соленый вкус, несколько горьковатый, которую индейцы, черные и даже белые, используют для кухонных целей за неимением морской соли или хлористого натрия; соль, содержащаяся в золе парину в весьма значительном количестве, — это хлористый калий.

Как ему показывали опытные люди еще тогда, когда он был новичком в больших лесах, и как он впоследствии часто делывал сам, он натянул над пустой чашкой кусок своего шерстяного редкого пояса, осторожно высыпал на это импровизированное сито небольшую грудку золы и затем осторожно вылил на золу воду из другой чашки. Вода, проходя сквозь золу, увлекает за собой растворимые соли, попутно растворяя их, в нижнюю пустую чашку через шерстяное сито.

Люди, изготовляющие для своих кулинарных надобностей соль парину, обыкновенно испаряют на солнце воду, насыщенную солью, чтобы получились кристаллы,

которыми и приправляют свои кушанья. Но Винкельман, хотя и не химик, тем не менее человек практичный, знал цену времени.

Он рассуждал и вполне резонно, что, несмотря на чрезвычайно высокую температуру, на испарение воды, насыщенной солью, потребуется по меньшей мере два часа времени, кроме того, чтобы заставить больных принять эту соль, придется снова растворять ее в воде, для чего же эта двойная операция?

Сказано — сделано. Он отвязал с чашки свой пояс, заглянул в нее и увидел, что она наполнена несколько мутной жидкостью, он сделал глоток, сопровождающийся гримасой, и промолвил:

— Это солоно, горьковато, невкусно, кисловато, и все, что хотите, но это, несомненно, соль парину! Кроме того, это совершенно безобидно и безвредно; я не раз пользовался этой солью, чтобы приправить кусок жареного тапира, обезьяны или свинки пекари. Раз я также был отравлен их проклятым ассаку, то, для пробы, первый проглочу хороший глоток этой жидкости! У меня все еще ноги не тверды, да и в голове не совсем ясно, хотя это и не заметно... Ну-ка!..

Он хлебнул раз, два и подождал с четверть часа действия этого лекарства. На самом ли деле подействовало это простое лекарство или же достаточно было одного самовнушения на физическое состояние эльзасца, но только он почувствовал себя гораздо лучше.

— Ну, а теперь ваша очередь, г. Шарль, — сказал он, заметно повеселев. — Это не особенно вкусно и не особенно аппетитно, но уверяю вас, что это принесет вам пользу. Это и есть то лекарство, на которое указал Хозе, или почти оно! Пейте себе спокойно; я уже попробовал его, оно превосходно подействовало на меня!

Шарль покорно выпил раз и два и затем снова заснул. Маркиз и Хозе последовали его примеру и также заснули.

— Ну, и прекрасно! — решил эльзасец. — Хорошенечко вздремнуть нам не мешает, а проснетесь вы веселые, как птички! Ну, все уже храпят! Так и я всхрапну!

Но видно, было суждено, что этот день, и так уже столь богатый событиями, не окончится без дальнейших происшествий, не менее важных и знаменательных.

Искатели хинных деревьев мирно спали уже часа два; было около пяти часов вечера, когда из леса вдруг раздались нестройные звуки, которые пробудили их и заставили невольно содрогнуться от предчувствия неизвестной опасности.

Вскоре эти звуки стали приближаться. Они напоминали глухое мычание, вроде тех страшных звуков, резких и неблагозвучных, какие альпийские пастухи извлекают из своих волынок.

Все четверо путешественников проснулись совершенно бодрые, с ясными мыслями, но с голодными желудками и ощущением страшного физического утомления. Потому ли, что лекарство, рекомендованное Хозе в полубреду, превосходно подействовало, или же потому, что индейцы примешали к их пище дозу яда, недостаточную для того, чтобы причинить смерть, только все четверо пришли в себя и чувствовали себя теперь почти совершенно здоровыми.

Едва успели они убедиться в дезертирстве своих носильщиков, исчезновении багажа и припасов и даже оружия, как увидели довольно многочисленный отряд краснокожих, торжественно шедших по лесу один за другим.

Во главе колонны выступали двое музыкантов с бамбуковыми флейтами, называемыми «тэикиемэ», в которые они дули изо всех сил.

Позади них шел человек, сверкая разноцветными ожерельями из стеклянных бус, которыми были увешаны его плечи, торс, шея и предплечья, на голове виднелась «акангатарэ» из золотисто-желтых перьев, из которых, точно рога, торчали два длинных ярко-красных пера. Несомненно, это был вождь или, как их называют индейцы, «туксау».

Позади него ступал по его следам рослый индеец, изукрашенный точно так же, как и первый, но не столь богато, и в голубой акангатарэ, рожки которой были более скромных размеров. По-видимому, то был старший сановник или ближайший родственник вождя.

Далее шел старец в своеобразном уборе, в котором он почти исчезал совершенно, так как был с ног до головы увешан разными разностями, производившими странный шум при каждом его движении. На спине, в виде плаща, у него висела шкура каймана, голова которого,

довольно хорошо препарированная, украшала голову старика, а хвост волочился по земле, подобно женскому шлейфному платью. Остальная часть его наряда состояла из ожерелий, снизанных из зубов самой разнообразной формы и величины от различных животных, колец с хвоста гремучей змеи, когтей ягуара, хвостов ревунов, из шкурок пальмовых белок и обручей из латуни и проволоки.

Кроме того, этот человек, физиономия которого выражала затаенную хитрость и жестокость, держал в руке длинную толстую кость, в которой были проделаны дырки, превращавшие ее в флейту или, вернее, в свирель, из которой он время от времени извлекал резкие неприятные звуки, режущие ухо.

Самая форма этой кости, изукрашенной скульптурными украшениями и рисунками, с первого же взгляда указывала на ее принадлежность к человеческому скелету. Это была берцовая кость, т.е. этот музыкальный инструмент был не что иное, как легендарная свирель Канаемэ, а старец — колдун данного племени, или «пажет», как его называют индейцы берегов Амазонки, или «пиаи», как их именуют краснокожие французской Гвианы.

Индейцы, шедшие позади этих важных сановников, имели обычный наряд местных индейцев, т.е. простой «калимбэ», и ожерелья из зубов и стеклянных бус. Все они были вооружены большими индейскими луками и пучками стрел, некоторые, кроме того, «эргаравантана» или сарбаканами. У всех без различия, и музыкантов, и вождей, и простых граждан, лица были расписаны самыми яркими красками и самыми резкими полосами — белыми, красными и черными, придававшими им одновременно и комичный, и отталкивающий вид. А ноги до колен были вымазаны «руку», т.е. красной краской, так что можно подумать, что они только что бродили по колена в крови.

Всех их было около тридцати человек. Стройно и мерно выступая гуськом, в строжайшем порядке и в полном безмолвии, они обошли путешественников и сомкнулись вокруг них кольцом, так что те оказались в центре круга, затем, по знаку своего вождя, остановились неподвижно. Искатели хинных деревьев, едва успевшие прийти в себя, с весьма понятным недоумением смотрели на этот

странный маневр и готовы были поверить, что видят продолжение своего болезненного кошмара. Но, увы! Все это было слишком действительно и реально.

Некоторое время продолжалось неловкое молчание, обе стороны наблюдали друг за другом, и ни те, ни другие не хотели заговорить первыми.

— Что ни говори, — заметил Маркиз вполголоса, — а эти граждане прекрасно маневрируют и положительно делают честь своему учителю строя; выправка у них превосходная! Только одно, они малость безвкусно размалеваны... Что вы на это скажете, мосье Шарль?

Несмотря на всю серьезность данной минуты, молодой человек не мог удержаться от улыбки при этом забавном замечании.

Однако эти несколько слов как будто сломили преграду.

Вождь дикарей сделал, по-видимому, над собой усилие, желая преодолеть в себе впечатление, произведенное на него этими белыми, он прокашлялся, посоветовался взглядом с колдуном и затем произнес несколько слов на языке, совершенно не понятном никому из путешественников.

— Черт возьми! — пробормотал Шарль. — А ведь это может сильно осложнить наше положение! Поняли вы что-нибудь, Хозе?

— Ни одного слова, сеньор!

— Это неприятно! — сказал Шарль, затем, вдруг спохватившись, он обратился к индейцам и спросил:

— Не говорит ли кто из вас на «лингоа жераль» (обыденном наречии)?

— Я говорю! — ответил ему гнусавый голос старика-колдуна. — Если белый человек знает язык красных людей Востока, то я сумею ему ответить!

— Прекрасно, так скажи мне, старик чего хочет вождь, который только что говорил со мной?

— Он спрашивал тебя, кто вы такие.

— Мы — белые путешественники и друзья краснокожих!

— Но только не этот! — указал он на Хозе.

— Это полубелый, как ты сам видишь... Но что значит цвет его кожи? Он наш брат!

Колдун перевел слова Шарля вождю, который ответил на это глухим рычанием.

— Что вы здесь делаете? — спросил он после довольно продолжительной паузы.

— Мы возвращаемся к себе на восток, туда! — сказал Шарль.

— Откуда вы идете?

— Из Боа-Виста!

Опять наступило молчание, еще более продолжительное. Южноамериканские индейцы вообще не отличаются красноречием. Им совершенно незнакомы длинные обороты речи, эти живописные образные выражения, эти торжественные, несколько напыщенные фразы, которыми в таком обилии сыплют их североамериканские сородичи. Местные индейцы едва-едва отвечают на вопросы, обращенные к ним; настолько их ленивый, неповоротливый ум затрудняется разобраться в сколько-нибудь сложной речи.

«Да», «нет», «может быть», «я не знаю» — таков словарь употребительных слов индейского разговора, детски наивного, вызывающего улыбку и не выходящего за пределы самой заурядной банальности.

А потому понятно, что им трудно даже отвечать, а не только допрашивать или расспрашивать.

Но присущая дикарям жадность на время развязала язык туксау.

— У белых есть бусы! — сказал он после минутного размышления. — Я хочу эти бусы!

— У нас нет больше бус... Индейцы, которые сопровождали нас, украли у нас бусы, которые предназначались тебе и твоим людям, — сказал Шарль.

— Какие это индейцы?

— Атторради!

— Белый и полубелый глупее Коро-Коро, что доверились Атторради! — произнес вождь, презрительно сплюнув. — Атторради — черви, гады! Так у белых нет ни бус, ни ожерелий, ничего?

— Ничего! Но если ты хочешь получить то, что Атторради украли у нас, то пошли своих людей нагнать их!

— Что ты об этом думаешь, Жакарэ (Кайман)? — обратился вождь к колдуну.

— Нет! — коротко отозвался тот. — Атторради уже далеко... или, быть может, белые говорят неправду! Лучше их отвести в малока!

— Зачем?

— Никогда Ширикума не видел белых: никогда еще ни один вождь не имел свирели, сделанной из кости этих белых, которые все великие воины!

— Это правда!

— Когда мы их отведем в малока, то убьем их, сделаем большой кашири и изготовим себе свирели. Ни Жоапири, ни Парикоты, ни Кара, ни Пианокоты, — не имеют «teigiemens», сделанных из голеней белых. Мы, Ширикума, будем одни, у которых они будут, и ты, туксау Лууди, будешь благодаря этому могущественнее, чем все другие туксау этой страны!

— Ты говоришь правду, Жакарэ!

Никто из искателей хинных деревьев не понял смысла этих ужасных слов, произнесенных самым развязным тоном на ширикумском наречии, а потому не мог и подозревать грозившей им опасности.

Полагая, что это не более, как случайная встреча с индейцами, столь же безобидными, как и все те, кого они видели до сих пор, и думая дешево отделаться от них, наши друзья даже надеялись выпросить у них немного провианта на дальнейший путь.

У них в карманах остались еще кое-какие безделушки, которые можно было обменять на съестные припасы.

Но — увы! — им пришлось горько разочароваться.

Глава XIV

Путь к малока. — Радушные хозяева. — Гости или пленники? — Опасения. — Неопрятность. — Беспорядок. — Чашки для кашири. — Индейцы у себя дома. — Хроническое пьянство. — Дикие развлечения. — Пляска бесноватых. — Мрачные аллегории. — Грабеж. — Трагические последствия кражи револьвера. — Удар грома под кровом малока. — Смерть туксау Лууди. — Паника. — Перемена династии. — Колеблющаяся власть. — Диверсия. — Презрение индейцев к смерти. — Окончательная схватка. — Побеждены! — Чудо.

— Не находите ли вы, мосье Шарль, что мы скорее походим на пленников, чем на гостей, приглашенных отобедать? — спросил Маркиз.

— Я только что собирался высказать вам эту же самую мысль! Эти индейцы смотрят на нас далеко не дружелюбно и оцепили нас кругом, как будто опасаются, чтобы мы от них не сбежали!

— Какое несчастье, что у нас нет больше при себе наших карабинов с репетицией и хотя бы всего только по пятидесяти зарядов на брата! Как бы живо мы всех их расстреляли, если бы им пришла вдруг фантазия превратить наши голени в флейты!

— Да, но у нас не имеется ничего, кроме бесплодных сожалений, и остается только клясть негодяев, которые, быть может, заставят нас потерпеть крушение у самой цели.

— А кстати, при вас еще ваш револьвер?

— Мой отняли!

— А ваш, Винкельман?

— При мне только один тесак. А у вас, Хозе, есть какое-нибудь оружие?

— У меня ни тесака, ни револьвера!

— К счастью, мой револьвер еще при мне! — проговорил Шарль. — Кроме того, с десяток патронов!

— Это недурно, но мало!

— Баа! — воскликнул Винкельман со свойственной ему спокойной уверенностью атлета. — Тем временем как господин будет стрелять в нос дюжине этих краснокожих чертей, я, пожалуй, столько же уложу на месте простой дубиной. А вы, Маркиз, и вы, Хозе, тоже не бозрукие и тоже сделаете свое дело, как надо, и в свалке лицом в грязь не ударите.

— Это плохое средство поладить с ними, и к нему можно прибегнуть разве только в самой последней крайности, а пока будем осторожны и постараемся выказать им, хотя бы только для вида, полное доверие!

После получасовой утомительной ходьбы добрались, наконец, до малока.

Это громаднейшее здание, построенное, по индейской системе, из множества столбов и громадной кровли из листьев вайе. Обстановка, конечно, самая простая, состоящая из пеньковых гамаков, местами окрашенных красными пятнами «руку». Кухонные принадлежности, которые старательно вылизывали несколько тощих голодных и свирепых собак, валялись на земле в беспорядке;

кастрюли, котелки, куа (глиняные горшки) и обрубки сахарного тростника, который сосали и высасывали ребятишки, манговые ядра на земле и между грубо сработанными седалищами, изображающими черепах и кайманов.

Внутри вся крыша малока буквально утыкана стрелами, воткнутыми в брусья и жердины, поддерживающие кровлю; это общий арсенал, где каждый, в случае надобности, может запастись этим метательным оружием.

Под той же кровлей свободно разгуливают дикие животные, которых индейцы, со свойственным им терпением, сумели приручить. Маленькие пекари, тату, огути и козлята скачут и прыгают, хрюкают и ворчат. Черная обезьяна «коата» старательно перебирает шерсть молодого ягуара и с наслаждением грызет на зубах выловленных паразитов. Яркие ара с крепкими крючковатыми клювами немилосердно кричат, хокко гнусаво гогочут, поклевывая маис, хмурые саваку сосредоточенно дремлют, стоя на одной ноге и запрятав свой длинный, как у цапли, клюв в перья своего пушистого зоба.

Среди этого зверинца плавно и лениво, взад и вперед, двигаются женщины, а дети, прикрытые только одной своей невинностью, скачут и беснуются, как настоящие маленькие бесенята.

Хотя это примитивное жилище, под кровом которого ютится целый клан, состоит всего только из одной кровли, тем не менее воздух в нем до того зловонный, что непривычному человеку трудно вынести даже и самое короткое время.

Пространство, окружающее малоку, вырублено, хотя повсюду торчат пни вышиной в метр, оставшиеся от вырубленного леса, и между этими пнями растут маис, тыквы, сахарный тростник, пататы и маниок, там и сям высоко раскинулись громаднейшие бананы.

Возвращение краснокожих воинов радостно приветствовали хором все животные, выражая удовольствие видеть их в своей среде. Но вид белых людей вызвал настоящую панику и заставил их разбежаться и разлететься во все стороны: все эти птицы и животные, свыкшиеся с красно-кофейным цветом индейцев и даже с их страшной татуировкой, пришли в неописанный ужас при виде

бледных белых лиц, которых они никогда не видали раньше.

Одно обстоятельство заставило наших четырех друзей призадуматься: воины не расстались со своим оружием, даже придя домой, в этой совершенно мирной обстановке. Это — плохой признак, не предвещающий ничего доброго, как они прекрасно сознавали, несмотря на спокойное и серьезное выражение этих невозмутимых, неподвижных лиц.

Никто из них не приветствовал добрым ласковым словом женщин, их жен, матерей и дочерей, после, быть может, довольно продолжительного отсутствия, ни одного приветствия или ласки детям, безумные крики ужаса которых, при виде белых, были живо уняты несколькими звучными и полновесными затрещинами.

Единственной и первой работой вернувшихся под свой кров воинов было — снова приняться за свое обычное занятие, когда они бывают дома, — за пьянство.

Среди всех многочисленных запахов, которые бросились в нос белым, они сразу отличили сильный запах спиртового брожения, чрезвычайно едкий, а именно запах кашири, который краснокожие потребляли с большой невоздержанностью.

В центре малока, на самом почетном месте, поставлены были стоймя два громадных обрубка древесных стволов, вышиною в три метра, с диаметром в полтора метра, снабженные внизу краном, из которого сочилась капля за каплей жидкость, обращающая утоптанную землю пола малока в небольшую ямину.

Оба эти громаднейших ствола внутри выдолблены и представляют собой котлы, в которых вырабатывается хмельной напиток, столь излюбленный индейцами и получающийся от брожения сахарного тростника, бананов, ананасов, маниока и маиса.

Весьма раборчивые по отношению к спиртным напиткам, индейцы разнообразят свой кашири сколько угодно, в зависимости от вкуса и каприза или обилия известных продуктов брожения в данный момент, отчего состав напитка разнообразится.

Этот напиток однако — не праздничное угощение, как это можно было бы подумать, а повседневное питье, потребляемое во всякое время дня и даже ночи.

Индейцы, как мужчины, так и женщины, большие и малые, вечно пьяны, когда они дома; и не удивительно: им стоит только подойти к этим громадным чанам, отвернуть кран, подставив под него сосуд, и осушить его, повторяя этот маневр до тех пор, пока они в состоянии пить.

Чаны эти представляют общую собственность так же, как и их содержимое, нужно только наполнять их, чтобы они не опустели; а так как женщины сообща обрабатывают плантации, с которых получаются продукты, дающие кашири, то в них и не бывает недостатка.

Утолив жажду излюбленной хмельной влагой, туксау Лууди, все время не спускавший глаз со своих пленников, вздумал пригласить и их принять участие в пиршестве.

Но те дали понять туксау через его переводчика, что они чувствуют скорее потребность утолить голод, чем жажду.

На это туксау величественным жестом раздобрившегося пьяницы отдал женщинам приказание накормить этих людей, которые настолько глупы, что, когда им предлагают пить, сколько влезет, просят есть!

Женщины поспешили исполнить распоряжение своего вождя с присущим им пассивным повиновением.

Гости с жадностью набросились на предложенную им пищу, как люди, давно уже не евшие и сильно мучимые голодом. Громадные куски копченой рыбы, всякого мяса и кассавы быстро исчезали в их желудках, после чего они отведали и кашири, которое хозяева весьма радушно предлагали им.

До сего времени все шло, как нельзя лучше. Но скоро, благодаря всеобщему опьянению, малока, в которой до того царила сравнительная тишина и спокойствие, вдруг огласилась шумом, возраставшим с каждой минутой.

Среди этого шума послышалось несколько глухих трубных звуков, перемежающихся с резким свистом свирелей, затем медленным, ленивым темпом забил барабан из выдолбленного внутри древесного ствола, обтянутого кожей кариаку.

Наиболее молодые из воинов начали проделывать легкие антраша. Мало-помалу темп этой варварской музыки участился, пляска тоже стала оживленнее, разнооб-

разнее, телодвижения быстрее, затем индейский танец, это страшное гимнастическое упражнение, эта безумная, бешеная пляска, развернулся вовсю.

Каждый из танцоров был виртуозом своего искусства; им уж недостаточно глухих ударов своеобразного барабана, свиста и воя их свирелей, охмелевшие и точно обезумевшие исполнители этого чертова хоровода начали сами выть и выкрикивать какие-то нечленораздельные звуки, издавать завывания, подражая звукам животных, — и все это слилось в какой-то невероятный концерт диких звуков. Между тем неучаствующие в этом бешеном хороводе с неменьшим бешенством поглощали хмельную влагу, причем опьянение их начало достигать крайних пределов.

Искатели хинных деревьев начали серьезно беспокоиться при виде этого бесчинства и свирепых взглядов, которыми преследовали их опившиеся дикари.

Они плотнее сдвинулись в самом дальнем конце малока и искали глазами оружие, ожидая с минуты на минуту страшного, решающего момента. Но, по-видимому, все это еще только было вступление.

Пажет, который пользуется среди этих людей властью, по меньшей мере равной, если не большей власти туксау, извлекал из своей костяной свирели столь резкие и пронзительные звуки, что они покрывали собой царящий кругом шум и гвалт. При этом, словно по мановению волшебного жезла, разом прекратились и пляска и шум.

Тогда старик, уже совершенно пьяный, запинаясь и икая, произнес немногословное обращение, которое остальные приветствовали громкими криками.

Обливающиеся потом, словно вышедшие из воды, воины жадно выпили круговую чашу, и собрались вокруг путешественников, продолжающих сидеть неподвижно и безмолвно на одном и том же месте.

— Кой черт! Что они теперь думают сделать с нами? — пробормотал Маркиз.

— Мне кажется, что пришел час уложить кое-кого из них на месте! — отвечал Винкельман, незаметно продвигаясь к большому топору, воткнутому в одну из балок, поддерживающих кровлю.

— Повременим еще немного, — возразил Шарль, — надо прибегнуть к насилию лишь в момент последней крайности, но не раньше!

В этот момент к нему подошел пажет с небольшой миской, где налита была какая-то тестообразная белая масса, и поставил миску подле Шарля на землю. Затем, не сказав ни слова, он присел на корточки перед ним, поднял одну за другой ноги молодого человека и завернул до колен его холщовые панталоны.

При виде белого цвета кожи этих ног индейцы невольно вскрикнули от восхищения и удивления, а старик, все так же невозмутимо спокойный, обмакнул палец в белую массу и нарисовал довольно правильно и равномерно, с быстротой, поразительной для его лет и опьяненного состояния, на обеих голенях Шарля какие-то значки. Затем его ученик, неотступно следующий за ним, подобно тени, и жадно ловящий каждое его слово и движение, почтительно подал ему другую миску с красной краской «руку».

Пажет вытер свой палец, испачканный белой краской, об одну из шкурок пальмовых белок, висящих у него на поясе, погрузил этот палец в красную краску «руку» и разукрасил шестью красными точками анатомический рисунок, изображенный им на коже белого человека.

— Что ты делаешь, старик? — спросил его Шарль, удивленный этой операцией, которой он, однако, считал за лучшее беспрекословно подчиняться.

— Ты это и сам видишь, вождь, — ответил, икая и отрыгивая, старый пьяница, — я изображаю на твоих голенях кость, из которой изготовляется священная свирель Канаемэ, как ты, вероятно, знаешь!

— Хм! Уж не думаешь ли ты использовать мои кости на то, чтобы под звуки сделанных из них свирелей заставлять плясать твоих краснокожих!

— Не знаю!

— Но я-то прекрасно знаю! Разрисовывать мои ноги я могу тебе позволить: это, в сущности, совершенно безобидная забава, но не думай, пожалуйста, что я позволю тебе пойти дальше этой простой шутки!

— Белый сердится... Напрасно! Таков обычай у Ширикума, и его всегда соблюдают по отношению к

почетным гостям, которых желают почтить своим особым уважением.

— Я согласен подчиниться вашим знакам уважения до тех пор, пока они не перейдут пределов безобидной шутки или простой вежливости по-вашему!

Хозе, Маркиз и Винкельман также подвергались той же операции, по меньшей мере странной. Мускулутура последнего возбудила удивление и восхищение пажета и вызвала крики восторга у воинов, которые никогда еще не видывали подобного развития человеческих членов.

— Ладно, ладно, — проворчал про себя эльзасец, относившийся к индейцам все более и более недоверчиво. — Восхищайтесь себе нашими ногами, если хотите, но вы сейчас увидите, как я вас разнесу, если вы только посмеете зайти слишком далеко в своей шутке. Гром и молния! Выделывать свирели из наших костей!.. Посмейте только, и клянусь, здесь не останется никого, кто бы мог насвистывать на этих свирелях!

Между тем индейцы, восхищенные, как дети, при виде этого никогда еще не виданного зрелища белых ног и необычайно развитой мускулатуры, смотрели добродушно и глупо осклабившись. Белые начали уже ощущать от этого восхищения какую-то неловкость.

— Знаете ли что, г. Шарль, — проговорил, наконец, Маркиз, не без некоторого основания, — у нас должен быть, вероятно, страшно глупый вид с засученными, как у рыбаков, панталонами и ногами, разрисованными этим старым шутом, от которого так и несет спиртом!

Шарль, с каждой минутой чувствовавший себя все более и более озабоченным, не имел времени ответить Маркизу на его шутливое, но верное замечание, он осторожно запустил руку под свою шерстяную фуфайку и приоткрыл кобуру, в которой находился его револьвер.

Но индейцы надвигались на них сплошной стеной, не проявляя, однако, никаких признаков враждебности, а скорее привлеченные жадностью и вожделением, с каким они смотрят на предметы, находящиеся у пришельцев: во-первых, часовая цепочка и никелевый брелок, выглядывающие из-под фуфайки Шарля; их пажет снял с ловкостью настоящего карманного воришки. За цепочкой, конечно, появились часы и вместе с ней перешли немедленно в руки удивленного туксау. Карманный компас

постигла та же участь, и уже в следующий момент этот полезный предмет висел на шее у старого пажета в качестве почетного ордена.

Теснимые со всех сторон, чувствуя десятки рук, обирающих их ловко и проворно, без малейшего насилия, так что любой английский карманный вор мог бы позавидовать им, припертые спиной к чанам, наши приятели видели, как индейцы все ближе и ближе подступают к ним, так что они не в состоянии и двинуться, видели, как все их маленькие вещицы и безделушки одна за другой исчезают в руках и индейцев, в том числе даже пуговицы с их курток, пока, наконец, и самый револьвер Шарля не выскользнул у него из вспотевшей руки и не стал добычей второго вождя, который принялся внимательно разглядывать его со всех сторон.

Когда ничего более не осталось, что бы можно было отнять у них, индейцы немного отступили, четверо друзей могли, наконец, свободнее вздохнуть и почувствовали истинное облегчение, избавившись, наконец, от назойливого и отвратительного прикосновения этих цепких темных рук.

Еще совершенно ошеломленные, наши друзья не успели и слова произнести, обменяться взглядами, как вдруг среди малока раздался оглушительный выстрел. Страшный, протяжный крик ужаса и затем вой боли последовали за ним. Одновременно с этим тускау поднес руку к груди, из которой ударила ключом струя алой крови, отступил на два-три шага назад с широко раскрытым ртом, искаженным лицом, вытаращенными глазами и вдруг резко рухнул на землю.

Индейцы, удивленные, недоумевающие, в перепуге разбежались во все стороны с пажетом во главе, точно стая рыжих обезьян, тогда как второй вождь, онемев от ужаса, не помня себя и недоумевая, в чем дело, выпустил из рук револьвер и стоял, остолбеневший, среди облака дыма над товарищем, которого еще подергивали последние предсмертные судороги.

Несмотря на волнение, вызванное этим несчастным случаем, жертвой которого так же легко мог стать и кто-нибудь из них, как и туксау, наши искатели хинных деревьев не растерялись.

Шарль кинулся вперед и, подняв с земли оружие, быстро сунул его в карман своей куртки. Маркиз схватил тесак, который ему протянул Винкельман, а последний вооружился топором, воткнутым в балку, который он уже давно облюбовал; Хозе без особых церемоний завладел тяжелым «куидару» (кастет) из дерева итоба, который в руках сильного человека становился страшным оружием.

Тем временем индейцы, несколько оправившись от страха и видя, что гром не гремит больше под кровлей малока, набрались храбрости и подошли ближе, затем окружили труп убитого вождя и окликнули второго вождя, недоумение которого теперь уступило место выражению алчности.

Его начали расспрашивать, он отвечал отрывочными фразами, что он ничего не знает, ничего не понимает и не может себе объяснить, почему вождь, который только что был жив и здоров, вдруг был сражен, точно громом.

Он взял эту вещь белого человека, внимательно осмотрел ее со всех сторон, пощупал, и вдруг эта вещь превратилась в гром, и вождь пал, как подкошенный.

Невольный убийца, несмотря на весь испытываемый им ужас, все-таки почувствовал, что хмель власти начал опьянять его. Это завидное, так неожиданно освободившееся место всегда могут впоследствии оспаривать у него другие, такие же второстепенные воины племени, живущие в других малых малока со своими людьми, в этом же лесу, неподалеку отсюда. Нужно не упускать благоприятного случая!

И вот, без дальнейших рассуждений, он наклонился к трупу, снял с него ожерелья, обагренные кровью, навесил их себе на шею, на плечи, на торс, затем взял акангатарэ убитого, эту священную эмблему власти, заменил свою, которую пренебрежительно сбросил на землю, и прочно насадил ее на свои черные с синеватым отливом длинные волосы.

Все это было проделано так быстро и так неожиданно, что никто не подумал даже протестовать против незаконности подобного действия или оспаривать его легальность, все, по-видимому, примирились с совершившимся фактом.

Таким образом дело было сделано: туксау Лууди отошел в вечность, да здравствует туксау Яраунамэ! Вот каким образом создаются династии!

Понятно, по этому случаю снова началось усерднейшее поглощение кашири. У индейцев в обычае приступать ко всякому делу и заканчивать каждое дело выпивкой, будь это дело самое важное или самое пустячное — безразлично; конечно, они и теперь не могли обойтись без нее, чтобы не ознаменовать это столь великое в их жизни событие восшествия на царство нового вождя должными возлияниями в честь его.

Тело умершего без особых церемоний оттащили за чаны с кашири, и все до последнего принялись поглощать хмельную влагу с всевозрастающей жадностью, хмелея все больше и больше.

К несчастью, путешественники заметили, что для них перемена правителя скорее невыгодна, так как умерший туксау Лууди, вероятно, давно уже освоившийся со всеми прерогативами власти, казался человеком скорее добродушным и не старался при каждом удобном случае проявлять свою власть, никем не оспариваемую.

Преемник же его, почуяв за собой власть, едва приобретенную им и еще колеблющуюся, вероятно, желал ее утвердить каким-нибудь решительным поступком и произвести диверсию, чтобы отклонить даже самую возможность мысли о незаконности его захвата власти в умах своих подчиненных.

В этой диверсии должны были быть белые люди, так кстати подвернувшиеся ему теперь.

Между выпивками, поминутно отрыгивая и икая, он обратился с речью к своим воинам и заставил их взяться за оружие, затем возбудил этих уже в достаточной мере возбужденных спиртом людей, разжигая их еще более своей речью, которую закончил резким выкриком, и, наконец, кинулся вперед на группу европейцев и мулата.

Но последние успели вовремя догадаться о его намерениях и, видя, что нельзя далее терять времени, решили во что бы то ни стало спастись из этой западни, или же, по крайней мере, дорого продать свою жизнь.

Они немного расступились, чтобы иметь больше простора в движениях, и замахнулись своим оружием в тот момент, когда вся эта густая, пьяная, шумная толпа краснокожих, точно лавина, устремилась на них в неудержимом порыве.

Индейцы вообще питают полнейшее пренебрежение к смерти. Раз только они решили вступить в бой, то дерутся отчаянно, не зная страха, не признавая боли и умея умирать с изумительным спокойствием и присутствием духа.

Поэтому ни смелая осанка искателей хинных деревьев, ни их мужественный и решительный отпор, ни страшные удары, наносимые им смельчаками, не могли остановить порыва их врагов.

Подавленные громадной численностью врага, несчастные путешественники, оглушив, искалечив, распоров животы первых нападающих были оттеснены к чанам с кашири, и здесь в них вцепились темные крючковатые пальцы. Белые боролись, выбиваясь сил, но напрасно.

Шарля схватили за руку и за ноги, и он увидел, как к нему приближается колдун, вооруженный саблей. Старик сорвал с него куртку, прикрывающую грудь молодого человека и готов уже был проткнуть ему горло концом своей сабли. И — о, чудо! Его рука упала, как будто ее коснулся электрический разряд, сабля выпала из его рук, и он издал такой крик, который покрыл собою вой толпы и разом заставил замолчать даже самых ярых.

Глава XV

Талисман. — Мать Канаемэ. — Туксау Лууди за все расплачивается. — Пажет жалеет о голенях белых людей. — Отступление. — Удавшаяся экспедиция, но стоившая дорого. — Тромбетта. — Отчаяние. — Болезнь Маркиза усиливается. — Винкельман повеселел. — Голод. — Самоотвержение. — Человек, живущий голодом и чувствующий себя прекрасно. — Курукури-Оуа. — Плоть. — Скудный обед. — Плавание. — Черепаха. — Предчувствие. — Катастрофа.

— Ожерелье Маскупан! — отчаянно закричал колдун и подобострастно склонился перед белыми, которых только что хотел убить.

Воины последовали его примеру.

— Ожерелье Маскупан!.. Маскупан! — повторил старик с недоумением.

И это слово, повторяемое с чем-то вроде суеверного ужаса, шепотом переходило из уст в уста, действуя на всех, как неотразимый талисман.

Кольцо индейцев, сплошной стеной обступивших искателей хинных деревьев, постепенно раздвинулось, и все отступили от них с какой-то суеверной почтительностью. Тогда белые встали на ноги, не веря своим глазам и не понимая, какому чудесному вмешательству они обязаны своей жизнью.

Между тем колдун, успевший уже прийти в себя от своего удивления и недоумения, подошел к Шарлю, дотронулся до ожерелья, как бы желая убедиться в том, что оно действительно настоящее, а не поддельное, и обратился к молодому человеку:

— Белый знает Маскупан — матерь всех Канаемэ, Жоанири, Уацо, Уатча, Кара, Парикотэ и Ширикума?!

— Ты же сам это видишь!

— А почему Маскупан дала белому это ожерелье?

— Дитя той, которую ты назвал матерью всех Канаемэ, умирало, и я предложил «бабушке» лекарство, которое излечивает от «сезоэ» (лихорадки), а Маскупан в благодарность сама надела мне на шею это ожерелье.

— Да... Это так! Почему же ты не сказал, что носишь ожерелье, которое делает тебя другом всех индейцев?

— А почему Ширикума, прикинувшись друзьями, хотели вдруг предательски убить белых? — строго и сурово спросил Шарль. — Разве Ширикума забыли индейское радушие и гостеприимство? Разве у них в обычае убивать человека, который с полным доверием идет в их малока и пьет с ними их кашири?

— Прости, вождь, Ширикума не знали до сих пор белых. Это все туксау Лууди виноват! — смело солгал лукавый старик. — Но туксау Лууди мертв, он умер, убитый мщением Маскупан. Маскупан всемогуща и может говорить в громе. Теперь ты свободен, ты и твои люди. Вы можете идти, куда хотите, и ваши красные братья не сделают вам вреда!

Затем, обращаясь к Ширикума, до того растерявшимся, что они даже забыли на время о своем кашири, колдун произнес на их родном языке довольно длинную, наставительную речь, в которой несколько раз повторялось имя Маскупан, причем указывал на искате-

лей хинных деревьев, удивленных тем, что им посчастливилось так легко отделаться.

Покуда колдун говорил свою речь, Шарль перевел товарищам свой разговор с ним. Маркиз, обрадованный тем, что остался жив, разом пришел в прекрасное расположение духа, несмотря на то, что его сильно мучила экзема.

— Словом, — сказал он, в виде заключения, — хорошо все то, что хорошо кончается, и если вы хотите послушать моего совета, то расстанемся поскорее с этими милыми господами, которым я только наполовину доверяю. Прежде всего начнем с того, что опустим наши штаны и сокроем от их глаз те отвратительные рисунки, какие на них изобразил этот старый мазила. Как бы все-таки это не внушило им мысли... невзирая на ожерелье старухи, приступить к ампутации...

— Вы правы, Маркиз! Надо уходить поскорее... С этими пьяницами трудно сказать, что может случиться. Эй, да посмотрите только...

Пока они вполголоса обменивались этими словами, индейцы, которые не могли решиться так разом прервать начатый пир, нашли средство удовлетворить странные инстинкты и в то же время пощадить белых, которым покровительствовала их старая жрица.

Колдун увидел тело убитого туксау, все еще лежавшее в грязной лужице у чанов с кашири, не долго думая, он схватил свою саблю и, быстро нащупав сочленение одной из ног мертвого, одним ударом, с ловкостью опытного хирурга, отделил эту ногу и с самым серьезным видом протянул ее новому вождю. Затем с той же ловкостью он отрезал и вторую ногу умершего, которую поднес своему ученику, принявшему этот дар со всеми признаками величайшего уважения; после этого, как ни в чем не бывало, колдун возвратился к нашим путешественникам.

— Мы уходим! — коротко заявил ему Шарль, которого мутило от омерзения к старику.

— Как скажешь, вождь!

— Ты распорядись дать нам муки и копченой рыбы!

— Да!

— И пусть туксау назначит людей, чтобы проводить нас до Курукури-Оуа!

— Нет!

— Почему нет?

— Потому что сегодня праздник в малока... и, как ты сам видишь, — большой кашири. Теперь никто из воинов не пойдет отсюда. Если хочешь, можешь остаться с нами и пить кашири, сколько хочешь. А потом мы изготовим «тэикиемэ» из голеней покойного туксау и будем плясать до рассвета!

— Что вам рассказывает этот старый черт? — спросил Маркиз у Хозе.

Тот перевел ему по-португальски.

— Ну, нет! — воскликнул парижанин. — Я хочу сейчас же уйти отсюда! Пусть себе эти животные будут здесь справлять свой дьявольский шабаш, у меня нет ни малейшей охоты плясать с ними: мне все будет казаться, что у меня отнимаются ноги.

— Какое несчастье, — проговорил шепотом колдун, как будто поняв слова Маркиза, — какое несчастье, что вы повстречались с Маскупан! Ну, что же делать, видно, сегодня Ширикума еще не получат своих тэикиемэ от белых людей! Придется подождать до другого раза!

Между тем наши четверо друзей поспешно снаряжаются в дорогу: забирают, сколько можно, припасов, набивают себе карманы плодами, захватывают по сабле и спокойно уходят, не сказав ни слова, не сделав ни одного лишнего жеста. Таков обычай у индейцев.

Со своей стороны, Ширикума, занятые своими делами, также, по-видимому, не обращают на них никакого внимания и позволяют им уйти, прикидываясь совершенно безучастными.

Оставив за собой возделанные поля, искатели хинных деревьев снова очутились в девственном лесу.

Что же будут они делать, не имея при себе ничего необходимого, с запасами, которых могло хватить всего на два дня, не больше, и не имея даже компаса, чтобы проверить направление?

К довершению беды, болезненное состояние Маркиза значительно ухудшилось, несмотря на энергичный протест молодого артиста. После двух часов ходьбы по лесу он стал с трудом передвигать ноги; но, опираясь на палку, сломанную на опушке леса, он все-таки старался преодолеть свой недуг.

— Странное дело, — шутил он, — не смешно ли, друзья, что я на трех ногах двигаюсь хуже, чем вы на двух?!. При свиданнии вашем с г-жой Маскупан, вы, мосье Шарль, забыли спросить у нее один очень полезный рецепт.

— А какой именно?

— Рецепт, как ехать верхом на помеле! Как колдунье, этот род передвижения должен быть ей знаком. Теперь бы он был мне очень кстати.

Эта веселая шутка на мгновение развеселила всех и вызвала у Винкельмана такое возражение:

— Да полно вам церемониться! За отсутствием колдуньи и помела, я не хуже их сослужу вам ту же службу! Я берусь донести вас хоть до самого Атлантического океана!

— Ах, друг мой, я почти ничего не смею возразить, хотя все-таки подождите еще немного, дайте мне еще похудеть! На это потребуется немного времени: у меня желудок что-то совсем не принимает пищи, и я, право, не истреблю много провизии. Ну-ка, побежим рысью! Все равно я скоро не буду в состоянии идти, так хоть пробежать, сколько хватит сил!

Ввиду полной невозможности продолжать подъем в гору, Шарль счел за лучшее, как можно скорее, спуститься в долину. Понятно, что о разыскивании хинных деревьев теперь не было и речи. Впрочем, цель экспедиции была уже достигнута: путешественники достаточно видели, чтобы убедиться, в какой мере прибыльна может быть эксплуатация хинных деревьев в этой области.

К сожалению, прежде чем подумать об извлечении прибылей из этих щедрой рукой рассыпанных здесь природных богатств девственного леса, необходимо было вернуться домой.

А это значило пройти свыше трехсот километров по совершенно дикой стране, куда никогда еще не ступала нога белого человека, пробираться через лес, переправляться через реки, ручьи и потоки, переходить болота и топи, рисковать встречами с дикими зверями или индейцами «браво», продвигаться вперед без путеводителей и проводников, без припасов, да еще с больным товарищем, в продолжение долгих дней бродить по неизве-

стной местности. Такова была почти неосуществимая задача, перед которой отступила бы даже хорошо оборудованная экспедиция, но на которую смело отважились наши неустрашимые искатели хинных деревьев.

Местность эта пользовалась самой дурной славой и всегда была роковой для тех, кто хотел ее исследовать.

В пятидесяти километрах от того места, где находились в данный момент наши путешественники, они должны были встретить западный рукав Рио-Тромбетта-Курукури-Оуа. Неподалеку от истока этой таинственной реки находятся заброшенные поля с обгорелыми пнями и остатки покинутой деревни, носившей некогда название Манури.

Человек двадцать пять или тридцать предприимчивых французов, отправившихся на изыскания, почили здесь вечным сном, под этими развалинами. И никаких следов их пребывания здесь не осталось, кроме этих обгорелых пней и нескольких плодовых деревьев, насаженных ими и успевших уже одичать.

За пятнадцать лет пять или шесть экспедиций отправлялись исследовать Рио-Тромбетта. Но спустя несколько недель по их отправлении из Обидоса о них переставали получать какие-либо известия. Вероятно, все умерли или от лихорадки, или зарезанные Канаемэ...

Итак, наши четверо путешественников спешили покинуть область хинных деревьев и спуститься в долину Сиерры да-Луна. Благодаря спуску, путь их был несколько облегчен в продолжение первой половины первого дня. И Маркизу этот способ путешествия был как нельзя более по душе, так как приходилось все время спускаться, а это не требовало от него больших усилий. К сожалению, при спуске в низины вновь стала появляться густая растительность; лианы и другие паразитные растения образовали здесь непроходимые чащи, через которые пролегали лишь едва заметные индейские тропы.

После не столь долгого, сколь трудного пути путешественники расположились лагерем у неглубокого ручья, образовавшегося вследствие стоков с гор. Теперь у них не было гамаков, предохраняющих от холода и влаги почвы, не было и огнива, и кремня, чтобы разжечь костер и сварить себе пищу. И вместо ужина пришлось довольст-

воваться кусочком копченой, почти сырой рыбы и кассавой.

К счастью, находчивый Винкельман соорудил вместо гамака помост из жердей на подставках и сверху набросал листьев, на которые и был положен Маркиз, разбитый и измученный, трясясь от лихорадки.

Тем не менее на следующий день состояние больного настолько ухудшилось, что товарищи серьезно встревожились. Волдыри, превратившиеся в настоящие нарывы, полопались, из них вытекала желтоватая жидкость неприятного вида, и то, что при других условиях было бы просто недомоганием, легко поддающимся разумному соответствующему лечению, при данных обстоятельствах становилось весьма серьезным.

Его ноги, искусанные насекомыми, исколотые шипами и терниями, перерезанные в десяти местах режущими травами, превратились теперь в одну сплошную рану. Вспухшие сочленения почти не сгибались, причиняя бедному страдальцу невыносимую боль. Тем не менее он пытался было идти, но скоро упал от истощения. Тогда эльзасец попросту взвалил его себе на спину.

Еще опаснее был предстоявший голод: съестные припасы истощались, а лес ничего не давал. Путникам пришлось уже перейти на улиток.

На третьи сутки дело стало еще хуже. В течение целых шести часов путешественники нигде не находили ни воды, ни что-либо съедобного. Хозе стал ощущать приступ лихорадки, и Шарль уже предвидел момент, когда ему придется последовать примеру Винкельмана и взвалить себе мулата на плечи.

Между тем Курукури-Оуа должна была быть недалеко; благодаря своему превосходному знанию девственных лесов, молодой француз, так сказать, угадывал близость реки. Почва в лесу стала более влажной, флора была несомненно болотной природы, там и сям появились кайенские пальмы и группы гвианских тростников.

Молодые ростки кайенской пальмы дали возможность изголодавшимся путникам несколько утолить мучивший их голод.

Между тем местность становилась все более и более дикой. Не было и следов жилья, ни малейших признаков человеческого присутствия. Даже индейские тропы, эти смутные, едва уловимые и привычным глазом следы человеческого следа, давно пропали. Кругом, куда ни кинь взгляд, нетронутая, девственная природа во всей своей неприкосновенности.

Лес, всюду лес, из-за которого не видно солнца, не видно горизонта, под темным сводом его царит тяжелая, удушливая атмосфера, влажная, жаркая, раздражающая нервы и пропитанная разлагающимися органическими остатками.

Хозе тоже не в состоянии был двигаться дальше. Маркиз в бреду, а двое остальных, обливаясь потом, измученные этим безостановочным переходом, чувствовали мучительный голод и совершенно изнемогали от усталости.

Каждые десять минут приходилось останавливаться для передышки.

Но вот Хозе упал и не смог подняться. Шарль поднял его и взвалил себе на плечи, но эльзасец запротестовал, уверяя, что отлично снесет обоих больных.

— Ба... да еще пройду двенадцать часов не евши! — невозмутимо заявил он.

— Да вы просто с ума сошли, мой бедный друг, — возразил Шарль. — Еще минута, и с вами будет удар!

— Я считаю двенадцать с одним больным, а с двумя — ну, скажем, всего только шесть часов! А через шесть часов будет какая-нибудь перемена! Да вот, если вы согласны, сделаем так: река, как вы говорите, недалеко... Так вот, если бы вы один отправились вперед на разведку, я бы тем временем отдохнул, что вы на это скажете?

— Я скажу, что вы совершенно правы! Побудьте здесь, а я сейчас отправлюсь на разведку!

— Да, погодите минуту!

— А что?

— Вот, возьмите и скушайте это... это, конечно, немного, но все же даст вам силы на время! — с этими словами самоотверженный эльзасец достал из кармана небольшой кусочек кассавы, который он хранил у себя, не дотронувшись до него в течение почти двух суток.

Шарль, растроганный до слез этим самоотвержением, энергично отказался, но эльзасец настаивал, наконец, рассердился.

— Да полно же вам упрямиться!.. Кушайте, я этого хочу... это мой каприз! Ведь нашим больным сейчас ничего не надо, а мне здесь и на зуб положить нечего! Вы, видно, не знаете, что там я голодал целые года, работая, как несколько лошадей. Это хорошая школа, могу вас уверить!

Однако молодому человеку удалось только добиться одного — принудить его разделить с ним последний остаток пищи.

Затем Шарль исчез, хрустя на зубах касавой и стараясь как можно дольше продлить это удовольствие и обмануть свой голод.

В каких-нибудь пятистах метрах от того места, где его бедные товарищи растянулись на земле, Шарль нашел проток шириною в полтора метра.

— Наконец-то! — воскликнул он глухим голосом. — Эта тропа пирог куда лучше всякой индейской тропы, без сомнения, это приток Курукури. И сама река, вероятно, недалеко, так как она протекает между параллельными отрогами Сиерры, которые я вижу не далее, как в двух милях отюда.

Обнадеженный этим открытием, он быстро спустился вниз по течению протока на протяжении двух километров и вдруг издал радостный крик при виде величественной и красивой реки, шириною около тридцати пяти метров, текущей, как он и предполагал, на запад.

— Не подлежит сомнению, это — один из истоков Верхнего Тромбетта! — мысленно решает он. — Ведь это наш обратный путь, который приведет нас на Марони! Какая жаль, что нет у нас хорошей пироги и пары надежных весел! В два дня мы спустились бы до слияния этой реки с другим истоком Тромбетта — Уанаму, и поднялись бы по ней до того места, где были бы вблизи Тананахони, которая впоследствии сделается нашей Марони!

Э, да впрочем, когда нет пироги, то можно и без нее обойтись, изготовив плот. К счастью, в материале нет недостатка. Этот плот я могу сколотить один, пока мой

бедняга Винкельман отдохнет. Это дело всего каких-нибудь двух-трех часов времени... Однако довольно разглагольствовать! Пора за работу!..

Выбрав небольшую рощицу камбрузов, этих превосходных гвианских тростников, способных соперничать с лучшими азиатскими бамбуками, Шарль, не теряя времени, проворно срезал лучшие стволы, длиною в семь-восемь метров, и сложил их друг подле друга на землю. Как известно, бамбук чрезвычайно легок и держится на воде, как пробка, благодаря своим плотным и совершенно полым внутри стволам, перегороженным на известном расстоянии плотными перегородками.

Поработав тесаком без малого два часа, Шарль соединил тростники на концах и по краям молодыми побегами, тонкими, гибкими и крепкими, как джутовые веревки, затем, довольный тем, что ему удалось так успешно и так живо оборудовать это дело, поспешил вернуться к стоянке, где застал неутомимого Винкельмана за свежеванием громадного игуана, которого он застиг спящим.

— Победа, г. Шарль! — кричит он. — У нас есть теперь, чем закусить... Смотрите, какая ящерица, ведь в ней не меньше шести фунтов чистого мяса! А так как у нас нет огня, чтобы ее изжарить, то мы съедим ее сырой: это в значительной степени ускоряет приготовления к столу!

— Да, это дает нам возможность пообедать сейчас же!

— Какой у вас довольный и счастливый вид! Я готов поспорить, что вы нашли реку!

— Не только реку, но еще обеспечил нам и дальнейшее путешествие! Завтра поутру мы уже будем плыть по Курукури, и наши бедные больные будут спокойно лежать, тогда как нас будет нести по течению. Мало того, я предложил бы даже вам тотчас после обеда отправиться к реке, там нам будет гораздо лучше провести ночь, чем здесь.

— Как вам угодно! — согласился эльзасец. — Вот только заморим червячка, проглотим несколько кусков этой жирной живности — и я весь к вашим услугам!

Благодаря предусмотрительной заботливости Шарля, все четверо путешественников имели возможность переночевать на плоту, который спустили на воду с расс-

ветом. Затем на нем соорудили небольшой навес из листьев, чтобы оградить больных от палящих лучей солнца, и когда все это было устроено, легкое судно, управляемое Шарлем и эльзасцем, вооруженными длинными и крепкими шестами, благополучно отошло от берега.

Первый день этого плавания был особенно счастливый.

Шарлю удалось изловить огромную черепаху, которая плыла сонная, и эта черепаха надолго обеспечивала продовольствием маленькое общество. Маркиз, которого смазали с ног до головы жиром игуана, почувствовал себя несколько лучше.

Что же касается Хозе, то спокойно проведенная ночь и половина дня вернули ему отчасти его силы. Вкусный и большой кусок ящерицы, съеденный сырым, довершил его выздоровление.

Теперь он уже был в состоянии помогать товарищам в управлении плотом, управлении весьма нетрудном, заключающемся главным образом в том, чтобы удерживать плот посредине течения.

Местами они перескакивали через небольшие быстрины или пороги, но так как вода была высока, а плот очень легок, то он беспрепятственно проносился над этими преградами, и только быстрота хода его увеличивалась на время от этого.

Благодаря прочности, гибкости и необычайной легкости своего строительного материала, плот превосходно держался на воде; единственным его неудобством являлось то, что временами его захлестывало волной и плотовщики стояли по щиколотку в воде, но при температуре в сорок градусов это не так страшно.

Так прошло двое суток. На ночь приставали к берегу; пловцы по-прежнему питались сырым мясом ящерицы, но общее настроение заметно улучшилось.

Маркиз уже не бредил, только экзема по-прежнему мучила его.

На третий день, поутру, Шарль заметил, что Курукури быстро расширяется и настолько, что от берега до берега получается расстояние около ста метров и даже больше. Это заставило его предполагать, что они приближаются к слиянию этой реки с Оуанаму, совместо с которой она образует Рио-Тромбетта.

Товарищи разделяли с ним это мнение, совершенно справедливое, и радовались, что вскоре будут всего в каких-нибудь тридцати лье от Тумук-Хумак.

Однако Шарль был встревожен и озабочен: ему слишком хорошо известен характер рек Гвианы, чтобы не знать, что они все изобилуют стремнинами и водопадами страшной вышины, а потому отсутствие такого серьезного водопада на всем этом протяжении крайне удивляло его. Он опасался, что в последний момент они вдруг встретят такую громаду — и ему невольно вспомнилась Арагуари, воды которой в верхнем течении вдруг низвергаются со стены высотою в двадцать метров; Шарль предчувствовал, что и на Курукури также может быть подобная разность уровня русла.

И вдруг, когда он предавался этим тревожным мыслям, до слуха его донесся глухой рокот и шум воды.

— Я так и знал! — воскликнул он. — Эта проклятая река подобна другим здешним рекам.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил эльзасец.

— Нам надо скорее пристать к берегу, друзья, если только не поздно уже; не то нас сбросит в пропасть этот водопад! Эй, дружище, товарищи! Налегайте на шесты! Скорее к берегу!

Все схватились за шесты, погрузили их в воду, и вдруг Винкельман воскликнул:

— Гром и молния! Я не нахожу дна!

— И я тоже! — почти одновременно вскрикнули Маркиз и Хозе.

— Ах, если бы у нас был причал, один из нас доплыл бы до берега и причалил плот!

— Что делать? Боже мой, что делать?

— Поздно! Нас уже несет течением.

Шум и рокот воды приближался; зеленые волны летели вперед с быстротой птиц; вдруг река разом сузилась, образуя воронку между отвесными скалами.

Менее чем в двухстах метрах впереди река вдруг оборвалась и упала глубоко вниз. Втянутый водоворотом плот, вертясь, мчался неудержимо вперед, затем на мгновение задержался на хребте водопада, соскользнул и разом скрылся в бездне вместе со всеми четырьмя пассажирами, уцепившимися за его переплеты и поперечины.

Глава XVI

Послание отсутствующим. — После крушения плота. — Спасение. — Новые подвиги эльзасца. — Маркиз побит, но доволен. — Крокодиловые яйца на обед. — Реквизиция. — На войне приходится иногда жить за счет врага. — Фокус. — Человек-ворот. — В виду Тумук-Хумака. — Новые несчастия. — Открытие. — Голод. — Четверо суток терзаний. — Отчаяние. — Спасены. — Негры Бош. — Все хорошо, что хорошо кончается. — Эпилог.

Усадьба «Бонн Мер» на Марони
(Голландская Гвиана),
15-е Августа 188...
«Мой милый Фриц.

Завтра утром с Марони отправляется голет, который привезет вам всем вести о нас. Г. Шарль написал своему отцу подробную реляцию о нашем путешествии, совершенном нами по Независимой Гвиане, или Спорной территории. Но так как его реляция останавливается на колоссальном прыжке в воду, проделанном нами на одной из тысячи одной рек, встреченных нами на пути, то наш добрый господин поручил мне рассказать вам эту анекдотическую часть нашей экспедиции.

Прежде всего я должен сказать тебе, мой милый Фриц, что ты вполне можешь гордиться своим превосходным и благородным братом: это положительно герой, герой мужества, самоотверженности и доброты сердечной.

Что бы с нами было, если бы не он! Особенно я, о котором он заботился и за которым ухаживал, как самая нежная мать; при одном воспоминании о том у меня туманятся глаза и выступают слезы.

Никогда бы я не мог предположить в человеке столько физической силы, столько нравственной энергии и столько сердечной доброты, слитых вместе в одном человеке. Здесь, в этом письме, я, по крайней мере, имею возможность свободно высказать свои мысли и чувства, а то при первых же словах благодарности, с которыми я обращаюсь к этому удивительному человеку, он спешит зажать мне рот, как будто мое чувство признательности к нему стесняет его. Однако перейдем к фактам.

Мы очутились в самом ужасном и самом жалком положении, когда после исследований, произведенных нами в хинных лесах, после благополучного бегства от индейцев, покушавшихся на наши голени с целью изготовить из наших костей свирели или тромбоны для своего увеселения, плыли на легком бамбуковом плоту по Курукури-Оуа все четверо.

В особенно жалком положении был я, прихвативший в этой проклятой местности болезнь, которую здесь называют «empigen», и которая, в сущности, есть особый вид чудовищной экземы, представляющей собою миллионы нарывчиков, придающих человеку чрезвычайно неопрятный вид.

Твой добрый брат тащил меня на своих плечах, Бог знает, сколько времени, до того момента, когда я, наконец, очнулся, как от тяжелого кошмара, на плоту.

В течение трех суток мы не имели никакой другой пищи, кроме сырого ящеричного мяса, и считали себя счастливыми, что наше путешествие совершалось с такой относительной легкостью. Как вдруг нас подхватило бешеное течение.

Плот наш не поддавался больше управлению, шесты не доставали дна, мы кружились, вертелись, как пробка, на реке. Едва успели пожать друг другу руки на прощанье, полагая, что наша песенка спета, как вдруг нас со всех сторон обдало громадное облако алмазной, искрящейся водяной пыли, брызжущей от воды, падающей с отвесной скалы с высоты тридцати футов. Я едва только успел подумать в этот момент, что жизнь — прекрасная штука, даже когда и живешь впроголодь, когда все сочленения опухли и затекли, точно к ним привязали гири, и когда вся кожа у вас покрыта нарывами, и отказаться от жизни неприятно, как вдруг почувствовал, что лечу стремглав вниз...

Гуль... гуль... гуль... бурчит вода у меня в ушах, я ничего не вижу, бьюсь в воде, как рыба на суше, машу руками и ногами, глотаю воду, как будто хочу осушить всю реку, и машинально вцепляюсь во что-то, сам не зная во что.

Но предмет, за который я уцепился, не поддавался, и я, как сквозь сон, услышал чей-то голос, поминутно прерываемый чиханиями и фырканьем, который произнес следующие слова:

— Скотина! Ведь он и себя, и меня утопит! Подожди!..

И вот я получил по носу такой удар, что у меня сразу в глазах потемнело, и память отшибло.

А затем растирания, которые я из вежливости только назову энергичными, не находя другого слова, чтобы выразить их интенсивность, привели меня в чувство после продолжительной потери сознания, длительность которой я не могу определить с точностью.

И что же? Это опять же твой брат трудился надо мной в поте лица. Мосье Шарль делает то же самое над Хозе, у которого даже череп наполовину проломлен, так как его угораздило удариться головой о скалы.

Мало-помалу мы объяснились, и из этого объяснения я узнал, что тот предмет, в который я вцепился со всем отчаянием утопающего, был человек, а человек этот был опять же твой брат, мой патентованный спаситель!

А удар, нанесенный мне, от которого мой бедный нос посинел и следы которого и по сей час еще видны на нем, являлся, так сказать, необходимым в данном случае приемом, чтобы заставить меня присмиреть на время, без чего мы оба неминуемо пошли бы ко дну.

Это, по-видимому, даже одно из правил, преподаваемых инструкторами «Общества спасения на водах» молодым рекрутам армии спасения утопающих. Впрочем, я не жалуюсь, напротив, от всей души поблагодарил моего спасителя и с чувством искренней признательности кинулся ему на шею.

Таким образом я еще раз был спасен им. Я перестал даже считать все те одолжения, которые мне оказал этот человек: ведь, как ты знаешь, я не силен по счетной части. Я предпочитаю занести все это в один общий счет, в большую книгу моего сердца...

Каким образом и почему Винкельман и г. Шарль не были оглушены и не потеряли сознания при этом удивительном прыжке с высоты тридцати метров, этого они и сами не знают и не могут сами объяснить.

Видя меня в надежных руках, г. Шарль оглянулся кругом и увидел какой-то комок, плавающий в пене и кружащийся в воде неподалеку от нас, он поплыл к нему, схватил его и понял, что этот комок — наш Хозе, после чего, конечно, поспешил доставить его на берег.

Что же касается нашего плота, то о нем и помину не осталось. К довершению бед, мы потеряли все наши тесаки, и теперь у нас на всех четверых оставался всего только один тридцатикопеечный ножик.

Невозможно соорудить новый плот, невозможно также срезать хотя бы здоровую палку, к тому же Хозе с разбитой головой, ослабевший от потери крови, не в состоянии держаться на ногах, да и я не многим лучше с моей экземой.

Только г. Шарль и твой брат были еще в надлежащем порядке, но тем не менее положение наше незавидное: у нас теперь не было ни пристанища, ни припасов, ни оружия и при всем этом мы за сто верст отовсюду!

Мы вынуждены были оставаться хотя только для того, чтобы выработать план действий.

Нашим обычным питанием стало нечто очень необычное, а именно — мы обедали и ужинали крокодиловыми яйцами, которые Винкельман отыскал в песке.

На другой день, ради разнообразия, нам пришлось бы, быть может, питаться пиявками или же есть траву и древесные почки, за неимением ничего другого.

Но нет! Наш универсальный Винкельман опять вывез нас из беды. Он отправился на разведку, совершенно один, и пробыл в отсутствии с полдня, в то время как мы умирали с тоски на своей стоянке. Мосье Шарль не захотел оставить нас из-за внушающего опасения состояния Хозе, который бредил и за которым нужен был уход.

Вернулся наш Винкельман торжествующий и еще издали закричал: «Друзья, радуйтесь! Теперь мы нашли способ передвижения и легкий, и скорый!.. У меня есть пирога, весла и припасы».

— Быть не может! — воскликнул мосье Шарль. — Каким это образом вы все это раздобыли?

— Я произвел реквизицию!

— Полноте!

— Пойдемте за мной, и по пути вы все узнаете!

И добряк снова хотел взвалить меня к себе на плечи, но я отказался, указав ему на Хозе, который был в гораздо худшем состоянии, чем я. Ни слова не говоря, он взвалил его себе на спину, словно какой-нибудь тюк, я повис на руке мосье Шарля, и мы поспешили по следам нашего милого Винкельмана, насколько только возмож-

но быстро. Это продолжалось часа два: мы двигались так стремительно вперед, что Винкельман не имел даже времени ничего рассказать нам о своем приключении.

Наконец, мы пришли к какому-то полупесчаному, полуилистому пляжу, и что же увидели прежде всего? Двух индейцев, связанных спина со спиной веревками от гамака, лежащих на песке и в весьма неудобном, надо думать, положении.

— Это и есть те граждане, у которых я произвел реквизицию, — сказал нам твой брат, представляя нам этих двух пряничных молодчиков, которые показались мне весьма смешными. Затем он указал нам на прекрасную пирогу, лежащую на отмели всего в каких-нибудь тридцати метрах от того места, где мы стояли.

— А вот и та пирога, про которую я вам говорил. Я выволок ее на берег, чтобы эти господа, если бы им удалось порвать веревки, не вздумали спустить ее снова на воду и не уплыли на ней.

— Да ведь она весит по меньшей мере пятьсот кило!

— Даже с избытком, могу вам сказать... так что мне пришлось поработать!.. И я ручаюсь, что шесть человек таких краснокожих теперь не спустят ее на воду.

— Ну, а как все это случилось? — спросил я.

— Да проще простого! — ответил он. — Иду я здесь по берегу, вижу: эти краснокожие рыбу ловят. Говорю им по-португальски: «Нас там четверо путешественников, согласны вы отвезти нас в пироге к истокам Оуанаму?» На это один из них, который понимает по-португальски, говорит: «Нет!» — «Мы вам хорошо заплатим», — говорю. «Нет! и еще раз нет! и опять нет». «А, так? Ну, в таком случае я не стану с вами так много церемониться. Ваши братья краснокожие ограбили нас, и благодаря им мы теперь в таком безвыходном положении! Ну, так в последний раз спрашиваю вас, согласны вы или нет». «Нет!»

Тогда я, не говоря дурного слова, схватил каждого из них за одну ногу, подтащил, как двух телят, к пироге, схватил там конец веревки от гамака и затем надлежащим манером связал их друг с другом, чтобы им не скучно было врозь. После того вытащил пирогу на берег и помчался, что есть духу, к вам. Так ли и правильно ли я поступил, г. Шарль?

— Так, мой славный Винкельман, так! Лучше нельзя было бы придумать! — отвечает наш набольший. — Бессовестный грабеж их единомышленников вполне оправдывает этот несколько бесцеремонный образ действий.

Затем, так как у нас не было ни гроша за душой, то мосье Шарль предложил индейцам доехать с нами до Марони и получить там такое вознаграждение, которое обогатило бы их на всю жизнь.

Но эти скоты продолжали твердить: «Нет и нет!»

Ну, тогда мы оставили этим бессмысленным дикарям их тесаки, провиант, гамаки, один из луков, у которого, однако, сняли тетиву и наконечники стрел, оставив себе часть провианта, один лук и с полдюжины стрел. С волками жить — по-волчьи выть! Приходится иногда, поневоле, жить за счет неприятеля!

Покончив с этим, мы, не теряя времени, пустились в путь. За то время, пока индейцы успели бы сплести новую тетиву для своего лука и приделать древки к наконечникам своих стрел, мы уже будем далеко, и нам нечего будет опасаться их мщения.

Не правда ли, нам не в чем себя упрекать? Ведь мы же относились к ним несравненно лучше, чем Атторради к нам!

...Мосье Шарль и Винкельман сели на весла и мы понеслись по реке! Какая это была радость для нас!

К несчастью, на реке встречалось много порогов, и нам приходилось обходить эти препятствия. И если бы с нами не было этого короля-человека Винкельмана, то мы, вероятно, десятки раз застревали бы в пути.

Но этот силач решительно все может! К великому нашему огорчению, случалось, однако, так, что мосье Шарль схватывал солнечный удар, от которого он на целых двое суток делался совершенно сумасшедшим. Это уже верх всяких бед!

Хозе все еще лежал в бреду. Мосье Шарль совсем рассудка лишился, и я немногим лучше их обоих.

Только один Винкельман поспевал повсюду и управлялся со всеми. Он и греб и прерывал иногда свою греблю, только чтобы накладывать компрессы на голову мосье Шарля и делать перевязки Хозе, и смазывать мои раны жиром, и снова брался за весла. Но вот по дороге встретился водопад. Тогда он перенес каждого из нас поодиночке на берег, вытащил пирогу и затем снова спу-

стил ее на воду пониже водопада, усадил нас в нее и опять принялся грести.

Целый отряд людей умер бы от изнурения и непосильного труда на его месте, а он все выносил и даже ни на что не жаловался.

Но Уоанаму все суживалась постепенно и вскоре превратилась в игаранэ, в тропу для пирог, а дальше еще в тропу для кайманов, достигая не более одного метра ширины и пятидесяти сантиметров глубины.

Наконец, наше плавание окончилось за отсутствием воды. Но перед нами выросли плоскогорья Тумук-Хумак. Боже мой! Если бы все мы были в добром здоровье, то через два часа увидели бы Тонанахони, этот северный исток Марони, но мы — увы, — неподвижны, как черепахи, перевернутые на спину.

Попытаться взобраться один за другим на эти возвышенности было бы верхом безумия, и, невзирая на свое громадное мужество и решимость, Винкельман не пытался даже предпринять ничего подобного.

Он устроил нас в пироге, превратившейся теперь в маленький карбет, положил нам поближе припасы и со слезами на глазах сказал мне:

— Я ухожу на поиски, и, быть может, долго не вернусь! Быть может, день, быть может, два, быть может, три... Как знать! Здесь есть для вас пища. Вы — здоровее остальных, у вас голова почти в полном порядке, позаботьтесь же о тех двух, когда меня не будет. Я постараюсь спасти вас всех, и если не вернусь, то значит, я умер, исполняя свой долг.

И, поцеловав меня крепко, он ушел.

Я не могу без слез вспоминать об этом чудном самоотверженном человеке.

Прошли два дня, затем три, о нашем друге не было никаких известий.

...Мы за это время почти не страдали: у нас на пироге хорошо; съестных припасов тоже было достаточно. Но что с ним?! Что могло постигнуть его за это время?

Мосье Шарль, состояние которого за это время заметно улучшилось, и который теперь был на пути к выздоровлению, стал рассуждать вполне разумно к этому времени. Хозе тоже стало лучше, а я, в крайнем случае, мог тоже пройти шагов пять, не свалившись с ног.

Можешь представить себе наше отчаяние?

И вот мосье Шарль, который с трудом держался на ногах, решил во что бы то ни стало идти разыскивать нашего бедного друга, все мы согласились с ним.

За полчаса мы успели отойти на каких-нибудь сто шагов, не дальше; силы изменили нам, и мы один за другим, как чурки, повалились на землю в полном изнеможении.

Отлежавшись, с неимоверным трудом добрались до своей пироги и растянулись в ней ни живы, ни мертвы.

После бессонной, мучительной ночи занялся четвертый день. Страх и тревога не давали нам сомкнуть глаз. Все припасы вышли. Если к нам не придет спасение, все мы обречены на голодную смерть. Это — только вопрос времени. А там муравьи — маниоко — позаботятся о наших бренных телах. Бррр! У меня и сейчас еще мороз по коже пробегает, когда я вспоминаю об этом.

Наступила ночь, отчаяние овладело нами.

— Мой Винкельман! Мой бедный Винкельман умер! — воскликнул душераздирающим голосом мосье Шарль.

Я заревел, как белуга, а Хозе жалобно застонал, как больной ребенок.

— Винкельман умер? Да полно вам! — вдруг раздался радостный голос среди мрака ночи. Затем появились огни; с полдюжины громадных негров, ростом по шести футов каждый, рысью приближались с зажженными факелами, нагруженные съестными припасами, как вьючные мулы. Впереди них мчался человек, весь запыхавшийся, и кричал:

— Друзья мои, это я!.. Теперь вы спасены!

Развязка, как в пятом акте пьесы! В двух словах все объяснилось. Эти негры Бош, из Голландской Гвианы, которых разыскал Винкельман более, чем в двадцати милях отсюда, прекрасно знали Робэна и его сыновей, и по первому слову Винкельмана поспешили на помощь к одному из них.

Поужинав, как артисты после удачного представления, мы пели, смеялись и плакали от счастья и радости, рассказывали друг другу разные истории, и в конце концов все заснули счастливым сном праведников.

Все остальное обошлось так хорошо, что бесполезно даже и рассказывать. Негры Бош, сложенные так же, как Винкельман, уложили нас каждого в гамак, продели в

гамаки по жердине, подняли жердь себе на плечи и понесли нас бодрой походкой.

Два дня спустя мы уже были снова в пироге с таким экипажем и такими гребцами, каких никогда не имел на своем катере ни один адмирал. Оберегаемые и балуемые, как дети, откармливаемые, как настоятели монастырей, мы спокойно поплыли вниз по течению на протяжении приблизительно трехсот километров и, наконец, прибыли к усадьбе «Бонн-Мер».

Ты не можешь себе вообразить, какое волнение вызвал наш приезд! Никто нас не ждал. Все думали, что мы на Арагуари и вернемся на голете, так как Робэн-отец не счел нужным сообщить дамам о наших скитаниях, не желая причинять им лишних беспокойств.

Итак, что тебе еще сказать?

Все хорошо, что хорошо кончается, не правда ли? А потому я на этом и закончу эту последнюю главу из истории наших приключений,

Но прежде чем сложить это письмо, я все-таки должен сказать, что здесь по тебе порядком скучают; и твоя супруга, а также и жена Раймона с нетерпением ждут момента, когда они вновь свидятся со своими мужьями.

Этот момент, по-видимому, уже не так далек, так как здесь заходит речь об организации большой и серьезной экспедиции для эксплуатации Долины Хинных деревьев.

...И тогда вы все вернетесь, а серингаль на Арагуари останется на весь этот сезон на попечении негров Бони. Мосье Шарль уже разрабатывает план этой новой экспедиции.

Нам предоставлены будут паи в этом крупном и прибыльном деле, или, вернее, каждый из нас будет одним из компаньонов этого дела, и мы станем богатыми людьми, настолько богатыми, что не будем знать, куда девать деньги.

Вот, мой милый товарищ, каково в данный момент наше положение.

Я не скажу ничего более, чтобы приберечь тебе хоть какой-нибудь приятный сюрприз ко времени твоего приезда сюда.

Передай наше глубокое почтение многоуважаемому Робэну, поцелуй за меня Раймона и верь моей братской привязанности к тебе.

Твой Маркиз.

P.S. Наконец-то мне удалось убедить твоего брата приписать к этому письму несколько слов от себя. Этот превосходный малый не много говорит и еще меньше того пишет, но зато много делает... Как раз наоборот, по сравнению с большинством людей".

«Дорогой брат Фриц!

Все здесь меня очень берегут и балуют не по заслугам, так что я этим совершенно сконфужен. Право, я не сделал ничего, кроме того, что было вполне естественно. Я только что прочел письмо нашего друга Маркиза, который всегда ужасно сердится, если я называю его «господин Маркиз», и скажу, что он, право, слишком добр ко мне, то, что я сделал, в сущности, не заслуживает, чтобы об этом так много говорили! Но если это может быть тебе приятно, то я очень рад.

Любящий тебя брат Жан Винкельман".

ЭПИЛОГ

Прошло шесть месяцев со времени возращения смелых исследователей девственных лесов.

Как это и предвидел в своем письме Маркиз, г. Робэн, его сын Анри, Фриц и Раймон вскоре прибыли на Марони, а вновь отстроенный серингаль на Арагуари был поручен попечению негров Бони. Мартиникиец Амелиус и араб, которым тогда удалось бежать во время избиения, присоединились к неграм и индейцам плантации, оставшимся в живых, и теперь вернулись вместе с ними. Оба они являются прекраснейшими надзирателями за рабочими, и услуги их вполне оценены.

Таким образом в этом отношении все обстоит благополучно.

С другой стороны, Робэн, сумевший понять громадную важность исследований, произведенных Шарлем и его славными сподвижниками, организовал большую экспедицию, которая благополучно и беспрепятственно достигла Долины хинных деревьев со стороны, обратной пути наших исследователей.

Счастливо достигнувшая места назначения экспедиция тотчас же приступила к работам, и в настоящее время хинные деревья Сиерры да-Луна прекрасно экс-

плуатируются. Прибыли, получаемые от этого дела, так велики, что даже теперь превосходят все ожидания артистов, они, в былое время ютившиеся кое-как под крышами или в убогих лачугах, теперь на пути стать миллионерами.

Но они этого даже и не желают, так как решились прожить остаток своих дней в этом тихом уголке, залитом солнцем тропической Америки, где жизнь так легка и дешева, где для того, чтобы жить, как набобы, требуются сравнительно незначительные расходы. Но Маркиз уверяет, что избыток земных благ никогда не вредит, и предполагает значительную часть своих сбережений посвятить на учреждение кассы для пособия нуждающимся артистам. Раймон и Фриц обоими руками подписались под этим добрым делом, которое должно было быть немедленно приведено к исполнению.

Мулат Хозе, ставший сотским или «мажордомом», как их там называют, над каскарильеросами, получил также свою долю паев и сделался компаньоном по эксплуатации хинных деревьев. Затем он превратился, по примеру трех французов, в гвианца, выписав к себе свою жену и детей, которых он поселил на Марони, где усадьба старика Робэна по-прежнему осталась главным центром всех эксплуатаций, производимых «Робинзонами Гвианы».

Теперь еще одно последнее слово о Винкельмане.

Рассказы о его геройском поведении, переданные Робэном губернатору Французской Гвианы, побудили последнего обратиться с настойчивой просьбой к президенту республики о помиловании Винкельмана.

Просьба губернатора Гвианской колонии была уважена президентом, и с первой почтой пришло полное помилование эльзасцу Жану Винкельману, сделавшее его совершенно счастливым человеком.

И этот человек — далеко не последний из числа доблестных колонизаторов Долины Хинных деревьев.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Людоеды 7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ Скитальцы 183

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Долина Хинных деревьев 379

Б 92 Буссенар Л. Охотники за каучуком. / Илл. О. Яруничева; пер. с франц. — М.: ДИАМАНТ — ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО, 1993. — 576 с (Серия «Библиотека приключений продолжается...»)

ISBN 5-7356-0006-0

Действие остросюжетного романа классика приключенческого жанра Луи Буссенара разворачивается в непроходимых джунглях Гвианы и Бразилии. Ослепленные погоней за наживой тысячи отважных искателей приключений отправляются на поиски драгоценного каучука, на встречу с опасностями, дикой природой и дикими племенами.

ББК 84.4 Фр

Луи Буссенар

ОХОТНИКИ ЗА КАУЧУКОМ

литературно-художественное
произведение

Редактор Т. Кудина

Художественный редактор Е. Соколов

Технический редактор Г. Ермакова

Корректор Т. Жихарева

Производственно-коммерческая фирма «Диамант»
125008, Москва, 3-ий Михалковский пер., 8-2

Производственно-коммерческая фирма
«Печатное дело»
119034, Москва, 2-ой Обыденский пер., 14

Сдано в набор 15.06.93 г. Подп. в печать 25.09.93 г. Усл. печ. л. 27,72. Уч.-изд. л. 28,05. Формат 84×108/32. Печать высокая. Тираж 26 000 экз. Зак. 513. «С»-113.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор», 197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Библиотека Прикл

чений
продолжается...